РОБЕРТ ЭДЕЛЬМАН

МОСКОВСКИЙ «СПАРТАК»

ИСТОРИЯ НАРОДНОЙ КОМАНДЫ В СТРАНЕ РАБОЧИХ

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ROBERT EDELMAN

SPARTAK MOSCOW: A HISTORY OF THE PEOPLE'S TEAM IN THE WORKERS' STATE

Cornell University Press, 2009

РОБЕРТ ЭДЕЛЬМАН

МОСКОВСКИЙ «СПАРТАК»: ИСТОРИЯ НАРОДНОЙ КОМАНДЫ В СТРАНЕ РАБОЧИХ

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2025

УДК 796.034.6
ББК 75.578
Э19

Перевел с английского
Сергей Бондаренко
Научный редактор
Михаил Велижев

Эдельман Р.
Московский «Спартак»: История народной команды в стране рабочих / Роберт Эдельман ; [пер. с англ. С. Бондаренко; науч. ред. М. Велижев]. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. — 454 с., [16 с.] ил.

ISBN 978-5-94380-383-3

Spartak Moscow: A History of the People's Team in the Workers' State, by Robert Edelman, originally published by Cornell University Press
Copyright © 2009 by Cornell University
© Edelman R., 2025
© Бондаренко С. А., перевод на русский язык, 2025
© Европейский университет в Санкт-Петербурге, издание на русском языке, 2025

«Московский "Спартак"» Роберта Эдельмана — это история советского общества, рассказанная на материале создания и хроники существования самой популярной в России футбольной команды. Каждый период в летописи отечественного футбола связывается с политическим и культурным контекстом: от появления футбола в 1890-е годы до распада СССР в 1991-м. «Спартак» — своего рода case study, социальный институт, меняющийся во времени. Автор рассматривает советский футбол как «спорную территорию», поле взаимодействия между властью и обществом, а практику боления за «Спартак» в определенные исторические периоды — как своеобразный способ сказать «нет» окружающей действительности.

Уникальность настоящего издания в том, что на русском языке о социальной истории спорта как части культурной истории в целом написано крайне мало. Книга адресована не только специалистам, занимающимся советским периодом. Она представляет собой настоящий научный бестселлер, отражающий современное состояние гуманитарного знания, который будет интересен самому широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	9
Предисловие к американскому изданию	15
Введение	22
1. Спартаковские корни, 1900–1917 годы. Районный футбол	34
2. До появления «Спартака», 1917–1935 годы	75
3. Вызов принят, 1936–1937 годы	120
4. На вершине и на дне, 1937–1944 годы	160
5. Золотой век советского футбола. «Спартак» в упадке, 1945–1948 годы	191
6. Возрождение «Спартака», 1949–1952 годы	224
7. Оттепель, перемены и возрождение, 1953–1956 годы	262
8. Прощай, золотой век, 1957–1964 годы	307
9. И жили они долго и переменчиво, 1964–1991 годы	343
Заключение	402
От переводчика	407
Примечания	409
Указатель имен	447

Луизе, Николасу и Элизабет Эдельман

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Словом «хуцпа» на идиш обозначают свойство характера, которое можно перевести как «наглость» или «бесстыдство». Моя история еще хуже. Представьте себе ситуацию: человек убивает своих родителей, а затем просит у суда снисхождения на том основании, что он сирота. Сама мысль о том, что американец может написать книгу о самой популярной советской футбольной команде, это, конечно, хуцпа. Я думаю, что российского ученого, прожившего много времени в США и затем написавшего книгу о бейсбольном клубе «Нью-Йорк Янкиз», почти наверняка просто проигнорировали бы или, хуже того, осмеяли.

В 1965 году я впервые приехал в Москву, поселился в общежитии МГУ и там подружился с компанией парней, которые стали брать меня на футбол и посвящать в историю вопроса. Более тридцати лет я верил в спартаковский семейный роман. А когда решил написать о моей любимой команде, то вскоре обнаружил, что в этой истории больше идеологии, нежели реальности. Я поделился своим исследовательским планом с американскими коллегами, и надо мной просто посмеялись. Сомнительное исследовательское поле «спортивной истории» было маргинальным, мало кто считал его достойным профессии историка. Временами мне казалось, что я прострелил себе обе ноги. И все же я продолжал верить, что смогу сделать хорошую мину при плохой игре, а футбольная история поможет мне ответить на вопросы советской истории в целом.

С этими идеями я вновь приехал в Москву. Здесь меня приняли всерьез не только журналисты, футбольные чиновники и игроки, но, к моей огромной радости, и профессиональные

ученые. Меня немедленно познакомили с Александром Вайнштейном — помимо прочего, литературным редактором последних и наиболее откровенных мемуаров Николая Старостина. Я спросил его, был ли «Спартак» диссидентской командой. Он посмотрел на меня так, словно я тронулся умом: «„Спартак“ был советской командой. Николай Старостин — советским человеком. Советская власть подняла его наверх. Советская власть отправила его в лагерь. Советская власть освободила его, и она же поддерживала его в дальнейшем». В тот момент я осознал, что мне нужно вернуться назад и начать с чистого листа. В 1990-м, при помощи Леонида Трахтенберга, я получил возможность проинтервьюировать самого Николая Петровича. Мои вопросы в то время были наивны, однако 88-летний спартаковский патриарх отвечал подробно и терпеливо. За время полуторачасового разговора он ошибся лишь в одной незначительной детали. Вскоре после этого мой близкий друг Владимир Титоренко — в то время редактор газеты «Спорт-Экспресс» — представил меня главному советскому футбольному историку Акселю Вартаняну. С 1987 года Вартанян работал во всех советских архивах, больших и маленьких, изучая по ним историю местного футбола. Он стал моим наставником, объяснил, куда и к кому идти и о чем спрашивать. Когда я находил что-то интересное, то обращался к нему за советом и комментарием. Я всегда буду благодарен ему за помощь.

Я начал с изучения знаменитого матча 1936 года на Красной площади — этот матч был частью ежегодного физкультурного парада. Та игра представлялась мне неким элементом спонтанности в полностью подконтрольном властям политическом театре, к которому естественным образом относился и парад. Так это описывали братья Старостины, и изначально я разделял их мнение. Да и сам матч, скажем так, не был чистой импровизацией. Конечно, это было не столько спортивное состязание, сколько показательная демонстрация того, что такое футбол. Партийная элита, в большинстве своем марксисты старой закалки, унаследовали от классической русской интеллигенции традицию смотреть на спорт в целом и на футбол в частности сверху вниз. И Сталин, стоявший на мавзолее Ленина рядом со своими товарищами, в этом смысле не был исключением. Единственная опасность заключалась в том, что диктатор, которому футбол был безразличен, быстро заскучает.

Еще пару слов о самом параде. Изначально я смотрел на него как на апофеоз тоталитаризма — порядок, дисциплина, контроль — все, что так далеко от импровизации и футбола. Неслучайно стандартным журналистским ходом в западных постсоветских документальных фильмах о сталинском периоде был монтаж эпизодов с этого парада. Теперь, познакомившись с работой американского исследователя Карен Петрон «„Жить стало веселее, товарищи“: Праздники сталинской эпохи» (2000), мы знаем, что сами парады были далеки от упорядоченности и монолитного единства, которые государство стремилось продемонстрировать. Когда в 1995 году я показывал на конференции документальные съемки этого парада, Карен спросила меня, видел ли я вырезанные из финального монтажа фрагменты. Оказалось, что из записи были тщательно убраны все эпизоды, идущие вразрез со сценарием. Там обнаружилось немало заминок, нарушений протокола и не очень трезвых участников. Оказалось, что и сам парад, за право участвовать в котором боролись разные институты советского общества, был классическим примером спорной территории, на которой демонстрировались различные варианты понимания того, что такое коммунистический спорт.

Видимость бывает обманчива. В 1984 году по советскому телевидению показывали фильм «Футбол нашего детства». Это кино было частью целой серии передач о повседневной жизни последних сталинских лет. Какие выводы делали западные историки, глядя на картину счастливой и беспорядочной толпы, радующейся с таким трудом завоеванному миру, и встречам со старыми друзьями? Футбольный стадион был тем местом, где советских людей объединяла самая главная русская идея — выживание. Вернувшись с войны, они праздновали здесь сам факт продолжения жизни. Показывают ли западные документалисты эти кадры в своих фильмах о холодной войне? И если нет, то почему? Скрывают ли эти сцены хаотического веселья репрессии позднего сталинизма? Или это вариация на тему «хлеба и зрелищ» (пусть хлеба чаще всего и недоставало)? Много лет назад я показывал это видео в Калифорнии на конференции о позднем сталинизме, организованной Арчем Гетти. По мнению весьма компетентной аудитории, эти сцены — приятное исключение из весьма мрачного общего правила. Тогда я указал в кадре на лицо невероятно популярного спортивного комментатора Вадима Синявского

и спросил, кто это. Никто, даже великая Шейла Фицпатрик, не смог ответить на вопрос.

Среди историков спорт всегда оставался колоссальным слепым пятном. Но время и наука не стояли на месте. Современные исследования о последнем десятилетии жизни Сталина дали нам значительно более сложное и многостороннее понимание той действительности, отличающееся от грубого оруэлловского образа времен холодной войны. Восточная трибуна стадиона «Динамо» в 1948 году точно не вписалась бы в его тоталитарную картину мира. И раз уж мы здесь фантазируем, окажись он на стадионе «Динамо» году этак в 1946-м, не повлияло бы это на сюжет его романа «1984»?

Если (а это большое если) позднесталинские фильмы и книги были скучны и дидактичны, то остальные формы поп-культуры, особенно танцы, джаз и спорт — телесные практики, демонстрировали совсем иную картину. И опять-таки, если партийная элита занималась идеологической работой, то как нам относиться к тому, что простые люди выказывали иные предпочтения? Разрешите мне напомнить об известном тезисе Пьера Бурдьё: тело может выразить то, что ум или речь выразить не в состоянии — даже безопасную форму протеста. Из работ Юлиане Фюрст мы знаем, что конец 1940-х был временем танцевального безумия: в деревнях, переполненных городских квартирах и привилегированных московских домах, где дети элиты танцевали под музыку, именуемую джазом. Важно помнить и то, что стиляги, молодые хипстеры, бросающие вызов окружающему их миру, появились во времена позднего сталинизма, а не в период оттепели, когда они пережили свой расцвет.

Джаз был повсюду, и при жизни Андрея Жданова, и после его смерти в 1948-м. В ходе своей работы я как-то просматривал «Вечернюю Москву», на последней странице которой находились рекламные объявления из ресторанов, где выступали оркестры, проводились танцы и да, играли джаз. На картинке из музыкального магазина среди прочего был нарисован и саксофон. Я был слегка ошарашен. Одно из общих мест в западных книгах об этом периоде — упоминание о запрете на использование саксофона в СССР. В книге Фюрст напечатана фотография с саксофонами на комсомольских танцах. Когда я интервьюировал Никиту Симоняна, он вспоминал, как в 1949 году тысячи болельщиков старались попасть на подмосковную базу команды,

чтобы наблюдать за тренировками. Вместе с ними приезжали лучшие танцевальные группы из Москвы, выступавшие в одном из павильонов на территории базы. Я спросил его, какую музыку они играли. Симонян ответил: «Джаз». Тогда я уточнил, если они играли джаз, был ли у них саксофон? «Ну конечно, у них были саксофоны, — удивился он, — это же был джаз». Так что же, история о «запрещенном саксофоне» — городская легенда? Думаю, что да. Мы узнаём все новые детали о живом опыте тех лет, и футбол, очевидно, тоже был частью той неизвестной жизни.

Процесс урбанизации, не всегда тщательно спланированный, принес с собой неизбежное раскрепощение, а также стихийность, которые создает большое скопление людей, собранных вместе на небольшой территории. Люди вступали друг с другом в непредсказуемые отношения. И именно здесь футбол, дитя индустриальной революции, может помочь нам понять во всех нюансах, как была устроена жизнь советского человека. Речь не о том, что спорт просто отражал существующую реальность. Во многих случаях он маскировал ее, и задача исследователя — иметь достаточно мудрости, чтобы это почувствовать.

Один из выводов, к которому в определенный момент пришел и я, заключался в том, что футбол был чем-то вроде уловки, капиталистическим агентом, существовавшим где-то внутри, между шестеренок авторитарного аппарата. Идеологи неограниченного капитализма считали, что исторически порядок придет вместе со свободным рынком, его нерегулируемой активностью. Может быть, спонтанность футбола выражала или сформировала рынок как таковой и в этом конкретном случае? Был ли советский футбол частью становления гражданского общества, с трудом прораставшего сквозь препятствия командно-административной системы? Изначально я верил в это и имел в виду очевидный пример «Спартака», который использовал капиталистические методы еще до революции 1917 года и делал это вплоть до эпохи зрелого сталинизма. И в этом я тоже оказался неправ.

Чем же советский футбол отличается от буржуазной версии этой игры? Прежде всего, он не был коммерческим предприятием. Игроки ничего не рекламировали, система не обзаводилась звездами, которые могли бы представлять советские бренды. Долгое время ни на домашних, ни на международных матчах на стадионах не выставлялись рекламные щиты. Хотя

игры и показывали по телевидению, процент таких матчей был невелик. У игроков редко брали интервью, лица комментаторов практически не появлялись в кадре. Игроки не являлись товаром, который продавался и покупался. Хотя многие атлеты принудительно отбирались в армейские команды и в команды госбезопасности, тем менее футболисты, как правило, могли выбирать себе место работы. Билеты продавались дешево, несмотря на существование черного рынка. На больших матчах влияние и связи могли сыграть нужную роль. Кроме правительственных лож на стадионах практически не было «дорогих мест», где привилегированная публика отгораживалась бы от обычных людей.

Конечно, нельзя игнорировать факт вмешательства государства в игру, это было совершенно очевидным. Другим фактором, касающимся клубного футбола, являлось то преимущество, которое получали в странах восточного блока команды силовых структур. Особенно это касалось бюджета и возможности привлечения талантов. Зачем переманивать игрока деньгами, если его можно просто призвать на службу? В то же время футбол создавал пространство для автономии, даже «свободного» выбора. Никого нельзя было заставить болеть за армейскую или милицейскую команду. Никто не слышал ранним утром стука в дверь и не отправлялся под ружьем на стадион болеть за ЦДКА и «Динамо». Болельщики могли выбирать предмет своей любви, руководствуясь своими внутренними побуждениями. Советский антрополог Левон Абрамян называл эти группы «избранными сообществами», в которых граждане могли испытать чувство свободы.

Но вовсе не все болельщики выбирали «Спартак». Лев Кассиль был неправ, когда говорил, что «все приличные люди болеют за „Спартак“». «Приличные люди» могут болеть и за команды силовых структур. Ахматова говорила, что в послесталинском обществе встретятся те, кто сидел, и те, кто сажал. И это тоже не отражает всей картины. А как быть с десятками миллионов людей, которые не сидели и не сажали? Истина где-то посередине, и эта середина постоянно подвергается переосмыслению. Мы можем лишь спорить о том, что означает тот или иной сделанный нами выбор. И лучше заниматься этим со всей возможной скромностью, а не хуцпой.

Ноябрь 2018 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

С тех пор как я начал интересоваться футбольным клубом «Спартак», прошло более сорока лет. Это было лето 1965-го года, моя первая поездка в СССР. Я приехал в МГУ учить русский язык. Война во Вьетнаме только разгоралась, и я, как и многие другие студенты, был тогда далек от восхищения США и их империалистической политикой. Подобно многим иностранцам, я отправился в Москву, чтобы увидеть, как устроено «будущее». До этого я три года изучал русскую историю и понимал, что у СССР немало проблем, но все же рассчитывал найти здесь что-то привлекательное. Спустя примерно месяц после приезда нашу группу повели на стадион им. Ленина смотреть финал кубка между «Спартаком» и минским «Динамо». Не могу сказать, что это была любовь с первого взгляда. Опыт оказался пугающим: хаотические впечатления, не в меру ретивая милиция, избивающая пьяных и буйных болельщиков. О походе в туалет в перерыве я лучше вообще промолчу. Уже к вечеру того дня я пришел к убеждению, что большевистская революция была большой ошибкой. Советские футбольные болельщики служили сомнительной рекламой того, что многие из нас позже стали называть «развитым социализмом».

В 1970 году я приехал снова, чтобы подготовить свою диссертацию, посвященную российскому дворянству в предреволюционную эпоху. Жить и работать в СССР мне тогда было трудно, и я подумал, что нужно найти какое-то занятие, например спорт, чтобы можно было отвлечься и справляться со стрессом, как я привык это делать в Америке. Я подружился со студентами, которые с радостью стали брать меня на футбольные матчи. Раз

десять приняв участие в таких походах, я задался вопросом, почему мы посещаем только матчи «Спартака», а также непременно идем на футбол, можно ведь посмотреть и соревнования по спортивной гимнастике, например. И тогда мои друзья усадили меня и стали объяснять: футбол — это «народная игра», «Спартак» — «народная команда», а «все эти олимпийские виды спорта никому не интересны». Также они сообщили мне, что все ненавидят КГБ, который поддерживает «Динамо», и что «Спартак» противостоит «Динамо». И более того: основателей команды в ГУЛАГ «отправил Сталин». Соперничество «Спартака» и «Динамо» являлось величайшим противостоянием за всю историю советского спорта. Если сравнивать с международным опытом, то столь же политически насыщенной всегда являлась борьба мадридского «Реала» и «Барселоны» в Испании или дерби Old Firm в Глазго — «Рейнджерс» и «Селтика», или же дерби в Буэнос-Айресе — вечное противостояние «Бока Хуниорс» и «Ривер Плейт». Для такого человека, как я, любителя спорта и критика советского режима «слева», это звучало даже слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я мог стать болельщиком «Спартака» и найти подтверждение своим политическим взглядам. В действительности, как выяснилось позднее, все оказалось гораздо сложнее. Соответственно, и подзаголовок этой книги следует воспринимать скорее иронически, чем героически.

В течение последующих лет, продолжая заниматься поздней имперской историей России, я никогда не упускал случая посмотреть игру «Спартака». И я всегда мог рассчитывать на очередной разговор на трибунах, очередную историю от какого-нибудь своего приятеля о том, как обстоят дела. Похожие разговоры велись на советских кухнях, и в них также складывался образ «Спартака» как некоей формы разумного сопротивления. Это не означало, что мои знакомые любители футбола хотели бы оказаться за одним столом или преломить хлеб с Сахаровым или Солженицыным. Они не были диссидентами. Пусть им и не все нравилось в окружающем их мире, но свергать коммунистический режим они не собирались. Скорее, «Спартак» давал им возможность безопасно выражать сложный и противоречивый набор чувств.

В Москве я занимался тем же, что делают болельщики по всему миру. Каждый день старался читать «Советский спорт», самую популярную газету в Советском Союзе. В 1975 году

в валютном магазине я купил маленький телевизор и принес его в свою комнату в общежитии Московского университета. Я старался по возможности не пропускать ни одной игры и одновременно продолжал учить русский язык. Спустя некоторое время я уже мог поддерживать разговор об игре с московскими таксистами. Так у меня появилась общая тема для обсуждения с большинством советских граждан. При авторитарном режиме сложно завоевать доверие незнакомца, но футбол служил той связующей нитью, которая могла стать основой для более глубоких дружеских отношений. Футбол был пропуском в те слои советской жизни, которые обычно оставались недоступными для заезжих исследователей, чьи контакты с советскими гражданами, как правило, ограничивались кругом ученых. За некоторыми примечательными исключениями, знаменитая русская интеллигенция оставалась равнодушной к таким проявлениям массовой культуры, как спорт. Для большинства этих людей, глубоко погруженных в мир мысли, тело не представляло особого интереса.

Десятилетиями западные ученые поступали так же, как и их советские коллеги. Спорт никогда не становился объектом научного внимания. И я не был исключением. Мне не приходило в голову, что свой интерес к советскому спорту я могу превратить в научное исследование; написать книгу на такую тему означало неизбежную маргинализацию в академическом сообществе. И тем не менее случилось так, что в 1986 году Стэнфордский университет санкционировал научные изыскания в этой области, организовав международную конференцию, посвященную спорту. Меня пригласили прочитать доклад по одной простой причине — я занимался российской историей, а также работал фрилансером для агентства Associated Press, готовя материалы про НБА. На тот момент в США больше не нашлось никого, кто бы работал над этой темой. Это было время ранней перестройки, и я решил сделать доклад о том, как на тот момент обстояли дела со зрелищными видами спорта в СССР, используя в качестве источников «Советский спорт» и незадолго до того ставшие доступными записи телевизионных передач, которые мне предоставил Колумбийский университет и институт RAND в Санта-Монике. Доклад я сделал, но продолжил собирать материал во многом потому, что это приносило мне удовольствие. «Работа» выглядела так: я вставлял кассету в магнитофон, открывал пиво и откидывался назад для просмотра. Спустя пару лет я прочитал

лекцию в Мичиганском университете, после которой несколько коллег стали убеждать меня, что из этого может получиться книга. После некоторых сомнений я решил продолжить работу, но с тем убеждением, что это должно быть именно историческое исследование, а не комментарий к текущим событиям.

Исследовательскую часть я закончил в 1990 году, поработав в библиотеке «Советского спорта». Советский Союз еще существовал, и в нужные архивы доступа я не получил. Другой проблемой оказалось то, что никто не хотел разговаривать со мной открыто. Книга вышла в 1993 году и охватывала сразу несколько видов спорта[1]. Я продолжал интересоваться темой, но совершенно не собирался писать еще одно исследование о спорте. Однако в 1999 году обстоятельства изменились. История спорта, в особенности футбола, обратила на себя всеобщее внимание. Открытие архивов после 1991 года вызвало взрывной рост количества работ по советской истории. Появились новые вопросы, но для ответов на них в большинстве случаев не хватало материалов. Многим стало ясно, что нужны новые виды источников, новые темы и аналитические подходы.

В силу советской специфики именно спорт предлагал особенно богатый материал для новых интерпретаций. К тому моменту, как я решил заняться этим сюжетом, уже на протяжении десятка лет некоторое количество авторов, в большинстве своем британских, но далеко не всегда ученых, изучали историю европейского футбола и европейских команд, например «Глазго Рейнджерс», «Барселону», мадридский «Реал», «Вест Хэм», ростокскую «Ганзу» и многих других. В этих работах предлагался подход, помещавший футбольные клубы в контекст социального развития и рассматривавший влияние, которое общество оказывало на жизнь клубов. Я подумал, что изучение «Спартака» способно сыграть такую же роль в исследовании советской истории.

Когда я пишу эти строки, в Пекине идут XXIX Олимпийские игры. Напряженность спортивных состязаний отражает острую конкуренцию в новом Китае. Впрочем, так было не всегда. В 1963 году премьер Чжоу Эньлай напутствовал национальную команду по настольному теннису словами: «Дружба важнее соревнования». Это высказывание являлось мантрой китайского спорта в трагические времена Культурной революции и вплоть до

экономических реформ 1980-х годов. Ближайшего политического партнера Мао Цзэдуна вряд ли можно считать человеком без недостатков, но и в словах этого упорного революционера нельзя не заметить зерна гуманности.

По счастью, я принадлежу к тем двум группам историков, что всегда ставили на первое место именно дружбу. И специалисты по русской истории, и историки спорта характерным образом отличаются гуманностью. В течение многих лет я пользовался их неизменной поддержкой, помощью и критикой, и их участие очень обогатило мою работу. Рон Сани и Дэвид Нассау были со мной с самого начала этого пути, и когда становилось особенно трудно, их мудрость и теплота помогали мне двигаться вперед. Им обоим пришлось узнать о советском футболе гораздо больше, чем они хотели бы, и оба помогли мне найти необходимый баланс между одержимостью футболом и профессиональным интересом к нему. То же самое может быть сказано о Гарри Шайбере, которому несомненно нельзя поставить в вину то обстоятельство, что он трепетно чтит память о стадионе «Поло Граундс». Когда я приехал в Калифорнию, покойный Реджинальд Зельник, которого мне так не хватает, еще один фанат «Giants», взял меня под свою опеку и стал моим проводником в мире спорта. Еще один прилежный студент в мире спортивных исследований, Стив Коэн, фактически взял под свою опеку все предприятие, и его поддержка сыграла решающую роль в том, чтобы книга оказалась доведена до конца. Джон Хоберман и Брюс Кид стояли у истоков моего пути как историка спорта. На последних этапах работы над монографией Кристофер Янг помог мне включить интересующую меня небольшую область исследований в более широкий научный контекст. Он обладает настоящим даром предпринимательства в академической сфере.

Мои коллеги по историческому факультету в Университете Сан-Диего всегда создавали теплую человеческую и интеллектуально насыщенную атмосферу. Отделить важное от второстепенного мне помогали Памела Рэдклифф, Стефан Танака, Пол Пиковиц, Даниэль Вайденер, Франк Бисс, Джон Марино, Дебора Херц и Хасан Каяли. Хасан Каяли вместе с Эриком Ван Янгом, Дэвидом Голдблаттом и Михаэлем Бернштейном прочли рукопись этой книги полностью. Сьюзан Хиллман помогла с переводом материалов с немецкого, которые предоставил Манфред Зеллер. Энн Горсах, Тони Мэйсон, Луиза Макрейнолдс, Льюис

Сигельбаум, Боб Меллер, Джефри Хоскинг и Итан Поллок прочли бесконечное количество черновиков и вариантов, сохраняя пристрастность и не боясь обидеть меня своими замечаниями. Это и есть настоящая дружба. Барбара Киз, Тим Пейнич и Орландо Файджес делились со мной результатами своих собственных разысканий. Ларри Земан представил в мое распоряжение часть своей огромной коллекции советских газет. Гейл Стоукс, Силки Ститс и Дэн Орловский на самых начальных этапах позволяли проверять на себе мои еще плохо сформулированные тезисы. Ближе к концу инициаторами аналогичных дискуссий стали Джон Эфрон и Нико Катцер. Многому меня научили и коллеги по нашему межуниверситетскому южнокалифорнийскому семинару, посвященному советской истории, — Арч Гетти, Тоши Хасегава, Андриен Эдгар и Кирилл Томофф. Как всегда, источником мудрости и знаний был Вайн Винсон. Эдвард Дерс помог заполнить довольно большие лакуны в моих знаниях о футболе. Мой давний друг, ветеран и сосед по «Зоне V» Джон Акерман замечательно отредактировал книгу. Финансирование было обеспечено комитетом по вопросам исследований Академического сената Университета Сан-Диего, а также фондом Джона С. Гуггенхайма.

Не в меньшей степени я признателен за помощь моим российским коллегам. Двадцать лет назад на Олимпийской тренировочной базе в Абхазии я встретил Владимира Титоренко. Я многие годы читал его материалы в «Советском спорте», где он был ведущим баскетбольным обозревателем. В течение долгих лет он оставался для меня гостеприимным хозяином, помогающим с жильем, едой, транспортом — он стал моим пропуском в мир сначала советского, а потом российского спорта. Он настоящий друг. Я также в неоплатном долгу перед величайшим историком советского футбола Акселем Вартаняном, который писал для «Спорт-Экспресса». Начиная с 1987 года, он погрузился в архивы, проштудировал региональную и центральную прессу, взял интервью у сотен спортсменов, представляющих наиболее популярные в Советском Союзе виды спорта. Он совершенно бескорыстно поделился своими обширными знаниями и своей страстью со мной. Новизной моей книги я в большой степени обязан ему. В течение многих лет мне помогали понять советский спорт Игорь Рабинер, Елена Вайцеховская, Владимир Гескин, Павел Алёшин, Леонид Трахтенберг и Владимир Кучмий. Федор Успенский помогал разобраться в богатых фондах фотоагентства

газеты «Спорт-Экспресс». Леонид Вайнтрауб был моим гидом по российским архивам и московским ресторанам. Мне очень помогла чудесная Ирина Быховская, заведующая кафедрой культурологии Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма: она открыла мне прекрасную университетскую библиотеку; а руководители библиотеки, Татьяна Медзяновская и Ирина Жилина, помогли мне разобраться в ее материалах. Геннадий Бордюгов организовал встречу с российской аудиторией, в ходе которой я рассказал о своей работе.

В предисловии к одной своей недавней книге моя коллега Дебора Херц написала, что хотела бы извиниться перед книгой за то время, что она проводила с семьей. Без сомнения, моя работа увидела бы свет раньше, если бы я не водил такое количество детей на такое количество спортивных мероприятий. Но я об этом не жалею и посвящаю свой труд Элизабет, Луизе и Николасу Эдельманам, которые наполняют содержанием и смыслом мою жизнь. Пусть они смогут сделать этот мир лучше.

Виктория Яблонски вынесла много моих жалоб по поводу «Спартака» в качестве объекта исследования. Благодаря ей я стал лучше как человек и как ученый. Когда мы встретились, я начинал чувствовать отчуждение к профессии, она сумела мне показать, как можно заново открыть для себя науку. Мне очень помогли наши собаки, если не считать их довольно раздражающей привычки засовывать носы под мой локоть и скидывать со стола компьютерную мышь. Они оставили на рукописи свои следы.

И наконец, я особенно признателен Юрию Слёзкину, верному болельщику «Спартака», великому ученому и моему приятелю. Он был одним из немногих, кто с самого начала понял, о чем будет эта книга. Иногда, когда мне казалось, что я сам прострелил себе ногу, именно его энтузиазм заставлял меня двигаться дальше. Он с большим вниманием и великодушием прочел рукопись. Ни он, ни кто-либо другой из перечисленных выше людей и животных не несут ответственности за допущенные ошибки. Все они на моей совести, но это не умаляет удовольствия от проделанного путешествия.

2009 год

ВВЕДЕНИЕ

30 сентября 1939 года игроки самой популярной советской футбольной команды и лидера чемпионата — московского «Спартака» — готовились сыграть полуфинал кубка на поле стадиона «Динамо». Их соперником был ближайший конкурент — «Динамо» (Тбилиси), гордость Грузии и любимая команда Лаврентия Берии — могущественного и опасного главы тайной политической полиции, НКВД. На первый взгляд зрелище ничем не отличалось от тысяч других таких же встреч. И все же сыгранный матч не был похож ни на что другое в истории самого популярного в мире вида спорта. До этого «Спартак» уже обыграл «Динамо» (Тбилиси) в полуфинале 8 сентября со счетом 1:0. Единственный забитый мяч вызвал споры. «Динамо» подало протест, который был сразу же отклонен Всесоюзным комитетом по физической культуре. Еще четыре дня спустя «Спартак» выиграл финал. Капитан Владимир Степанов получил в свои руки кубок, команда совершила традиционный круг почета. Возобновились матчи национального чемпионата. «Спартак» успел сыграть еще две игры, когда ЦК отменил решение спортивного руководства, аннулировал результат полуфинала и предписал командам переиграть его. Спартаковское начальство обратилось к своим друзьям в высоких инстанциях, но это не помогло. В первый и, очевидно, в последний раз в истории полуфинал переигрывали уже после финала. Очевидно, Берия все же добился своего.

Советский спорт, как и многие другие области жизни, был тесно связан с политикой. Следуя этой логике, мы можем утверждать, что его собственная история способна ответить на глобальные вопросы, не имеющие, казалось бы, прямого отношения к спорту. В нашем случае эта отдельная небольшая история — история московского «Спартака». А глобальный вопрос я бы сформулировал так: «Что обычные советские граждане

думали о той системе, в которой жили?» Десятилетиями западные ученые, журналисты и другие внешние наблюдатели предпринимали различные попытки обнаружить и прояснить точку зрения обычных советских граждан. В защиту этих исследователей надо сказать, что найти пусть даже отрывочные сведения действительно было непросто. В демократических государствах общественное мнение хоть как-то, но проявляет себя — в результатах выборов, соцопросах, свободе печати. Понятное дело, что ни один из этих источников не доступен человеку, изучающему историю СССР. Когда советскому руководству необходимо было узнать, что о нем думает собственное население, оно полагалось на отчеты тайной полиции. Зарубежные исследователи не могли заглянуть в эти бумаги вплоть до распада СССР. Более того, даже когда они стали доступны, остался вопрос, насколько по ним можно судить об общественных настроениях. Ведь если врагов нет, то от кого нужно защищаться? Чтобы доказать свою необходимость, госбезопасность всегда должна была находить (а вполне возможно, иногда и изобретать) какой-нибудь заговор.

Коммунизм практически не давал советским гражданам свободы выбора, но спорт являлся одной из немногих сторон жизни, где простые люди могли иметь свое собственное мнение: болеть за свою любимую команду и почитать своих собственных героев. Государство не принуждало болельщиков к поддержке какой-либо команды — особенно если речь шла о футболе, самой популярной игре в стране. «Свои» команды были у фабрик, профсоюзов, студентов, милиции, армии. Выбирая, за кого болеть, болельщики (почти сплошь мужчины), субъективным образом выражали вполне объективные вещи — кто они такие, что думают и как относятся к окружающей действительности. Это касалось и вопросов их идентичности, и их политических предпочтений.

Личный выбор — «за кого болеть» (слушать игру по радио, а позже — смотреть по телевизору) — формировал сообщества болельщиков. Такие группы были хорошо заметны на стадионе, в толпе около него, там, где скапливалось много народу. Выбор любимого клуба был одним из многих маленьких шагов, при помощи которых человек конструировал самого себя[1]. Как и болельщики во всем остальном мире, они редко меняли свои предпочтения. Еще с середины 1930-х «Спартак» и его группа поддержки использовали спорт для выражения своей позиции. В начале 1990-х, вскоре после распада СССР, советский антрополог Левон

Абрамян объяснял сущность этого выбора британскому журналисту Саймону Куперу: «В коммунистической стране... команда, за которую ты болеешь, подразумевала сообщество, к которому ты принадлежишь... Возможно, это была единственная возможность в жизни самому выбрать себе такое сообщество и иметь возможность вести себя в нем так, как тебе хочется. Быть болельщиком... означало быть среди других и быть свободным»[2].

В эпоху правления Сталина и Хрущева «Спартак» в большей степени, чем кто-либо еще на футбольном поле, воплощал чувства и настроения своих болельщиков. Он не всегда был лучшей, но, безусловно, всегда — самой популярной советской командой. «Спартак» больше, чем любой другой из «гражданских» клубов в советской лиге, давал возможность дистанцироваться от ненавистных «силовых структур» (милиции и армии), у которых были свои спортивные общества. По словам одного безымянного советского ученого, «Спартак» давал возможность болельщикам «свой способ сказать слабое „нет“» всему, что их окружало[3]. Боление за «Спартак» стало одним из способов выразить свое недовольство властями. Это, впрочем, не означает, что недовольство когда-либо вырастало до уровня массовой поддержки идеи смены власти или что не было других, не политических, причин болеть за «Спартак». Краткий ответ на сложный вопрос о том, что же думали о своем политическом строе советские граждане, становится удручающе неопределенным.

Советская верхушка мечтала контролировать все стороны человеческой жизни. Футбол же всегда оставался той областью, в которой, казалось, всесильная советская власть имела лишь ограниченное влияние. Саймон Купер как-то назвал эту игру «ненадежным рабочим инструментом» в руках диктаторов. Разумеется, все это никак не оправдывает советскую версию коммунизма. Многие граждане, выражая свое недовольство, могли дойти и до насилия — однако, как нам демонстрирует история «Спартака», иногда они сопротивлялись власти значительно более своеобразным, часто неожиданным и не прямым образом[4]. Нечто похожее происходило и при других авторитарных режимах. Во франкистской Испании каталонская «Барселона» стала символом борьбы за автономию, как и «Атлетик» из Бильбао в стране басков. В Аргентине те, кто критиковал режим власти генералов, как правило, поддерживали «Бока Хуниорс» чаще, чем «Ривер Плейт».

«Спартак»: в поисках контекста

Четыре брата Старостиных (Николай, Александр, Андрей и Петр) основали общество «Спартак» в 1935 году, хотя реальная история команды охватывает XX столетие. Проходя сквозь драматические и запутанные обстоятельства советской истории, старостинская команда принимала новые формы, одновременно отражая и оказывая влияние на стремительно развивающееся общество (заметной частью которого она и являлась). Корни «Спартака» — в строго очерченных границах одной из рабочих окраин дореволюционной Москвы, на Пресне, где группа друзей, ведомая Старостиными, начинала играть на улице. В 1920-е годы друзья, использовав преимущества новой экономической политики, означавшей временный переход к капиталистическому хозяйству, создали коммерчески успешные районные футбольные команды. Одновременно с восхождением Сталина Старостины адаптировались к новым внешним условиям и основали «Спартак». Установив необходимые для успеха связи, братья приобрели политическую и финансовую поддержку для своего клуба. Популярность и спортивный успех «Спартака» были столь значительны, что команда перешла дорогу органам госбезопасности, чья собственная команда, «Динамо», до того доминировала в советском футболе.

Старостины были арестованы во время войны и отправлены в ГУЛАГ. В отсутствие своих основателей «Спартак» утратил лидерство. В 1954-м, с первыми волнами реабилитации, братья освободились из ссылки. В оптимистические хрущевские годы Николай вернулся в команду, нашел новых спонсоров и вновь вывел «Спартак» на вершину таблицы чемпионата СССР. Этот период, известный как оттепель, стал для «Спартака» подлинным золотым веком. В феврале 1956 года Хрущев прочитал свой знаменитый «секретный доклад», в котором впервые заговорил о сталинских преступлениях. В конце того бурного года «Спартак» выиграл титул, а советская сборная, основу которой составляли спартаковцы, — олимпийское золото. В брежневскую эпоху Николай Старостин перестроил команду в свете возросшей конкуренции с мощными командами из столиц союзных республик. И вновь он изменил свой подход, отказавшись от многих прежних принципов, которыми ранее руководствовался в своей работе. Когда наступила перестройка с ее упором на окупаемость, Старостин оказался готов к возвращению проверенных

бизнес-моделей, которые работали еще при НЭПе и приносили команде дополнительный доход.

В отличие от многих других явлений в советской истории, возникавших по указанию сверху, «Спартак» прорастал изнутри, из недр самого общества. Пресненские корни давали клубу известную независимость, которую многие находили весьма привлекательной, другие — опасной. На протяжении всей истории «Спартака» бóльшая часть этого драматического сюжета была связана со Старостиными и их личной судьбой. Родившись в небогатой семье, они поднялись на вершину славы и благосостояния, чтобы затем стать жертвами репрессий.

Их спасла причастность к футболу. Вместо того чтобы умереть в лагере, они тренировали местные команды, а вернувшись после смерти тирана, вновь вывели «Спартак» на вершину. Трудно устоять против этого образа — триумфа, трагедии и победы. Для большинства болельщиков он всегда был важнее правды. Перефразируя известное высказывание Клиффорда Гирца о «глубокой игре» в петушиных боях на Бали, один британский социолог написал: «Игра — это то место, где мы рассказываем себе истории о нас самих»[5]. История Старостиных была слишком хороша, чтобы не примерить ее на самих себя.

На протяжении десятилетий «Спартак» был любимой командой московских, а затем и советских болельщиков. Он сохранял этот статус, несмотря на взлеты и падения на футбольном поле. «Спартак» не всегда был на высоте, но, согласно клубной легенде, болельщики неизменно оставались преданы команде. Настоящим признанием в любви стал сезон 1976 года, когда «Спартак» финишировал вторым с конца и вылетел в первую лигу. На следующий год стадионы на матчах команды вновь были полны: если и не уникальное, то не самое частое явление в истории мирового спорта. «Ювентусу», «Манчестер Юнайтед», «Баварии», «Бока Хуниорс» и многим другим удавались впечатляющие чемпионские серии, однако когда успех уходил, за пределами родного города со стадионов уходили и болельщики. «Спартак», напротив, всегда оставался любимой командой всего Советского Союза.

Поддержка определенного клуба как социальный, культурный, политический маркер или даже фактор самоидентификации уже долгое время является характерной чертой больших европейских и латиноамериканских городов, в которых есть

несколько футбольных команд. В США так было далеко не всегда. Здесь спорт быстрее превратился в шоу, приносящее организаторам деньги. Появившиеся в последней четверти XIX века коллективы национальной бейсбольной лиги были, по сути, территориальными франшизами. Ни у одной из команд не могло быть конкурентов в радиусе 75 миль, в противном случае выплачивалась специальная компенсация. В отдельно взятом городе США мог быть один, максимум два клуба, которые являлись собственностью своих владельцев, имевших полное право перевезти их в другое место. В европейском футболе команды никуда не переезжают. Если дела идут плохо на протяжении долгого времени, они могут просто исчезнуть. Клубы изначально не были самостоятельными предприятиями. Они возникали при церквях, фабриках, пабах, городских районах или, как в случае «Спартака», из группы друзей и соседей. Команды глубоко укоренены внутри своих сообществ, и решение болеть за конкретный клуб может многое рассказать о том, как их болельщики представляют самих себя. Даже в СССР этот выбор был свободным[6].

Триумфы советской олимпийской сборной создали общепринятое представление, что система государственного управления спортом предполагает конкурентоспособность строя в целом. Как мы понимаем теперь, олимпийская машина не только демонстрировала достижения системы, но и скрывала ее наиболее очевидные слабости. С футболом, впрочем, случилась другая история.

На протяжении XX века футбол в Российской империи и затем в СССР был мужским миром, миром насилия, коррупции — спонтанным и непредсказуемым. Здесь часто выпивали, много шутили. Он плохо соответствовал героической и моралистической олимпийской модели. Древнегреческие спортивные идеалы всё еще сохраняли свое значение для тяжелоатлетов, гимнастов или метателей диска, но не для футболистов — в статье в газете «Советский спорт» в 1959 году автор призывал отличать настоящий атлетизм от мужской футбольной культуры[7]. И хотя было бы натяжкой называть футбол в СССР постоянной формой организованной политической оппозиции, он был тем, что мы теперь называем «спорной территорией». Власти не могли контролировать спортивное сообщество, а игроки, тренеры, журналисты и болельщики не могли постоянно навязывать свою волю государству — организатору спортивных соревнований.

Структура

Книга состоит из четырех больших разделов. Первый представляет собой хронологический обзор развития российского футбола от его появления в начале прошлого столетия до основания общества «Спартак» в 1935 году (главы 1 и 2). Во втором разделе история команды разделена на короткие периоды и эпизоды, начиная с утверждения профессионального футбола в 1936 году и заканчивая 1948 годом, временем полного упадка «Спартака». Главы 3 и 4 посвящены в основном истории «Спартака» и тех представителей рабочего класса, которые составляли подавляющее большинство футбольных болельщиков в СССР в довоенные годы. В главе 5 речь идет о войне и ее влиянии на футбол и общество. Я прослеживаю здесь переход к новой социальной структуре и вместе с ней к новой зрительской аудитории. Как и в обществе в целом, в той его части, что ходила на футбол, произошли значительные изменения. В годы военного противостояния требовались высококвалифицированные специалисты вне зависимости от их политических предпочтений. После победы эти группы продолжали расти, а эскалация холодной войны привела к росту оборонной промышленности. В результате миллионы людей устремились в быстро растущие города, ставшие средоточием развития всего советского спорта. Публика на стадионах менялась, а с нею менялся и «Спартак». Популярность команды оставалась на прежнем уровне, но базовый круг ее болельщиков стал другим. Заводские рабочие не бросили свою команду, но теперь к ним присоединилась большая группа интеллектуалов, а также технических специалистов и других профессионалов, для которых «Спартак» предоставлял своего рода отдушину в затхлой политической атмосфере.

Третий раздел книги посвящен возвращению «Спартака» на вершину советского футбола. Этот процесс начался в 1949 году, ровно в тот момент, когда период реконструкции завершился, а политический режим произвел внутреннюю перегруппировку. Казалось, репрессии вернулись. В 5-й и 6-й главах я пытаюсь показать, что футбол все же выбивается из этой мрачной и схематичной картины, хотя в то же время нельзя считать его и исключением из правил. Действительно, в последние годы нам стало понятно, что и внутри самого режима, и внутри советского общества в целом шла своя неформальная жизнь и происходили глубокие процессы. Многое из того, что после смерти

Сталина выглядело как неожиданный всплеск, было подготовлено в конце 1940-х годов.

Главы 7 и 8 описывают период правления Хрущева. После смерти Сталина власть стала значительно меньше вмешиваться в футбольные дела. «Спартак», сохранивший свой дух независимости, предоставил прекрасную возможность новой группе поддержки присоединиться к традиционной рабочей болельщицкой среде. Эти люди были способны сказать «нет» власти, которая уже не являлась такой грозной, как раньше, но все еще могла оказывать на них давление. Борьба за освобождение от сталинского наследия продолжалась с середины 1950-х по середину 1960-х годов. Интеллектуалы и студенты дружно высказывались в защиту перемен, почти все остальные им сопротивлялись. Линия фронта в борьбе за то, что одни называли десталинизацией, другие — либерализацией, а третьи — реформами, никогда не была неподвижной. Зачастую эта борьба разыгрывалась в головах советских граждан, а не между какими-либо социальными группами или фракциями. Когда Старостины вернулись в Москву, они поддержали наступающие перемены. Андрей Старостин, еще до ареста братьев в 1942 году друживший со многими писателями, актерами и музыкантами, возобновил свои отношения с прежним кругом знакомых. Эти люди надеялись, что будущее принесет более демократическую и менее репрессивную форму коммунизма. Благодаря этим связям и общественному подъему тех лет, «Спартак» стал, вопреки своей воле, своеобразным символом перемен. Внезапно всем показалось, что внутри старых авторитарных структур может возникнуть гражданское общество. К тому же получилось так, что на этот период пришлись самые большие футбольные успехи клуба. Золотой век «Спартака» и оттепель были двумя сторонами одной медали.

В последнем разделе книги я возвращаюсь к хронологическому порядку. Глава 9 описывает весь постхрущевский период и заканчивается крахом СССР в 1991 году. После 1964 года политическая судьба и культурная роль «Спартака» драматически изменились. До самого конца 1950-х годов в советском футболе доминировали московские клубы. Соперничество «Спартака» и «Динамо» со всеми его мощными скрытыми политическими смыслами оставалось центральным событием чемпионата. Это доминирование кончилось в 1961 году, когда футбол распространился по всему Советскому Союзу. Для советских людей футбол,

главная игра XX века, стал признаком модернизации. По мере того как развитие шло в этом направлении, множество провинциальных городов, особенно в национальных республиках, получили возможность выстроить стадионы, собрать команды и вступить в борьбу за деньги и футбольные титулы.

В хрущевские времена «Спартак» приобрел общенациональную поддержку при помощи телевидения. Однако после 1964 года он перестал быть единственным фаворитом советских болельщиков, у которых появились местные претенденты на любовь и признание. «Спартак» стал, как когда-то сборная Бразилии для всего остального мира, «второй любимой командой» советских клубных болельщиков (после «первой», то есть местной команды). Государство, десятилетиями вмешивавшееся в игру, больше не могло предопределять предпочтения на локальном уровне. Слишком много местных начальников требовало внимания к себе. На смену попыткам микроменеджмента пришло общее руководство. После Хрущева «Спартак» перестал быть политической призмой, особым образом преломляющей главные вопросы советской истории. Он превратился всего лишь в одну команду из многих, причем далеко не всегда лучшую. Сопоставление спортивного соперничества с высокой кремлевской политикой перестало определять отношение народа к режиму. Модель открыто политизированного спорта, работавшая до 1964 года, не приложима к последним десятилетиям советской власти. Эволюцию «Спартака» в те годы можно рассматривать скорее в более широком контексте общественной жизни. «Спартак» перестал быть лакмусовой бумажкой, определявшей отношение народа к советскому государству.

Методы

Мой подход к истории «Спартака» вырос из интереса к взаимодействию политической и социальной жизни. Я многим обязан традициям социальной истории и ее методам, давно практиковавшимся британскими и американскими учеными, а также трудам немецких историков по истории повседневности. Тем не менее я выхожу за рамки этой плодотворной методологии, стремясь работать с двумя разными аспектами политической истории: политикой того, что стали называть «культурой тела», и взаимоотношением между политикой и массовой культурой.

Политические и социальные различия между двумя великими спортивными организациями — «Спартаком» и «Динамо» — очень хорошо видны на примере того, как совершенно по-разному устроен их подход к человеческому телу: как на него смотрят, как его тренируют, дисциплинируют и организуют. Пьер Бурдьё однажды заметил: «Спорт наравне с танцем является одной из тех областей, где проблема взаимоотношений между... языком и телом возникает с особой остротой... Существует огромное количество вещей, которые мы понимаем только нашим телом»[8].

Образ спортсмена, проецируемый «Динамо», был воплощением дисциплины и прямолинейности, спорт трактовался дидактически. «Спартак», напротив, выглядел гораздо более раскрепощенно. Для его игроков, особенно для Старостиных, спорт был развлечением. В «Динамо» осуществлялся строгий контроль над движениями тела, «Спартак» чувствовал себя свободнее, предоставляя телу возможность двигаться более спонтанно[9]. Поскольку «тело — неизбежный элемент в построении маскулинности», различия между «Динамо» и «Спартаком» усугублялись и разным типом мужественности, культивировавшимся среди болельщиков обеих команд[10]. Перефразируя слова английского историка Ричарда Холта, можно сказать, что история советского футбола — это история мужской части населения, причем на протяжении этой истории мужчинам предлагались самые разнообразные типы маскулинного поведения. Более продолжительная спартаковская пролетарская традиция поведения болельщиков, восходящая к XIX веку, допускала насилие и мало заботилась о соблюдении викторианских правил «честной игры». Что же касается динамовских спортсменов, то от них ожидалось соблюдение спортивного кодекса, так же как наличие определенной респектабельности, берущих свое начало в буржуазных идеалах «рационального отдыха».

Концепции маскулинности постоянно менялись на протяжении всего XX века. Перед революцией и сразу после нее переехавшие в город сельские жители были вынуждены отказаться от старого крестьянского представления о мужественности и выработать новый, городской подход к ней. Футбол предоставлял им арену для демонстрации силы и мощи, никак не соотносившихся с деревенскими полевыми работами. После Второй мировой войны уже новое поколение мужчин, не занимающихся ручным физическим трудом, искало для себя

приемлемый образец мужественности, не связанный с ежедневным проливанием пота у заводского конвейера. Футбол, будучи коллективной игрой, требующей физических усилий, да к тому же наблюдаемый большой мужской компанией, в самом буквальном смысле представлял собой поле сражения, на котором два типа маскулинности, спартаковская и динамовская, могли проявить свои различия[11].

Состязание двух типов культуры тела и концепций мужественности было в свою очередь связано с двумя моделями спорта, унаследованными большевиками от Запада: профессиональной и любительской (последнюю осуществляло олимпийское движение). У нового советского руководства существовали проблемы с каждой из этих моделей. К участию в первых олимпиадах не привлекались рабочие и женщины, и СССР отказывался принимать в них участие вплоть до 1952 года. Одновременно большевики публично осуждали превращение тела и спортивной игры в товар, происходившее по мере коммерциализации спорта. Футбол был не только наиболее популярным видом спорта, но и наиболее профессионально ориентированной игрой из тех, что практиковались в СССР, причем «Спартак» с самых ранних дней своего существования вел наиболее умелую политику в этом отношении. Футбол призван развлекать и одновременно привлекать публику к кассам стадионов. Что же касается армии и милиции, то они, напротив, подготовили больше олимпийских чемпионов, нежели «Спартак», причем в тех видах спорта, что требовали меньшего количества зрителей[12].

В целом, «Спартак» и «Динамо» занимали диаметрально противоположные позиции по вопросу внедрения спорта в жизнь. Советская массовая культура всегда разрывалась между двумя поставленными перед ней задачами: воспитания («Динамо») и развлечения («Спартак»). Главная задача массовой культуры состоит прежде всего в воспитании, но ее нельзя выполнить, если на тебя не обращают внимания. Чтобы продукты культуры эффективно выполняли свою воспитательную роль, они должны приносить удовольствие публике. Даже при условии, что государство полностью контролировало культурную сферу, ему при этом приходилось постоянно менять ее содержание и формы, чтобы сохранять привлекательность и популярность того или иного досуга. Единой модели, претендующей на то, чтобы называться «официальной культурой», никогда не существовало. Одним

из немногих требований публики (и при этом вполне эффективным) оказалось требование не допускать скуки[13].

Как хорошо усвоили капиталисты-рекламодатели, людей ни в чем нельзя убедить, если они не посмотрят и не убедятся во всем сами. В этом смысле массовая культура в Советском Союзе представляла собой рынок, хотя и весьма своеобразный. Более всего это относилось к спорту. Как выяснилось, линия противостояния государству проходила и через футбол. На протяжении всей советской истории вмешательство режима в игру никогда не прекращалось. Однако именно футбол мог быть (цитируя знаменитое ныне высказывание Джеймса Скотта) тем самым «оружием слабых»[14]. Пусть футбол никогда не выражал прямой оппозиционности, тем не менее он позволял советским гражданам сопротивляться притязаниям государства на свою частную жизнь, на свой дружеский круг и сохранять маленькую часть души.

1. СПАРТАКОВСКИЕ КОРНИ, 1900–1917 ГОДЫ. РАЙОННЫЙ ФУТБОЛ

Вспоминая свою жизнь в дореволюционной Москве, британский дипломат Роберт Брюс Локхарт размышлял об отношениях между футболом и политическими волнениями, свидетелем которых он стал. Если бы русские рабочие играли в футбол и ходили на матчи так же часто, как их британские товарищи, писал он, революции вообще могло бы и не быть[1]. Можно вообразить, будто Локхарт читал все, что писали довоенные журналисты социалистического толка о вредоносном влиянии этой игры. И очевидно, был согласен со своими политическими оппонентами в том, что между политикой и спортом существует связь, — однако делал ровно противоположный вывод из этого утверждения. Для левых интеллектуалов «народная игра» была ненавистной им формой отвлечения трудящихся от классовой борьбы, для консервативных британских политиков — даром свыше[2].

Может быть, Локхарт, с его наивным спортивным романтизмом, действительно был прав? Могло ли отсутствие профессиональной футбольной лиги в России приблизить рабочую революцию? В конце концов, противоположный аргумент неоднократно применялся в отношении Британии. Если, как отмечали многие, спорт был светской религией, тем своеобразным клеем, который скреплял воедино разрозненные элементы викторианского общества, может быть, отсутствие развитого спорта в России частично объясняет и падение династии Романовых?[3]

Нечего и говорить, что подобные выводы нужно делать со всей осмотрительностью. После десятилетий тщательнейших исследований, основанных на архивной работе, разумно было бы утверждать, что именно футбол, не заинтересовавший большинство историков, мог быть некоей поворотной точкой в истории с революцией. Несмотря на серьезное искушение выступить с подобным заявлением уже сейчас, я не стану выдвигать аргументов, к оценке которых историки еще не готовы.

Число рабочих, увлеченных футболом, в России до 1917 года было невелико. Накануне войны во всей империи было зарегистрировано около 8000 игроков — едва ли только ремесленники или фабричные рабочие[4]. Разумнее перефразировать Локхарта и посмотреть на влияние общества на футбол, а не футбола на общество. Пусть футбол в России оказался недостаточно серьезен для того, чтобы привлечь внимание трудящихся, мы тем не менее можем посмотреть, что собой представляли спортивные занятия мужчин (как правило, молодых), бывших частью футбольной субкультуры. Как именно участие в современной городской спортивной жизни влияло на их политическую, культурную, национальную, гендерную идентичность и как эти развивающиеся виды идентичности отражали стремительные социальные перемены в дореволюционный период?

В этой главе я сосредоточусь на небольшой компании друзей из одного района Москвы — они играли и болели за команду, которая после нескольких переименований в 1935 году стала «Спартаком». Я преследую две цели: во-первых, рассмотреть футбол как связующее звено между массовой культурой и политической жизнью рабочего класса во втором городе империи, во-вторых, показать, почему после революции будущий «Спартак» стал тем, чем он стал. Как мы увидим дальше, связи между массовой культурой и политикой оказались весьма слабыми. Непосредственное участие будущих спартаковцев в политической жизни до революции кажется минимальным. Их имена не фигурируют ни в западной, ни в советской литературе о рабочем движении, они не были заметными представителями рабочего класса в Москве того времени. Их заслуги перед российским футболом до 1917 года совсем незначительны. Только после революции, а в особенности после основания общества «Спартак» в 1935 году, эта группа молодых людей вдруг стала частью большой истории. Тем не менее первые годы их спортивной жизни

сильно повлияли на то, как они играли и как болели за свою команду, первоначально небольшой районный клуб.

Петербург, в котором всегда было много иностранцев, как правило, оказывался впереди Москвы в вопросах современной западной культуры. Футбол не был исключением. В 1912 году Борис Чесноков (1891–1979) — игрок, организатор и хроникер рабочего футбола — писал, что футбол является самым популярным спортом в Москве. Впрочем, он же обращал внимание, что постоянно играют только около 1000 человек, большинство — выходцы из богатых семей. Люди из семей попроще хотя и играли в футбол и ходили на матчи до 1917 года, вряд ли делали это в сопоставимых количествах. Футбол еще не был формой массовой культуры — массы в него не играли. Однако предыстория «Спартака» дает нам возможность обратить внимание на несколько важных обстоятельств, касающихся ограниченных связей между спортом и пролетариатом[5].

Для русских мужчин из разных социальных слоев спорт был способом включиться в современную жизнь. Физические упражнения требовали от них той же организованности и дисциплины, что и стремительное развитие индустриального капитализма в городах. Для спорта характерно постоянное совершенствование, а также возможность получить телесное удовольствие — эти же характеристики оказались применимы для нового времени с его воодушевлением и динамикой, риском и опасностями. Эти своеобразные ценности были общими для всех социальных групп — между тем сам по себе спорт в России скорее разделял, нежели объединял людей, укрепляя классовые барьеры. И хотя игры предназначались для рабочих и представителей среднего класса, новые способы самовосприятия, новые идентичности не были универсальными. Буржуа и пролетарий по-разному обращаются со своими телами — этим они отличаются не только от своих предшественников, но и друг от друга. В результате две упомянутые группы создали различные версии мужественности, которые только усилили поляризацию между классами в последние годы Российской империи.

Сами того не сознавая, парни, основавшие «Спартак», оказались на переднем краю этих изменений. Хотя они жили в одном из самых крупных фабричных районов Москвы, не все из них могли быть причислены к рабочему классу — как не все демонстрировали то, что традиционные марксисты назвали

бы классовым сознанием. Впрочем, все они были членами одной социальной группы, которая, как писал когда-то Ричард Холт о британских рабочих, с помощью спорта формировала новый городской образ жизни, локальный патриотизм, и декларировала радость мужской дружбы и товарищества[6]. Временами они в буквальном смысле прижимались носами к витринам городских магазинов, где перед их глазами возникали новые образцы массовой культуры. И в то же время эти «дети улиц» сами помогали создавать многие из этих новых культурных форм. Кроме игры в футбол, они посещали новые магазины и городские рынки, читали детективы, ходили в парки аттракционов, на концерты и в кино. У нас мало информации об их социальном происхождении, но многие определенно родились в Москве, в рабочих семьях. Практически все выросли в городе и чувствовали себя на его улицах своими.

Последнее особенно важно. Столетиями в России складывалась богатая и сложная деревенская народная культура, так что новые городские развлечения воспринимались как заграничные, преимущественно западные. В том, что касалось спорта, это впечатление кажется вполне справедливым. Конечно, русские крестьяне играли в различные спортивные игры, когда не были заняты сельскохозяйственными работами[7]. Наряду с лыжами, санками, охотой, наиболее популярны были лапта, схожие с боулингом городки и стихийные массовые кулачные бои, известные как «стенка на стенку». Во всем мире организованный спорт с его федерациями, таблицами, правилами, судьями, рекордами не являлся частью патриархальной деревенской жизни[8]. Так же было и в России. Здесь не существовало пасторальных мифов о спорте, характерных для стран вроде Великобритании и США. Люди, занимавшиеся спортом в Российской империи, заняли свое место в стремительно растущих городах. Они не грезили о старых добрых временах «деревенского футбола» или о выкошенном среди кукурузы бейсбольном поле.

Вопрос о крестьянском характере городской жизни в России занимал центральное место в исследованиях об исторической роли рабочего класса (этот термин понимался в самом широком смысле). Какое-то время восприимчивость русских рабочих к революционным лозунгам объяснялась связями с деревней. Считалось, что тяжесть сельской жизни способствовала сохранению в них иррациональной склонности к бунту[9].

Это обстоятельство приобретало особую важность в отношении таких городов, как Москва, куда постоянно в массовом порядке приезжали деревенские жители[10]. В свою очередь, следующее поколение как западных, так и российских ученых, получивших доступ к архивным материалам, связывало политическую активность и революционную деятельность с увеличением городского населения[11]. И все же тот факт, что бóльшая часть футболистов из простых семей либо родилась в рабочих районах Москвы, либо переехала туда в раннем детстве, еще не делает из них революционеров или сторонников революции. Впрочем, нельзя забывать, что рабочие, занимавшиеся спортом (в особенности футболом), как правило, полностью порывали с деревней. И если все они и не были радикальными революционерами, то по крайней мере вышли из среды, создающей революционеров.

Желанный импорт

Несмотря на то, что существует несколько отличных описаний истории появления футбола в России, стоит хотя бы частично пересказать основные факты. Футбол пришел в Россию в конце XIX века. Если крикет считался игрой солдат и чиновников Британской империи и распространялся среди местного населения разбросанных по миру колоний, то футбол скорее был игрой неформальной коммерческой империи[12]. Туда, где корона не имела власти, британское влияние приходило более сложным путем. Добравшись до чужих берегов, футбол — излюбленная игра английских рабочих — первоначально завоевал средний класс. Со спущенными мячами и книжками с описанием правил игры в багаже тысячи коммерсантов, инженеров, специалистов, дипломатов и студентов обращали всех вокруг в новую веру — повсюду, куда бы ни заносила их работа. Этот процесс затронул такие не похожие друг на друга места, как Испания, Аргентина, Германия, Бразилия, Южная Африка и Франция. Знакомство с футболом и его распространение везде носили более или менее универсальный характер, и Россия в этом смысле не исключение.

Рост интереса к футболу был одной из множества глубоких перемен, происходивших в Российской империи в конце XIX века. Первые футбольные матчи были сыграны примерно через десять лет после отмены крепостного права в 1861 году. Обычно историки советского времени упоминают о моряках,

заходивших в петербургские и одесские порты в 1870-х. Часть своего времени на суше моряки посвящали тому, что пинали пресловутый свиной мочевой пузырь, — везде, где находили для этого подходящее место. Английские рабочие двух больших петербургских фабрик организовали свои команды в 1879 году[13]. Практически то же самое в те годы происходило и во Франции, где британцы (преимущественно шотландцы) собрали местную команду в порту Гавр[14]. Впрочем, в России подобные события не производили большого впечатления на местное население. Капиталистическому спорту потребовалось время, чтобы набрать обороты в городах после освобождения крестьян. Так что футбол — ни в одной из своих форм — не стал привычным явлением в одно мгновение. Но уже в конце 1880-х — начале 1890-х под влиянием индустриальной политики министра финансов Сергея Витте внешний облик городов империи постепенно менялся. Спорт и другие культурные развлечения появлялись в городах вместе с ростом числа представителей рабочего и среднего класса.

Новые развлечения привезли с собой иностранцы, привлеченные в Россию стремительным подъемом местного капитализма. Следуя привычкам, принятым у них на родине, они основали несколько закрытых клубов, в первую очередь в столице. Во многих из них членами были исключительно иностранцы. Первой такой спортивной организацией стал Санкт-Петербургский яхт-клуб. Основанный в 1860 году, он собрал под своей крышей русских аристократов высшего ранга и иностранных дипломатов. Опять-таки опираясь на викторианскую традицию, клуб исключал возможность членства для человека, когда-либо занимавшегося физическим трудом. И до открытия этого клуба среди русского дворянства особенно популярны были верховая езда, фехтование и плавание[15].

В 1880-е годы вместе с развитием среднего класса изменилось и устройство спортивных организаций. До конца века было основано множество велосипедных клубов (велогонки вскоре стали зрелищным спортом номер один), развивались тяжелая и легкая атлетика, бокс, хоккей и, наконец, футбол. Большую часть из новых видов спорта пропагандировали люди, имевшие дело с коммерсантами, особенно с владельцами фабрик и заводов, заинтересованные в организации свободного времени своих работников. Спорт был полезен для здоровья,

а также поднимал социальный престиж хозяев предприятия. Прежде всего это касалось Петербурга. Москва оставалась позади, несмотря на наличие оживленного торгового и предпринимательского сообщества, принявшего спорт с распростертыми объятиями. Во втором городе империи первый яхт-клуб был открыт в 1867-м, гимнастическое общество — спустя год. И лишь гораздо позднее, в 1898 году, появились клубы тяжелой атлетики и тренировочные залы[16].

В Соединенных Штатах и Европе этот период отмечен бюрократизацией спорта и созданием многочисленных национальных и международных федераций: гимнастики, плавания, фигурного катания, легкой атлетики и множества других. Формально новые спортивные структуры были независимы от правительств своих стран, тем не менее, где бы они ни появлялись, первую скрипку в них играли политические элиты. Так появились новые типы спортивных чиновников, чья деятельность и идеи со временем привели к созданию олимпийского движения[17]. В Российской империи такого рода организации стали возникать одновременно с появлением первых клубов и спортивных кружков. Ведущую роль в них играли иностранцы, однако та значительная доля независимости от государства, что составляла самую сущность британской практики, здесь оказалась невозможна. Ни одна группа, сколь безобидной она ни была, не могла существовать без санкции государства. Все организации работали лишь с одобрения местных властей: они считали своим долгом надзирать за всякой деятельностью, привлекающей к участию значительное количество людей.

Футбол был сравнительно поздним пришельцем в мире русского спорта и массовых развлечений. Иностранцы какое-то время играли между собой: первой командой, собранной для регулярных матчей в 1894 году, стал клуб «Виктория» из Санкт-Петербурга. Он состоял из английских и немецких работников местных фабрик. Импульсом к созданию команды стал показательный матч, сыгранный годом ранее на Семёновском ипподроме, в перерыве между велосипедными заездами[18]. Велогонки, наряду со скачками и рестлингом, в то время были очень популярны. Источники рассказывают о футбольном матче в сильный дождь. Почти 10 000 зрителей смеялись над зрелищем вымазанных в грязи мужчин, пинающих мяч и скользящих по лужам.

Дальше процесс организации футбола в России пошел быстро. В 1896 году Георгий Дюперрон (1877–1934), родившийся в России в семье французских коммерсантов, организовал команду в Санкт-Петербургском кружке любителей спорта. В скором времени Дюперрон станет одной из важнейших фигур в развитии местного футбола. Он перевел на русский язык футбольные правила и 24 октября 1897 года вывел команду своего клуба против команды Василеостровского общества футболистов на поле Первого кадетского корпуса[19]. Хотя в футбол играли уже несколько лет в разных городах, именно этот матч 1897 года часто называют началом организованного футбола в России. Так или иначе, в 1901 году Дюперрон при поддержке лидеров британской общины организовал в Петербурге футбольную лигу. В следующие пять лет были созданы десятки новых команд, в которых играли русские, англичане и другие иностранцы. Чемпиону вручался кубок Аспдена. Дюперрон оставался на ведущих ролях и в дальнейшем. В 1912 году он инициировал появление первой национальной футбольной организации, Всероссийского футбольного союза. Союз, проводивший ежегодный чемпионат между командами разных городов, был создан после провального выступления олимпийской футбольной сборной в Стокгольме в том же 1912 году[20].

В делах новой футбольной лиги главенствовали англичане, собрания велись на английском языке, а представители России никак не влияли на ее решения. Эта ситуация воспроизводилась в то время по всему миру, несмотря на то что группы местных активистов всё более противились иностранному господству и контролю за проведением соревнований. Трения между британскими и русскими командами не ограничивались пространством кабинетов: противоборства на поле часто переходили цивилизованную грань и становились жестокими, что время от времени побуждало зрителей взять дело в свои руки. Точно по викторианской модели, эти клубы формально были любительскими, с большими денежными взносами за участие, чтобы оградить себя от бедняков. В одном из клубов вступительный взнос составлял 10 рублей, а годовой — 20, чуть больше среднего месячного заработка обычного рабочего. Другие клубы были не так дороги, однако также рассчитаны на элиту[21]. Игры регулярного сезона проходили на полянах за забором, болельщики — от нескольких сотен до пары тысяч человек — были из того же социального круга, что и футболисты.

До 1907 года футбол был далек от той формы массовой культуры, которой он к тому времени уже стал в Великобритании. По самой простой причине: массы не принимали в нем участие, а организаторы не стремились их привлекать. Кроме того, свободное время и лишние деньги, остававшиеся после уплаты налогов (западноевропейские и американские рабочие добивались этого годами политической и профсоюзной борьбы), всё еще были практически недоступны рабочему классу в российских городах. Даже после революции 1905 года, одним из центральных требований которой являлся восьмичасовой рабочий день, двенадцать часов все еще оставались обычным рабочим графиком на большинстве фабрик и заводов. Рабочие продолжали посылать почти все свои заработки родственникам в деревню, и ситуация начала меняться лишь накануне Первой мировой войны[22]. Связь между городом и деревней ослабевала. Все больше молодых людей из рабочих семей рождались в городе. Они увлекались футболом с детства, еще до того, как сами становились рабочими. Часть из них — те, чьи родители возлагали надежды на новую социальную мобильность, — играла в своих школах, коммерческих училищах, гимназиях. Сотни начинали играть в футбол с любительских матчей, проводившихся по выходным на Ходынском поле. Официальные лиги, публиковавшие афиши предстоящих встреч и печатавшие их в газетах, привлекали внимание этой новой городской молодежи, которая хотела смотреть футбол и играть в него везде, где это только было возможно.

Если молодые люди из рабочих районов не могли найти поле, они играли там, где придется. Москва не отличалась от остальных городов мира — матчи проводились во дворах, на пустырях, на кладбищах, на полянах и в парках. Дети выходили на поле в ботинках и босиком. Судей не было, зато обычным делом становились драки. Тренировки тоже были примитивными. Воспоминания Андрея Старостина о его первом футбольном поле могли быть написаны любым мальчишкой на свете:

> С того и начались мои ежедневные тренировки в ударах по намалеванным воротам на дворовом поле. Семьдесят лет прошло, а я отчетливо слышу звучный шлепок самодельного мяча в заборную стенку и вижу клочки газет, вылетающие из прохудившегося чулка[23].

Опыт Старостина практически универсален. Он мало отличается от того, что описывал Стэнли Мэттьюз, — легендарный британский игрок, родившийся на одиннадцать лет позже Андрея Старостина в Сток-он-Трент: «Когда я не играл в футбол на пустыре с друзьями, я играл дома один. У меня был маленький резиновый мячик, который я часами пинал о заднюю стену во дворе... Я вытаскивал туда кухонные стулья и практиковался в дриблинге, проводя мяч туда-обратно между ними»[24]. Из интереса таких подростков и рождались спонтанно формирующиеся команды. В России их называли «дикими», что лучше всего переводится на английский словом outlaw.

Аутсайдерский статус этих команд был подтвержден сначала элитными клубами, беспокоившимися за свое первенство, а затем и полицией — она опасалась, что футболом парни могут прикрывать свою революционную активность. «Дикий» футбол невероятно важен в предыстории «Спартака». Я упоминаю об этом, еще раз обращая внимание на то, как футбол (наряду с другими видами спорта) разделял социальные классы и увеличивал и без того растущую поляризацию общества. Все это, конечно, разрушало стабильность в городской предреволюционной России. Если во всем остальном мире футбол отвадил рабочих от радостей классовой борьбы, в России он, наоборот, только способствовал росту отчуждения между жителями рабочих районов и образованными и состоятельными юношами и мужчинами, которые играли в имперских спортивных клубах.

Петербург оставался футбольным центром империи, однако спорт проникал все дальше — в Киев, Одессу, Харьков. Что особенно важно для будущего развития игры, в числе этих городов была и Москва. В то время рабочее население второго города империи сохраняло более ощутимую связь с деревней, чем их собратья в столице. Сама география Москвы с ее неясными границами и большим количеством открытого пустого пространства сделала поиск места для игр более простым, нежели в Петербурге, где пролетарские районы были однородны и территориально четко очерчены. Тем не менее первый плацдарм был захвачен за пределами города, на текстильной мануфактуре Морозова, в деревне Орехово-Зуево, расположенной на границе Московской и Владимирской областей. В 1894 году британский инженер Гарри Чарнок (1875–1948) вместе со своими братьями и группой «специалистов», привлеченных за их футбольные таланты,

обучил игре местных рабочих. Морозов нанял братьев Чарнок, чтобы устроить для своих рабочих «здоровые развлечения», однако вскоре иностранные управляющие и инженеры основали собственную элитную команду, которая главенствовала в футболе московского региона вплоть до самой Первой мировой войны.

В присутствии британских специалистов в Орехове не было ничего необычного. Они приезжали сюда с 1840-х годов. В то время большинство промышленников в текстильной отрасли были старообрядцами и неодобрительно относились к любым играм. Нельзя сказать, что спорт способствовал установлению социального мира на морозовских мануфактурах, о чем свидетельствуют жестокие столкновения и стачки на фабриках в 1885 году и затем в конце 1890-х[25]. Только в 1905–1906-е годы противодействие чарноковской инициативе постепенно сошло на нет[26]. А в 1910-м мануфактура подготовила прекрасное поле, соорудила удобные раздевалки и обустроила территорию для целых 10 000 зрителей.

Другие фабрики последовали этому примеру, однако сильнее всего на развитие футбола повлияли обеспеченные горожане (среди них тоже было немало иностранцев), проводившие лето на дачах и игравшие прямо там. Следуя примеру своих привилегированных соседей, представители так называемой рабочей интеллигенции, разночинцы, также выезжавшие за город, вступили в игру, связав ее тем самым с небогатым городским средним классом. Увидев футбол в Орехово-Зуеве, дачники распространили его по соседним районам. То, что начиналось как нерегулярное времяпрепровождение, становилось все более организованным занятием. Вдоль многих железнодорожных линий, идущих от города в разные стороны, образовались свои футбольные лиги. Эти организации должны были иметь свои уставы, утвержденные губернатором. Именно в такой лиге Локхарт, на тот момент британский вице-консул в Москве, впервые увидел русский футбол. Позже он сам играл за морозовскую команду в Московской футбольной лиге[27].

На рубеже веков в футбол в Москве чаще всего играли летом, на окраинах. Впрочем, вскоре несколько команд появились и в самом городе. Весна и осень также вполне годились для игры. В 1895 году завод Гоппера обустроил поле в индустриальном районе Замоскворечья, по ту сторону реки, к югу от Кремля. Первоначально «стадион» предназначался только для

футболистов британской команды[28]. Первая группа русских игроков организовала команду и площадку на северо-востоке города, на Ширяевом поле в огромном парке Сокольники[29]. Этому способствовала поддержка владельца ювелирной мануфактуры Романа Федоровича Фульды (1870–1944), первого главы Московской лиги и президента Московского олимпийского комитета. Фульда был одним из главных футбольных активистов вплоть до начала революции[30].

Впрочем, в Москве дело шло медленнее, нежели в Петербурге, и только после 1905 года команд стало значительно больше. В тот год Фульда помог в организации Сокольнического клуба спорта, обустроил новое поле, теперь уже со специальными местами для зрителей. К сентябрю 1907 года был сделан следующий шаг, один из важнейших в российской спортивной истории. Лучшие игроки Санкт-Петербурга и Москвы (в большинстве своем из Сокольнического клуба) впервые сыграли друг с другом. Затем матчи стали регулярными и проходили с заметным преимуществом столичной сборной. Во всем мире междугородние матчи являлись важнейшим этапом в развитии спорта. Возможность для команд играть за пределами родного города переводит соревнование на новый уровень: усиливается ощущение национального единства и вместе с тем развивается чувство местного патриотизма. Развитие железнодорожного транспорта в России сократило время в пути, а новые трамвайные сети, появившиеся в Москве как раз перед революцией 1905 года, укрепили связь между городом и пригородом[31]. В последующие годы количество дачных команд продолжало увеличиваться. Исторически значимым стало возникновение Общества любителей лыжного спорта в 1901 году, которое вскоре переориентировалось на игру в футбол. Новый союз на севере Москвы появился в 1908 году вместе со строительством поля на Самарской дороге. Вскоре в него вошли Московский лыжный клуб и Замоскворецкий клуб спорта[32]. Новые команды появились в Петровском парке, на северо-западе и в парках к югу от Пресненского района.

Эти команды играли в футбол, но дело было не только в этом. Соревнования между ними вели к появлению групповой солидарности вне клубных границ. Клубы поддерживались богатыми торговцами и промышленниками, что создавало пространство для новой формы социального взаимодействия между состоятельными горожанами, которые могли позволить

себе подобный досуг. Промышленники сооружали поля для своих фабричных команд. Зарубежные специалисты (как правило, британцы) становились лидерами в первых командах, то есть в основных составах. Русские служащие и рабочие, сказав «нет» двуглавому дракону — водке и революции, чаще всего выступали за команды со второй по пятую. Меценаты не пытались заработать на проведении этих соревнований. Для них это было способом повысить свой социальный престиж и укрепить политическое влияние. «Есть ли лучший способ поднять самооценку, чем связать себя с единомышленниками?» — спрашивает Луиза Макрейнольдс[33].

Сложно сказать, в какой футбол играли эти элитные игроки, формально остававшиеся любителями. Кинопленок не сохранилось, большинство фотографий ничем не примечательны. На некоторых можно разглядеть поля с неплохим газоном, добротно сделанными воротами и четко проведенной разметкой. На матчах официальной футбольной лиги игроки хорошо экипированы и используют мячи нужного размера. Учитывая печальную статистику встреч российских команд с иностранными клубами, которые стали ездить по империи после 1910 года (семь побед, двадцать одно поражение, семь ничьих), справедливо предположить, что уровень игры был довольно невысок. Существующие источники (воспоминания ветеранов того времени) единогласно великодушны в своих отзывах об игроках. Даже более поздние рассказы, включая те, что попали в энциклопедии по истории игры, повествуют только о сильных качествах пионеров российского футбола. Игроки получали высокую оценку. У некоторых отмечался хороший дриблинг и необычные финты. Других выделяли за качественную игру в пас и поставленный удар. Почти никто не умел как следует играть головой — слабость российских, а затем и советских футболистов, которая заметна вплоть до настоящего времени. Российские команды следовали классической для своего времени расстановке футболистов: два защитника, три полузащитника, пять нападающих, 2–3–5. Позиции были установлены жестко, игроки практически не менялись местами. Футболисты рассредотачивались по всему полю, делая игру, по словам Андрея Старостина, «панорамной». Остановка мяча и другие технические трюки были освоены слабо, что делало игры довольно однообразными. Если верить одному из немногих источников, удары в сторону ворот были сильными,

и публика, не особенно разбиравшаяся в сути игры, громко приветствовала каждый из них, независимо от того, насколько далеко от цели пролетел мяч. Московские команды отличались активной игрой, длинным пасом и быстрым бегом — в британском стиле. Короткий пас и владение мячом были более характерны для Санкт-Петербурга[34].

Результатом стремительного появления после 1905 года новых московских команд стало создание к декабрю 1909 года городской футбольной лиги. Торжественное начало было положено 2 июня 1910 года на ужине в модном ресторане в саду «Эрмитаж», однако первый официальный матч состоялся только 15 августа. В первом сезоне приняли участие четыре команды: Сокольнический клуб спорта, «Унион», Клуб спорта «Орехово» (команда морозовских мануфактур) и Британский клуб спорта. Национальный баланс был соблюден — две российские и две британские команды вступили в борьбу за кубок Романа Фульды. В последующие годы к ним добавились Замоскворецкий клуб спорта и Общество любителей лыжного спорта, которое переключилось на футбол. Там же вскоре оказались Кружок футболистов «Сокольники» и Московский клуб лыжников, игравший на Ходынском поле. Еще дюжина клубов вступили в соревнования — Московская лига расширялась в геометрической прогрессии. Матчи проходили на огражденных забором полях, как это было и в Санкт-Петербурге. Многие из этих «стадионов» находились посреди районов с высоким уровнем урбанизации. На фотографии поля Замоскворецкого клуба спорта на Калужской улице видны жилые и фабричные здания[35].

Билетов выпускалось уже больше, чем раньше, но они редко попадали в продажу заранее. Довольно высокие цены на них ограничивали количество зрителей, и можно сказать, что посетители матчей принадлежали примерно тому же социальному кругу, что и сами футболисты. Посещаемость обычно измерялась числом от нескольких сотен до нескольких тысяч зрителей. Важные матчи между лидерами могли собрать и большее количество людей. Примерно столько же зрителей ходило и на междугородние игры. Случались встречи и с зарубежными соперниками, которые стали регулярно приезжать после 1910 года, когда пражский суперклуб «Славия» (путешествовавший под именем «Коринтианс») сыграл в Москве и Петербурге. Эти игры собирали еще больше публики — аншлаг для того времени. Хотя дорогие

билеты должны были служить препятствием для простых рабочих, дети из таких семей часто находили способ пробраться на игру «зайцами» или копили на билеты. Многие из тех парней, кто затем стал играть за «Спартак», впервые попали на большой футбол именно таким образом[36].

Вместе с игрой развивались и связанные с ней коммерческие инициативы. В Москве матчи рекламировались с помощью афиш на киосках, на стенах и трамвайных остановках. Мячи, бутсы и форма продавались в лучших магазинах города, таких как «Мюр и Мерилиз» на Петровке, а также в специализированных — среди них магазин Биткова «Всё для спорта» на Большой Никитской[37]. На спортивную тему писали периодические издания «К спорту!» в Москве и «Русский спорт» в Петербурге. Ежедневные газеты — дорогие и копеечные — также предлагали своим читателям информацию по теме. Лучшие игроки, например левый крайний Василий Житарев (1891–1961) из Замоскворецкого клуба спорта, становились знаменитостями. Ими восхищались не только болельщики из среднего класса, но и представители менее благополучных социальных групп, которых приобщала к игре новая спортивная пресса. Так в игру вступали новые люди, создавались новые команды и лиги.

В Москве рост спортивной активности пришелся на последние годы существования империи. Только после 1912 года, как отмечают исследователи, футбол стал самым популярным видом спорта в городе. Даже начавшаяся война не остановила этот рост. Хотя миллионы молодых людей были призваны в армию, царское правительство поощряло развитие футбола и других видов развлечений в военное время. Еще больше команд появлялось на фабриках и предприятиях — включая даже сам магазин «Мюр и Мерилиз». Театры, кабаре и кинотеатры были полны — как и цирки, и ипподромы[38]. Футбол распространялся так стремительно, что во время войны стало понятно: невозможно ограничить матчи городской лиги одним только воскресеньем. Для игроков, не принадлежавших к элите, это было шагом назад. Матчи теперь проходили и по будням, а это ограничивало участие игроков из рабочего круга, которые могли бы получить определенное признание благодаря своим успехам на футбольном поле[39].

Особую привлекательность спорт получил в глазах мелкой буржуазии. Своих сыновей, окончивших четыре класса начальной школы, многие посылали в коммерческие училища,

где те становились членами местных футбольных команд. Немало спартаковцев начали свой путь в спорте именно так. Связи между элитарными клубами Московской лиги и мелкой буржуазией позволяли приобщаться к игре детям из рабочих семей. В отличие от жилых районов Санкт-Петербурга, московские районы не отличались однородностью. Даже в самых индустриальных зонах фабричные рабочие жили бок о бок с ремесленниками, мелкими чиновниками, коммерсантами, а также строительными и железнодорожными рабочими. Служащие и обнищавшие дворяне тоже занимали жилье в районах, далеких от городского центра. Группы играющих в футбол приятелей состояли из людей с самыми разными социальными корнями[40]. И если социальные и экономические барьеры наряду с соответствующей риторикой имели своей целью предотвратить участие молодежи из рабочего класса в организованном футболе, все это ни в коей мере не касалось того, что происходило в низах общества.

Мужчины и женщины самых разных профессий, самого разного происхождения селились по соседству в московских рабочих районах. По словам Виктории Боннелл, «на рубеже веков не было такого явления, как просто фабричные рабочие. И Петербург, и Москва вмещали в себя самые разнообразные фабричные группы, сталкивавшиеся с различными сложностями на работе, глубоко отличные друг от друга в том, что касалось необходимых навыков или гендерного состава»[41]. И в Москве это разнообразие было еще большим, нежели в столице. Рабочие делили между собой не только фабрику, но и опыт городской жизни — они ходили за покупками, пили, играли вместе, создавая ту солидарность, которая в скором времени проявилась среди москвичей в революционные годы — в 1905-м, 1912–1914-х и в конечном счете в 1917 году.

Дети из этого неоднородного сообщества играли друг с другом на улицах. Футбол стал одним из любимых способов провести время — как для местных детей, так и для молодых рабочих по всему городу. Играли в простейшей экипировке, без формы, судей и тренеров, везде, где находилось для этого место. Эта спонтанная уличная игра, характерная для молодежи по всему свету, стала основой для дикого футбола, о котором мы уже упоминали[42]. Впрочем, эти уличные матчи между подростками все же должны были отличаться от организованного (хоть и неофициального) дикого футбола — игр, проходивших между

представителями различных команд и клубов из всевозможных социальных групп. Дикий футбол не был синонимом рабочего футбола, точно так же как московский рабочий класс не состоял только из фабричных рабочих. Спорт привлекал не только рабочих, но и студентов, мелких чиновников, клерков и служащих. В то время, по наблюдениям Бориса Чеснокова, в Москве существовало примерно тридцать пять команд вне какой-либо лиговой структуры[43].

Дикий футбол того времени по своей социальной структуре не совсем точно соответствует представлениям Локхарта о пролетариате, но хорошо описывается широко понимаемым термином «рабочий класс» Москвы, как его трактует Боннелл. В истории дикого футбола близко соприкасаются интересующие нас вопросы политики и спорта, а потому особенно обидно, что мы знаем об этом так мало. Из всей спортивной периодики только журнал «К спорту!» хоть как-то обращал внимание на дикий футбол. Маргинальный характер, относительная малочисленность матчей привели к тому, что у нас практически нет архивных материалов об этих играх. Даже в советское время ученые ссылались на недостаток информации. Все, что нам осталось, — несколько мемуаров периода после Второй мировой войны и журналистские материалы, основанные на интервью, взятых в основном в 1960-е годы. Эти источники сложно верифицировать, но они достойны упоминания, поскольку в них можно увидеть зарождение того, что затем станет местным «футбольным преданием». Россия — страна, в которой распространение слухов стало национальной забавой, и она до сих пор полна футбольных мифов и легенд, подстегивающих интерес к игре и предоставляющих новые аргументы в разговорах о ней.

Чесноков был центральной фигурой в московском мире дикого футбола. Он родился в Московской области, в Павловском Посаде. Его отец состоял служащим на железной дороге, переезжал с места на место при получении новой должности и в конце концов осел в Москве[44]. В 1905 году студент гимназии № 4 Чесноков по настоянию учителя впервые вышел на поле. Всесторонне развитый физически, Чесноков также катался на коньках на Чистых прудах. Невысокого роста, он тем не менее стал и успешным борцом. Городские цирки часто бывали аренами для схваток, долгое время остававшихся одним из самых популярных видов спорта в городе. Первый опыт Чеснокова

связал его с профессиональными борцами, которых нанимали в цирке, — и они на всю жизнь подарили ему любовь не только к борьбе, но и к цирковой жизни[45]. Для Чеснокова, как и для многих других его сверстников, спорт был одним из нескольких популярных новых развлечений в период после 1905 года. Свидетельств у нас практически нет, однако, судя по всему, большинство молодых футболистов не были настолько преданы игре, чтобы не отдавать должное и другим городским увеселениям своего времени.

Вскоре после того, как Чесноков открыл для себя футбол, он вместе с тремя братьями начал кампанию с целью убедить своего неплохо зарабатывающего, но ничего не понимающего в игре отца купить настоящий футбольный мяч. Кампания увенчалась успехом, и братья стали играть во дворе дома — как это делали все дети и подростки практически до самого заката СССР. По всему миру такие дворы становились первыми футбольными полями для миллионов городских детей. С какого-то момента более талантливые и целеустремленные ребята начинали осознавать необходимость найти большие и более безопасные игровые площадки. Чесноковы нашли такую на юге города — около Калитниковского кладбища на Александровской улице, рядом с фабрикой Гужона, в Рогожском районе. По одной из версий этой истории, которую приводит советский журналист Леонид Горянов, их игры привлекли внимание рабочих с Гужона, которые стали присоединяться к ребятам в выходные дни[46]. Игроков становилось все больше. И в скором времени изначально спонтанные встречи обрели некоторую регулярность, когда сюда стали приезжать целые команды из других районов города.

Горянов не углубляется в подробности деятельности Чеснокова как организатора, он лишь описывает процесс, в ходе которого отдельные команды из тех, что собирались у Калитниковского кладбища, были готовы присоединиться к низшей московской лиге. Но путь в официальный футбол был для них закрыт. Крупный членский взнос не давал возможности большинству товарищей Чеснокова вступить в лигу ни отдельными командами, ни даже единой группой. В 1910 году полиция, опасаясь несанкционированных собраний такого большого количества людей (а возможно, еще и восстания мертвецов), лишила футболистов их кладбищенской идиллии[47].

Чесноков собрал деньги с команд и арендовал поле у Анненгофской рощи. Стоявший неподалеку сарай стал раздевалкой. Так появился Рогожский кружок спорта — он был назван первым рабочим спортивным клубом, но, как писал в то время сам Чесноков, социальный состав команды был очень пестрым. Студенты, многие из достаточно благополучных семей (как и сам Чесноков), играли вместе с рабочими и детьми мелких буржуа, тем самым создавая пространство для мужского братства и физического самовыражения, веры в себя и гордости. Ни один из доступных нам источников не упоминает о революционных заговорах под прикрытием футбола, здесь мы имеем дело с параллельно существующими субкультурами — футбольным миром и радикальной рабочей средой. Судя по их поведению, это были современные молодые горожане, разорвавшие связь со ставшими для них бесполезными деревенскими моделями взросления и мужественности. И если по-прежнему не слишком многочисленные болельщики всё еще не были заняты чтением Маркса и Ленина, справедливо будет отметить, что при этом они превратились в искушенных горожан, способных слушать призывы левых в период рабочих стачек 1912–1914 годов, а потом и в 1917-м (хотя и необязательно следовать им). То, как с ними обращались организаторы официальных футбольных лиг и силы правопорядка, заставило их прочувствовать на себе политический антагонизм, нараставший в предвоенное время в России. И если пока этих новых горожан было не так много, чтобы защитить баррикаду внушительных размеров, само их наличие в городе и присущий им род занятий сделали их фигуры в определенном смысле маркерами значительных социальных перемен.

После основания Рогожского кружка Чесноков попытался найти как можно больше диких команд в надежде организовать собственную лигу. По ходу дела он пригласил к себе нескольких талантливых молодых игроков, и вскоре Рогожский кружок утратил свою региональную принадлежность. Кроме того, в начале 1912 года Чесноков вошел в редакцию журнала «К спорту!» и стал использовать свое положение для того, чтобы чаще говорить о диком футболе. В том же году он сумел организовать лигу, а вместе с ней и кубок, которые три года подряд выигрывал Рогожский кружок. Все это привлекло внимание и вызвало недовольство официальной Московской лиги. В ответ она подняла взносы за участие и запретила своим арбитрам судить матчи

диких команд. В 1915 году давление стало сильнее, и в конце концов однажды полиция явилась на Анненгофское поле и прервала несколько игр. На следующий день Чесноков и его товарищи по команде принесли в отделение полиции свой договор на аренду поля, однако внутрь их так и не пустили.

Столкнувшись с активным вмешательством в свои дела, Рогожский кружок приостановил работу. Но Чесноков продолжал действовать. Он наладил отношения с командой из официальной лиги, «Новогиреево», также базировавшейся на юге города. Сначала «Новогиреево» согласилось принять нескольких рогожских звезд, однако Чесноков настоял на полном слиянии. И это немедленно дало результаты — «Новогиреево» победило в финале лиги, обыграв могучую команду Морозова, которая доминировала в турнире с самого момента его основания[48]. Эти результаты легитимировали дикий футбол. Кроме того, впервые чемпионат выиграла команда, состоявшая только из русских игроков. Впрочем, и до того несколько диких команд отправляли своих лучших футболистов в Московскую лигу, и самых талантливых забирали официальные клубы. К началу Первой мировой войны футбол в России получил определенный уровень признания, смягчивший, но вряд ли полностью устранивший характеризующее его классовое напряжение.

Толпа в несколько тысяч человек из разных социальных групп стала привычным зрелищем как на международных, так и на важных внутренних матчах Московской лиги. Футбол по-прежнему оставался нарождающейся формой массовой культуры и отражал динамизм городской предреволюционной жизни. Тем не менее признание футбола в России блекло на фоне его распространения на Западе, где соревнования в нескольких видах спорта, организованные коммерческими агентами, еженедельно привлекали десятки тысяч зрителей. Даже если футбол мог проделать «политическую работу» (как считал Локхарт), его еще было недостаточно много в России для того, чтобы как-то серьезно повлиять на текущий ход событий.

Местные парни

Пока моей задачей было проследить историю возникновения футбола как в Москве, так и в остальной части империи. Идея состояла в том, чтобы наметить небольшую, возможно

слабую, связь между спортом и политическими событиями того времени. В этой главе я хочу сфокусироваться на одном конкретном районе, в котором группа мальчишек открыла для себя футбол и сдружилась друг с другом. Их совместный опыт заложил основу для того, что в конечном счете станет московским «Спартаком» — самой популярной спортивной командой Советского Союза. Конечно, в тот момент они не были особенно озабочены судьбами советского спорта, а больше думали о том, как бы хорошо провести время. Как позже писал Андрей Петрович Старостин: «У „Спартака“ было много источников, но всего одно место рождения — Пресня»[49], переименованная в Красную Пресню после победы большевиков — в знак особой воинственности, проявленной его жителями в самые решающие моменты революции.

Этот район последним сдался правительству во время восстания в декабре 1905 года, а в октябре 1917-го на всех его улицах возвышались баррикады. Однако даже с учетом этих фактов, прямо соотнести политическую активность и футбол достаточно трудно. Пресненские парни и мальчишки рьяно пинали все, что попадалось под ноги, — на пыльных улицах, во дворах и переулках, на пустырях и кладбищах, в парках, — но этот промышленно развитый район был очагом развития спорта не больше и не меньше, чем любой другой. И все же стоит рассмотреть Пресню в более широком контексте головокружительно быстрого развития экономики Москвы в конце XIX — начале XX века.

Десятый город в мире по количеству населения, Москва росла, как говорили современники, «в американском темпе» — не по дням, а по часам. Быстрое, хотя и немного запоздалое распространение футбола явилось одним из многих результатов этого роста[50]. Между тем другие последствия этого процесса не были столь благоприятны. Если распространение московского футбола имело много общего с опытом других городов, то более широкий контекст, в котором появилась эта спортивная игра, был совсем иным (вопрос, с которым не раз сталкивались историки, изучающие Россию). Похожа ли связь городского образа жизни и спорта в Москве на то, что происходило в таких крупных городах, как Манчестер, Марсель и Мюнхен, или Москва шла по пути колониальных Буэнос-Айреса, Сан-Паулу и Лимы? В России напряженные отношения между британскими экспатами

и местными жителями скорее напоминали латиноамериканский опыт. В то же время элитарный футбол Российской империи по инфраструктуре и стилю игры был подобен тому, что возник в континентальной Европе. Россию накануне революции хорошо характеризует неравномерное развитие в разного рода областях, и футбол может выступить одним из примеров такого рода.

Промышленность Москвы, особенно текстильная, бурно развивалась и каждый год привлекала десятки тысяч переселенцев из сельской местности[51]. К первому десятилетию XX века крестьяне в Москве составляли подавляющее большинство населения, в результате чего многие описывали город как большую деревню. Три четверти москвичей родились в другом месте; две трети были официально крестьянского происхождения[52]. Новые жители города работали в пригородах с одноэтажными деревянными зданиями на пыльных улицах, мощеных огромными булыжниками. Часто семьи имели свои огороды, у многих был и домашний скот. Огромные заводы существовали бок о бок с совершенно сельской местностью, а город буквально сливался с окружающей природой.

Бурный рост Москвы приносил с собой ошеломляющую нищету, ужасные жилищные условия, преступность, беспорядки и болезни. И хотя многие благие начинания местных властей были не в состоянии в корне исправить ситуацию, часто правительство, опасаясь любой самодеятельности, не давало им даже шанса попробовать что-либо изменить. Как отмечал Блэр Рабл, Москва была городом с наиболее тяжелыми жилищными проблемами в Европе, и (в списке сразу после Санкт-Петербурга) наименее здоровым:

> Нигде на континенте не было такой разрушительной бедности, как в крупных промышленных городах и деревнях России. Плачевные жилищные условия характеризовались сильной скученностью и антисанитарией. Все усугублялось очень холодными зимами, особенно трудно переносимыми в деревянных постройках, в отличие от кирпичных и каменных. Российские власти на всех уровнях были неспособны облегчить подобные ужасные условия. В той же мере на рост социального недовольства повлияли и скупость работодателей, жадность, патернализм, имперское высокомерие и ограниченность[53].

Поскольку Москва имела огромную площадь и могла расширяться за счет пригородов, плотность ее растущего населения была немного меньше, чем в других европейских столицах, в то время как число жителей в расчете на дом было самым высоким на континенте. В 1910 году заработная плата в Москве была ниже, а стоимость аренды выше, чем в любом другом европейском городе[54]. В 1912-м в Москве было 8,2 жителя в расчете на единицу жилья (квартиру или дом), по сравнению с 3,9 в Берлине, 4,2 в Вене и 4,5 в Лондоне[55]. Одна семья редко проживала в собственной квартире или доме. Десятки тысяч людей ютились в бараках. Многие обитали в подвалах, в то время как тысячи рабочих арендовали кровати (койкоместо) под лестницами или в углах чужих домов.

Подобные условия чаще всего встречались на окраинах Москвы. Богатые и более современные районы в центральной части города, около Кремля и Красной площади, были отделены бульварами с островками зелени и деревьев. Там, близ Тверской, Мясницкой, Арбата, жила элита города и располагались основные культурные учреждения: библиотеки, театры, университет[56]. Большинство же заводов находилось за пределами бульварного кольца, там же с рубежа веков проживало две трети населения города. Размещение заводов в этих районах не приводило к появлению четко очерченных рабочих кварталов, подобно тому, как это произошло в Санкт-Петербурге. Согласно наблюдениям одного американского ученого, изучавшего развитие рабочего класса в России:

> Исторически сложилось так, что в Москве никогда не было полностью промышленных районов, как Выборгский и Нарвский в Санкт-Петербурге. Напротив, крупнейшие московские текстильные фабрики и металлообрабатывающие заводы были распределены по всему городу, вперемешку с тысячами ремесленных мастерских и небольших мануфактур. Единственным важным исключением был рабочий район на Пресне, прославившийся после восстания в декабре 1905 года[57].

Исключительность района здесь, конечно, несколько преувеличена, но нельзя не отметить то, в какой степени Пресня была сплоченным сообществом. Социальная неоднородность,

отличительная черта большинства районов Москвы, на Пресне была не так заметна. Здесь почти отсутствовали зажиточные домохозяйства[58]. Даже сегодня, после нескольких волн застройки, прогулка по Красной Пресне с ее маленькими парками и деревьями вдоль улиц, где полно жилых домов и магазинчиков, по-прежнему может создать ощущение единого района.

Получив свое название по имени реки Пресня, давно скрытой под городской застройкой, этот район с нечеткими границами был расположен к западу от центра города, в непосредственной близости к кольцевой дороге. Промышленность стала развиваться здесь с XVIII века, а к 1900 году на Пресне проживало примерно 135 000 жителей и находилось около 70 заводов, в том числе Даниловский сахарорафинадный завод, табачная компания «Дукат», мебельная фабрика Шмидта, кондитерский завод Тильманса и Александровские железнодорожные мастерские. Северная граница района проходила вдоль Тверской улицы, главной магистрали города, между Триумфальной площадью и Брестским железнодорожным вокзалом. На западе четкой границы у района не было, там находилось Ваганьковское кладбище, место многих неофициальных футбольных игр, а позже и место погребения братьев Старостиных. В юго-восточной части района, около Москвы-реки, стоял гигантский завод Прохоровской Трехгорной текстильной мануфактуры, основанной в 1799 году[59]. Вот как Джозеф Брэдли описывал этот огромный завод, оказавший сильное влияние на район Пресни:

> К 1890 году это была девятнадцатая по величине фабрика в России с оборотом производства в 5 миллионов рублей и 1230 рабочими. К 1900 году число рабочих на заводе увеличилось в четыре раза, и к 1914-му 8000 рабочих управляли 45 000 шпинделей (веретен), 1500 ткацких станков и 40 хлопковыми машинами печати... В начале XX века у Прохорова были четыре дневные школы, воскресная школа, общежития для неженатых и женатых рабочих и клиника на двадцать два места с лечащим врачом. Как часто замечали сами промышленники, меры безопасности на крупных фабриках были надежнее, и они предоставляли лучшие медицинские услуги и досуг, чем фабрики поменьше или местные производства[60].

Характер текстильной работы, не требующий особой квалификации, сделал фабрику Прохорова привлекательной для приезжающих в Москву крестьян, особенно из западных провинций. Они прибывали в район железнодорожным и речным транспортом через близлежащие вокзалы.

Примерно 70 % жителей Пресни приехали из сельской местности и чаще всего работали на различных текстильных производствах. Такое число крестьян было типичным для Москвы. Многие в полусельской Пресне имели огороды и держали домашний скот. Приблизительно 4000 недавних переселенцев обитали в бараках фабрики Прохорова[61]. Другие из-за продолжительного рабочего дня и высокой стоимости общественного транспорта находили приют около завода — одноэтажные дома, в основном деревянные, оказались перенаселены. Чтобы сводить концы с концами, почти две пятых семей на Пресне должны были держать квартирантов[62]. Стесненные жилищные условия усугублялись неустойчивым и плохо организованным рынком труда, из-за чего случались частые периоды безработицы. Многие из тех, кто давно проживал в городе, ощущали свою личную незащищенность. Пресня явно не являлась самым счастливым местом на Земле:

> Этот квартал являл собой классической образец нужды и горестей рабочего класса: покосившиеся деревянные дома, грязные улицы, где рабочие снимали койки или углы в переполненных комнатах, находящихся в антисанитарном состоянии и полных паразитов. Западная часть Пресни была рассадником хулиганства, мелкого воровства и проституции. Она была столь опасна даже для бедняков, что полиция разрешила рабочим лакокрасочного завода Мамонтова около Пресненских ворот носить оружие для самообороны[63].

Учитывая это разрешение, совсем не удивительно, что рабочие Пресни без особого труда вооружились в ходе кровопролитных уличных боев в декабре 1905 года. На Пресне было семь вооруженных боевых фабричных дружин — в тот решающий момент больше, чем в любом другом районе города. Отдельные партийные объединения, по-видимому, не играли особой роли в жизни рабочих в конце 1904-го, но именно сильный

местный патриотизм способствовал их яростному сопротивлению к концу революции 1905 года[64]. Просвещенный владелец завода не только обеспечил своих работников продовольствием, но и разрешил проводить собрания на территории завода. Это позволило им выйти в поддержку других рабочих во время всеобщей забастовки в октябре 1905-го[65].

То, что жители Пресни тогда не отступили перед насилием, могло быть связано с их каждодневным опытом такого рода происшествий. Этот шумный, грязный и густонаселенный район кишел преступниками. Может, и не так, как на знаменитом Хитровском рынке к востоку от центра города, но и здесь было небезопасно[66]. Для мальчишек это было место, полное соблазнов и риска. Даже если футбол проходил в стороне от криминальных центров района, он не защищал их, но хотя бы давал возможность не связываться с миром пьянства, азартных игр, доступного секса, наркотиков и случайных убийств[67]. В мемуарах московских спортсменов описаны несколько дореволюционных районов города, и только в воспоминаниях парней с Пресни мы чувствуем сильное влияние криминального окружения.

Очевидно, что это впечатление отчасти является результатом литературных дарований Старостиных и их последующей славы, в особенности Андрея, знакомого со многими выдающимися советскими писателями. Чаще, чем у других авторов, их свидетельства привлекали внимание к красочному преступному миру Пресни, хотя на самом деле эта опасная среда так или иначе коснулась всех, кто имел отношение к районной футбольной жизни. Через Пресню с севера на юг почти параллельно пролегали две улицы — Малая и Большая Грузинские. Застроенные всевозможными магазинчиками и жилыми домами, «Грузины» давали окрестной молодежи широкий простор для хулиганства и других незаконных занятий. Обе улицы сходились на Большой Тишинской площади, где находилась печально известная Горючка — пустырь, который служил прибежищем для разнообразного криминального сброда, управлявшегося знаменитой Широковской бандой. Азартные игры, скупка краденого, лившаяся рекой водка, потасовки и убийства создали этому месту дурную славу[68]. Не раз предпринимались попытки вытеснить оттуда преступность: пустырь застраивали, но все заканчивалось поджогами — отсюда и пошло название «Горючка». Для большей части пресненской молодежи местные обитатели были не злодеями,

а героями, и множество мальчишек подпадало под их влияние. Даже Андрей Старостин, любивший впоследствии изображать себя сдержанным юношей, будущей спортивной звездой, позднее признавал, что сумел не поддаться на соблазны Горючки лишь из-за страха быть пойманным полицией и наказанным строгими родителями[69].

Многие участники дворовых футбольных баталий в итоге поддались низменным искушениям окружающего мира и ничего не добились в спорте. В этом было главное отличие Старостиных от менее удачливых соседских ребят. Их отец Петр и дядя Дмитрий, оба успешные егеря, перевезли семью из родной деревни Погост Псковской губернии в Москву, где Императорское охотничье общество поселило их в доме 46 на Пресненском Камер-Коллежском валу, в двух кварталах от Горючки[70]. Каждая семья, Дмитрий с женой и сыном, и Петр с женой и шестью детьми, по сельскому обычаю, занимала свое крыло дома, деля общую кухню и ванную комнату. Все дети Старостиных, кроме старшего, Николая, родились в Москве. Будучи охотниками, Старостины держали на участке целую свору собак. В пристройке к дому располагался питомник для двадцати пяти чистокровных псов, принадлежавших богатым клиентам, которые не желали держать животных в своих уютных домах и квартирах. В присутствии такого количества лучших друзей человека семейство наверняка чувствовало себя в большей безопасности, чем их соседи по Пресне. Большое количество охотничьих ружей в доме также наверняка было кстати.

Такие небольшие привилегии позволяли Старостиным чувствовать себя важными персонами — они свободно гуляли по окрестностям и близлежащим спортивным площадкам[71]. Это больше всего относится к Николаю (1902–1996), который по окончании четырех классов начальной школы был зачислен в коммерческое училище, где в возрасте девяти лет и познакомился с футболом. Старостины уделяли особое внимание продвижению своих детей по социальной лестнице, все они пошли по стопам Николая в коммерческие училища. Вся семья добилась значительных успехов на этом поприще (такой талант к ведению дел мог быть следствием староверских купеческих традиций). Хотя отец был женат на православной христианке, элементы старообрядческой культуры сохранились в семье и после переезда в город[72].

Поскольку отец часто уезжал на охоту, дети Старостиных бóльшую часть свободного времени играли на улице. По вечерам братья устраивали футбольные баталии два на два в своей комнате. То, что английские крестьяне изготавливали из надутого свиного мочевого пузыря, мальчишки сооружали из газет и старой маминой одежды. За этим занятием они попортили немало мебели, приводя в бешенство родителей. Само собой получилось, что их дом стал местом сбора юных пресненских футболистов, чьи уличные забавы угрожали извозчикам, которых было немало на окрестных улочках[73]. Летающие самодельные мячи пугали лошадей, и извозчики их отбирали, доводя юных футболистов до слез, на радость противников по уличным стычкам. Футбол был не единственным западным изобретением, повлиявшим на культурную жизнь пресненской молодежи. Здесь постоянно читали детективные романы, особенно популярны были Шерлок Холмс, Ник Картер и Нат Пинкертон. Трамваи, на которые было принято вскакивать на ходу и не платить за билет, открывали перед мальчишками путь в любой уголок Москвы. Так они узнавали новый облик города, и всем вместе им удавалось наскрести денег на билет в кино[74]. За пределами городского мира охотничьи связи их отца позволили юным Старостиным прикоснуться к миру новой коммерческой культуры богатых и влиятельных москвичей. Лето они обычно проводили в деревне в Псковской губернии. Неиссякаемый поток купцов и промышленников тек из Москвы — на охоту. Их прекрасные экипажи были полны угощениями из знаменитого Елисеевского гастронома на Тверской улице. После охоты отец с дядей обычно устраивали большой праздничный обед для гостей. Дети всегда принимали участие в этих увеселениях, проходивших в летней избе Старостиных. Гости любили поддразнивать детей и играть с ними. Александр Назарович Грибов, глава мануфактурной компании братьев Грибовых, был особенно привязан к Андрею, для которого «Грибов» стало семейным прозвищем. Знакомство с высокой состоятельной публикой, умение держать себя в ее присутствии повышали детскую самооценку, впоследствии этот опыт неоднократно выручал Старостиных в подобных компаниях. В период советской власти и даже после ее окончания Николай никогда не испытывал проблем с тем, чтобы сблизиться с кем-то из влиятельных людей, когда в этом возникала необходимость. Но из всех братьев, по всей видимости, Андрей тверже остальных был

уверен в своем праве на привилегии и удобства, доступные советской элите. После 1917 года братья чувствовали себя значимыми фигурами и ожидали, что и другие именитые граждане проявят к ним интерес[75].

Старостины были далеко не единственной семьей на Пресне, стоявшей у истоков местного футбола. Александр Иванович Канунников, работавший на фабрике «Лакокраска», давно жил на Пресне и открыл для себя футбол уже в зрелом возрасте. «Эх, жаль, — говорил он, — слишком рано я родился» (чтобы играть), но это не помешало ему стать заядлым болельщиком. Каждое воскресенье жена собирала ему пирожки в дорогу, и он старался попасть на столько игр, на сколько возможно. Афиши в автобусах, трамваях, на киосках или в прессе стали появляться в Москве только после 1910 года. Телефоны за пределами центра города были редкостью, болельщиков выручало сарафанное радио. К пятнице среди знающих людей распространялась необходимая информация. По словам Леонида Горянова, Канунников «садился и с бухгалтерской точностью составлял себе расписание игр субботним вечером. Он решал, куда пойти, какой маршрут избрать, что было непросто, с учетом того, что в выходные дни ходило лишь несколько трамваев»[76].

У нашего болельщика было четверо сыновей: Александр, Павел (1898–1974), Анатолий и Николай, все они родились в Москве. Когда сыновья подросли, отец брал их с собой на воскресные вылазки и прививал любовь к игре. Все четверо мальчишек были увлечены спортом. Павел стал ярчайшей звездой команды «Красная Пресня», знаменитостью первых советских лет. Он играл во многих международных матчах национальной команды первых созывов[77]. Как и Старостины, Павел Канунников впервые сыграл в организованный футбол в коммерческом училище. И так же, как в случае со Старостиными, родители Канунникова открыли перед ним путь в общество, в среду мелких буржуа. Коммерция должна была уберечь его от заводской жизни.

Во дворе училища постоянно играли в футбол, и по окончании учебы студенты расходились по окрестностям в поисках компании игроков, к которой можно было примкнуть. В 1913 году, в возрасте пятнадцати лет, Павел присоединился к команде в качестве нападающего. Худой, но с мощными ногами, он мог невероятно сильно бить по мячу и совершать скоростные

рывки, что привлекло к нему внимание Бориса Чеснокова, постоянно искавшего юные таланты. Чесноков пригласил Павла в Рогожский кружок спорта, где тот вскоре начал блистать на позиции левого нападающего. После того как полиция разогнала команду в 1915 году, Канунников последовал за Чесноковым в «Новогиреево», игравшее в официальной лиге[78]. Тем временем Канунников стал кумиром местной детворы, среди которой был и Андрей Старостин[79].

Иван (1895–1968), Сергей (1909–1953) и Петр (1901–1983) Артемьевы, трое из пятерых братьев, составляли другой видный клан пресненской футбольной аристократии. Их отец, Тимофей Артемьевич, привез семью из деревни Лобково Рязанской губернии вскоре после революции 1905 года. Не имея возможности прокормиться землей, Тимофей сумел лучше устроиться в городе: он стал сапожником, а со временем обучил этой профессии и Ивана. После краха революции 1905 года на Пресне, как и повсюду в Москве, стало непросто устраивать футбольные матчи. Полиция разгоняла любое массовое собрание молодежи, но к 1908 году эти ограничения ослабли. Именно в это время младшие Артемьевы познакомились с игрой, к ужасу и недоумению своего озадаченного отца. Мать тоже была не в восторге от того, что дети постоянно возвращались домой в синяках, царапинах и рваной одежде. Родители примирились с тем, что сыновья увлеклись чужеродной забавой только после того, как соседи уверили их, что мальчишки очень хороши в игре. Иван вскоре сблизился с Павлом Канунниковым, и эти двое стали много времени проводить вместе, тренируясь даже в самый лютый мороз[80].

В 1912 году Павла и Ивана пригласили в Общество физического воспитания Пресненского района. Их тренером был Борис Ефимович Евдокимов, один из лидеров большевистского подполья. Он использовал общество как прикрытие для агитации местной молодежи. Павел проявил почти полную аполитичность, поэтому Евдокимов сосредоточил свое влияние на Иване. В 1914 году Иван перешел в «Новогиреево» по указанию Чеснокова, позднее к нему присоединился и Павел. По окончании сезона Ивана призвали в царскую армию, он отслужил на фронте два года и вернулся на Пресню в феврале 1917-го убежденным большевиком. Его немедленно арестовали и освободили только во время Октябрьской революции. Самый политически активный

из будущих спартаковцев, Артемьев, позже сыграл важную роль в создании команды «Красная Пресня» и постройке ее первого стадиона. Как и у Канунникова, у Ивана были последователи на Пресне, особенно среди рабочих Прохоровской фабрики, где изготовлялась обувь[81].

Другие братья — Мошкаровы, Гудовы, Голубевы, Виноградовы, Воробьевы и Шелягины — тоже были частью первого поколения пресненских футболистов, но именно Старостины добились наибольших спортивных успехов и оставили подробные воспоминания о жизни своего района. Андрей Старостин — не самый ярый приверженец точной хронологии — рассказывал истории, которые можно найти в сотнях спортивных автобиографий. Вместе с тем он стремился придать специфически русское звучание своим рассказам. Однажды в 1916 году Николай отправился в парк Сокольники — посмотреть домашнюю игру Общества любителей лыжного спорта в Московской лиге[82]. Ему не хватало денег, чтобы взять с собой младшего брата Андрея, так что тот решил пуститься в путешествие самостоятельно. Андрей продумал долгий путь на трамвае через весь город, в том числе через те его районы, которые должны были бы напугать паренька, путешествующего в одиночку. Он считал это своим обрядом инициации, тем, с чего «мужественные люди» начинают воспитание своего сильного характера[83].

Андрей решил упростить свое путешествие «на край земли» и выбрал более медленный, зато простой путь по кольцу на трамвае Б, с единственной пересадкой на 6-й, на печально известном огромном и шумном Сухаревском рынке — этот район соперничал с Хитровкой и затмевал Горючку. Сухаревка не была похожа на Ковент-Гарден в Лондоне или Ле-Аль в Париже — которые в конце концов были перемещены под крышу. Она больше напоминала сцену с картины Уильяма Хогарта, чем упорядоченный рынок. Практически не регулируемая и не контролируемая полицией, Сухаревка была символическим местом, олицетворявшем собой те изменения, которые пришли в Москву вместе с капитализмом. Трамваи, в духе самого места, ходили от случая к случаю, и проезд в них оплачивался также весьма нерегулярно. Старостин как образцовая уличная шпана путешествовал, прицепившись к вагону сзади. В то воскресенье он взял с собой один гривенник, чтобы купить билет на игру. Время от времени соскакивая с трамвая, он провел не меньше получаса,

рассматривая витрину магазина спортивных товаров Биткова и восхищаясь коллекцией футбольных бутс, все еще остающихся редкостью на полях Пресни. Николай и Александр набрали нужную сумму, сэкономив на школьных завтраках, и купили обмундирование, в то время как Андрей о такой роскоши мог еще только мечтать[84].

Продолжая путь, Андрей поначалу погрузился в приятную задумчивость, которая, впрочем, очень скоро сменилась страхом, когда его трамвай стал ползти через людское море, лица в котором казались доведенными до отчаяния, а иные явно принадлежали закоренелым преступникам. Это и была Сухаревка. Ни предупреждения, ни рассказы об этом месте не подготовили Андрея к тому шоку, который он испытал, оказавшись там. Во время пересадки на 6-й трамвай на остановке внутри рынка к нему подошел нетрезвый двенадцатилетний мальчик, только что выбравшийся из пивной, и сразу же стал приставать, требуя денег. Справившись с ним, Андрей решил спрятать гривенник в самое надежное место — за щеку, в традициях старой русской торговли. Последовал еще один час пути. Успокоившись и прибыв на место назначения, он стал искать монету языком во рту. И, к своему ужасу, понял, что ее там нет. В карманах она также не нашлась. Какие-то детали этой истории наверняка могли быть подсказаны Старостину его другом, писателем Юрием Олешей. А в тот момент Андрей решил, что, по всей видимости, проглотил гривенник. Художественный вкус в брежневское время (когда писалась книга) был таким, каким был — да и вещественных доказательств Андрей Старостин привести не мог. Монета могла пропасть и во время стычки на Сухаревке, но развитие событий, при котором герой проглотил монету, явно шло на пользу всей истории. Нужно оговориться, что этой сцены в трех других источниках о том же путешествии нет, но только законченный зануда (или историк) может поставить под сомнение такую красивую легенду[85].

К счастью, обнесенный забором в два с половиной метра стадион Общества любителей лыжного спорта с трех сторон был окружен еще и березовым лесом Сокольников. Забраться на дерево, чтобы получить хороший обзор, было нетрудно. Многие поступали именно так. Открывающийся вид в той или иной мере знаком миллионам спортсменов и болельщиков:

> Передо мной открылась сказочная панорама. Огромное зеленое покрытие, размеченное белыми линиями, футболисты в синих рубашках и белых трусах, все в бутсах! Четыре флага по углам поля, ворота с массивными четырехугольными штангами, окрашенными в белый цвет, с железными сетками, издающими какой-то особый музыкально-звенящий звук, когда в них попадает мяч. <...> Все это с высоты березового сука воспринималось как чудесное сновидение[86].

Назад Андрей добрался благополучно, через ту же Сухаревку, но на этот раз безо всяких происшествий. Из путешествия он вернулся если не мужчиной, то уже и не мальчиком: он переступил границу между уличной районной игрой и современной ему версией элитарного русского футбола. Тысячи других молодых людей вслед за ним совершат тот же шаг и станут ярыми болельщиками, а во многих случаях и профессиональными спортсменами.

Для парней с Пресни возможность увидеть организованный футбольный матч не решала проблему поиска «цивилизованного» места для игры рядом с домом. Эта работа досталась Николаю, знакомому со многими жителями своего района, в нем уже можно было разглядеть человека, умеющего «решать вопросы», — того, кем он станет в своей взрослой жизни. Один из друзей предложил идею, которая казалась безумной: использовать жуткий горючкинский пустырь в качестве игрового поля. Николай заинтересовался этим предложением, другие — в особенности консервативный дядя Митя — были в смятении и боялись даже заговорить об этом с градоначальником[87]. Николай же заручился поддержкой одного местного бандита — беспробудно пьяного, с беззубым ртом. Этого обитателя суровых пресненских улиц звали Иван Захарыч, в кругу друзей известного как «Фан» (только так он мог произнести свое имя без передних зубов). Вышибала Захарыч прекрасно подошел на роль защитника молодых ребят, которых он знал как участников уличных драк стенка на стенку, где сам всегда бывал в первых рядах.

Эти драки, иногда привлекавшие толпу до 10 000 человек на зимнем берегу Москвы-реки, продолжали традицию, насчитывающую несколько столетий, — развлечение и испытание мужской дружбы в среде людей низшего сословия: крестьян,

а затем и горожан. «Стенка» отличалась набором своих особенных ритуалов, системой правил и заключением пари на бойцов. В деревнях подобные бои были способом контроля за уровнем насилия в мужской среде, социальной общинной практикой[88]. Дэниел Брауэр видел в ней корни того насилия, которое затем распространилось на революционеров-рабочих[89]. В своих мемуарах «Футбол сквозь годы» Николай Старостин нарисовал куда более благоприятную картину: тщательно спланированное, проводившееся по правилам соревнование между группами драчунов из разных районов, делавшее молодых городских парней жестче и ставшее для них школой мужества, которую в городе найти непросто[90]. Кроме того, Старостин уверял своих читателей, что «стенки» исчезли вскоре после революции. Само собой, это было не так.

Зимой Старостины с друзьями катались на коньках на Патриарших прудах, на северо-востоке от Пресни. Давшие имя целому району, пруды со всех сторон были окружены современными и удобными жилыми домами. Это была прогулка на пятнадцать минут — из мира хаоса и насилия на Пресне к комфорту и покою района для зажиточных москвичей, в который Старостины сами переедут в 1930-е годы. Близость двух таких разных районов способствовала превращению Николая Старостина в человека без границ, который прекрасно ориентировался как среди богатых, так и среди бедных. Его двоюродный брат Иван (сын дяди Мити) был конькобежцем, выступавшим за Русское гимнастическое общество, располагавшееся по соседству. Среди тех, кто помогал молодым спортсменам в этом районе, был человек по имени Николай Гюбиев (1868–1942), торговец из магазина «Мюр и Мерилиз». Его работа предполагала длительные путешествия в европейские столицы. По некоторым сведениям, он отвечал за спорттовары, другие источники утверждают, что он занимался женской одеждой[91]. Не имевший своих детей, горячий поклонник спорта, Гюбиев приглашал к себе домой ребят со всего района, а его жена угощала всех чаем с вареньем. Гюбиев стал заместителем председателя, а позднее и председателем Замоскворецкого клуба спорта.

В этой роли о нем впервые узнал юный Андрей. Однажды его послали купить мяса для охотничьих собак отца. В окне киоска он увидел спортивный журнал. Потратив сдачу, Андрей впервые взял журнал в руки и увидел на одной из

страниц фотографию команды Замоскворецкого клуба спорта вместе с элегантно одетым усатым мужчиной, которым и был Гюбиев. Впечатление оказалось так велико, что с тех пор Андрей стал болельщиком клуба и поклонником его руководителя. После 1910 года спортивные журналы вроде «Русского спорта», выходившего в Петербурге, прочно вошли в жизнь семьи. Отцы семейства — Петр и дядя Митя, охотники и любители животных, — также были поклонниками скачек, регулярно освещавшихся в этом еженедельнике. О футболе тут писали меньше, но все же писали, так что ребята немало узнали об игре из этого издания[92].

Гюбиев представил Николая своим коллегам в Русском гимнастическом обществе, которое вскоре пригласило его выступать за них в качестве конькобежца. Как и у Замоскворецкого клуба спорта, у Общества была своя футбольная команда, но не было поля. Старостин предложил секретарю Общества Николаю Михееву, члену Российского олимпийского комитета, сделку с широковской бандой на аренду Горючки. Главный покровитель Русского гимнастического общества В. Н. Шустов, хозяин коньячного завода «Колокол», поначалу сомневался, не повредит ли такая сделка его репутации, но затем дал согласие. Возможно, свою роль сыграло и то, что широковцы были надежными покупателями его продукции. С Фан Захарычем в роли посредника Николай повел хорошо одетых, но заметно напуганных членов делегации спортивного общества прямо в центр пресненской грешной жизни. Старостин предложил Обществу очистить территорию, построить раздевалки и использовать поле один день в неделю. Все оставшееся время «поляна» могла использоваться хозяевами для их обычных занятий. За хорошую плату авторитетные люди из широковских согласились на сделку. «Вы будете играть в карты, мы будем играть в футбол — как хорошие соседи», — сказал им капитан команды Михаил Петухов. Возникшее чувство взаимопонимания почти сразу было нарушено — в тот момент, когда Михеев, уже покидая Горючку, обнаружил, что его кошелек украден. Разъяренный и пристыженный Фан Захарыч быстро потребовал кошелек обратно и вернул его владельцу, к большому облегчению Николая Старостина[93].

Дело было сделано, и вскоре настал день первого матча. Николаю предстояло дебютировать в официальной игре в желто-черных цветах Общества. Накануне вечером, в ходе очередного мужского обряда посвящения, братья разложили

футбольную форму на его кровати. Андрей описывает этот момент так: «С такой бережностью и любовью укладываются только подвенечные платья. В полдень чудесного летнего дня мы сопровождали нашего жениха под венец. Храмом была Горючка, невестой — игра»[94]. К сожалению, в тот прекрасный летний день «на алтаре» обнаружилась мертвая лошадь Фан Захарыча. Умершее животное убрали с игрового поля и похоронили рядом с ним. Едва матч начался, стало понятно, что день не заладился ни для Общества, ни для Николая, который не поспевал за своими более взрослыми противниками. Зрелище становилось все более странным, когда труп лошади стал раздуваться на летней жаре, отчего над ним постепенно вырос холм. В будущем широковцы стали приходить на матчи болеть за своих «соарендаторов». Правда, у них была несколько сомнительная манера бить соперников, которым хватало безрассудства выиграть у хозяев на их поле, что заставляло самих футболистов Общества вставать на защиту своих противников. Однажды широковцам было сказано, что если информация дойдет до официальных кругов в футбольной лиге, взаимовыгодное сотрудничество может закончиться. С этого момента местные бандиты сразу же присмирели[95].

Остается некоторая неясность относительно того, когда, собственно, произошел этот первый матч. Случилась ли игра до или после революции? Николай утверждает, что матч состоялся в 1918-м, в то время, когда Русское гимнастическое общество еще существовало и матчи в лиге возобновились, хоть и в усеченном режиме из-за начавшейся Гражданской войны. Андрей тоже не уделяет вопросу хронологии особого внимания, но рассказывает несколько более подробных историй, откуда становится ясно, что матч не мог быть сыгран после победы большевиков. В 1918 году уже не существовало бы градоначальника, к которому апеллировал дядя Митя, а хозяин коньячного завода, если бы и не эмигрировал, наверняка имел бы куда более важные заботы, нежели беспокойство о своей репутации. В условиях бедности и Гражданской войны, даже в первое ее лето, трудно представить себе специально выделенные средства для такого необязательного дела, как создание и обустройство футбольного поля. Тем более если деньги на него шли из одного, частного кармана. Кроме того, бандитская активность на Горючке была бы менее напряженной и не привлекала бы так много внимания

в 1918 году, а хорошо одетый джентльмен скорее имел бы дело с криминальными личностями по совсем другим вопросам, нежели аренда пустыря.

Более детальная версия Андрея убедительнее короткого свидетельства Николая. В 1983 году занимавшийся вопросами хронологии советский журналист Леонид Горянов четко заявил, что первая игра Николая состоялась до революции, но точного числа также не указал. Андрей условно датирует это событие 1918 годом в своей последней книге, вышедшей посмертно. Однако, вероятно, что летом 1918-го его вообще не было в Москве, так как молодых членов семьи в то время срочно перевезли в деревню, подальше от голода и войны. Учитывая то, как подробно он описывает все события, похоже, что он все-таки присутствовал при официальном футбольном дебюте Николая[96]. И, кроме всего прочего, Андрей упоминает, что старшему брату было четырнадцать лет во время его первого матча, что согласуется с часто упоминающейся, но неверной датой рождения Николая (1902 год)[97] и вновь переносит события в 1916-й.

Это ставит перед нами новые вопросы. Трудно себе представить, что Николай дебютировал в большом футболе в столь юные годы. Даже будущей звезде в таком возрасте трудно играть против взрослых мужчин. А они не были слабаками: несколько игроков, выходивших на поле в тот день, в первую очередь Константин Квашнин (1899–1982), затем играли на вполне серьезном уровне. Пожалуй, Николай все же не мог быть так молод в день своего дебюта. Точная дата рождения «великого футбольного патриарха» всегда была окружена некоторым налетом таинственности — и он сам никак не помогал преодолеть это затруднение. Неизвестные ранее источники из архивов Советской армии и госбезопасности, равно как и материалы спорткомитета, дают нам другую дату его рождения — 1898 год. Если эта цифра верна, Николай дебютировал восемнадцатилетним, что гораздо более правдоподобно[98].

Старостинские воспоминания образуют то, что я бы назвал «спартаковским преданием». Я обсуждал и приводил здесь логические пропуски и фактологические ошибки в мемуарах не для того, чтобы как-то дискредитировать рассказчиков. Моя цель — продемонстрировать, что при чтении воспоминаний нужно быть очень внимательным. Со временем воспоминания

стираются. Люди так часто рассказывают другим истории о себе, что сами начинают в них верить. В этом смысле старостинские неточности абсолютно естественны, они, так или иначе, свойственны всем. Сознательно или нет, но они рисуют «Спартак» командой, пришедшей с бедных московских улиц. В будущем миллионы простых людей будут идентифицировать себя с ней, и им будут неважны возможные недочеты в этих мемуарах. Говоря об истории происхождения команды, Старостины подчеркивают свою независимость, создавая определенный образ для спартаковской аудитории более позднего времени.

Пресня и революция

После свержения царя и установления власти Временного правительства в обоих футбольных мирах — элиты и улицы — игра продолжалась. Даже победа большевиков в октябре ее не остановила. Ни в одной из множества книг Старостиных не уделяется большого внимания событиям, которые, по мнению многих, имели планетарное значение. В работах Горянова сказано просто: молодые люди, такие как Канунниковы, Артемьевы, Старостины и их друзья, приветствовали новую власть. Только Иван Артемьев, настоящий большевик, принимал в происходящем активное участие вместе со своим братом Петром. Николай Старостин пишет, что его «либеральный» отец приветствовал обе революции и ходил в центр города в октябре посмотреть на демонстрации. Имена будущих футбольных звезд отсутствуют и в воспоминаниях тех людей, что действительно возводили баррикады на Пресне, равно как и в обширной русской и западной литературе об этом чрезвычайно активном в революционное время районе города[99].

Прохоровская фабрика была центром боевых действий на протяжении всего года. В тех случаях, когда рабочие поддерживали какую-либо партию, они, как правило, выбирали популистов-эсеров, а не меньшевиков или большевиков. На июньских выборах в советы эсеры получили почти в пять раз больше голосов, чем меньшевики и большевики вместе взятые. Дайан Коенкер на основе документов описала, как на Пресне (и в остальной империи в целом) ситуация драматическим образом поменялась к сентябрю, после провала контрреволюционного переворота генерала Корнилова. На сентябрьских выборах

в советы большевики уже были местными лидерами. Теперь они оказались популярны не только в среде фабричных рабочих, но и в целом среди населения, принявшего решение их поддержать[100]. Квалифицированные рабочие, служащие, клерки, инженеры и все те, кто не хотел принимать участие в событиях октябрьских дней, как правило, покидали город и уезжали в свои родные деревни. Наши герои, молодые футболисты, оставались в Москве, дома, в безопасности, не выходя на улицу до тех пор, пока стрельба не закончится.

До революции преуспевающее московское купечество вместе с большинством остального среднего класса второго города империи создало специфически российскую, но вполне современную коммерческую культуру с самыми разнообразными развлечениями. Футбол в Москве пока не стал частью массовой культуры с десятками тысяч болельщиков из беднейших слоев, заполняющих стадионы каждую неделю. Тем не менее для многих представителей новой российской элиты он уже считался полезным времяпрепровождением. За ними были готовы последовать и другие социальные группы, принявшие игру несмотря на множество различных преград.

Во времена головокружительных социальных и культурных перемен молодые футболисты, играя в эту суровую мужскую игру, создавали новые образы маскулинности. Для Михаила Ромма (1891–1967), образованного московского еврея, некоторое время бывшего капитаном национальной футбольной сборной, эта игра была «мужественной, жесткой спортивной борьбой»[101]. Андрей Старостин впоследствии будет описывать футбол как «мужской спорт». Крестьяне смотрели на жителей города как на мягкотелых, оторванных от земли и обладающих проблемной сексуальностью людей (горожане, в отличие от деревенских, заметно реже вступали в брак). Рабочие, оставившие деревню ради города, теперь создавали свои собственные формы мужественности. Писавший о санкт-петербургских пролетариях Стивен Смит отмечал сложности этого перехода и ту роль, которую в нем сыграл спорт:

> Десятки тысяч молодых мужчин, приезжавших в Санкт-Петербург, привозили с собой «традиционное» понимание мужественности: мужской статус приобретался через женитьбу, работу на земле и формы «телесности»,

> подразумевавшие физическую силу и здоровье. В городе эти ценности оставались преобладающими, однако они уже были освобождены от своего патриархального авторитета... Напротив, в городской индустриальной среде работа, семья и свободное время становились более разнообразными, с их помощью конструировались новые представления о том, что значит быть мужчиной[102].

Футбол предлагал как урожденным москвичам, так и недавно прибывшим в город людям другой способ утвердить свою мужественность в новом общественном пространстве. Эти занятия сами по себе не означали, что буржуазия и пролетариат нашли общий язык на футбольных полях Москвы. У буржуазии и рабочего класса по-прежнему было мало общего. В то время как рабочие стремились освободиться от крестьянских представлений о том, что значит быть мужчиной, буржуа развивали элитистские версии этих форм, также отличавшиеся от типично аристократических (исторические корни мужского поведения аристократии лежали в армейской службе).

Футбол в дореволюционной Москве мог временами принимать форму социального удовольствия, каким его представлял себе Локхарт, однако чаще он все же служил для того, чтобы указывать различным группам на их место в изменчивой, но все еще чрезвычайно строгой общественной иерархии. Это кажется гораздо более очевидной мыслью, нежели утверждение о том, что если бы простые люди чаще играли в футбол или смотрели матчи, то меньше участвовали бы в классовой борьбе. Даже на текстильных фабриках Морозова, в этих храмах молодого московского футбола, тысячи рабочих были задействованы в стачках и беспорядках. Футбол в последние годы Российской империи не был ни полностью консервативен, ни открыто революционен. Как и многие другие области, он являлся спорной территорией. Определяющие факторы, отделяющие победу от поражения, активность от пассивности, воинственность от безразличия, лежали вне пределов футбольного поля.

Ранний российский футбол следовал общемировым тенденциям развития игры. Местный контекст, впрочем, был совершенно иным. Эта игра, изобретенная или импортированная средним классом, повсюду в мире распространялась среди более низких социальных слоев. В Российской империи этот процесс

был блокирован полицейским контролем и сопротивлением со стороны элиты, не принимавшей в свою игру молодых рабочих (и их младших братьев). В канун революции в России появились признаки той спортивной эволюции, которая уже произошла во многих странах мира. События октября 1917 года одновременно и приостановили этот процесс, и открыли дорогу для большого числа новых желающих принять участие в игре.

2. ДО ПОЯВЛЕНИЯ «СПАРТАКА», 1917–1935 ГОДЫ

До начала Гражданской войны весной 1918 года большевики постепенно выполняли программу, на которой основывалась их политическая победа: земля, мир и хлеб. На второй день советской власти был выпущен Декрет о земле; мирный договор с Германией, подписанный в Брест-Литовске, должен был остановить войну. С хлебом дела обстояли сложнее. И уж несоизмеримо дальше в списке приоритетов новой власти стояла политика в отношении футбола. До революции среди игроков насчитывалось всего несколько большевиков, в верхушке партии футболистов было совсем мало. Когда Россия покинула арену мировой войны и ее саму захватили несколько противоборствующих армий, последнем, о чем стоило беспокоиться, была игра в футбол.

Захват власти прошел относительно бескровно, но борьба за ее удержание велась уже совсем иначе. Надежды на децентрализованный и демократический социалистический порядок вскоре были оставлены, и большевики быстро перешли к укреплению своих позиций. Все возрастающий авторитаризм способствовал милитаризации общества и экономики. Некоторые партийцы считали, что завоевания революции должна защищать добровольческая милиция, но Лев Троцкий, новый народный комиссар по военным делам РСФСР, потребовал создания профессиональной армии. Со всеми оговорками его предложение оказалось принято, и в скором времени появилась Красная армия.

Как и многие другие стороны жизни, спорт и физкультура были подчинены потребностям текущего момента. Мировая война подорвала здоровье крестьян и рабочих, служивших

в царской армии, и теперь с этой проблемой приходилось иметь дело уже командирам новых революционных сил. В мае 1918-го была создана система курсов и школ физического воспитания, призванная улучшить физическую форму новобранцев. Система получила название всеобщего военного обучения, коротко — Всевобуч[1]. Фигуры, которые в будущем сыграют очень важную роль в истории «Спартака», — братья Артемьевы, Константин Квашнин и Михаил Козлов (1895–1964) — стали инструкторами в новой организации, которая, впрочем, не уделяла футболу практически никакого внимания[2].

Работа Всевобуча основывалась на убеждении, что физическая форма — важнейший фактор успеха на поле боя. Надо сказать, что в начале современного олимпийского движения генералы и адмиралы похожим образом связывали спорт и войну. Но для подготовки хороших солдат не все виды спорта были одинаково полезны. И Всевобуч, и первые олимпийцы выделяли для себя такие дисциплины, как легкая атлетика, плавание, борьба, фехтование и конный спорт — у каждой из них имелось свое военное применение. Эти виды спорта признавались разумными и приемлемыми формами активного отдыха. Футбол с его непредсказуемостью и насилием мало подходил для тренировки и муштры. Игра была скорее способом выпустить пар после других физических упражнений, предполагающих демонстрацию дисциплины и уважения к начальству. Так что хотя футбол в конце концов был включен в программу Всевобуча, в официальной спортивной системе первых лет существования Советов он оставался делом второстепенным.

Гражданская война сопровождалась массовым голодом, болезнями, беспорядками и запустением в городах. Удовольствие от такой спонтанной игры, как футбол, — с его неуправляемыми и жаждущими развлечений болельщиками, а часто и необузданными игроками — плохо вписывалось в новый политический режим. Война была занятием «серьезным», и веселье допускалось только в определенных границах. Перед населением и властью стояли более насущные задачи поиска пропитания и борьбы с белыми; для игры времени практически не оставалось. В прифронтовых городах, таких как Петроград, футбольных полей стало заметно меньше. Многие были засажены овощами, чтобы накормить голодающее население. Чуть дальше от фронта, в Москве, обстановка была спокойнее, однако

и там далеко не благополучной. Чтобы избежать голода, бóльшая часть семьи Старостиных (без Николая и Александра) вернулась в родную деревню. Необходимость добывать еду заставила отца продать почти все свои призовые охотничьи ружья. В 1920 году Петр Старостин умер от тифа, и Николай стал старшим мужчиной в семье. За год до этого Артемьевы потеряли отца в пожаре в Рязанской губернии, куда семья (за исключением Ивана и Петра) вернулась в поисках пропитания[3]. В столь тяжелых условиях спорт в столице оказался где-то на задворках.

Институции, некогда работавшие на поддержку московского футбола, прекратили свое существование. Заброшена была и футбольная инфраструктура, собственность, экипировка. Часть полей использовалась для армейских нужд, часть все еще оставалась доступна для игр. В этих условиях старая Московская лига возобновила работу. Традиционные междугородние матчи Петербург — Москва продолжались даже во время Гражданской войны. Никуда не исчез и азбучный набор из клубов — Замоскворецкий клуб спорта (ЗКС), Кружок футболистов «Сокольники» (КФС), Русское гимнастическое общество (РГО), Общество любителей лыжного спорта (ОЛЛС) и так далее. Некоторые звезды дореволюционной эпохи также были на поле. И все же наибольшие перемены коснулись состава команд. Многие состоятельные игроки и руководители дореволюционных клубов вышли из игры. Остались на своих местах Георгий Дюперрон, Николай Михеев в Русском гимнастическом обществе и Николай Гюбиев, возглавлявший Замоскворецкий клуб спорта[4]. Зарубежные игроки уехали, расторгнув связь местного футбола с его родиной, Великобританией. Теперь новые, менее привилегированные социальные группы больше не оставались вне игры: ворота футбольных полей были открыты.

Разумеется, не все граждане нового государства могли воспользоваться этими возможностями для отдыха. Многие из тех, кто поддержал революцию, продолжали служить в Красной армии. Другие не надевали свои бутсы, опасаясь ареста, казни или встречи с толпой солдат, оккупировавших игровые поля[5]. В полузаброшенной Москве случались перебои с электричеством, а это означало, что по выходным, когда проходило большинство матчей, трамваи не работали. Поэтому на городских улицах нередко можно было наблюдать пешие миграции самих футболистов и их болельщиков. Некоторые путешествия занимали

по нескольку часов, в течение которых, по воспоминаниям Андрея Старостина, сочинялись и пелись футбольные частушки, а также рассказывались всевозможные истории, позволявшие не скучать в дороге[6].

Уровень самого футбола также упал. Сотни профессиональных игроков, судей, организаторов уехали. Хотя часть дореволюционных звезд осталась на месте, новым футболистам приходилось играть в значительно менее благоприятных условиях. Международная изоляция предполагала в том числе отсутствие игровой формы из «Мюр и Мерилиз». Нехватка продовольствия и дров для отопления не могли не влиять на уровень подготовки и физическую форму футболистов. Свободного времени также было мало, но, несмотря на все препятствия, Московская лига составила довольно строгий график игр, включавший в себя даже несколько междугородних матчей. Люди победнее, которые не могли позволить себе билет на футбол до революции, теперь приходили посмотреть на одно из немногих оставшихся в городе развлечений.

Первый из коротких московских сезонов прошел при преимуществе довоенных фаворитов — Замоскворецкого клуба спорта под управлением Гюбиева. Павел Канунников остался в «Новогиреево», однако вскоре, после распада команды, перешел в Кружок футболистов «Сокольники», еще дальше от своего пресненского дома. Компанию ему составил старый приятель Иван Артемьев. За Замоскворецкий клуб спорта играли несколько будущих звезд «Красной Пресни», таких как центральный полузащитник Константин Блинков (1896–1947) и блестящий молодой нападающий Петр Исаков (1900–1957), прозванный «Профессором» за точность передач и глубокое понимание игры[7]. В 1918 году Петроград оборонялся от белых, так что традиционный междугородний матч был перенесен в Москву. Лишенный своих лучших игроков, Петроград проиграл с нехарактерным для таких матчей счетом 9:1. В течение трех следующих лет игроки теперь уже бывшей столицы мстили москвичам за это поражение. Революция повлияла и на формирование московской команды. В 1918-м за нее выступали только четыре человека из состава 1917 года; наиболее известными из игроков были Исаков и Павел Канунников. В 1920-м к ним присоединился Петр Артемьев[8].

Московская лига также была переформатирована. В 1918 году соперничать за первенство оказались готовы только

девятнадцать команд, но к 1921 году, когда закончилась Гражданская война, их количество заметно увеличилось. Павел Канунников и Иван Артемьев осели в Кружке футболистов «Сокольники». Другие, такие как Николай Старостин и Константин Квашнин, продолжили выступать за Русское гимнастическое общество, но Горючка с ее забором, пущенным на дрова, была потеряна навсегда[9]. Футболисты из района, который ныне именовался Красной Пресней, теперь могли играть только далеко от дома. Замоскворецкий район располагался близко, а вот в Сокольники в условиях Гражданской войны добираться приходилось довольно долго. Тренировки на неделе означали длительные поездки на трамвае после работы, а отсутствие транспорта по выходным вынуждало пресненцев ночевать всем вместе накануне игр.

В конце 1921 года Гражданская война шла к завершению. Иван Артемьев, главный большевик в компании спортсменов из Пресни, взял на себя руководящую роль в обустройстве новой спортивной площадки в родном районе. Красная Пресня, напомнил он районному комсомолу, особенно отличилась в 1917 году. Он считал, что новая организация, со своим полем и инфраструктурой, должна быть создана именно для смелых и любящих спорт рабочих революционной Красной Пресни[10]. Артемьев, конечно, не мог тогда знать, что его инициатива положила начало процессу, который спустя четырнадцать лет приведет к созданию самой популярной спортивной команды в советской истории.

Проекты, инициативы и развлечения

К концу Гражданской войны футбол перестал быть второстепенным развлечением, мало приспособленным к текущему моменту. Напротив, игра теперь очень удачно адаптировалась к резко изменившимся условиям. После испытаний Первой мировой, революции и Гражданской войны новый режим столкнулся с невероятно трудной задачей восстановления и реконструкции. В некоторых партийных кругах возникли далеко не всегда рациональные ожидания скорой и неминуемой победы коммунизма. Ленин, который всегда с легкостью шел на смену тактики, напротив, осознавал, что с окончанием войны нужно уходить от политики военных лет. Как только военный конфликт перестал быть главной движущей силой

государственной политики, дебаты о будущем направлении революции разгорелись с новой силой.

На поворотном X съезде партии в марте 1921 года Ленин представил курс, названный новой экономической политикой, или просто НЭПом. Он начинал «стратегическое отступление» от государственного контроля над экономикой в сторону частичного восстановления рыночной системы. Как следствие, молодое государство признавало необходимость ограничения собственной власти и меньше требовало от населения[11]. Был выбран постепенный переход к социализму, и вопрос, насколько он должен быть постепенным, стал главным в ожесточенных дебатах следующих семи лет. Некоторым нэп казался долговременной стратегией достижения результатов новой власти. Другие, приветствовавшие переход в коммунистическое будущее, не могли дождаться его скорейшего прекращения. Нэп позволил населению ввернуться к определенному уровню благосостояния, особенно в Москве, но «стиль и характер этого нового благоденствия (танцы, модная одежда, дорогие рестораны) противоречили большевистской морали в представлении о том, что такое коммунизм»[12].

Нэп был временем неопределенности и трудностей, но вместе с тем и эрой великих возможностей. Для большинства «деталей», из которых конструировалось новое постреволюционное общество, просто не существовало чертежей, поэтому все подвергалось активному обсуждению. Разнообразные группы открыто спорили о роли революционной культуры в обществе, где переворот был совершен от имени масс. Кто должен встать во главе процесса? Насколько передовыми должны быть культурные формы? Что из старого наследия должно быть сохранено? Какой должна быть роль потребителей, в противоположность создателям, этой новой культуры? Физическая культура и спорт являлись частью этих споров, связанных с разнонаправленной конкуренцией за поддержку государства и благосклонность новой советской публики[13].

Ни интеллектуалы-авангардисты, находившиеся в поиске абсолютно новых форм самовыражения, ни члены соперничающего с ними более плебейского Пролеткульта не учитывали в своих размышлениях две основные модели спорта в капиталистическом мире: элитарный мир любительского спорта и олимпийское движение, исключавшие из своих рядов рабочих

и женщин. При этом профессиональная спортивная деятельность превращала в товар и саму игру, и ее участников. И все же из двух моделей первые советские экспериментаторы выбирали любительский спорт, считая его более пригодным для своих целей, нежели футбол, который, с их точки зрения, уводил рабочий класс в сторону от революционной проблематики. Когда Анатолий Луначарский, нарком просвещения, или какой-то другой руководитель начинали рассуждали о спорте, футбол всегда оказывался где-то на заднем плане[14]. Но спорт в целом вполне удачно вписывался в освобожденный мир зрелищной культуры: пролетарской и новой буржуазной, что расцветала в обществе, в рамках которой простые советские женщины и мужчины могли сами выбирать, как им развлекаться, отдыхать и восстанавливать силы.

Перемены были быстрыми и радикальными. В то время как государство утвердило свой контроль на «командных высотах» в экономике, розничная торговля, сфера обслуживания, развлечения и широкий круг других консюмеристских индустрий вернулись к старым владельцам или обрели новых. Тысячи компаний создавались частными предпринимателями. Всевозможные товары — предметы роскоши и первой необходимости — быстро наводнили прилавки заново открывшихся магазинов и модных лавочек[15]. Возрожденные международная торговля и туризм вернули СССР в динамичный мир мировой культуры начала 1920-х, а Москва стала центром консюмеризма и потребления[16]. Представителей нового класса богатых дельцов стали называть нэпманами (впрочем, не все они были мужчинами), и к 1926 году в одной только Москве их насчитывалось около 100 тысяч[17].

Не зная, как долго продлится «послабление», эти новоявленные буржуа щедро пускали деньги на ветер. Они создали целый декадентский мир роскошных ресторанов, ночных клубов, казино и кафе, где пили, играли, танцевали, принимали наркотики и смело предавались разврату[18]. Улицы наводнили арендованные линкольны. Повсюду ездили частные такси, раскрашенные в международные желто-черные цвета. Послевоенный джаз и быстрые ритмы нашли в советских городах свой восточный форпост. Открылись сотни частных музыкальных компаний и танцевальных студий[19]. Вскоре западная музыка и танцы обрели популярность у широкой аудитории — и не только у нэпманов

мужского и женского пола. Молодые пролетарии — парни и девушки (иногда даже партийные) — исполняли танго и фокстрот в рабочих клубах и на частных вечеринках. Возродилась киноиндустрия. Параллельно с новыми политическими фильмами — с их дидактикой и радикальной формой, позитивно принятыми авангардной и международной аудиторией, — советские режиссеры снимали и вполне обычное кино, популярное у простой публики. Впрочем, цены были высокими, а кинотеатров — совсем немного, так что эта форма зрелищной культуры (на которую в будущем государство возлагало такие большие надежды) была не слишком распространена.

Кино и спорт стали новыми формами досуга, особенно привлекательными для молодых людей[20]. Эти развлечения были связаны с дореволюционным опытом, подвергшимся в свое время дискредитации, и в мировом масштабе оба заняли центральное место в новой массовой культуре. Звездные имена появлялись и там, и там — актриса Мэри Пикфорд и боксер Джек Демпси были известны всем. И что более важно, советская аудитория теперь могла считать себя частью этой глобальной культуры.

Нэп стал средой, в которой Старостины, тоже своего рода звезды в спортивном мире, чувствовали себя довольно уверенно. Андрей, которому было пятнадцать в начале нэпа, вспоминает эти времена особенно живо: «Молодость моего поколения прошла, вплотную соприкоснувшись с бытом и нравами того времени. Москва больше не голодала. Теперь всего было вдоволь. Темп жизни необычайно возрос. Время стремительно летело вперед. Сутки сократились в объеме. Ложились поздно, вставали рано». Новые моды испытывали на прочность старые. Шикарную одежду можно было найти «У Куприянова», ботинки — «У Джимми»[21]. Братья стали завсегдатаями кафе и ресторанов на Тверской. Вновь была открыта огромная «Прага» на Арбате[22]. Старостины с друзьями часто посещали ресторан роскошной гостиницы «Националь», заходили в «Медведя» на углу Брюсова переулка, в кафе Филиппова в Козицком переулке и в «Ку-Ку», где выступал цыганский хор (в северной части Красной Пресни, на Садовой-Триумфальной). Футболисты всегда были желанными гостями в кафе «Скала», где за «разговорами о тактике» опрокидывались кружки пива (а иногда и чего-нибудь покрепче)[23]. Еще хозяин «Скалы» любил поэзию, и именно там Андрей Старостин

впервые услышал читавших свои стихи Сергея Есенина и Владимира Маяковского. Хорошо одетые проститутки фланировали по Тверской от «Ку-Ку» вниз до Триумфальной площади. «Рестораны с кабинетами, — отмечает Старостин, — работали днем и ночью»[24].

В 1922 году под патронажем Министерства сельского хозяйства возродились скачки, еще одно легкомысленное времяпрепровождение, и братья Старостины, разделявшие отцовскую страсть к лошадям, часто приходили на ипподром. Ипподром на Беговой улице на северо-западе Красной Пресни регулярно принимал у себя театральных и литературных знаменитостей, среди которых были большой любитель кавалерийских лошадей писатель Исаак Бабель и артист Леонид Утесов[25]. Футбольные звезды были желанными гостями в их компании, разговор часто заходил о спорте. И хотя у нас нет абсолютно никаких свидетельств о нелегальных ставках, вполне резонным кажется вопрос, ставили ли там только на лошадей или на что-то еще.

Профессиональная борьба — еще одно полулегальное спортивное развлечение — также была возрождена во времена нэпа, и Андрей посещал эти схватки при любой возможности. Чаще всего они устраивались в Никитинском цирке на Садовой-Триумфальной. Борцовские поединки проходили в этом цирке главным образом потому, что только там имелась арена подходящих размеров. Спорт в двух своих вариациях — узаконенной и зрелищной — развивался в мире массовых развлечений с их сомнительной репутацией и скандалами. Со временем Андрей близко сдружился с группой борцов — местных и заграничных, в числе которых был и величайший советский чемпион всех времен Иван Поддубный. В своих мемуарах Андрей давал понять, что нередко захаживал в казино и к букмекерам, а также в роскошную бильярдную гостиницы «Метрополь», где играл с Маяковским, Юрием Олешей, Александром Фадеевым, Михаилом Булгаковым и другими — и каждый из них жаждал обсуждать с ним футбольные дела[26].

Все это изобилие развлечений — частично возрожденных с царского времени, частично импортированных с быстро развивающегося послевоенного Запада — было доступно только нэповской элите, включавшей в себя коммерсантов, партийных лидеров, актеров, бандитов и высококлассных профессиональных спортсменов. Рабочие вернулись в города после

перенесенных тягот Гражданской войны и оказались в новой для себя реальности с большим количеством предприятий, ориентированных на прибыль, и весьма ограниченным рынком труда[27]. Настоящие пролетарии, поддержавшие революцию и воевавшие за нее, не могли стать частью новой «благополучной жизни». В Москве открылись превосходные рестораны, кинотеатры и театры, но она осталась городом безработицы, уплотненного жилья и забастовок.

И все же нэп создал новые возможности для молодых людей, в том числе рабочих. Процессы самоидентификации в 1920-х годах протекали довольно динамично, и юноши и девушки осуществляли свой культурный выбор, часто приводя в смятение старшее поколение. Спорт по своей природе был занятием молодых, а футбол сильнее всего привлекал именно рабочих. Конечно, другие, в особенности те, кого называли «служащими», также могли быть частью футбольной публики, но ее основу составляли пролетарии. Константин Бесков, тренер «Спартака» с 1977-го по 1988 год, а до того — звезда «Динамо», так описывал болельщиков времен нэпа: «Публика была проще простого — рабочие. Они были просто и почти одинаково одеты: косоворотки, пиджаки, брюки, заправленные в ботинки»[28].

Футбол стал полезным времяпрепровождением для молодежи, а также доступным развлечением для множества мужчин (и немногих женщин), во все большем количестве приходивших посмотреть на игру. Они были готовы платить за билеты, что соответствовало полукапиталистическому духу времени. Правительственная поддержка спортивных клубов и их команд, даже групп, учрежденных самим государством, по-прежнему была минимальной. Ситуация оставалась непростой, но в ней были заложены и возможности. Вскоре выяснилось, что молодые люди с Красной Пресни, в особенности имевшие коммерческое образование Старостины, прекрасно чувствуют себя в системе неконтролируемого рынка развлечений[29].

Элитарный футбол в первые годы Советского Союза начал создавать своих звезд, привлекавших на трибуны новую публику, а вместе с ней и деньги. К болельщикам, появившимся еще до революции и пережившим Гражданскую войну, добавилось большое количество новых зрителей. Иван и Петр Артемьевы вместе с Николаем и Александром Старостиными получили пространство для маневра, пока взаимоотношения внутри

системы власти только начинали выстраиваться и внешне монолитные властные структуры, какими они стали в сталинскую эпоху, еще не сформировались. Как пишет Льюис Сигельбаум: «Советское государство эволюционировало после 1917 года... как совокупность четырех функционально отличных друг от друга систем или сетей: военный и полицейский аппарат; гражданский, основанный на Советах; экономический — растущий вокруг комиссариатов и профсоюзов; и, наконец, политический, расположенный внутри... коммунистической партии»[30].

В 1921–1922 годах, пытаясь основать на Красной Пресне новую спортивную команду, молодые парни не искали поддержки в милиции или армии, что было бы вполне разумно во времена Гражданской войны. Напротив, наиболее влиятельными стали штатские, гражданские чиновники, о которых и пишет Сигельбаум. Импульс к созданию команды, через некоторое время превратившейся в «Спартак», пришел из мест, недалеких от Пресни. Николай Старостин вспоминал об этом так: «Это был небольшой клуб, объединявший людей, жаждущих играть в футбол»[31]. Спонтанность и дух предпринимательства легли в основу новой команды и положили начало традиции относительной независимости, даже автономии, которая в будущем станет важной составляющей «спартаковской идеологии». Похоже, что с каждым новым воспоминанием история основания клуба обрастает все новыми невероятными подробностями, и вполне возможно, что какие-то не вполне законные обстоятельства дела, напротив, могли из нее выпасть. Так или иначе, но история вокруг Московского кружка спорта стала весомой частью спартаковского предания.

Существующие источники — это прежде всего личные воспоминания. Их авторы солидарны в том, что главенствующую роль в образовании первого послереволюционного клуба на Пресне сыграл Иван Артемьев. Футбол должен был стать лишь одним из тех видов спорта, которыми предстояло заниматься новому клубу: его полностью поддержал исполнительный комитет районного отделения комсомола (среди его членов был и Петр Артемьев). Инициатива, по словам Андрея Старостина, исходила «от футболистов, живущих в этом районе». Созданный в кругу друзей-соседей будущий «Спартак», как и «Роверс», «Уондерерс» или «Рейнджерс» раннего британского футбола, путешествовал с места на место в поисках

возможностей для игры. Получив шанс снова играть на своем любимом месте и избежать суровых тягот передвижений по Москве, местные звезды, давно выступавшие за разные команды, быстро засобирались «домой». Артемьевы и Канунниковы вместе со Станиславом Мизгером и Павлом Тикстоном вернулись из Сокольников. Константин Квашнин и Владимир Хайдин вместе с Николаем и Александром Старостиными покинули Русское гимнастическое общество, а Виктор Прокофьев — «Стрекозу» (спортивный клуб «Замоскворечье») и перебрался по Крымскому мосту обратно на Пресню[32]. Эта группа опытных и талантливых игроков стала основой новой команды и всего клуба в целом. Они взяли на себя задачу организации и работ по строительству стадиона на Красной Пресне.

Участок, выделенный для будущего Московского кружка спорта, был совсем небольшим, в Гражданскую войну там располагались картофельное поле и пастбище. Это место находилось на юго-востоке района, рядом с фабрикой «Лакокраска», в районе Пресненских ворот. Еще до войны эта земля принадлежала физкультурному обществу, известному как «Физичка»[33]. К западу отсюда находилась огромная Прохоровская фабрика, в 1918 году национализированная и переименованная в Трехгорную мануфактуру. Помещение ее фабричной школы стало временным пристанищем Московского кружка спорта[34]. Местный комсомол выдал разрешение на строительство на территории «Физички» и позволил переделать большое здание, когда-то принадлежавшее изгнанному фабриканту, в помещение для клубной администрации и раздевалок. Вопрос денег оставался нерешенным. В тот момент никаких средств не имелось, и никто не мог твердо обещать их в будущем. Тогда Артемьев принял решение организовать серию концертов в прохоровском кафетерии. Многие футболисты, местные звезды, танцевали и пели. Выступали все: Канунников, Артемьевы и новичок — Станислав Леута (1903–1980), а Квашнин подыгрывал им на балалайке[35]. Но как бы это ни было здорово, вскоре стало понятно, что любительскими талантами денег с болельщиков на стадион не собрать. Чтобы сделать выступления поинтереснее, пригласили профессиональных актеров и жанровых артистов. Афиши расклеивались по всему району, в том числе на фабричных воротах. Павел Канунников, хранивший у себя все собранные деньги, лично продавал билеты. Будучи героем района, он использовал свою славу

для привлечения покупателей, многие из которых просто хотели с ним познакомиться.

Для одного из представлений Иван Артемьев взял лошадь и одолжил медведя в цирке Никитиных: прошелся с ними по морозным улицам Пресни, рекламируя борцовские поединки «медведь против всех желающих» — в лучших традициях деревенских ярмарок[36]. После нескольких подобных спектаклей местный комсомол стал настаивать, чтобы каждое вечернее представление предварялось специальным «отчетом» о партийных делах и текущем положении. Иногда эта политинформация длилась так долго, что концерт начинался уже за полночь. Актеры уходили домой еще до начала, сборы от представлений уменьшились. Затем поменялось место сбора: концерты переехали в здание поменьше — на фабрику «Лакокраска». Сбор денег продолжался всю зиму. В конце концов, согласно клубной легенде, Иван Артемьев вернулся в Рязань, продал собственную корову и добавил недостающую часть средств.

Работа над клубной постройкой началась в марте 1922 года. Первой задачей было перенести купеческий особняк, но бревна из его стен уже давно растащили — вероятнее всего, чтобы топить ими печки. От районных приятелей Артемьев узнал про место, где вроде как были припрятаны бревна, но знакомые военные отказались помочь их вернуть. Тогда Артемьев и Леута с дозволения комсомола взяли старую военную форму, штыки и оружие и, угрожая ими, потребовали у мародеров вернуть бревна. Более того, молодые спортсмены наложили «взыскание» на перепуганных грабителей, которые затем даже набрались смелости сами пойти в милицию и пожаловаться на самозваное вторжение Артемьева и Леуты. Футболистов задержали, однако в скором времени местные власти их простили. Работы начались в лихорадочном темпе. Тысячи добровольцев, среди которых были и футболисты, и множество рабочих с Трехгорной мануфактуры, подвинули купеческий дом, выстроили три ряда трибун общей вместимостью в 1500 человек и огородили территорию забором. Еще несколько тысяч человек стадион мог принять на стоячие места. В новом спорткомплексе появились снаряды и площадки и для других видов спорта, включая гимнастику и тяжелую атлетику, а также велотрек[37].

Футбол в начале нэпа

18 апреля 1922 года состоялся дебют футбольной команды Московского кружка спорта — товарищеский матч с шестикратным чемпионом Москвы, Замоскворецким клубом спорта. Кружок неожиданно выиграл — со счетом 3:2. После победы (5:1) над тем же соперником пять дней спустя о новой команде заговорила вся спортивная Москва. Помещенная в класс Б московского городского чемпионата, она комплектовалась из проверенных игроков класса А и весной легко выиграла пятиматчевый турнир в своей лиге. Кружок, известный среди болельщиков как «Красная Пресня», победил и в осеннем чемпионате класса Б, завершившемся 19 августа[38]. В те годы клубный футбол не шел дальше внутригородского турнира. За ним следовал национальный чемпионат, который разыгрывали городские сборные. Подтверждением силы Московского кружка спорта стало приглашение Николая Старостина, Павла Канунникова и Виктора Прокофьева, несмотря на выступление в классе Б, в сборную Москвы, которая, в отсутствие команды Петрограда, выиграла первый в истории чемпионат РСФСР[39]. И городской, и национальный чемпионаты разыгрывались довольно спонтанно. Никто из руководителей ни на каком уровне не имел четкого представления о том, как лучше организовать эти соревнования, и каждый год испытывалась новая схема. Городские чемпионаты были ежегодными, в то время как национальный разыгрывался от случая к случаю.

Старт Московского кружка спорта был, конечно, многообещающим, но уже в следующем году на молодой советской футбольной сцене произошли значительные перемены. В мирной обстановке начала нэпа государство пришло к необходимости создания официальной спортивной структуры. В ходе этого процесса разрабатывались и правила спонсорства. Старые городские лиги исчезли, клубы, сформированные до 1917 года, были распущены. Создавались новые организации, взявшие на себя функции прежней инфраструктуры. Все эти перемены служили частью процесса создания Высшего совета физической культуры под патронажем Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) — главной государственной институции. Клубы были организованы по территориально-производственному принципу. Для ограничения уже развивающегося профессионализма командам запретили набирать игроков со всего города, все члены команды должны были жить в одном

районе или работать на одном предприятии. Столичный спорт перешел под контроль Московского городского совета по физической культуре (МГСФК)[40].

Партия считала, что такое развлечение, как спорт, не должно быть коммерческим, и поэтому не следует торговать билетами и получать за это хорошие деньги. Рыночные механизмы нэпа уже действовали, однако самих спортсменов власти также не хотели делать предметом купли-продажи. Несмотря на это, футбол стал потребительским развлечением, частью коммерческого мира 1920-х годов. В сезоне 1923 года структура официальной московской лиги изменилась, на место распущенных старых клубов пришли новые. Например, Общество любителей лыжного спорта превратилось в Опытно-показательную площадку Всевобуча. Спортивный клуб «Замоскворечье», расположенный близко к Москве-реке, стал Яхт-клубом Райкомвода. Подобные изменения произошли и с остальными командами. Весенний и осенний турниры разыгрывались по разным формулам: турнир по олимпийской системе на вылет весной выиграла «Красная Пресня» — она же заняла последнее место в круговом турнире осенью, когда все ее лучшие игроки были призваны в национальную команду для турне по Скандинавии[41].

В общей сложности клуб сыграл всего девять матчей в официальной московской лиге, что, впрочем, не означает, что игроки простаивали без дела. В период между 29 апреля и 21 октября первый состав «Красной Пресни» провел четырнадцать товарищеских матчей. 20 мая они сыграли со счетом 2:2 в Орехово-Зуеве с командой, которая теперь называлась Центральный Орехово-Зуевский пролетарский футбольный клуб. На игру пришло 10 000 зрителей. И хотя посещаемость и детали проведения других матчей нам неизвестны, очевидно, их организаторы зарабатывали на этом деньги. Тем более что ни государство, ни фабрики пока еще толком не занимались финансовой поддержкой футбольных клубов. В своих мемуарах времен гласности, в 1986–1989 годах, Николай Старостин дал понять, что прибыль от продажи билетов выступала важной частью клубного бюджета — факт, который не упоминался в его более ранних воспоминаниях. Цена билета по-прежнему была невелика (45 копеек за одно стоячее место), и болельщиков, как правило, оказывалось меньше, чем на прекрасном стадионе старой морозовской фабрики. В том году «Красная Пресня» сыграла пять матчей за пределами

города, пополнив клубную казну и одновременно дав возможность провинциальным болельщикам увидеть в деле ведущую футбольную силу СССР[42].

Постепенно турне стали важной статьей дохода. В конце 1920-х игры организовывались уже и в Центральной Азии, и на Кавказе[43]. Футболисты, по-прежнему числящиеся на своих рабочих местах, фактически находились в разъездах по нескольку месяцев и рассчитывали при этом, что потеря зарплаты будет им компенсирована. Эти выплаты за простой (то, что в Британии называется broken time) были одним из классических типов мелкого мошенничества в любительском спорте по всему миру[44]. Хотя официально профессиональной сферы развлечений в СССР не существовало, власти не могли повлиять на рыночные процессы вокруг зрелища, собиравшего приличную аудиторию. Посещаемость матчей год от года только росла. Любопытно, что и после заката нэпа и отмены частного предпринимательства команды продолжали получать деньги за товарищеские матчи — до самого конца советской власти.

Систематизированная хроника товарищеских встреч есть только у московского «Спартака» (и его предшественников) — но и она появилась в печати совсем недавно. В прессе того времени часто можно встретить сетования по поводу коммерческих турне. «Динамо» проехало по северному и южному Кавказу в 1928-м, но определить, была ли «Красная Пресня» самой активной командой в этом отношении, сейчас невозможно[45]. И хотя неофициальных игр в то время игралось больше, нежели официальных, — об этом можно найти только эпизодические упоминания в мемуарной литературе, и то лишь у некоторых авторов. Разумеется, когда крупная команда приезжала в провинциальный центр, местная пресса освещала это событие, но все же мы до сих пор не знаем, насколько распространенной была эта практика и сколько времени и сил она отнимала у футболистов.

Изначально задачей команд являлось простое выживание, однако по мере того, как посещаемость матчей росла, упускать дополнительные возможности не было никакого смысла. Когда в конце концов в 1936 году возникла профессиональная лига, количество матчей резко выросло, и провинциальным командам был гарантирован визит гигантов советского спорта. До этого момента запрос на футбол — как и на другие потребительские развлечения — удовлетворялся по неофициальным

каналам. Такая практика товарищеских матчей, пока официальные игры толком не организовывались, а лиги еще не были сформированы, являлась скорее правилом, а не исключением по всему миру.

И все же футбол при нэпе никогда не был по-настоящему профессиональным. Большинство игроков не бросали свою работу. В начале 1920-х Андрей и Николай Старостины чинили тракторы. Канунников торговал спортинвентарем. Но и любительским советский футбол тоже не был. Михаил Сушков, звезда Яхт-клуба Райкомвода и «Трехгорки», описывал футбол 1920-х следующим образом:

> Футбол — благодатная почва для всяческих махинаций. Можно, скажем, создать некий подпольный тотализатор — ставить на команды как на лошадей. То есть тот самый бизнес, который лежит на поверхности, сам по себе вытекает из массового ажиотажа вокруг этой игры и который нынче буквально оплел кожаный мяч на Западе. Барыши столь огромны, что не жалко финансировать команды, взять их на полное содержание, освободить игроков от работы — пусть «вкалывают» на поле, добиваются превосходства над соперниками. Все это, повторяю, тайком от властей, подпольно — своеобразный футбольный «черный рынок»[46].

Кассу командам необходимо было наполнять самостоятельно, и поэтому они понимали: нужно играть хорошо. А чтобы играть хорошо, нужно приглашать сильных футболистов. Звезды являлись атрибутом дореволюционной футбольной сцены, и 1920-е годы в этом смысле от нее не отличались. Правила перехода игроков из команды в команду оставались неопределенными, команды соревновались друг с другом в поисках и привлечении талантов. Один такой знаменательный случай произошел в 1922 году, когда Петр Исаков пытался покинуть свой старый Замоскворецкий клуб спорта, а тот, вопреки обыкновению, этому воспротивился. «Профессор» был вынужден целый год провести вне игры и отложить свой переход в «Красную Пресню» до 1923 года[47]. Хотя никто из двух Старостиных-мемуаристов не вдавался в детали методов ведения дел в «Красной Пресне», достаточно очевидно, что предприимчивость Николая

Старостина во многом помогла получить в команду звездных игроков. В 1923 году, в возрасте двадцати пяти лет, он был выбран капитаном.

В то время капитан также являлся организатором и главным тренером. Михаил Ромм, один из первых советских футбольных тренеров, описывал Николая как «прирожденного организатора», сам Николай пишет скромно, что «его организаторские таланты были замечены». Вероятно, те же таланты пригодились ему еще раньше, когда после смерти отца в 1920-м он, старший сын, стал главой семьи[48]. Николая позвали сначала в сборную Москвы, а затем в национальную сборную, и в каждой из этих команд его выбирали капитаном. Новое положение связало его одновременно и с нэпманами, влюбленными в футбол, и с важными политическими фигурами, контакты с которыми также могли пригодиться новому клубу.

Разумеется, «Красная Пресня» была не единственной влиятельной командой в московском футболе. Соперничество необходимо для успеха любого зрелищного спорта, и в течение сезона 1923 года «Красная Пресня» получила нового соперника, который в скором времени превратился в ее самого ненавистного и опасного противника — на поле и за его пределами. 18 апреля 1923 года было основано спортивное общество «Динамо». Игнорируя привычный территориально-производственный принцип организации, новая команда не была районной или фабричной. «Динамо» называлось добровольным спортивным обществом (или ДСО). Его организаторами выступили милиция и ГПУ, оно получало от них поддержку и находилось под непосредственным патронажем Феликса Дзержинского. Выстроив близкие отношения с властью, за которые изначально отвечал Всевобуч, «Динамо» унаследовало от Всевобуча и инфраструктуру, и персонал. В отличие от «Красной Пресни», «Динамо» было общенациональной организацией, созданной для того, чтобы поддерживать физическую форму стражей порядка по всей стране. Первоначально в «Динамо» мог вступить любой желающий, однако спустя несколько лет членство оказалось ограничено сотрудниками Министерства внутренних дел[49].

Вскоре после основания «Динамо» в Москве открылись его региональные отделения, в том числе в Пензе, Рязани, Петрограде, Ростове, Нижнем Новгороде и Астрахани. В рамках общества работало несколько спортивных секций, особое

внимание уделялось, что неудивительно, стрельбе — из пистолета и винтовки. Впрочем, акцент на военном и милицейском аспекте спортивной подготовки не означал, что игнорировалась самая популярная игра в стране. Одним из первых шагов общества стало основание «показательной» футбольной команды в Москве[50]. К концу десятилетия «Динамо» превратилось в самый обеспеченный советский спортивный клуб, и государство поддерживало его куда активнее, чем любое другое спортобщество. Особый статус этой команды олицетворяло строительство в 1928 году первого в СССР современного стадиона, названного «Динамо».

Изначально молодое правительство располагало некоторыми ресурсами, выделенными на физкультуру и прочие спортивные занятия. Чтобы финансировать спорт и при этом обеспечить инвентарем тысячи спортсменов, общество «Динамо» поступило в духе нэпа: открыло магазины спорттоваров по всей стране. Помогала содержать новое спортобщество и другая коммерческая деятельность, включавшая и товарищеские матчи футбольных динамовских команд. Как и в случае с «Красной Пресней», важным источником средств была продажа билетов. К 1925 году вся эта купля-продажа стала по-настоящему беспокоить официальные власти, настроенные против рыночных отношений. И получение прибыли оказалось ограничено[51]. В будущем предшественники «Динамо» и «Спартака» будут действовать по-разному, но в начале 1920-х они сталкивались с одинаковыми проблемами и, чтобы оставаться на плаву, выбирали схожие стратегии их решения.

«Динамо» вполне успешно соперничало с «Красной Пресней». Вратарю-ветерану Федору Чулкову было поручено собрать новую команду. Он сделал ставку на опыт:

> Я задумался: какую команду нужно создать? Что брать за идеал? Можно было сформировать молодую задорную команду из комсомольцев частей ГПУ. Но с такой командой многого не добьешься — ведь мастерство не компенсируешь жаждой победы, как бы велика она ни была. Пойти по пути приглашения сильных игроков из других команд было трудно — коллектив только создавался и никакой репутации еще не имел. Мы всё же решили пригласить в первый состав заходящих звезд[52].

Несмотря на скромность Чулкова в его запросах на игроков других команд, уже в первый год существования «Динамо», в конце сезона 1923-го года, в истории команды случился знаменательный эпизод: из «Красной Пресни» удалось переманить Ивана Артемьева, так много сделавшего для ее создания[53]. Хотя большевистские симпатии старшего Артемьева наверняка сыграли свою роль, подробности этого события до конца неизвестны. Любопытно, что за Артемьевым не последовали ни известный нападающий Дмитрий Маслов, ни его младший брат, не менее талантливый Петр Артемьев. Существующие источники толком ничего не проясняют. Непонятно, насколько на старшего Артемьева повлиял непосредственно Чулков. В первом списке приглашенных к новым «районным ребятам» фамилия Ивана отсутствовала. В своих последних воспоминаниях Николай Старостин предполагает, что, став в 1923-м капитаном, он мог невольно обидеть Артемьева, когда не включил того в основной состав на один из важных матчей[54]. Куда вероятнее, что Артемьева переманили в «Динамо» в ходе успешного турне сборной РСФСР по Скандинавии[55]. Впрочем, воспоминания Николая 1969 и 1986 годов издания говорят ровно противоположное — что Старостин стал капитаном только после того, как Иван Артемьев покинул команду[56]. Скорее всего, искренний в своих политических убеждениях Артемьев, хотя и разделял ценности «Динамо», прежде всего просто не устоял перед идеей создания еще одного футбольного клуба[57].

Что до того, почему Петр, тоже большевик, остался в «Красной Пресне», то нужно помнить, что в 1920-е противостояние между «Динамо» и будущим «Спартаком» еще не было таким острым. В 1927-м Иван, которому уже исполнилось тридцать два, вернулся к старым друзьям на один сезон, однако затем вновь ушел из команды[58]. На первый взгляд может показаться, что мощная официальная организация, созданная по принципу сверху вниз, могла силой забрать игрока у районной команды, построенной в обратном порядке — снизу вверх. Не признак ли это того явления, которое Моше Левин называл «раздуванием государства»?[59] Если дело было так, надо признать, что и соседская команда сама тоже не засиживалась в глухой обороне. Николай Старостин мог проиграть этот бой, но ресурсы для борьбы за превосходство на поле и за любовь болельщиков у него были.

«Динамо» являлось не единственной спортивной организацией первых лет Советов, выходящей на национальный уровень. В Петрограде, за год до основания милицейского клуба, под патронажем местных членов комсомола собралась амбициозная и весьма перспективная команда. Называлась она, что примечательно, «Спартак». Этот первый советский «Спартак» вобрал в себя большинство дореволюционных команд старой столицы и вскоре обзавелся своими представительствами и в других городах. Эта команда занималась коммерческими делами, включая магазины и выпуск собственной продукции. Вся эта деятельность наполняла клубный кошелек и давала команде возможность привлекать самых разных спортсменов. По словам Акселя Вартаняна, главного российского историка игры, «спорт по всему СССР был под угрозой полной спартакизации»[60]. В профсоюзах нашлись люди, собравшиеся противостоять крепнущему влиянию «Спартака». Московские комсомольцы также выступили против появления этой команды в столице. Их поддержали люди на высоком уровне, и спартаковский бизнес вскоре был прикрыт. Первый «Спартак», детище нэпа, был связан с проигравшими группами влияния — а потому умер медленной, но верной смертью. Его коммерческая деятельность оказалась слишком откровенной, а независимость зашла слишком далеко.

Растущая популярность футбола, сопутствующие деньги и внимание к этой новой форме массовой культуры сильно тревожили некоторых членов правительства — в особенности министров образования, здравоохранения, обороны и внутренних дел. Множество партийных идеологов, следуя за Лениным, не особенно доверяли спонтанным желаниям непросвещенной толпы, даже если искренне хотели служить ей, — футбол (который смотрят, а не в который играют) им представлялся опасным, так как собирал в одном месте сразу несколько тысяч не слишком образованных граждан. И эти люди, болельщики, следили за иррациональным и неконтролируемым зрелищем, которое порождало массу эмоций и могло привести к насилию[61]. Футболистам, в особенности звездным, были доступны значительные привилегии, высокая зарплата, возможность путешествовать. И городские команды, и недавно созданная национальная сборная не отказывали себе в этом. Приезжая на матчи в Ленинград, «Красная Пресня» останавливалась в роскошной гостинице «Европейская». Переходы игроков из команды в команду стали обычным делом,

товарищеские матчи продолжали собирать кассу. В 1925 году первая команда «Красной Пресни» сыграла двадцать три товарищеских матча, а две сентябрьские игры на краснопресненском стадионе посетило по 10 000 зрителей[62].

На раннем этапе развития советского футбола, когда соблюдение жесткой дисциплины еще не стало необходимостью, игроки, получавшие неплохие деньги, имели возможность попробовать нэповской «хорошей жизни»[63]. Молодые футболисты «Красной Пресни», как кажется теперь, приспособились к этим условиям даже слишком легко. В их воспоминаниях все без исключения разделяют то безудержное чувство восторга, которое охватило их после того, как запреты и лишения предреволюционных лет остались позади и стало возможно играть в организованный футбол, с качественной экипировкой, на хороших полях, при большом скоплении зрителей. Имена игроков мелькали в газетах и журналах. Их узнавали на улицах.

Было бы правильно отнести успехи «Красной Пресни» на счет разнообразных талантов Николая Старостина. На поле он вырос в опасного и быстрого правого крайнего нападающего и стал лидером неофициального советского списка талантов 1924 года. После того как Павел Канунников отказался от капитанства, а старший Артемьев ушел, Николаю предложили возглавить команду. Старостин быстро доказал свою способность привлекать новых игроков и проходить политические коридоры эпохи нэпа в поисках влиятельных покровителей и союзников. Не будучи слишком подкованным в том, что касалось игровых тонкостей, он нашел команде тренеров, таких как Константин Квашнин, и окружил себя надежными советниками, среди которых были Михаил Ромм и Михаил Козлов[64]. Подавляющее количество товарищеских матчей не могло пройти без его руководства как лидера команды — так что, пожалуй, немалый доход от этих игр дает нам право считать Николая Старостина успешным коммерсантом[65]. Старостин успел еще до революции продемонстрировать свои способности. Будучи общительным человеком, он умел объединить разных людей для достижения успеха.

С самого начала Николай заключил союз с Николаем Пашинцевым, главой партийной ячейки на Красной Пресне. Пашинцев стал политическим покровителем команды и сопровождал ее на всех этапах реформ, которые она претерпела до начала 1930-х годов. Бесконечные перемены в официальной

(и неофициальной) спортивной структуре превратили этот путь в минное поле, и Пашинцев помогал команде по нему пройти. Знания же Старостиных, полученные в коммерческой академии, видимо, помогали им в создании зрелища, привлекающего толпы зрителей, способных заплатить за билет. Тот факт, что все игроки «Красной Пресни» выросли в одном районе, оставался поводом для гордости, однако возросший уровень конкуренции подтолкнул Старостина к тому, чтобы раскинуть свою сеть по поиску талантов еще шире. 27 июня 1925 года команда играла против сборной Одессы в Москве и одержала победу со счетом 2:1. Невероятно быстрый левый крайний нападающий одесситов, Валентин Прокофьев (1905–1939), был так хорош, что его завербовали немедленно. Несмотря на запрет переходить в другую команду посреди сезона, Прокофьев каким-то образом оказался в составе «Пресни» на матче чемпионата Москвы уже 9 августа[66].

Новый левый крайний нападающий только укрепил репутацию «Красной Пресни» как атакующей команды. Охраняемый Александром Старостиным в центре защиты, с Константином Квашниным и Петром Артемьевым в полузащите, Николай был свободен атаковать на своем правом фланге, откуда он посылал мячи Исакову, Канунникову, Прокофьеву и Константину Блинкову. Блинков присоединился к «Пресне» в 1924-м — после ухода из Показательной команды Московского городского совета физической культуры[67]. В эпоху, когда смысл игры в футбол заключался в том, чтобы забить больше соперника, «Красная Пресня» забивала. Она играла в атаку и понимала, как и чем развлечь свою аудиторию. Впрочем, малочисленные сохранившиеся источники и всего лишь несколько минут архивных видеозаписей не дают возможности описать стиль игры «Красной Пресни» более подробно.

Производство звезд стало еще одной важной частью коммерческой деятельности команды. Мальчишки боготворили мужественных футбольных героев, выстраивая свою собственную идентичность — городской рабочей молодежи эпохи перемен и неопределенности. Местные ребята и их отцы были готовы платить за право смотреть на звезд, и «Красная Пресня» исправно поставляла им новых героев. Анатолий Акимов (1915–1984), который станет основным вратарем «Спартака» в 1930-е, вырос на Красной Пресне. Начиная с сезона 1923 года, отец регулярно брал его с собой на стадион. Героем Анатолия был Павел

Канунников, которого часто можно было встретить в этом районе. Акимов с друзьями пребывали в уверенности, что на левой ноге Канунникова есть татуировка: «Убью, не отвечаю». Разумеется, никаких наколок на ногах у Канунникова не было, но удар его был так силен, а стать так хороша, что легенда преследовала его до конца карьеры. На одной из игр, в которой не принимала участия «Красная Пресня», десятилетний Акимов попал в руки билетера: тот хотел вышвырнуть его с трибун, поскольку счел его билет краденым. Толпа окружила плачущего мальчика, как вдруг внезапно появился Канунников, выяснил, в чем дело, и сказал билетеру, что сам дал мальчику билет — в своей книге Акимов уточняет, что, разумеется, ни разу до той минуты не встречался с Канунниковым[68].

Истории подобного рода служили частью мифологии, окружавшей спортивных героев. Похожим образом включение игрока в сборную Москвы или национальную команду было знаковым для его звездного ореола и престижа его команды. Канунников, Петр Исаков, Дмитрий Маслов и братья Артемьевы приняли участие в грандиозном — и успешном — турне сборной РСФСР по Скандинавии, Германии и странам Балтии в 1923 году[69]. Наряду с крупными победами над рабочими командами, она обыграла и шведскую национальную сборную, которая официально была любительской, однако на практике состояла из игроков «буржуазных» клубов. Спортивным путешествиям такого рода отдавалось предпочтение перед городским чемпионатом, который не останавливался, даже несмотря на то, что лучшие игроки лидирующих команд в этот момент могли находиться вне страны[70].

Разрешение командам играть матчи регулярного сезона без своих лучших игроков было лишь одной из черт хаотического московского первенства. Правила турнира менялись каждый год, что создавало невероятную путаницу. В начале 1920-х «Красная Пресня» была сильнейшей командой в московской лиге, не являясь при этом полностью доминирующей силой, — ее соперники также время от времени выигрывали чемпионат. «Динамо» в тот период все еще переживало период становления, как правило финишируя в середине таблицы. По иронии судьбы команда начала свой подъем после ухода Ивана Артемьева, в 1927-м вернувшегося в «Пресню». Его заменил высокий и подвижный Федор Селин, игрок сборной. Один из немногих

футболистов своего времени (да и всего советского периода), хорошо игравший головой, он был прозван «королем воздуха»[71].

Международные соревнования были ограничены условиями дипломатической изоляции, в которую недавно созданное государство попало в 1920-е годы. Советы не являлись членами международной футбольной федерации, ФИФА. Игры против зарубежных команд, в особенности национальных сборных, не могли проходить без санкции этой организации. Находившийся в Лозанне коммунистический Красный спортивный интернационал поддерживал СССР и конкурировал с подобного же рода группой, основанной социал-демократами. Красный Спортинтерн мог организовать советским командам только встречи с рабочими клубами, лишь немногие из которых способны были сыграть против СССР достойно. Соревнования на национальном уровне свелись к матчам против Турции, обладавшей тем важным преимуществом, что она не была членом ФИФА. Первая из целого ряда подобных встреч между двумя сборными состоялась в Москве в холодный ноябрьский день, когда на старый стадион Замоскворецкого клуба спорта пришло целых 15 000 зрителей. Хозяева победили замерзших, легкомысленно одетых турков со счетом 3:0. Петр Исаков был единственным представителем «Красной Пресни» в той игре. Год спустя, когда сборная СССР отправилась в ответный визит, к Исакову добавились Канунников и Петр Артемьев[72].

Встречи в Москве, наряду с важными международными матчами, привлекали толпы болельщиков, тем самым создавая имя игрокам, что впоследствии увеличивало число зрителей на играх регулярного сезона и товарищеских матчах. В воспоминаниях об этом времени описываются политические тонкости при выборе состава таких команд. В этом смысле раннесоветский опыт ничем особенно не отличается от любого другого. Стараясь продвинуть «своих» игроков в сборные, организации, поддерживавшие клубы, надеялись тем самым поднять свой престиж, стать заметнее. Даже на совсем раннем этапе советской истории создание героев было частью игры, и государство не обладало монополией в этом процессе. Николай Старостин научился разговаривать со спортивным начальством и использовать свое положение для защиты клубных интересов и на новом для себя уровне. Футболисты в сборных командах становились знаменитостями, наслаждались плодами своей славы, а болельщики

имели возможность увидеть известных игроков в матчах за их клубы, чья популярность также возрастала.

Если молодые парни смотрели на футболистов и стремились им подражать, а мужчины постарше мечтали с ними дружить, то что сказать о женской части футбольной аудитории? Франтоватые братья Старостины вполне могли привлекать к игре не меньше женщин-болельщиц, чем мужчин, но тема секса вообще отсутствует в источниках советского времени. Считанное количество источников из болельщицкой среды также представляет футбол исключительно мужским занятием. Так или иначе, Андрей Старостин отмечает, что он сам и многие другие высококлассные игроки могли позволить себе появляться на публике в стильной одежде и чувствовать себя комфортно в изменчивом мире эпохи нэпа. Дискуссии о том, что же происходило в модных ресторанах на Тверской (особенно в тех, где были отдельные кабинеты), всегда сводились к тому, что там шли «мужские разговоры». Николай постоянно предостерегал своих младших братьев от общения с «богемой», в то время как Андрей описывает матчи, в которых он играл с похмелья после бессонных ночей, проведенных за фокстротом и танго[73]. Надо полагать, что танцевал он не в одиночестве.

Тем не менее женщины присутствуют в футбольных мемуарах исключительно в роли жен и подружек. Их фотографии подтверждают тот факт, что общемировая практика спортивных звезд брать в жены привлекательных девушек не обошла и Советский Союз. Что могло происходить в то время, когда команды находились в дороге, каким искушениям подвергались спортсмены (а позднее и спортсменки), — всего этого нет в доступных нам источниках. С определенностью мы можем утверждать лишь то, что «Красная Пресня» стала заметной частью московской футбольной сцены, и Старостины с одноклубниками с удовольствием принимали успех, которого они достигли своими силами.

Меняются правила — меняется игра

К 1925 году благодаря нэпу ситуация в стране обрела некоторую стабильность. Сельское хозяйство быстро вернулось к довоенному уровню. Потребительская индустрия и сфера услуг также наверстали упущенное. Было достигнуто весьма непрочное равновесие, политическое и экономическое. После того

как труднейшая задача восстановления оказалась более ли менее решена, нужно было понять, что же делать дальше. Являлся ли нэп, в свете нескольких неудачных попыток мировой революции, жизнеспособным планом движения к коммунистическому обществу и экономике, или от него следовало отказаться? Был ли сталинский компромисс «социализма в отдельно взятой стране» реалистичным проектом или просто игрой слов?

Эти вопросы обсуждались партийной верхушкой, которая сама была разделена по своим политическим взглядам и личным пристрастиям. Бóльшая часть рядовых партийцев объединилась вокруг Сталина и Бухарина с их идеей продолжения нэпа. Для опытного идеолога Бухарина приверженность этой политической линии, выделяющей среди других интересы крестьянства, была, безусловно, искренней. Сталину более важным представлялся разгром своего главного политического противника — Льва Троцкого и левой оппозиции. Левые хотели завершить нэп и начать строительство социализма, однако к 1927 году это крыло партии потерпело поражение, а сам Троцкий был выслан из страны. Споры о темпах индустриализации и партийные дебаты дали нэповскому эксперименту в области половинных капиталистических отношений еще немного времени. Тем не менее и партия, и общество в целом по-прежнему с тревогой заглядывали в будущее. Люди у власти все более критически оценивали экономические и культурные веяния, характерные для нэпа. Поначалу стремление сдерживать некоторые «перегибы» не сокращало потока массовой культуры. Выходило еще больше фильмов, игралось еще больше футбольных матчей, джазовых концертов, открывались казино и модные дорогие рестораны — вообще во второй части десятилетия жилось весело. Неслучайно этот период впоследствии назвали расцветом нэпа.

Однако к концу 1927 года спокойный период новой экономический политики подошел к концу. Крестьяне, способные работать в условиях рынка, обогащались до уровня, ставившего их в один ряд с нэпманами, — так это виделось городским обывателям. Когда поставки зерна не достигли ожидаемых показателей, в городах, еще недавно богатых продовольствием, вдруг опять стало непросто достать еду. Это привело к падению уровня жизни, что, в свою очередь, повлекло за собой и другие перемены, знаменовавшие собой окончание нэпа[74]. Ирония заключалась в том, что как только Троцкий был сброшен с политической

сцены, его взгляды и взгляды его левых сторонников перестали быть запрещенной темой для обсуждения. Равновесие, достигнутое за годы восстановления экономики, вновь оказалось под угрозой, и бóльшую часть вины свалили на крестьянство. Нэп уже не выглядел перспективным планом достижения светлого социалистического будущего. Его хрупкость стала особенно заметна, когда дипломатический разрыв с Британией повлек за собой угрозу новой войны. Чтобы защитить себя, Советский Союз, изолированный от остального мира, должен был повышать обороноспособность. Это, в свою очередь, означало необходимость значительного роста тяжелой промышленности, требовало перераспределения человеческих и материальных ресурсов. Противники нэпа становились все напористее, а будущее — все неопределеннее.

Нарастающий страх на тот момент еще не остановил кипучую энергию нэповской культуры. Андрей Старостин, родившийся в 1906-м, по-настоящему повзрослел к концу 1920-х. Известность дала ему и братьям возможность войти в мир работников искусства и творческой интеллигенции. Эти знакомства не только повлияли на его развитие, но и расширили группу поддержки команды за рамки краснопресненского рабочего класса[75]. Имея за спиной болельщиков, умеющих хорошо излагать свои мысли, команда, которая в скором будущем станет «Спартаком», получила в свое распоряжение группу талантливых пропагандистов. Они помогали Старостиным и их товарищам создать образ, обеспечивший дальнейший рост популярности клуба. Когда Старостиных обвиняли в создании низкопробных развлечений или занятиях недостойным делом, они всегда могли ответить своим критикам, апеллируя к той «культурной» части общества, которая в России всегда отвечает не только за образованность, но и за порядочность.

В 1926 году началась дружба Андрея с Михаилом Яншиным, известным мхатовским актером. Дружба эта длилась всю жизнь. Старостин был большим поклонником таланта цыганской певицы Ляли Черной, жены Яншина, выступавшей в «Арбатском подвале», одном из его любимых местечек. Как-то летним вечером все трое столкнулись на Тверской, и Ляля представила Андрея Михаилу. Молодые люди быстро стали приятелями. Яншин взял Андрея под свое крыло и ввел его в мир московской интеллигенции — или по крайней мере в одну весьма

примечательную компанию. Избранный круг друзей почти каждый вечер собирался в подвале дома в Старопименовском переулке. В своих мемуарах 1978 года Андрей вспоминал: «...необыкновенные вечера в гуще этих артистов, которые блистали друг перед другом... В течение многих лет я спускался по короткой деревянной лестнице в эту большую полуподвальную квартиру, ставшую для меня вечерним университетом по обучению эстетике, этике и общей культуре для молодого футболиста»[76]. Вскоре он уже был завсегдатаем в театре, а Яншин стал посещать важные матчи и сопровождать своего друга в походах на ипподром. Позже знающие люди говорили, что необходимо сначала проверять футбольный календарь, чтобы понять, придет сегодня Яншин во МХАТ или нет.

Впрочем, не все были довольны положением дел в большом советском футболе. В апреле 1926 года Московский совет по физической культуре решил перестроить футбольный мир, чтобы получить контроль над его профессиональной частью. Региональные спортивные структуры были распущены и заменены клубами, которые получали поддержку от профсоюзов или предприятий. Исключения были сделаны только для команд милиции и армии — «Динамо» и Опытно-показательной площадки Всевобуча. «Красная Пресня» смогла выпутаться из сложившихся обстоятельств благодаря усилиям своего покровителя Пашинцева, который оставил должность местного партийного лидера и возглавил профсоюз работников пищевой промышленности («Пищевик»). Вскоре за ним последовали все игроки «Красной Пресни» — они создали команду, которая тоже была названа «Пищевик»[77].

Новая ситуация имела свои плюсы и минусы. Хорошо было то, что профсоюз пищевиков находился неподалеку от Петровского парка, на самом севере района. Еще в 1923 году краснопресненский комсомол получил этот участок земли под свой контроль, но дело оставалось незаконченным, пока Пашинцев не устроил перевод земли в распоряжение своего союза, обещавшего построить здесь спортивный комплекс и крупнейший в СССР стадион. Перспектива получить более вместительный стадион сулила больше билетов и больше заработанных рублей. При этом некоторые игроки команды беспокоились, что переход в «Пищевик» разорвет их связь с родным районом, пусть даже новый стадион и должен был находиться не дальше часа ходьбы от старого футбольного поля у Пресненских ворот.

Когда дела пошли в гору, большинство опасений оказались напрасными. Как и было обещано, вскоре открылся новый стадион, названный в честь М. И. Томского, профсоюзного лидера. Арена вмещала примерно 13 000 зрителей. Еще 8000 мест добавилось несколько лет спустя. Команда начала выступать здесь с 3 мая 1927 года и проиграла первую игру со счетом 0:2 — в товарищеском матче команде Трехгорной мануфактуры, которой, к слову, как раз и был отдан старый стадион, находившийся совсем неподалеку от их фабричных ворот. «Трехгорка» выставляла очень сильную команду, где выступали такие известные игроки, как Михаил Сушков (1899–1983) и Евгений Елисеев (1908–1999)[78]. Противостояние «пищевиков» с «Трехгоркой» было напряженным. Обе команды не раз выигрывали друг у друга в короткий период их совместного существования (1926–1931), но все же речь шла о дружеском соперничестве, не таком, как у «пищевиков» с «Динамо». Что касается «Динамо», то и оно к 1928 году стало играть намного лучше — тогда команде в первый раз удалось выиграть московское первенство и впервые в истории победить «пищевиков»: 17 июня, со счетом 3:1, перед 12 000 болельщиков на стадионе имени Томского. «Пищевики», «Трехгорка», Опытно-показательная площадка Всевобуча и «Динамо» считались сильнейшими столичными командами. Успех любой из них в чемпионате зависел от превратностей постоянно меняющейся структуры Московской лиги в не меньшей степени, чем от мастерства на футбольном поле. Так, игроки могли быть вызваны на международный матч в очень важный для внутреннего чемпионата момент. Результаты сводили с ума своей непредсказуемостью. «Пищевики» были особенно подвержены этой болезни — побеждали своего главного противника и проигрывали какому-нибудь аутсайдеру в следующей игре. Клуб стал известен среди болельщиков как «команда настроения» — характеристика, оставшаяся с командой на всю историю ее существования.

Встречи лучших команд привлекали на стадионы все больше зрителей, что превратило игру в еще более заметную часть культуры нэпа. Когда грянули перемены, парни из старого района без проблем стали ходить на стадион имени Томского смотреть матчи. В «пищевиках» играли трое, а иногда и четверо братьев Старостиных, а также Петр Артемьев, Канунников и Исаков. У команды появились болельщики по всему городу. Важные

матчи «большой четверки», товарищеские и официальные, собирали на стадионе по 10 000 человек. За 60 копеек можно было болеть сидя, 45 копеек стоили стоячие места. Это было дешевле кино или театра. На игру сборной Москвы или лучших игроков со всего СССР попадали за рубль или 75 копеек, и народу набивалось еще больше. Стадион имени Томского забирал 40 % выручки от продажи билетов, обе команды — по 30 %[79].

В 1926–1927 годах реформы противников профессиональной игры возымели свое действие, и количество товарищеских матчей заметно сократилось. Впрочем, к концу десятилетия «пищевики» все равно играли по двадцать (а то и больше) таких игр в год, иногда уезжая довольно далеко от столицы. К 1928 году футбол стал самым крупным коммерческим предприятием за всю свою историю. Если взять количество товарищеских матчей как некий показатель, станет ясно, что игры известных команд переросли коммерческие условия нэпа, официально отмененного в 1929-м[80]. Строительство стадиона «Динамо» существенно расширило существующие возможности. Построенный для первого советского спортивного мероприятия олимпийского типа — Спартакиады-1928 — стадион вмещал 35 000 человек и имел дополнительное свободное пространство для 20 000 стоячих мест. Полуфиналы и финал футбольного турнира Спартакиады заполнили эту огромную бетонную чашу, а сборная Москвы, с Николаем и Александром Старостиными в своем составе, получила главный приз[81]. Еще почти четверть миллиона безбилетных болельщиков заняли Петровский парк и окрестности. Финал был первым спортивным событием в истории, которое транслировалось по радио на весь Советский Союз. Ни один другой вид спорта за всю Спартакиаду и близко не подошел к тому, чтобы до отказа заполнить «Динамо» [82].

Появление стадиона «Динамо», несмотря на внешнеполитическую изоляцию страны, поставило Советский Союз на передний край развивающейся индустрии зрелищного спорта 1920-х годов. В 1923-м в Нью-Йорке открылся «Янки-стэдиум» на 63 000 мест, в то же время в Лос-Анджелесе появился «Колизеум» на 100 000. В том же году в Лондоне построили «Уэмбли». Считалось, что на его открытии 100 000 мест заняли 250 000 человек. Парижский «Парк де Пренс» на 60 000 мест также частенько бывал заполнен. Стадион «Динамо» превратился в национальную арену, место проведения всех важных матчей. Со временем на

трибуны, со всеми их закоулками, стало набиваться по 90 000 человек. Стадион «Динамо» существует до сих пор. В конце 1990-х годов старые деревянные скамейки были заменены пластиковыми креслами, отчего вместимость гигантской бетонной чаши упала до 36 000 мест[83].

К 1926 году стало очевидно, что попытка контролировать футбол провалилась. Зрелищный спорт собственными силами преодолел те границы, которые ему поставило государство. В 1925-м партия приветствовала профессионалов, не рассчитывая, однако, на появление тысяч болельщиков, готовых следить за лучшими игроками. Партия прежде всего стремилась побудить своих граждан к занятиям физкультурой, сделать их хорошими солдатами и рабочими. Структура большого спорта времен нэпа не работала на развитие этой идеи. В 1927 году национальная газета «Красный спорт», голос советской физической культуры, писала о гипотетическом рабочем по имени Иван Спиридонович:

> Не подумайте, что он стометровку загибает или с шестом на побитие рекорда прыгает, — нет, он футболист. И не тот футболист, который на поле в трусиках под аплодисменты выбегает, а совсем наоборот — он в публике. Иван Спиридонович по профсоюзному билету — металлист, но по существу — по характеру, так-сказать, и склонностям — идейный пищевик. «Пищевики — вот это командочка». С этим спорить конечно не приходится, потому что у пищевиков действительно есть футбольная команда[84].

В контексте спартаковской истории особенно характерно, что автор заметки мог выбрать любую команду — но назвал именно «Пищевик». Будь любимой командой Спиридоновича «Динамо» или какой-нибудь армейский клуб — это бы все запутало. Нападая на пагубные спортивные занятия, автор сознательно указал гражданскую команду, которую поддерживали профсоюзы и которая успешно привлекала на стадион множество болельщиков. Также неудивительно, что из всех гражданских команд был выбран именно «Пищевик» под руководством имеющего коммерческое образование Николая Старостина. Футбол, вероятно, мог заразить представителей рабочего класса «чуждым сознанием». Спиридонович — металлист, то есть

представитель наиболее политически благонадежной части пролетариата с точки зрения государства. Но футбольная зараза поработила бедный разум Ивана Спиридоновича, и он решил быть пищевиком, а это гораздо менее почтенная профессия.

В 1927 году о большом футболе несколько раз критически отзывались в прессе. Две официальные истории «Спартака» ссылаются на статью, вышедшую тогда же и озаглавленную «Нужен ли нам профессиональный футбол?» Ее автор сокрушался, что реформа 1926 года не смогла победить проблему профессионализма. Хотя гражданские команды действительно поддерживались фабриками и профсоюзами, официального требования работать на этих предприятиях не было. Среди ведущих игроков «Пищевика» только Петр Исаков, числившийся рабочим на табачной фабрике «Дукат», находившейся в районе Красной Пресни, более или менее соответствовал этому критерию. Андрей и Николай работали на станции ремонта тракторов, Александр — рабочим стадиона имени Томского, а Канунников был продавцом спортивных товаров. Никто из других футболистов и близко не подошел к тому, чтобы занять более почетное с политической точки зрения рабочее место. Почему-то ложь о том, что футболистам не платят за их игру, казалось проще поддерживать, если спортсмены числились на тех предприятиях, которые спонсировали их команду. В конце концов это строгое правило станет требованием, и это негативно отразится на профсоюзном футболе.

В начале сезона 1928 года противники профессионализма вновь были задеты, на этот раз позицией Московского совета по физической культуре, разрешившего переходы игроков из команды в команду. Идея спортсмена, продающего себя тому, кто даст больше (вполне в духе нэпа), была не по душе тем, кто стремился поставить спорт под более жесткий государственный контроль. Когда 175 игроков, получив возможность поменять команду, сделали это, сторонники большего контроля были ошеломлены[85]. «Пищевики» потеряли Валентина Прокофьева, ушедшего в «Динамо». Иван Артемьев сезоном ранее вернулся из того же «Динамо» к «пищевикам». В возрасте 32 лет в 1927 году он сыграл несколько матчей, чтобы затем перейти в «Трехгорку». Эта карусель, очевидно, выходила из-под государственного контроля. Если спорт предполагал верность товарищам по команде и своему клубу, то футбол с треском проваливал эту идею.

Проблемы футбола отражали те слабости, что все больше проявлялись в самих принципах нэпа в целом. Политические силы, отменившие рынок и свободную культуру 1920-х, не спустились откуда-то с небес. И если Сталин, собравший вокруг себя партию, теперь выбрал для себя программу левых, он сделал это также не в одиночку. Когда осенью 1927 года уровень жизни начал падать, большое количество рабочих, в том числе московские футбольные фанаты, испытывали явное недовольство капиталистическим укладом новой экономики, от которого, выигрывали, кажется, все — кроме самих рабочих, главной опоры и поддержки революции.

Великий перелом

В апреле 1929 года XVI съезд партии отменил рыночную экономику в пользу централизованного планирования и немедленной индустриализации СССР. Это был сталинский «великий перелом». Нэпманы теперь вынуждены были искать другие пути приложения своих способностей. Амбициозные, зачастую нереалистичные проекты первого пятилетнего плана завершили период открытого потребления, начавшийся вместе с нэпом. Уровень жизни в городах снизился. Прокормиться становилось все сложнее. Темп работы на производстве стал угрожающе расти. В то же время расслоение общества в 1920-х годах открыло дорогу эгалитаристской политике уравнения зарплат и еще нескольким подобным решениям, направленным на повышение социальной мобильности рабочих.

Жизнь в городах только еще больше усложнилась, когда было принято катастрофическое решение о коллективизации сельского хозяйства. Крестьянский протест оказался массовым. Это была новая гражданская война, в ходе которой город стремился утвердить свою власть над деревней. Развал в селах и нехватка рабочих рук на производстве привели к массовому переселению крестьян в города. На фабриках и заводах работало множество женщин. В течение первой пятилетки количество рабочей силы в индустрии, транспорте и строительстве в Москве выросло примерно на 130 %[86]. Появление такого большого числа новых людей, очевидно, изменило характер и политическую роль старого пролетариата, и как именно — понять очень трудно. Возник ли новый рабочий класс, или речь шла просто об

индифферентной рабочей массе? Была ли она столь же предана режиму, как старый пролетариат? Население Москвы сильно выросло, но денег в жилищное строительство вложено не было. Несколько незначительных изменений в транспортной системе и одновременное ухудшение ситуации с продовольствием сделали жизнь в городах очень тяжелой.

Первая пятилетка сопровождалась «культурной революцией» сверху, положившей конец разнообразию времен нэпа. Немало успешных представителей как популярной, так и элитарной культуры подверглись нападкам тех, кто должен был стать новым пролетариатом[87]. Во многих областях (не только в культуре) люди с дореволюционным образованием теперь потеряли доверие власти и были смещены со своих постов. Тысячи рабочих оказались призваны с производства на важные партийные и управленческие посты. Дети этих людей могли поступить в университеты. Многие представители творческих профессий и науки были вынуждены пересмотреть свои жизненные установки и произвести переоценку ценностей, чтобы поддержать социальные перемены и выказать энтузиазм в отношении новых производственных задач.

Важно помнить, что не все эти изменения произошли одновременно, не все они связаны между собой. В эти трагические годы невероятного хаоса и растерянности борьба шла на всех фронтах — политическом, экономическом и культурном. Миллионы погибли, миллионы сменили свои социальные и экономические роли. В этих сложных обстоятельствах многие люди зачастую не имели ни малейшего представления, что же им теперь следует делать.

Эти перемены затронули и футбол, однако их влияние не было резким, и границы этого влияния остаются неясными. Количество игр 1928–1930 годов сравнимо с тем, что было проведено в предыдущие годы. Переходы футболистов из команды в команду не прекращались. Можно было бы предположить, что команда вроде «Пищевика», успешно развивавшаяся в предприимчивой атмосфере нэпа, должна испытывать трудности с приглашением к себе игроков в непростые времена первой пятилетки. На деле все вышло иначе. Партии потребовалось время, чтобы понять, каким должно быть ее отношение к спорту в новую эпоху. Футбол долгое время оставался в стороне. Посещаемость при этом росла. Все больше игр назначалось на рабочие

дни, следствием чего стали прогулы среди болельщиков. Количество товарищеских встреч увеличилось, расстояние до мест проведения игр удлинялось[88]. В августе 1929 года «Вечерняя Москва» писала: «Основная цель большинства футбольных поездок — заработать. Заработали, разделили, можно ехать обратно»[89]. Один десятидневный тур армейской команды принес каждому из ее игроков по 300 рублей. Та же газета рапортовала: «Легкая нажива влечет картежную игру, выпивку, проституток»[90].

Несмотря на успехи «пищевиков» в продаже билетов, результаты выступлений команды на поле постепенно ухудшались. «Динамо» стало доминировать в Московской лиге. По мере того как влияние госбезопасности росло и бюджет увеличивался, ее спортивные команды также становились сильнее. «Динамо» смогло привлечь к себе целое созвездие достойных игроков. Присутствие ОГПУ в повседневной жизни становилось все более тягостным, в среде болельщиков росла неприязнь к олицетворяющей ее команде. Игры между «Пищевиком» и «Динамо» становились гвоздями сезона, в 1928 году матч посетили 12 000 зрителей, в 1929-м — 20 000[91]. В 1930 году болельщиков на стадионе «Динамо», вероятно, было еще больше, однако точная информация до нас не дошла[92]. Михаил Якушин, звезда «Динамо», а впоследствии и главный тренер этой команды, называл эти матчи «значительными событиями»[93]. Впрочем, следует быть осторожными и не придавать особый смысл первой фазе этого соперничества. Воспоминания игроков того времени сходятся на том, что это были матчи без специального политического подтекста. Район проживания и фабрика всё еще оставались более влиятельными факторами поддержки, нежели политические институты.

Весной 1930 года был учрежден новый Всесоюзный совет по физической культуре. Эта организация относилась непосредственно к Совету министров, в его президиум входили такие большевистские небожители, как Лев Каменев, Генрих Ягода и комсомольский вождь Александр Косарев — в скором будущем именно он станет политическим покровителем «Спартака». Совет проявлял особенный интерес к тому, чтобы ограничить вольности, которыми пользовался советский футбол. В 1931 году появилось новое правило, согласно которому все игроки команд предприятий и профсоюзов обязаны быть действующими рабочими и служащими этих организаций[94]. Эта мера стала разрушительной для таких сильных фабричных команд, как «Трехгорка»,

которая вынуждена была наблюдать, как ее игроки расходятся по другим клубам. Структуры силовых ведомств продолжали пользоваться своими привилегиями — исключениями из нового правила стали «Динамо» и новая армейская команда, получившая название ЦДКА (Центральный дом Красной армии). И та, и другая усилили свой состав по сравнению со своими противниками в Московской лиге. В то же время значимость профсоюзов в большом экономическом процессе пошла на убыль. Команда «пищевиков» столкнулась с распадом единого профсоюза пищевой промышленности, чье место заняли несколько более мелких организаций.

Старостинская команда попала под крыло учреждения, входившего в состав Министерства торговли[95]. Эта еще в недостаточной степени изученная организация называлась Промкооперация. Ее задача заключалась в том, чтобы объединить представителей профессий, не входивших в сферу государственного контроля при нэпе. Наряду с квалифицированными рабочими разных специальностей в нее входили официанты, портные, водители такси, парикмахеры и, что важнее всего, продавцы. Контроль новой организации распространился и на розничную торговлю, которая стала играть огромную роль в сложном процессе перераспределения ресурсов во времена «великого перелома». Несмотря на все эти задачи, Промкооперацию едва ли можно считать частью новой властной структуры большевистского режима. Она не была подразделением милиции или армии, вернувших себе утраченное влияние времен Гражданской войны. К тому же члены Промкооперации представляли ту часть рабочего класса, которая никогда не была важна в глазах партии. Заводские рабочие, в особенности металлисты, считались главной опорой коммунистического плана. А те, кто работал в сфере услуг и торговле, не обладали особой ценностью и находились на периферии возрожденного революционного процесса. В известном смысле Промкооперация вобрала в себя осколки нэпа, образовав большую, неуправляемую и подозрительную с политической точки зрения организацию. В глазах новых властей команда, поддерживаемая такими силами, явно не была носителем официальной идеологии.

Хотя в скором времени Промкооперация стала невероятно богата, она оказалась не слишком подготовлена к тому, чтобы поддерживать одну из лучших футбольных команд Москвы. Покровитель «пищевиков» Николай Пашинцев покинул

профсоюзную систему и перешел на работу на табачную фабрику «Дукат», забрав с собой нескольких игроков, среди которых был и Исаков. В следующем году к ним присоединились Старостины, Леута и все остальные, оставив «Промкооперацию» на задворках футбольной сцены периода культурной революции. Многие впоследствии считали, что «Дукат» (сменивший в чемпионате «пищевиков») следовал за «Промкооперацией» в статусе своеобразного предшественника «Спартака». На самом деле «Промкооперация» и «Дукат» были двумя совершенно разными командами, и «Дукат» играл значительно сильнее.

Рабочие продолжали смотреть футбол, но игра не обладала должными пролетарскими характеристиками в глазах тех борцов за социальное равенство, которые теперь оказались в фаворе. Футбол практически исчез со страниц общенациональных газет, а спорт в целом играл второстепенную роль на этом лихорадочном этапе «социалистического наступления». Футбол, спорт высоких достижений, в который играло элитарное меньшинство, а следило за которым пассивное большинство (пусть это и был рабочий класс), самим своим существованием противоречил идеям равенства первых лет советской индустриализации. Болельщикам теперь стало сложнее выбирать себе команду. Предпочтение «Динамо» из-за все увеличивающегося влияния ОГПУ становилось подозрительным в глазах футбольной публики. При этом у «Промкооперации» с ее укорененностью в эпохе нэпа была масса собственных трудностей в противоборстве с новыми фабричными и заводскими командами, ненадолго получившими внимание публики, в остальном занятой выполнением первого пятилетнего плана.

Впрочем, в скором времени для Сталина и многих других партийных лидеров сделалось очевидно, что объявленные для страны задачи слишком сложны и не могут быть выполнены и что есть все же крепости, которые не способны взять даже большевики. Коллективизация могла покончить с кулаками и накормить город, но в итоге стала настоящим бедствием. Оказавшись перед лицом возможного поражения, Сталин провозгласил полную победу, объявив, что все задачи пятилетки выполнены за четыре года. План на вторую пятилетку был уже более скромным и реалистичным. Режим отступил от края бездны. Теперь нужно было трудиться, а после работы уделять внимание отдыху и развлечениям.

Рождение «Спартака»

Николай Старостин рассказывает эту историю так. Пашинцева, покровителя команды «Дукат», вдруг уволили с его табачной фабрики. Старостин никогда не вдавался в объяснения причин этого происшествия и даже не говорил толком, когда именно это произошло (судя по всему, в начале 1934 года). Следуя за Пашинцевым в его извилистом карьерном пути, команда переходила от одного организатора к другому, что отражалось и на качестве выступлений на футбольном поле. Теперь же она совсем потеряла своего покровителя. Перед лицом возможного исчезновения команды Николай делал все возможное и невозможное. Так началась семейная история «Спартака», у которой, впрочем, есть несколько версий, и часто они могут исходить от одних и тех же людей.

Хотя в период первой пятилетки клубный футбол был в упадке, сборная Москвы и национальная сборная по-прежнему играли и дома, и на международных турнирах. Всесоюзный чемпионат продолжился соревнованием городских команд, а сборная лучших советских игроков съездила в важные турне по Швеции и Турции. Николай был капитаном обеих сборных и, исполняя эти обязанности, вошел в контакт с целым рядом важных фигур внутри и вне партии. Среди них был и Косарев, большая шишка в комсомоле: он имел отношение к администрированию и устройству спортивных соревнований. Несмотря на свое мимолетное увлечение «Дукатом», Николай Старостин поддерживал хорошие отношения с директором Промкооперации Иваном Епифановичем Павловым, руководившим процессами розничной продажи в новой командной экономике. Промкооперация стала чрезвычайно богата в этот переходный период[96]. Обнаружив общую почву для соглашения с Павловым, Старостин перевел всю команду обратно в Промкооперацию перед сезоном 1934 года. Московский городской совет по физической культуре автоматически отправил «Промкооперацию» в высшую городскую лигу, где она финишировала первой в весеннем чемпионате. Осенью первенствовало «Динамо». В том же году были достигнуты и другие успехи. Все четыре брата теперь играли за свой клуб, и все четверо попали в состав московской сборной для участия в международном турнире в Париже. В 1934 году было учреждено почетное звание «заслуженный мастер спорта». Петр Исаков и Николай Старостин среди первых девяти футболистов получили эту награду[97].

Как-то летом Старостин пригласил Косарева и Павлова сходить с ним на охоту — так пригодились навыки, полученные в детстве от отца. Между делом, среди стреляных гильз и убитых животных, трое сговорились о создании первого со времен «Динамо» добровольного спортивного общества. Косарев обещал обеспечить политическую поддержку, в то время как Павлов, по воспоминаниям Старостина, давал 15 % дохода Промкооперации на привлечение лучших спортсменов из разных видов спорта[98]. Промкооперация также предоставляла деньги для строительства постоянной тренировочной базы в Тарасовке, за городом[99]. Для продолжения противоборства с «Динамо» эти траты были необходимы. Примечательно, что поддержка спортивной организации шла из гражданского сектора. 22 сентября 1934 года план создания добровольного спортивного общества для различных рабочих под флагом Промкооперации анонсировали в прессе.

В начале ноября Косарев вызвал Николая, чья футбольная карьера шла на спад, и назначил его главой нового клуба, в который должны были вступить тысячи членов в городах по всему СССР. Общество выставляло команды в разных видах спорта, но московский футбольный клуб являлся жемчужиной короны и главным делом Николая Старостина. Косарев также уполномочил Николая придумать название, способное передать дух общества и идеи его лидеров. Братья собрали у себя старых друзей — Петра Попова, Исакова и Леуту вместе с их близкими — в новой квартире Николая на Спиридоновке. После ночного обсуждения было выбрано имя «Спартак», в честь гладиатора и главы восстания рабов в античном Риме. До самых последних дней своей жизни братья будут рассказывать разные истории о появлении этого названия. Николай вспоминал о рабочих командах, названных в честь немецкой революционной лиги «Спартак», с которыми он в 1927 году играл в ходе тура по Германии[100]. Андрей же писал о том, как взгляд Николая случайно упал на корешок книги Рафаэлло Джованьоли, стоявшей на полке[101]. Никто из них не упоминал о ленинградском «Спартаке», а ведь «Красная Пресня» однажды с ним играла. Имя нового клуба, предложенное 14 ноября, вскоре было обнародовано. Многие команды назывались в честь фабрик, другие были акронимами или аббревиатурами. Остальные, такие как «Торпедо», «Локомотив» и, разумеется, «Динамо», были призваны вызывать в воображении образы силы и мощи.

«Спартак» оказался единственным в СССР клубом, названным в честь революционного лидера и при этом спортсмена.

Организационный процесс прошел довольно гладко. Совет министров дал окончательное согласие 28 января 1935 года. 19 апреля спартаковский устав был ратифицирован Советом по физической культуре, и самый могущественный гражданский спортивный клуб в советской истории открыл свои двери. Вскоре после этого начался последний сезон в городской Московской лиге. Почти сразу же новая команда оказалась серьезным соперником для «Динамо», закончив сезон на втором месте. Андрей вспоминал эти годы как лучшие в своей жизни. В двадцать восемь лет он был членом сборной Москвы, сборной страны и звездой самой популярной команды города. Все его братья играли вместе с ним. Он вступил в партию, был вхож в круг московских интеллектуалов, красивый, со вкусом одетый и разбирающийся в культуре, к тому же футбольная звезда. Времяпрепровождение в лучших городских ресторанах в компании богатейших и известнейших людей СССР было для него обычным делом, так же как и вечера во МХАТе, где его приятель Яншин играл на сцене. Вечера и ночи после матчей в Сандуновских банях также стали неотъемлемой частью этой хорошей жизни.

Андрей путешествовал по Европе, приобретал дорогие вещи, обменивая их на икру и сигареты, взятые с собой из дома, в Париже гулял по местным модным местечкам. Это было «время советских героев», как позже он вспоминал, и он являлся одним из этих героев[102].

Тогда подобное поведение не воспринималось как предосудительное или опасное. Вторая пятилетка (1932–1937) оказалась временем относительного довольства после смятения, порожденного индустриализацией и коллективизацией. Середина 1930-х стала эпохой высшего подъема советской массовой культуры, что дало возможность одному из самых компетентных западных исследователей назвать этот период «годами советского джаза»[103]. К 1931 году Сталин отменил равенство в зарплатах. Люди со способностями и талантами теперь могли претендовать на хорошее вознаграждение за свой труд, и появились места, где эти деньги можно было потратить. Старостины оказались к этому готовы — похоже, они твердо уверились в этом своем праве.

В существующих источниках основание «Спартака» изображалось как безболезненный процесс — от разговоров на

охоте до официального сообщения о создании команды. Сейчас же, зная о целой галактике противоборствующих политических сил и бюрократическом минном поле советской реальности, невозможно не признать, что учреждение первого с 1923 года добровольного спортивного общества не могло быть таким уж простым делом. Таланты и умения Николая, его знакомства наверняка выступали важнейшим условием успеха. Перейти от предпринимательства времен нэпа к неформальной системе сталинской командной экономики стало возможным благодаря личным связям Николая, которые могли появиться в то время, когда он стоял во главе советской футбольной сборной. Сеть отношений, основанная на принципе «ты мне, я тебе», известная в России как «блат», была, согласно Шейле Фицпатрик, одним из основных способов ведения дел во второй половине 1930-х (да и впоследствии тоже). Она описывала «комплекс социальных сетей, базирующихся на дружбе, взаимной лояльности и данных обязательствах. Это был блат, система патроната, как правило, включаемая (если о ней вообще идет речь) в так называемую теневую экономику»[104]. Алена Леденёва описывала эту систему как «реакцию простых людей на структурные ограничения внутри социалистической системы распределения — целый ряд практик, позволяющих советской системе существовать, работать, — однако и разрушающих ее изнутри»[105].

Одним из способов для Старостиных развивать свое дело было достижение международного успеха. Советские клубы громили зарубежные рабочие команды уже больше десятилетия, но международные матчи игрались с довольно средними по уровню сборными типа Турции и Швеции. Теперь же и спортивная публика, и руководство оказались заинтересованы в том, чтобы проверить, чего стоят советские команды в сравнении с лучшими зарубежными профессионалами (несмотря на официальный запрет в СССР профессионального спорта). На протяжении некоторого времени Николай Старостин был среди тех, кто громче всех призывал искать как можно более сильных противников. После своего возвращения из Парижа Старостины встретились с Косаревым в его кабинете на Старой площади, чтобы обсудить готовящийся тур московской сборной по Чехословакии. Предполагались обычные встречи с рабочими командами, а кроме того Косарев рассказал о возможности сыграть с профессионалами и спросил Николая, смогут ли москвичи выиграть. Николай

туманно ответил, что, хотя победу гарантировать невозможно, надеяться на нее все же стоит[106].

Исторически присущее русским чувство неуверенности в своих силах, очевидно связанное с длительной изоляцией, вновь проявляло себя, но в то время международное положение постепенно менялось, побуждая СССР включаться в жизнь на всех уровнях, в том числе и на спортивном. Триумф нацистов в Германии в 1933 году дискредитировал раннесоветское убеждение, что все левые, кроме собственных, ничем не предпочтительнее фашистов. Народный фронт объединял все возможные антифашистские силы[107]. В результате самые достойные московские футболисты из «Динамо» и «Спартака» вступили на это минное поле, полное страхов и надежд[108]. Приглашение было получено со стороны чехословацкой компартии. Местное правительство было не в восторге от идеи принимать у себя в стране большую советскую делегацию, но, в духе текущего момента, дало свое согласие на проведение турне. А советская сторона обещала не вести революционную агитацию, впрочем, не вполне сдержав слово[109].

Чехословакию выбрали не только из-за ее географической близости. Футбол в этой стране был на подъеме. Летом того года сборная Чехословакии играла в финале второго чемпионата мира в Италии, уступив хозяевам со счетом 1:2. Пражские команды «Спарта» и «Славия» числились среди сильнейших в Европе, однако в том сезоне были не в лучшей своей форме. Чехи предпочли дать советской команде в соперники лидера чемпионата, команду «Жиденице» из Брно, только что обыгравшую «Спарту» со счетом 4:0[110]. После недолгого тура и серии побед над рабочими командами с разгромным счетом сборная Москвы (с капитаном Александром Старостиным и под руководством Михаила Козлова и Николая Старостина) начала с немалой тревогой и нервозностью готовиться к первой в своей истории игре с профессионалами. Накануне матча 14 октября никто не спал. Возможно, чехи недооценили своих противников. Также вероятно, что они смотрели на эту игру как на нежелательную помеху в календаре национального чемпионата. Что бы ни было причиной, но москвичи захватили инициативу сразу после стартового свистка и к перерыву уже вели со счетом 2:0. Посчитав, что дело сделано, гости ушли в оборону, играя вперед исключительно на вынос. Паника вновь стала нарастать, когда действующие более

спокойно игроки «Жиденице» сумели сравнять счет. Когда до конца матча оставалось всего десять минут, динамовская звезда долговязый Михаил Якушин получил длинный пас в свободную зону. Подтверждая свое прозвище «хитрый Михей», Якушин неожиданно сбросил мяч грудью себе под удар и, не давая никому опомниться, пробил в нижний угол мимо вратаря. Это была победа со счетом 3:2[111].

Но что делать с этой победой дальше? Стал ли матч настоящим испытанием? Имелись ли в игре советской команды какие-то недостатки, не скрыла ли их эта победа? 22 ноября 1934 года участники поездки встретились в Совете по физической культуре. Турне обсуждалось очень подробно, в числе других выступали Александр, Андрей и Николай. Были отмечены сильные и слабые стороны игры команды. Большинство присутствующих оказались на стороне Николая: он предлагал чаще играть с профессионалами, особенно на советской территории. Это и стало главным итогом собрания. К тому моменту «Спартак» был уже де-факто создан, однако никакого соперничества между профессионалами из «Спартака» и «Динамо», вместе отправившимися в турне, не наблюдалось. Несмотря на серьезные разногласия по широкому кругу вопросов, участники дискуссии называли друг друга по именам, а внешнеполитическая повестка отсутствовала[112]. Встреча, скорее, оставила чувство взаимного уважения и констатировала устремления в сторону профессионализации игры. Спартаковское участие в этом триумфе было значительным, и оно не осталось незамеченным.

Несмотря на то что «Спартак» и «Динамо» представляли совсем разные институции, создание нового добровольного спортобщества подразумевало соревнование на равных. Поддерживаемое НКВД «Динамо», безусловно, было частью государственного аппарата. «Спартак», за которым стояли Промкооперация и Министерство торговли, занимал несколько двусмысленное положение. Созданный при политической поддержке важной партийной организации, он служил частью потребительского сектора, подвергавшегося нападкам на протяжении 1930-х. В сезоне 1935 года «Спартак» стал серьезным соперником «Динамо» и завершил весенний сезон вторым. Команда вновь взялась за свои старые гастрольные трюки, сыграв двадцать три товарищеских матча за один год[113]. Теперь этот процесс регулировался, но не особенно жестко. Команды

должны были получить разрешение комитета, это делалось просто — как правило, через обмен телеграммами. Осенью звезды обеих команд вновь слились в единую сборную города. Сборная лучших игроков из Чехословакии совершила ответный визит и сыграла в СССР с несколькими командами. Несмотря на ключевые различия между «Спартаком» и «Динамо», в тот раз они вновь выступили вместе, заложив еще один кирпич в фундамент перемен в советском футболе.

3. ВЫЗОВ ПРИНЯТ, 1936–1937 ГОДЫ

Имена французского коммерсанта Бернара Леви и российского эмигранта, ученого Николая Тимашева обычно не упоминаются рядом, в одном контексте, хотя первый способствовал самому серьезному преобразованию в истории советского футбола, а второй объяснил, что собственно произошло. В мае 1936 года в СССР приняли решение учредить профессиональный футбольный чемпионат, который был бы устроен по образцу подобных лиг и турниров в капиталистических странах. Зная, что «Спартак» и «Динамо» планируют в январе серию матчей против французских рабочих команд, Леви пригласил советскую сторону сыграть против принадлежащего ему мощного клуба «Рэсинг», в Париже, прямо на Новый год, 1 января 1936 года[1]. Это предложение спровоцировало бурные обсуждения в советских футбольных кругах, которые и привели к скорому формированию лиги. Десять лет спустя Тимашев развил свою теорию «великого отступления», объясняя, как самопровозглашенное революционное государство переняло западный опыт не только в спорте, но и в других областях человеческой деятельности[2].

Заменив неупорядоченные местные и национальные соревнования ясной и четкой глобальной структурой, Всесоюзный совет физической культуры предоставил режиму мощный ресурс для государственного строительства и одновременно подарил советским болельщикам новую версию и без того крайне популярного развлечения. То, что до 1935 года можно было бы назвать сильным интересом к футболу, теперь приобретало совершенно другие масштабы. Прошло еще несколько лет, и за встречами так называемых «показательных» команд наблюдали уже

10 миллионов зрителей (почти все они были мужчинами, представителями рабочего класса). Стадион «Динамо» регулярно собирал аншлаг. Большие по меркам того времени арены появились и в других городах. Внимание к игре значительно подняло политические ставки для ее участников, успех на футбольном поле стал значить еще больше и для различных институций, поддерживающих свои команды в новой лиге. Когда в свое время Николай Старостин призвал к профессионализации игры, его предложение не встретило поддержки, в официальных кругах «профессиональный» спорт все еще означал «несоветский». В 1936 году позиция Старостина и его единомышленников получила признание, новый спортивный порядок продемонстрировал свои преимущества.

Старостины добились невероятной популярности при минимальной государственной поддержке. И независимость, которую они сохранили на своем пути наверх, сделала их частью самого привилегированного слоя общества. Они были героями, но не теми, каких создавало государство, вроде шахтера Алексея Стаханова, прославившегося перевыполнением рабочей нормы[3]. Эта независимость (не следует путать ее с оппозиционностью) будет неприятна многим представителям власти и в конечном счете станет для игроков «Спартака» источником смертельной опасности.

Вторая пятилетка была трагическим временем. Голод 1932–1933 годов унес жизни нескольких миллионов мужчин и женщин, а убийство в 1934-м главы ленинградской парторганизации Сергея Кирова стало первым шагом к массовому самоуничтожению большевистской партии. И все же эти годы принесли куда меньше социальных потрясений, чем первая пятилетка. Экономический план, измеряющийся в объеме валовой продукции, был сокращен. Поначалу производилось меньше арестов и расстрелов. Оттолкнув от себя бóльшую часть населения, партия пришла к пониманию того, что давление необходимо уменьшить. В 1935 году Сталин сделал свое знаменитое заявление: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». В новой советской Конституции 1936 года говорилось о наступлении социализма[4]. Но напряжение внутри партии не исчезло. Сталин, Молотов и другие партийные лидеры боялись собственного народа[5]. С приходом Гитлера к власти в Германии возросла и внешняя угроза. Предчувствие войны стало реальностью,

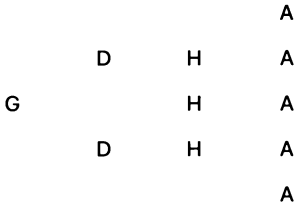
и бдительные органы госбезопасности разъяснили руководству страны, что недовольных в стране еще достаточно[6]. 1936 год оказался годом увлекательных футбольных зрелищ, совершенно новой социалистической конституции и годом показательных политических процессов, положивших начало грандиозному террору[7]. В самый разгар массовых репрессий Старостины и «Спартак» наслаждались великими победами. Пока они выигрывали чемпионаты и завоевывали спортивную славу для СССР, используя так называемые буржуазные методы, были арестованы и расстреляны сотни их коллег. Неоднократно предпринимались попытки обвинить и братьев, и других спартаковцев во всевозможных преступлениях: за вещи, которые они делали, или за слова, которые они произносили, — в том числе и за то, что они сделать никак не могли. У Старостиных было множество влиятельных знакомых и до поры братья оставались на свободе. Однако в конечном счете и они также стали жертвами чисток.

Новый год в Париже и тайны «дубль-вэ»

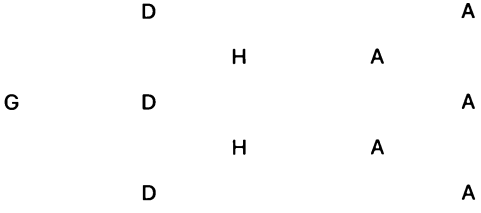
До сих пор неясно, когда именно поступило приглашение Леви. Новости о его предложении появились в «Комсомольской правде» 22 ноября, но, по словам Михаила Якушина, игроки узнали об этом только в начале декабря 1935 года. В духе дружбы и «Народного фронта» Леви предложил советской команде сыграть против лидеров французского первого дивизиона. Задолго до эпохи футбольного интернационализма и глобализации президент «Рэсинга» собрал у себя команду, в которой были игроки из Англии, Австрии, Германии, Алжира, Югославии и Сенегала. Под руководством английского тренера Денниса Комптона (до этого работавшего с «Арсеналом»), «Рэсинг» только что сыграл вничью в товарищеском матче в Париже с «канонирами», действующими чемпионами Англии[8]. Французская команда была, несомненно, сильнее, чем «Жиденице», и намного известнее на мировой арене. Важнее всего для советской команды было то, что «Рэсинг» играл по схеме «дубль-вэ» — она была основной для большинства ведущих клубов Западной Европы последние десять лет.

Во всех видах спорта изменения в правилах приводят к трансформациям в тактике. В середине 1920-х ФИФА изменила спорное и во многих отношениях запутанное правило

о фиксации положения «вне игры». Вместо трех игроков (как было раньше) теперь только двое должны были располагаться между ближним атакующим игроком и воротами в момент, когда производится удар или пас. Эта реформа повысила значимость скорости и движения, одновременно уменьшив роль строгой позиционной игры в защите, где «каждый держит свое место». Чтобы воспользоваться новым правилом, Герберт Чепмен, легендарный тренер «Арсенала», заменил старую систему «пять в линию» новой. До сих пор за спинами пяти нападающих стояли трое полузащитников и двое защитников:



Чепмен передвинул одного полузащитника в линию обороны и переместил вглубь двух игроков на позицию полусредних нападающих (инсайдов) позади других форвардов.



Форма расстановки напоминала букву «W» (или «M»), что и дало имя новой схеме.

Точно так же, как советские технические специалисты, футболисты-профессионалы пребывали в неведении относительно последних западных достижений. Но и когда слухи о «дубль-вэ» начали просачиваться через границу, тренеры не проявили к ней интереса. Расстановка с тремя игроками в задней линии казалась излишне оборонительной. Советский футбол всегда стремился атаковать и забивать голы. Многие спортсмены

и чиновники пошли еще дальше и заклеймили новую тактическую схему как «буржуазную». В 1930 годы, когда стремление обогнать Запад впервые вышло на первый план, важно было доказать превосходство советских методов. К тому же западное заимствование могло выглядеть политически подозрительным. Несколько членов национальной сборной узнали о схеме «дубль-вэ» от своих соперников во время турецкого турне СССР в 1933-м. Михаил Сушков вспоминал о товарищеском матче 1935 года в Свердловске против команды норвежских рабочих, которые играли по схеме «дубль-вэ»[9]. В обоих случаях новая схема игнорировалась при совершенно ошибочном убеждении, что советский футбол уже застолбил себе позицию среди мировых лидеров. Десятки побед в матчах против рабочих команд и единственная победа над чехословацкими профессионалами ввели многих в заблуждение и убедили чиновников — в спортивном мире и вне его — в силе советского футбола.

В конце того же 1935-го команда Украины, собранная в основном из игроков киевского «Динамо», обыграла середняка французской лиги «Ред Стар» со счетом 6:1, предоставив тем самым новое «доказательство» советского превосходства и подчеркнув важность игры с «Рэсингом»[10]. Приглашение Леви поставило перед советским футбольным миром, и спорткомитетом в частности, целый ряд вопросов. Какую команду следует отправить? Возможно, один конкретный клуб будет слишком слаб? Стоит ли отправить сборную, которая, вероятно, сможет победить, но как это будет выглядеть, если ей придется противостоять не сборной Франции, а одной из национальных команд? В каком состоянии будут игроки, учитывая, что сезон в СССР закончился больше месяца назад? Проигрыш представлялся совершенно реальной перспективой, и это было абсолютно недопустимо, учитывая международные политические последствия для работы антифашистского «Народного фронта». Какое бы решение ни было принято, поездке надлежало получить одобрение на высшем уровне. Хотя нет никаких письменных свидетельств об обсуждении этой темы в Политбюро, похоже, общего мнения о том, какой должна быть команда, так и не сложилось. Окончательное разрешение поступило только 21 декабря 1935 года, за десять дней до запланированного матча[11]. «Известия» анонсировали игру двумя днями позже — месяц спустя после того, как об этом впервые написала «Комсомольская правда»[12].

В конце концов решили послать команду, составленную из игроков «Спартака» и «Динамо», под именем сборной Москвы. После матча в Париже каждая из команд — уже самостоятельно — отправлялась в турне по Франции, играя против рабочих клубов. Это казалось наилучшим решением. Мало того что это были две сильнейшие столичные команды, так еще и многие игроки по-прежнему оставались в сравнительно хорошей форме, поскольку участвовали в зимнем хоккейном сезоне. Речь шла о варианте игры под названием «бенди» (хоккее с мячом), популярной в скандинавских странах и в России с конца XIX века. Матчи играли на большом ледяном поле — по сути, хоккей на траве, только вместо травы — лед. Не теряя времени, игроки обеих команд отложили клюшки и приступили к тренировкам. Они бегали по снегу и работали с мячом в маленьком зале «Динамо» на Цветном бульваре[13]. После этой смешанной подготовки 26 декабря 1935 года команда прибыла в Париж.

Во Франции между тренировками советские игроки посмотрели матчи рождественского турнира, в котором выступали клубы из таких футбольных держав, как Венгрия и Австрия. Москвичи покинули стадион в убеждении, что они не менее талантливы и сильны, чем те профессионалы, которых они только что видели[14]. Укрепить уверенность в своих силах было важной задачей для этой сборной «Спартака-Динамо», однако выбор игроков для выхода на поле оказался весьма непростым. Особенно сложно было назначить основного вратаря. Первый номер «Спартака», Иван Рыжов, слег с температурой. Евгений Фокин, основной вратарь «Динамо», также заболел. Заменяющий его Александр Красников, совершенно неопытный, никогда до того не выезжал за пределы СССР. Единственным оставшимся вратарем был двадцатидвухлетний запасной «Спартака», Анатолий Акимов, родом с Красной Пресни — давний поклонник команды, однако без какого-либо опыта участия в больших матчах. Определять состав предстояло тренерской тройке — Константину Квашнину, Николаю Старостину и старой динамовской звезде, Федору Селину. Эти трое должны были справиться с лавиной советов и рекомендаций, полученных от игроков, журналистов и официальных делегатов. После нескольких часов бурных обсуждений они выбрали команду с четырьмя спартаковцами в составе — Акимовым, Станиславом Леутой, Андреем Старостиным и Александром Старостиным (последний в привычной роли

капитана). Оставшиеся семеро были из «Динамо», включая всю атакующую пятерку во главе с Якушиным и Сергеем Ильиным.

Представляя себе, как можно провести новогоднюю ночь в Париже, сборная Москвы, если верить источникам советского периода, предпочла разойтись по комнатам отеля «Кавур» и лечь спать еще до полуночи. На следующий день автобус доставил команду в Булонский лес, где 60 000 болельщиков заполнили стадион «Парк де Пренс». Ажиотаж был велик. Еще до того, как Политбюро дало окончательное согласие на участие в матче, парижские улицы и киоски были обклеены плакатами, объявляющими «о прибытии русских». Как только матч начался, москвичи увидели, что им легко удается справляться с игроками «Рэсинга». Гости переходили центр поля, виртуозно пасовали, завоевывая симпатии публики. Но при приближении к французским воротам их тут же встречали защитники, которые, казалось, появлялись всегда в самую последнюю секунду. Хуже того — у ориентированной на атаку стратегии имелся тот недостаток, что команда пропускала быстрые контратаки соперника, одна из которых привела к голу, забитому сенегальским центральным нападающим «Рэсинга» Куаром. Он вогнал мяч в левую девятку на пятнадцатой минуте. Несмотря на некоторое смятение, в течение четверти часа москвичи сравняли счет — Андрей Старостин длинным пасом вывел Якушина на ворота. К перерыву при счете 1:1 и не без помощи французских болельщиков, приветствующих каждое их удачное движение, московские игроки, возможно, испытывали некоторое удовлетворение. Вместе с тем они были озадачены невозможностью завершать атаки, не говоря уже о свободных зонах, которые «Рэсинг» находил в центре их защиты.

Причиной всех бед был «дубль-вэ». С центральным полузащитником, выдвинутым на позицию третьего защитника, возникало больше свободного места в середине поля. Зато когда москвичи подходили к штрафной площади, положение дел им сильно осложнял третий защитник. Гости боролись с этими трудностями весь второй тайм, оставаясь в игре. «Рэсинг» активно контратаковал, упуская шанс за шансом из-за блестящей игры Акимова. По мере того как игра подходила к концу, стало очевидно, что советским игрокам не хватает слаженности в их действиях. Длинный пас к углу поля был прерван Александром Старостиным, после чего капитан поскользнулся и упал, преследуя своего игрока. Резкий кросс в штрафную нашел там Куара,

открывшегося в полном одиночестве. Так установился окончательный счет 2:1. Советские футболисты выдали хороший матч и своей игрой покорили сердца парижской публики, но устаревшая тактика свела их усилия на нет[15].

После первых часов разочарования москвичи постепенно начали осознавать, что им удалось сделать все же нечто существенное. Вдали от дома они играли на равных против одной из самых сильных команд континента. На следующий день International Herald Tribune сообщала:

> Первая советская футбольная команда, когда-либо участвовавшая в международном матче, неожиданно продемонстрировала стремительную игру, проиграв сильному «Рэсингу» со счетом 1:2. <...> От начала и до конца игра была быстрой, и московская команда боролась достойно... не уступив французам ни в одном компоненте игры[16].

Москвичи имели все основания гордиться собой, и это чувство, возможно, притупило их внимание, когда тренер «Рэсинга» Деннис Комптон, ученик Чепмена, появился в их отеле на следующий день. Он прочитал игрокам и всем членам советской делегации лекцию о расстановке «дубль-вэ». Похвалив игроков за индивидуальные навыки и командную работу, он объяснил, что они не смогли забить второй гол в результате оборонительных преимуществ его системы. Дополнительный защитник последовательно срывал атаки гостей. И наоборот, в схеме, по которой играли все советские команды, два защитника играли не персонально, а по зонам. Когда фланговые полузащитники и центральные защитники врывались в штрафную, советские игроки оказывались в меньшинстве. По рассказам Якушина и Андрея Старостина, все слушали вежливо и, занятые мыслями о своих достижениях, сразу же забыли преподанный им урок[17].

Лидерам советского футбола потребовалось еще полтора года, чтобы понять идеи Герберта Чепмена. Тем временем на протяжении 1936 года появлялись слухи о новых встречах с профессиональными командами. В апреле Политбюро фактически дало разрешение комсомолу принять приглашение «Челси», «Манчестер Сити» и «Глазго Рейнджерс». Однако Британский международный футбольный совет отказался давать согласие на любой из этих матчей, пока СССР не войдет в ФИФА — шаг,

которому уделялось серьезное внимание. Заигрывания с капиталистическим футбольным миром длились недолго. Менее чем две недели спустя, после указания спортивному комитету вступить в переговоры с британскими клубами, Политбюро отказалось давать разрешение на ответный визит «Рэсинга»[18]. Как всегда в случаях подобного решения сверху, никаких объяснений не последовало.

Чемпионат начинается

Николай Старостин очень хорошо понимал, что матч с «Рэсингом» был шагом в правильном направлении. Он заявил об этом в «Известиях» и в целом проявлял готовность использовать поражение в своих интересах[19]. Та встреча была не первым выездом Николая Старостина за рубеж. Он видел уже много игр профессиональных команд и провел бесчисленное количество часов с заграничными коллегами. Уважая западные методы работы, он считал, что они могут быть пригодиться. Вернувшись в Москву, Старостин вновь запустил кампанию за создание профессиональной лиги. В глубине души он был спортивным импресарио, учившимся управлять футбольной командой в 1920-е годы. Теперь он претендовал на расширение игрового пространства для себя и «Спартака» в границах новой командной экономики. Нет сомнений в том, что, выступая за профессиональную лигу, Николай Старостин желал советскому спорту только лучшего. Но, очевидно, он не был противником и привилегий, славы и удобств, которые заодно можно было бы получить. Со временем Старостин нажил себе немало врагов среди влиятельных людей. Впрочем, на тот момент отсутствие мощной оппозиции внутри силовых структур означало, что его призыв к созданию футбольной лиги с высококлассными профессиональными игроками был вполне в духе времени.

Ближе к концу первой пятилетки Сталин отказался от политики социального уравнения и равенства в оплате труда. Он пришел к пониманию, что навыки и умения так называемых специалистов с их высокой квалификацией, полученной еще до революции, были необходимы будущему прогрессу. Люди с талантами и способностями должны получать соответствующее вознаграждение. Старостин считал себя одним из таких специалистов-профессионалов и легко принимал привилегии в обмен

на умения. Начиная с середины 1930-х иерархия стала важнейшей опорой советской системы. Предреволюционная левая идея о достижении всеобщего равенства оказалась отброшена.

Косарев, работавший со Старостиным над организацией многих спортивных соревнований, был сильнейшим из его союзников. Комсомольский вожак не разделял опасений других партийных лидеров, для которых спорт обладал прежде всего дидактическим потенциалом, по поводу профессионализации футбола. Напротив, Косарев полагал, что зрелище (и не только спортивное) и должно быть прежде всего зрелищным[20]. Для лидера советской молодежи было важно, чтобы профессиональный спорт, уже доступный молодым рабочим по всему миру, стал частью наступившей «лучшей и более веселой жизни». Футбол мог объединить мужскую часть крайне неоднородного советского пролетариата. Во времена, когда так много крестьян уезжало из деревень в город и тем самым отказывалось от традиционных форм мужественности, футбол создавал иную форму мужского братства — он стал подходящим увлечением нового советского мужчины. «Новые советские женщины» интересовали Косарева заметно меньше.

Наиболее полно о процессе профессионализации рассказывается в книге Барбары Киз об истории международной советской спортивной дипломатии. В ней очень четко показано, что, хотя Советы были далеко позади Великобритании в вопросах превращения футбола в элемент массовой культуры, от стран континентальной Европы СССР отстал не так уж сильно. Австрия учредила профессиональную лигу в 1924 году, Чехословакия — в 1925-м, Испания, где спорт оказался чрезвычайно популярен, только в 1928-м, Франция — в 1932-м[21]. Немецкая профессиональная лига появилась в 1963 году. Вернувшись из Парижа, в феврале 1936 года Николай Старостин на собрании, организованном комсомольским начальством по следам недавнего поражения, выступил в защиту команды:

> Мы вернулись домой и объяснили: пускай наши соперники были сильны, мы были не хуже. Мы не знаем тактических новшеств. Нам необходимо обмениваться опытом не только в поездках, но и дома, друг с другом... [Я говорил]... что наши лучшие игроки варятся в собственном соку. Матчи раз в год, матчи городских сборных...

> В Европе есть лиги, где клубы играют друг с другом, но мы наивно полагали, что климатические и территориальные условия нашей страны непреодолимы[22].

Косарев был согласен и попросил Старостина набросать план действий. Старостинский меморандум лежал у него на столе через неделю. Его копия была отправлена главе Совета по физической культуре Василию Манцеву. Старостин писал:

> Последние два-три года советский футбол показал, что стоит на одном уровне с лучшими европейскими командами... В то же время знакомство с условиями зарубежных профессиональных футбольных игроков — а все лучшие европейские команды состоят из профессионалов — показывает нам, что профессиональный футбол имеет множество преимуществ перед любительским.

Старостин предложил создать базовую лигу из восьми команд, которые участвовали бы в чемпионате весной и осенью. Такая система, замечал он без всякой иронии, «узаконит профессионализм, уже существующий в нашем футболе»[23]. Совет по физической культуре принял предложение с незначительными поправками 22 марта того же года. Потребовалось еще некоторое время до начала мая, чтобы решить, что в первом советском чемпионате примут участие двадцать восемь команд, в том числе семь из них в группе «А» — так был создан высший дивизион. Процесс сопровождали жаркие политические споры. Что должно стать критерием для включения команды в новую лигу: уровень игры или степень влиятельности организации, которая ее представляет? Также был учрежден Кубок СССР — в этом турнире могла принять участие любая команда, и он также был устроен по западным образцам. Весенний сезон стартовал 22 мая.

После прочтения старостинского меморандума можно вообразить схожий документ, написанный каким-нибудь советским инженером, сторонником тейлоризма, о чудесах конвейера в Дирборне. Как отмечает Киз, «меморандум поражает своим полным принятием западного коммерческого спорта, отсутствием какого-либо желания отделить советский спорт от его западных аналогов и общей идеей, согласно которой лучшим способом развивать советский спорт будет возможность встроить в него

западный опыт и структуру»[24]. Когда несколько лет спустя Николая Старостина арестовали, его, в частности, обвинили в попытке внедрить «буржуазные нравы в советский спорт». Оставляя за скобками вопрос о правомочности таких обвинений, следует признать, что основания для них имелись[25].

С самого своего начала лига способствовала популяризации футбола, и посещаемость выросла многократно. Застенчиво именуя различные клубы «показательными командами», пресса тем не менее стала посвящать спортивным соревнованиям гораздо больше внимания, чем раньше. Как это происходило и в других странах, количество товарищеских матчей резко сократилось с появлением регулярного графика чемпионатов. К 1940 году более 10 миллионов болельщиков (многие из которых наверняка приходили на стадион не единожды) посетили футбольные соревнования всех уровней[26]. «Спартак» и «Динамо» стояли во главе этого нарастающего интереса, сформировавшего наряду с кино новую отрасль массовой культуры. Впрочем, в начале футбольного матча, в отличие от кинофильма, никто не знал наперед, чем закончится история.

Как только «Спартак» занял в лиге лидирующие позиции, он стал первым и по посещаемости. Данные статистики, относящиеся к двум главным командам, убедительно демонстрируют, что футбол превратился в подлинный феномен массовой культуры, а «Спартак» — гвоздем программы. Уровень поддержки «Спартака», как и «Динамо», качественно отличался от таких же показателей британских команд того времени. В сезоне 1938–1939 годов «Астон Вилла» возглавляла зрительский рейтинг — 39 932 зрителей в среднем за игру. «Арсенал» посещали 39 102 человека. «Эвертон», чемпион, 35 040 зрителей, и еще пять команд — каждая чуть больше 30 000[27].

Такой уровень поддержки порождает естественные вопросы: В чем его причина? Что сделало «Спартак» таким популярным? В известной степени ответ очень прост: «Спартак» действительно был хорош. Более того, он держался на высоком уровне на протяжении нескольких лет. Его лучшие игроки, в частности Старостины, были звездами, причем они стали знаменитыми благодаря собственным достижениям, а не усилиям государства. «Динамо» являлось сильнейшей командой Союза в период с 1928 по 1936 год. Противоборство «Спартака» и «Динамо», существовавшее и до 1935-го, усилилось на поле и за его пределами

после основания лиги. С 1936 по 1940 год две эти команды поровну поделили между собой все чемпионские титулы и стали примером величайшего соперничества в истории советского спорта, которое в конце концов пережило и сам Советский Союз. В первом сезоне нового первенства «Спартак» считался фаворитом наряду с «Динамо», однако красно-белым необходимо было думать о замене своих возрастных игроков. Николаю Старостину уже исполнилось тридцать восемь, и он перешел на административную должность в спортобщество «Спартак». Александру было тридцать три, он также находился на закате карьеры. Чтобы укрепить заднюю линию, из «Динамо» был приглашен Виктор Соколов (1911–1999). В целом оборона, учитывая место Акимова в воротах, являлась сильнейшей линией в команде. Петр Старостин, младший из братьев, начал играть в полузащите, в то время как стремительный Владимир Степанов (1910–1981) нашел свое место в атаке.

Таблица 3.1. Уровень посещаемости матчей «Спартака» и «Динамо» в 1936–1940 годах

	«Спартак»		«Динамо»	
Год	**В Москве***	**На выезде**	**В Москве***	**На выезде**
1936	29 500	23 300	30 000	24 000
1937	34 000	30 000	37 800	28 700
1938	27 700	19 500	22 300	18 900
1939	46 800	27 800	39 500	23 500
1940	53 900	25 900	44 400	26 000

Данные взяты из книг: *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва: Официальная история. М., 2002; *Добронравов И.* На бессрочной службе футболу. М., 1999. Все цифры приблизительны и приведены на основе оценок журналистов.

* Включены все игры в Москве, независимо от того, какой клуб был формальным хозяином поля.

Среди новшеств, привнесенных в футбольную жизнь созданной лигой, стало появление постоянных тренеров, отвечавших за игру команды. Спартаковский выбор наставника вызвал крайнее замешательство в советских футбольных кругах — по той простой причине, что первый тренер команды не был гражданином СССР. «Спартак» пригласил Антонина

Фивебра (1888–1971) из Чехословакии, и позднее это было названо «преклонением перед Западом». До Первой мировой войны Фивебр играл за пражскую «Спарту», а затем уже в роли тренера много работал в Италии и Испании. Однако большинство ожиданий оказались разбиты уже в первой игре, когда «Спартак» проиграл ЦДКА со счетом 0:3. «Спартак» финишировал третьим в шестиматчевом весеннем первенстве, по ходу турнира проиграв и «Динамо» (0:1) в присутствии 60 000 зрителей. Затем команда вылетела из Кубка СССР, уступив в переигровке четвертьфинала «Динамо» (Тбилиси) — 3:6[28]. Фивебр уехал тренировать ленинградское «Динамо», а команду принял Михаил Козлов, до того руководивший спартаковской предсезонкой[29]. С Козловым во главе «Спартак» выиграл осеннее первенство в последний день турнира. В решающей игре «Спартак» обыграл ЦДКА со счетом 3:1 при поддержке бушующей толпы, и на последнем повороте обошел «Динамо», с которым работал старый друг Козлова еще пресненских времен, Константин Квашнин.

В качестве награды за победу игроки «Спартака» разделили между собой премию в 10 000 рублей[30]. С учетом того, что билет на игру стоил от 1 до 5 рублей, а обычная посещаемость домашних матчей колебалась в районе 30 000, такая сумма кажется довольно скромной. В конце концов, футбол теперь стал и большим бизнесом. Возможность платить игрокам деньги, освобождая их от другой работы, повысила уровень игры. Футболисты, не говоря уже о командной администрации и тренерах, сравнялись по заработкам с лучшими советскими писателями, учеными, балетными примами и кинозвездами. Средний бюджет на конец 1930-х составлял, предположительно, 800 рублей в месяц на одного игрока — без учета премий за победы и кубковые игры. В некоторых командах игроки получали дополнительные выплаты. Главные тренеры и руководители крупных команд получали примерно 1300 рублей[31]. Старостины, согласно разным источникам, зарабатывали около 2000 рублей в месяц. Это было очень щедрое вознаграждение, особенно с учетом тех привилегий, которыми они пользовались как члены команды «Спартак», — возможность приобретать вещи в зарубежных поездках и жить на дачах неподалеку от тренировочной базы «Спартака» в Тарасовке.

Очевидно, что люди из мира футбола находились на самой вершине советской шкалы зарплат, а Старостины были

самыми высокооплачиваемыми фигурами в советском спорте. Не менее очевидно и то, что сами они не видели в этом ничего предосудительного. Почему чемпионы Советского Союза в самом популярном виде спорта должны жить как нищие? Разве они не работали изо всех сил, чтобы заслужить то, что получают? Промкооперация могла щедро поддерживать общество «Спартак», но футбольная команда, разумеется, сама по себе была прибыльным предприятием. Стандартный бюджет команды включал в себя затраты в 637 365 рублей в год. Более половины этой суммы уходило на зарплаты. При средней цене билета в 3 рубля становится абсолютно ясно, что посещаемость в те годы должна была быть высока, чтобы футбольная команда могла приносить доход.

Пусть игроки «Спартака» и привлекали гораздо больше московских рабочих, составлявших ядро футбольных болельщиков, но те выбрали своим клубом именно «Спартак». Сотрудники разных предприятий всегда поддерживали предшественников «Спартака», а теперь у них имелась команда, которая могла на равных соперничать с «Динамо». Спортивное клише «Враги на поле, друзья вне поля», возможно, было применимо для футболистов-профессионалов, однако руководители обеих команд и их группы поддержки быстро невзлюбили друг друга. Корни этого антагонизма уходили в тот разлом, который образовался в советском обществе в середине 1930-х и только увеличился со временем. Как мы вскоре увидим, события вне поля, связанные с выросшим политическим напряжением, обострили это соперничество.

Накануне следующего сезона Михаил Козлов объявил о своем возвращении к преподаванию в Сталинском институте физкультуры. В то же время Квашнин был уволен из «Динамо», и «Спартак» быстро заполучил его себе. Его работа в «Спартаке» на протяжении двух последующих сезонов заложила основу для величайших успехов этой команды. Талантливый спортсмен, выступавший в разных видах спорта, и способный музыкант, Квашнин был интеллектуалом, постоянно ищущим возможности для развития. Его подход помог утвердить стиль работы многих советских тренеров. Им надлежало быть образованными людьми с определенным уровнем культуры — в советском понимании этих слов. Квашнин находился в московской делегации на игре с «Рэсингом». Присутствовал он и на лекции Комптона о преимуществах «дубль-вэ», а теперь готовился

перевести «Спартак» на игру по этой тактической модели. Переход оказался непростым. Еще до начала сезона в чемпионате «Спартак» вылетел из кубка на стадии 1/8. Впрочем, совсем скоро ему предстояло добиться одного из самых значительных успехов в своей истории.

Сложнее, чем «мы» и «они»

Множество москвичей утверждают, что были на игре «Спартака» с басками. Любовь этих болельщиков к команде ведет отсчет именно с того судьбоносного дня. Но послужил ли тот матч единственной причиной огромной популярности команды? Игры «Спартака» собирали полные трибуны. Большинство болельщиков были представителями рабочего класса, но сам термин «рабочий класс» к середине 1930-х воспринимался весьма неоднозначно. Спартаковский попечитель, Промкооперация, курировала работу огромного количества людей в сфере торговли и обслуживания, занимавшихся и физическим трудом, хотя едва ли многие из них трудились рабочими на фабриках. С 1929 года столица сильно увеличилась в размерах и стала весьма неоднородной по своему социальному составу. Сотни тысяч людей переселились в самый крупный из советских городов, и фабричные рабочие были лишь одной из частей этого нового города. С 1929 по 1934 год население Москвы выросло с 2,3 до 3,6 миллиона человек. Приблизительно четверть из этих людей являлись рабочими[32]. В свете этих изменений можно принять и более широкое определение термина «рабочий класс», включив в него и сферу обслуживания, транспортных рабочих, строителей, наряду с более традиционными «пролетарскими» отраслями.

Те, кто увлекался футболом, как и везде в мире, должны были сами выбрать команду, за которую им предстояло болеть. Никто, даже в разгар сталинизма, не мог навязать этот выбор. Режим лишь стремился к тому, чтобы большинство поддерживало «Динамо» — стражей порядка и официальный образец для подражания. Государство вкладывало в «Динамо» значительно больше средств, чем в любое другое спортивное общество, однако госденьгами любви не купишь. Выбирая среди других московский «Спартак», его болельщики называли красно-белых «народной командой». Но кто такой этот «народ», и почему он предпочел именно «Спартак»? Из кого формировалась база

поддержки команды, каков был политический смысл их выбора? Опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении источники, ответить на поставленные вопросы очень трудно. Помимо высокой посещаемости и упоминаний в печати о том, что команда весьма популярна, у нас нет практически никаких реальных подтверждений того, почему, собственно, «Спартак» пользовался такой широкой поддержкой. Вполне вероятно, что таких свидетельств попросту не существует. Миллионы людей могли бы ответить на этот вопрос, но никогда не делали этого, по крайней мере в письменной форме.

Я начал ездить в СССР в 1965 году и побывал на огромном количестве матчей, всегда используя возможности поговорить с болельщиками. И они, зная, что я американец, свободно рассказывали о своей любви к «Спартаку» и ненависти к «Динамо». Если бы я знал тогда, что тридцать лет спустя буду писать про «Спартак», я бы все фиксировал. В советское время исследователи могли ссылаться только на опубликованные источники, объясняя тот или иной выбор болельщиков, однако за время, проведенное на трибунах и кухнях, мне удалось глубже понять те чувства, которые испытывали болельщики «Спартака». Джеймс Скотт называл подобные пространства «местами для потаенных посланий», в границах которых проявляли себя сложные подспудные формы сопротивления[33]. Именно здесь, на трибунах и кухнях, могла быть рассказана и услышана другая, неофициальная версия истории.

Только после распада СССР в нашем распоряжении оказались опубликованные материалы, в которых рассказывалось то, что и так знали все — даже непосвященные. Авторов этих воспоминаний вполне можно заподозрить в переосмысленном взгляде на прошлое, в том, что они достраивают свои идеи из будущего, — однако тот факт, что одни и те же сюжеты повторяются в разных источниках, все же убеждает в их значимости. В 1999 году в статье, опубликованной в ежемесячном «Спорт-экспресс журнале», Юрий Олещук, в прошлом юрист, описывал болельщицкий опыт поддержки «Спартака» из своего детства, 1930-х годов:

> В нашем огромном многоквартирном московском доме преобладали коммуналки — по существу, общежития по двадцать комнат и стольку же семей. Обитал там,

> естественно, класс-гегемон — работяги. А во дворе роились мы, дети класса. По болению соотношение было примерно такое — половина за «Спартак», половина — за все остальные команды. В школе — та же история... Отчего? Теперь понимаю: «Спартак» для нас был родной командой простолюдья. Того самого гегемона. Почему? Отчасти, конечно, имело значение название. Имя предводителя восставших рабов Рима хорошо знала вся ребятня, да и взрослые. И в школе этот эпизод истории освещался подробно — ведь речь шла о борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров. В какое сравнение по обаянию могли идти прочие футбольные имена — «Динамо», «Локомотив», ЦДКА или «Торпедо»?

Очевидно, для Олещука эксплуатация не исчезла и после революции, и его недовольство нашло свой выход через сопереживание игре на футбольном поле. В русле революционного дискурса он использовал собственный язык большевиков для того, чтобы подчеркнуть предательство ими идей революции.

Поддержка «Спартака» Промкооперацией имела похожий резонанс. Хотя организация была богатой, для Олещука она представляла простых людей, работавших под ее крылом. Даже фабричные рабочие, формально не входившие в Промкооперацию, тоже болели за «Спартак». У болельщиков «Спартака» только одна команда вызывала ненависть — «Динамо». «Отношение поклонников „Спартака“ к „Динамо“, — писал Олещук, — было очень враждебным. „Динамо“ представляло власти — милицию, органы госбезопасности, ненавистную привилегированную элиту. Они лучше питались. Они лучше одевались, и они уж точно не жили в коммуналках». Матчи между «Спартаком» и «Динамо» были, по словам Олещука,

> <войнами> на поле и на трибунах. Драк между болельщиками возникало много, и от крупных побоищ спасало распределение по разным трибунам «Динамо». Спартаковцы в основном обитали на восточной, а динамовская публика — на аристократической северной и полуаристократической южной. Откуда разделение? А на «Восток» билеты были много дешевле[34].

В интервью 1990 года адвокат по защите прав человека и страстный болельщик «Спартака» Борис Назаров вспоминал: «Когда я рос, во время матчей „Спартака“ с „Динамо“ или ЦДКА с трибун можно было услышать „Бей милицию!“ или „Бей коняшек!“»[35]. Ненависть к силовым структурам была главным фактором выбора болельщиков в пользу «Спартака». В описании Назарова послевоенная мощь армии и ее куда менее могучая репутация в период до 1941 года не разделяются. Он продолжает:

> С помощью призыва «Динамо» и ЦДКА могли заполучить лучших игроков других команд. Они служили, но никогда не видели штыка, никогда не садились в танк, никогда не работали в милиции... и публика знала это. «Спартак» многих потерял из-за этого, и болельщики ненавидели тех, кто уходил... Они [болельщики] называли таких игроков предателями. <...> Это была одна из важных причин популярности «Спартака»[36].

Одновременно Аксель Вартанян, самый информированный исследователь советского футбола, ставил особый акцент на отношениях братьев Старостиных с небольшой группой столичных интеллектуалов:

> «Спартак» всегда был популярен. Не в последнюю очередь — из-за Старостиных, у которых были друзья среди богемы... Эта команда каким-то образом принадлежала всему обществу. «Динамо» представляло МВД. Их ненавидели. ЦДКА представлял армию... «Спартак» не был командой, принадлежавшей к какой-то определенной группе. Может быть, это из-за братьев Старостиных, может быть — из-за их дружбы с интеллигенцией, но на команде была печать демократичности. Посвящая себя «Спартаку», вы надеялись, что как-то выделитесь из того, что вас окружает[37].

Александр Вайнштейн, литературный редактор мемуаров Николая Старостина «Футбол сквозь годы», предложил объяснение, которое похоже на суждение, высказанное Назаровым:

> Мысль, что «Спартак» — «народная команда» — миф... Он был самой популярной командой. Говорить о том, что простые люди болели за «Спартак», а за «Динамо» — только КГБ, конечно, нельзя. Как и за ЦДКА болели далеко не только армейские генералы. «Спартак» был самым популярным клубом по многим причинам — в первую очередь потому, что не относился к силовым структурам[38].

Вайнштейн также утверждал, что у «Спартака» была своя группа поддержки в высших эшелонах власти, особенно в партии. В этом смысле, говорил он, называть команду «народной» бессмысленно, поскольку «народ» ею не управляет. Конечно же, как уже говорилось, нигде в мире элитарного спорта обычные люди не руководят жизнью футбольных команд. Простой советский человек не решал, кому стоять на воротах, сколько будут стоить билеты и какого цвета окажется форма.

После посещения очередного матча неуважение к властям могло только усилиться. Это времяпрепровождение не было похоже на упражнения в лояльности и соблюдении общественного порядка. Добираться до стадиона приходилось в набитом под завязку общественном транспорте, что уже не добавляло желания вести себя законопослушно и спокойно. Затем конная милиция заталкивала толпу на стадион. Внутри часто было невозможно найти место, указанное на билете. На важных матчах стадионы всегда оказывались переполнены, счет безбилетникам (обычно мальчишкам) шел на тысячи. Олещук описывал это с определенной долей нежности:

> В одиночку проскочить мимо контролеров пытаются только дураки. «Паровозик» — надежная система. Тридцать-сорок-пятьдесят безбилетных выстраиваются в змейку и согласованно бросаются вперед, напирая, по проходу. Контролерши кричат, хватают за руки, но остановить не могут[39].

Можно было упросить кого-нибудь из взрослых пройти вместе мимо контролера. Как правило, болельщик говорил им, что ребенок рядом с ним — его сын. Впрочем, если мальчик уже предпринимал попытку зайти с кем-нибудь другим несколькими минутами ранее, милиции случалось спрашивать

его нового благодетеля, знает ли он, что у его отпрыска есть другой отец[40].

Так же, как и на контроле билетов, не было порядка и на самих трибунах. Особенно это касалось игр, которые проходили не на территории «Динамо», стадиона с самой мощной охраной. В материале для газеты «Красный спорт» Михаил Ромм описывал финальный матч «Спартак» — ЦДКА, о котором рассказано выше. Эта дикая сцена произошла 30 октября 1936 года, на маленьком и более примитивном армейском стадионе:

> В перерыве зрители, находившиеся за ограждениями, атаковали поле. Тысячи людей лавиной хлынули с трибун, окружив поле плотной стеной. Они стояли прямо у боковых линий, окружили ворота и заняли углы поля, превратив прямоугольник в овал[41].

Во втором тайме взвинченные болельщики сломали одну из штанг. Посреди этого хаоса «Спартак» одержал уверенную победу 3:1, впервые став чемпионом СССР. ЦДКА пытался оспорить результаты матча, но протест был отклонен. К тому же несколько администраторов лишились должности за неумение сдержать толпу[42].

Когда эти же две команды встретились в мае 1937 года, обстановка оказалась еще более накаленной. Школьники, попавшие на игру бесплатно, толкались, пихались, кричали и свистели, протискиваясь сквозь ворота стадиона «Юных пионеров». Когда матч закончился, они штурмовали поле[43]. В каждом из последующих довоенных сезонов газеты выходили со все новыми описаниями беспорядков, в которых были замешаны болельщики и игроки «Спартака»[44]. Учитывая известность команды, имеет смысл задать вопрос: действительно ли фанаты «Спартака» были более необузданными, чем болельщики других клубов? Недавние архивные исследования Вартаняна показали, что беспорядки являлись обычным делом и происходили не только в Москве; они также не начались с момента основания лиги[45]. Тот факт, что пресса чаще сообщала о хулиганстве болельщиков и игроков «Спартака», может свидетельствовать о том, что газеты стали уделять больше внимания команде из-за ее успехов на поле.

В самом широком смысле эти антиавторитарные настроения и сопровождающее их буйство поднимают важный

вопрос о публичном принятии режима. В исследованиях последнего времени много внимания уделяется дезорганизующим тенденциям и общественному протесту, имевшим место в сталинской России. В этих работах показано возникновение широкого социального и культурного разделения между теми, кого многие советские граждане считали праведными и эксплуатируемыми (это были «мы»), и кого — привилегированными и самодовольными (это были «они»)[46]. Хотя, несомненно, истинно верующих в социализм были миллионы, нельзя сказать, что СССР при Сталине являлся землей всеобщего довольства. Две первых пятилетки принесли немало страданий, и конец 1930-х оказался голодным и смутным временем, это заставляло режим бояться гнева масс[47]. Конечно, бóльшая часть жалоб тщательно отслеживалась милицией и госбезопасностью. Поэтому интересно отметить, что стадион служил одним из немногих мест в СССР, где можно было в открытую прокричать «бей милицию!», и это редко, если не сказать никогда, не влекло за собой серьезных последствий.

Причина появления этого оазиса сравнительной безопасности в обществе, в котором царил надзор, не совсем ясна. В советских источниках эта тема не обсуждалась — ни в опубликованных, ни в архивных. Тем не менее одно сравнение, вырванное из контекста, может помочь выявить эту особенность поведения на стадионе и специфические социальные отношения, создаваемые там — вне зависимости от политической системы. В своих знаменитых мемуарах английский писатель Ник Хорнби вспоминает свой первый матч в качестве болельщика «Арсенала» на трибунах «Хайбери». Наибольшее впечатление на него произвела даже не игра «канониров», а то, что «взрослые люди могли спокойно кричать с трибун „задрот!“ (wanker), не привлекая ничьего внимания»[48]. Может быть, назаровское «бей милицию!» служит семантическим эквивалентом «задрота» Хорнби? Были ли парни слишком сосредоточены на игре, чтобы воспринимать слова всерьез?

В сталинские времена собрание даже двух-трех людей на улице могло привлечь внимание милиции, но тысячи на трибунах — совсем другое дело. Милиции это могло не нравиться, но им ничего не оставалось, кроме как терпеть спортивные мероприятия, особенно футбольные матчи — то есть ситуацию скопления большого количества людей, переживающих

сильные эмоции[49]. Рядом со стадионом «Динамо» в Петровском парке были установлены два больших щита: один с результатами самых последних матчей, другой с итогами чемпионата. Даже в те дни, когда не было матча, толпы мужчин собирались вокруг них, чтобы поговорить о футболе и не только о нем. Наверняка среди тех, кто принимал участие в этих собраниях, находились стукачи, но для тысяч московских мужчин объединяться вокруг общей страсти — и делать это с большим удовольствием — означало стать частью сообщества, которое было разом и временным, и постоянным[50].

Десятилетиями исследователи утверждали, что неспособность рабочего класса изменить систему, несмотря на сильное недовольство происходящим, оказалась результатом властных репрессий, целью которых являлось разделение общества и уничтожение любой оппозиции[51]. Именно поэтому футбол для начальства стал источником проблем — люди собирались для наблюдения за крайне непредсказуемым зрелищем, которое создает социальные отношения и дискурсы, разрушающие атомизацию. Британский журналист Саймон Купер отмечал схожую ситуацию в Норвегии и Австрии при нацистской оккупации во время Второй мировой войны. Как и в Москве, стадионы в Осло и Вене превратились в место для выражения антинемецких настроений, и это оставалось безнаказанным. Даже внутри самого Рейха, пишет Купер, «нацисты никогда по-настоящему не доверяли игре... Футбол всегда содержал в себе потенциал для того, чтобы подпрыгнуть и цапнуть нацизм за нос»[52].

Важно помнить, что влияние спорта было ограниченным. Хотя он и сводил людей вместе, но лишь на время. Исторически стадион не был ни общественным, ни частным пространством, но тем, что Клиффорд Гирц в основополагающем для "sport studies" тексте назвал «сфокусированным собранием». Для Гирца, как и для Ирвинга Гофмана, зрители петушиных боев на острове Бали (как и зрители на футбольных матчах) не являются ни беспорядочной толпой, ни организованной группой, а чем-то средним[53]. Социальные отношения, возникающие на стадионе, на трибунах и по дороге домой, сложны, но эфемерны. У тебя может быть долгий разговор с соседями по трибуне, которых ты больше никогда не увидишь. Сразу после игры это волнующее и объединяющее «мы» возвращается к разделенному (атомизированному) «я»[54].

Хотя болельщики обсуждают события между собой и читают о них в прессе, они не обладают тем, что можно назвать силой, пока снова не соберутся вместе. Эпизодический характер этих встреч отличает их от так называемой обычной жизни и формирует пространство для действий и высказываний, которые в противном случае были бы недопустимыми, даже опасными. Как отметил Эрик Даннинг, практика зрительского спорта создает «анклавы автономии», где «массовая аудитория» может уклоняться от «целей тех, кто стремится их контролировать»[55]. Даже в крайне репрессивных условиях чисток московские мужчины использовали футбол именно таким образом. В этом конкретном виде спорта они нашли способ продемонстрировать то, что им нельзя было проявлять открыто в других сферах жизни.

Это не значит, что советский спорт являлся карнавалом в культурном смысле. Даже во время матча хулиганство было исключением, и рассадка на трибунах, при которой привилегированные представители общества занимали лучшие места, подрывала возможности культурной инверсии. Советский стадион не служил местом для смены культурных ролей (по Бахтину), но не был он и Circus Maximus Советского Союза. Не стоит представлять себе футбол в СССР и неким предохранительным клапаном, сознательно созданным государством. Если бы дела обстояли так, власти не жаловались бы так сильно, публично и в частном порядке, на плохое поведение болельщиков и не приписывали бы столь воспитательное значение спорту. Ясно, что напряженность между подчиненными и доминирующими группами в 1930-е годы была существенной, но это еще не значит, что можно четко ответить на вопрос: новая советская рабочая сила — это «мы» или «они»? В действительности, как мы увидим, возможно, само это различение звучит слишком резко.

Борьба принимает новые формы

Напряженное соперничество «Спартака» и «Динамо», возникшее с созданием лиги в 1936 году, не ограничивалось игровым полем. Тем летом, после весеннего сезона, действо переместилось с травяных полей на брусчатку Красной площади. Спортивные фестивали входили в арсенал публичных ритуалов с самых первых лет советской власти[56]. В 1931 году Совет по физической культуре возобновил традицию проведения

Дня физкультурника. Каждое лето грандиозные спортивные парады проходили на центральных площадях больших советских городов. Крупнейший из них устраивался в Москве на Красной площади. Тысячи мужчин и женщин из разных спортивных обществ принимали в нем участие. Большинство маршировало в ногу мимо мавзолея Ленина, приветствуя партийную верхушку, которая благожелательно салютовала в ответ. Другие принимали участие в массовых гимнастических действах или проезжали на специальных платформах, оформленных в спортивной тематике.

В своей предыдущей книге я описал эти парады как нечто монолитное, даже тоталитарное по своей сути[57]. Можно сказать, что они имели некоторое сходство со спортивными праздниками в нацистской Германии и фашистской Италии. Похожим образом открывались и Олимпийские игры. На фотографиях, в кинохрониках и документальных фильмах парады сталинской эпохи должны были символизировать упорядоченность и контролируемый характер советского спорта — как для международной, так и для отечественной аудитории. Поэтому важно помнить, что День физкультурника в 1936 году являлся не спортивным мероприятием, а скорее политическим театром со своим особенным сценарием под руководством режиссера Валентина Плучека. Сталин никогда не посещал настоящие спортивные мероприятия, но всегда появлялся на Дне физкультурника. Стройные ряды загорелых и мускулистых мужских и женских тел — эти парады стали апофеозом сталинской культуры тела, транслирующей образы силы, порядка и дисциплины.

Исследование Карен Петрон представило нам совсем другую картину Дня физкультурника. Во-первых, она показала, что сам праздник должен был демонстрировать социальное и культурное разнообразие, которым характеризовалось «великое отступление» Сталина. Не всем разрешалось смотреть парады. Только 10 000 человек попадали на обзорные места на Красной площади. Как отмечает Петрон: «Советская демонстрация создавала иерархии не только путем упорядочивания своих граждан в соответствии с их важностью друг относительно друга, но также путем перемещения их через строго определенное географическое пространство и создания небольшой, но чрезвычайно важной аудитории советских чиновников для просмотра парада»[58]. Число тех, кто мог лицезреть парад, оказывалось ограничено, — и так же ограничено было число тех, кто мог принимать

участие в этой грандиозной демонстрации возможностей человеческого тела. Во время проведения других парадов простые граждане могли прогуливаться по площади после окончания официальных церемоний. Для участия в Дне физкультурника нужно было находиться в хорошей форме.

Удивительно, но на самом деле парады оказывались далеки от того порядка, который были призваны демонстрировать. Официальная хроника и фотографии не показывают спотыкающихся и зачастую нетрезвых участников, о которых идет речь в секретных отчетах. Даже самые талантливые участники парада допускали ошибки, но только немногочисленные доверенные лица на Красной площади могли за этим наблюдать[59]. В конце концов то, что на поверхности казалось монолитным, на самом деле оказывалось «спорной территорией». Каждая из групп, принимавших участие в параде, боролась за то, чтобы получить больше времени на свою часть представления, и за право представлять себя так, как ей хотелось. Борьба вокруг программы парада и текста лозунгов велась постоянно, и отнюдь не все были согласны с установленным порядком. Петрон приходит к следующим выводам: «То, что Советское государство демонстрировало как универсальное и совместное проявление поддержки советской власти, на самом деле представляло собой сложную смесь местной политики, индивидуального соперничества, личных предпочтений и амбиций, принявших форму, предписанную государством»[60]. Спортсмены «Динамо» являлись особенно заметными участниками этих зрелищ: на платформах, проезжавших по площади, стояли живые скульптуры из неподвижных женских и мужских тел.

Вызов этой демонстрации порядка и дисциплины был брошен спортивным обществом «Спартак» — впервые это произошло на параде 1936 года. Если верить не всегда точным воспоминаниям Николая Старостина, идея исходила от Косарева. Комсомольский глава предложил провести настоящий футбольный матч на Красной площади. Гигантский зеленый фетровый ковер размером с футбольное поле будет сшит спортсменами «Спартака» и покроет брусчатку площади. «Величайшему другу советской физической культуры, дорогому вождю и любимому учителю» впервые предстояло увидеть настоящую футбольную игру. Некоторые сотрудники госбезопасности опасались травм спортсменов, вызванных твердым покрытием. Другие боялись,

что мячи полетят над стенами Кремля или, что еще хуже, прямо на трибуну с партийной верхушкой.

Около трех сотен спартаковских спортсменов, взяв в руки сапожные иглы, сшивали между собой десятиметровые фрагменты фетра — поздно ночью, когда дорожное движение на Красной площади было запрещено. Ковер скатали и уложили в вестибюле ГУМа — на другой стороне площади, напротив Кремля. Накануне парада, когда гигантский ковер разложили для репетиции, появился Косарев в компании генерала НКВД Молчанова. Генерал сказал Старостину, что брусчатка — небезопасное покрытие для игры. Он также сообщил, что не хочет, чтоб игроки получили серьезную травму на глазах товарища Сталина. Видя, что Косарев не готов активно вступаться за идею матча на площади, Старостин подозвал к себе Алексея Сидорова, игрока запаса в «Спартаке». Старостин приказал Сидорову прыгнуть и упасть на «траву». Сидоров немедленно сделал это и быстро встал. Когда Старостин спросил его, не больно ли ему, Сидоров ответил «нет» и предложил повторить. В этот момент в разговор вмешался Косарев и объявил, что матч может состояться. Когда на следующий день Старостин увидел Сидорова в раздевалке, его бедро было все в синяках. Хотя неясно, просили ли игроков «Динамо» принять участие в этом матче, после попытки Молчанова остановить игру стало понятно, что на следующий день команда играть не будет. Вместо этого «Спартак» вышел на матч против собственного дублирующего состава, согласно «сценарию»[61]. На всякий случай в игре было запланировано семь голов — чтобы Сталин не заскучал. Во время матча Косарев стоял рядом с вождем, держа в руке белый носовой платок, которым он должен был взмахнуть в случае, если Сталин потеряет интерес к игре. Но все прошло благополучно. В итоге первоначально задуманная на тридцать минут демонстрация длилась три четверти часа. Это был спартаковский триумф, который затем повторялся каждый год. В конце концов в 1939 году «Динамо» согласилось принять участие в игре. Двадцатиминутный матч закончился ничьей 0:0 В последующие годы подготовленные заранее сценарии не использовались, что позволяло «Спартаку» привносить элемент спонтанности, настоящего спорта в это целиком постановочное мероприятие[62].

«Спартак» и «Динамо» показывали два принципиально разных подхода к культуре тела — дисциплинированный,

милитаристский, олимпийский стиль «Динамо» и более спонтанный, профессиональный, заточенный под развлечение публики стиль «Спартака»[63]. Отличия проявлялись и во многих других спортивных мероприятиях с участием двух команд, не только на праздничных спортивных парадах[64]. Как уже отмечалось, СССР разрывался между двумя спортивными моделями — олимпийской и профессиональной. Хотя Советский Союз отказывался принимать участие в Олимпийских играх, руководство выступало за некоммерческую версию спорта, которая будет использоваться в дидактических целях, в соответствии с принятой концепцией общественного воспитания. Общество «Динамо», основанное органами, стало представлять официальную культуру тела, которая основывалась на государственной олимпийской модели, в ее классовом и гендерном смысле, и парады действительно походили на ритуалы и церемонии Олимпийских игр.

До войны спортсмены «Динамо» доминировали в мультиспортивных спартакиадах, благодаря которым «цивилизованные» виды спорта олимпийской программы были доступны работникам и работницам в лучших традициях «рационального отдыха»[65]. «Спартак», напротив, более спонтанно подходил к отдыху и спортивным зрелищам, уделяя особое внимание играм, а не парадам. Вокруг этих игр складывались собственные практики — и, как нам становится ясно со слов Олещука, Назарова и Ромма, — они были гораздо менее дидактическими. Основными ритуалами для фанатов «Спартака» являлись такие занятия, как групповая поездка в метро или трамвае перед матчем, работа локтями в поисках места, а еще пение, аплодисменты, вопли, пьянство и ругань, не говоря уже о время от времени случающихся беспорядках, — во всем этом было гораздо больше светского, чем сакрального[66]. Статьи в прессе подчеркивали разницу в игровых стилях двух команд. Известный детский писатель Лев Кассиль в заметке для «Известий» писал, что «Спартак» играет с большим «чувством», в то время как «Динамо» применяет «последовательный и спланированный» подход к футболу[67].

Эти различия прослеживаются и в финансировании обеих команд. «Динамо», получавшее деньги от НКВД, являлось неотъемлемой частью государственного сектора. Его спортсмены должны были воплощать собой добродетели, которые режим стремился привить с помощью спорта: дисциплину, порядок, здоровье, уважение к власти[68]. «Динамо» выступало частью

организации, подчиняющейся военной дисциплине, и тела спортсменов также обязаны были демонстрировать эту дисциплину[69]. «Спартак», напротив, финансировался представителями торговли, что приближало его к обычному гражданскому населению. Он создавал спортивные зрелища для традиционно притесняемого потребительского сектора. Промкооперация стала богатой организацией, готовой тратить деньги на покупку лучших спортсменов, которых она представляла публике чаще на настоящих соревнованиях, чем на фестивалях[70].

Культуры тела двух этих групп оказались связаны с противоположными типами мужественности. Разное понимание того, что значит быть мужчиной, только усиливало, а не сокращало классовую составляющую их соперничества. Для советских мужчин (так же обстояло дело во всем остальном мире) принять спорт с его правилами, организационными структурами и расписанием означало жить современной городской жизнью[71]. В течение XIX века в Европе и Соединенных Штатах как профессиональные, так и олимпийские виды спорта формировались как своего рода бастионы мужественности[72]. Как мы увидели, сторонники «Спартака» практиковали советскую версию грубой британской маскулинности рабочего класса, жестокую, имеющую мало отношения к спортивному мастерству. Конечно, слова Олещука, характеризующие игру как войну, несколько преувеличивают тогдашнее положение вещей, но ему удалось передать ту серьезность, с которой болельщики «Спартака» подходили к спорту. Силовые структуры, возможно, могли управлять обществом, но они не управляли футболом. «Динамо», несмотря на то что его сторонники тоже допускали промахи, транслировало другую, более приемлемую модель мужественности, более подходящую среднему классу[73]. Его атлеты, полностью лояльные власти, служили объектом для всеобщего подражания.

Наконец, эти разные модели мужественности способствовали изменению в отношении к женскому спорту, который никогда не был особенно популярен среди мужской спортивной аудитории. «Динамо» и армейские спортивные клубы — по крайней мере на словах — замечали участие женщин. «Спартак» оставался к ним равнодушным. Лидеры этого спортивного общества больше всего заботились о футболе — «игре настоящих мужчин», в которую советским женщинам издавна вход был заказан[74]. Николай Старостин мало интересовался женским

спортом. Он исполнял роль импресарио — со страстью к организации спортивных зрелищ, которые привлекали большое количество зрителей, плативших за билеты. До 1941 года футбол и только футбол собирал такие огромные толпы.

Баски и путь к славе

Наряду с созданием лиги еще одной важной точкой в развитии довоенного советского футбола стал тур баскской сборной, и «Спартак» сыграл в этом историческом эпизоде главную роль. Приехавшие вскоре после окончания первого успешного клубного советского сезона, баски подняли популярность игры в СССР на новый уровень. Как позже заметил Николай Старостин: «Ни до, ни после тех дней я не помню такого футбольного ажиотажа»[75]. Баски, этническое меньшинство, чье положение чем-то напоминало положение грузин в СССР, относились к футболу особенно серьезно, используя игру как один из способов подчеркнуть свою автономию[76]. Как и в случае с Россией, британцы привезли игру в Страну Басков в конце XIX века, когда множество переселенцев со всей Испании стали работать в местной стремительно растущей металлургической промышленности. Можно привести веские аргументы в пользу того, что «Атлетик» (Бильбао), в котором играли только баски, был самой сильной командой Испании до гражданской войны. Так, в составе сборной, участвовавшей в туре, шестеро спортсменов были из «Атлетика»[77].

Те же шесть человек в составе сборной Испании выступали на чемпионате мира 1934 года. Испания вылетела в четвертьфинале турнира, сыграв вничью 1:1 с хозяевами-итальянцами, а затем проиграв им 1:0 в матче-реванше на следующий день. Некоторые утверждают, что итальянцам сошла с рук исключительно грубая манеры игры, используя которую они, например, травмировали звездного испанского вратаря Замору, после чего тот не смог принять участие в переигровке[78]. Для многих Испания стала «неофициальным чемпионом мира». Во время своего благотворительного тура по Европе для сбора средств в пользу вдов и сирот гражданской войны в Испании, баски дважды победили «Рэсинг» в Париже, а затем одержали победу в матче с чемпионом Франции, марсельским «Олимпиком». Незадолго до поездки в Москву (они приехали 16 июня) баски победили сборную

Польши со счетом 4:3. Несмотря на широкое публичное освещение турне, Политбюро утвердило плату за выступление в размере 5000 долларов США только за день до их прибытия[79].

Тысячи людей встречали басков на Белорусском вокзале и провожали автобус с командой до шикарной гостиницы «Метрополь». Состоялся грандиозный митинг на Красной площади в поддержку республиканцев в испанской гражданской войне. На матчи с участием басков в Москве пришло два миллиона билетных заявок со всего Советского Союза. Представьте себе разочарование «Спартака», когда его не включили в первоначальный список соперников, хотя команда стала чемпионом предыдущей осени. Вместо этого для первого матча был выбран «Локомотив», выигравший кубок 1936 года. «Динамо» только что, в 1937 году, взяло кубок и в списке соперников располагалось на втором месте. После этого гостям предстояло поехать в Ленинград, Киев, Минск и Тбилиси. По версии Андрея Старостина, которую он изложил в 1964 году, такое решение принял спорткомитет на собрании с представителями всех команд высшего дивизиона, группы А. Андрей тактично пояснял, что «Спартак» не был выбран из-за плохих результатов в кубковом турнире этого года. Гораздо менее великодушный Николай, вспоминавший о событиях уже в 1989 году, назвал тот факт, что его команду не включили в список участников, «непостижимым»[80].

На первую игру с «Локомотивом» на трибуны стадиона «Динамо» уместилось 90 000 болельщиков. До открытия станции метро оставался еще год, так что люди буквально выдавливали друг друга из трамвайных окон. Тысячи людей прошли на стадион без билетов, сквозь ворота, и стали свидетелями виртуозной и техничной игры басков, сокрушивших «Локомотив» со счетом 5:1. Басков проводили овациями. Несколько дней спустя гости столкнулись с более суровым испытанием в лице «Динамо». Некоторые описывают первую половину этого матча, в ходе которого были забиты три мяча, как самый захватывающий футбол, когда-либо виденный в СССР. К восторгу публики «Динамо» открыло счет на двадцать четвертой минуте, но только лишь до того, как инициативу перехватил «золотой канонир», центральный нападающий Исидро Ла́нгара. В баскской версии «дубль-вэ» Ла́нгара располагался впереди, на позиции выдвинутого форварда, оказывая колоссальное давление на двух задних защитников «Динамо». И вновь устаревшая тактика навредила советской

команде. Гол на предпоследней минуте тайма вывел басков вперед. Много лет спустя баскские игроки рассказывали советскому спортивному писателю Константину Есенину (сыну поэта), что «Динамо» было лучшей командой, с которой они играли. В «Красном спорте» поклонник «Спартака» Михаил Ромм писал: «Едва ли Москва когда-либо видела нечто подобное тому, что было в первом тайме игры „Динамо“ против басков»[81].

Через несколько дней хозяева попробовали другой подход. Баски приехали в Ленинград, где им предстоял матч со сборной города. По распоряжению Косарева, местное отделение Комитета физической культуры и спорта попыталось устроить баскам ночную попойку и поход по девочкам. Накануне матча в ресторане была организована большая вечеринка, среди приглашенных находились красивые «товарищи» женского пола, сильно заинтересованные в успехах советского футбола, но девушки и выпивка не произвели на басков впечатления. Некоторые из местных организаторов вполне разумно выражали опасения, что почетные гости из свободолюбивой Испании могут посчитать подобные предложения проявлением неуважения[82]. Но даже если басков не удалось очаровать красотой капитанов и майоров НКВД, они, очевидно, все же были сбиты с толку. Возможно, сыграли свою роль дневная пешеходная экскурсия по достопримечательностям старой столицы или длинное путешествие по ухабистым дорогам в загородный дворец Петра Великого. Баски сыграли с ленинградцами вничью 2:2. Затем им надлежало продолжить путешествие и отправиться в Минск, Киев и Тбилиси. Советские болельщики были очень впечатлены игрой приезжих футболистов, но при этом чувствовали боль и разочарование от того, что гости оставили далеко позади их любимые команды[83].

На этом этапе, по свидетельству Николая Старостина, предложение организовать еще две игры в Москве поступило с «самого верха». Этот вариант поначалу вовсе не обрадовал басков. Информации о том, почему они в итоге согласились, не сохранилось. Возможно, их переубедила кинохроника, на которой корабли с продовольствием для Испанской республики отплывают из Одессы, а может быть, в дело опять вступил Косарев со своими старыми трюками. Вероятно, чуть увеличился гонорар за выступление. Так или иначе, баскам предстояли еще две игры, с «Динамо» и «Спартаком» — 5 и 8 июня соответственно[84].

Советским командам разрешили усилиться игроками из других клубов. «Динамо» взяло себе четверых одноклубников из Ленинграда и Тбилиси, выставив на игру сборную «Динамо». «Спартаку» позволили взять любого из тех игроков, кто еще не играл против басков.

Объединенная команда «Динамо», выступавшая против гостей, оказалась на самом деле менее эффективна, чем обычное московское «Динамо». Ей не хватало сыгранности. К двадцать пятой минуте «Динамо» проигрывало 0:4, однако сумело вернуться в игру и довести счет до 3:4 к перерыву[85]. Вскоре Василий Смирнов забил четвертый гол, после чего «Динамо» стало играть заметно слабее. Ла́нгара забил дважды. Финальный счет на табло был 4:7. «Спартак», таким образом, становился последней надеждой московского и советского спорта. До последней игры оставалось три дня. За это короткое время, кажется, все известные и влиятельные люди побывали на тренировочной базе в Тарасовке. По нескольку тысяч болельщиков присутствовало на каждой тренировке. Среди них были и богемные друзья Андрея — Яншин, Олеша, Лев Кассиль. Команда была завалена письмами, телеграммами и телефонными звонками. Важные шишки звонили Николаю, требуя победы, подчеркивая важность предстоящей игры, как будто это требовало специального напоминания. Вероятно, речь шла о величайшем моменте в его карьере.

«Спартак» использовал тренерский совет для помощи и поддержки Квашнину, который спокойно воспринимал то, что другие могли бы счесть вмешательством в свои дела. Николай Старостин, Петр Исаков, Евгений Архангельский и еще несколько человек сидели по многу часов в конце каждого дня, обсуждая, кого приглашать из других команд, кого выпускать в старте, что противопоставить сильнейшей баскской атаке, прежде всего Ла́нгаре. Квашнин начал постепенно внедрять систему «дубль-вэ» в игру команды. Он видел басков во всех их предыдущих матчах. В особенности он настаивал на необходимости оттянуть центрального полузащитника в оборону — для защиты от Ла́нгары. Другие высказывались против, и компромиссом стало решение не отказываться от атакующей схемы, когда полузащитники играли на флангах атаки, с центрфорвардом впереди. Андрей Старостин был тем самым игроком, которому предстояло сменить позицию на поле, и его это возмутило[86]. Место в центре полузащиты предполагало для него возможность вести игру.

В итоге его удалось переубедить, однако этим проблемы не ограничивались. У Андрея была серьезная травма паха, заживающая, как это часто случается с подобного рода повреждениями, крайне медленно. За неделю до важной игры он все еще чувствовал сильную боль. Ничего не помогало. В конце концов, по совету жены, он навестил старого приятеля на ипподроме, где тренер вколол ему навикулин — лекарство, обычно использующееся для скаковых лошадей. Несмотря на малоприятные побочные эффекты, лекарство действительно уменьшило боль, и Андрей оказался готов к великому дню.

Вопрос состава являлся не менее важным, нежели вопрос тактики. Чтобы заполнить то, что Николай называл «слабыми местами» в составе, «Спартак» мог укрепиться футболистами из других команд. Было приглашено пять игроков, четверо вышли на поле. Самым главным стало появление Григория Федотова (1916–1957), блестящего 21-летнего левого крайнего из московского «Металлурга», которому в скором времени суждено стать одним из самых грозных нападающих в советской истории. Команда, вышедшая на поле против басков, едва ли представляла из себя обычный «Спартак». Игра Федотова была особенно хороша[87].

В день большого матча были арендованы четыре огромных старых линкольн-кабриолета, чтобы доехать на них из Тарасовки в Петровский парк, но ветхие машины по дороге сломались, так что пришлось быстро пересаживаться на автобус. Въезжая в город с севера, через проспект Мира, автобус повернул направо на кольцевую — только за тем, чтобы попасть, вероятно, в первую московскую пробку со времен нэпа. В столице было немного личных автомобилей, но в тот день, кажется, всё, у чего имелись колеса, направилось в сторону стадиона. Поняв, что на матч они опаздывают, игроки переодевались прямо в автобусе. Они прибыли на восемь минут позже объявленного по расписанию начала игры (в 19:00) и сразу выбежали на поле[88].

В первые же минуты Федотов ушел в отрыв по своему левому флангу и мощно пробил в штангу, чем сразу же привлек к себе внимание басков. На пятнадцатой минуте он еще раз похожим образом прошел по бровке, в этот раз его удар был нанесен с еще более острого угла. Мяч пронесся мимо вратаря Бласко, точно в девятку. Вскоре Андрей Старостин и Анатолий Акимов не разобрались, кто должен играть мяч, за что их

и наказал Ла́нгара, сравняв счет. Сумасшедший рывок Владимира Степанова быстро вывел «Спартак» вперед, но незадолго до перерыва комбинация в несколько точных передач позволила баскам еще раз уравнять положение, 2:2. Оборонительные изменения «Спартака» заставили его противников играть в гораздо более быстром темпе, чем тот, к которому они привыкли. На второй тайм подвернувшего лодыжку Александра Старостина заменил Сергей Артемьев[89]. А на двенадцатой минуте второго тайма игра перевернулась. Федотова сбили внутри штрафной — или он просто убедительно упал — и судья назначил пенальти.

Баски активно запротестовали. Многим на трибунах пенальти также показался сомнительным. Мартын Мержанов, освещавший игру для газеты «Правда», позднее писал, что гол был забит «не без помощи судьи Космачёва»[90]. Не слишком убеждает в правоте «Спартака» и тот факт, что Иван Космачёв работал начальником финансового отдела в спартаковском спортобществе. Бить пошел Виктор Шиловский (1911–1973) и легко переиграл вратаря. Николай Старостин вспоминал, что выбрал его, потому что увидел, как тот смеется, в то время как баски пытаются опротестовать нарушение. Из-за бровки Старостин выкрикнул, чтобы бил именно он. Кто-то может поинтересоваться, где в этот момент был главный тренер, Константин Квашнин. До конца матча баски продолжали жаловаться на судейство, но смысл послания — «хороший гость должен дать хозяевам выиграть хотя бы одну игру» — они уловили очень ясно. Финальный счет был 6:2 в пользу «Спартака». Внимание баскских защитников оказалось приковано к Федотову, тем временем Степанов смог оформить хет-трик. Помимо забитых голов, он проявил готовность возвращаться на помощь обороне и закрывать пробелы в полузащите, вызванные переходом Андрея Старостина на новую позицию. Старостину до конца игры удавалось сдержать Ла́нгару. Честь Советов была спасена, и пресса не жалела полос. Игра транслировалась по радио на всей территории СССР. На этот матч смотрели как на тактический триумф, к которому привело внедрение «дубль-вэ», а также как на победу воли: красно-белые продемонстрировали великолепную, даже отчаянную игру против утомленных целой серией матчей басков. Николай Старостин, будучи искусным политическим игроком, писал в «Красном спорте», что «Спартак» зарядился уверенностью от поддержки Косарева и тогдашнего главы Совета по физической

культуре И. И. Харченко, еще одного бюрократического союзника Старостина[91].

Популярность «Спартака» еще больше возросла, и этот триумф не мог обрадовать покровителей «Динамо». Вероятно, не к добру было и то, что «Спартак» добился успеха, приспособив свою игру к западной системе. Николай Старостин отметил в своей последней книге воспоминаний, что Космачёв вскоре был дисквалифицирован и исключен из всесоюзной судейской коллегии. На этом решении, утверждал Старостин, настаивали «болельщики „Динамо“ в верхушке НКВД»[92]. Версия неплоха, но внимательное чтение судейских протоколов позволяет заметить, что Космачёв в них по-прежнему присутствует. Он действительно был отстранен, но не пожизненно. Слова же Старостина оставляют впечатление, будто матч «Спартака» с басками стал последним в его судейской карьере[93]. Два года спустя товарищ Сердюков, представлявший «Локомотив», жаловался, что вроде бы дисквалифицированный Космачёв по-прежнему работает[94]. В своей последней книге Старостин признается, что кому-то решения судьи в той игре могли показаться необъективными:

> Сейчас, спустя столько лет, было бы смешно восстанавливать мельчайшие подробности. И тем не менее, вспоминая тот пенальти, я повторяю про себя фразу поэта: «Но царь смотрел на все очами Годунова». А я смотрел на все глазами спартаковцев. По-моему, пенальти был стопроцентный[95].

Можно было понять раздражение Старостина. До смерти Сталина, пока братья оставались в лагерях, об их триумфе в игре с басками никто не вспоминал. В 1952 году вышла книга, автором которой значился Григорий Федотов. Может быть, Федотов даже и видел сам текст до публикации, но тогда в спортивной среде было принято, чтобы мемуары писались наемным автором. В этой книге Федотов подробно описывает свою великолепную игру против басков, но нигде не упоминает «Спартак». Его описание тактики с использованием третьего защитника также довольно детальное, однако отсутствует в книге и имя Андрея Старостина[96]. Сам Андрей, конечно, понимал, что Федотов ни в чем не виноват и не переписывал историю. Как он позднее дал понять в своих собственных мемуарах, они с Федотовым

дружили, когда играли вместе. Федотов был всеобщим любимцем, умер довольно молодым, и никто никогда не ставил ему в вину эти пробелы и недомолвки, явно продиктованные высоким начальством.

Победа над баскими — единственная победа, одержанная советской командой, даже несмотря на свое слегка искусственное происхождение, — стала центральной главой семейного спартаковского романа. Хотя баски продемонстрировали всем стагнацию советских игровых методов, «Спартаку» удалось показать, что он способен перенимать новые прогрессивные идеи. Сразу после игры Косарев объявил в раздевалке, что команда, в своем усиленном составе, будет отправлена в Европу для представления СССР на Рабочей олимпиаде в Антверпене и на турнире, проводимом на Международной выставке в Париже[97]. «Спартак» выиграл оба соревнования. Турне по Европе само по себе являлось наградой, и у победы наверняка были и другие материальные результаты. Незадолго до смерти Николай Старостин говорил Александру Вайнштейну: «После игры против басков мы жили как при капитализме»[98]. Свободное время в парижских магазинах и кабаре стало роскошным вознаграждением, но позже некоторые подробности их зарубежных похождений серьезно навредили их участникам.

К счастью (или несчастью), в это же время в Париже на гастролях находился Московский художественный театр, и Андрей Старостин, вместе со своим другом Михаилом Яншиным, неплохо провел время после того, как турнир закончился. Они ходили вместе на выступления приятелей из яншинской компании, где бóльшую часть аудитории составляли русские эмигранты. Среди развлечений был и ужин в эмигрантском ресторане и клубе «Мартьяныч», получившем свое название в честь одноименного ресторана в дореволюционной Москве. Никто из них не делал из своих прогулок никакого секрета. Более того, они всегда брали с собой советского культурного атташе из посольства. Яншину хотелось увидеть, как живут в изгнании его коллеги-актеры. Многие из них сами пришли посмотреть на его спектакли[99]. Тем не менее в свете набиравшего обороты террора эти действия являлись не очень-то продуманными. Показательные процессы над Львом Каменевым и Григорием Зиновьевым прошли всего год назад. В январе на скамье подсудимых оказался Карл Радек[100]. Многих старостинских коллег уже арестовали.

В подобной атмосфере ужин с «белогвардейцами» был весьма рискованным шагом, который кое-кто мог использовать как очередное доказательство того, что Старостины преклоняются перед Западом.

Андрей Старостин вспоминал, что вернулся из Парижа полный энтузиазма, но радость эта очень быстро рассеялась. По приказу спорткомитета газета «Правда» опубликовала статью «О насаждении в обществе „Спартак“ буржуазных нравов». Схожие материалы появились и в собственном печатном органе спорткомитета — «Красном спорте». В обеих статьях было обнародовано «открытие» — оказывается, «Спартак» «тайно» платил зарплату своим игрокам. На самом деле Николай Старостин получил разрешение на выплаты от министра торговли, Анастаса Микояна, курировавшего, в частности, и Промкооперацию[101]. Впрочем, Старостин был не совсем искренен, когда писал, что дело ограничивалось ежемесячными стипендиями в 80 рублей. По некоторым свидетельствам, игроки получали около 800 рублей в месяц.

Другие обвинения появились в «Комсомольской правде», в печатном органе комсомола, предположительно контролируемом Косаревым. В статье речь шла о том, что общество «Спартак» заключило договор со страховым союзом Московской области на подготовку 8000 мужчин и женщин к сдаче норм по национальному стандарту физической подготовки — ГТО («Готов к труду и обороне»). «Спартак» получил за свои услуги 1,5 миллиона рублей, однако лишь пятая часть от числа якобы тренировавшихся сдала нормативы. Утверждалось, что деньги пошли на выплату крупных премий чиновникам «Спартака», в том числе около 97 000 рублей — братьям Старостиным. Здесь самое время задаться вопросом, почему комсомольская газета напала на команду, которую поддерживала ее собственная родительская организация. Был ли Косарев, учитывая его близкие отношения со Старостиными, в курсе готовящихся обвинений?[102] Или, может быть, так называемые «друзья „Динамо“» поместили эту историю в газету, изначально лояльную к «Спартаку»? Как минимум, несогласованность в действиях демонстрирует нам уровень хаоса и иррациональности в этой истории. Старостины обзавелись немалым количеством врагов, недовольных их успехами. Существовали и другие группы, преимущественно в НКВД, которые стремились держать «Спартак» в узде. На этом этапе это все еще

были отдельные обвинения — большое дело ждало Старостиных впереди.

Тем не менее у братьев появились другие веские основания для беспокойства и тревоги. Начали арестовывать друзей. Был посажен Виктор Прокофьев, бывший игрок «Спартака» и бывший муж сестры Старостиных Клавдии. Арестовали и Виктора Рябоконя, главу общества «Локомотив», и лидера Промкооперации Казимира Василевского. Николая лишь отчасти мог утешить тот факт, что сменивший Василевского на посту Михаил Чудов являлся верным фанатом «Спартака» и уделял команде заметную часть своего рабочего времени. Чудов удержался на своем посту полтора года, затем также оказался арестован. Старостиных в особенности задел арест их друга Владимира Стрепихеева, судившего второй матч басков против «Динамо»[103]. В долгих семейных и дружеских разговорах некоторые из близких, и среди них, например, Яншин, уверяли их, что все будет хорошо. Братья совсем не были в этом уверены. К этому моменту они уже осознавали, что поведение, казавшееся им самим безобидным, могло выглядеть иначе в чужих глазах.

Они написали Сталину и Молотову, «лучшим друзьям советских физкультурников», о том, что молодое спартаковское общество действительно допустило некоторые «ошибки». Также братья отметили, что их команда защищала честь Советского Союза на футбольных полях по всему миру на протяжении вот уже пятнадцати лет, подтверждая свой патриотизм и лояльность. Обвинения, по их словам, стали следствием зависти со стороны соперников[104]. Эти обвинения со стороны врагов из спорткомитета включали в себя:

1. жизнь не по средствам;
2. многочисленные «подарки», привозимые из зарубежных поездок;
3. получение в пользование квартир и дач от общества «Спартак»;
4. учреждение различных призов для мотивации спортсменов;
5. насаждение буржуазной морали в спорте.

Братья наверняка понимали, что обвинения имеют под собой основания. Но им было важно ответить на вопрос, насколько преступны допущенные промахи в контексте разворачивавшегося Большого террора.

Старостины поняли, что это работа для Косарева, и обратились к нему в начале сентября, после того как отправили письма вождям. Косарев принял их в своем кабинете и пообещал, что проблема будет решена. В этот момент глава комсомола находился на пике своей карьеры. Он близко дружил с начальником тайной полиции, Николаем Ежовым, вдохновителем и непосредственным участником оргии непрерывных обвинений, разжигавших террор. Стоит отметить, что Старостины с любовью отзывались о Косареве в своих мемуарах, несмотря на тот факт, что комсомольский лидер был абсолютным сторонником массовых чисток. Спустя несколько дней после разговора с Косаревым «Известия» опубликовали сообщение, что дело против братьев Старостиных прекращено[105].

Но слухи о сомнительных способах ведения дел в «Спартаке» никуда не делись. По мнению некоторых, Старостины просто слишком широко жили. Александр Вайнштейн говорил об этом так: «В конце 1930-х — начале 1940-х Николай Старостин уже был легендой... Он уже тогда казался мастодонтом, человеком из другой эпохи»[106]. Выдающийся советский спортивный писатель и пожизненный болельщик «Спартака» Лев Филатов вспоминал, как однажды стоял у служебного входа на стадионе «Динамо» в конце 1930-х годов и видел, как Николай, одетый в шубу, «величественно» выходит из гигантского лимузина «паккард»[107]. Братьям было неведомо, что «преступления», упоминавшиеся в прессе, являлись лишь верхушкой айсберга. О более серьезных обвинениях Старостины узнают позднее. Между тем в начале августа возобновился футбольный сезон. «Спартак» вернулся в столицу из своего успешного заграничного турне только 13 августа. Уставшие после шести матчей, сыгранных за десять дней (не говоря о ночных похождениях), Старостины попросили перенести игру с киевским «Динамо» с 17 августа на более поздний срок. К сожалению, не все на высшем уровне в мире спорта были довольны их работой по укреплению международного авторитета советского футбола. Просьба оказалась отклонена[108]. После возвращения в Тарасовку тренировки и игровые задачи отодвинули все внешние угрозы на второй план. Временный кризис был преодолен, но предчувствие скорой беды вторглось в их жизнь и стало сказываться на выступлениях на футбольном поле.

4. НА ВЕРШИНЕ И НА ДНЕ, 1937–1944 ГОДЫ

После осеннего сезона 1937 года Старостины почувствовали, что политические ставки в их противостоянии с «Динамо» существенно возросли. Десятки лет спустя блестящий спортивный публицист и преданный спартаковский болельщик Лев Филатов узнал от Андрея Старостина, насколько сильным было давление на команду в тот период. Как-то во время спортивного тура по провинции Филатов и Старостин делили комнату в одной, не самой удобной, гостинице. Журналист не называет ни точного времени, ни места действия, однако остальное описывает очень ярко. Герои возвращаются в свой номер после ужина, как вдруг во всем здании пропадает электричество. Не самая большая редкость в провинциальной гостинице, и Андрей предлагает скоротать время и рассказать историю, пока оба лежат на своих кроватях в полной темноте. Примечательно, что и Старостин не указывает точное время, но его несложно вычислить. 11 сентября 1937 года игроки «Спартака» прибыли на стадион «Динамо» для встречи со своим главным соперником. Странным образом на самом стадионе не наблюдалось никакой традиционной предматчевой суматохи — не было видно даже работников стадиона, обычно встречавших автобус и помогавших игрокам с экипировкой. Пока команда в полной тишине шла к своей раздевалке, Николай сообщил Андрею новости, не предвещавшие ничего хорошего.

По сведениям Николая, несмотря на все заграничные победы «Спартака», кое-кто из большого начальства не был доволен поездкой в Париж. Все выглядело так, что, взяв в Европу

лучших игроков, «Спартак» предстал там сильнейшей советской командой. Легко можно вообразить, как кто-нибудь за границей спрашивает у Старостиных, действительно ли это так, и те отвечают утвердительно. Они выиграли осенний сезон 1936-го и победили басков. Но и «Динамо» выиграло весенний чемпионат 1936 года и кубок 1937-го и было едва ли слабее «Спартака», если не сильнее; раздражение «Динамо» представлялось вполне объяснимым. Провозгласив «Спартак» лидером советского футбола еще до того, как соревнования подошли к концу, Старостины рисковали уронить национальный престиж. Николай узнал, что возможное поражение в тот день будет воспринято как доказательство неправомерности всех притязаний команды. Вообще говоря, «Спартак» уже доказал справедливость своих заявлений, за восемь дней до этого обыграв «Динамо», но почему-то именно эта игра оказалась так важна. Как бы то ни было, в тот день «Спартак» играл с заметным преимуществом и закончил матч со счетом 0:0. Этот результат лишь подарил Старостиным время, однако не спас от того, что случится в будущем[1].

Давление на «Спартак» усиливалось. Финишируя в столь сложных обстоятельствах, команда преследовала «Динамо» до последней игры сезона[2]. Год спустя после своего триумфа «Спартак» встречался с той же командой, ЦДКА, которая и тогда шла на последнем месте. Победа означала бы дополнительный матч между «Спартаком» и «Динамо» за титул. Ничья оставляла «Спартак» на втором месте, на одно очко позади главного соперника. Уступая 0:2 по ходу второго тайма, «Спартак» отыграл один мяч на шестьдесят пятой минуте — его забил неудержимый Степанов. Казалось, все было готово для новой спартаковской драмы, но в этот раз ничего не произошло. Не случилось ни волнений, ни сломанной стойки ворот, просто болезненное и, как водится, неожиданное поражение. Лишь немногие из игроков знали о ведущихся политических подковерных играх, но давление наверняка чувствовали все.

Конец сезона принес передышку. Благодаря хлопотам Косарева обвинения в адрес команды были сняты, и теперь Старостины смогли начать подготовку к следующему сезону. В последующие два года «Спартак» сделал два дубля подряд, выиграв и чемпионат, и кубок, — этого результата впоследствии не достигла ни одна другая советская команда. Более того, до этого момента единственным клубом, который достиг чего-то

подобного, был «Глазго Рейнджерс». «Двойной дубль» закрепил место «Спартака» на вершине советского футбола, привлек к команде легионы новых болельщиков и помог побить рекорды посещаемости на матчах с «Динамо»[3].

В наступившем сезоне 1938 года в команде произошла смена поколений: Александр закончил карьеру игрока и передал капитанскую повязку пылкому Андрею, настоящему лидеру на поле. Во время матчей он постоянно комментировал игру и повышал голос, а теперь имел право ругать судей и соперников вполне законно. Виктор Соколов (1911–1999) занял позицию Александра на правом фланге обороны. Нападающий Алексей Соколов (1911–1979) перешел в команду из «Локомотива». Вскоре к нему слева в обороне присоединился один из величайших игроков команды, Василий Соколов (1912–1981), которого нашли в составе клуба белорусского армейского гарнизона, после чего в «Спартаке» стало почти столько же Соколовых (не связанных между собой родством), сколько Старостиных. Из той же армейской белорусской команды пришел новый вратарь Владислав Жмельков (1914–1968), занявший место в спартаковских воротах на период службы Акимова в армии и игры за московское «Динамо». Последние два перехода позже подверглись критике, но все равно явно указывали на то, что Николай не утратил своих связей и деловых талантов.

Много шума из двойного дубля

Еще до окончания сезона 1937 года в футбольных и политических кругах началась жаркая дискуссия о том, каким должен быть календарь следующего чемпионата. Первые два сезона чемпионат разыгрывался небольшой группой команд — сначала семью, затем девятью. Теперь же, когда футбол стал характерной приметой нового времени и городского образа жизни, появился политический смысл расширить лигу и включить в нее участников со всей территории СССР, сделав процесс реорганизации игры частью общего государственного строительства. Было высказано много предложений от представителей футбольного мира, от прессы и партийных деятелей. Некоторые выступали за включение в высший дивизион двадцати шести или даже тридцати двух команд, что дало бы каждой республике свое место в турнире. Хотя этот план учитывал проблемы

национальных меньшинств и уже потому пользовался популярностью, отсутствие хороших региональных команд грозило падением уровня чемпионата и увеличивало шансы на политическое вмешательство. Вместо этого профессионалы предпочли «спортивный» принцип: включение в чемпионат клубов в зависимости от их результатов и вне всякой связи с географическим положением[4]. После некоторых колебаний Старостины поддержали этот подход.

Обсуждения шли всю зиму. В ходе дискуссии только что закончивший карьеру игрока Александр Старостин был выбран главой практически лишенной властных полномочий футбольной секции Высшего совета физической культуры (ВСФК). Отсутствие реальной власти у этого органа стало особенно очевидным за месяц до начала сезона, когда новый руководитель советского спорта, А. В. Зеликов, принял решение в пользу турнира двадцати шести команд в один круг (то есть без обычной структуры «одна игра дома, ответная — в гостях»)[5]. Но новая система ничем не помогла национальным республикам. Единственной новой республикой, получившей представительство в лиге, стал Азербайджан. Там же появились команды из Одессы, Сталинграда, Харькова, Ростова, Сталино и Баку, но по-настоящему от расширения лиги увеличилось только московское представительство — теперь в чемпионате насчитывалось десять столичных команд, на шесть больше, чем годом ранее. Выступая против «спортивного» принципа, Зеликов не смог заменить его национальным. Новые команды попали в лигу по политическим, а не спортивным критериям, однако и эти критерии не были идеологическими. Выбор ВСФК предопределили влияние и амбиции соперничающих между собой институций[6]. В конечном счете предложение Зеликова удовлетворило лишь те клубы, которые получили возможность участвовать в турнире. Все остальные оказались разочарованы результатом, независимо от того, выиграли они от нового положения дел или нет.

Квашнин готовил команду к сезону на месячных сборах в Одессе. Несмотря на то что его пристальное внимание к подготовке уже возбуждало недовольство среди игроков, он вполне преуспел в тактическом переходе на «дубль-вэ». Ему удалось перестроить игру в атаке так, чтобы скомпенсировать в целом оборонительную командную тактику. «Спартак» был готов побеждать, однако новое расписание стало для команды

и ее болельщиков настоящим испытанием. С включением в турнир новых команд весь сезон теперь наполнился малоинтересными встречами со слабыми соперниками. Мало кто посещал матчи, в которых одна из команд выглядела заведомым аутсайдером. Часто стадионы этих новых команд не соответствовали столичным стандартам. Наконец, сезон должен был идти с мая по ноябрь, что означало большое количество игр в плохую погоду. Все эти факторы повлияли на посещаемость матчей и рисковали поколебать статус футбола как популярного культурного развлечения.

Кубковый турнир того года, крупнейший за всю историю, оказался выстроен вокруг календаря регулярного сезона. 14 сентября «Спартак» обыграл ленинградский «Электрик» со счетом 3:2 в присутствии 75 000 зрителей и получил кубок. Борьба за первое место в чемпионате шла до самого конца. ЦДКА, за который играл Федотов, и «Металлург», во главе которого стоял гениальный Борис Аркадьев (1899–1986), шли вровень со «Спартаком» всего за две недели до конца первенства. «Спартак» выиграл два последних матча у соперников из нижней части таблицы и взял тот же дубль, что сезоном ранее удался «Динамо». В последнем туре и ЦДКА, и «Металлург» проиграли матчи при странных обстоятельствах. «Металлург» даже подал протест после своего поражения от тбилисского «Динамо», и «Спартаку» пришлось ждать до тех пор, пока протест не был официально отклонен. Команду провозгласили чемпионом лишь через девятнадцать дней после окончания турнира, во время церемонии на стадионе «Динамо», где собралось 35 000 замерзших болельщиков. На правах капитана команды Андрей Старостин, «включив большевика», благодарил за победу «лучшего друга советских физкультурников товарища Сталина». «Динамо» завершило сезон пятым, завязнув между внутрикомандными спорами и неудачными попытками перестроить тактику на «дубль-вэ». ЦДКА финишировал вторым, «Металлург» — третьим, по разнице мячей. Несмотря на свой триумф, «Спартак» также не избежал внутренних проблем, которые испытало «Динамо». Последовательный максималист Квашнин измотал своим подходом и игроков, и Николая Старостина. В последние два месяца его сменил опытный Петр Попов (1898–1965)[7].

При участии Александра Старостина перед сезоном 1939 года структура чемпионата вновь оказалась перестроена,

и на этот раз в лучшую сторону. Четырнадцати командам предстояло сыграть друг с другом в два круга, двадцать шесть игр с мая по ноябрь[8]. Благословенный порядок был восстановлен. Попов принял вызов повторить победный дубль, имея в распоряжении еще более сильный состав. Вернувшийся из «Динамо» Акимов составил со Жмельковым великолепную пару вратарей. На двоих они довели процент пропущенных мячей за матч до 0,8 — а ведь это все еще была эра атакующего футбола. Андрей Старостин превратился в грозного центрального защитника, поддерживаемый с флангов двумя отлично игравшими Соколовыми — Виктором и Василием. Компанию Сергею Артемьеву в полузащите составил Константин Малинин (1915–1995), когда-то выступавший за ЦДКА. Он был одним из приглашенных игроков в матче с басками. Впереди Владимир Степанов и Алексей Соколов составили убийственную пару нападающих. Некогда малоподвижная и вялая линия атаки оказалась существенно усилена. И хотя на поле теперь оставался только один Старостин (Петр постепенно сошел со сцены после серьезной травмы), это была сильнейшая команда из тех, что к тому моменту удавалось собрать «Спартаку». Она выиграла чемпионат — с заметным отрывом от тбилисского «Динамо», ведомого великолепным Борисом Пайчадзе[9].

Тбилисское «Динамо» станет участником центрального для «Спартака» события сезона. К осени 1938 года террор, организованный по распоряжению Сталина полусумасшедшим Николаем Ежовым, полностью вышел из-под контроля. В этой оргии самоуничтожения было арестовано и расстреляно немало руководителей высшего эшелона и функционеров, и эффективность государственной машины сильно пострадала. Фактически оказался уничтожен офицерский корпус армии, массовое убийство невинных людей создало огромные демографические проблемы. Учитывая, что война в Европе представлялась неизбежной, было важно восстановить обороноспособность страны. Ежов, человек, который действительно знал слишком много, теперь уже мешал: его арестовали и расстреляли. Близкие союзники Ежова, прежде всего Александр Косарев, находились в серьезной опасности. Новым главой НКВД стал грузин Лаврентий Берия (1899–1953), занимавший до этого ту же должность в Закавказской республике[10]. Это назначение имело свои позитивные последствия. По указанию Сталина Берия приступил

к сокращению объемов массового террора. Сотни тысяч расстрелов за предыдущие три года превратились в «скромные» две тысячи. Хотя арестов производилось существенно меньше, Берия быстро предпринял шаги по устранению предполагаемых союзников Ежова. Косарев был арестован в ноябре 1938 года и вскоре после этого расстрелян. С исчезновением самого влиятельного в высших кругах друга «Спартака» братья поняли, что у них тоже начинаются тяжелые времена.

Стоит упомянуть, что Старостины в мемуарах никогда не писали о поддержке Ежова Косаревым. Комсомольский лидер Косарев всегда представал в их рассказах в самом лучшем свете, несмотря на то, что являлся убежденным сталинистом. Он, в частности, руководил кровавыми чистками в ленинградском отделении партии после ареста Зиновьева. Хотя Старостины наверняка были не в курсе дела, но Косарев единственный в партийной верхушке настаивал на казни Бухарина, в то время как остальные только ждали директивы Сталина[11]. Облагороженный портрет Косарева в воспоминаниях Старостиных — действительно важная деталь. Впоследствии многие будут приписывать «демократический» дух «Спартаку» и его основателям (для чего есть вполне убедительные основания). Однако в этот либеральный образ не вполне вписывается уважение Старостиных к своему покровителю. Косарев мог быть не худшим из политических вожаков своего времени, но он определенно ничем не отличался от остальных и в лучшую сторону.

«Спартаку» не помогло и то, что Берия был страстным футбольным болельщиком, а в молодости — даже игроком не без способностей. Его пост во главе НКВД давал ему место в президиуме общества «Динамо», и он всерьез воспринял свои обязанности. Хотя первой любовью Берии являлось тбилисское «Динамо», он был всерьез обеспокоен неудачами его московских тезок. Берия стал своего рода советским эквивалентом хозяина-капиталиста — владельца футбольного клуба, сующего свой нос во все дела и занимавшегося проблемами многих динамовских команд: это как если бы удалось скрестить босса «Нью-Йорк Янкиз» Джорджа Стейнбреннера с директором ФБР Эдгаром Гувером — и получившегося человека поставить во главе гестапо. Берия редко пропускал московские игры динамовских команд и, как и другие сотрудники НКВД, был не в восторге от возросшего влияния «Спартака». Если успех подведомственной

команды мог бы слегка смягчить негативный публичный образ органов правопорядка во времена репрессий, то неудачи на футбольном поле ослабляли властный авторитет и умаляли престиж самой институции.

Теперь у Старостиных появился враг в высших эшелонах власти. Позднее Николай объяснял антипатию со стороны Берии личными причинами. В своих последних мемуарах он писал, что играл в футбол против Берии в Тбилиси в 1920-е годы. Профессионал уровня Старостина легко обходил с мячом полноватого круглолицего любителя, и, по словам Старостина, Берия сохранил память об этом унижении. Следующие двадцать пять лет, таким образом, стали своего рода местью стройному, красивому и талантливому Старостину со стороны невысокого, толстого, неуклюжего и распутного Берии. Эта история, как и некоторые другие эпизоды, рассказанные Старостиным, пожалуй, слишком хороша, чтобы быть правдой. Ни родившийся в Тбилиси историк Вартанян, ни ветеран спортивной журналистики Павел Алёшин не считают этот сценарий возможным, особенно в таком чувствительном к статусному положению месте, как Грузия. Футбол в то время не был достаточно уважаемым занятием, и, как они утверждают, важная фигура в местном НКВД не стала бы рисковать своим положением, принимая участие в матче[12]. Можно с уверенностью сказать, что бериевское влияние на ход противостояния «Динамо» — «Спартак» содержало в себе нечто гораздо большее, чем личное стремление отомстить за спортивные неудачи времен молодости.

В последние месяцы 1938 года произошли и другие события, не предвещавшие ничего хорошего. Для внедрения в образовательный процесс политической идеологии миллионными тиражами был издан насквозь фальсифицированный «Краткий курс истории ВКП(б)», растиражированный по всей стране. Изучение этого направленного в массы эпохального труда связывали напрямую с улучшением в сфере производства, как будто простое знание о том, что Сталин делал (или не делал) в 1917 году, могло гарантировать выполнение плана. Вслед за идеологическими пряниками последовал кнут нового трудового законодательства. Декрет от 28 декабря был направлен на ужесточение трудовой дисциплины. Прогулы, опоздания и смена места работы теперь стали считаться уголовными преступлениями. Новые пролетарии, многие из которых только что приехали из

деревни, должны были приспосабливаться к непривычному индустриальному темпу жизни.

Рабочая дисциплина затронула и футбольный мир. Игроки опаздывали на тренировки, спорили с тренерами, многие выпивали, часто дрались на поле. В каждой команде находился свой политрук, в чье ведение входили вопросы культуры и взаимоотношений футболистов (в большинстве своем совершенно необразованных). В «Спартаке» это бремя лежало на товарище Рабиновиче, деятельность которого активно критиковалась в прессе, ставившей ему в пример московское «Динамо», где идеологическая составляющая была на должном уровне[13]. Казалось, что «Спартак» воспринимал свои задачи в этой сфере куда менее серьезно, нежели «Динамо». Уже значительно позже мы узнали, что Старостины были крайне обеспокоены новым рабочим законодательством, которое, по их мнению, вело к большей эксплуатации, нежели при капитализме.

До конца неясно, личная ли неприязнь, идеологическая ли подоплека или простое желание победить двигали Берией в то время, однако его вмешательство в ход спортивных событий породило одну из самых абсурдных ситуаций в истории мирового футбола. Кубковые соревнования проходили в течение августа и сентября, параллельно с чемпионатом. 8 сентября в полуфинале в Москве «Спартак» принимал тбилисское «Динамо» — своего сильнейшего соперника в чемпионате и любимую команду Берии. Это была чрезвычайно сильная команда, собранная из великолепных футболистов, способных играть в быстром темпе. Известные в печати как «летучие уругвайцы», грузинские игроки исповедовали эмоциональный и техничный латиноамериканский стиль, сильно отличавшийся от построенной на контроле и физической мощи манеры всех московских команд, не исключая и «Спартак». Одаренные дриблеры и законченные индивидуалисты, грузины явно предпочитали обороне игру в атаке.

Обе команды провели полуфинальный матч в оборонительном ключе, забив лишь один гол на двоих. Это случилось на шестьдесят четвертой минуте, после свалки у тбилисских ворот. Русский вратарь «Динамо» Александр Дорохов вынес мяч из ворот — точно на ногу Андрею Протасову. По версии Старостина, протасовский удар отправил мяч за линию ворот, но тот не добрался до сетки, так как его вынес оттуда защитник Шота

Шавгулидзе. Так или иначе, судья Иван Горелкин зафиксировал взятие ворот. «Динамо» подало протест, который был быстро отклонен футбольной секцией спорткомитета[14]. В отличие от похожих случаев в прошлом, в этот раз весь комитет в целом одобрил решение секции. Четыре дня спустя «Спартак» обыграл ленинградский «Сталинец» в финале со счетом 3:1. Команда взяла кубок второй год подряд. Все разъехались по домам и продолжили играть в чемпионате[15].

Однако через двенадцать дней после финала, около 24 сентября, члены общества «Спартак» встретили в Москве игроков тбилисского «Динамо». От грузинских гостей они узнали, что опротестованный полуфинал должен быть переигран 30 сентября — то есть через три недели после финала! Решение поменять постановление ВСФК поступило из самого ЦК и было объявлено в грузинской прессе еще 16 сентября. Учитывая общественную значимость этой информации, трудно предположить, что Николай Старостин и представители «Спартака» до сих пор не знали о необходимости сыграть тот же матч еще раз. Глава футбольной секции, Александр Старостин, мог быть недоволен переменой решения, но не мог о нем не знать. Также маловероятно, что сам ЦК проинформировал о своем решении только одну из двух команд. «Спартак» также обладал влиятельными друзьями наверху, которые наверняка были осведомлены о принятой резолюции[16]. Но если игроки «Спартака» все же не были в курсе дела, то команде оставалось всего шесть дней на подготовку к одному из величайших матчей в своей истории.

Старостин попробовал привлечь политических союзников, но Косарева с ним уже не было. Надо сказать, что у нас нет прямых доказательств того, что именно Берия выступил за переигровку и добился ее проведения, однако можно задаться вопросом: кто еще на таком высоком уровне серьезно думал о футболе? Если это решение лоббировал Берия, то важно отметить, что оно получило поддержку на высоких партийных этажах. Спартаковского главу призвал к порядку один из самых могущественных партийных секретарей, Андрей Жданов. Таким образом политическая подоплека Кубка СССР за 1939 год, очевидно, была чем-то более сложным, нежели просто личным противостоянием Старостина даже с таким образцовым злодеем, как Берия[17].

Игроки тбилисского «Динамо» только что проделали длинный путь в Москву на поезде и, несомненно, чувствовали

усталость накануне игры. Однако и «Спартак» оказался не в лучшей форме. Андрей Старостин сломал руку, а главный бомбардир команды, Алексей Соколов, был дисквалифицирован за удар соперника по лицу в предыдущем матче. В первом тайме «Спартак» смог воспользоваться излишне атакующей манерой игры тбилисских полузащитников, не успевавших возвращаться в оборону. Дважды прорывавшийся по правому флангу Георгий Глазков сделал дубль. Динамовская звезда, Борис Пайчадзе, отыграл один мяч перед перерывом, счет стал 2:1. Почти сразу же после начала второго тайма «Спартак» заработал пенальти, с которого Глазков оформил хет-трик. Тбилисцы яростно атаковали, однако все их атаки упирались в блестяще игравшего Акимова. Впрочем, за четыре минуты до конца они всё же забили гол — после розыгрыша углового. Напряжение возросло еще сильнее, после того как травмированного Акимова в самом конце матча в воротах заменил Жмельков[18]. Игра завершалась под рев 80 000 болельщиков, подавляющее большинство которых поддерживало «Спартак».

«Динамо» вновь опротестовало исход, в этот раз утверждая, что пенальти был назначен несправедливо. Протест отклонили через два дня, и кубок остался у «Спартака». Эта победа была невероятно важна. Как писал Лев Филатов уже в 1990-е годы:

> ...в 1939 году был разыгран матч, который для моего юного довоенного поколения был главнее всех, когда-либо виденных. Без каких-либо обоснований, вопреки спортивным установлениям переигрывался полуфинал кубка между «Спартаком» и «Динамо» (Тбилиси) спустя три недели после финала. Прошло бог знает сколько времени с того 30 сентября, но я помню, как наша компания втиснулась на скамью (четверо на три билета), сдавленное дыхание, толкающиеся колени: никогда ни до того, ни после мне не приходилось болеть — без преувеличения — до потери сознания, до беспамятства. Для нас решалась не судьба кубка и «Спартака», решалась судьба самого футбола. Останемся ли мы с ним, как на острове справедливости, или махнем рукой, поставим крест на этой блажи. Не знаю, как бы мы себя повели, если бы у «Спартака» отняли победу. К счастью, он выиграл тот матч. К счастью для нас, сидевших на трибунах[19].

Наряду с победой над басками и матчем на Красной площади, выигрыш в переигровке стал еще одной важной главой в спартаковской саге. Команда победила, несмотря на внешнее давление, и, как считал Филатов, тем самым спасла сам футбол. Вера в нее оправдала себя. Освещавший этот матч в газете «Красный спорт» великолепный спортивный журналист (и болельщик «Спартака») Александр Виттенберг три раза повторил в материале одну и ту же фразу: «...и вновь Спартак демонстрирует свое превосходство»[20].

Если верить Николаю Старостину, Берия покинул стадион в гневе. Десятилетия спустя Старостин признался одному из своих любимых игроков: «Тогда я понял, что мне предстоит долгое путешествие»[21]. Бериевская команда не победила «Спартак» на поле, но у любимого сталинского сподвижника имелись и другие, не слишком «спортивные» рычаги управления[22]. При всей политической нагрузке, которая выпала на этот матч, очевидно, что недовольство Берии было направлено именно на победивший «Спартак». В следующем сезоне московское «Динамо» поправило положение, забрав к себе Аркадьева из «Металлурга» и выиграв чемпионат 1940 года. «Спартак» финишировал третьим, проиграв со счетом 1:5 своим главным соперникам в присутствии 85 000 зрителей, в матче, который несколько динамовских игроков впоследствии назвали величайшим в своей карьере[23]. Можно было бы ожидать, что это удовлетворит Берию, однако, по предположению Александра Вайнштейна, его охота за Старостиными была связана не только с футболом[24].

Несмотря на то что в 1939 году «Спартак» выиграл дубль, в игре команды все еще имелись слабости. В статьях в «Вечерней Москве» в декабре того года Николай Старостин отмечал, что у игроков по-прежнему есть проблемы в атаке. Сильнейшей линией оставалась оборона, главным образом благодаря паре вратарей Акимов — Жмельков. В защите у «Спартака» играли крупные и мощные ребята. Эти игроки брали свое силой и напором. А вот атака, несмотря на наличие в ней хороших спортсменов, часто бывала несогласованной. Старостин предположил, что эти проблемы усугубились благодаря оборонительной направленности тактической схемы «дубль-вэ», и обещал к 1940 году привнести в игру «новый советский стиль»[25]. Для команды, прославившейся своим умением перенимать все лучшее с Запада, это казалось шагом назад. Однако в конце 1939 года уже

разгоралась Вторая мировая война. Советский Союз был связан со своими новыми нацистскими друзьями пактом Молотова — Риббентропа, и на этом фоне играть по схеме, придуманной профессионалами, с политической точки зрения становилось опасным (в Германии футбол оставался любительским). Более того, начали появляться первые признаки спортивной ксенофобии, на футбольную среду оказывалось политическое давление извне, требующее отказаться от схемы «дубль-вэ». Результатом этих перемен для «Спартака» в последний предвоенный сезон перед вторжением Германии стали неразбериха и серия поражений.

У «Спартака» могли быть миллионы болельщиков, но среди врагов числился не только Берия. Многие из футбольных коллег не испытывали восторга от Старостиных. Соперники завидовали их успеху и выражали сомнения в методах спартаковской работы. В 1939 году, на встрече представителей московских футбольных команд, делегат от «Локомотива» отмечал (и вполне справедливо), что «Спартак» контролирует выбор судей на собственные матчи. Особенно он был недоволен поведением на поле Андрея Старостина. Точнее говоря, он отмечал, что вспыльчивый Андрей не перестает жаловаться и апеллировать к судьям во время матчей, и те, кто не реагирует на его призывы, больше не появляются на играх «Спартака». Это же касалось и Николая:

> Никто ничего не может сделать со Старостиным. Он важная птица. Но если он такая важная птица, то должен показать пример своим поведением. «Спартак» побеждает и судей, и журналистов. Дело дошло до того, что все сказанное Николаем Старостиным обязательно должно быть записано. Пресса тоже на его стороне. Они не пишут о других командах, даже если те хорошо играют[26].

Существовали и проспартаковски настроенные журналисты, но главная спортивная газета страны, «Красный спорт», печатный орган ВСФК, открыто критиковала Старостиных. Елена Кнопова, занявшая пост главы ВСФК, сменив старостинского союзника И. И. Харченко, давила на репортеров, чтобы те печатали разгромные заметки о «Спартаке»[27]. Разумеется, вне идеологического сталинского контекста все это не имело бы такого значения, однако в конце 1930-х любая критика в адрес Старостиных лила воду на мельницу противников профессионального спорта.

Впрочем, все эти обстоятельства не могли повлиять на ту огромную поддержку, которую «Спартак» имел среди московских рабочих, составлявших основную массу футбольных болельщиков в тот период.

«Спартак» и советский рабочий класс

В предыдущей главе я упоминал о политических взглядах рабочих — болельщиков «Спартака», — опираясь на устные свидетельства, полученные уже после крушения коммунизма. Теперь я хочу вернуться к этому вопросу и рассмотреть его более подробно, чтобы понять, о чем именно свидетельствует выбор любимой команды применительно к политическим воззрениям рабочих. Если и не все рабочие были болельщиками, то с уверенностью можно сказать, что практически все болельщики в 1930-е годы были рабочими. Воспоминания бывших игроков не оставляют в этом сомнений. Создание болельщицких сообществ, описанных Абрамяном, являлось одним из немногих действий, имевших политическое значение, которые советские люди могли совершать свободно. Поддерживать гражданскую команду «Спартак» в противовес милицейскому «Динамо» означало несколько дистанцироваться от партийного государства. И наоборот, поддержка «Динамо» предполагала большее принятие советского порядка. Но все это оставалось в пространстве повседневности, где перемены были допустимы и служило выбором соответствующей политической и культурной идентичности. Не каждый динамовский болельщик был коммунистом, так же как и не каждый болельщик «Спартака» — беспартийным. Даже на самом пике сталинизма эта сфера оставалась весьма неопределенной, происходящее на низовом уровне не касалось непосредственно политики государства и не оказывало прямого влияния на служебную карьеру. Здесь происходила борьба личных интересов, в которую обычные люди вступали ради достижения собственных целей. Подлинная природа московской рабочей среды и ее отношение к сталинскому режиму до сих пор являются предметом дискуссий как для советских и российских историков, так и для их западных коллег[28].

Советские города, особенно столица, значительно выросли со времен первой пятилетки. Четверть от живших в Москве в 1934 году 3,6 миллионов человек были заводскими

и фабричными рабочими. Еще 649 900 составляли социальную категорию служащих[29]. Такой резкий прирост привел к перенаселению в городах и резкому снижению уровня жизни. Как и до революции, московский рабочий класс оставался довольно разнородным и включал в себя тысячи женщин и крестьян, прибывших из деревень. Почти все недавно поселившиеся в городе крестьяне — как и во всем мире — были мало вовлечены в местную спортивную жизнь. То же касается и женщин: они стали фабричными работницами, но их вовлеченность в игру сводилась к наблюдению за мужчинами, наблюдавшими за тем, как другие мужчины гоняют мяч. В небольших фрагментах сохранившейся кинохроники, посвященной довоенному футболу (всё вместе едва ли минут на сорок), женщины действительно появляются на трибунах. Почти все запечатленные матчи — финалы кубка или другие важные игры на сравнительно хорошо охраняемом стадионе «Динамо». Женщины, попадающие в кадр, как правило, молоды, стильно одеты, сидят на скамейках друг рядом с другом. Учитывая преобладающий в то время патриархат, разумно предположить, что это жены и подруги футболистов и что они вряд ли приходили на рядовые, менее важные матчи[30].

Следует соблюдать осторожность в обобщениях, так как у нас нет достаточного количества убедительных доказательств, но очевидно, что рабочие, посещавшие матчи, были более искушены в городской жизни, чем вчерашние крестьяне. Люди, ходившие на футбол до революции и в период нэпа, продолжили делать это до конца 1930-х годов. Многие из них, заведя семьи, передали любовь к футболу своим сыновьям. Несколько советских исследователей этого периода отмечают, что рабочие стали старше и опытнее, что также обратило их в сторону спорта. Поворот в городской экономике от ориентированного на женщин текстильного производства в сторону мужской работы в тяжелой промышленности также можно считать признаком роста квалификации рабочей силы[31]. В третьей пятилетке, объявленной в 1938 году, был сделан больший упор на тяжелую промышленность, особенно оборонную[32].

Хаос первой пятилетки оставлял мало времени на обучение, так что новые горожане, как правило, оказывались малоквалифицированными рабочими. В течение десятилетия ситуация изменилась. С момента основания лиги в 1936-м и до войны столичные рабочие не только стали более компетентными на

производстве, но и более искушенными в городской жизни. Они приблизились к социологическому профилю футбольной публики других стран, особенно Великобритании, где также к болельщикам стали относить себя более квалифицированные рабочие[33]. Тут, впрочем, надо заметить, что термин «квалификация», который используют советские исследователи, довольно сложен и не в полной мере соответствует британской рабочей аристократии (labor aristocracy).

Говоря о «Спартаке» и рабочем классе, необходимо понимать, как мы используем термин «класс». Выше я уже говорил о довольно широкой его трактовке. Внутри рабочего класса, по словам Олещука, в Москве половина всех болельщиков поддерживала «Спартак», а вторая половина — всех остальных. Это общее наблюдение, которое не оспаривается ни в литературе, ни в архивных материалах, ни в личных воспоминаниях. Но это не означает, что все спартаковские болельщики были социально или экономически однородны или что какой-то отдельный сегмент рабочего класса болел за «Спартак», а другой — за «Динамо», «Торпедо» или «Локомотив». Как уже отмечалось ранее, Промкооперация, поддерживающая «Спартак», представляла в основном работников сферы обслуживания и торговли. С 1928 по 1932 год организация выросла примерно с 600 000 членов до 1,6 миллиона, в то же время доля рабочих, задействованных в торговле и перераспределении ресурсов, выросла с 5,3 до 9,2 % от всего рабочего класса[34]. Индустриальные рабочие, которые не составляли большинство в Москве 1930-х, вполне могли иметь совсем разные взгляды и интересы, однако болеть за «Спартак» и одновременно за свои менее успешные заводские команды. Таким образом, лучше всего будет определить этот класс через тысячи рабочих на заводах и фабриках и за их пределами — в строительной, транспортной, торговой и даже развлекательной областях.

Со всеми оговорками мы все же можем признать, что значительная часть московских рабочих-мужчин выбирала себе команду (один из немногих доступных им опций), и выбор этот был пусть скромным, но важным способом утвердить определенную независимость. Романтизирующий эти идеи Николай Старостин писал в своей последней книге: «Казалось, что футбол каким-то образом не связан с тем, что происходит вокруг. <...> Для большинства он был единственной, а иногда и последней возможностью и надеждой сохранить в душе маленький островок

искренних чувств и человеческих отношений»[35]. Однако логика выбора, которой следовали рабочие, сложна, и сказать, что болельщики «Спартака» были сплошь антикоммунистами и сторонниками капитализма, означало бы погрешить против истины.

Режим стремился использовать спорт для пропаганды рациональных ценностей: здорового образа жизни, дисциплины, профессионального мастерства и уважения к власти. Государство хотело видеть своих «стражей порядка» успешными на футбольном поле, способными вызывать восхищение у граждан. В статье для «Красного спорта» в 1936 году глава ВСФК Иван Харченко называл «Динамо» «образцом для других спортобществ»[36]. Впрочем, массовые репрессии отнюдь не способствовали росту популярности «Динамо». Сообщества сохраняли свои границы — люди по-прежнему сами выбирали себе героев. Ведь и для многих из тех, кто болел за «Динамо», поддержка любимой команды означала искреннюю поддержку режима. Болельщиков «Спартака» могло быть больше, но это не значит, что у «Динамо» их не было вовсе. Сообщества болельщиков имели свою специфику, люди собирались вместе, а затем расходились, чтобы снова собраться в день игры. Речь шла о тех самых «воображаемых сообществах», по знаменитому определению Бенедикта Андерсона, — группах людей, связанных общей культурой без учета каких-либо четких географических границ[37]. Шумные болельщики на трибунах (по крайней мере, некоторые из них) могли считать, что они действительно представляют собой некое единство, но это было справедливо лишь на текущий момент.

В конце 1930-х годов московские рабочие, болеющие за «Спартак», таким образом отчасти определяли свою социальную идентичность. Разумеется, она была весьма неопределенной и в политическом контексте того времени не могла стать частью какой-либо организованной социальной структуры. Так или иначе, выбирая «Спартак» из числа других команд и стихийно поддерживая его, тысячи московских мужчин обозначали некоторую дистанцию по отношению к тому, что окружало их в повседневной жизни. Это не делало «Спартак», если использовать слово из более позднего времени, командой «диссидентов», и поклонники «Спартака» не собирались свергать коммунистов. По воспоминаниям Олещука, одно не исключало другое — его друзья-болельщики в одно и то же время считали, что «Спартак» великолепен, «Динамо» ужасно, а Сталин — молодец[38].

Дело братьев Старостиных

В спорте высших достижений неизбежно соперничество — нет ничего удивительного в том, что Старостины нажили себе врагов в профессиональном сообществе. Советские команды поддерживались разными политическими фигурами и институциями, часть из которых имела достаточно влияния для того, чтобы арестовать своих противников, такой поворот событий всегда стоило иметь в виду. С момента своего основания спортобщество «Спартак» было источником недовольства и сомнений в определенных кругах. Так, в 1935 году профсоюзная газета «Труд» выражала беспокойство по поводу мотивов, которыми руководствовались Старостины при создании такой большой и хорошо обеспеченной организации. Год спустя несколько мелких чиновников из спортобщества «Спартак» были вызваны в московский суд в качестве ответчиков по обвинению в финансовых злоупотреблениях. Впрочем, дело вскоре оказалось закрыто[39]. Первый серьезный кризис, как уже говорилось, произошел в сентябре 1937 года.

Благодаря Косареву обвинения, опубликованные в «Правде» и «Красном спорте», последствий не имели, однако силы, настроенные против Старостиных и их ближайших друзей, продолжали действовать. Пережив нападение со стороны оппонентов, Старостины столкнулись с угрозой, которая подстерегала их дома. В 1937 году в поездку в Париж вместе со «Спартаком» отправилась большая спортивная делегация, в которую были включены и братья Георгий и Серафим Знаменские, знаменитые бегуны на длинные дистанции. Эти молодые люди являлись постоянными членами общества «Спартак» и соседями Андрея и Николая Старостиных по лестничной клетке в новом доме в центре города, на Спиридоновке.

Обладатели всех союзных рекордов на дистанциях от 1500 до 10 000 метров, Знаменские были детьми сельского священника. Несмотря на свое не слишком удачное в политическом отношении происхождение, они приняли советскую власть и сделали отличную спортивную карьеру. Георгий параллельно получил медицинское образование. Оба воевали. Серафим умер в 1942-м, Георгий — в 1947 году. После смерти вокруг Знаменских возник культ, о них писали книги, им посвящали фильмы, они превратились в советских спортивных святых[40]. Соревнования в их честь под названием «Мемориал братьев Знаменских»

до сих пор ежегодно проводятся в Москве. К сожалению, среди других умений, освоенных советскими святыми, были и навыки стукачества. В 2000-е годы в телепрограмме «Большие родители», выходившей на канале НТВ, дочь Георгия, Елена, рассказала, что оба — и ее отец, и дядя — работали на органы и лично знали Берию и Сталина. Она прямо не называла Знаменских «агентами НКВД» и не рассказала, когда именно началось это сотрудничество и получали ли братья указания непосредственно от Берии. Но Елена Знаменская сообщила нечто не менее важное: ее дядя не погиб на фронте, как об этом объявляла официальная история, а покончил с собой, находясь в отпуске дома. Причин его самоубийства она не объяснила, так что мы, конечно, не можем с уверенностью утверждать, что дело было в чувстве вины[41].

В сентябре 1937 года, задолго до того, как Берия переехал в Москву, Серафим отправил на имя главы ВСФК Елены Кноповой отчет о деятельности Старостиных в Париже и дома. Если Знаменские дружили с Берией, который возглавил НКВД в 1938-м, то на кого они работали в 1937-м? Может быть, Кнопова просила их приглядывать за Старостиными, или выдающиеся бегуны просто действовали как бдительные советские граждане? Что бы ни послужило причиной, Серафим в своем докладе отмечал, что Старостин слишком уж приветлив с членами буржуазных делегаций, с которыми он встречался в Париже, и что действует он «как владелец частного спортивного клуба». «Старостин, — пишет Знаменский, — все свое время, внимание, средства тратит на футбол, пренебрегая другими видами спорта, забывая о подготовке к сдаче комплекса ГТО. Только определенным людям разрешается участвовать в играх. Например, в команде „Динамо“ есть коллектив, а в „Спартаке“ только кучка своих людей». Обвинения в пренебрежении массовой физкультурой в пользу спорта высших достижений будут появляться в прессе снова и снова — при этом, разумеется, Старостины больше интересовались организацией крупных соревнований, нежели обучением фабричных рабочих метанию гранаты[42].

Серафим также сообщал Кноповой, что братья с друзьями проводят ночи за картами, выпивкой, громко кричат и матерятся: «Я несколько раз говорил Андрею Старостину — как тебе не надоедают эти пьянки, ты мне спать не даешь, но привыкший смотреть на людей как на плебеев, он иронически отвечал: „Ты, Серафим, чудак“». Знаменский мог что-то преувеличивать,

но, скорее всего, для Андрея описываемая ситуация в целом являлась обычным делом. К этому моменту уже были арестованы товарищи Старостиных по застольям, Евгений Архангельский и Владимир Стрепихеев, и это тоже не предвещало ничего хорошего. Серафим также докладывал, что каждая из таких попоек, вероятно, стоила не меньше 1000 рублей, что составляло его собственную месячную зарплату.

По его словам, во Франции Старостины спекулировали валютой, покупая гораздо больше, чем могли себе позволить на свою зарплату. Каждый из членов делегации, пишет Знаменский, увез с собой один чемодан. Старостины прибыли на Белорусский вокзал с четырьмя чемоданами каждый. Когда впоследствии комиссия ВСФК занималась расследованием той поездки, обоих братьев Знаменских вызвали на разговор. Узнав о проведении расследования, Николай сказал Серафиму, что комиссия была организована «этими подлецами из „Динамо“» и предостерег его от каких-либо показаний. Георгий утверждал, что ему было передано то же самое. В ответ на вопрос, сколько вещей Старостины привезли с собой, ему следовало ответить: «Как и все остальные». Когда выяснилось, что Знаменские давали показания комиссии, Старостин стал грозить Георгию временным сокращением зарплаты. Повторяя слова своего брата, Георгий называл это «методами владельца частного спортивного клуба»[43]. Георгий также заявлял, что Николай Старостин хвалился своими связями в армии, позволившими ему вызволить двух игроков из армейских команд (Василия Соколова и Владислава Жмелькова), и это совершенно соответствовало действительности[44].

Поразительно, что в своих последних мемуарах, написанных уже во времена гласности, Николай не говорит о Знаменских ни одного дурного слова. Может быть, он не хотел марать их репутацию? А может быть, он понял их и простил — годы спустя. Несомненно, на них давили, чтобы получить такого рода показания; однако в словах Знаменских была и доля правды, а обвинения подобного рода могут выглядеть криминальными только в контексте происходивших в то время чисток. Старостин, несомненно, чувствовал, что его поступки и действия его соратников были вполне в порядке вещей, поскольку сотни других советских спортсменов, не говоря уже о тех, кто ездил на Запад, вели себя примерно одинаково. В конце концов, Старостин являлся спортивным организатором, его команда собирала

стадионы по всему СССР, пропагандируя большой спорт и принося немалые деньги.

Оглядываясь назад, можно сказать, что прегрешения, описанные Знаменскими, были незначительными в сравнении с теми преступными замыслами, в которых уже готовились обвинить Старостиных (и Старостины об этом не знали). В той же книге воспоминаний Николай рассказал, как осенью 1937 года арестовали Владимира Стрепихеева, Виктора Рябоконя и других его друзей. Позднее Стрепихеев и Рябоконь были расстреляны. Николай не упоминает, что их заставили дать на Старостиных показания о гораздо более серьезных проступках, нежели покупка пары лишних платьев для своих жен. Неясно, кто в НКВД мог готовить крупное дело против Старостиных и вряд ли за этим стоял Ежов, союзник Косарева. Возможно, какая-нибудь особенно рьяная мелкая сошка и могла бы за это взяться, однако Косареву удавалось препятствовать этому до поры до времени. Так или иначе, пока в подготовке дела против Старостиных отсутствовала какая-либо межведомственная координация.

Впоследствии показания, данные на допросах в 1937-м, легли в основу более серьезных обвинений, с которыми Старостиным пришлось столкнуться, когда их в конце концов арестовали в 1942 году. Эти документы, допросные листы, не были точными стенографическими отчетами того, что говорили следователям обвиняемые. Скорее, речь шла о заранее составленных историях, которые арестованные под давлением вынуждены были подтвердить. Так, директор Сталинского института физкультуры Семен Фрумин повторил давнее обвинение в том, что Старостины родом из «семьи торгашей» и что они пытались «внедрить худшие аспекты буржуазного спорта» в советский. В более изощренной версии Василия Стеблева, спартаковского тренера по легкой атлетике, фигурировал уже заговор с участием посольства Германии[45]. Стеблев, который признался в своем пособничестве, говорил, что устраивал встречи Старостина с немецким атташе. Старостин, по словам Стеблева, «организовал подпольную контрреволюционную фашистско-террористическую шпионскую организацию в среде московских физкультурных организаций»[46]. Места и даты этих встреч описывались весьма подробно. Среди заговорщиков упоминались в том числе Виктор Прокофьев, Стрепихеев, Рябоконь и еще несколько работников общества «Спартак». Главной миссией должно было стать

убийство всей партийной верхушки, стоявшей на мавзолее Ленина, во время парада на День физкультурника в 1937 году, а конечной целью объявлялось провозглашение фашистского государства в СССР[47]. В последнюю минуту план оказался сорван арестом кого-то из неназванных членов группы.

Рябоконь также сознался в причастности к этому заговору, к которому в дальнейшем присовокупил еще двух игроков «Спартака», Станислава Леуту и Петра Исакова. Рябоконь, отлично знавший Старостина, пересказывал его биографию с очевидными для любого близкого знакомого ошибками. «Он сын домовладельца, женатый на дочери крупного торговца. В прошлом его арестовывали за спекуляцию»[48]. Изначальным планом было застрелить политических лидеров «на спортивном мероприятии на стадионе „Динамо“». Старостинский друг, также недавно арестованный «враг народа» Харченко, занимал достаточно высокий пост для того, чтобы дать им знать, когда крупная фигура появится на стадионе. К сожалению, Сталин, главная мишень заговорщиков, никогда в жизни не посетил ни одной настоящей игры. Совершенно очевидно, что Старостины, раздававшие сотни бесплатных билетов на спартаковские игры, сами знали, когда кто-то из важных персон должен оказаться на матче. Рябоконь также указывал, как непросто было решить вопрос с оружием. Ни Рябоконь, ни Стеблев особенно не вдавались в подробности. В дальнейшем, уже в ходе личных допросов, Николай Старостин узнал, что игрокам «Спартака» предстояло спрыгнуть с платформы в форме гигантской бутсы, на которой они проезжали по Красной площади, достать револьверы из своих футбольных трусов и застрелить всю политическую верхушку страны. Оставалось только догадываться, что случилось бы потом. Абсурдность этих обвинений была очевидна даже тем, кто их состряпал, а если уж у НКВД возникли подозрения насчет террористической активности Старостиных, почему же их тогда не арестовали немедленно?[49]

Хотя мы не можем знать наверняка, вероятно, разумно предположить, что в 1937 году Косарев был в состоянии отвести удар от Старостиных, если не от их друзей. Старостины остались на свободе, однако подозрения на их счет никуда не исчезли. В начале и конце 1938 года «Известия» публиковали репортажи о финансовых нарушениях в «Спартаке»[50]. В мае был арестован директор спартаковского магазина спорттоваров,

Серафим Кривоносов. В дальнейшем он также давал показания на Старостиных[51].

С 1937 года и до самого начала войны Старостины оставались под пристальным наблюдением органов госбезопасности. Часть материалов, предоставленных осведомителями, была откровенной чушью. В одном из отчетов говорилось, что отец Старостиных до революции владел «гигантским публичным домом». Константин Квашнин, тренировавший «Спартак», назывался сыном царского генерала и якобы неоднократно подвергался арестам. Другой стукач повторял обвинения Знаменских в спекуляциях валютой и вещами во время парижской поездки, но шел дальше, утверждая, что братья заказали во Франции машину для Косарева. Андрею приписывали интервью «белогвардейской» газете, а «Спартаку» — получение гонорара в 20 000 франков за участие в матче. Если принять во внимание, что «Спартак» в том турне не сыграл ни одной игры, кроме официальных, сложно даже предположить, что именно мог иметь в виду этот осведомитель[52].

Другие сообщения кажутся более правдоподобными и сейчас, ретроспективно, представляют нам Старостиных в лучшем свете. В конце 1938 года один из агентов, бывавших в квартире Андрея, передавал слова Николая о том, что «без Косарева жизнь будет гораздо сложнее» — о нем братья говорили с уважением и (весьма наивно) считали принципиальным человеком. В 1940-м сообщались слова Андрея о новом рабочем законодательстве, которые он позволил себе в присутствии агента:

> Представляете, какой шум вызвала бы публикация такого драконовского закона в любой буржуазной стране? У меня нет сомнений в том, что эти законы будут представлены таким образом в зарубежной прессе. Всего год назад мы кричали о том, что только в нашей социалистической стране у женщины может быть четырехмесячный отпуск по уходу за ребенком, а сейчас уже считаем, что и одного месяца достаточно[53].

Годом позднее Андрей, как сообщалось, критиковал финскую войну. «Мы опозорились на весь мир с этой финской авантюрой. Мы отрезали от себя возможность каких-либо договоренностей с демократическими странами и оттолкнули

от себя всех сторонников из социалистического лагеря в Западной Европе. На Народном фронте можно ставить крест»[54]. Все это звучит как вполне разумные сомнения в правильности политики советского государства, которые возникали и в среде сторонников режима. Ничто в них прямо не говорит ни о какой оппозиции к социализму или даже к коммунизму. Тем не менее нужно иметь в виду, что в конце 1930-х годов границы допустимого резко сузились — именно в силу этих сомнений братья были названы лидерами «право-троцкистской» террористической организации[55].

Через некоторое время после скандальной переигровки кубкового полуфинала 1939 года Берия инициировал арест Старостиных. У нас нет возможности узнать, стали ли этому причиной обвинения из секретных донесений или просто единственным способом победить «Спартак» была необходимость избавиться от Старостиных. Стоит отметить, что бериевские биографы вообще ничего не говорят о футболе. Вероятно, прав Александр Вайнштейн, который предполагает: «Я не думаю, чтобы Берия, для того чтобы „Динамо“ стало чемпионом, стал бы сажать Старостиных. Думаю, его раздражала их популярность и независимость»[56]. Один из осведомителей докладывал, что «Николай Старостин обладает огромной славой среди нашей молодежи»[57].

Вообще говоря, Берия предпринял значительно более разумные шаги для того, чтобы вернуть «Динамо» на вершину советского футбола. Той зимой он пригласил в команду эрудита и реформатора Аркадьева, который привлек новых игроков, перестроил атаку, так что «Динамо» выиграло чемпионат в 1940 году[58]. Эта победа могла несколько смягчить недовольство Берии в адрес народного комиссара Вячеслава Молотова, который, если верить Николаю, не подписал постановление об аресте Старостиных в 1939-м. В своих последних мемуарах Николай Старостин объяснял этот факт дружбой их дочерей. Впрочем, Молотов большой сентиментальностью не отличался. Этот человек не протестовал против ареста собственной жены. Более вероятно, что ближайший из сталинских сподвижников видел себя кем-то вроде политического заступника для академиков, писателей, музыкантов, танцоров, кинозвезд и спортсменов[59]. В то время братья остались на свободе, но по-прежнему были под колпаком у госбезопасности.

Летом 1940 года «Спартак», действующий чемпион, в усиленной версии отправился в короткий двухматчевый тур в Болгарию. В состав были включены, в частности, Якушин и Федотов, а также еще несколько звезд. Получившаяся команда являлась скорее сборной Москвы, нежели прежним «Спартаком». Игры, проходившие уже после подписания пакта Молотова — Риббентропа, оказались первыми матчами против зарубежных соперников со времен баскского турне. Болгария, на тот момент союзник нацистской Германии, была добрым соседом Советского Союза, охотно принимавшим гостей. Андрея, все еще действующего игрока и звезду, выбрали капитаном команды. В то же время Николаю выезд из СССР был запрещен. В атмосфере очень напряженных политических интриг и соперничества укрепленный «Спартак» выиграл оба матча с разгромным счетом. Полиция и армия охраняли советских игроков от их восторженных болгарских поклонников[60]. Позднее в том же году болгары приехали с обратным визитом, а главой государственной комиссии по их приему выбрали не кого иного, как Николая[61].

Обстановка вокруг Старостиных оставалась неспокойной и после того, как началась война, хотя контроль органов и ограничения понятным образом несколько смягчились. Как бы там ни было, в марте 1942 года Берии удалось добыть подпись партийного секретаря Георгия Маленкова на бумагах об аресте Старостиных. 20 марта Старостины и несколько их коллег были доставлены на Лубянку, в особый отдел НКВД. Что же случилось за эти два с половиной года? Почему Берия смог добиться своего? До сих пор все, что нам известно о судьбе Старостиных, мы знаем с их слов, и, по-видимому, часть истории здесь опущена. Николай пишет об обвинениях в преклонении перед буржуазным спортом. Другой частью обвинения служил «сценарий» на параде в День физкультурника в 1937 году. Старостин разумно ответил своему следователю на Лубянке, что его не было в числе игроков на той гигантской бутсе, с которой якобы должна была начаться террористическая атака. Более того, на платформе среди футболистов «Спартака» находились два офицера НКВД[62]. Четкие ли ответы Николая или изначальная абсурдность обвинений, но эти пункты впоследствии оказались сняты (когда братья получили свой приговор). Вместе с Леутой, Евгением Архангельским и тремя другими официальными лицами из «Спартака» братья получили от восьми до десяти лет лагерей, наиболее суровыми были

приговоры Старостиных. Но по большому счету десять лет считались легким наказанием. С точки зрения Николая, это фактически было признанием их невиновности.

Николай Старостин пишет, что окончательными обвинениями, по которым их осудили, стали хищение товарного вагона и привнесение буржуазных нравов в советский спорт[63]. Официальное содержание бумаг, отправленных в Военную коллегию Верховного суда СССР 21 августа 1943 года, было несколько иным. Политические обвинения там очень расплывчаты и включают в себя «антисоветские высказывания», направленные против партии, и сомнения в победе СССР в войне (которые вместе со Старостиными разделяли миллионы их сограждан). Обвинения в пропаганде буржуазного спорта упоминаются вскользь[64]. Но имелись там и другие истории, в то время трактовавшиеся как уголовные. «Преступную группу» изобличали в хищении товаров из магазина спортобщества «Спартак» и их перепродажу на черном рынке. Утверждалось также, что товары продавались по ценам выше «официальных» и обвиняемые присвоили получившуюся денежную разницу. В общей сложности приговор фиксировал хищение на сумму в 160 000 рублей, значительная часть которых якобы досталась Николаю — 28 000 рублей.

Еще более серьезными оказались обвинения в адрес Николая о подкупах и нелегальных операциях с московским военкоматом Бауманского района. В обмен на алкоголь и продукты, доступные Старостину через Промкооперацию, он якобы получил освобождение от службы для себя, братьев и еще нескольких членов общества «Спартак». Работники Промкооперации, помогавшие достать еду — в основном водку, сосиски и масло, — также получили белые билеты[65]. В то время многие голодали и вынуждены были служить на фронте, и эти обличения звучали как минимум унизительно.

В отсутствие каких-либо доказательств реальность этих утверждений вполне можно ставить под вопрос. Приговор, вынесенный военной коллегией, нельзя считать результатом серьезной юридической процедуры или расследования, и на это есть основания, если предположить, что экономические претензии использовались властями, чтобы представить Старостиных обыкновенными преступниками. Но если задачей властей было опозорить «Спартак», почему эти обвинения так и не обнародовали? Старостинские «экономические преступления» описаны

в деле значительно более детально, нежели политические. Здесь можно рассуждать и о том, что политический довесок понадобился для того, чтобы отвести дело от простого уголовного суда, в котором судья мог оказаться футбольным болельщиком, способным вынести мягкий приговор[66].

Даже учитывая всю абсурдность сталинской системы правосудия, уголовную часть обвинения все равно невозможно спокойно сбросить со счетов. В документах содержится ряд донесений, которые собирались на протяжении нескольких лет, и все они в целом свидетельствуют о вполне типичных для военного времени случаях коррупции. Взяток в то время давали много, и часто это оставалось безнаказанным[67]. Даже такая сочувствующая Старостиным фигура, как Александр Вайнштейн, признается в своих сомнениях: «Я уверен, что Николай Петрович не сказал всей правды. В то время ходили слухи — о ворованных машинах, еще о каких-то вещах... Всей правды не знает никто»[68].

Виновные или нет, братья и их «сообщники» были отправлены в разные лагеря системы ГУЛАГа. Николая сначала этапировали в Сибирь, в Ухту. Он вспоминал, что режим там был настолько ужасен, что в среднем в день погибало по сорок человек. Он собственными глазами видел горы трупов. И вновь основателя «Спартака» спас футбол. Прибыв в Ухту после трехмесячной пересылки из Москвы, Николай встретил на железнодорожной станции нескольких знакомых — игравших в футбол в столице еще до начала войны. Часть из них оказалась заключенными, часть — рабочими, направленными на службу на Дальний Восток. Они сообщили, что забирают его на встречу с генералом Бурдаковым, начальником Ухтинского лагеря. Генерал, рьяный футбольный фанат (как и Берия), имел на Старостина большие виды.

Бурдаков выиграл внутрибюрократическую схватку за право «принять» у себя футбольную знаменитость. Во время войны чемпионат СССР по футболу во всех лигах приостановили, но жители Союза, как и их собратья по всему миру, играли везде, где только могли. В Ухте была своя команда, поддерживаемая органами госбезопасности и игравшая в одной из низших лиг. Не ставя в известность Берию, Бурдаков предложил Старостину возглавить эту команду. В обмен Николай получал круглосуточный пропуск, дававший право работать за пределами лагеря, и разрешение ночевать на тренировочной базе команды,

а не в жутких лагерных бараках. Андрей, Александр и Петр — все получили похожие предложения. Все преуспели в своих новых командах и приглянулись своим новым покровителям. После окончания войны братья стали наемными работниками спортобщества «Динамо». По сути, они сделали это с молчаливого разрешения Берии, если и не с его благословения. Старостин позднее напишет, что был спасен «магией» футбола:

> С годами я перестал удивляться тому, что начальники, бывшие вершителями судеб тысяч и тысяч людей, олицетворением бесчеловечности и ужасов ГУЛАГа, столь благожелательно относились ко всему, что касалось футбола. Их необъятная власть над людьми была ничто по сравнению с властью футбола над ними[69].

Андрей был также отправлен на север, в строящийся промышленный город Норильск. Директор крупнейшего в городе завода поставил перед ним задачу заняться организацией физкультуры и спорта в регионе. Он также тренировал норильское «Динамо», за которое выступало несколько бывших профессионалов и полный комплект сильно пьющих уголовников. По описаниям, жизнь Андрея в Норильске являлась более стабильной, чем у Николая, она скорее походила на ссылку, нежели на заключение. Слово «лагерь» лишь мельком упоминается в одной из его книг. Однажды, ближе к концу срока, ему даже удалось получить свидание с женой. Александр, не оставивший письменных свидетельств о своем опыте, сначала отбывал наказание в далекой Воркуте, однако быстро был переправлен в уральский город Пермь (тогда называвшийся Молотов). Там он тоже тренировал футбольную команду. Ни одно из этих обстоятельств прямо не сообщалось Берии — было понятно, что они ему не понравятся. Пермь являлась одной из центральных лагерных пересылок, перевалочным пунктом, именно там Александру выпало счастье на месяц встретиться с Николаем. Менее известны обстоятельства жизни Петра во время войны, однако кажется, что ему пришлось тяжелее других: заключение серьезно подорвало его здоровье. Все четверо братьев были освобождены в 1954 году, вместе с первыми группами самых привилегированных заключенных. Им вернули квартиры, они возобновили карьеры в спорте[70]. В конечном счете все были реабилитированы.

Пока Старостины отсутствовали, «Спартак» принимал участие в сильно пошедшей на спад, но все же не исчезнувшей военной футбольной жизни. В годы тяжелых сражений футбольную лигу закрыли, но городские чемпионаты, так же как и кубковые турниры, разыгрывались. Оставшись без организаторских талантов Николая, «Спартак» с трудом удерживал игроков. Напротив, армейские команды и «Динамо» сумели сохранить свои составы нетронутыми, эвакуировав игроков в тыл. Большинство спартаковских игроков работали в оборонной промышленности, однако другие клубы стремились их переманить. Таким образом состоялся далеко не один переход. Хотя спартаковские болельщики не знали, где находятся Старостины, практически всем было известно, что братья арестованы. Старостины оказались слишком популярными, чтобы исчезнуть без следа. Это все равно, как если бы Пеле арестовали во времена бразильской диктатуры. Несмотря на трудности, дела в 1942 году шли не так уж плохо. «Динамо» выиграло весенний сезон, «Спартак» — осенний, обыграв «Динамо» в городском кубковом финале со счетом 2:0 в присутствии 30 000 зрителей на стадионе «Сталинец»[71].

Следующие два года были менее удачными. В военное время футбольная команда армии стала сильнейшей в СССР: выиграла московскую лигу в 1943 году и стала второй в 1944-м. «Динамо» сумело сохранить своих лучших игроков и поддерживало высокий уровень. Но и у «Спартака» случались свои знаменательные игры. Почти сразу же после освобождения Сталинграда в 1943-м «Спартак» был приглашен сыграть матч с наспех составленной сборной города на невероятно быстро восстановленном стадионе. Выбран оказался именно «Спартак», поскольку он выиграл урезанный городской кубковый турнир в 1942-м году. Местная спортивная инфраструктура была разрушена, и игроки взяли с собой полный комплект спортивного инвентаря. Полет проходил рядом с линией фронта и был небезопасен. После предупреждения о возможной немецкой атаке его отложили до раннего утра в день игры. Все прибыли к месту действия изрядно уставшими. Под аккомпанемент летавшего над стадионом штурмовика сборная Сталинграда, которой пришлось разыскивать игроков по всему разрушенному городу, победили со счетом 1:0 перед лицом 10 000 болельщиков. Все присутствовавшие на стадионе в тот момент уже понимали, что ход войны переломлен и рано или поздно будет одержана победа[72].

Выездные матчи поднимали моральный дух и воссоздавали некоторое ощущение привычной жизни — так путешествовали практически все известные команды. «Спартак» сыграл тринадцать игр в том году, включая матчи в Центральной Азии, где игроки прошли некое подобие предсезонной подготовки. С сезоном длиной в четырнадцать матчей они вполне могли чувствовать себя действующими футболистами. В разгар войны футбол продолжал жить. Составы команд были непостоянными. Несколько спартаковцев стали играть за ленинградский «Зенит», эвакуированный из города подальше от линии фронта. Для «Спартака» футбольной вершиной военного времени стал полуфинал возрожденного национального кубка в 1944 году, матч с «Зенитом». Вновь был открыт стадион «Динамо», что послужило еще одним знаком приближающейся победы. 50 000 болельщиков пришли на этот праздник. Люди встречали на стадионе друзей, которых не видели с начала войны. В этой счастливой обстановке первый матч закончился вничью 2:2. Переигровка была назначена на следующий день. Вновь на стадион пришло 50 000 зрителей, и на этот раз «Зенит» победил со счетом 1:0. Впрочем, в тот день проигравших не было[73].

* * *

Братья Старостины пропустили все эти футбольные события — как и многое другое из случившегося во время войны и в первые послевоенные годы. Несмотря на хорошо задокументированные подробности того, чем занималось в то время сталинское «правосудие», причины ареста братьев и их заключение вызывают сомнения и вопросы относительно их деятельности в конце 1930-х. В частности, судебные обвинения 1943 года вступают в противоречие с послевоенной репутацией Николая как человека кристально чистого. После возвращения он вел себя очень осторожно, хотя мог быть и не вполне честен в своих делах до войны. Только те, кто пытается представить его как святого, могут полностью отрицать возможность каких-то «левых» операций. Позднее, уже в период оттепели, стало ясно, что коррупция такого рода являлась огромной частью реалий военного времени. В защиту Старостиных надо заметить, что речь идет об очень сложных и страшных временах, и нужно быть чрезвычайно аккуратными в суждениях о том, что такое хорошо и что

такое плохо в тех обстоятельствах. Многие достойные люди оказались вынуждены совершать не слишком достойные поступки, в то время как настоящие чудовища вдруг бывали способны на геройство. В конце концов, что это вообще значит — нарушить закон, в то время как никакого закона толком не существовало? Дело Старостиных еще раз показывает, какой сложной и неоднозначной была жизнь советского человека во время самой разрушительной войны в мировой истории.

Та же неоднозначность присутствует и в рабочей среде спартаковских болельщиков довоенного времени. Эти люди не представляли из себя ни оголтелых сторонников политического режима, ни его невинных жертв. Их идентичности были размытыми, но неверно представлять их циниками, использующими язык идеологии для манипулирования советской системой[74]. Во всяком случае они нашли в «Спартаке» безопасный способ выразить собственный протест. Конечно, многие болели и за «Динамо», рабочие в том числе. Однако тот факт, что абсолютное большинство рабочих поддерживали «Спартак», подвергает сомнению суждение, будто политический режим в то время пользовался полной поддержкой населения. В конце 1930-х годов спартаковские болельщики, пользуясь выражением Стивена Коткина, «задействовали» спорт наряду с другими интересами в качестве своего «игрового поля», на котором они познавали «правила игры» новой городской жизни. Это поле становилось спорной территорией, оно порождало различные сомнения[75]. Болельщики «Спартака» не думали свергать власть коммунистов[76]. Вместо этого они отделяли себя («мы») от своих соперников из «Динамо» («они») — что составляло один (из множества других) способов «быть советским».

5. ЗОЛОТОЙ ВЕК СОВЕТСКОГО ФУТБОЛА. «СПАРТАК» В УПАДКЕ, 1945–1948 ГОДЫ

Самая достоверная картина жизни в СССР первых послевоенных лет, как считают многие, была представлена в антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» (1949). «В истории становления идеи тоталитаризма (и его визуального образа) не существовало книги важнее», — писал Эббот Глисон[1]. В центре тоталитарной модели, разработанной западными учеными в первые годы холодной войны и уравнивающей нацистский и советский режимы, находился политический террор, вторгающийся в самые интимные сферы жизни граждан, полностью подчиняющий своих граждан одной идеологии. СССР, определенно, сделал многое для того, чтобы его изображали именно таким образом. Для внешнего мира он служил примером «идеологически целостного и эффективно контролируемого общества»[2].

Но как обстояло дело в настоящей жизни? Давайте на минуту представим, что Оруэлл жил в Москве в конце 1940-х (чего он не делал) и был футбольным болельщиком (на самом деле он не интересовался футболом). Если бы он решил сходить на стадион, то увидел бы нечто мало похожее на реальность, созданную им в книге. Прежде всего, очень многое оказалось разрушено войной. Почти вся инфраструктура советской массовой культуры была уничтожена и не могла действовать с описываемой Оруэллом эффективностью ангсоца. Дефицит бумаги

сократил количество выпускаемых книг. Киностудии и их оборудование требовали восстановления, как и тысячи кинотеатров по всей стране[3]. Театры оставались в запустении. Зато стадионы, в том числе в Москве, пострадали не так сильно. В футбол продолжали играть и во время войны. Игроки находились в хорошей форме. Этого было достаточно для того, чтобы напечатать билеты и открыть ворота стадионов. И как только эти ворота открылись, болельщики начали приходить туда сотнями тысяч. Практически полное отсутствие других развлечений сделало футбол, как впоследствии вспоминал один из современников, «нашим единственным праздником»[4]. Если бы Оруэлл захотел выбраться на какой-нибудь из центральных матчей, ему пришлось бы прийти в кассы стадиона «Динамо» примерно за месяц до того, как билеты поступят в свободную продажу. И если бы он был действительно серьезно настроен попасть на игру, ему стоило бы занять очередь накануне и провести вечер на улице у стадиона, в компании тысяч других болельщиков.

Оруэлл-писатель мог бы почерпнуть немало интересного материала во время блистательного британского тура московского «Динамо» в ноябре 1945 года (в действительности Оруэлл выступал против этого турне). Выиграв только что закончившийся чемпионат СССР, московское «Динамо», усиленное игроками из других клубов, с огромным успехом провело серию игр против знаменитых британских команд, таких как «Арсенал», «Челси» и «Глазго Рейнджерс»[5]. Миллионы советских болельщиков склонялись над своими радиоприемниками, когда знаменитейший радиокомментатор Вадим Синявский рассказывал об этих победах[6]. Старостины, находясь в ссылке, разделили этот опыт вместе с болельщиками по всей стране. Выводы напрашивались сами собой. Если Великобритания была родиной футбола, а Советский Союз выработал собственный вариант этой игры, то все претензии режима на превосходство «советской школы» больше не казались надуманными. Московские болельщики теперь знали, что смотрят спектакль мирового уровня, и это гораздо более увлекательно, чем скучные фильмы, книги, газеты, театральные постановки и музыка послевоенного времени. Успех был подкреплен вступлением СССР в ФИФА в 1946 году, что привело к более тесному контакту с Западом[7].

В день игры болельщики начинали собираться как можно раньше. Поезда на открытой неподалеку от стадиона

«Динамо» станции метро были переполнены еще за несколько часов до начала матча. Все эскалаторы метро работали только на выход. Конная милиция сопровождала толпу через ворота стадиона. В дни матчей на близлежащих улицах собиралось до полумиллиона человек. Официальная вместимость стадиона «Динамо» составляла 55 000, однако чаще всего на матчи набивалось до 90 000 человек. Болельщики поддерживали свои команды очень страстно и с восторгом реагировали на все голы. Эта счастливая и свободная толпа приходила на игры, чтобы отдохнуть и отпраздновать тяжелейшую победу в войне с нацизмом. В этом москвичи походили на своих собратьев по всему миру. Повсюду посещаемость росла в геометрической прогрессии. Нью-Йорк, с его тремя командами, стал столицей американского бейсбола. Стадионы по всей Великобритании оказались заполнены до рекордного уровня, которого никогда не было ни до, ни после[8]. Москва, имея несколько команд в высшей лиге, стала центром советского футбола, как и в других областях жизни. Как все это соотнести с нашим уже устоявшимся представлением о послевоенной советской истории как высшей точке тоталитарного строя?[9]

Некоторые могут возразить, что футбол выступал исключением из правил. Следуя этой логике, он будто бы сознательно сконструирован режимом как предохранительный клапан, который позволял гражданам выпускать пар безвредным для властей образом. Это могло быть чем-то вроде карнавала, культурной инверсии, которая на самом деле служила как раз для утверждения и укрепления существовавшего порядка. Но как бы нам ни хотелось приписать футболу особый статус, опубликованные после 1991 года архивные и прочие свидетельства не подтверждают эту точку зрения. Власть по-прежнему наделяла футбол тем же воспитательным содержанием, что и все остальные формы массовой культуры. Просто «безобидное веселье» не было включено в культурный репертуар. Советские спортивные функционеры и партийные идеологи продолжали жаловаться — публично и в частных беседах — на плохое поведение болельщиков, игроков, официальных представителей команд, журналистов и даже судей.

Исследования последних десятилетий показывают, что футбол при сталинизме был частью общей культурной ситуации, и хотя мы пока не можем утверждать, что готовы предложить альтернативу тоталитарной модели, описывающей тот временной период, очевидно, что у нас есть новая, более тонкая

и полная нюансов версия событий[10]. Этот взгляд помогает нам понять, почему «оруэлловская Москва» так не похожа на мир из романа «1984». Стоит внимательнее отнестись к тому, что стало источником перемен в послевоенном советском обществе: в дальнейшем эти перемены сыграли важную роль в развитии футбола и всего советского спорта в целом.

В поисках нормальности

Вторая мировая война превратила в руины треть всей территории СССР. Эта война, как и другие конфликты на территории Европы в XX веке, велись не армией, а всем обществом в целом[11]. Миллионы советских граждан, пожертвовавшие столь многим и пережившие такие страшные потери, теперь надеялись на перемены[12]. Впрочем, Сталин после краткого периода неопределенности вернулся к политической практике 1930-х годов. Но обратить время вспять было трудно, этому мешали изменения, уже произошедшие в управляемом им обществе.

Демографические потери, вызванные кровавой войной, оказались невосполнимы. По современным подсчетам, они составили 28 миллионов человек, три четверти из которых были молодыми мужчинами. Еще в 1959 году в СССР на каждую 1000 женщин приходилось 633 мужчины. Миллионы военных вдов так и не вышли замуж повторно. Миллионы молодых девушек так и не нашли себе пару. А миллионы советских мужчин нашли себе жен без всяких усилий. Эти драматические перемены были несколько замаскированы атмосферой общего триумфа. Сила, которую на Западе называли «Красной армией», только что промаршировала через всю Восточную Европу. Для многих сталинская Россия сменила гитлеровскую Германию на посту главной угрозы послевоенному миру. Между тем смертельная схватка с нацистской Германией продемонстрировала, что коммунистическая система в СССР далека от состояния полного контроля над своими гражданами. Как писал Моше Левин:

> ...абсолютистские черты [режима], заимствованные из прошлого века, не сочетались с результатами насильственной индустриализации, он не был в состоянии дать ответ на вызов новой эпохи. Правительство, породившее на свет фурий, оказалось не в состоянии реагировать на

изменяющуюся реальность, примирять групповые интересы и сглаживать обусловленные процессом развития шероховатости во взаимоотношениях социальных структур и слоев[13].

Эта ситуация также являлась прямым следствием войны. В ее катастрофические первые месяцы советские граждане уже понимали, что пришла беда, в то время как государственные СМИ продолжали славить великие победы. Со временем власти пришли к пониманию, что должны говорить с населением на равных, иначе общественная поддержка сойдет на нет. Более открытые и честные радиоэфиры и газетные материалы оказали живительный эффект и способствовали тому, что и после войны население ожидало такой же искренности и открытости. Страшная ситуация, в которую попала страна, вынудила Сталина пойти на аналогичные уступки в отношении военных. Неуправляемый хаос войны, быстрое продвижение немецких войск заставили его отказаться от попыток самолично руководить и фронтом, и тылом. В пылу сражения невозможно было ждать одобрения Москвой каждого действия. Уничтожив во время чисток офицерский корпус, всесильный диктатор теперь предоставлял право решения действующим генералам. В ходе войны армия завоевала значительную независимость и престиж[14].

В условиях тотальной войны представители самых разных профессий, мужчины и женщины, оказались предоставлены сами себе и в своей работе вынуждены были принимать самостоятельные решения, иногда рисковать, действовать по своему усмотрению, зачастую спонтанно. У власти не имелось другого выхода, кроме как положиться на навыки и таланты своих инженеров, ученых, управленцев. Во время войны эта когда-то совсем небольшая социальная группа быстро расширилась. Сама ситуация профессиональной автономии, в которой тебя судят и награждают за предпринятые действия и результаты, изменила ожидания людей, занятых в разных профессиональных областях. Эти мужчины — большинство из них было именно мужчинами — надеялись сыграть важную роль в новом обществе[15].

В первые послевоенные годы режим столкнулся с ситуацией, в которой его зависимость от широкого круга образованных специалистов только возрастала. Некоторые крупные города и значительная часть транспортной инфраструктуры

лежали в руинах. Более 11 миллионов солдат было демобилизовано, 5,5 миллиона военнопленных устремились домой. Целые народы оказались переселены за пределы своей родины[16]. Голод 1946 года привел в советские города еще больше крестьян, число рабочих в промышленности и строительстве возросло с 8 миллионов в 1945 году до более чем 14 миллионов — в 1953-м. К потоку крестьян и демобилизованных солдат прибавились горожане, вернувшиеся из эвакуации, что привело к еще большему ухудшению жилищных условий. Рабочие, старые и новые, открыто выражали недовольство их уровнем жизни и условиями работы[17].

Количество профессионалов со средним или высшим образованием стремительно росло. Названные «интеллигенцией», эти высококвалифицированные служащие отличались от исторической интеллигенции, которой была свойственна критическая позиция по отношению к государственной власти. Новая интеллигенция в основном оказалась настроена конформистски, политический статус-кво поддерживался определенным уровнем комфорта и привилегий. Литературный критик Вера Данэм назвала эту ситуацию «большой сделкой» между властью и интеллигенцией[18]. В то же время растущая когорта инженеров, технических специалистов и прочих профессионалов, «тоскующих по связям с внешним миром» и имевших свою «профессиональную гордость», верила в собственное право иметь политический голос[19]. Вместе со «старыми» интеллигентами они работали в контакте с реформирующимся государством, стремясь воплотить в жизнь надежды и возможности, порожденные военной победой. Безусловная лояльность не являлась частью сделки. Эти новые люди были готовы служить, но не раболепствовать. Недавние исследования о Великой Отечественной войне подтверждают, что после нее государственная власть и партийные институты не укрепились, а, наоборот, ослабли. Контроль режима над обществом был далек от абсолютного.

Многие тенденции, которые, как считается, проявились в 1945–1948-х годах, на самом деле возникли уже во время войны. Более того, корни послесталинской оттепели можно увидеть в культурных и политических процессах 1945–1953 годов. Расцвет молодежной культуры, появление широкого спектра мнений по разным вопросам, первые осторожные проявления общественного мнения — все это было заметно уже в последние четыре года сталинского правления[20].

Футбол нашей молодости

Стремительные социальные изменения не могли не коснуться футбольных болельщиков. Индустриализация и рост рабочего класса означали, что футбольной публики стало больше — настолько, что ей уже не хватало существующей инфраструктуры. Стадион «Динамо» — единственная большая арена в столице — часто не мог вместить всех желающих. В то же время футбольная публика стала более разнообразной. В наблюдение за игрой включились новые рабочие специалисты, представители творческой и научной интеллигенции. Для этих мужчин (и очень немногих женщин) посещение важных матчей превратилось во что-то вроде жизненной необходимости. Для многих тысяч представителей интеллигенции ходить на футбол означало демонстрировать свою мужественность. Чтобы уж точно не остаться без внимания, многие брали на матчи женщин. Игроки тоже приглашали на матчи своих жен и подруг (а временами и тех, и других). Вслед за ними, воспользовавшись примером, и другие мужчины стали приходить в сопровождении женщин, и вскоре те стали заметной частью публики в дни важных матчей на «Динамо». Так футбол, когда-то бывший пролетарским времяпрепровождением, превратился в развлечение для всего советского общества. Теперь популярность той или иной московской команды уже зависела от внимания не только со стороны рабочих. Сохранив свое влияние в рабочей среде, игра привлекла и новую аудиторию, что углубило ее политические, социальные и культурные смыслы.

Вспоминая послевоенные годы, Аксель Вартанян утверждал: «...футбол был единственным развлечением для молодежи в то время. У нас не было всех этих концертов или представлений. Само слово „джаз“ было запрещено... Не было никаких популярных массовых развлечений, ничего, только футбол»[21]. Это справедливо для всей страны победителей, истощенной войной, однако более всего — в отношении Москвы, представлявшей несколько команд в высшей лиге. «В дни больших матчей, — писал звездный нападающий „Спартака“ Никита Симонян (р. 1926), — вся Москва ехала на „Динамо“»[22]. Одни наводняли метро, другие приезжали на крышах троллейбусов, в трамваях. Возбужденные болельщики, не дожидаясь открытия дверей, вылезали через окна. В столице было не слишком много автотранспорта, однако в дни матчей, кажется, каждая машина ехала по Ленинградскому

шоссе именно на «Динамо». Только футбол мог спровоцировать такое редчайшее событие, как московская пробка. В дни больших игр весь город пребывал в хаосе, сотни тысяч людей со всех сторон совершали паломничество на стадион.

Счастливейшими из этих пилигримов оказывались те, у кого имелись билеты. У большинства они отсутствовали, так что по всему городу можно было услышать вопрос о «лишнем билетике»[23]. Надеяться на успех, впрочем, не приходилось, так что большинство из пришедших, по словам директора стадиона «Динамо», действовало из расчета прорваться сквозь ворота вместе с толпой. В особенности этим отличались дети и подростки, превратившие такой прорыв в целую науку. Они знали, какие ворота охраняются лучше других (те, что располагались ближе всех к метро), а сквозь какие есть неплохой шанс прорваться. Многим казалось, что проще всего перелезть через высокую ограду, предварительно запрыгнув на крышу кассы. Другие умоляли взрослых с билетами провести их мимо контролера. Все еще в ходу была довоенная техника прорыва обороны паровозиком, о которой писал Олещук[24]. Затем, уже на самом стадионе, предстояло найти место на трибунах. Константин Есенин решил эту проблему для себя и своих друзей покупкой сезонного абонемента, предварительно убедившись, что его место — последнее на скамейке в своем ряду. Одного из друзей он сажал с собой рядом, чуть сдвинувшись к углу. Второй садился к нему на колени, третий — на ступеньку под ногами. «Так мы ходили вчетвером по одному сезонному абонементу». Проходы между рядами оказывались переполнены. Контролеры и милиция были бессильны сделать что-либо с мальчишками и освободить дорогу законным обладателям билетов[25].

Стадион продолжал оставаться местом счастливых встреч после стольких трагедий и потерь. Друзья были разделены войной. Люди теряли друг друга в творившемся хаосе. Новости о смерти товарища нередко доходили не до всех его друзей. Лев Филатов вспоминал, что на некоторых играх в начале 1941-го он в последний раз встречался со многими из товарищей. В счастливых случаях люди, расставшиеся в то время, вновь находили друг друга на стадионе «Динамо». Они обнимались, радовались, что им удалось пройти через это великое испытание и не погибнуть, они праздновали жизнь[26]. Удовольствие от волнующего зрелища без страха смерти было особенно ощутимым

для тех, кто еще совсем недавно действительно воевал. Чувствовалась связь между игрой и настоящим боем, с его правилами, впоследствии описанными немецким эмигрантом, социологом Норбертом Элиасом. Сильные эмоции в безопасной ситуации, не связанной с угрозой, только увеличивали удовольствие от спортивного зрелища. То же справедливо и для других наций, переживших войну[27]. На стадионе «Динамо» спонтанность и отсутствие какого-либо плана воспринимались с радостью, без всякого страха.

Эпицентром всеобщего веселья («карнавал» — это все же слишком сильное слово) являлась восточная трибуна стадиона «Динамо», куда продавались самые дешевые билеты. Хотя все места на стадионе были сидячими, «восток» выступал аналогом тех самых «террас», на которых стояли болельщики из рабочего класса по всему миру. По воспоминаниям Олещука, до войны «восток» служил ареной для беспорядков и свободного самовыражения. После 1945 года атмосфера этого сектора стала еще более своеобразной. Север, с его ложей для членов правительства, был зоной партийных бонз, офицеров НКВД и других «больших начальников». После войны к этим крупным шишкам присоединились писатели, музыканты, актеры, режиссеры, герои войны и даже академики. «Полуаристократическим» югом, как называл его Олещук, являлся отдельный сектор, где находился, в частности, и роскошный ресторан. Мужчины брали с собой жен и подружек, слушали там джаз и наслаждались тем, что в послевоенном СССР было самой большой редкостью, — хорошей кухней. На ближайшей к выходу из метро западной трибуне собиралось больше всего милиции. «Восток» был местом, куда попадали «настоящие» болельщики, отделенные от поля беговой дорожкой.

Филатов описывал происходящее на трибунах с чувством, демонстрируя хорошее знание дела. Он называл обитателей «востока» самыми «заядлыми и шумными» из всех болельщиков, которые пользовались возможностью, предоставляемой этим местом, продемонстрировать собственную независимость. Молодые люди, только вернувшиеся с войны, Филатов и его компания, болели за «Спартак» и регулярно усаживались на левой стороне стадионной «дуги», в двадцатом ряду. Но это не значит, что они не ходили на матчи с участием других команд. Проводя на ногах все девяносто минут, они кричали, скандировали

и обнимались, когда забивались голы. Стадион «Динамо» стал идеальным местом, чтобы хорошо провести вечер[28]. Болельщики приходили рано, а уходили поздно. Уже выросшие молодые люди, устроившиеся на работу, могли позволить себе места подороже, но они всегда возвращались на «восток», за исключением тех случаев, когда приходили на стадион на свидание. Они были уверены в своей исключительности — особенные посетители, чьи крики, песни и свист задают тон на стадионе. Тем более что прочая публика, по их убеждению, состояла в значительной степени из случайных людей, поддавшихся моде на футбол. Действительно, случалось и так, что при полном «востоке» оставшаяся часть трибун пустовала.

Несмотря на всю свою энергичность и активность, Филатов с друзьями, конечно, не были отпетыми хулиганами. Драки привлекали внимание милиции, а попасть в тюрьму не хотелось никому. Они проявляли осторожность и останавливали тех, кто позволял себе выходить за рамки. Применять силу против представителей власти оказывалось слишком опасно, однако в пределах дозволенного милиция не запрещала веселиться. Стадион служил местом открытого самовыражения, и властям не оставалось ничего другого, как принимать это положение вещей. Но и интеллектуалы, такие как Есенин и Филатов, знали правила игры и не переносили проявление эмоций в физическую плоскость. Эта негласная сделка давала возможность испытать удовольствие с легким налетом опасности, эта атмосфера делала стадион «Динамо» совершенно особенным местом для молодых болельщиков. Они вернулись с войны живыми, вернулись победителями, и заново вновь и вновь переживали это чувство победы:

> Для москвичей стадион «Динамо» такой же родной, как Пушкинская площадь, Тверской бульвар, Кузнецкий мост, Арбат... как Малый и МХАТ, как букинисты, кинотеатр «Метрополь», трамвай «Аннушка»[29].

Кем же были эти молодые интеллигенты мрачных последних лет правления Сталина? Являлись ли они убежденными коммунистами, может быть даже лояльными сталинистами? Нет, вряд ли. Отец Константина Есенина, известный поэт Сергей Есенин, покончил с собой в 1925 году. Мать, актриса Зинаида Райх,

была убита неизвестными в 1939 году. Его отчим, реформатор мирового театра Всеволод Мейерхольд, был арестован и казнен. За отцом Льва Филатова пришли в 1935-м, после чего он был выслан, мать отправили в ссылку за 101-й километр. Пятнадцатилетнего мальчика взяла к себе тетка. Некоторое время спустя за мать Филатова вступился знаменитый писатель Максим Горький, и ей разрешили воссоединиться с сыном, чтобы следующие восемнадцать лет прожить с позорным клеймом жены врага народа. Отец Филатова в конце концов вернулся домой, в одну из первых волн реабилитации после смерти Сталина. Учитывая все эти трагические обстоятельства, сложно предположить, что у Есенина или Филатова были какие-то иллюзии относительно режима. В их воспоминаниях есть определенная ностальгия, но это не значит, что они безоговорочно принимали происходившее в поздние сталинские годы. Между тем оба сделали успешные карьеры — Есенин стал инженером (и одновременно спортивным публицистом и журналистом), Филатов — спортивным писателем и редактором. Аресты и ссылки близких не поставили их в оппозицию к власти. Вместо этого они, как и многие другие, нашли радость и чувство общности в священных и простых футбольных ритуалах, чтобы сообща пережить трудные времена и добиться успеха[30]. Поддержка «Спартака» означала осторожный критический настрой и такой же осторожный выбор независимого жизненного пути.

Важные матчи на стадионе «Динамо» являлись не просто фестивалями мужского единения. Конечно, на самой большой спортивной арене страны было не слишком много порядка и спокойствия, но все же после войны стадион служил местом, где женщины могли чувствовать себя в безопасности. Интеллигенция ходила на футбольные матчи, чтобы «на других посмотреть и себя показать». В те годы женщины посещали футбольные игры чаще, чем когда-либо в советской истории.

Болельщики знали в лицо жен футболистов. Временами их присутствие впечатляло даже больше, нежели игра их мужей. Есенин вспоминал, как впервые увидел жену Константина Бескова, которая оказалась так прекрасна, что о футболе он вспомнил лишь спустя полчаса. «Это были послевоенные времена, — вспоминает он. — Это была наша молодость»[31].

Новая неофициальная иерархия — «Спартак» на обочине

Послевоенные годы были хорошим временем для советского футбола, но не для «Спартака». Политический контекст изменился, и для самой популярной московской команды это стало вызовом. Стоит остановиться на этой ситуации подробнее, чтобы прояснить, почему «Спартак» плыл против течения и как ему все же удалось не утонуть. Поскольку спортсмены ЦДКА и «Динамо» были приписаны к вооруженным силам, они могли тренироваться без отрыва от своих обязанностей, так что оба спортобщества сохранились за время войны в полном составе. По словам Мартына Мержанова, ведущего спортивного обозревателя газеты «Правда», большинство других команд в то время существовали главным образом на бумаге[32]. ЦДКА и «Динамо» вернуть себе игровой потенциал оказалось существенно проще, и вскоре между ними развернулась битва за первенство. Матчи этих команд становились главными событиями каждого сезона. Важнейшая роль армии в победе над фашизмом существенно повысила престиж вооруженных сил. Победа позволила привлекать в клуб лучших спортсменов. ЦДКА сменил «Спартак» в роли главного соперника «Динамо» и доминировал в послевоенные годы, выиграв все чемпионаты кроме двух в период с 1945 по 1951 год. «Динамо» взяло два титула: в 1945-м и 1949-м.

Известный как «команда лейтенантов», ЦДКА был популярнее своих главных послевоенных соперников. Вперед армейцев вел атакующий тандем Григория Федотова и Всеволода Боброва (1922–1979), молодых звезд из Тамбова и Омска. Эта пара нападающих играла вместе с 1945-го по 1949-й, терроризируя оборону всех своих соперников в лиге. Знаменитый «Бобер», вполне возможно, был величайшим спортсменом СССР. Как минимум, самым успешным спортивным многостаночником — лучший нападающий-футболист и ведущий хоккеист страны. Бобров был настолько важен для сборной в новой для нее игре в канадский хоккей, что в 1953 году решено было перенести дебют СССР на мировом чемпионате из-за его недолеченной травмы. И Федотов, и Бобров подкупали простотой в общении, что только добавило им популярности. Не меньшим талантом ЦДКА обладал и по ту сторону бровки — команду тренировал Борис Аркадьев, покинувший «Динамо» в 1944-м, не в силах больше переносить постоянные вмешательства Берии в тренерские дела.

Популярность «Динамо» соперничала с ЦДКА. Репутация милицейской команды существенно выросла после турне по Великобритании, где советские футболисты играли против профессионалов впервые со времен болгарского тура 1940 года. Значение этого динамовского успеха (достигнутого не в последнюю очередь благодаря включению в состав Боброва) до сих пор хорошо помнят как в России, так и в Великобритании[33]. Даже представители «Спартака» и его болельщики чувствовали гордость за победы в матчах с родоначальниками игры. Вместе со всеми событиями того турне были захвачены братья Старостины, следя за радиорепортажами в ссылке[34]. Комментарии Вадима Синявского (партийные лидеры пошли на риск, и игра передавалась в прямом эфире) производили неизгладимое впечатление на слушателей, только-только переживших тяжелые лишения военного времени. Для советских людей репортажи Синявского стали вестью о новой эре, о новом мире без войны. По словам драматурга Леонида Зорина, «голос Синявского был голосом нового дня, радости, света, голосом праздника»[35].

В ходе турне напарником Боброва в атаке стал Константин Бесков (1920–2006), чья прекрасная игра в пас отлично сочеталась с целеустремленными атаками Боброва на чужие ворота. На другом конце поля сердца британской публики завоевал блестящий вратарь «Динамо» Алексей Хомич (1920–1980). Названный «тигром» в местной прессе, он вернулся домой настоящей звездой. Капитан довоенного «Динамо», Михаил Якушин, сменил на посту тренера Аркадьева, и сам стал одним из величайших советских тренеров. Обладая сильнейшими в стране составами, «Динамо» и ЦДКА демонстрировали высокую скорость, отличную сыгранность — в какой-то мере их превосходство соотносилось с господствующей ролью силовых структур в период позднего сталинизма. Руководство наверняка было довольно сложившимся положением вещей: именно милиции и армии надлежало служить образцом для подражания. Впрочем, нельзя сказать, что околоспортивная публика встретила с распростертыми объятиями перемены, произошедшие в «пищевой цепи» советского футбола.

В новых обстоятельствах преуспеть «Спартаку» было трудно. В первых четырех послевоенных сезонах «Динамо» и ЦДКА оставили его (и всех остальных) далеко позади. «Спартак» финишировал на не свойственном ему катастрофическом десятом месте из двенадцати в первом чемпионате мирного времени

в 1945 году. Владимир Степанов, герой победы над басками, теперь — инвалид с двумя ампутированными ногами, которые он потерял в результате несчастного случая, тренировал небольшую группу заметно поистрепавшихся игроков, оставшихся в команде со времен довоенного расцвета. Настоящие звезды разошлись кто куда[36]. Великий вратарь Анатолий Акимов — в «Торпедо». Другие — в ЦДКА или «Динамо». С самых первых дней нового сезона было ясно, что советский футбол стал более скоростным, с акцентом на персональную опеку, что требовало огромной физической выносливости. Спартаковские ветераны, большинству из которых уже исполнилось тридцать, попросту не тянули гонку. Нет, они не были застигнуты врасплох новым сезоном. Полноценный футбольный чемпионат готовился в одно время с победой, весной 1945-го, еще до капитуляции Германии. Согласованное с ЦК, расписание игр оказалось составлено еще в марте, игроки тренировались перед сезоном не меньше двух месяцев[37].

Присутствие таких блестящих футболистов, как Василий Соколов (слева в обороне), давало «Спартаку» некоторую устойчивость в защите, но плохая игровая форма приводила к плохой командной игре, что вылилось в целую серию пропущенных мячей в начале матчей. Вероятно, самым постыдным из подобных злоключений было тбилисское — в матче 10 июня «Динамо» забило уже на первой минуте и в итоге выиграло со счетом 2:1 в присутствии 80 000 зрителей. Поражение 0:4 от московского «Динамо» 29 июля, на глазах 60 000 болельщиков, продемонстрировало глубину разрыва между двумя старыми соперниками. В то же время на трибунах равновесия было больше. С первых же мирных месяцев огромные толпы стали обычным делом. Воспоминания о двойном дубле 1938–1939 годов привели на стадион тысячи старых и новых болельщиков «Спартака». Средняя посещаемость домашних спартаковских матчей все еще превосходила динамовскую — 47 000 против 41 000[38], что говорит о сохранившейся популярности красно-белых. Ни исчезновение Старостиных, ни неоднозначные результаты в военные годы не оттолкнули болельщиков от «Спартака». Но неизбежный слабый финиш в турнирной таблице предсказуемо повлиял на количество зрителей в течение сезона. В предпоследнем туре на небольшой стадион «Сталинец» пришло только 12 000 человек (хотя он вмещал 30 000), чтобы увидеть победу «Спартака» над последней командой чемпионата — «Локомотивом» — со счетом 2:0[39].

После войны в условиях нормирования хозяйства Промкооперация сократила свои расходы и уже больше не могла поддерживать «Спартак», как она делала это в старые добрые времена[40]. Основатели команды находились в лагерях, бюджет урезан — «Спартак» оказался перед реальной перспективой вылета из высшей лиги или даже полного исчезновения. Президента центрального совета общества «Спартак» Г. Михальчука активно критиковали в прессе. И все же в межсезонье шла работа по перестройке команды. Степанова назначили руководить молодежным составом, и начался активный поиск нового главного тренера.

В итоге «Спартак» совершил шаг, который ему уже случалось делать в прошлом. В первый сезон 1936 года командой руководил чех Антонин Фивебр. Теперь «Спартак» вновь обратил взгляд на Запад. Эрик Бистром, глава эстонского отделения общества «Спартак», приехал в Москву на встречу, в ходе которой рекомендовал Альберта Вольрата, игравшего за таллинский «Спорт» в начале 1930-х. После завершения игровой карьеры в 1934-м Вольрат работал физиотерапевтом и помощником главного тренера в очень сильном будапештском клубе «Ференцварош». Также убедительно в его послужном списке выглядела работа в «Барселоне» и «Арсенале», и «Спартак» решил рискнуть и попробовать еще одного иностранца. Этот «либерализм» в национальном вопросе оставался частью клубной традиции, и вера в Вольрата себя оправдала. Эстонец остановил падение команды и заложил основу для ее будущего возрождения, введя беспощадный тренировочный режим и обновив игровой состав.

Защита и так была неплоха, поэтому упор делался на усиление атаки. Два новых приобретения команды сменили и стиль в игре на поле, и атмосферу в раздевалке. И 21-летний Сергей Сальников (1925–1984), и 30-летний Николай Дементьев (1915–1994) были талантливыми игроками, редко упускавшими возможность для шутки или поднятия «морального духа». Высокий, красивый, стильно одевающийся и умный Сальников вырос неподалеку от спартаковской базы в Тарасовке. Он выступал за спартаковский дубль, затем в 1944–1945-м играл за «Зенит», забив победный гол «Спартаку» в полуфинале кубка 1944 года. Сальников — бомбардир и творец, обладал редчайшим для всего советского футбола игровым качеством. Он здорово играл головой. Не менее заметен он был и за обеденным столом и стойкой

бара, потчуя своих партнеров по команде самыми разнообразными легкомысленными историями. Обаяние Сальникова, его шарм сделали игрока любимцем спартаковских болельщиков, творческой интеллигенции, в особенности театралов[41].

Дементьев пришел из московского «Динамо». Хотя в этой команде в нем больше не нуждались, «Динамо» поначалу отказывалось отпускать его в «Спартак», до тех пор пока красно-белые не обратились за помощью к одному из знакомых Старостина в высоких партийных кругах. Едва перейдя в «Спартак», Дементьев сразу же нашел взаимопонимание с Сальниковым. Вольрат хотел назначить Дементьева капитаном, однако его легкомысленная репутация побудила руководство команды выступить против. В знак протеста Дементьев вылил ведро воды из окна третьего этажа на голову одного из спартаковских руководителей, прибывшего в Тарасовку читать лекцию «по идеологии». Впрочем, лучшая из его шуток была разыграна на обязательной лекции по анатомии. Лектор собирался демонстрировать устройство человеческого тела на трупе, накрытом до лекции простыней. Незадолго до начала действа Дементьев подговорил двух партнеров по команде унести труп, а сам занял его место. Как только лекция началась, простыню сдернули, и Дементьев, к всеобщему восторгу, спрыгнул со стола и выбежал из комнаты. Понятно, что такой тип поведения не слишком приветствовался в суровом «Динамо», в «Спартаке» же Дементьев провел девять сезонов (закончив карьеру в тридцать девять лет) и забил пятьдесят шесть голов в ста восьмидесяти шести играх.

Поражение со счетом 2:5 на старте сезона от ЦДКА выглядело не слишком многообещающе, однако многие болельщики «Спартака», в том числе некоторые журналисты, увидели в этой игре признаки возрождения команды. Журналист «Советского спорта» Александр Виттенберг, известный своим читателям как «Вит», приветствовал перемены в составе. Все, что было нужно, — вернуть защиту к ее прежним игровым стандартам, и тогда «тысячи болельщиков будут поддерживать команду не просто по привычке». Две недели спустя этот оптимизм оказался подвергнут новому испытанию — «Спартак» проиграл со счетом 1:4 московскому «Динамо». Заголовок статьи Вита гласил: «Когда зрители разочарованы». «„Спартак“, — писал он, — не продемонстрировал никаких следов психологической и моральной подготовки». Недавно демобилизовавшийся довоенный

спартаковский герой, вратарь Жмельков, играл отвратительно — давали о себе знать первые признаки разрушительного действия алкоголя на его когда-то великолепные игровые качества. «„Спартак“, — подытожил Вит, — все еще далек от своей прежней формы»[42]. Герман Колодный из «Вечерней Москвы» высказывался в том же духе. В статье под заголовком «85 тысяч зрителей скучают на трибунах» Колодный писал: «На поле не произошло ничего такого, что могло бы оставить в памяти вчерашнюю игру»[43]. Впрочем, вряд ли все эти 85 000 оказались разочарованы или скучали. Примерно половина болельщиков должна была поддерживать «Динамо» — и наверняка находилась в полном восторге от произошедшего. И им вряд ли было приятно читать о «скучной» игре. Не радовал их и тот факт, что многие спортивные журналисты того времени откровенно болели за «Спартак».

Постепенно, после трудного начала сезона, методы Вольрата начали оказывать влияние на команду. «Спартак» набирал форму, тренеру удалось поднять боевой дух футболистов. К сожалению, Жмельков продолжал играть неважно, что привело к тому, что место в воротах все чаще стал занимать Алексей Леонтьев (1918–1998), до того сыгравший весь предыдущий сезон. Василий Соколов, сменивший Андрея Старостина на посту капитана, возглавил защиту команды. Несмотря на усталость к концу чемпионата, Сальников играл отлично, наладив взаимодействие в атаке с Иваном Коновым (1924–1990). Они оба забили по девять голов в двадцати двух матчах сезона. Команда финишировала на приличном шестом месте, за что была «вознаграждена» четырехматчевым туром в Албанию. Хотя результаты заметно улучшились, шестое место в 1946-м, вкупе с десятым годом раньше, стало испытанием для спартаковской группы поддержки. Посещаемость упала в среднем до 38 000 на домашнем матче против 44 000 у «Динамо». Впрочем, это не было полным провалом. Когда события к тому располагали, болельщики «Спартака» всё еще могли заполнить собой весь стадион «Динамо» под завязку. И вскоре такой случай им представился[44].

Кубок 1946 года разыгрывался в конце сезона, и в нем приняли участие 24 команды. Все матчи были сыграны с 8 по 20 октября в Москве. «Спартаку» достался легкий жребий, и он вышел в финал, где встретился с тбилисским «Динамо», которому дважды проиграл в чемпионате[45]. «Вечерняя Москва» сообщала о больших пробках на подъезде к стадиону и болельщиках,

стремившихся на «Динамо» со всех концов города[46]. По примерным оценкам газет, в этот холодный дождливый день 70 000 человек заполнили каждое место и каждый проход на стадионе. Поле было окружено сугробами и солдатами. Новостная кинохроника зафиксировала перед началом в основном женские лица, а также грузинских болельщиков и известных интеллектуалов, прибывших на игру, но большинство посетителей того матча, во-первых, являлись мужчинами и, во-вторых, поддерживали «Спартак». Многие из них были солдатами[47]. В то время военные госпитали, где лечились ветераны, находились в Москве. По воспоминаниям Есенина, трибуны наполнились инвалидами на костылях, многие сидели с перевязанными головами и в гипсовых повязках. Стадион словно превратился в гигантскую больницу. Есенин позднее писал, что солдаты, пострадавшие на фронте, ассоциировали себя с командой, также трудно пережившей эти годы[48]. Место и время проведения матча давали «Спартаку» эмоциональный перевес, но тбилисское «Динамо» с его главной звездой Борисом Пайчадзе считалось очевидным фаворитом.

У «Спартака» по-прежнему было слишком много возрастных игроков, чтобы держаться на вершине весь сезон, но у него оставались талант и энергия для одного главного матча. Вольрат провел серию персональных и тактических замен к этой игре, включив в состав как опытных, так и самых молодых игроков. На 9-й минуте отличился молодой Конов (мяч разыграли ветераны, Николай Дементьев и Георгий Глазков), однако «Динамо» вскоре вышло вперед, 1:2. Глазков, забивший все три гола в переигровке полуфинала 1939-го, сравнял счет прямо перед перерывом. Стадион неистовствовал весь второй тайм. В овертайме, на 99-й минуте, полузащитник Олег Тимаков (1920–1990) завершил голевую контратаку ударом головой. «Спартак» встал в оборону, «Динамо» атаковало умело и с напором. В конце концов работа Вольрата над физической формой команды была вознаграждена. Видя, что «Динамо» устает, он вновь погнал «Спартак» вперед[49].

С финальным свистком шляпы, шинели и даже костыли взмыли в воздух. Для Филатова это послужило новым доказательством того, что «Спартак», пусть на одну игру, все еще может вернуться к своей довоенной славе. Команда настроения превратилась в команду воспоминаний. «Спартак» вновь продемонстрировал свою способность побеждать игроков из силовых

структур, дав надежду тем, кто верил в новое развитие страны — после ужасов войны и репрессий 1930-х годов. Среди болельщиков на трибунах находился и Никита Симонян, восемнадцатилетний армянский нападающий, который прибыл из родного Сухуми играть за московские «Крылья Советов». Позднее он вспоминал: «Я сидел на трибунах и терялся в догадках. Может быть, это не просто удача, а некий неукротимый дух? Как его уловить?» Три года спустя он почувствовал этот дух в себе самом, когда перешел в «Спартак». В то время у него были и другие предложения, однако события того холодного октябрьского дня сыграли свою роль в выборе им новой команды[50].

У интереса, который Симонян проявил к «Спартаку», могли быть и иные причины. Каждый игрок команды получил чрезвычайно щедрые призовые — 3000 рублей за победу в Кубке СССР 1946 года. И похоже, футболисты знали, что делать с деньгами. 5 ноября игроки, тренеры и официальные представители московской спартаковской организации собрались в роскошном ресторане гостиницы «Националь», чтобы отметить победу. Кубок был наполнен шампанским и пошел по кругу. Все веселились по полной, но только-только у парней стало открываться второе дыхание — выяснилось, что денег уже ни у кого нет. Тогда команда предложила ресторану кубок в качестве залога. Все прошло отлично, однако месяц спустя кубок все еще оставался в гостинице, долг за него не был выплачен. Руководство гостиницы в конце концов пожаловалось в спорткомитет, который заставил команду погасить задолженность и переправил кубок в надежное место — центральную спартаковскую организацию вместо московской[51].

Репутация «Спартака» как команды, способной воспрять духом в решающий момент, подтвердилась и в следующем году, когда в кубковом финале в июле со счетом 2:0 была одержана победа над «Торпедо». Команда Вольрата играла со сводящим с ума непостоянством, выиграв три, проиграв четыре и сведя вничью еще три матча перед началом розыгрыша кубка. Вновь футболисты «Спартака» сумели собраться в ответственный момент, завладели инициативой и дважды забили своему бывшему вратарю, Анатолию Акимову. Их воля и стремление к победе помогли завоевать новую московскую публику, а кроме того, каждый из игроков получил по новенькому «Москвичу» и по неплохой премии[52]. Впрочем, вскоре «Спартак» опять расклеился, и Вольрат утратил контроль над коллективом. Неделю спустя

после победы «Спартак» в том же составе вышел против Симоняна и его молодой московской команды «Крылья Советов», которую поддерживала авиационная индустрия. Этот клуб располагался в нижней части турнирной таблицы. Тренируемые очень способным армянским наставником Абрамом Христофоровичем Дангуловым (1900–1967), «Крылья» держали «Спартак» на расстоянии удара восемьдесят минут, прежде чем молодой баскский эмигрант Руперто Сагасти (1923–2008) принес им неожиданную победу. В дангуловской команде было немало талантливых игроков, что продемонстрировала победа над «Динамо» со счетом 1:0 месяц спустя. Так что, возможно, в этом случае неудачу «Спартака» можно до некоторой степени оправдать.

Однако новая серия поражений заставила прессу писать, что Вольрат слишком много экспериментирует с составом и не способен добиться ответственной игры от своей команды. Со своей стороны игроки заявили в «Советском спорте», что не видят особенного смысла стремиться к победе — первое место уже вне зоны досягаемости, а между пятым и восьмым нет особой разницы. В ничейной игре (1:1) с ВВС Василия Сталина в начале сентября также не было продемонстрировано особенного желания бороться. ВВС к тому моменту шел на последнем, двенадцатом месте, «Спартак» находился на одиннадцатом. Поражение от «Динамо» (1:2) две недели спустя также не улучшило положения, хотя, по замечаниям прессы, в этот раз игроки «Спартака» действительно старались, из-за чего стали видны более глубокие проблемы в игре команды. «После серии неудачных матчей, — сообщал „Советский спорт“, — „Спартак“ показал, что может играть хорошо, если захочет». Пресса предлагала бороться с трудностями самокритикой и лечением «звездной болезни». Проспартаковский журналист Юрий Ваньят после еще одного такого же результата в игре с «Торпедо» писал: «Игра продемонстрировала, что „Спартак“ позволил нескольким командам финишировать выше себя в таблице исключительно из-за собственной беззаботности. Пусть сезон 1947 года будет жестоким, но полезным уроком». «Советский спорт» подвел итоги года после ничьей в последнем матче — 0:0 с «Крыльями Советов» — статьей «Грустный финиш для „Спартака“» и обвинил руководство спортобщества в пренебрежении своей футбольной командой. Неудивительно, что по итогам сезона Вольрат был освобожден от своих обязанностей[53].

Первые шаги к возвращению

В свете всех этих проблем можно задаться вопросом, кто, собственно, «оставался в лавке», пока не было Старостиных. Впрочем, даже главный редактор официальной энциклопедии, посвященной истории клуба, не может дать четкого ответа на этот вопрос. Не знает его и никто из главных российских футбольных экспертов. А между тем в эти годы принимались судьбоносные решения — и самым важным оказалось решение о том, кто станет новым тренером. Выбор, вероятно, был сделан двумя бывшими звездами команды — Владимиром Степановым и Николаем Морозовым (1913–1965), — названными в клубной энциклопедии «администраторами». Они были ближе всех к команде. Также возможно, что участие в обсуждении принимали высокие чины в спортобществе «Спартак» — Михальчук и Василий Кузин. Возможно даже, что Николай и Андрей Старостины, находившиеся в ссылке, тоже могли сыграть свою роль. Об этом нет упоминаний в их мемуарах, но, судя по всему, уже в 1948 году оба брата имели доступ к телефонной связи. Так или иначе человек, принимавший решение, должен был находиться в клубе уже долгое время — этим объясняется предпочтение, отданное старому другу с Красной Пресни дореволюционных времен, Константину Квашнину, которому уже приходилось тренировать «Спартак».

Квашнин был глубоко начитанным человеком и талантливым музыкантом. Это делало его нетипичным футбольным руководителем и, до некоторой степени, довольно эксцентричной фигурой. По-настоящему великие тренеры никогда не вписываются в «норму», и Квашнин абсолютно соответствовал этому стереотипу. Он привел нескольких новых игроков и одновременно с этим принял осознанное решение дать больше игрового времени молодым. Самым многообещающим из новичков оказался молодой рабочий оборонного завода Алексей Парамонов (1925–2018), отпущенный из ВВС (верный знак некомпетентности клубного руководства) в середине сезона 1947 года. Его рекомендовал Кузину Николай Озеров (1922–1997), ставший впоследствии одной из центральных фигур в спортобществе «Спартак» и советском спорте в целом. Сын известного оперного певца, Озеров одновременно был чемпионом СССР по теннису, актером МХАТа и нападающим резервного состава «Спартака». В дальнейшем он стал первым великим комментатором советской телевизионной эры, сменив на этой профессиональной вершине

Вадима Синявского. А Парамонов — одним из величайших нападающих в истории клуба, звездой национальной сборной, с которой он завоевал олимпийское золото в 1956-м[54].

Необходимость вмешательства Озерова была признаком серьезного расстройства дел в «Спартаке». В начале 1948 года «Советский спорт» напечатал статью одного из представителей провинциального спортобщества «Спартак», озаглавленную «Возвращение „Спартака“ к его былому величию». Как отмечал автор, «мы, старые спартаковцы, с беспокойством наблюдаем за неудачными выступлениями нашей футбольной команды». Те же проблемы возникли и у других команд общества. В десятке лучших спортсменов страны во всех основных видах спорта лишь 6 % были членами «Спартака». Для сравнения, в «Динамо» состояло 34 %. Вину за это положение дел возложили на Михальчука[55].

Заняв тренерский пост, Квашнин сразу взял инициативу в свои руки. Он установил тренировочный режим еще жестче вольратовского и пересмотрел командную тактику на манер динамовской и армейской[56]. Наряду с быстрым правым нападающим Парамоновым, тренер дал игровое время Конову и Виктору Терентьеву (1924–2004)[57]. Сезон начался в мае, неуверенно, с поражения 1:2 от ЦДКА, однако вскоре стало очевидно, что «Спартак» встал на правильный путь. Победа над «Торпедо» (4:1) сопровождалась двумя голами Парамонова, за ней три дня спустя последовал выигрыш у сильных куйбышевских «Крыльев Советов» со счетом 7:1. Ваньят писал в «Советском спорте», что Квашнину удалось возродить игру в длинный пас, которая считалась фирменной чертой «Спартака» 1930-х, и что теперь возрожденный «Спартак» вновь мог соперничать с ЦДКА и «Динамо»[58]. Однако серьезность требований, предъявляемых тренером-максималистом к физической форме, таила в себе опасность.

Уже в начале июля стало очевидно, что ожидания Ваньята оправдались. «Динамо» шло первым, «Спартак» — вторым, на очной встрече стадион «Динамо» был переполнен. «Спартак» выиграл — 3:0. Ваньят писал отчет о матче вместе с Дангуловым, все еще работающим в московских «Крыльях Советов». Оба автора хвалили Квашнина за его мобилизующую роль и верность традициям сильной игры в больших матчах. К концу месяца оптимизм перешел в эйфорию. Команда обыграла ЦДКА, идущего пятым в тот момент. Победа вывела «Спартак» на первое место, чего не случалось со времени окончания войны. Счет 2:0 стал

результатом упорства молодых игроков. Сальников забил в начале игры, второй мяч был разыгран в комбинации Конова и Сальникова, которую головой завершил Парамонов[59].

К сожалению, Квашнин не смог развить этот успех. У него все еще отсутствовал нужный баланс возрастных и молодых игроков, которые смогли бы предотвратить неизбежную усталость команды к концу сезона. Ветераны оказались староваты, а молодые еще не успели по-настоящему раскрыться и набраться сил. Квашнин этого не понимал. Дела пошли хуже, как это часто бывает, во время путешествия на юг, где «Спартак» со счетом 0:2 уступил тбилисскому «Динамо». Обычно очень стабильный игрок, капитан команды Василий Соколов провел неудачный матч в обороне[60]. Это был очевидный предупреждающий знак, и неделю спустя московское «Динамо» разгромило «Спартак» — 5:1. Динамовец Савдунин забил быстрый гол, после чего «Спартак» развалился. Сальников и Парамонов, игравшие на непривычных позициях, потерялись в игре. Это был удар для «команды настроения».

Последовали новые поражения, в результате чего «Спартак» опустился на третье место, после ЦДКА и «Динамо». Команда лейтенантов победила своих соперников из «Динамо», забив победный мяч на последней минуте последней игры сезона 1948 года. Бобров добил мяч, отскочивший от штанги, и принес своей команде победу в матче, провозглашенном лучшей игрой в послевоенной истории страны. ЦДКА сделал дубль, обыграв в кубковом финале «Спартак» со счетом 3:0. Квашнина нещадно критиковали в проспартаковских газетах. В конце сезона он продолжал тренировать футболистов так же усердно, как и в начале. Тем самым тренер не только загнал команду физически, но и утратил поддержку игроков. Несмотря на зачастую контрпродуктивные решения, Квашнина следовало бы поблагодарить за то, что он привел «Спартак» к первому призовому месту с 1939 года. Команда завершила сезон третьей. Вместо этого Квашнина отправили в отставку. Впрочем, этот шаг подготовил почву для возвращения к «Спартаку» еще больших успехов.

Имя, легенды и «спартаковский дух»

До войны «Спартак» привлек на свою сторону болельщиков из рабочего класса (то, что называется словом «мы»). Как свидетельствует Олещук, эти люди считали себя слабыми

перед лицом неизмеримо более мощных сил милиции и НКВД (то, что называется словом «они»). На самом деле ни футбольный «Спартак», ни спортобщество в целом, конечно, не были проигравшей стороной до 1941 года. Промкооперация вкладывала в команду огромные деньги. После ареста Старостиных в 1942 году «Спартак», потерявший лидеров, стал испытывать проблемы на поле. Болельщики также тяжело переживали новое положение дел. На протяжении всех этих лет ни для кого не было секретом, что Старостины отправлены в лагеря. В 1930-е годы они были слишком видными фигурами, чтобы их исчезновение осталось незамеченным[61]. В послевоенное время их имена пропали из справочников и футбольных мемуаров. Забитые ими голы записывались просто как «и др.»[62].

Поражения не привели к тому, что болельщики перестали ходить на стадион. Посещаемость, конечно, упала — на домашних матчах с 47 900 в 1945-м до 38 000 в 1946–1947-м, но это вряд ли можно считать коллапсом. У нас нет полной статистики по 1948 году, однако видно, что на большие матчи с важными соперниками по-прежнему собирался полный стадион, в то время как на проходные игры к концу сезона народу приходило поменьше[63]. С уверенностью можно утверждать, что такое внимание со стороны публики давало «Спартаку» гарантию выживания, сознание того, что команда не исчезнет со спортивной сцены. В первые послевоенные годы финансовая мощь Промкооперации существенно уменьшилась, но и продаваемых билетов хватало на то, чтобы содержать команду и оставлять двери стадионов открытыми.

В этот сложный период болельщики «Спартака» стали еще сильнее отождествлять себя с любимым клубом. Настоящее испытание преданности всегда приходит во времена поражений. Многие болельщики чувствовали себя (оправданно или нет) ущемленными. Теперь сам «Спартак» считался жертвой НКВД. В этом сложном контексте спартаковская публика пришла к выводу, что их команда обладает особыми качествами. Успехи в кубке в 1946-м и 1947-м питали веру болельщиков, что побеждать можно и вопреки всем препятствиям. Со временем стало модно говорить о «спартаковском духе». В служении этой неуловимой идее новые легионы спартаковских болельщиков-интеллектуалов (в первых рядах — Лев Филатов) начали создавать всевозможные истории, мифы и легенды.

Если команда и не могла регулярно побеждать, по крайней мере ей удавалось играть красиво, воплощая в себе надежды и мечты послевоенного времени. Многие проспартаковские журналисты прониклись этой идеей. Клуб воплощал в себе все прекрасные стороны игры, в то время как «Динамо» стали связывать с менее человечным и более механистическим футболом. Если «Спартак» должен был обращаться к «здоровым» силам в советском обществе, «Динамо» олицетворяло его темную сторону. Процесс политической самоидентификации посредством поддержки определенной команды, конечно, не был специфически советской историей, так же, как и идея приписать своему противнику все возможные дурные качества. Для спартаковских болельщиков не имело значения, играло ли «Динамо» на самом деле в механистический футбол. Речь шла об историях, которые они рассказывали о себе и своей команде, и некоторые из них были вполне правдивы. Николай Старостин сделал «спартаковский дух» важнейшей частью постсталинской жизни команды. В ее центре находились сами Старостины — жертвы сталинской системы, вернувшиеся из ГУЛАГа. После возвращения Николай делился подробностями своего заключения с футболистами, тренерами, журналистами, коллегами. Впрочем, он никогда не упоминал, что Старостины совершили нечто менее достойное, чем просто обыграли «Динамо».

История «команды, чьи создатели были отправлены в лагеря», стала центральной частью семейного спартаковского романа. Журналисты, западные и российские, с тех пор уделяют этому факту чрезмерное внимание. После 1953 года многие в СССР стали называть «Спартак» командой демократии и даже свободы, без четкого понимания того, что эти слова могут значить в советском контексте. Будучи жертвами сталинских репрессий, Старостины тем не менее никогда не были антисоветчиками. Советская власть отправила их в тюрьму, но она же и предоставила им привилегии, давшие возможность пережить заключение. И освободила их тоже советская власть, в своем новом варианте. Для людей, поддерживающих команду, болеть за «Спартак» оказалось способом сказать «нет», однако это было очень специфическое сопротивление, не открытая оппозиция или диссидентство. Находясь далеко от Москвы, братья успешно преодолевали тяготы сложного периода, в то время как болельщики ругали тех, кто отправил их в заключение.

После войны Андрей Старостин остался в Норильске. Со временем он сумел добиться сносных условий жизни, несмотря на суровость зимы — на улицах города в глубоком снегу были вырыты траншеи, которые защищали от арктических ветров. Это место, как позже утверждал Андрей, позволяло ему «удовлетворять стандартам настоящего мужчины»[64]. Со временем его смогли навещать родственники и друзья, это стало обычным делом. Его футбольные и хоккейные команды начали добиваться успехов, и к 1954 году, когда настало время покидать город, он уже был местным героем. Послевоенная же история Николая превратилась в настоящую одиссею, неотъемлемую часть спартаковской легенды.

После года в Ухте Николая перевели в лагерь рядом с дальневосточным Хабаровском. Несмотря на то что два этих города находились более или менее в одной части СССР, путешествие между ними (с десятью остановками) заняло почти полгода. В одном из центральных пересыльных городов, Молотове, Николай встретился с Александром, и они провели вместе месяц. В итоге Николай добрался до Хабаровска 8 мая 1945 года, за день до окончания войны. Вскоре он понял, что на новом месте ему предстоит сыграть ту же роль, что и в Ухте. Комендант хабаровского лагеря, полковник Гоглидзе, был не меньшим поклонником футбола, чем ухтинский генерал Бурдаков. Полковник также являлся близким другом Берии, которому теперь стали известны подробности жизни братьев в заключении. Похоже, Гоглидзе убедил своего друга-грузина одобрить новый статус братьев как сотрудников спортобщества «Динамо». Впрочем, вскоре Гоглидзе вынужденно разорвал отношения с Николаем, которого послали еще дальше — в Комсомольск-на-Амуре. Город был не лишен некоторых удобств: там имелись магазины, кафетерии, бани, кинотеатр и стадион. Комендант, генерал Петренко, был футбольным болельщиком и товарищем Гоглидзе. Со временем результаты местной команды стали улучшаться, и Николай получил возможность жить вне зоны; его жизнь начала больше напоминать ссылку, нежели заключение. Другой поклонник его таланта, глава дальневосточных железных дорог, предоставил старостинской команде собственный вагон для путешествий на гостевые игры. Некоторое время спустя жена и дочь Николая получили возможность навестить его. Он ни в коей мере не собирался отказываться от этих привилегий во имя какого-то ни было «принципа»[65].

Самый странный эпизод в этой истории (иллюстрирующий противоречивую природу позднего сталинизма) произошел в 1948 году (как всегда, Николай не очень точен в датах). По версии Николая — в этом случае, как и во многих других, было бы полезно иметь и какие-то другие источники, — его вдруг вызвали к телефону. На другом конце провода находился не кто иной, как Василий Сталин, сын вождя, бездельник и главнокомандующий Московского воздушного гарнизона. Страстный спортивный болельщик и алкоголик, Василий Сталин стремился превратить собственную команду, ВВС, в грозную силу[66]. Была выстроена вся необходимая первоклассная инфраструктура, наняты лучшие тренеры, но вместо того чтобы развивать свои собственные силы, ВВС переманивал к себе успешных футболистов из других спортобществ. Команда военно-воздушных сил вышла в высший дивизион в 1946 году, где оказалась в хвосте таблицы. Несмотря на отсутствие у Николая Старостина больших тренерских успехов, Василий предложил ему вернуться в Москву и заняться командой ВВС. На следующий день был отправлен самолет, чтобы доставить заключенного Старостина в столицу.

Николая сразу же отвезли в особняк Василия Сталина, где он получил паспорт, в котором уже стояла московская прописка. Он отправился в старую квартиру на Спиридоновке, где его ждало счастливое воссоединение с женой и дочерью. Впрочем, счастье продлилось всего несколько дней. Берия узнал о том, что Старостин в Москве, и дал ему двадцать четыре часа на то, чтобы покинуть город. Вместо этого Николай поспешил к Василию, где было решено, что он будет жить у молодого Сталина. Если верить Николаю, их «близость» с Василием доходила до того, что они спали на одной кровати, где Василий, часто мертвецки пьяный, держал под подушкой револьвер[67]. Эти гомоэротические детали, конечно, соблазнительны, однако, вполне возможно, здесь мы имеем дело с очередным спартаковским апокрифом. После распада СССР жена Василия издала (полную сочувствия) биографию своего печального и непутевого мужа. «И где, — спрашивает она, — должна была спать я в это время?»[68]

Может быть, дело было в том, что Василий сильно храпел, а может быть, в естественном желании Николая делить кровать со своей женой — как бы то ни было, два месяца спустя он сбежал на ночь обратно к себе домой. К несчастью, за ним следили агенты Берии, которые прервали его домашний визит

и усадили в поезд, идущий на Дальний Восток. Василий снова вернул Старостина в Москву, но вскоре им обоим стало очевидно, что Берия будет настаивать на своем. Николай отправился в Казахстан, где провел остаток своей ссылки, осев в Алма-Ате и возглавив главную республиканскую команду «Кайрат». Клуб процветал, Николаю выделили удобный дом с прекрасным садом. Семья приезжала к нему на лето и в школьные каникулы. Так что освобождение Николая, пришедшее со смертью Иосифа Сталина, все-таки трудно назвать избавлением от ужасных страданий[69].

Двадцать пять лет я сидел на скамейках московских стадионов и слушал болельщицкие мужские истории, рассказывавшиеся в разной степени трезвости, о том, что «Спартак» — это «команда демократии». До сегодняшнего дня я не уверен, что понимаю смысл этого слова, в его советском звучании. Тот факт, что команда и ее основатели стали жертвами сталинизма, лежал в основе их аргументации, но я бы не решился назвать кого-либо из Старостиных демократом или либералом. Александр Вайнштейн, в противоположность Филатову, гораздо менее позитивно оценивал политическую позицию Николая:

> Он... совершенно спокойно рассказывал о генералах ГУЛАГа и положительно отзывался о генерале Гоглидзе. «Он был большой любитель футбола». Он не рассказывал, что он «миллионы людей загубил, что у него люди сидели в лагерях, что он был преступник». Нет, «он был любитель футбола, он поддерживал команду»... Я не уверен, что он понимал, что все эти первенства ГУЛАГа и все остальное — это все на костях людей. Он не отказывался от участия в них. Конечно, отказаться было бы глупо, даже смертельно, это нельзя вот так осуждать. Я не уверен, что он до конца понимал, что людей оценивают по отношению не к футболу, а к более серьезным вещам. Для него тот, кто любил футбол (и «Спартак» особенно), — хороший человек. Кто не любил футбол — нет[70].

Вайнштейн знает, о чем говорит, однако нужно держать в голове и ту дистанцию, которая разделяет руководителей команды и ее болельщиков. Поклонники создавали мифы и легенды, образы благородных героев. Их собственный дискурс имел над ними власть и имел большое значение для тех, кто

(справедливо или нет) верил в эти истории. И хотя мы должны понимать неоднозначность позиции Старостиных, болельщики были абсолютно свободны превращать жизни своих героев в легенду, соответствующую их собственным желаниями.

Создание мифов, имеющих лишь отдаленную связь с реальными историческими обстоятельствами, было привычным и распространенным по всему миру способом показывать свою приверженность популярным спортивным клубам и утверждать свою идентичность как болельщиков. Действительно, наличие схожего жизненного опыта у основателей команды и ее поклонников было скорее исключением из правил. После Второй мировой войны бейсбольные фанаты из числа рабочего класса в Бруклине смотрели на «Доджерс», местную команду, как на отражение своей собственной жизни, но сам клуб принадлежал бездушному миллионеру Уолтеру О'Мэлли. Болельщики таких гигантов, как «Арсенал» или «Манчестер Юнайтед», которыми руководят представители социальных элит, зачастую обращаются к «индустриальным» корням своих команд. «Барселона» — все еще команда каталонской независимости, несмотря на то что в последние годы за нее играет совсем немного каталонцев. Более современная история — странный феномен «Тоттенхэм Хотспур» из северного Лондона и амстердамского «Аякса», названных «еврейскими» командами, хотя никакого особенного еврейства на поле давно нет.

Собственно, и рассказ о спартаковском духе, и клубную историю «народной команды» можно представить как противоборство нескольких мифов, а не точное описание игрового или тренерского стиля. Первая трудность, возникающая при проверке правдивости этих историй, — хронология. Воспоминания болельщиков и даже бывших игроков могут быть поразительно неточными. То, что оказывалось верным для 1950-х, возможно, еще не было в ходу в 1945–1948 годах. Игроки и болельщики часто говорят об импровизации, свободной и спонтанной игре, романтике короткого паса как о фирменном спартаковском стиле, все еще важном и для современного «Спартака», но движение в этом направлении произошло только в 1949 году.

В 1930-е годы «Спартак» брал свое за счет физической мощи игроков, попросту одолевая своих противников на поле. Футболисты 1945–1948 годов все еще были наследниками довоенной команды и играли в том же стиле, предполагающим

превосходное физическое состояние и напор[71]. Игроки, которым было чуть или уже хорошо за тридцать, могли показывать такой футбол только от случая к случаю. Эта простая демографическая и биологическая реальность легла в основу мнения о «Спартаке» как о команде настроения. После войны болельщики никогда не могли быть уверены, какой «Спартак» выйдет на поле, и эта непредсказуемость наиболее ярко проявила себя в кубковых финалах 1946 и 1947 годов, что только повысило популярность команды. Неожиданные триумфы сочетались с необъяснимыми поражениями от более слабых команд. По словам Филатова, «Спартак» «никогда не оставлял своих болельщиков равнодушными»[72].

Для творческих людей и интеллектуалов, таких как Филатов, впечатляющие взлеты и падения клуба отражали их собственную борьбу в жизни и работе во времена растущего, как казалось, политического контроля[73]. Игорь Нетто (1930–1999), который попал в «Спартак» в 1948 году и стал одной из величайших его звезд, позже отметил эту тенденцию:

> Игра «Спартака» очень похожа на образ действий талантливого человека. Такой человек живет не ровно, с ним случаются взлеты и падения, которые трудно объяснить логически. Он способен на неожиданные успехи... Даже в самые сложные времена, когда состав команды был не лучшим, «Спартак», отстающий от многих соперников, мог внезапно обыграть лидера. И происходило это не из-за отличной игры, а из-за смелости и порывистости футболистов[74].

Времена позднего сталинизма оказались для спартаковских болельщиков годами мучений и неопределенности. Основатели «Спартака» были арестованы, команде явно не хватало руководителей: людям внутри и вне команды думалось, что в этом заключается главная причина жалкого положения команды. Несмотря на то, что имена Старостиных были вычеркнуты из статистических ежегодников, все о них помнили[75]. Эти чувства с футбольного поля переместились на трибуны и дальше — на страницы газет; многие спортивные журналисты сочувствовали именно «Спартаку». Не только Филатов, но и Мержанов, Ваньят, Есенин, Вит и Илья Бару́ романтизировали образ команды. Под влиянием артистов и интеллигенции спортивные журналисты

писали, что «Спартак» не просто играет в футбол, но выражает себя на поле. Спартаковские игроки, как и футболисты других команд, как правило, заканчивали семь классов, что, впрочем, никак не мешало их образованным и культурным поклонникам видеть в их игре художественное начало. Болельщики из числа интеллигенции считали, что находят в игроках присущий им самим творческий взгляд на окружающий мир. Зачастую, как признавал и сам Филатов, они делали упор на иррациональную сторону спартаковской игры. «Я бы сказал, что динамовские комбинации были на одно движение короче спартаковских, а каждый пас — на метр длиннее. „Динамо“ играло проще, умнее и расчетливее. Игра „Спартака“ была более спонтанной, отчаянной и одухотворенной»[76].

Многие игроки с радостью приняли внимание со стороны новой когорты болельщиков из числа творческой интеллигенции. Сергея Сальникова, а позднее и Никиту Симоняна можно было часто встретить в фойе и гримерных ведущих московских театров. В свою очередь МХАТ, Малый театр и Театр Вахтангова служили центрами поддержки «Спартака»[77]. Большим поклонником команды являлся Леонид Утесов — прославленный певец и кинозвезда[78]. Эти знаменитости продолжали ту линию поведения, начало которой положил еще в 1930-е годы Андрей Старостин, проводивший вечера в лучших городских салонах, не говоря уже об ипподроме и цирке. Все знали о его дружбе с актером Михаилом Яншиным, и Яншин не забывал своего товарища и в годы ссылки[79].

Самые рьяные болельщики «Спартака» считали, что в СССР нет ничего лучше и ярче этой команды. Конечно, нельзя сказать, что все представители интеллигенции болели за «Спартак». Среди людей творческих профессий были и болельщики «Динамо», не говоря уже о поклонниках других команд[80]. У нас нет возможности подсчитать, какой процент этой крайне неоднородной группы действительно болел за «Спартак». Во-первых, сама упомянутая категория была очень широка и разнообразна. Очевидно, что взгляды классической русской интеллигенции — писателей, актеров, ученых и академиков — отличались от тех, что были свойственны инженерам и руководителям предприятий. Во-вторых, никаких опросов о преданности болельщиков никогда не проводилось. От чтения футбольной литературы остается впечатление, что «Спартак» был самым популярным советским

клубом, но необходимо с осторожностью относиться к этой части легенды. Болельщики других команд всегда с радостью опровергали такие заявления, расценивая их как часть мифа, созданного вокруг «Спартака».

Как и Олещук, Филатов утверждал, что половина всех московских болельщиков поддерживала «Спартак», но даже если красно-белые и оставались самой популярной командой того времени, нужно отметить, что в период с 1945 по 1948 год посещаемость матчей ЦДКА и «Динамо» была не меньше спартаковской. Абсолютное превосходство двух этих команд гарантировало им большое количество последователей. В первые послевоенные годы на «Динамо» ходили чуть больше. Но главное, по словам Мержанова, заключалось в том, что болельщики «Спартака» не оставили команду в трудные времена. На менее важных матчах стадион мог быть полупустым, но на больших играх стадион «Динамо» всегда заполнялся до отказа[81]. Спартаковские болельщики посещали и игры «Динамо» и ЦДКА, поддерживая команды, которые играли против главных спартаковских противников. Настолько массовый уровень поддержки становился возможен, только если на матчи ходило много рабочих. Симпатии интеллигенции могли изменить характер поддержки «Спартака», но никак не компенсировали бы падение интереса со стороны пролетариата (если бы оно действительно имело место). Как отмечал Никита Симонян, не все спартаковские болельщики были «известными актерами, писателями или докторами», встречались среди них и закоренелые хулиганы[82].

Болеть за «Спартак» было еще одним небольшим способом укрепить веру в независимость команды от режима. Неясный статус главного спартаковского шефа, Промкооперации, также играл в этом определенную роль. Болельщики знали, кому принадлежат другие команды, а чем занимается Промкооперация, понимали немногие. Говорилось, что ее деятельность сосредоточена в сфере услуг и торговли, на которые большая часть общества смотрела свысока. Сама эта неопределенность создавала впечатление независимости — как будто команда никому не принадлежала. Война и период послевоенного восстановления оказались крайне сложными для этой когда-то очень состоятельной организации. Контроль за расходами сократил объем помощи «Спартаку», команде пришлось учиться самостоятельно зарабатывать деньги. В результате Промкооперация уже больше не

могла поддерживать команду так, как делала это до войны[83]. Когда «Торпедо» стремилось переманить к себе Никиту Симоняна из «Крыльев Советов» в конце 1948-го, оно боролось за игрока с московским «Спартаком». Иван Лихачёв, могущественный директор ЗИСа, завода имени Сталина, говорил ему: «Что такое „Спартак“? Промкооперация? А здесь у нас огромное производство»[84].

То же самое справедливо и в отношении политической поддержки. В народе могло возникать некое недопонимание в отношении работы Промкооперации, что создавало впечатление спартаковской «независимости», но нужно иметь в виду, что «Спартак» являлся партийной командой. У него всегда имелись союзники на самом верху. По оценке Вайнштейна, «Спартак», возможно, был командой не ведомственной, но — в очень большой степени — партийной. Если органы поддерживали ЦСКА или «Динамо», то «Спартак» на самом деле поддерживала КПСС, особенно московский горком[85]. Вартанян подтверждает это, когда называет «Спартак» командой «политиков»[86]. Первым покровителем «Спартака» выступил косаревский комсомол, но Косарева давно уже не было в живых, да и сама партия сильно изменилась во время Второй мировой; многие старые партийцы погибли, на смену им пришли миллионы солдат и крестьян. Партийное влияние в целом уменьшилось, и главным центром силы в конце 1930-х и в первые послевоенные годы оказалась госбезопасность, а также армия, одержавшая победу в войне. Так что даже если у «Спартака» и имелись друзья наверху, они к тому моменту уже перестали быть лучшими из возможных.

Неудивительно, что после тяжелых времен в первые послевоенные годы спортобщество «Спартак» столкнулось с сокращением бюджета и ослаблением политической поддержки. Команде предстояло справляться самой, и, вполне возможно, именно большая группа болельщиков, покупавшая билеты на игры, помогла ей преодолеть трудный период 1948 года. Однако уже следующий год принес значительные перемены как для «Спартака», так и для всего Советского Союза. Началась холодная война, СССР закрылся от мира, страну захлестнула волна шовинизма и ксенофобии. Эти новые обстоятельства, казалось, обещали «Спартаку» мало хорошего, однако команда не исчезла. Напротив, в те годы был заложен фундамент ее величайших достижений.

6. ВОЗРОЖДЕНИЕ «СПАРТАКА», 1949–1952 ГОДЫ

После 1948 года самые неотложные задачи по восстановлению страны были решены, и жизнь стала постепенно стабилизироваться. Достижения на внутреннем фронте совпали с ростом проблем на международной арене. Напряжение холодной войны усилилось после того, как СССР отверг план Маршалла и переговоры о будущем Германии закончились провалом. За этим последовали блокада Западного Берлина и открытие воздушного моста для снабжения города. Перемены в международной обстановке ослабили позиции Жданова и сыграли на руку его соперникам. К 1949 году Маленков и Берия при поддержке нового союзника, Михаила Суслова, вновь обрели политическую власть. Вместе с ними вернулась и резкость в отношении к Западу, усилился антисемитизм и связанные с ним великорусский шовинизм и ксенофобия[1]. Контакты с Западом значительно сократились, СССР вступил в период изоляции, что очень сильно сказалось и на спортивной жизни страны. Участие в международных соревнованиях с их гуманным посланием мира, взаимопонимания и дружеского соперничества практически прекратилось. Переориентированный внутрь страны, советский спорт, столь активный и динамичный в первые послевоенные годы, теперь погрузился в застой.

Восстановление экономики в последние годы сталинского правления (1949–1953) принесло с собой множество признаков долгожданной нормальной жизни, хотя и не без исключений — страна начала медленно восстанавливаться. Экономический рост, на протяжении десятилетий остававшийся экстенсивным, теперь стал интенсивным. Но условия жизни

оставались тяжелыми, что ослабляло послевоенные надежды на лучшее. Теперь эти надежды сменились удовлетворенностью тем, что удалось избежать худшего. Серьезнейшими проблемами по-прежнему оставались жилищный вопрос и вопрос транспорта, однако продовольственный кризис подошел к концу. В конце 1947 года были отменены карточки. В то же время драконовская денежная реформа резко снизила количество денег в обращении и наполнила магазины товарами по рыночным ценам. Материальный комфорт оказался отодвинут до середины 1950-х годов для всех, кроме элиты, которая уже пожинала плоды реформы. Жить стало чуть лучше (если не чуть веселее), но обществу пришлось расстаться с послевоенными ожиданиями[2].

Сталин вернулся к политике запугивания, репрессий и ограниченного террора. Вместе с восстановлением смертной казни в 1950 году стала расти численность заключенных — с 1,7 миллиона до 2,5. Новые чистки, такие же непредсказуемые, были значительно менее интенсивными, чем в конце 1930-х. Расстрелы в основном коснулись интеллектуальной элиты и проигравших в политической борьбе партийцев, а для рядовых арестованных дело обычно заканчивалось трудовыми лагерями. Некоторые злодеяния выделялись в ряду других. В 1948 году был убит всемирно известный еврейский актер Соломон Михоэлс. В 1950-м последовал разгром ленинградской парторганизации, «мингрельское дело», затем «дело врачей» в начале 1953-го — все это должно было запугать общество и держать его в подчинении[3]. Новые репрессии стали одним из методов усиления режима. Однако само общество изменилось. Даже на уровне примитивного марксизма следовало заключить, что политическая система, возвращающаяся в прошлое, не может породить новое будущее. Опора на старые методы создавала реальные опасности для стабильности системы. Массовый террор на пороге страшнейшей в человеческой истории войны — это одно. И совсем другое — вернуться к нему после войны, когда люди еще жили надеждой на перемены к лучшему.

Ужас нового поворота к террору был очевидным и пугающим для внешних наблюдателей и фактически лег в основу западной позиции осуждения коммунизма. Однако попытка восстановить прежний контроль «оказалась более беспорядочной и менее успешной, чем полагали ранее»[4]. Исследовательница советской торговли Джули Хесслер пишет: «В позднее сталинское

время сформировался переходный этап от экстремальных условий 1917–1948 годов — с их угрозами для жизни и лишениями — к обычной дефицитной экономике последующих лет»[5]. Эрик Даскин описал эти годы как «переход от хаоса и беспорядка к профессионализации, присущей обществу большинства индустриальных стран»[6]. Отмеченный им быстрый рост числа образованных работников, в итоге сильно повлиял на советское общество. Репрессии подорвали созидательные силы, выигравшие войну, однако борьба с нацизмом выявила и фундаментальные проблемы самой системы[7].

Общество было запугано, но там, где это оказывалось возможным, вне контроля официальных институций и формальных организаций, советские граждане отдавались новым приятным развлечениям, не вписывающимся в старый канон. Неорганизованные толпы футбольных болельщиков в последние сталинские годы также никуда не делись — их можно считать одной из альтернативных форм проявления спонтанности, а это, если вспомнить известный тезис Моше Левина, служит центральной темой в том числе и для нашего исследования[8].

Официальная политика, даже при досконально соблюдении всех правил, не всегда была предсказуема. Зачастую режим буквально противоречил сам себе. В декабре 1948 года советское правительство предприняло ряд шагов, поворачивающих СССР спиной ко всему миру. В то же время была издана декларация, призывающая к мировым спортивным победам, что неизбежно предполагало активное участие в международных соревнованиях. В стране шла широкая дискуссия о поездке на первую послевоенную Олимпиаду в Лондоне в 1948 году. По своему обыкновению, Сталин желал знать, можно ли гарантировать победу. Спортивное руководство ответило «нет, это невозможно», и было принято решение остаться дома. Одновременно Советский Союз вступил во множество спортивных федераций, при этом отгородившись от капиталистического мира.

В обстановке растущей ксенофобии участие в международных соревнованиях сильно сократилось. В результате пострадал и советский футбол. Молодые игроки не развивались, опытные играли всё хуже. Результатом спортивного изоляционизма стало неожиданное поражение на олимпийском футбольном турнире 1952 года от политических противников — сборной Югославии[9].

Рецепт Суслова: идеология и футбол

В конце 1947 года, еще до смерти Жданова, Михаил Суслов и его подопечные установили контроль над отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС. Это учреждение, известное как Агитпроп, отвечало за культуру, в том числе физкультуру и спорт. Жданов, чья карьера клонилась к закату, случившемуся задолго до его смерти в августе 1948-го, упрекал Маленкова и Берию в идеологической слабости. Сам он вряд ли был грешен в этом вопросе: Агитпроп внедрял в умы граждан жесткую и упрощенную версию марксизма-ленинизма в форме, получившей известность как «идейно-политическое воспитание».

И термин, и практика не являлись новыми, в широком смысле идейно-политическое воспитание работало уже давно. Чтение «классики», такой как биография Сталина или «Краткий курс истории ВКП(б)», теперь сопровождалось еще и публичными лекциями на злобу дня и экскурсиями в места политического и культурного значения. Задачей было объявлено не только укрепление идейной подготовки, но и улучшение производственных результатов.

Поскольку Берия был близок к Суслову и после 1948 года, оба они обладали свободой в проведении своей политики, идейно-политическая кампания с неизбежностью оказалась связана и с футболом. Однако на этом участке кампания получилась просто смехотворной: была поставлена задача улучшить не только поведение игроков в быту, но и повысить их спортивные результаты[10]. У футболистов идейно-политическое воспитание вызывало огромное раздражение. Никто не верил, что знание биографии Сталина поможет им побеждать на поле. В 2001 году Никита Симонян рассказывал мне, что футболисты ненавидели эти лекции[11]. Вероятно, лучше всего их отношение к делу выразил Николай Дементьев, вылivший ведро холодной воды на голову лектору. Кампанию в целом можно рассматривать как предтечу китайской «Красной книжечки» Мао. Без сомнения, влияние на результат она имела такое же сильное. Однако на словах необходимо было одобрять сусловскую инициативу.

В 1930-е годы призывы к политзанятиям регулярно звучали на различных собраниях футбольных функционеров. Честно говоря, советским игрокам, которые в среднем закончили семь классов средней школы, пригодилось бы любое обучение. Вопросы культуры и образования периодически поднимались

в спортивной и центральной прессе. В годы ждановщины политическая незрелость советского футбольного мира также была объектом пристального внимания. Приказ от 10 марта 1948 года касался как раз провалов в деле политического образования в футболе[12]. В следующем месяце Суслов вновь поднял этот вопрос на собрании, посвященном нескольким неудачам советских спортсменов на соревнованиях за рубежом[13]. Когда Маленков, Берия и Суслов вернулись из опалы, это послужило сигналом к началу полноценного вмешательства в спорт, особенно в футбол. Идейно-политическое воспитание стало лекарством от всех бед советского футбола, мнимых и реальных. Идеологическая кампания, долгое время бывшая предметом сильной озабоченности только партийных лидеров, стала всеобщей навязчивой идеей. С конца 1948 года идейно-политическое образование бесконечно упоминалось в периодике. Команды обязали обратить серьезное внимание на этот вопрос.

В своей более ранней работе, изданной до 1992 года, я исследовал эту проблему без привлечения архивных источников[14]. В то время я прежде всего обращал внимание на опасения властей, что плохое поведение спортсменов на поле будет служить дурным примером для болельщиков, что в свою очередь может вызвать насилие. Изучение годовых отчетов, составленных главными тренерами команд, из архива Государственного спортивного комитета предлагает нам несколько других интересных сюжетов. До 1949 года тренеры, готовившие отчеты, уделяли совсем мало внимания вопросам культуры и образования. Михаил Якушин, наставник московского «Динамо», лучше других сформулировал свои взгляды на собрании в конце 1948 года. Выступая перед пленумом футбольной секции спорткомитета, он сказал, что идейно-политическая подготовка хороша ровно до тех пор, пока не вмешивается в сам футбол[15].

Впрочем, в каком-то смысле подход Суслова был менее опасен, чем прежние методы поддержания трудовой дисциплины. На том же заседании Виктор Дубинин, тренер и представитель спорткомитета, жаловался, что футболисты часто опаздывают на политзанятия или не приходят на них вовсе. Он призывал судить таких игроков согласно уголовному кодексу и действующим законам о труде 1940 года, по которым за нарушения вводились суровые наказания. Суслов отреагировал на эту реплику так: «Зачем привлекать уголовный кодекс? Нам следует

говорить о просветительской работе». Дубинин ответил: «До сих пор ничего из этого не работало». Вскоре обстоятельства изменятся, но в защиту Суслова надо сказать, что принудительное чтение сталинской биографии — все же значительно более приятное занятие, чем пребывание в тюрьме.

Начиная с 1949 года отчеты каждой команды содержат подробный список прочитанных книг, темы лекций и экскурсий. Некоторые тренеры даже указывали игроков, которые хорошо проявили себя на этих мероприятиях, и тех, кто проигнорировал их. Клубы по-разному пытались выполнять сусловские требования. Даже скептически настроенный Якушин, отчет за которого наверняка писал какой-нибудь помощник, приводит полный список мероприятий, имевших (или не имевших) место в действительности. Напротив, прекрасно образованный тренер ЦДКА Борис Аркадьев уже давно собирался водить футболистов в кино, по музеям и театрам. Он не считал эту работу обременительной, но не слишком подробно описывал ее в отчете. Зато мы можем быть уверены, что Аркадьев, в отличие от Якушина, наверняка устраивал свои мероприятия не только на бумаге[16]. Спартаковские отчеты, подготовленные разными тренерами, по описанию деталей располагались между динамовскими и армейскими. Футболисты были от всего этого не в восторге, хотя какие-то пункты программы встречали с энтузиазмом. В дальнейшем эти походы сильно повлияли на отношения спартаковцев с новой частью болельщиков — образованной и культурной.

В сезоне 1952 года «Динамо» начало свою образовательную программу с еженедельных занятий. В списке указаны лекции «Как работать с книгой», «Гигиена и режим футболиста» и «Тренировка спортсмена в свете работ академика Павлова». Якушин предпочитал темы, которые действительно могли бы улучшить качество игры. Походы в Третьяковскую галерею, музей В. И. Ленина или музей подарков Сталину меньше влияли на футбольные результаты. Начиная с весны, когда команды проводили сборы на юге, лекции проходили два раза в неделю в течение всего сезона. Темы смещались к общественно-политическим: «Великие стройки коммунизма», «Экономическая ситуация в Румынии и Болгарии», «Англо-американская авантюра в Корее» и «Футбол в Австрии». Якушин утверждал, что футболисты на занятиях слушали внимательно. В то же время Сергей Сальников, тогда уже выступавший за «Динамо», и молодой

вратарь Лев Яшин (который в будущем станет образцом идеального коммуниста) вообще не принимали эти лекции всерьез. Оба, по словам Якушина, проявляли «паразитическое отношение» к собраниям[17].

В том же году «Спартак» под руководством бывшего капитана Василия Соколова также проводил политинформацию один раз в неделю в течение всей зимы. Лекции, заказанные Московскому лекционному бюро, начались с весны. Из двадцати восьми занятий лишь пять были посвящены международному положению, четыре — внутренней политике. Остальные касались исключительно культуры, образования и спортивных вопросов. Лекции дополнялись частыми походами в кино. Но самыми популярными среди игроков были визиты в Московский художественный и Малый театры. Футболисты завели знакомства с актерами, вместе рассуждали и делились впечатлениями о сходствах и различиях в игре — на сцене и на поле.

Многие актеры, и мужчины, и женщины, были футбольными болельщиками. Между знаменитостями завязывались дружеские связи, как это бывает во всем мире. Культурные контакты между «Спартаком» и театральным миром продолжались уже много лет, еще с довоенной дружбы Андрея Старостина с Михаилом Яншиным. Симонян, Парамонов и Сальников считались самыми популярными игроками в театральной среде, и все трое использовали эти знакомства, чтобы повысить свой культурный уровень. Спартаковские игроки, как правило, были не образованнее своих коллег из других команд. И поддержка со стороны людей культуры не являлась прерогативой исключительно «Спартака». У «Динамо», ЦДКА, «Торпедо» и «Локомотива» тоже имелись свои поклонники в среде творческой интеллигенции, однако игроки этих команд организованно ходили в театр заметно реже[18].

Ирония заключается в том, что развитию отношений между театральной интеллигенцией и футбольными игроками, ранее весьма эпизодических, способствовала идеологическая мания Суслова. Связь с миром искусства, возникшая еще в период репрессий, укрепится уже после смерти Сталина и будет отличать «Спартак», выделяя его среди других команд. В целом инициативы Агитпропа были не слишком хорошо восприняты в футбольном мире. Неприязнь к ним испытывали не только в «Спартаке»: и «Динамо», и ЦДКА, и другие команды (лишь за

несколькими исключениями) отреагировали на кампанию ничем не лучше. Идейно-политическое воспитание служило лишь частью репрессивных мер, обрушенных государством на общество после 1948 года. Футбол привлекал внимание миллионов болельщиков. Его спонтанная природа вызывала опасения у власти, которой не нравились плохо контролируемые развлечения. Если, как считают некоторые, игра была просто предохранительным клапаном, власти вряд ли занялись бы реализацией такой идейно-политической программы.

Нерусские идут

Зимнее межсезонье 1948–1949 годов принесло перемены, которые впоследствии способствовали возвращению «Спартака» к былому величию. Константин Квашнин мог быть чересчур требовательным тренером, однако он начал вводить в состав более молодых игроков, и они принесли команде бронзовые медали (получив за это неофициальные денежные вознаграждения). И все же сравнительно слабая игра «Спартака» в первых четырех послевоенных сезонах была частью общего положения вещей. С одной стороны, кажется вполне естественным, что после войны в игре доминировали команды, представляющие силовые структуры. С другой стороны, «Спартаку» удалось пойти против течения после 1949 года, когда политические условия вновь ужесточились. Ждановщина дала дорогу великорусскому шовинизму в вопросах культуры, и начиная с 1949-го ситуация становилась все хуже. Усилился антисемитизм — наряду с пренебрежением к интересам национальных меньшинств. Столкнувшись с несколькими случаями антисоветских выступлений на окраинах, на разных приграничных территориях, режим в целом не был слишком лоялен к нуждам «нерусских»[19].

В московских командах традиционно доминировали игроки славянского происхождения. Это не было результатом специально установленных барьеров (как, например, в случае с расовыми запретами в американском бейсболе). В конце войны Сталин, игнорируя ее очевидный объединительный пафос, отметил, что именно русский народ внес наибольший вклад в победу. Так получалось, без всяких официальных директив, что на футбольном поле, которое многие — и в СССР, и за его пределами — воспринимали как своеобразную мирную альтернативу

полю боя, картина должна была быть аналогичной. Как и в США, где среди афроамериканцев были тысячи успешных профессионалов и известных людей, советские граждане нерусского происхождения, жившие в столице, могли сделать успешную карьеру в разных сферах деятельности. Однако среди непокоренных бастионов оставались столичные футбольные команды — там чужакам все еще не было места.

В 1949 году «Спартак» пошел другим путем, пригласив в команду несколько нерусских игроков и нового тренера. У команды уже был подобный опыт, с чехом Фивебром в 1936-м и эстонцем Вольратом в 1946–1947 годах. После сезона 1948 года руководство вновь занялось поиском тренера за пределами славянского мира. То же самое касалось и приглашения футболистов из других республик. Почему так получилось — в точности неясно. У нас нет никаких свидетельств, что речь шла о сознательной «национальной политике». Может быть, старостинская открытость к «западным методам» работы все еще оказывала свое влияние? Ведь профессионалы не следуют за политической повесткой, они ищут таланты.

Впрочем, их действия могли иметь и политические последствия. Расширив ареал поиска, «Спартак» нашел талантливых футболистов. В период великорусского шовинизма он шел не в ногу с остальными командами. Эта готовность, пусть и не вполне осознанная, противостоять общему политическому движению достойна более детального рассмотрения. Спартаковская установка на мультикультурализм, сознательно или нет, сильно повлияла и на сам клуб, и на весь советский футбол. В 1949 году тренером «Спартака» был назначен Абрам Дангулов, бывший тренер московских «Крыльев Советов» родом из северокавказского города Армавир[20]. Компанию ему составил еще один армянин, нападающий Никита Симонян из черноморского порта Сухуми. В следующем сезоне в основной состав стал регулярно попадать полузащитник Игорь Нетто, эстонец, родившийся в Москве. Все трое новичков идеально вписались в компанию к ветеранам Соколову и Дементьеву и к молодым звездам Сальникову и Парамонову, а с 1950 года — и к Анатолию Ильину. Вместе они заложили основу возвращения былого величия, развивая оригинальный стиль игры и используя новые методы поиска талантов. В конце концов, преодолев все политические и институциональные барьеры, «Спартак» выиграл чемпионский титул в 1952 году[21].

Дангулов продолжил линию Квашнина, однако прививал команде новый стиль игры. Его футбольный путь начался в Краснодаре во время Гражданской войны. Оставшуюся часть своей карьеры, до 1934 года, он играл в Армавире. Дангулов был хитрым и хватким полузащитником. Тренировать начал в Пятигорске и Сталине (современном Донецке), а затем получил назначение в команду, связанную с авиацией: в куйбышевские «Крылья Советов». За успешной работой последовало приглашение в московские «Крылья Советов», которые завоевали место в высшей лиге сразу после войны. В столице Дангулову удалось собрать сильную команду при очень скромных ресурсах. Он счел необходимым приглашать не только игроков советских республик, но и настоящих иностранцев, среди которых были два испанских беженца времен Гражданской войны — Августин Гомес (1922–1975) и баск Руперто Сагасти. Дангуловские нововведения, его тренерские методы отмечались в спортивной прессе, у самого Дангулова сложились близкие отношения со многими спортивными журналистами. Его подпись часто появлялась под статьями в «Советском спорте». Когда череда травм среди игроков подкосила «Крылья Советов» в сезоне 1948-го, и команда заняла последнее место, покинув высшую лигу, Дангулов был уже известным тренером. Теперь он остался без работы, так как авиационное начальство предпочло расформировать команду, а не играть во втором дивизионе[22].

«Спартак» как раз искал нового главного тренера. В одной остановке по Ярославской дороге от тренировочной базы «Крыльев Советов» располагалась спартаковская вотчина, Тарасовка[23]. «Крылья» неоднократно использовали для тренировок спартаковскую базу. За их тренировками наблюдали Николай Морозов и Владимир Степанов, работавшие в то время администраторами «Спартака». Так же там мог бывать и кто-то из официальных лиц клуба. Никто в точности не знает, кто именно выбрал Дангулова. Вероятно, Морозов, а возможно, и жестко критикуемый глава московского общества «Спартак» Василий Кузин. Однако кто бы ни являлся автором идеи, она оказалась весьма удачной.

Национальность Дангулова не помешала руководству «Спартака» принять это решение. В спортивной среде практика привлечения представителей национальных меньшинств была общемировой. «Бруклин Доджерс» завладел всеобщим

вниманием, пригласив в команду Джеки Робинсона, первого в истории США афроамериканского бейсболиста. Менеджер команды, Бранч Рики, очевидно, искал новые таланты, но его жест также мог интерпретироваться и как большое политическое высказывание. «Спартак» работал в том же направлении, но не афишировал этого. Команда не искала «какого-нибудь хорошего армянина», тогда как «Доджерс», очевидно, выбрал себе именно «хорошего негра». Просто Дангулов был известным и компетентным профессионалом, который оказался свободен в тот момент.

Новый тренер навсегда изменил подход «Спартака» к игре. Его стиль до сих пор заметен в современном футболе, несмотря на грандиозные перемены, которые тот с тех пор претерпел. Дангулов был поборником игры с быстрыми рывками в свободные зоны, коротким пасом, основанной на мастерстве технически обученных игроков, выстраивающих на поле бесконечные треугольники, создавая голы в артистическом, импровизационном, но вполне структурированном стиле, который спартаковские болельщики не совсем корректно окрестили «романтическим». Командный футбол также разбавлялся наличием дриблеров, способных при необходимости самостоятельно взламывать защиту соперника. Один из таких дриблеров, Никита Симонян, так описывал этот стиль: «Мы должны были строить свою игру рационально. Игрок, контролировавший мяч, должен был видеть следующего игрока, чтобы дать ему точный пас. Тот игрок, в свою очередь, уже искал третьего свободного игрока»[24]. По словам Филатова, Дангулов привнес в московский футбол «южный стиль». Кавказские футболисты — возможно, грузины в большей степени, нежели армяне — были известны как большие мастера работы с мячом, яростные и темпераментные в атакующей игре. Здесь прослеживались аналогии с латиноамериканскими игровыми стилями. В газетах давно писали о тбилисском «Динамо» как о «летучих уругвайцах», и Уругвай, вместе с Аргентиной, до войны являлся одной из сильнейших футбольных держав[25].

Сделав акцент на игре в короткий и средний пас, Дангулов сократил количество ошибок, характерных для южных советских команд. «Спартак» стал теперь самой южной из северных команд чемпионата. До прихода Дангулова это была команда, известная своей сильной обороной и мощными, физически одаренными игроками атаки, которые побеждали за счет силы,

воли и уверенности в себе. Они играли примерно так же, как другие московские команды, только лучше. Новый «Спартак» стал мельче, быстрее и техничнее. Игроки выглядели и играли иначе. Посмотрите на командные фотографии 1949 года. Алексей Парамонов (176 см) стоит посередине, как минимум пять игроков ниже его ростом. Дангуловские взгляды на футбол и его нетрадиционные методы подбора игроков создали основу для «спартаковского стиля», который со временем стал частью мифологии команды вместе со «спартаковским духом». Идеями Дангулова прониклись не только игроки — их поддержали и болельщики, для которых новый стиль стал еще одним доказательством прогрессивных взглядов «Спартака»[26].

Являлся ли осознанным выбор в пользу социалистического интернационализма — или даже космополитизма — во времена ксенофобии? Конечно, тогда никто так не говорил, это было бы равносильно самоубийству. И все же различие между «Спартаком» и его московскими противниками поразительно и хорошо заметно. Низкорослые и быстрые (Парамонов, Симонян, Ильин) и долговязые, более изящные (Сальников и Нетто) играли в другой футбол, меньше ориентированный на физическую силу, что демонстрировало иной тип телесной культуры. Никто из них не походил на архетипического русского мужика, образ которого в футболе олицетворял Всеволод Бобров. «Спартак» не играл жестко, не играл в длинный пас и «бей-беги», как это было принято у среднего класса викторианской Англии с ее «рациональным досугом»[27]. Другие советские команды исповедовали именно такой футбол.

Неявным образцом для того «Спартака» мог быть креольский футбол в исполнении «Ривер Плейт». Этот стиль принес крупные успехи Аргентине и Уругваю в 1920–1930-е годы. Это был футбол, доведенный до совершенства миллионами итало-испанских иммигрантов из Латинской Америки, искусный и хитрый, чувственный и артистический. Те же мужчины, вместе со своими женщинами, подарили миру другую экзотическую культурную форму — страстное и сексуальное танго. Для них футбол и танго тесно связывались между собой — как занятия, способные дать телу возможность выразить то, что не мог выразить разум.

Спартаковские игроки тоже танцевали, на поле и вне его, и не избегали прочих телесных удовольствий, к которым

могли приводить их танцы. И болельщики могли танцевать вместе с ними. В 2001 году Симонян рассказывал мне:

> Мы не были изолированы. У нас не было охраны. Тогда [после 1949 года] доступ на тарасовскую базу был абсолютно свободным. Люди приходили на тренировки, смотрели на игры между основным составом и дублерами. Люди приходили и общались с нами. Все было полностью открыто, особенно для болельщиков. Более того, в Тарасовке была танцплощадка, на которой играл джаз. Люди приезжали из Москвы на танцы. Приезжали красивые девушки. А завтра-послезавтра — игра. И не исключено, что ребята такой вольностью и пользовались. Контроля не было. В «Динамо» был контроль[28].

Друг Симоняна, Алексей Парамонов, в своем интервью подтверждал сказанное[29]. Держа в голове вполне оруэлловскую картину советской действительности времен позднего сталинизма, в которой не было особенного места для танцев, я спросил Симоняна (в юности игравшего на трубе), что он имеет в виду под словом «джаз». Он ответил, что речь идет о фокстротах, Гленне Миллере и танго. Нам годами рассказывали, что в СССР начала 1950-х саксофон находился под запретом. Я спросил, был ли в группе саксофон. В ответ Симонян посмотрел на меня так, словно я сошел с ума, и сказал: «Конечно, у них были саксофоны. Они же играли джаз»[30].

К 1949 году роскошные рестораны в центре Москвы больше не включали в свой репертуар джаз-группы (хотя кое-где джаз продолжали исполнять). Последние исследования говорят, что советская молодежь переболела своей собственной танцевальной лихорадкой, распространившейся по всей стране — от сотен далеких деревень до танцплощадки в парке Горького. Как и футбол, танцы служили развлечением, которое легко возродилось после войны, и музыка, зажигавшая эту страсть среди молодежи, была далеко не только джазом. Юлиане Фюрст пишет, что все это проходило открыто: «По любому поводу и в любом месте молодежь устраивала танцы и проводила время за вальсами, фокстротами и танго. Послевоенная танцевальная лихорадка охватила все слои общества». Футбол и танцы являлись частью общего, глобального человеческого устремления — бегства от

серьезности и войны[31]. Качество музыки на спартаковской базе могло быть лучше многих других танцплощадок: говорят, там случалось выступать самому Утесову и другим звездам.

Для любого, кто изучает мировую историю футбола, не должно быть новостью, что футбол, танцы и красивые женщины часто связаны друг с другом. СССР между 1949 и 1953 годами не был исключением из этого мирового правила, а «Спартак» находился в авангарде движения. Элегантного красавца Сальникова чаще других упрекали в том, что он играет «для девушек». Оказалось, что и здесь «Спартак» демонстрировал другую культуру тела, отличную от культуры команд-соперников, что было частью иного, более космополитичного типа мужественности. Разумеется, парней из «Динамо» и ЦДКА также узнавали повсюду, и они тоже не избегали женского внимания. Великий Бобров слыл известным ловеласом, любителем ночных похождений, однако публичный образ московских команд отличался друг от друга. Спартаковская культура тела и мужественности не была ни оппозиционной, ни протестной. Поздний сталинизм не предусматривал возможности какой-либо открытой оппозиции, однако следует признать, что «Спартак» делал все иначе, чем другие советские футбольные команды, и вообще находился несколько в стороне от представления о норме, господствовавшем в то время.

Разрешавший своим игрокам секс накануне игры, Дангулов вряд ли походил на типичного советского тренера. Он был немногословным человеком, обращавшимся к своим игрокам исключительно на «вы»[32]. Вместе со своим альтер эго, более разговорчивым помощником Владимиром Гороховым, Дангулов уделял много времени индивидуальной работе с техническими навыками игроков, необходимыми для реализации его тактической системы. Заядлый курильщик, он зажигал сигарету и погружался в иной мир, наблюдая за матчем, проводил всю игру молча и оживал только после финального свистка. Его молчание скрывало огромную эмоциональную вовлеченность. Он понимал, что команда не сможет играть в футбол по его правилам без согласованности действий. Чтобы создать нужную атмосферу внутри клуба, Дангулов организовывал общекомандные встречи, навещал игроков у них дома и знакомился с их семьями. Так же он вел себя и с прессой: подробно разъяснял свои решения журналистам и приглашал репортеров в свою квартиру на вечера «южного гостеприимства»[33].

Лучший игрок достался Дангулову благодаря его южным связям, и это был Никита Симонян. Как и спартаковский тренер, Симонян родился в Армавире, куда его семья бежала из западной Армении в 1915 году, спасаясь от турецкого геноцида. В 1931-м Симоняны — отец-сапожник и домохозяйка-мать вместе с сыном — перебрались в мультикультурный Сухуми, столицу абхазского региона грузинской республики. Русский служил общим языком в этом многоязычном портовом городе, и, к ужасу и изумлению традиционалиста-отца, Симонян-младший быстро заговорил по-русски. Играя на улицах и пустырях, Симонян оказался в поле зрения сухумского «Динамо» и был включен в молодежную команду. В 1945-м Дангулов и Горохов привезли первый и дублирующий составы «Крыльев Советов» в Сухуми на весенние сборы. Команда Симоняна сыграла и с теми, и с другими. Нападающий сделал два хет-трика и был приглашен в гостиницу «Абхазия» на встречу с Дангуловым и Гороховым, где ему предложили поехать в Москву играть за «Крылья Советов». Родители Симоняна были категорически против, однако долгий разговор на армянском между Симоняном-старшим и Дангуловым убедил их изменить мнение[34].

Накануне сезона 1946 года Никита появился в Москве, где поселился в тесной квартире Горохова в подвале дома в центре столицы. Быстро адаптировавшись к новой жизни благодаря поддержке гостеприимной гороховской семьи, Симонян привык к городу, стал ходить в кино, театр и посещать все важные матчи на стадионе «Динамо». Проворный и сообразительный, он без труда приспособился к ритму жизни большого города. Он также писал (уже после 1991 года), что не сталкивался с этническими оскорблениями или случаями дискриминации. Симонян вспоминал о криках с трибун: «Давай, Симонян! Ты должен бежать!» — однако не связывал эти слова со своим национальным происхождением. Первые три года под началом Дангулова он посвятил обучению. Симонян был значительно младше всех футболистов в лиге. Его первый гол — в матче с минским «Динамо» — попал на передовицу «Советского спорта»[35]. Такой талант не мог оставаться незамеченным. В первые два года он принял участие во всех играх своей команды, правда, в каждом из сезонов забил лишь по три гола. В последний год в «Крыльях» он вновь забил столько же, но из-за травмы выходил на поле лишь в десяти матчах[36].

Компетентные органы в Грузии, курировавшие тбилисское «Динамо», с самого начала были недовольны решением Симоняна переехать в Москву. Вскоре они воспользовались своим излюбленным способом переубеждения. Симонян вернулся домой на товарищеский матч с «Динамо» (Сухуми). В старостинском стиле — не обращая никакого внимания на хронологию — Симонян не уточняет в своих мемуарах, когда именно это произошло. Вероятнее всего, это случилось перед началом сезона 1947 года, когда «Крылья Советов» снова тренировались в Сухуми. Прибыв в город с новой командой, Никита узнал, что органы арестовали отца и обыскали его дом. Их целью было надавить на Симоняна-старшего, чтобы тот заставил сына вернуться в Грузию насовсем. Дангулову передали, что Никиту Симоняна тоже арестуют. По окончании игры Никиту окружила вся команда, и в ее сопровождении он добрался до гостиницы. Оттуда они с Дангуловым отправились прямиком на другой черноморский курорт — Сочи, где оказались в безопасности после пересечения границы республики. Два дня спустя Симонян-старший был освобожден.

«Лучший друг тбилисского „Динамо“» не принял этот ответ. В следующий приезд Симоняна, состоявшийся, вероятнее всего, после окончания сезона 1947 года, его вызывали к абхазскому министру внутренних дел, который спросил его, как грузинский воспитанник может играть в Москве. «У руководства Грузии есть мнение, что ты должен играть за команду республики, и это необходимо обсудить в Тбилиси». В этот раз в семье решили, что лучше будет ответить на предложение министра. На вокзале в Тбилиси Симоняна встретил не кто иной, как Борис Пайчадзе, к тому моменту уже завершивший карьеру, и отдал его в руки местной госбезопасности. У нас есть только воспоминания Симоняна о встрече с главой грузинского МВД, имя которого он не называет. В этот раз ему были предложены пряники, а не кнут. «Слушай, — начал он без предисловий, — зачем тебе жить в Москве? Ты — армянин. Грузины и армяне — братья, а русские нас турками называют». Симонян наивно ответил, что за год жизни в Москве не сталкивался с антиармянскими или антигрузинскими настроениями. Более того, он не чувствовал разницы между собой и русскими. Согласившись обдумать предложение, Симонян вернулся в Сухуми, где обсудил все с семьей, и в итоге решил отказаться от перехода в тбилисское «Динамо». С тех пор

каждый день, до самого окончания карьеры его сына в «Спартаке», Симонян-старший жил в страхе нового ареста. По словам Симоняна, он ощутил «беззащитность людей перед беззаконием, дурной начальственной волей»[37].

Когда Дангулов и Горохов перебрались в «Спартак», Симонян автоматически не последовал за ними. «Торпедо», поддерживаемое промышленным гигантом ЗИС и его могущественным директором Иваном Лихачёвым, сделало ему серьезное предложение. Звездный центральный нападающий Александр Пономарёв был невероятно популярен среди заводских рабочих, и Лихачёв провозгласил: «Рабочий класс любит футбол и живет ради своей команды». Как выяснилось позднее, Пономарёву в этом случае лучше было бы оставаться в тени. Симонян сам видел себя центральным нападающим и беспокоился, что проиграет ему конкуренцию за место в составе. Спартаковский центр нападения был послабее, и Симонян чувствовал, что там он сможет играть. Так что несмотря на уважение к Дангулову и любовь к Горохову, главная причина для перехода в «Спартак» оказалась проста: Никита хотел выходить на поле. Действительно, победы в кубках 1946 и 1947 годов производили впечатление, однако его отказ «Торпедо» был вызван исключительно спортивными причинами[38]. В окружении таких талантливых игроков, как Дементьев, Сальников и Парамонов, Симонян расцвел. Он пришел в «Спартак» вовремя. Соблазненный ключами от новой квартиры, Иван Конов перебрался в «Динамо». В свой последний сезон он забил пятнадцать мячей, что в обычных обстоятельствах было бы трудно повторить. Но двадцать шесть голов Симоняна в его дебютном спартаковском сезоне более чем компенсировали уход Конова[39].

Другой важный игрок того «Спартака» добился успеха не так быстро. В 1949 году Игорь Нетто провел в основном составе только восемь игр. Родившийся в Москве, он был менее экзотической фигурой, чем Симонян. Его эстонская фамилия и стиль игры стали основой того «нерусского» имиджа, который прибавился к спартаковскому образу. Долговязый, с узким лицом и крупным носом, Нетто не являлся классическим главным героем со «славянской внешностью». В девятнадцать лет его таланты, первоначально развивавшиеся во дворе за домом, уже были отмечены в центральной прессе. Но Нетто не рос с мечтой играть за «Спартак». В первом матче, который он увидел в десять лет,

играло московское «Динамо», и с тех пор он болел за главного соперника «Спартака». К счастью для «Спартака», когда Нетто пришел на просмотр на стадион «Динамо», там не оказалось ни одного тренера. В 1947-м друзья убедили его попробовать свои силы в «Спартаке». Его принял Владимир Степанов, в то время тренировавший молодежную команду, и сразу же поставил на левый фланг полузащиты резервного состава[40]. Два года спустя Дангулов запустил процесс превращения Нетто в одного из величайших игроков — не только «Спартака», но и всего советского футбола.

Чрезвычайно умный, но вспыльчивый и неуступчивый, обладатель непростого характера, Нетто, как ни странно, очень быстро освоил новый игровой стиль «Спартака». Сторонник игры в короткий и средний пас, Нетто как шахматист (которым он и был) думал на три хода вперед. Эта его способность идеально соответствовала дангуловской системе. Великолепный распасовщик и ответственный игрок при защите своих ворот, он был идеальным полузащитником, который, несмотря на недостатки характера, являлся еще и прирожденным лидером. Партнеры по команде постепенно привыкли к постоянной критике с его стороны, сопровождавшейся еще менее приятным нежеланием воспринимать критику в свой адрес. Ни тренеры, ни администраторы — никто, даже Старостины — не были защищены от его острого языка. Одной из излюбленных мишеней для Нетто служил Сергей Сальников — популярный среди одноклубников, которые, несмотря ни на что, понимали справедливость некоторых замечаний Нетто. Со временем он стал капитаном «Спартака», а затем и сборной[41].

С новыми игроками, тренером и задачами на сезон «Спартак» с оптимизмом вступил в 1949 год. В предварительном обзоре сезона, написанном для «Советского спорта», даже Борис Аркадьев пророчил команде большое будущее. Товарищеский матч против ЦДКА 3 апреля в Сухуми мог быть одним из первых знаков грядущего успеха. Впервые в жизни играя перед своими домашними болельщиками в футболке «Спартака», Симонян забил победный гол в матче, выигранном со счетом 2:1. Однако все эти предзнаменования не привели к немедленным результатам. Лишь на седьмой неделе сезона «Спартак» впервые забил, и уже тогда ситуация радикально изменилась. После четырех голов в ворота бакинского «Нефтяника» последовал разгром

куйбышевских «Крыльев Советов» (5:0). Одержанные затем победы подарили команде хорошие отзывы в прессе. Сергей Савин, судья и спортивный чиновник, отмечал в «Советском спорте», что «Спартак» играет с большой сплоченностью и желанием. Новый состав, который Дангулов стал регулярно выпускать на поле, начал добиваться успехов. В «Вечерней Москве» Виктор Дубинин писал о больших успехах возрожденной спартаковской атаки, которая компенсировала необычную слабость обороны, и особенно вратаря. Впрочем, скорые поражения от «Динамо» и ЦДКА, а также от «Зенита» (0:5) охладили пыл болельщиков. К середине сезона «Спартак» оказался на пятом месте[42].

Система игры, предложенная Дангуловым, стала брать свое во второй половине сезона. Последовала серия побед, при всего трех поражениях — в ходе трудного турне по кавказским республикам. Вернувшись на север, «Спартак» продолжил побеждать. Радость оказалась слегка подпорчена поражением от ЦДКА (1:2) в напряженном матче, который «Вечерняя Москва» назвала «встречей равных соперников»[43]. Ожидания перед октябрьской игрой с «Динамо» были как никогда высоки. На 1 октября «Спартак» шел вторым в таблице, «Динамо» — на первом месте, на расстоянии одной победы. Игра не обманула ожиданий зрителей. Те, кто не признал лучшей в истории встречу ЦДКА и «Динамо» в последний день сезона 1948 года, часто говорят об игре «Спартак» — «Динамо» в 1949-м как о пике золотого века советского футбола.

Хотя «Спартак» и не победил, эта игра стала частью клубной легенды. Выигрывая или проигрывая, «Спартак» никогда не бывал скучным. Сальников открыл счет на 34-й минуте, когда великий динамовский вратарь Алексей Хомич пропустил удар, закрытый своими защитниками. Перед самым перерывом недавний спартаковец Иван Конов сравнял счет. Игра еще больше обострилась с 53-й минуты, когда Симонян забил второй мяч «Спартака» с передачи Сальникова. Вскоре после этого динамовец Владимир Савдунин вновь сравнял счет. Минутой позже Василий Трофимов вывел «Динамо» вперед. Две минуты спустя Терентьев сравнял счет (3:3), а еще через минуту Сальников вновь дал «Спартаку» преимущество в один гол. За десять минут было забито пять голов. «Динамо» заменило дрогнувшего Алексея Хомича на Вальтера Санаю. Толпа сходила с ума, трибуны неистовствовали. Константин Бесков в очередной раз уравнял счет

голом на 76-й минуте, когда уже никто не мог представить, чем все это закончится. Победный мяч за три минуты до конца матча забил Савдунин. Вратари, похоже, взяли на игру выходной, однако сам матч был невероятно драматичным и захватывающим для всех зрителей и участников. Когда-то игравший в воротах «Локомотива» Валентин Гранаткин написал в «Советском спорте», что игра продемонстрировала все лучшие и худшие качества советского футбола. Болельщики того поколения до сих пор помнят этот яркий матч[44].

Две недели спустя сезон завершился победой «Динамо», а ЦДКА вклинился на второе место, впереди «Спартака». Третье место стало повторением прошлогоднего результата, но руководство команды и болельщики считали достижения Дангулова более весомыми, чем итог 1948 года. Новый путь был проложен. Дело заключалось не только в хорошем результате, но и в способе достижения этого успеха. Спартаковские болельщики вновь поверили, что в их команде есть нечто особенное и оригинальное. В своем ежегодном обзоре по окончании сезона Сергей Савин из «Советского спорта» хвалил Дангулова за то, что тот привил игрокам высокий уровень технического мастерства. Молодые футболисты хорошо сыгрались с опытными, вместе составив впечатляющую команду, которая по-прежнему страдала от отсутствия надежного вратаря. Каждый год савинская статья дополнялась командным портретом чемпиона сезона. В этот раз впечатление от игры «Спартака» оказалось таким сильным, что симпатизирующий команде футбольный отдел посвятил статью бронзовому медалисту, а не победителю[45].

Впрочем, последняя глава того сезона еще не была написана. И в этой главе опять появились препятствия, стоящие на пути «Спартака» к успеху. 30 октября два великих противника вновь сошлись на поле, в этот раз в полуфинале кубка. В холодный и пасмурный день 60 000 зрителей пришли посмотреть на то, что оказалось очень жестким — даже грязным — поединком, который быстро вышел из-под контроля опытного судьи Михаила Дмитриева (1907–1965). В самом начале матча динамовец Савдунин ударил спартаковского защитника Анатолия Сеглина кулаком по лицу. Нарушение, оставшееся без наказания, положило начало настоящей драке. В таких ситуациях преимущество получает физически более крепкая команда. Спартаковские игроки — более легкие, быстрые и техничные — не могли играть в свою

игру. Несмотря на эти трудности, «Спартак» повел: Симонян открыл счет с подачи Сальникова на 20-й минуте. Шестью минутами спустя Конов потряс своих бывших одноклубников двумя голами за две минуты. Игроки падали на газон направо и налево, спартаковские трибуны требовали немедленно убрать судью Дмитриева с поля, когда Сальников сравнял счет после углового, всего за 20 секунд до конца[46].

Сразу после окончания матча начались закулисные игры, и явно не в пользу «Спартака». Переигровка была назначена на следующий же день, что уменьшало шансы команды с более короткой скамейкой запасных — спартаковской. Агрессия Савдунина не осталась без внимания, и дисциплинарная комиссия дисквалифицировала его на следующую игру. Два зама Аркадия Аполлонова, главы спорткомитета, одобрили это решение, но сам он его не подписал. Он не только разрешил Савдунину играть в повторном матче, но и назначил судить раскритикованного за первую игру Дмитриева. Офицер НКВД, Апполлонов поднимался по карьерной лестнице в системе «Динамо», так что справедливым будет предположить, что его решения отражали и предпочтения Берии в этих вопросах. «Спартак» мог лишь протестовать. Вспоминали полуфинальную переигровку 1939 года, однако повторить знаменитую победу не удалось. Симонян вновь забил на той же самой минуте, что и накануне, однако во втором тайме «Динамо» одолело «Спартак». И вновь счет сравнял Конов, а две минуты спустя, на 77-й, Михаил Семичастный решил спартаковскую судьбу. В этот раз обошлось без спасительного сальниковского героизма. Дангулов и его команда, впрочем, могли слегка позлорадствовать, когда в итоге «Динамо» проиграло финал торпедовцам — со счетом 1:2[47].

В последующие недели все газеты были завалены возмущенными письмами. Сообщения приходили в Агитпроп, отдельным членам ЦК и даже самому Сталину лично. Ярость болельщиков оказалась так велика, что агитпроповцы среднего звена доложили об этом своему начальнику — Георгию Маленкову. Эти двое функционеров — А. Сушков и К. Калашников — подошли к своим обязанностям профессионально и объективно. Они вполне обоснованно отметили, что практически все письма, пришедшие в газеты и партию, написаны болельщиками «Спартака» и имеют «тенденциозный характер». Они сошлись на том, что полуфинал был «сложным спортивным противостоянием,

которое „Динамо“ выиграло в честной борьбе». И настаивали на том, что нет поводов назначать вторую переигровку.

Одновременно Сушков и Калашников констатировали, что недовольство тех, кто отправлял все эти петиции, заслуживает внимания. Типичное письмо такого рода написал Сталину москвич, член партии А. А. Хахамов. Хахамов был особенно возмущен поведением динамовских игроков во время переигровки. Он утверждал, что те приняли решение Аполлонова как знак, разрешающий грязную игру. Конов, например, врезался во вратаря «Спартака» Чернышёва так, что тот потерял сознание, а судья не посчитал это нарушением правил. Хахамов продолжал обращаться к Сталину:

> Возможно, вы слышали эту игру по радио. Долгое время можно было слышать «Судью на мыло! Судью на мыло!» и утверждения, что это Дмитриев выиграл игру, а не «Динамо». <...> Как коммунист, политрук советской армии и патриот физкультурного движения я возмущен до глубины души[48].

Стоит отметить, что предположение, будто Сталин слушал игру по радио, абсолютно нелепо. Он был совершенно равнодушен к спорту, и к футболу в том числе. Не менее абсурдны предположения, что подобные крики с трибун были чем-то новым для советского футбола. Нападки на судей являлись обычным делом для болельщиков с первых дней революции, да и вообще — с первых дней игры в футбол. Призыв «Судью на мыло!» — советская версия британского «Kill the ump!» («Прикончи судью!») — мало кого мог удивить. А вот писать вождю мирового социализма письмо с протестом по поводу результата футбольного матча вряд ли было обычным шагом для советского гражданина. Идея, что Сталин мог найти время в своем плотном расписании и лично проконтролировать, чтобы Дмитриев никогда больше не судил, — как просили болельщики Валентин Дубровицкий и Владимир Анисимов, — показывает серьезность, с которой футбольная публика восприняла эту историю[49].

Сушков и Калашников ответственно отнеслись к жалобам. Они передавали Маленкову, что письма и другие материалы свидетельствуют: Аполлонов действительно оказывал предпочтение «Динамо».

> Настроение болельщиков на стадионе во время матчей с участием «Динамо»... показывает, что среди части советского спортивного общества «Динамо» пользуется слабым авторитетом или любовью. Его [Аполлонова] необъективное отношение... дискредитирует эту команду. Он часто игнорирует общественное мнение, не скрывая своих симпатий к «Динамо».

Сушков и Калашников писали Маленкову, как Аполлонов проигнорировал нападение Савдунина на Сеглина, что стало «пощечиной общественному мнению»[50].

Сушков и его коллеги не в последний раз поднимали вопрос об «общественном мнении», но представлять его в качестве аргумента для своего начальства было очень необычно. Среди других свидетельств спортивных функционеров и бюрократов я не находил текста, в котором уделялось бы столь явное внимание влиянию футбола на общество. Следует заметить, что лидеры Советского государства не практиковали обсуждения своих решений с собственным народом. Если они хотели знать, что сейчас происходит в обществе, то обращались в органы госбезопасности, а не к болельщикам, которые частенько толпились рядом со стадионом «Динамо», обсуждая матчи и другие текущие дела[51]. Очевидно, НКВД имел шпионов в таких местах, но вряд ли они решались сообщить начальству, что «Динамо» — самая ненавидимая в этой среде советская команда. При этом здесь обращает на себя внимание Маленков — второй или третий по важности человек в государстве в 1949 году, которого подчиненные призывают прислушаться к мнению «спортивного сообщества».

Трудно найти более убедительное доказательство того, что футбол был тесно связан с реальным и воображаемым в повседневной жизни простых москвичей. Сам пограничный и свободный характер игры давал ей возможность занять культурное пространство между советскими государственными институтами, и именно здесь, а не в официальных учреждениях, мы можем найти настоящую жизнь советских граждан того времени. Здесь вновь кажется уместной метафора Купера о спорте как о слепом пятне с точки зрения государственного контроля. Футбол не был оружием государства, а игра могла иметь для режима политические последствия. После 1949 года рабочим стало труднее выражать свое недовольство условиями труда,

но казалось возможным обратиться к Сталину и пожаловаться на судью в кубковом матче. Если бы авторы «выпускали пар» на спортивном зрелище, писем никто бы не писал — ни в партию, ни в прессу. Проще было бы опрокинуть еще сто граммов водки и пойти домой. Мы можем только предполагать, какие еще неспортивные обиды стали причиной недовольства спартаковских болельщиков. Непредсказуемость футбола, его эмоциональность и разрушительный потенциал, по словам Сушкова и Калашникова, заставляли руководство обращать внимание на мнения болельщиков на трибунах.

Случай Сальникова и борьба за таланты

«Спартак» вернулся на вершину советского футбола, однако в последние дни сезона ему напомнили, что своевольная власть все еще может препятствовать исполнению его желаний. Той зимой «Спартак» вновь столкнулся с тем, что он не всегда может выпускать на поле самых талантливых игроков — одна из главных звезд команды перешла в «Динамо». Для глобального мира футбола в этой истории нет ничего исключительного. Практически в любом командном виде спорта на любом уровне вопрос о переходах игроков — один из самых противоречивых и мучительных. Контроль за этим процессом в большом футболе всегда создавал проблемы. До появления свободных агентов в конце XX века игроки принадлежали своим клубам: ими торговали, их покупали и продавали. В СССР же все спортсмены формально считались любителями, контрактов у них не было. Кроме того, остатки марксистской идеологии, касавшиеся советских трудовых отношений, противоречили обращению со спортсменами как с товаром.

С первых дней советской власти сменилось несколько правил, регулировавших переход игроков из команды в команду, но и они далеко не всегда соблюдались. В конечном счете советские футбольные звезды были относительно свободны в выборе клуба. Но в некоторых кругах на подобное смотрели неодобрительно. Верность спортивному обществу, воспитавшему тебя с юности, считалась добродетелью. Поиск лучших условий для жизни и высокого заработка казались признаками профессионализма. Наконец, сами спортивные общества, склонные привлекать спортсменов со стороны вместо воспитания собственных

кадров, могли обвиняться в распространении буржуазных нравов в советском спорте. Так когда-то произошло и со Старостиными.

Когда зимой 1950 года поползли слухи, что Сальников принял предложение уйти в «Динамо», это стало самым громким и скандальным переходом игрока за всю историю советского футбола. Ослабленный «Спартак» был в осадном положении на протяжении нескольких лет. Его спортсмены в нескольких видах спорта часто переходили в более влиятельные и богатые спортобщества, прежде всего в команду ВВС Василия Сталина и, разумеется, в «Динамо». Один из московских представителей «Спартака» — Э. Роговский — писал Сталину: «Некоторые физкультурные организации встали на путь сманивания ведущих спортивных мастеров из тех обществ, где их подготовили для достижения спортивных успехов»[52]. Этот процесс шел как минимум с 1948 года, когда Конов ушел в «Динамо». В то же время весь основной состав хоккейного «Спартака» перешел в ВВС. Причиной, как сообщал Сталину представитель Промкооперации, являлось «улучшение материальных условий», которые были выше установленных правительством. В частности, Роговский заявил, что основным фактором стал значительно более высокий заработок, нарушавший принцип «равной оплаты за равный труд»[53]. Группы болельщиков, представлявшиеся «московскими рабочими», посылали письма в «Правду» и «Советский спорт». ВВС и «Динамо», по их словам, имели «неограниченные ресурсы», а «Спартак» — «ограниченные средства»[54]. Эти набеги на состав «Спартака» были одобрены в спорткомитете, которым руководил старый динамовец Аполлонов. В 1949 году Василий Сталин защищал свою кадровую политику перед Аполлоновым и напомнил ему: «Вы сами знаете, что ни один спортсмен не вошел в наш коллектив без вашего согласия»[55].

Сальникова в «Спартаке» особенно любили. Выросший недалеко от базы команды в Тарасовке, он, по слухам, был внебрачным сыном Николая Старостина (сейчас уже очевидно, что слухи не имели под собой оснований)[56]. Из всех игроков как мог именно он перейти в стан «старого врага»? Спартаковские болельщики чувствовали себя уязвленными. Потеря лучшего нападающего стала ежегодным явлением. Сначала это был Конов, теперь — Сальников. Едва «Спартак» подобрался к «Динамо» и ЦДКА, как у него выбили почву из-под ног. На самом деле возможности режима влиять на спортивный процесс оказались

далеко не безграничными. Тем не менее москвичи, поддерживавшие «Спартак», восприняли уход Сальникова как еще один пример того, что старые и могущественные «они» по-прежнему притесняют «нас».

Сначала, в январе, Спорткомитет отверг запрос Сальникова, однако 3 марта, накануне сезона 1950 года, одобрил его переход в «Динамо». Новость разошлась, и письма с протестами хлынули в редакции газет и кабинеты работников Агитпропа. И влиятельные, и простые люди без колебаний выражали свое возмущение высшим советским чиновникам. В сообщении, адресованном Маленкову вскоре после возникновения «скандала», Сушков и Калашников упоминали, что Сальников, получив первый отказ, обратился за помощью к Берии и члену политбюро П. К. Пономаренко. К сожалению, нет свидетельств о том, когда и зачем Сальников с ними встречался. Возможно, сведения Сушкова и Калашникова о действиях Сальникова не совсем точны, но они и не предлагали отменить сам переход. Вместе с тем они пишут: «Мы также думаем, что было бы целесообразно предложить товарищу Аполлонову помочь „Спартаку“ усилить состав, который недавно определенно стал слабее»[57].

Почти в то же время Суслову пришло письмо от редактора «Комсомольской правды» Д. Горюнова, который предполагал, что эта история имеет более широкие политические последствия:

> Все это безобразие известно игрокам, против морального облика которых протестуют болельщики на соревнованиях. На стадионах, особенно московских, когда на поле появляются эти «перекати-поле», в них кидают гнилые яблоки. Болельщики освистывают «перебежчиков» и громко скандируют их имена с обидными прозвищами. С таким поведением мы раньше не сталкивались.

Горюнов жаловался Суслову, что его газете запрещено писать о Константине Мораре, функционере общества «Динамо», который, по информации Горюнова и его газеты, инициировал переход в свою команду Конова, а теперь и Сальникова. Приманкой, утверждали они, была не только прибавка в зарплате, но и новая квартира[58]. Сушков и Калашников, действуя с характерной для них осторожностью, предложили свой вариант:

Сушков ничего не публикует, но Аполлонову выносят получает предупреждение — подобной практике необходимо положить конец[59].

Маршал Советского Союза и член Политбюро Климент Ворошилов получил море писем от граждан с жалобами на переход Сальникова. Группа рабочих с резиновой фабрики утверждала, что любимая команда столичных болельщиков, «Спартак», хотя в последние годы и занимала высокие места в таблице, бороться за первенство не может. Происходит это потому, что каждый год лучшие игроки уходят в «Динамо». В прошлом году — Конов, в этом — Сальников. «Мы протестуем против ежегодного ослабления нашей команды». Е. Смирнов поднял этот вопрос у Ворошилова из-за его «социального и политического характера». Он продолжил: «Спортивное сообщество столицы глубоко обеспокоено, что воспитанники спартаковской школы — Сальников (а до него Конов) — по „эгоистическим мотивам“ переходят в „Динамо“, которое долгие годы не готовило себе смену, а просто собирало игроков из других команд». По мнению Смирнова, такое положение вещей возникло потому, что «Аполлонов не принял во внимание общественное мнение». Он предлагал вернуть Сальникова в «Спартак» «в интересах справедливости и чтобы успокоить общественное мнение»[60]. Ворошилов также получил письмо в редакцию «Правды» «от группы московских спортсменов и любителей спорта», жаловавшихся на «буржуазные нравы в нашем спорте» и игроков, преследующих «лучшие материальные условия в погоне за длинным рублем». «„Динамо“, — утверждали они, — не особенно популярно у публики, несмотря на свои большие спортивные успехи»[61].

Еще больше жалоб, писем и петиций, часть из которых приходила даже в августе, были отправлены в Агитпроп, и Сушков передавал их краткое содержание Суслову. Речь шла об общих жалобах на беспорядочную и невнятную систему перехода игроков из команды в команду. Не только Сальников перешел в «Динамо», Анатолий Акимов и Всеволод Бобров ушли в ВВС Василия Сталина — эти перемещения вызвали куда меньший общественный резонанс. Группа инженеров осудила игроков за «эгоистические устремления» и утверждала, что купля-продажа звезд «может иметь место в трумэновской Америке, но никак не на нашей социалистической родине». В конце своей подборки писем в прессу Сушков напомнил Суслову, что этот вопрос

«тревожит советскую общественность», о чем свидетельствует большое количество жалоб и сообщений, направленных в разные газеты и ЦК. Несмотря на все послания и письма, Аполлонов одобрил переход Сальникова в «Динамо». Сушков рекомендовал Суслову заняться этой проблемой, в особенности отсутствием утвержденного порядка при переходе игроков[62].

Масштаб открытого протеста против ухода Сальникова не имел прецедентов в истории самой популярной игры в стране. Граждане выражали свое возмущение в письмах в газеты, обращались напрямую к политическим лидерам, требуя изменить решение, принятое высокопоставленными государственными чиновниками. При этом деятели высшего уровня — как в государственных, так и в партийных структурах — получали от своих компетентных и деликатных подчиненных рекомендации обращать внимание на общественное мнение. Более того, функционеры среднего звена полагали, что невнимание к общественному мнению грозит режиму политическими осложнениями. Разумеется, можно счесть все это недовольство просто болтовней, но, выражая свой гнев по поводу развала любимой команды, московские спортивные болельщики использовали те же самые механизмы протеста, что уже долгое время были доступны гражданам стран с либеральной демократией и развитым гражданским обществом. Жалобы, высказанные в ходе дела Сальникова, чем-то похожи на гнев и ярость, которые выплескиваются на современных спортивных радио-шоу — это дискурс, который некоторые назвали бы свободой слова. Можно проигнорировать все дискуссии вокруг Сальникова как пустые и бессмысленные. Они никак не поменяли решения властей, точно так же как крики болельщиков не препятствуют увольнению популярного тренера каким-нибудь невежественным и надменным хозяином футбольного или бейсбольного клуба — у них просто нет рычагов влияния на людей, руководящих спортивным процессом.

Скорее всего обстоятельства ухода Сальникова из «Спартака» можно рассматривать как классический случай властного произвола в мире спорта[63]. Сальникову публично перемыли кости за самовлюбленность и эгоизм. Его освистывали с трибун на протяжении всего сезона 1950 года, однако впоследствии выяснилось, что он присоединился к «Динамо» по самым бескорыстным причинам. Слухи об этой части истории советского футбола ходили десятилетиями. Любопытно, что и в архивных

документах есть лишь небольшой намек (отсылка к Берии) на то, что случилось на самом деле. Только в 1995 году Никита Симонян признался в мемуарах, что Сальников перешел в «Динамо», чтобы улучшить условия лагерного содержания своего отчима[64]. Без дальнейших доказательств эта версия вскоре стала общепринятой в постсоветской России[65]. Впрочем, и недавние исследования в целом подтвердили правоту рассказа Симоняна.

Биография Сальникова авторства Александра Соскина, изданная в 2004 году, и неопубликованный текст Павла Алёшина (оба — ветераны спортивной журналистики) дали нам новые подробности: отчим Сальникова, Владимир Ермолаевич Сергеев, был отправлен в лагерь на север за экономическое преступление, не по политическим мотивам. Сестру Сергеева, известную актрису Галину Сергееву, в конце 1949 года якобы навестил сотрудник органов (его имя не называется) и сообщил, что здоровье ее брата ослабло, и он может не пережить строгого режима и морозной зимы в северном лагере. Согласно этому источнику, Сергеева рассказала все матери Сальникова, которая затем передала все сыну. Сальников сам пошел к бывшему одноклубнику, Ивану Конову, теперь игравшему за «Динамо» и имевшему хорошие связи в органах. Вскоре после их разговора Сальникову позвонили и объяснили, что его переход в «Динамо» может улучшить условия заключения его отчима. Этот вариант «перехода через шантаж» был опробован уже на Симоняне, но тот, в отличие от Сальникова, оказался в более выгодном положении и мог отвергнуть угрозы госбезопасности. Сезон 1950 года Сальников начал динамовцем, а его отчим — в обычной тюрьме недалеко от Москвы, в городе Электросталь. Владимир Сергеев получил разрешение на регулярные свидания с женой. Он пережил свое заключение, в то время как его пасынок играл за «Динамо» еще пять сезонов. Сальников с трудом воспринимал жесткую командную дисциплину, и руководство команды было не в восторге от его характера. На поле он демонстрировал хорошие, но далекие от выдающихся результаты[66].

Возможно, болельщики «Спартака» и могли себя выражать так же свободно, как на Западе, но Сергей Сальников тем не менее теперь играл в голубой майке «Динамо». Это прекрасная иллюстрация той реальности, где Берия и его окружение диктовали свою волю в любой сфере человеческой деятельности и где при других обстоятельствах вполне могла реализовывать

себя определенная, пусть и не полная, автономия. Очевидно, что все случившееся было проявлением тоталитарной системы принуждения — дело Сальникова показывает ограниченность псевдодемократического дискурса, мимолетно возникшего в то время в спортивном мире. Впрочем, эти события не стали последней главой в карьере Сальникова. Когда Николай Старостин вернулся из ссылки в 1954 году и вновь возглавил «Спартак», его первой задачей стало возвращение Сальникова обратно в команду. И уже в начале сезона 1955 года Сальников вновь надел красно-белую форму. Следующие шесть лет он был счастлив и сыграл важную роль в приближении золотого века «Спартака».

Потепление перед оттепелью? Фундамент для новой победы

Сезон 1950 года был встречен не с оптимизмом предыдущего года, а со страхом и неопределенностью: общество «Спартак» не могло обеспечивать собственных спортсменов. В статье под заголовком «Возвращение „Спартака“ к былому величию» «Советский спорт» в очередной раз оплакивал закат организации, которая до войны успела прославиться на международной арене. Правда, газета признавала, что Промкооперация уже не способна поддерживать «Спартак» так щедро, как в прошлом, но бóльшая часть обвинений была направлена на Михальчука и Кузина, которые по-прежнему возглавляли московское отделение спортобщества «Спартак». Сожалея по поводу нежелания спорткомитета соблюдать последовательную политику в отношении перехода игроков, «Советский спорт» также давал понять, что и сам «Спартак» не предпринимает достаточных усилий для сохранения своих футболистов[67].

Несмотря на все опасения, сезон начался великолепно — с шести побед и четырех ничьих в десяти матчах. Более того, «Спартак» побеждал в стиле, который пресса называла «спартаковским». Но лучше всего было то, что болельщики стали возвращаться на стадион. 22 мая 80 000 человек собрались на стадионе «Динамо», когда в город прибыло могучее тбилисское «Динамо»[68]. Нетто утвердился на позиции в полузащите рядом с Олегом Тимаковым, составив с ним мощный центр. Василий Соколов обрел новую жизнь в обороне. Анатолий Ильин занял позицию Сальникова на левом краю нападения,

в то время как Терентьев, Парамонов и неувядающий Дементьев забивали голы.

При этом главным двигателем стартовых успехов оказался Симонян, забивший семь голов в первых десяти матчах. Он был на пути к сезону, беспрецедентному в истории советского футбола. Готовая звезда, он превращался в суперзвезду и стал первым игроком нерусского происхождения, добившегося этого статуса в Москве. Симонян шел навстречу рекорду (тридцать четыре гола в тридцати шести матчах), который продержится четверть века. Это был один из тех коротких исторических моментов, когда идеальный игрок оказывается встроен в идеальную систему, и разумный тренер с другими способными игроками создают футбольное совершенство. Газеты писали о «великолепной игре» «Спартака», его «быстрой атаке с быстрыми короткими передачами». Мяч ходил молниеносно, игроки часто менялись позициями на поле. Победному голу Симоняна в ворота ВВС (за которых теперь играли Бобров и Акимов) предшествовала комбинация с участием всей пятерки спартаковских нападающих[69]. Михаил Сушков и Петр Исаков, писавшие для «Вечерней Москвы», независимо друг от друга объясняли успех «любимой команды москвичей» появлением новых молодых игроков. Владимир Чернышёв создавал нужную стабильность в воротах. Паршин, Нетто и Ильин также заслужили похвалу в свой адрес[70]. Сергей Савин отмечал в «Советском спорте», что у «Спартака» есть свой стиль игры, который возможен лишь при идеальном взаимодействии всей команды[71].

Похвалы кружили голову, но вскоре реальность взяла свое — вместе с поражением от ЦДКА со счетом 1:2 и ничьей с «Динамо» со счетом 1:1. Вернулись давние призраки нестабильности игры. Несмотря на встряску, команда Дангулова шла на третьем месте, с хорошими шансами на серьезный успех, как раз перед ежегодным августовским туром на юг. Гостеприимный при других обстоятельствах, Кавказ всегда был для «Спартака» трудным препятствием. Так случилось и в этом году. Команда проиграла четыре раза подряд. Последним унижением стало поражение от одноклубников «Спартак» (Тбилиси) со счетом 1:2, ведомых старым спартаковцем Жмельковым в воротах. Дангулов пустился в эксперименты с основным составом, выставляя защитников в атаку, а нападающих — в защиту. Возникли проблемы с дисциплиной. Часть игроков слишком близко к сердцу

приняла кавказское гостеприимство, другие взяли привычку опаздывать на тренировки. В столицу «Спартак» вернулся на седьмом месте. Победа над ВВС со счетом 2:0 остановила падение, но стало ясно, что молодые игроки устали. Соперники разобрались, как противостоять быстрой игре в мелкий пас. Первый спартаковский послевоенный сезон без Сальникова «Спартак» закончил на разочаровывающем пятом месте, что породило сомнения в тренерских методах Дангулова[72].

Достижения «Спартака» не остались незамеченными спортивным руководством. В те времена, когда количество международных выездов и матчей сильно сократилось, команда с несколькими приглашенными игроками отправилась в тур доброй воли в Норвегию — страну без сильного футбола, зато капиталистическую. Три легкие победы над сильнейшими местными командами при полных стадионах дали повод отпраздновать выигрыш, и некоторые игроки, судя по свидетельствам, делали это слишком бурно[73]. Хуже того, подробности произошедшего стали известны публике. В самолете, летевшем из Хельсинки в Стокгольм, Нетто и еще несколько игроков сильно выпили. По сообщениям Агитпропа, «узнавшая об этом реакционная шведская пресса использовала информацию для публичных выпадов против „Спартака“». Один из друзей Нетто и участник кутежа, ветеран Константин Малинин, был исключен из команды после двенадцати сезонов, тогда как сам Нетто, молодая суперзвезда, отделался предупреждением.

Между тем сезон еще не закончился. Оставались игры на Кубок СССР. И вновь «Спартак», разбудив «спартаковский дух», дал своим болельщикам повод считать, что какими бы унылыми ни были перспективы, команда все равно способна достигать моментов подлинного величия. В турнире принимало участие всего шестнадцать команд. Все игры проводились в Москве. Две легкие победы привели «Спартак» в полуфинал — на встречу с чемпионом, ЦДКА. В чемпионате «Спартак» проиграл ЦДКА в упорной борьбе, а во втором матче сыграл вничью — это говорило о неплохих шансах в новой встрече. Финальный счет — убедительные 4:0 в пользу «Спартака», 1 ноября на глазах 75 000 зрителей: Симонян забил два гола и участвовал в двух других. Занявшее второе место в чемпионате «Динамо» выиграло свою игру, подготавливая картину драматического финала, который должен был состояться через пять дней. Противоречивый

полуфинал 1949 года и переход Сальникова делали этот матч чем-то большим, нежели просто встречей старых противников[74].

Начало ноября никогда не обещало хорошей футбольной погоды в Москве, и этот день не стал исключением. Было холодно, шел дождь. Грязное поле покрылось лужами. «Спартак» начал игру энергично, выкладываясь по полной. Нетто и Тимаков при поддержке Соколова нейтрализовали Сальникова и Бескова. Чернышёв великолепно играл в воротах. В то же время Симонян и Терентьев, несмотря на погодные условия, смогли показать спартаковский стиль. Каждый из них забил по голу, еще один был на счету Олега Тимакова (также забивавшего в победных финалах 1946 и 1947 годов). И это была победа, 3:0 — расплата за все страдания, причиненные «Спартаку» соперником и его друзьями в высоких инстанциях[75]. Вновь «Спартак» убедил своих болельщиков, что нет таких крепостей, которых они не могли бы взять.

Примерно в то же время, хотя точной даты в источниках нет, была одержана еще одна победа за закрытыми дверями: Аполлонова освободили от обязанностей главы спорткомитета, и он уступил свое место Николаю Романову (которого он сам когда-то сменил в 1948 году). Романов покажет себя как серьезного профессионала и добьется определенной независимости на посту. Он не будет преследовать спортсменов, но станет защитником игроков и тренеров. Особенно важна его роль в лоббировании дебюта СССР в Олимпийских играх 1952 года. Романов не был тесно связан ни с одним спортивным обществом, и под его руководством ежегодные набеги противников на состав «Спартака» прекратились.

И тем не менее устранение препятствий для «Спартака» вне поля не улучшило спортивные результаты команды. В следующем сезоне (с тем же составом) команда сошла с рельс. Лишь один игрок, защитник Николай Тищенко (1926–1981), пришел на замену выгнанному Малинину. Как и ранее, огромной проблемой оставалась глубина состава. Лишь двенадцать игроков получали большое игровое время. Симонян был не похож на себя. Пять поражений подряд на старте и предпоследнее место привели к увольнению Дангулова[76]. Продолжались проблемы с дисциплиной, в том числе на тренировках[77]. Обладая множеством тренерских достоинств, Дангулов все же оказался не способен как следует мотивировать игроков. Горохов руководил командой две игры до начала июня, потом ему на смену был приглашен

Георгий Глазков, выдающийся игрок «Спартака» 1930-х, на тот момент руководивший вильнюсским «Спартаком».

Старый нападающий вернул команде некоторую стабильность и боевитость. Симонян и Нетто, совсем было повесившие головы, взбодрились. Победа над «Динамо» со счетом 2:1 в конце августе подняла команду на четвертое место[78]. В итоге «Спартак» финишировал шестым, на одно место ниже того же «Динамо», которое также переживало трудный период, потеряв своего великого тренера, Михаила Якушина. Армейская команда, которая теперь называлась ЦДСА, выиграла титул без ушедшего Боброва. Впервые в истории три провинциальные команды — «Динамо» (Тбилиси), «Шахтер» (Донецк) и «Крылья Советов» (Куйбышев) — заняли три следующие строчки. Несмотря на разочаровывающие результаты, посещаемость матчей «Спартака» (в среднем 46 600 человек на домашних матчах) поднялась до высокого уровня послевоенного времени, чуть превзойдя такие же цифры для «Динамо» (46 400 на домашних играх), которое, впрочем, лучше зарабатывало на билетах. Публика вновь доказала свою лояльность. Продажа билетов — в большей степени, чем институциональная поддержка, — позволяла команде оставаться на плаву.

Перемены готовились на следующий сезон, которому суждено было стать одним из самых странных в истории советского футбола. СССР согласился принять участие в Олимпийских играх в Хельсинки. Футбольному турниру было уделено особое внимание. Множество восточноевропейских сборных, формально любительских, активно взаимодействовали с довоенным профессиональным футболом. Социалистическая Венгрия, по мнению многих, обладала сильнейшей в мире командой; также высоко котировались Югославия и Чехословакия. Несмотря на силу противников, у советского политического руководства оставались высокие и несколько наивные ожидания от выступления СССР на турнире[79].

В каждой футбольной стране всегда существует напряженность между местными потребностями клубов и требованиями к международным матчам. В СССР, что неудивительно, интересы сборной всегда оказывались выше клубных. Сезон 1952 года был сокращен всего до тринадцати туров, которые предстояло разыграть после окончания Олимпийских игр. Борис Аркадьев, тренер из армейской команды, был поставлен во главе

сборной с тем расчетом, что он составит ее из игроков своей команды-чемпиона. На деле лишь половина состава являлась игроками ЦДСА. Предолимпийский тренировочный период получился довольно хаотическим. Футболисты приходили и уходили. Несколько представителей «Спартака» также были приглашены на просмотр, но только Нетто остался в составе. Ни один советский тренер еще никогда не готовился к такому турниру, и даже великолепный Борис Аркадьев не знал, как делать это правильно. Результатом стало шокирующее и драматическое поражение в переигровке второго круга от сборной Югославии, которая сама затем проиграла в финале могучей сборной Венгрии, в следующем году разгромившей Англию в Лондоне со счетом 6:3.

Для неопытной советской сборной проиграть Югославии на Олимпийских играх не было позором с точки зрения футбола, но политическое поражение от команды маршала Тито оказалось непереносимым. В скором времени Маленков созвал заседание ЦК и членов спорткомитета для обсуждения в целом положительных результатов Олимпиады в Хельсинки. Советский Союз поразил мир, лишь немного уступив в общем зачете фаворитам-американцам, однако футбольное поражение простить было нельзя. По воспоминаниям Романова, Берия убедил Маленкова в том, что именно армейская команда — и в особенности Аркадьев лично — повинна в произошедшем фиаско. Разумеется, это была полная ерунда. В сборной выступали представители и других команд, в том числе игроки московского и тбилисского «Динамо». Тем не менее обычные болельщики, читавшие «Советский спорт», в августе обнаружили, что ЦДСА исчез из турнирной таблицы. Команда была распущена приказом от 18 августа 1952 года, подписанным, как мы теперь знаем, Романовым по указанию Маленкова — против собственного желания. О вмешательстве в дело Сталина свидетельств нет. В сложные для московского «Динамо» времена Берия убрал главного соперника своей команды одним запрещенным ударом[80].

Впоследствии эти события объяснялись по-разному, и объяснения эти не согласуются с изначальной версией, которую я здесь представил[81]. И хотя после той Олимпиады несколько игроков лишились своего статуса мастеров спорта, включая и динамовцев (например, Константина Бескова), никто не был арестован и не отправился в Сибирь. Аркадьева публично критиковали, однако он продолжил работать. Футболисты из

расформированного ЦДСА и дальше играли за команду Калининского гарнизона. Другие игроки перешли в новые клубы. Анатолий Башашкин сыграл двенадцать игр за «Спартак» в следующем сезоне[82]. К тому моменту Сталин уже умер, Берия был арестован и расстрелян. Футбол, не говоря уже об остальной жизни, продолжался. Уже в 1954 году ЦДСА вернулся в турнирную таблицу. А вот команда Василия Сталина, ВВС, была распущена в начале сезона 1953-го. Самого Василия арестовали, а армейский клуб получил в распоряжение все объекты, ранее принадлежавшие ВВС. Футболисты этой команды разбрелись по разным клубам. Бобров сыграл четыре игры за «Спартак» в свой последний сезон. ЦДСА, чуть позднее переименованный в ЦСКА (Центральный спортивный клуб армии), не выигрывал чемпионаты вплоть до 1970 года. Мощный спортивный армейский клуб с внушительной базой на Ленинградском шоссе, неподалеку от стадиона «Динамо», теперь преуспевал практически во всех видах спорта — за исключением футбола.

С исчезновением со сцены ЦДСА и проблемами в «Динамо» перед «Спартаком» открылись невероятные возможности. Главным тренером стал сорокалетний Василий Соколов, великолепный защитник, только что закончивший карьеру игрока. Жесткий и требовательный, он дал футболистам необходимый психологический толчок. Дангулова вернули заниматься технической стороной, в которой Соколов не был силен. Они проработали вместе три сезона. Больше перемен в команде не произошло. Хотя глубины составу по-прежнему не хватало, в сезоне из тринадцати игр это было уже меньшей проблемой. Пока национальная сборная в полусекретной обстановке готовилась к Олимпиаде, команды разыграли между собой неформальный турнир. «Спартак» финишировал предпоследним. Никто не ждал ничего особенного от будущего сезона[83].

Все изменилось спустя три недели после старта, когда официально объявили о роспуске ЦДСА. Сильнейшая команда внезапно исчезла. Нигде в мире невозможно было себе даже представить подобного. Единственное, что приходит в голову, это авиакатастрофы, как это случилось с «Торино», «Манчестер Юнайтед», а позднее со сборной Замбии. В СССР такая же трагедия, никогда не обсуждавшаяся публично, произошла с хоккеистами ВВС. Оставшиеся советские футбольные клубы внезапно почувствовали, что у них есть шанс на победу — особенно

в условиях короткого сезона. «Спартак» быстро и решительно воспользовался случаем, одержав девять побед при двух ничьих в первых одиннадцати матчах чемпионата. Два поражения в последних двух играх произошли уже после того, как чемпионат был выигран. Команда также успешно участвовала в Кубке, добравшись до финала, где уступила великолепной команде «Торпедо» со счетом 0:1[84].

Хотя «Спартак» мог утверждать, что вернулся на вершину, понятно, что ему помогли обстоятельства. Тем не менее, несмотря на огромные препятствия, было создано ядро новой команды, которую теперь следовало сохранить. В разгар самого репрессивного периода времен позднего сталинизма, опираясь на все более широкую базу болельщиков, покупавших билеты на игру, «Спартак» вступил в свою самую великую эпоху. Игроки, собранные и подготовленные Дангуловым, добудут славу команде и сборной уже после смерти Сталина. Важно, что фундамент этих успехов был заложен в период репрессий, контроля и надзора. Даже в суровые времена неустойчивый характер футбольной игры делал этот вид спорта ненадежным инструментом в руках самых репрессивных диктатур.

Этого нельзя сказать о большинстве других соревнований в олимпийской программе, которые в руках Советского государства гораздо легче становились орудием для достижения дипломатических и внутриполитических целей. В индивидуальных видах спорта, например в велогонках или плавании, управлять спортсменами оказывалось легче — тут не нужно было учитывать групповую динамику в командах. Крупным спортивным событиям, таким как Олимпиада или Спартакиада, было проще приписать политическое значение и смысл, нежели футболу с его непредсказуемостью и насилием. «Спартак», в особенности после своего официального появления в 1935-м, серьезно взялся за различные виды спорта, однако Старостины, импресарио по своей сути, всегда предпочитали футбол, наиболее популярный и профессиональный вид спорта в мире. Олимпийские игры были связаны с воспитанием и образованием. Их смысл всегда оставался дидактическим, а официальные задачи полностью соответствовали целям советского спорта. Футбол, напротив, всегда был прежде всего зрелищем, даже в поздние сталинские годы.

Когда приготовления к Олимпийским играм в Хельсинки начались всерьез, большое добровольное спортивное

общество «Спартак» находилось в упадке. «Динамо» и спортивные клубы армии стали основным стержнем системы. Общество «Спартак» было меньше вовлечено в новую государственную программу времен холодной войны, направленную на достижение международного престижа на спортивных аренах. Накануне игр, согласно докладу в ЦК, на стипендиях в тренировочных лагерях по всей стране содержалось 602 спортсмена; 200 из них были динамовцами, 180 — армейцами. Лишь 42 спортсмена принадлежали к обществу «Спартак»[85]. 31 динамовец выиграл медали в Хельсинки, и лишь один спартаковец попал на пьедестал. Поддержка женского спорта являлась важной частью советской программы. 40 членов советской делегации из 250 были женщинами, но лишь три из них — из «Спартака», который был мало заинтересован в женском спорте. «Динамо» и армия оказывались значительно более активны и здесь[86].

Мультиспортивная олимпийская система зародилась на спортивных фестивалях и парадах, которые процветали при Сталине в конце 1930-х. К тому моменту, когда после войны ранее неизвестные советские спортсмены заблистали на мировой арене, структурам и системам их подготовки и поддержки было уже больше двух десятилетий. Даже после смерти Сталина разработанная при нем организационная модель продолжала функционировать без особых изменений. Футбол никогда в нее не вписывался, и нет ничего удивительного, что его спортивные и культурные практики так резко противоречили оруэлловской картине 1949 года. За свою историю «Спартак» выработал собственную концепцию зрелищной игры, призванной приносить удовольствие болельщикам. И пусть борьба за возможность порадовать своих поклонников была особенно тяжелой во времена позднего сталинизма, погоня за этим удовольствием, как уверяет нас Лев Филатов, почти всегда была веселой.

7. ОТТЕПЕЛЬ, ПЕРЕМЕНЫ И ВОЗРОЖДЕНИЕ, 1953–1956 ГОДЫ

Ник Хорнби жаловался на продолжительность футбольного сезона. Уже одно это, писал он, означает, что многие умирают, так и не узнав, на каком месте их команда закончит чемпионат. Такая судьба постигла и Иосифа Сталина, скончавшегося 5 марта 1953 года, за месяц до начала сезона. По правде говоря, «лучшего друга физкультурников» это вряд ли волновало. Его интерес к футболу был в лучшем случае эпизодическим и сводился к возможностям использовать игру в политических целях. Для Берии, чьи отношения со Сталиным испортились за год до смерти вождя, дело обстояло иначе. К середине июня любимый сталинский страж порядка был уже арестован, и его отсутствие сильно повлияло на итоги сезона. В декабре Берию расстреляют, но он успеет узнать, что титул вырван у его любимого тбилисского «Динамо» футболистами «Спартака» при довольно сомнительных обстоятельствах. Политические противники не только убили Берию, но еще и посмеялись над ним, приготовив в качестве прощального подарка результаты футбольного сезона. Независимо от того, как была достигнута эта победа, триумф «Спартака» означал возвращение команды на вершину. С новыми могущественными друзьями в высших кругах и старыми врагами, убранными со сцены, «Спартак» больше не считал себя аутсайдером.

После смерти Сталина и консолидации власти в руках Никиты Хрущева Советский Союз начал многостороннюю

борьбу за преодоление последствий хаоса, войны и террора последних двадцати пяти лет. Следующие одиннадцать сравнительно мирных, пусть и не совсем спокойных лет позже назовут временем десталинизации, либерализации и реформ. Модернизационные тенденции часто противоречили устоявшимися интересам высшего руководства. Явление, известное как оттепель, характеризовалось прежде всего неустойчивым, частичным ослаблением контроля в сфере культуры. Другим важным аспектом служило появление заметного и довольно активного общественного мнения — его носителями выступали интеллигенты, студенты и служащие. В то же время рабочие — как мужчины, так и женщины — манипулировали существовавшей системой. Прогулы и отлынивание на производстве стали обычным делом, таким же как проявления бытового насилия[1]. И интеллигенция, и рабочие по-своему выражали протест против потерявшей стабильность власти, не способной выработать последовательную тактику взаимодействия с различными слоями разросшегося общества и его требованиями. В результате этой неопределенности обстановка в стране все время менялась.

Период оттепели стал для «Спартака» золотым веком. Николай Старостин и его братья вернулись из ссылки, чтобы вновь сразиться с «Динамо». Хотя к 1954 году ЦДКА был воскрешен, команда так и не добилась былой славы, и потому противостояние «Динамо» — «Спартак» опять стало центральным в советском футболе. Ни одна из команд не могла долго доминировать над другой. Между 1952 и 1959 годами титул неизменно доставался одной из них. Странным образом взлеты и падения «Спартака» совпадали по времени с подъемами и кризисом культурной либерализации. В годы побед «Спартака» в чемпионате (1953, 1956, 1958 и 1962) дела у сторонников оттепели шли неплохо. Когда команда проигрывала — в обществе вновь набирали силу репрессивные тенденции. Было ли это простым совпадением? Скорее всего, да, но не мог ли гипотетический советский спортивный игрок на тотализаторе (довольно редкое явление) получить преимущество, просматривая культурную и политическую прессу? Мог ли провокативный материал из главного толстого журнала эпохи — «Нового мира» — стать знаком будущего успеха «Спартака» на футбольном поле, а скучный материал — предсказанием провала?[2] Разумеется, сложно сформулировать обоснованный аргумент такого рода. Проще сказать, что «Спартак»

и его болельщики плавали в тех же культурно-политических водах, что и студенты и интеллигенция, не говоря уже о рабочих, приветствовавших реформы. Все они были представителями общества, вновь переживающего глубокие и противоречивые перемены, общества, которое находилось в процессе пересмотра своих отношений с государством. При этом сами границы между государством и социумом (и без того неясные) размывались еще сильнее.

СССР после смерти Сталина оказался в новой ситуации. Партия быстро вернула себе контроль над силовыми структурами[3]. Отчасти это была тактическая мера, предпринятая Хрущевым, занявшим пост генерального секретаря партии. Маленков, следуя сталинскому курсу, опирался в своей власти на институты государства, включая НКВД, чье политическое влияние ослабело после ареста Берии[4]. НКВД перестало свирепствовать, террор подошел к концу, ГУЛАГ существенно уменьшился в размерах. Органы госбезопасности по-прежнему могли арестовывать людей, но потеряли власть судить и наказывать. Продолжающиеся экономические и социальные перемены приводили к созданию еще более сложной социальной структуры. Темпы урбанизации повышались. По мере роста городов индустриальный рабочий класс продолжал увеличиваться как в абсолютных цифрах, так и в отдельных сферах. В то же самое время пролетарии теперь составляли меньший процент от общей численности населения[5]. Миллионы работали вне заводов, фабрик, шахт и колхозов, формируя широкий спектр групп, чьи интересы зачастую сталкивались между собой.

На международной арене послевоенный Советский Союз был вовлечен в глобальную политику, которая после 1953 года перешла в долгое и опасное противостояние, названное холодной войны. С появлением у СССР термоядерного оружия США и Советский Союз начали истощающую ресурсы и вселяющую ужас гонку вооружений, сопровождавшуюся глобальным соревнованием на политическом, экономическом, научном и культурном фронтах. Постоянная военная готовность и необходимость расширять оборонную промышленность повлияли на развитие СССР не в лучшую сторону, что усложнило насущную задачу по созданию столь необходимых и желанных товаров широкого потребления для населения. На протяжении долгих лет вступая в противоборство со зрелым и развитым послевоенным

капитализмом, СССР всегда заметно уступал США, будучи не в состоянии сочетать производство «пушек и масла».

Все эти перемены сильно повлияли на спорт. Ксенофобия последних сталинских лет исчезла практически мгновенно. Как только СССР принял спорт как свое дипломатическое оружие, скудные крохи международных товарищеских матчей тут же сменились пышным банкетом постоянных выездов на матчи за рубеж[6]. То, что изначально служило развлечением для внутреннего пользования, теперь считалось заметной частью политической борьбы за мировой престиж. Впрочем, футбол не стал центральной частью спортивного противостояния в холодной войне. Главным врагом были Соединенные Штаты — не футбольная страна. Борьба с американцами велась прежде всего на полях Олимпийских игр. Начиная с 1956 года Советы доминировали как на летних, так и на зимних играх: они специализировались на целой серии непопулярных и неприбыльных видов спорта, которые не могли привлечь внимания публики в США.

Основываясь на рыночной модели, Запад предполагал, что Советский Союз хорош в гонках на байдарках, гимнастике, биатлоне и греко-римской борьбе, потому что тысячи советских болельщиков валом валят на стадионы, где проходят эти соревнования. На самом деле аудитория этих видов спорта была небольшой. Спорткомитет просто пришел к выводу, что лучший способ выиграть Олимпиаду — соревноваться буквально в каждой дисциплине, не обращая внимания на популярность видов спорта среди болельщиков. В командной экономике оказалось возможным распределять ресурсы среди тех видов спорта, которые давали возможность победить, — не исходя из их аудитории, а потому что капиталистические страны не проявляли к ним особого интереса. Особенно верно это было в отношении женского спорта.

С футболом дело обстояло иначе. Безусловно, самый популярный спорт в СССР влиял на отношения с теми странами, которые в него играли. Здесь результаты были нестабильными. Товарищеские матчи против профессиональных западных клубов воспринимались руководством как экзамен для советской футбольной школы. «Спартак» исполнял главную роль в этих соревнованиях. Количество спартаковцев в национальной сборной также росло. После провала на играх в Хельсинки советская сборная была собрана вновь в 1954 году, и игроки «Спартака»

составляли теперь примерно половину команды. В 1958-м СССР впервые принял участие в чемпионате мира, в 1960-м — выиграл первый чемпионат Европы. В этот период подготовка футболистов для сборной стала одной из важнейших обязанностей «Спартака». Когда дела шли хорошо, их хвалили. Когда плохо — ответственность падала на Старостина и его коллег.

Как же теперь согласовать этот новый статус команды с тщательно выстроенной до того спартаковской идеей «команды аутсайдеров»? При большой поддержке со стороны вновь укрепившейся партии Старостин и его товарищи едва ли могли оставаться в роли «жертв». Однако в семи мемуарных книгах, выпущенных с 1964 по 1989 год, Андрей и Николай по-прежнему подробно рассказывали, как страдали от рук сталинистов. Во времена оттепели многие из болельщиков зашли еще дальше, провозгласив «Спартак» «командой демократии». Но что это должно было означать в советском контексте? «Спартак» материально поддерживало московское отделение партии, в чьем лексиконе этого слова просто не существовало. С чем мы имеем тут дело — путаницей, лицемерием? Рассматривая способы, с помощью которых футбол формирует идентичность, аргентинский антрополог Эдуардо Аркетти отмечал, что игра, как и многие другие формы культуры, является одновременно и зеркалом, и маской реальности. Спартаковские болельщики могли продолжать цепляться за образ жертвы, в то время как другие видели в этом возможность скрыть связи команды с ее влиятельными покровителями[7].

Двусмысленность положения «Спартака» в постсталинском мире отражает многие сложности борьбы за или против отказа от сталинского наследия. Это была по-прежнему сильнейшая «гражданская» команда. «Динамо» оставалось клубом органов госбезопасности. При этом «Спартаку» хватало влиятельных и могущественных друзей. До войны у этого противостояния были вполне явные, хотя и нечеткие социальные корни. Мы можем с уверенностью утверждать, что примерно половина мужчин из рабочего класса Москвы до 1941 года болела за «Спартак». Однако теперь их противоборство с «Динамо» меньше касалось настоящего, а скорее относилось к спорам недавнего прошлого. В послесталинском мире реальность усложнилась. В новом идеологическом контексте труднее стало считать «наш» «Спартак» обиженным и угнетенным борцом за правду против злого и могучего «их» «Динамо».

Перемены и их источник

Еще до смерти Сталина многие в СССР и за его пределами осознавали, что система, позволившая быстро осуществить индустриализацию и победить страны «оси», устарела и находится в кризисе. И несмотря на то, что общество и политическое руководство боялись наступления хаоса после смерти Сталина, перемены явно были необходимы. Граждане осваивали для себя новые роли задолго до того, как Сталин сошел со сцены. После 1953 года заметное и внятное общественное мнение стало активным и даже агрессивным. Голос людей, с такой силой прорвавшийся наружу во время дела Сальникова, теперь поднимал и более значимые вопросы. Не кто иной, как Берия, лояльный сталинист, отойдя от изголовья кровати умершего лидера, объявил серию политических реформ, а также амнистию для более чем миллиона узников ГУЛАГа[8]. Три месяца спустя новое «коллективное руководство» арестовало самого Берию, совершив первый шаг к восстановлению власти партии над силами госбезопасности. Так закончился террор длительностью в четверть века.

Как писал Стивен Коэн:

> Практически все стороны советской жизни были затронуты переменами 1953–1964 годов, пусть и противоречивыми и ограниченными — от окончания массового террора и освобождения миллионов жертв лагерей до мер по ограничению наиболее вопиющих злоупотреблений и привилегий бюрократии. Пробуждение общества и рост участия в политической жизни со стороны образованных людей, серия реформ в экономике и соцобеспечении, пересмотр внешней политики (то, что мы сейчас называем «разрядкой напряженности») — все это удалось осуществить без особого насилия и массовых беспорядков[9].

Точно так же, описывая перемены в законодательной системе, Моше Левин утверждает, что «мы имеем дело с режимом другого типа». Открытые процессы и массовые расстрелы остались в прошлом[10]. Хрущев провел экономические реформы, которые помогли преодолеть разбалансированность сталинской структуры: гигантские правительственные министерства

были децентрализованы, а управление перевели в региональные советы (совнархозы). Планированию следовало стать более реалистичным. Если продукция создавалась и использовалась в конкретном регионе, центр не вмешивался в вопросы ее производства и распространения. Стремясь улучшить ситуацию в сельском хозяйстве, Хрущев увеличил количество земли, отдававшейся под распашку. Под громкие фанфары (совсем как при Сталине) были засажены бескрайние земли в Казахстане и других регионах — происходило так называемое освоение целины. Тысячи молодых людей на волне энтузиазма переезжали в эти края. Изначально программа оказалась успешной, урожаи выросли, что позволило Хрущеву говорить о своем вкладе в развитие многострадального аграрного сектора.

Не всегда инициативы, стимулировавшие перемены, были обдуманны и предусмотрительны. Массовое переселение крестьян в города в 1930–1940-е годы превратилось в настоящий поток после 1953-го. К 1959 году уже половина советских граждан жила в городах. Это изменило практически всё. «Урбанизация, — пришел к выводу за годы своих исследований Моше Левин, — была решающим фактором в истории СССР»[11]. Сам процесс проходил достаточно спонтанно, без готового плана действий. Советское общество стало чрезвычайно многогранным, потому что задачи, вставшие перед экономикой, были уже сложнее, чем простой план по увеличению валового выпуска продукции.

Как мы уже наблюдали, процесс начался еще во время войны. Способные руководители, инженеры и другие специалисты с образованием и профессиональной подготовкой получили возможность взяться за работу в период послевоенного восстановления. В международной сфере холодная война навязала советской промышленной инфраструктуре милитаристский императив. Производство более совершенного вооружения, традиционных видов и ядерного, не могло быть осуществлено руками простых энтузиастов. Эти новые люди изначально не являлись политически активными, однако после смерти Сталина стали более настойчивы[12]. Заметное число советских ученых, специалистов и инженеров получило известность за рубежом. Помимо привилегий и материального вознаграждения, они теперь рассчитывали, что к ним будут относиться серьезно, прислушиваться к их мнению и экспертным оценкам.

Принятие нового типа городской современности оказало ожидаемый эффект на массовую культуру в целом и на футбол в частности. Фокусируясь на молодежи, самом большом сегменте публики, приходящей на стадионы, Хилари Пилкингтон предположила, что «как и в западных обществах, Советский Союз испытал послевоенный бум, который был выражен в наиболее полной степени урбанизации из всех возможных... Более того, оттепель в культуре, связанная с временем Хрущева, уменьшила политические последствия для несанкционированной культурной деятельности»[13]. В футбол всегда играли в городах. С увеличением городских центров рос и охват аудитории, приходящей на игры. В 1950–1960-е годы футбол привлек еще большее количество публики на трибуны. Телевизионные трансляции матчей, начавшиеся в середине 1950-х, еще дальше распространили это увлечение и создали новое, более приватное пространство для болельщиков, следящих за игрой. Футбольные матчи, конечно, были официально санкционированными мероприятиями, но порождали, в свою очередь, множество неформальных действий, в том числе здоровую долю хулиганства, пьянства, мата и анекдотов.

Индустриализацию провели при помощи проверенных методов — силы и репрессий — но для дальнейшего обновления они уже не работали. Во времена Сталина советские пролетарии, почти не отличавшиеся от крепостных, законодательно не имели права покинуть свои предприятия. Смена работы приравнивалась к преступлению, тем не менее такое случалось часто[14]. Массовое использование труда заключенных оказалось неэффективным и, что возможно даже хуже, невыгодным. Новое руководство убрало часть ограничений для переходов рабочих на другие места, тем самым создав условия для возникновения настоящего рынка труда[15]. Теперь, если государству нужны были рабочие руки в местах с тяжелым климатом, следовало предложить рабочим соответствующие стимулы — более высокие зарплаты и лучшие условия труда.

Зародившийся в городах слой служащих стал заметной частью населения, особенно в Москве, административном центре страны. У этих людей — от кабинетных работников до инженеров и ученых — имелись собственные заботы. Вместе с творческой интеллигенцией, наслаждавшейся свободами оттепели, работники умственного труда готовы были высказывать свое

мнение — новое и энергичное. Безусловно, само разнообразие этого расширяющегося слоя профессионалов работало против их объединения в некую альтернативу режиму, но Хрущев понимал, что к этим группам по крайней мере нужно прислушиваться[16].

1950-е и начало 1960-х оказались временем быстрого экономического роста, прогресс породил оптимизм и новые надежды среди населения[17]. Так, например, Хрущев разрешил серьезную проблему нехватки жилья: были построены квартиры для более чем 100 миллионов семей[18]. По сравнению с 1935 годом, когда Сталин провозгласил свой знаменитый лозунг, жить в 1950-е действительно стало лучше и веселее. Советские граждане больше не были жертвами войны, террора или эксплуатации. Они жили дольше, делали неплохие карьеры, растили детей и, если повезло, умирали в своих постелях. Но в условиях быстрой урбанизации надлежало выработать новый подход к разрушенным взаимоотношениям между государством и обществом, и лишь немногие четко представляли себе, какими эти отношения должны быть и в чем заключается их смысл. Сторонние наблюдатели назвали эти процессы «десталинизацией».

С кем ты и на чьей стороне?

Современные западные журналисты зачастую склонны делить постсталинский СССР на два противоположных лагеря — «ястребов» и «голубей», консерваторов и сторонников перемен. Когда открылись архивы и ученые начали изучать историю хрущевского периода, эти границы стали размываться. Великая поэтесса Анна Ахматова, которую травили во времена Сталина, заметила как-то, что вместе с потоком людей, возвращавшихся из лагерей, встретились две России — та, что сидела, и та, что сажала. Была между тем и третья Россия — «не посаженная и не сажавшая... Советское общество состояло не только из осужденных с одной стороны и палачей — с другой»[19]. Третья категория имеет большое историческое значение. «Спартак», чьи руководители когда-то были арестованы, а теперь вернулись на привилегированные посты, вновь отражал всю двусмысленность и сложность советской жизни, проживаемой подавляющим большинством населения.

Грубо говоря, страна вступила в период борьбы между неустойчивой тенденцией к переменам и страшным

возвращением к дискредитированному и жестокому прошлому. Линия фронта в этой войне была очень размытой. Не существовало четко организованных партий с прописанными программами. Люди меняли свои позиции. Так называемые хорошие люди были способны на дурные поступки, а предполагаемые «плохие ребята» могли поступать благородно. То, что современные исследователи как в России, так и на Западе затем описывали как борьбу между «властями» и «диссидентами», не отражает всей сложности этого периода. В определенном смысле борьба шла скорее в умах советских граждан — от низа до самой верхушки социальной структуры, а не между разными политическими лагерями. Новые лидеры — Хрущев, вероятно, даже лучше других — осознавали необходимость порвать с прошлым. Одновременно они боялись, что потеря преемственности приведет к беспорядкам.

Десталинизация была нестабильным процессом, предполагавшим гораздо больше, чем просто отказ от «культа личности», ставший главной темой знаменитого «секретного доклада» Хрущева в феврале 1956 года. Прекращение террора в высших эшелонах власти и уменьшение количества лагерей (и улучшение условий нахождения в них) служили лишь первыми шагами на пути, который так и не был завершен до отстранения Хрущева в 1964-м. Обновленный режим и общество должны были определить свои нынешние взаимоотношения. Как писал Владимир Козлов: «И простые люди, и элита сформировали новую модель мира, и начальники и подчиненные обживали новую историческую реальность»[20]. Те, кто после войны готов был служить, но не прислуживать, теперь получили такую возможность. Те, кто вообще не хотел работать на новый режим, также были свободны этого не делать.

После Сталина люди начинали жить своей частной жизнью, однако найти место для жизни оказалось непросто[21]. В быстро меняющемся мире субъективный процесс создания идентичности стал еще более неясным. Если футбол все еще оставался пространством, в котором участники рассказывали друг другу истории о самих себе, то какие истории рассказывали старые и молодые болельщики «Спартака» в 1950-е и в начале 1960-х годов? На стадионе все еще можно было безнаказанно кричать «Бей ментов!». Делать то же самое в метро сразу после матча — в окружении милиции — было крайне неразумно.

Считалось, что оттепель принесла больше пользы творческой интеллигенции, дав ей право голоса и возможность влиять на общественное мнение[22]. Новый рынок труда, реформы на производстве, сокращение рабочего дня и увеличение системы социального обеспечения также улучшили положение обычных рабочих. Позитивные изменения в условиях жизни, особенно в жилищном вопросе, коснулись всех социальных групп. Отдельные горожане получили возможность взаимодействовать друг с другом на более доверительном уровне[23]. В широком смысле все эти тенденции были связаны между собой, но нельзя сказать, что они шли одна за другой, весь процесс в целом оказался неравномерным, нескоординированным и непредсказуемым.

Непредсказуемость, вокруг которой построен любой спорт, определила и напряжение общественных дискуссий после смерти Сталина. И идеи, и чувства эти появились уже некоторое время назад, о чем свидетельствует скорость, с которой они стали распространяться.

В последнем номере уже упоминавшегося «Нового мира» за 1953 год критик Владимир Померанцев опубликовал провокационную статью, озаглавленную «Об искренности в литературе». Полемика, вызванная этим текстом, быстро переросла в дискуссию об общественных проблемах и получила политический оттенок[24].

Сложно вообразить, чтобы игроки «Спартака» с их девятью классами образования знакомились со статьей Померанцева на своих занятиях по политпросвету, но будет справедливо предположить, что такие умные и не чуждые культуре игроки, как Сальников, Симонян и Нетто, в друзьях у которых были писатели, музыканты и актеры, могли знать об идущем брожении умов. Вернувшись в конце 1954 года, Андрей Старостин был встречен на Ярославском вокзале своими товарищами и вновь попал в гущу культурных событий, от которых он оказался оторван двенадцать лет назад. Трудно поверить, что ежедневные события никогда не обсуждались во время многочисленных визитов команды в Малый и Художественный театры, где игроки часто весело проводили вечера за обсуждением «творческого процесса»[25].

Кроме того, важно помнить о двусмысленности, неопределенности и нестабильности 1950-х и начала 1960-х годов. Полли Джонс отмечала: «Десталинизация состояла из сочетания

старых и новых законов и правил, не соответствуя таким образом характеристикам целостности и завершенности, заключенным в самом термине в русском и английском языках»[26]. Критику государства того времени не нужно представлять себе обязательно антисоветской. Тем более практически никто не думал о возвращении к капитализму. В конце концов процесс либерализации оказался недостаточно широким и глубоким[27]. Когда Хрущева вынудили отправиться в отставку, никто не оплакивал его уход. Его преемникам предстояло столкнуться с теми же проблемами. И нельзя сказать, что они больше преуспели в их решении.

Футбол без Сталина (и Берии)

Тревога, нестабильность и неопределенность времен оттепели повлияли на все стороны советской жизни. Футбольный мир также не избежал перемен, да и не старался их избегать[28]. Жизнь для человека из мира советского футбола стала значительно лучше, особенно для спартаковца. Накануне 1953 года Н. Н. Романов объявил о введении нескольких новых правил, которые увеличили прибыльность футбола и улучшили благосостояние игроков и тренеров. Зарплаты теперь исчислялись суммой от 1200 до 2000 рублей в месяц. Премии за победы достигли примерно 300 рублей. Чтобы дать возможность командам больше зарабатывать, спорткомитет поднял процент билетных сборов, поступавших в кассу клубов, с 60 до 70[29]. С деньгами на руках команды получили возможность лучше кормить своих игроков. «Спартак» обеспечивал своим членам 5000 калорий в день, и это во времена «проблем со снабжением» для обычных горожан[30]. Наконец, профсоюзные и другие неармейские команды теперь могли освобождать от службы в армии по пятьдесят-шестьдесят молодых игроков.

Коммунистическая партия восстановила свое главенство над органами госбезопасности, гражданские структуры стали влиятельнее силовых[31]. Это было на руку гражданским спортивным командам. Преобразования Романова символизировали эти перемены. «Спартак» даже в свои худшие времена оставался самым популярным и успешным клубом такого рода. Партия любила его больше других профсоюзных команд. Союз с Промкооперацией сохранялся, однако теперь «Спартак» перешел под крыло Московского комитета партии (горкома) и Московского

городского совета (Моссовета)[32]. Преимущества такого подчинения были очевидны. В то время в новое строительство вкладывались миллионы рублей, и собственная квартира стала самой желанной наградой для игрока. Горком и Моссовет контролировали бóльшую часть нового фонда жилья в Москве, и их двери всегда были открыты для Николая Старостина. В 1990 легендарный спортивный журналист Аркадий Галинский, известный своими желчными высказываниями, поведал мне, как обычно чуть преувеличивая: «„Спартак“ — это команда московского горкома партии и Моссовета. Очень богатая команда. Если вы соберете вместе все квартиры, которые были выданы клубу за эти годы, вы получите целый район»[33].

Несмотря на различия, и Маленков, и Хрущев разделяли веру в важность расширения потребительского сектора в экономике и необходимость роста уровня жизни. Сфера развлечений, одна из важнейших в потребительском секторе, стала быстро развиваться. В качестве популистского жеста Кремль стал доступен для посетителей — впервые с 1930 года. На торговом фронте в конце 1953 года на северной стороне Красной площади опять заработал гигантский государственный универсальный магазин (ГУМ). В 1955 году вновь открыл свои двери огромный ресторан «Прага»[34]. Джаз, или нечто в этом духе, зазвучал в кафе и ресторанах, а еще чаще — в квартирах молодых людей. Старостины с их связями в мире советской индустрии развлечений видели себя неотъемлемой частью новой раскованной процветающей массовой культуры. Северная трибуна стадиона «Динамо» приобретала свой особенный колорит во время матчей «Спартака». К офицерам, крупным милицейским чинам и партийным бонзам присоединялись писатели, композиторы, звезды советской сцены и экрана.

С исчезновением Берии ушли в прошлое и наиболее вопиющие случаи государственного вмешательства в футбольные дела. Игрокам больше не угрожали арестом родителей с целью переманить их в «Динамо». Кубковые полуфиналы не переигрывались после финалов. Соперников не ссылали в лагеря. В последние годы жизни Сталина результаты «Динамо» резко ухудшились. В команде шла смена поколений; Якушин покинул свой пост. Как и его предшественник Борис Аркадьев, он не мог терпеть постоянное вмешательство Берии в дела команды. Якушин ушел работать в тбилисское «Динамо», другой бериевский

клуб, который, однако, контролировать оказалось сложнее, так как он был далеко от столицы[35]. Когда Берию сместили, Якушин вернулся в московское «Динамо» и привел команду к победе в 1954 году.

Последний пример связан с общим вопросом о независимости профессионалов в послесталинском Советском Союзе. Специалисты всех мастей, особенно известные ученые и представители творческой интеллигенции, стали движущей силой оттепели. Игроки, тренеры, футбольные функционеры также считали себя профессионалами в своем деле. И, как и другие, они требовали независимости и уважения к себе. Это стремление футбола к независимости можно заметить и в мемуарах. Если источники по довоенной футбольной истории насквозь пронизаны темами большой политики, то более поздние тексты сосредоточены почти исключительно на событиях на поле. Не так уж много известно о борьбе за закрытыми дверями и общественной жизни футболистов. В данном случае молчание говорит само за себя. Политический подтекст не исчез полностью, но его влияние представляется менее очевидным. Поэтому и эта глава будет посвящена самой игре, которая, к счастью, теперь стала главной футбольной темой.

Из аполитичности этих источников, впрочем, не следует, что власть убрала свои длинные руки от самой игры. Напряженная борьба между органами и партией разрешилась в пользу последней, и футбольные команды стали объектами внутрипартийного противостояния. Каждый регион, каждый завод или учреждение боролись за превосходство своего клуба. Тренеры плохо игравших команд вызывались на ковер. Многих из них увольняли. С некоторыми игроками нянчились, другим разрушали карьеры неосторожные слова какого-нибудь невежественного начальника. Руководители на местах искали возможность выделиться и выпрашивали помощь у самых разных инстанций, когда команде нужны были средства[36]. Соперничество за возможность получить поддержку в конечном счете привело к коррупции. Партия не просто не могла контролировать футбол — когда речь заходила об этой игре, ее члены не могли контролировать самих себя.

Как ни печально, подобная тирания невежественных, но облеченных властью людей не ограничивалась только футболом. Она давно считается нормой в мире профессионального

спорта. Богатые владельцы клубов, сделавшие состояние на продаже недвижимости, алюминия или пластмассы, всегда принимают решения, основанные на своих ограниченных знаниях. Высокомерное отношение к наемным профессионалам характерно не только для периода советского коммунизма. Если Иван Лихачёв, глава автомобильного завода ЗИС (затем ЗИЛ), самолично управлял футбольным клубом «Торпедо», то так ли уж он отличался от семьи Аньелли, владельцев автомобильного концерна Fiat и «Ювентуса» — самой популярной итальянской команды?[37] А главы американского медиагиганта Cablevision, контролирующие баскетбольную команду «Нью-Йорк Никс», разве адекватнее своих советских коллег?

Атмосфера в послесталинское время стала менее угнетающей, но армия и милиция по-прежнему имели преимущества в поиске талантов. Специальные комиссии больше не утверждали переходы игроков в «Динамо» или ЦСКА, но министерства обороны и внутренних дел все еще могли набирать перспективных молодых спортсменов, давая им полный набор привилегий, доступных офицеру или милицейскому чину. Многим молодым футболистам случалось обнаруживать себя в окружении людей в форме, которые провожали их в машину после тренировки, — в свои старые команды они уже не возвращались. Вряд ли удивительно, что эта практика, явно отдающая старыми временами террора, многим не нравилась. Профсоюзные и другие общественные организации подавали протесты в спорткомитет, все время пытавшийся сбалансировать потребности и силы разных элементов, составляющих систему советского спорта[38].

Больше нельзя было говорить, что власти отдают предпочтение «Динамо» и ЦСКА. С одной стороны, «Спартак» получил прямую выгоду от нового положения дел в государстве: в 1954 году Старостины (четверо из примерно 12 000 заключенных по политическим мотивам) были освобождены, вернулись домой и получили назад свою работу[39]. С другой, желание партийных руководителей управлять каждой мелочью препятствовало росту профессионализма, к которому стремились спартаковские лидеры. И вновь зависимость «Спартака» от партии подрывала его образ независимой команды. Двойственная ситуация, в которой находился клуб, хорошо отражала более глубокие противоречия, характерные для оттепели в целом.

Переходный период

Первое место, выигранное в 1952 году, означало для «Спартака» возвращение команды в элиту советского футбола, но нельзя сказать, что победа была, как это называлось в СССР, «полностью заслуженной». Как мы видели, календарь оказался ужат до тринадцати игр, все они проводились в Москве. «Динамо» находилось на спаде, ЦСКА — расформирован. Сезон 1953 года (с полным календарем) должен был стать гораздо более серьезным испытанием. Великолепный защитник и капитан Василий Соколов теперь стоял во главе команды. Его помощником сделали Дангулова, правда его спокойный и уважительный стиль не всегда мог мотивировать игроков. Соколов, чья игровая карьера только закончилась, привнес совсем другой тренерский стиль. Чтобы утвердить свой авторитет среди игроков, с которыми он недавно выходил на поле, Соколов был требователен и строг, его тренерский крик не щадил чувств ни футболистов, ни помощников[40]. Конфликты, особенно с опытными игроками, случались регулярно. Вероятно, этот подход пошел на пользу команде, однако долгой жизни на посту Соколову он не обеспечил.

Ядро нового «Спартака», которое росло с момента появления Дангулова, оставалось прежним. Но были и важные перемены. С роспуском ЦДКА отличный защитник Анатолий Башашкин (1924–2002) закрыл в команде слабую позицию[41]. Команда военно-воздушных сил Василия Сталина также была расформирована, и Всеволод Бобров, до того перешедший из ЦДКА в ВВС, сыграл за «Спартак» несколько матчей[42]. Бобров прихватил с собой собственное открытие — нападающего Анатолия Исаева (1932–2016). Москвич Исаев долго и сложно шел к игре на высоком уровне и не получал места в «Спартаке» до следующего сезона. Игровой взлет 21-летнего Бориса Татушина (1933–1998), правого крайнего нападающего из Москвы (он появился в «Спартаке» еще в 1951-м), стал одним из лучших моментов того сезона[43]. Скорость Татушина и его волшебная правая нога (левая оказалась абсолютно бесполезной) выиграли много единоборств и стали причиной множества голов. Его умение подавать мяч в штрафную с правого фланга дало повод английским журналистам назвать его «русским Стэнли Мэттьюзом». Игровые таланты Татушина позволили более опытному Парамонову перейти на место правого полузащитника рядом с Нетто и Олегом Тимаковым, составив с ними сильную линию полузащиты.

Несмотря на слабый старт, к концу первой половины сезона «Спартак» поднялся на второе место, в двух очках позади от тбилисского «Динамо». Вскоре тбилисцы приехали играть в Москву. «Спартак» только начал набирать обороты, улучшив игровые связи между полузащитой и нападением. По ходу игры Нетто раз за разом находил передачами курсирующего впереди Симоняна, который легко ускользал от защитников «Динамо». Нетто помог забить голы Анатолию Ильину и Николаю Дементьеву. Симонян забил сам и отдал голевой пас Парамонову. Счет 4:1 деморализовал тбилисцев. Они были обыграны «на классе», а игровой прогресс «Спартака» отметил в газете «Советский Спорт» первый зампред спорткомитета К. Андрианов[44].

15 июля Бобров дебютировал в «Спартаке», выйдя на замену в матче с «Локомотивом». Перед игрой с сильной венгерской командой «Гонвед» в Будапеште 20 августа у него было два гола в чемпионате и один — в международной товарищеской встрече. День для «Спартака» оказался неудачным, команда проиграла со счетом 2:3, однако для Боброва все обернулось еще хуже. Великий игрок повредил недолеченное колено и вынужденно закончил игровую карьеру. Впоследствии он посвятил себя хоккею, где нагрузка на колени была не так велика. Матч с очень сильной венгерской командой, закончившийся поражением, стал одной из трех международных встреч, сыгранных «Спартаком» во время перерыва посреди сезона. Две другие игры — победа над сборной Чехословакии (2:0) и ничья (1:1) со шведской командой «Юргорден»[45].

Чемпионат продолжился, тбилисское «Динамо» все еще возглавляло таблицу с преимуществом в одно очко. 27 августа «Спартак» играл с московским «Динамо». Матч, как водится, был очень напряженным. Быстрый гол «Динамо» отменили из-за офсайда, однако вскоре Сальников ответил своим бывшим одноклубникам с правого фланга, пробив низом в дальний левый угол. Несмотря на плотную опеку игроков «Динамо», Татушин сравнял счет на 35-й минуте. «Спартак» продолжал наступать, однако великолепный Лев Яшин (1929–1990), только что ставший первым номером в «Динамо», отбивал все удары. Игра так и завершилась со счетом 1:1[46]. «Динамо» (Тбилиси) осталось на первом месте, за ним следовал «Спартак».

4 сентября, за неделю до окончания сезона, тбилисское «Динамо» готовилось завершить чемпионат в Москве игрой

с сильной командой «Торпедо», которая в итоге финиширует на третьем месте. Победа дала бы грузинам 29 очков в таблице, что означало бы и чемпионский титул. Матч за первое место был бы необходим, только если бы «Спартак» выиграл в двух своих последних играх у двух зенитовских клубов — из Ленинграда и Куйбышева. К тому времени Якушин уже вернулся в московское «Динамо». Во главе «Динамо» (Тбилиси) его сменил Борис Пайчадзе, и вне футбольного поля у команды также начались проблемы. Тбилисцы потеряли своих покровителей в высших эшелонах власти — не столько Сталина, сколько Берию — фанатичного поклонника команды.

Здесь я должен оговориться, что в этой части истории основываюсь только на одном устном источнике — рассказе Акселя Вартаняна. Русскоязычный армянин, родившийся в Тбилиси, он — самый дотошный и информированный исследователь истории советского футбола. Хотя известный российский спортивный журналист Александр Нилин писал о подковерных играх в своей книге о советском футболе, изданной после 1991 года, я до сих пор не видел ни одного письменного текста, архивного или опубликованного, который описывал бы эти события. Так или иначе, «Динамо» (Тбилиси) выиграло матч у «Торпедо». Матч был закончен, официальный протокол подписан обоими капитанами, никто не указал в нем ничего необычного — Вартанян проверял этот документ. Несмотря на то что «Торпедо» признало свое поражение, часть болельщиков команды не согласилась с результатом игры — они атаковали раздевалки «Динамо» и судейскую комнату. В дело вмешалась милиция, и только после этого игроки смогли вернуться в гостиницу — отмечать то, что они считали своим грандиозным успехом. Впервые в советской истории провинциальная команда была близка к тому, чтобы стать чемпионом.

На следующий день, когда все уже готовились разъезжаться, тбилисцам сообщили, что протест их соперников принят, и переигровка назначена на 7 сентября. Пайчадзе громко возмущался, однако ему приказали замолчать и готовить команду к игре. В тот момент тбилисцы уже поняли, что «Спартак» выбран чемпионом и все силы брошены против них. Это стало еще яснее, когда судьей на матч был назначен Николай Латышев, самый авторитетный советский арбитр, москвич, глава судейского комитета, с которым у «Динамо» уже случались конфликты. Следующие два дня игроки провели в слезах, жалуясь на свое

бессилие и заливая горе выпивкой. Они были так близки к чемпионскому титулу, но их жестоко его лишали. 7 сентября уже сломленное тбилисское «Динамо» — в отличие от «Спартака» в 1939-м — вышло на поле и проиграло со счетом 1:4. У команды осталось двадцать семь очков. Четыре дня спустя «Спартак» выиграл свою вторую игру. «Народная команда» набрала двадцать девять очков и финишировала на первом месте.

Протест был подан сразу же после игры 4 сентября, со ссылкой на обычные обстоятельства — ошибочно отмененные голы, сомнительные офсайды, неназначенные пенальти — такие протесты практически всегда отвергались спорткомитетом. Еще более странно, что обычно такие решения выносились в течение трех месяцев. Обсуждение этого протеста заняло всего один день. Вартанян предполагает, что решение переиграть матч исходило с самого верха. Смысл заключался не в том, чтобы помочь «Спартаку», считает он. На его месте могла быть любая русская команда. Враги Берии должны были удостовериться, что титул не получит команда из Грузии. Когда-то в 1939 году тбилисцы получили преимущество благодаря влиянию Берии, теперь — разделили судьбу несправедливо пострадавшего «Спартака». Разница лишь в том, что в 1939-м «Спартаку» удалось победить. Четырнадцать лет спустя тбилисское «Динамо» уступило «Торпедо». Протяни лучший друг физкультурников еще хотя бы семь месяцев, тбилисцы выиграли бы чемпионат.

Если эта попытка контролировать спортивные процессы походила на фарс, то следующая встреча команд обернулась трагедией. После смерти Сталина в Тбилиси начались волнения, люди протестовали против курса нового руководства страны. Сентябрьские события, очевидно, разожгли националистические настроения. Как назло, первая игра сезона 1954 года состоялась в Тбилиси — «Динамо» против «Спартака». Футбольная секция спорткомитета не увидела потенциальной опасности этого матча. На 40-тысячный стадион поступило четверть миллиона заявок на билеты. В сознании грузинской нации этот матч игрался за настоящее звание чемпиона 1953 года. Можно представить себе, какой прием ждал «Спартака» в Тбилиси. Знаменитое грузинское гостеприимство наверняка было умеренным — «Спартак», справедливо или нет, считали командой, укравшей у местных героев чемпионство прошлого года. Хотя билет на игру достать оказалось невозможно, в день матча огромная, злая и жаждущая

мести толпа штурмовала стадион. Произошли массовые беспорядки. Около двадцати человек погибло, многие были ранены. По улицам текла кровь. Игра закончилась победой «Динамо» — 2:1. Войска НКВД окружили стадион, отмыли его от крови и установили пропускные пункты в радиусе километра во все стороны. На следующей неделе, по словам Вартаняна, в тбилисских газетах некрологов было гораздо больше обычного[47].

Разумеется, вполне возможно, что рассказ Вартаняна не во всем точен, но звучит он правдоподобно. Могла ли грузинская милиция не ожидать беспорядков, особенно в свете других волнений, уже начавшихся после смерти Сталина? Они знали, что случилось в прошлом сентябре. Такая некомпетентность вряд ли удивительна — в попытках предвидеть и предотвратить насилие на футбольных матчах московские и ленинградские власти были ничем не лучше тбилисских. Так или иначе, «Спартак» вышел на поле и одержал верх в последних играх сезона 1953 года. С точки зрения футболистов и тренеров, команда играла достаточно хорошо на протяжении всего сезона, чтобы получить возможность вырвать победу у своих соперников. Враги Сталина и Берии использовали сталинские методы, чтобы обеспечить поражение грузинской команды, но справедливо будет признать победу «Спартака» заслуженной, даже если на нее и повлияла (что не доказано) политическая верхушка.

Какими бы ни были обстоятельства победы, «Спартак» оправдал надежды своих покровителей. После окончания сезона новый чемпион провел серию товарищеских матчей против зарубежных соперников. Венский «Рапид», команда с долгой историей и выдающимися традициями, прибыл в Москву и 13 октября был разбит со счетом 4:0. Восемь дней спустя «Дожа» из Будапешта, не лучший клуб из великой футбольной Венгрии, оказался разгромлен — 5:0. Обе игры собрали на «Динамо» по 80 000 человек[48]. Вслед за этими триумфальными играми последовали три матча в Польше и четыре в Болгарии, с единственным поражением (0:1) от болгарской армейской команды в последнем матче этой длинной серии[49]. Василий Кузин, президент центрального общества «Спартак», и представители клуба, такие как Владимир Степанов и Николай Морозов, могли гордиться тем, что создали лучшую команду Советского Союза.

Они достигли этого успеха без помощи и мудрого руководства братьев Старостиных. Звезды «Спартака», игроки

нерусского происхождения, Симонян и Нетто, были приглашены в команду новым руководством, и, вероятнее всего, назначение Дангулова также являлось их идеей. Он повел команду в правильном направлении, перед тем как передать ее в руки Соколова. После Соколова капитаном «Спартака» стал Нетто. Для сторонних наблюдателей этот выбор мог показаться странным. Нетто на поле был известен своей раздражительностью и тяжелым характером. Впрочем, его роль внутри команды была совсем другой. Как позднее объяснял Симонян, «хотя характер капитана был далеко не сахар, все понимали, что он был справедлив»[50]. Вскоре эти же черты пригодились ему и в национальной сборной, где он также стал капитаном. Пожалуй, Нетто — больше других партнеров по команде — настаивал на игре в мелкий пас. Симонян говорил мне: «Он вообще не признавал, что такое длинные передачи... Он был очень самоуверен и вообще не хотел ошибаться в передаче мяча. Он никогда не рисковал... и если кто-нибудь из нас делал длинный пас, он тут же кричал: „Вы что, в деревенский футбол играете?“»[51]

К концу сезона 1953 года Николай Старостин все еще оставался в ссылке в Алма-Ате, где тренировал клуб «Кайрат». Андрей продолжал заниматься местным спортом в Норильске[52]. В своих поздних мемуарах Николай вспоминает, как в конце 1953 года ему позвонила жена, которая регулярно навещала его летом и в школьные каникулы. Она сообщила ему, что небольшой группе привилегированных ссыльных с политическими связями можно подать прошение о пересмотре дела и вернуться домой, и убедила написать Хрущеву, что Николай и сделал в тот же день. Прошение было удовлетворено, и в следующем году (и вновь Старостин не уточняет даты) он отправился домой. Там он встретился с Дмитрием Павловичем Лебедевым, одним из помощников Хрущева, который выдал ему новый паспорт с московской пропиской[53].

Николай первым из братьев вернулся в Москву. Как только он сам написал Хрущеву, то сообщил остальным, что они также могут отправить свои прошения[54]. Для Андрея жизнь в Норильске после смерти Сталина определенно была сложнее, чем сравнительно идиллическое пребывание Николая в Казахстане. Летом 1953-го в ГУЛАГе произошло несколько бунтов и восстаний. Одно из самых сильных случилось именно в Норильске. Как показала в своей книге Энн Эпплбаум, в Норильске восстание

возглавляли люди, арестованные за сопротивление советской власти в Западной Украине и странах Балтии[55]. Лев Нетто, старший брат Игоря, был среди тех, кто сыграл заметную роль в тех событиях.

Родители Нетто (оба эстонцы) поддержали революцию. В 1917 году они переехали в Москву, чтобы работать с большевиками. Отец, Александр, был из легендарных латышских стрелков, которые ревностно служили новой власти во время Гражданской войны. Верность революции не означала лояльности к Сталину, однако Александр Нетто сумел пережить годы чисток. Мать, Юлия, в девичестве Тамм, работала в Министерстве иностранных дел до 1925 года, когда родился Лев[56]. Она оставалась сторонницей Троцкого даже много лет спустя после войны. Оба родителя были лояльными гражданами СССР и при этом подчеркивали свою этническую принадлежность. Хотя родившегося в Москве Игоря записали в «Спартаке» как «русского», он тоже не забывал о своем эстонском происхождении.

Лев, член комсомола, попал в армию в 1943 году. Его сбросили с парашютом в оккупированную нацистами Эстонию, где вскоре он попал в плен и был отправлен в лагерь недалеко от Франкфурта. После войны он разделил судьбу многих вернувшихся советских военнопленных — в 1948-м его арестовали. В краснодарской пересылке он стал членом подпольной Демократической партии России, затем был отправлен в Норильск, где принял участие в лагерном восстании[57]. Там он познакомился с Андреем Старостиным. В 2004 году Лев записал свое устное свидетельство в обществе «Мемориал» (*внесено в реестр иностранных агентов*), организации, занимающейся сохранением памяти о жертвах ГУЛАГа. Старший из братьев Нетто дал понять, что Андрей хорошо знал о событиях в Норильске и сочувствовал им, пусть и в неявной форме. После освобождения в 1956 году Лев Нетто сохранил свое критическое отношение к режиму, даже несмотря на вступление в партию в 1963-м. Он вновь начал общаться с Андреем Старостиным, когда они встретились на свадьбе Игоря в 1960-м. Впоследствии Лев Нетто пришел к заключению, что они с Андреем были единомышленниками. По словам Льва, они оба разделяли недовольство существующей властью, особенно в вещах, касающихся спорта. Более того, Лев считал Андрея «настоящим демократом», державшим при себе свои истинные взгляды[58].

Свидетельство Льва Нетто порождает ряд вопросов. Оно предполагает, что Андрей, водивший знакомство со многими интеллектуалами и людьми культуры, был более расположен к политическим и культурным изменениям оттепели, чем сам признавал в своих книгах и других официальных выступлениях. Он занимал высокие посты в футбольной иерархии, включая руководство национальной сборной. Также мы знаем Андрея как любителя вечеринок. Не секрет, что он не отказывал себе в тех развлечениях, которые Николай называл «богемными». Пожалуй, Андрей не был совсем уж «простым советским гражданином». При этом мы не можем с уверенностью утверждать, что братья Нетто были близки. Лев ушел на фронт, когда Игорю было тринадцать. Когда они увиделись в следующий раз, Игорю уже исполнилось двадцать шесть, он стал звездой, капитаном «Спартака» и национальной сборной. Лев говорил, что обычно они встречались на больших семейных торжествах. В воспоминаниях Игоря, опубликованных в советское время, нет ни слова о том, что случилось со Львом. Так или иначе, одному из лидеров сборной СССР наверняка было непросто играть, зная, что его старший брат находится в лагере. Можно спросить: а на чьей он был стороне? Вероятный ответ — на обеих.

«Спартак» существовал под защитой партийных верхов после 1953 года, но на клубе оставалось множество шрамов сталинского времени. Его основатели провели в лагерях двенадцать лет. Отца главного нападающего команды (Симоняна) бросили в тюрьму, чтобы вынудить сына перейти в тбилисское «Динамо». Другой звезде команды, Сальникову, угрожали и заставили его уйти из команды. И как мы упоминали только что, брат капитана также находился в лагере. Нет сомнений, что это влияло на атмосферу внутри команды, даже если ей и сочувствовали официальные власти. Симонян рассказывал, что эти жизненные обстоятельства оставались одной из постоянных тем разговоров внутри «Спартака»[59].

Лишь небольшая часть этих фактов была известна болельщикам. Положение «бедного и несчастного» стало принадлежностью спартаковского образа, популярного не только среди игроков и тренеров команды, но и среди болельщиков. Но в то время упоминания о моральных травмах членов команды едва ли выходили наружу. Даже великий хранитель спартаковского духа, популярный спортивный журналист Лев Филатов, не

писал об этом, несмотря на то что его собственный отец находился в лагере. Вместо этого болеть за «Спартак» как жертву, команду арестантов, стало классическим «потаенным посланием», формой рутинного сопротивления. Даже если люди в гражданском теперь контролировали силовые структуры, любителям футбола несложно было держать при себе собственную версию истории и по-прежнему считать «Динамо» и ЦДКА теми, кем они больше не являлись, — главными злодеями в этой спортивной драме.

Парни снова в городе

После смерти Сталина более миллиона заключенных оказались амнистированы и вернулись из ГУЛАГа, но никто не встречал их на воле с распростертыми объятиями. Почти все они были уголовниками, их возвращение в общество привело к беспорядкам, появлению общего ощущения незащищенности[60]. С несколькими тысячами привилегированных политзаключенных, освобожденных в 1954-м, дело обстояло иначе[61]. Большинство из них возвратились в свои дома и были восстановлены на работе. Матери Старостиных разрешили остаться в квартире на Спиридоновке после ареста братьев, их сестрам было запрещено покидать столицу. Жена Андрея, Ольга, наоборот, была выслана из города в 1942 году, и ей позволили приехать обратно только в 1946-м[62].

То, что Николай появился на стадионе «Динамо» вскоре после возвращения в Москву и воссоединения с семьей, означает, что он прибыл в город примерно в июне 1954-го. Первым на стадионе его приветствовал старый протеже, Владимир Степанов. В тот же день с ним познакомился Всеволод Бобров, который специально для этого подошел к нему и представился. Все интересовались планами Николая, и вскоре он встретился с Н. Н. Романовым. Тот спросил, чем Старостин думает заниматься, и предложил пост помощника Валентина Гранаткина. Гранаткин, когда-то вратарь «Локомотива», теперь возглавлял Федерацию футбола СССР. Николай отказался, решив, что его взгляды на игру часто будут идти вразрез с мнением лиц, принимающих решения. Чего бы он хотел — так это вернуться в «Спартак». Занимать место Кузина, который уже восемь лет возглавлял совет общества «Спартак», Старостин не собирался — и снова стал начальником футбольной команды[63].

Возможно, братья Знаменские были правы — Николай действительно хотел целиком посвятить себя футболу. Тем не менее Кузин, чей кабинет находился этажом выше старостинского, частенько заходил к нему за советом, касающимся других видов спорта. И Старостин никогда ему в этом не отказывал. Николай, как выяснилось, не был готов работать на государственной должности. Вероятно, он считал, что его деловой опыт будет больше востребован вне официальных властных структур. И наверняка понимал, что в новых условиях сумеет сохранить прежнюю независимость, работая на организацию, пользующуюся определенной автономией. Футбольному «Спартаку» теперь следовало приносить прибыль, чтобы поддерживать другие виды спорта этого общества. Лучше было делать это вне системы жесткого контроля, государственного или партийного. При этом Старостин создавал себе репутацию очень скромного человека, что контрастировало с его довоенным образом. Вероятно, годы в лагерях преподали ему несколько тяжелых уроков[64].

Андрей появился в Москве в сентябре 1954 года. Александр и Петр не оставили воспоминаний[65], но, похоже, что и они оказались в городе в то же время. Андрей прибыл на Ярославский вокзал в толпе потрепанных жизнью «возвращенцев». Его встречал старый друг Михаил Яншин и их общие приятели — театральный режиссер Арнольд Арнольд и драматург Исидор Шток. Сев в небольшую яншинскую «Победу», по дороге они спросили Андрея, не достать ли ему билеты на предстоящий матч с очень сильной сборной Венгрии, которая только что проиграла финал чемпионата мира Западной Германии. Несколько дней спустя Андрей триумфально вернулся на северную трибуну стадиона «Динамо». Там его встретили два старых друга еще с пресненских времен — Павел Канунников и Иван Артемьев. Его окружили со всех сторон, разговоры затянулись на несколько часов[66].

Вскоре Андрея, как до того Николая, вызвали в ЦК и задали вопрос о будущем. Андрей начал работать в «Спартаке», однако постепенно стал более известен как спортивный журналист, рассказчик и мемуарист. Ему было у кого поучиться среди друзей из литературного мира. К этому прибавилась работа в Федерации футбола. Александр вновь устроился на фабрике спорттоваров, а затем перешел на автомобильный завод, что дало ему возможность помогать игрокам и тренерам «Спартака» получать машины. Петр, часть лагерного срока проведший

на стройке, продолжил успешную карьеру инженера. Все они были реабилитированы, их восстановили в партии, никто не сделал прямых антисоветских выводов из всей этой истории. Николай вспоминал слушания, на которых все обвинения 1943 года (включая уголовные) оказались пересмотрены и отменены[67]. Советская власть арестовала его, однако она же и сняла с него все обвинения. И если у других братьев, например Андрея, имелись кое-какие антисоветские мысли, они держали их при себе. Только через десять лет Андрей публично написал о тех событиях в своей книге «Большой футбол» (1964): «Мудрая и решительная политика нашей партии, Советского государства исправила ошибки, реабилитировала невинно пострадавших людей, сделала невозможным повторение подобных преступлений»[68]. Миллионы узнали о том, что для спартаковских болельщиков было уже известной историей. К тому моменту страна пережила немало политических потрясений, и подобные заявления уже никого не удивляли.

Старостины были не единственными крупными фигурами, вернувшимися в столичный футбол. Михаил Якушин вновь возглавил «Динамо». Освободившись от вмешательства Берии в дела команды, он смог построить новое «Динамо» — ничуть не уступающее прежнему. Его ярчайшей звездой стал вратарь Лев Яшин, игравший в основном составе с 1950 года, но именно под руководством Якушина переживший настоящий расцвет. Яшину предстояло стать величайшим вратарем XX века, он выступал на высшем уровне до 1970 года. Его невероятный талант компенсировал все возможные недостатки и слабости динамовской обороны[69]. Якушин доказал, что также способен разыгрывать межнациональную карту, пригласив в команду азербайджанского нападающего Алекпера Мамедова, составившего компанию Владимиру Ильину и неугомонному Сальникову, с которым Якушину так и не удалось по-настоящему сработаться[70]. В отчете по окончании сезона Якушин отмечал, что Сальников очень одарен технически и много работает на поле, что он человек высококультурный, но политически неблагонадежный: «Это видно в его подражании зарубежной культуре и пренебрежении советской»[71]. За единственный сезон совместной работы строгий и консервативный Якушин дождался от Сальникова всего лишь двух голов. Может быть, если бы они вместе послушали джаз, дела пошли бы на лад, однако и без большой отдачи от великолепного Сало «Динамо» теперь было очевидным претендентом на титул.

«Спартак» вышел из тени, однако и «Динамо» никуда не исчезло. Старое противостояние возобновилось. Только в 1960 году энергичное и новаторское московское «Торпедо» нарушило господство легендарных соперников. В восьми чемпионатах — с 1952 по 1959 год — каждая из команд побеждала четырежды. Равенство побед как бы иллюстрировало хрупкое равновесие между сторонниками и противниками сталинского наследия. До 1956 года самые разные силы с обеих сторон еще кружились друг с другом в причудливом политическом танце. Даже после резкой критики культа личности Хрущевым кампания по десталинизации СССР так и не была завершена. Часто говорят, что в спорте есть «золотое правило»: тот, у кого есть «золото», правила и устанавливает. Если бы победил «хороший» Хрущев и его сторонники, возможно, у гражданских команд были бы дополнительные преимущества. По этой логике, команды силовых структур оказались бы в худшем положении.

Вместо этого противоборство «Динамо» и «Спартака» отражало соперничающие между собой политические тенденции, с которыми приходилось иметь дело Хрущеву и новому руководству страны. Продолжение холодной войны означало, что новый режим не перестал бороться с врагами — внешними и внутренними. В то же время необходимо было поддерживать законность и порядок в быстро модернизирующемся и идущем по пути урбанизации обществе. Сохранялась необходимость в сильных милиции и армии. В сфере спорта противостояние Востока и Запада особенно остро ощущалось на Олимпийских играх, где успех можно было измерить количеством медалей. Спортивная система, сформировавшаяся при Сталине в 1930-е, легко и успешно адаптировалась к новым государственным задачам, дипломатическим и политическим. В менее популярных видах спортсмены «Динамо» были значительно более успешны, нежели спартаковцы. Абсолютное большинство советских олимпийцев пришли из обществ вооруженных сил или милиции.

Старостины не считали, что большой спорт следует мерить медалями. Хотя общество «Спартак» не игнорировало так называемые малые виды спорта с узкой аудиторией, Николай всегда считал самым зрелищным и доходным видом футбол. И это справедливо во многом потому, что красно-белые были самой популярной футбольной командой в СССР. В то же время нельзя сказать, что «Динамо» недоставало поддержки

болельщиков. Со своей серией побед и неотразимыми звездами старые добрые «ребята Лаврентия» также находились в центре внимания. Болельщики приходили на их матчи по самой простой и естественной причине: «Динамо» хорошо играло в футбол. До 1956 года обе команды выступали на одном стадионе и собирали примерно одинаковое количество зрителей, «Спартак» лишь немногим больше. У нас нет полной информации о посещаемости стадионов в начале хрущевского периода, но она была лишь чуть меньше той, что создавала безумные толпы, штурмовавшие стадионы в первые послевоенные годы.

К середине сезона 1956 года смотреть футбол вживую могло уже намного больше людей — был открыт 103-тысячный стадион имени Ленина (ныне «Лужники»). Во второй половине десятилетия игры «Спартака» часто проходили именно здесь. «Динамо» проводило большинство матчей теперь уже на «своем» стадионе, хотя оба матча со «Спартаком» обычно устраивались на стадионе им. Ленина. Но если на игре «Динамо» ожидалось особенно много болельщиков, ее могли перенести туда же. И все равно общие цифры посещаемости «Спартака» превышали динамовские. Сам этот факт доказывает важное преимущество, которое позволяло «Спартаку» соперничать с организацией, продолжавшей получать государственную поддержку. И тем не менее не стоит объяснять количество проданных билетов на «Спартак» общим (но эмпирически не доказанным) представлением о его большей популярности. Злая ирония заключается в том, что, когда футбол потерял в стране былую популярность, размеры стадиона им. Ленина превратились для «Спартака» из преимущества в недостаток. В те времена многие в «Спартаке» убеждали Николая Старостина в необходимости следовать британской модели и построить для команды отдельную, чисто футбольную арену. Старостин всегда был против, и по сей день у команды нет своего стадиона[72].

После двух побед в чемпионате подряд сезон 1954 года сложился для «Спартака» непросто. Нетто, Симонян и Николай Дементьев пропустили треть 24-матчевого сезона из-за травм. Обязанность атаковать легла на плечи 39-летнего Дементьева, который забил лишь семь мячей в шестнадцати играх. После поражения в Тбилиси исторические соперники «Спартак» и «Динамо» встретились 1 мая на традиционном открытии московского сезона. Симонян играл вяло. Команда

оказалась недостаточно готова физически, и спартаковские игроки закончили матч со счетом 0:2. В очередной раз демонстрируя свою любовь к «Спартаку», «Советский спорт» вышел со статьей под заголовком «Болельщики разочарованы». Речь в ней шла больше о спартаковских слабостях, чем о силе «Динамо». Находясь на третьем месте в таблице после поражения (1:2) от вновь собранного ЦСКА, команда готовилась принять дома тбилисское «Динамо» 7 июня, впервые после трагических апрельских событий. «Спартак» доминировал весь матч и выиграл со счетом 5:0. После этого последовала серия побед: в какой-то момент клуб шел на первом месте, однако августовские поражения от слабой ленинградской команды «Трудовые резервы» и ленинградского «Зенита» опустили «Спартак» на второе место. Там команда и завершила сезон, уступив московскому «Динамо» четыре очка[73].

Лев Филатов, большой поклонник «Спартака», оплакивал закат своей команды. Уровень игры Симоняна резко упал, отношения Соколова с игроками совсем испортились. Впрочем, вскоре у Филатова вновь появился повод петь «Спартаку» дифирамбы. После окончания сезона команда готовилась отправиться в самое сердце капиталистического футбольного мира, где ей предстояло сыграть с лидерами бельгийского футбола — «Андерлехтом» и льежским «Стандартом», а также с сильными английскими командами — «Арсеналом» и «Вулверхэмптон Уондерерс». Перед отъездом «Спартака» «Динамо» принимало «Арсенал» в Москве с ответным визитом после знаменитого матча 1945 года, выигранного «Динамо» в лондонском тумане. В этот раз «Динамо» легко справилось с «Арсеналом», только набиравшим игровую форму. Команда прибыла в СССР с большой делегацией прессы и со всем руководством Футбольной ассоциации. Победа «Динамо» со счетом 5:0 сделала визит «Спартака» в Лондон еще более ответственным[74].

Перед этой борьбой предстояла еще поездка в Бельгию. По прибытии в Брюссель спартаковские тренеры отказались от пешеходной экскурсии по музеям, опасаясь старого приема «утомить противника» перед игрой, который так часто использовался в Советском Союзе. Вместо этого официальные представители команды приняли приглашение посетить несколько шоу — в некоторых из них, к ужасу советских «сопровождающих» и восторгу игроков, участвовали стриптизерши. Команда была выведена из театра главой делегации. Спектакль, несомненно,

поднял уровень тестостерона у игроков, «Спартак» вышел на поле и разнес «Андерлехт», одну из сильнейших европейских команд, со счетом 7:0. Раскритикованный до того Симонян, вылечившись от травм, сделал хет-трик. Четыре дня спустя, в присутствии главного тренера «Арсенала» Томми Уитакера, был разбит льежский «Стандард» — 5:2. Симонян вновь отметился тремя мячами. Последние два гола он забил с передач Нетто и приглашенного с командой в турне Башашкина[75].

Затем настало время Лондона и игры с «Арсеналом», напряжение которой усиливалось из-за холодной войны. Контраст с доброжелательным приемом московского «Динамо» в 1945 году не мог быть более заметным. Игрок «Арсенала» Артур Шоу, не принимавший участие в матче, позднее вспоминал: «Игра вызвала большое волнение... Я никогда не видел ничего подобного... Это было больше, чем игра в футбол, вокруг было много политики. Билеты на матч было не достать — ни за деньги, ни по большой любви». 66 000 болельщиков забили под завязку небольшой стадион «Арсенала» в северном Лондоне[76]. Чтобы чуть уравновесить преимущество своего поля, «Арсенал» согласился с назначением на игру судьи Николая Латышева. Он же работал и на знаменитой игре «Динамо» — «Арсенал» в 1945-м, что породило много споров, не утихающих до сих пор.

«Арсенал» атаковал с первых минут, нанеся три быстрых удара по воротам. Тренерский штаб «пушкарей», выезжавший в Брюссель, оценил опасность Симоняна для команды и обеспечил ему плотную опеку. «Арсенал» повел в счете на 36-й минуте после гола Джимми Логи. «Спартак» перешел в контратаку, заработав семь угловых до перерыва. За две минуты до конца тайма Татушин пробил издали, а Парамонов, находившийся в центре поля, сыграл на добивании. Во втором тайме Симонян, Татушин и Парамонов стали лучше разыгрывать мяч на правом фланге, благодаря чему Симонян забил мяч головой на 70-й минуте. «Спартаку» предстояло отстоять в обороне очень напряженные двадцать минут. Перед финальным свистком Логи забил свой второй гол, который Латышев отменил из-за офсайда. Логи в ответ высказал арбитру все, что о нем думает. После матча игрок «Арсенала» был исключен из команды за «неджентльменское поведение» (доказательство того, что у советских официальных лиц нет монополии на глупость) и больше никогда не выходил на поле в составе этой команды. Ничья со счетом 2:2 была бы

почетным результатом, однако если верить клубному историку «Арсенала» Дэну Бреннану, «общее мнение заключалось в том... что победил сильнейший»[77].

Неделю спустя «Спартак» вышел против «Вулверхэмптона», чемпиона прошлого сезона и значительно более сильного клуба, нежели «Арсенал». «Волки» разорвали «Спартак» со счетом 4:0. Оправданием гостям служило то, что она потратила все силы — ментальные и физические — на игру в Лондоне. Недостаток знаний об английском футболе заставил «Спартак» сконцентрироваться на встрече с соперником с громким именем, — в то время как «Вулверхэмптон» являлся просто более сильной командой, чем знаменитый «Арсенал». Несмотря на поражение, английские журналисты обратили внимание на Нетто. Впоследствии многие другие европейские наблюдатели были впечатлены его игрой, поступали предложения купить спартаковского капитана, на что последовал быстрый и категорический отказ. В целом «Спартак» в 1954 году сыграл четырнадцать международных матчей, показав себя с лучшей стороны[78].

Как видно по ежегодным командным отчетам, «Динамо» и «Спартак» оказались близки и по другим показателям в завершившемся сезоне. В составе «Динамо» было пять членов партии (во главе с Бесковым) и восемь комсомольцев. В «Спартаке» насчитывалось четыре коммуниста, два кандидата в члены партии (один из них — Симонян) и восемь комсомольцев. Уровень образования игроков в обеих командах был практически одинаков: среднее количество классов школы у игроков «Динамо» — 9,1, в «Спартаке» — 8,9. Если в политическом статусе и уровне образования разницы не существовало, то в национальном составе она была предсказуема. В спартаковском составе числились семь нерусских игроков (включая эстонца Нетто, записанного «русским»). В динамовском списке из двадцати одного человека все были русскими, за исключением двух украинцев, одного азербайджанца и одного еврея. Разница чувствовалась и в практике идейно-политического воспитания. В «Динамо» серьезно относились к этому вопросу. Командные экскурсии включали посещение Музея милиции. Для сравнения: спартаковский политрук так и не продвинулся дальше первых четырех глав «Краткого курса истории ВКП(б)». Что еще смешнее, по словам Парамонова, игроки читали одни и те же четыре главы каждый год. Командные экскурсии также отличались от динамовских. Спартаковские игроки

часто посещали лучшие московские театры вместе со своими семьями. Пестуя менее милитаризованную и более дружественную атмосферу в команде, тренеры «Спартака» периодически навещали семьи игроков у них дома, продолжая практику, заведенную Дангуловым[79].

Правда, вполне возможно, что в гости к игрокам ходил только Дангулов. Грубость Соколова не очень вязалась с русским гостеприимством и домашней кухней. Его сняли с поста главного тренера после окончания сезона 1954 года и отправили слушать курс по межличностным взаимоотношениям в Институт физкультуры. Возможно, это действительно помогло. Соколов продолжал тренировать вплоть до 1970 года. Последней его командой была сборная Чада, но в обществе «Спартак» он больше не работал. Дангулов возглавил ереванский «Спартак» и через два года вышел на пенсию. Николай Старостин, вновь отвечавший за свою команду, должен был выбирать нового тренера. Он остановился на Николае Гуляеве (1915–2000) — тот играл за «Спартак» с 1936 по 1946 год и пять лет тренировал калининградский «Зенит»[80].

Попытки Старостина вырвать Сергея Сальникова из «Динамо» и вернуть обратно в родную команду были его самым рискованным предприятием. Хотя у нас нет документальных свидетельств этой второй битвы за Сальникова, некоторые косвенные источники дают возможность предположить, что «Динамо» билось за игрока изо всех сил. В конце концов «Спартак» все же победил — чего никогда не случилось бы при Сталине. В обмен Сальников терял свое звание заслуженного мастера спорта и все прилагающиеся к нему привилегии. Ему также запрещено было играть за «Спартак» до середины мая[81]. Вернувшись в более дружную и расслабленную спартаковскую атмосферу, весельчак Сальников сыграл в 19 играх, забил 12 мячей — что оказалось крайне важно для команды, потерявшей Симоняна из-за травмы почти на весь сезон[82]. «Спартаку» удалось приблизиться к титулу ближе, чем в прошлом году, — он финишировал вторым, проиграв «Динамо» одно очко.

Как и в 1954-м, гвоздем сезона стали международные матчи. Тем летом в Москву прибыли две легендарные команды из капиталистических стран. В начале июля приехал могучий итальянский «Милан», а 7 августа с ответным визитом прибыл «Вулверхэмптон». Советские власти всегда были очень

внимательны к планированию таких игр, относясь к ним чрезвычайно серьезно. В 2007 году Симонян, выступая по телевидению, рассказал, что такие матчи были

> товарищескими, однако в то время имели то же значение, что сейчас Лига чемпионов или Кубок УЕФА. Интерес к ним был огромен. Это было престижно. Результатам придавалось большое значение. И советские футболисты, и их соперники подходили к этим играм со всей ответственностью[83].

В середине лета команды из Западной Европы еще проходили предсезонную подготовку, игрокам не хватало сыгранности, и они были не в лучшей физической форме. Советские команды, для которых сезон начинался в марте, а заканчивался в ноябре, отличались куда лучшей подготовкой. Преимущество также ощущалось поздней осенью, хотя не было так ярко выражено. Федерация футбола никогда не назначала подобные матчи на весну, в это время советские команды только набирали форму, а западные, наоборот, находились на пике. Когда позднее клубы из Советского Союза стали принимать участие в еврокубках, они неплохо выступали в осенней части этих турниров, но лишь немногие были хороши в весенних играх. Мировые и европейские чемпионаты, проходившие поздней весной или ранним летом, сложно давались советской сборной по той же причине.

«Милан» прибыл в Москву и был разгромлен «Спартаком» со счетом 3:0. Хет-трик сделал нападающий Николай Паршин (1929–2012), на матче присутствовало 60 000 зрителей. В Европе этот результат стал большим сюрпризом: счет позволил хозяевам поля считать себя одной из сильнейших команд континента. Тренер итальянцев предложил рекордные суммы за переход в свой клуб Нетто и Симоняна[84]. Месяц спустя «Спартак» взял реванш у «Вулверхэмптона» с тем же счетом — 3:0. На следующий день Николай Старостин рассказал «Советскому спорту», что «Спартак» планировал играть с «Вулверхэмптоном» в своем стиле — быстро, низом, активно используя фланги. Как отмечал тренер «волков» Джо Гарднер, его команде не хватало физической формы для того, чтобы поддерживать заданный «Спартаком» темп. Англичане только приступили к тренировкам — на что вполне справедливо обращал внимание Лев Филатов в своем

послематчевом отчете. Спартаковские гости, уточнял он, способны играть лучше, чем у них это получилось в тот день[85].

Вслед за этим последовало важнейшее событие сезона — в конце августа национальная сборная СССР сыграла против коронованных чемпионов мира, сборной ФРГ. Советские футболисты были собраны в одну команду под руководством авторитетного тренера Гавриила Качалина[86]. Было принято осознанное решение строить состав вокруг одной команды — в данном случае двукратного чемпиона «Спартака», из которого в сборную призывались одиннадцать человек. От шести до восьми из них обычно выходили в основном составе. В то время на территории СССР все еще оставались немецкие военнопленные, между странами не существовало дипломатических отношений. Советские союзники из Восточной Германии, вполне обоснованно опасаясь, что игра станет прелюдией к восстановлению отношений, протестовали против ее проведения[87]. Инициатива шла от советской стороны. В мае 1955 года представители «Спартака» передали приглашение в немецкое посольство в Париже, откуда его отправили в Немецкий футбольный союз. Практически в то же самое время в Москву был приглашен немецкий канцлер Конрад Аденауэр. Он согласился приехать 11 июля.

Матч посетила довольно солидная делегация западногерманских болельщиков, прихвативших с собой валюту. Сотни тысяч заявок на билеты наводнили кассы стадиона «Динамо»[88]. Восемь игроков «Спартака» — Огоньков, Маслёнкин, Нетто, Татушин, Исаев, Паршин, Сальников и Ильин — были включены в основной состав. Место в воротах занял Яшин. Вся атакующая линия состояла из спартаковцев. Гуляев вошел в тренерский штаб[89]. Немцы были неожиданными победителями чемпионата мира 1954 года, где обыграли знаменитую сборную Венгрии в финальном матче, который называли «бернским чудом». Главная венгерская звезда, Ференц Пушкаш, провел ту игру с тяжелой травмой ноги. Однако в следующих товарищеских матчах сборная ФРГ играла не особенно хорошо. Давно руководящий командой Зепп Хербергер начал перестройку состава и взял в Москву лишь нескольких героев бернского матча[90].

В середине второго тайма немцы были впереди (2:1), однако советские футболисты предприняли штурм и забили два гола в течение четырех минут. Маслёнкин сравнял счет на 69-й минуте, Ильин (не в последний раз в своей карьере) забил

победный мяч на 73-й. Первый гол советской сборной был на счету Паршина. Все трое — из «Спартака». Хербергер впоследствии подчеркивал прежде всего скорость советских футболистов и их пугающую выносливость, результат упорной работы над физической формой. В советской футбольной истории эта игра занимает важное место, в то время как в немецких источниках на этот товарищеский предсезонный матч почти не обращают внимания (что неудивительно)[91]. Можно вполне обоснованно утверждать, что ничья в матче с Венгрией (1:1) месяцем позже в Будапеште, при выздоровевшим Пушкаше в составе, стала даже более впечатляющим результатом. Вероятно, важнее было то, что немцев хорошо приняли в СССР, и сами игроки и тренеры вели себя уважительно и корректно. Немецкие газеты проводили связь между спортом и политикой, называя эту команду «ледоколами Аденауэра»[92].

«Спартак», несмотря на обидное второе место в чемпионате, несомненно, проявил себя с лучшей стороны. Владимир Мошкарин (1914–1994), глава администрации сборной, с восторгом отзывался об этой команде. Он особенно выделял Парамонова, Нетто, Татушина и Сальникова; похвалил Огонькова, который занял место центрального защитника после ухода Башашкина. Филатов был более сдержан в своих оценках. Он отмечал, что «Спартак» в течение сезона перестроился на более атакующую игру. Он также хвалил Нетто за его многочисленные таланты, но критиковал Ильина и Татушина за то, что те не развивали свою игру, а использовали лишь несколько сильных навыков. Атакующая манера игры делала команду уязвимой для контратак, когда проявлялись слабые места, — линия защиты и вратарь. В конечном счете Филатов упрекал Старостина за то, что тот в свой первый сезон после возвращения не требовал от Ильина и Татушина улучшить их игру. Как показало время, Филатову не стоило беспокоиться. Старостин и Гуляев уже работали над обновлением стиля, который принесет «Спартаку» еще большие успехи[93].

За родину, за «Спартак» — великий 1956 год

В период между смертью Сталина и концом 1955 года Никита Хрущев был занят укреплением власти и устранением врагов. За это время сменилась практически половина

провинциальных партийных секретарей. Главный хрущевский соперник, Георгий Маленков, оказался смещен со своего поста в феврале 1955 года[94]. То, что Хрущев сделал это, не уничтожив миллионы людей, стало, возможно, его главным подарком партии и своему народу. Однако дальнейший прогресс оказался под вопросом. Программы десталинизации как социально-политического процесса еще не существовало, тысячи лояльных сталинистов оставались на своих постах. До 1956 года Сталина публично почти не критиковали, опасаясь народных волнений. Хрущев между тем чувствовал, что изменения, произошедшие в обществе, связаны далеко не только с преступлениями, в которых он вскоре обвинит Сталина. Великое множество вернувшихся из лагерей людей (в том числе — бывшие уголовники) изменили повседневную жизнь. Тысячи, если не миллионы постепенно переставали бояться публично выражать свое мнение. Система, унаследованная из прошлого и без того пребывающая в кризисе, теперь могла потерять легитимность.

Нельзя сказать, что атака на Сталина в докладе Хрущева на XX съезде партии в феврале 1956 года была идеальным решением проблемы. Объяснять трагедии предыдущей четверти века историческим отклонением, таким как «культ личности» вождя, являлось осознанным немарксистским решением, и отказ от попытки увидеть в этом нечто большее, чем просто сталинский стиль управления, стал залогом будущей слабости и неопределенности процесса десталинизации. «Критика всегда останавливалась на пороге внутрисистемного анализа. В этом и состоят главные причины загадочной нестабильности, неравномерного характера борьбы с культом личности»[95]. Однако мгновенная реакция на доклад была невероятно мощной и серьезно повлияла на возможность открыто говорить о тех событиях не только с властями, но и между собой.

Содержание хрущевской речи могло привести к расшатыванию устоев общества, и сам способ доставки этой информации был не прост. Текст речи разослали по партийным ячейкам по всей стране для официального обсуждения. Опасаясь того, что доклад способен взбудоражить одних и разочаровать других, новое партийное руководство стремилось ограничить его распространение, однако текст вскоре вышел за границы партийного круга и Советского государства. Началась общая дискуссия о будущем советского проекта, разговор, зашедший гораздо

дальше простого осуждения культа личности. В то время всё больше советских граждан выезжали за рубеж, слушали западное радио, получали нелегальные книги и музыкальные записи. Футболисты были среди самых заметных послевоенных советских туристов, в их числе игроки «Спартака», много путешествовавшие в 1953–1956 годах. Хотя невысокий уровень образования большинства футболистов делал их не особенно восприимчивыми к политическим урокам при столкновении с Западом, такие люди, как Нетто, Симонян и Сальников, не говоря уже о Старостиных, не могли не размышлять о том, что они видели в своих зарубежных поездках. Вероятно, они делились своими впечатлениями с друзьями — актерами, писателями и музыкантами, которые если и не были в оппозиции, то определенно находились под воздействием оттепели. Мы не знаем, привозил ли кто-нибудь вроде Сальникова джазовые пластинки для Леонида Утесова, а кто-нибудь, как Николай Старостин, — больше новых платьев своей жене, но если привозили — то ничего удивительного в этом нет.

Охота за запретными плодами Запада таила в себе еще одну опасность для режима. С самых первых выездов за границу спортсмены спекулировали товарами и валютой. Пытаясь заработать на своих зарубежных поездках, по возвращении они вынуждены были иметь дело с теневой советской экономикой, черным или серым рынком. Спартаковские игроки и те, кто путешествовал вместе с ними, были не хуже и не лучше других[96]. Партия в ходе продолжавшейся холодной войны стремилась завести как можно больше друзей в мире, и поэтому нуждалась в советских спортсменах, которые разъезжали по всему свету. Разумеется, их деятельность таила в себе меньше опасности, чем слова многих интеллигентов и студентов, вдохновленных хрущевской атакой на Сталина. Впрочем, потенциальная подверженность спортсменов влиянию Запада, возможные нарушения правил немало беспокоили государство, желающее держать своих граждан под контролем.

В 1956 году в «Новом мире» был опубликован роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», спровоцировавший новую общественную дискуссию. Мыслящие люди, разбуженные секретным докладом Хрущева, теперь использовали успех публикации Дудинцева для того, чтобы поставить новые вопросы об устройстве советской жизни. Описываемая в романе

ситуация — противодействие бюрократов талантливому прогрессивному инженеру — была знакома многим профессионалам и образованным людям, которые ценили индивидуализм и частную жизнь, — все это было в духе оттепели. В организациях по всему СССР проводились публичные обсуждения романа Дудинцева. Это чем-то напоминало общий восторг в день матча у стадиона «Динамо» послевоенного времени — люди стояли в очередях часами, протискивались внутрь, иногда слушали через открытые окна, расположившись на улице. В ходе литературных дискуссий неизбежно всплывали и другие фундаментальные вопросы[97]. Публичная активность вылилась в стихийные выступления, совсем немногие из которых являлись явно антисоветскими или прокапиталистическими. Гораздо более популярной была надежда на возвращение к ленинским временам. Хрущев во многом шел по тому же пути, однако само общество теперь избавлялось от внутренней пассивности, которую ему часто приписывали западные эксперты по СССР.

Действия Хрущева привели к тому, что страх репрессий стал уходить. Если до 1956 года оттепель растопила тонкий ручеек, то теперь (если продолжить эту метафору) это был стремительный поток тающего ледника, несшийся через СССР и дальше — в Восточную Европу. Вскоре надежды на ослабление советской власти породили беспорядки сначала в Польше, а затем и в Венгрии. Мировые события в то лето и осень угрожали хрущевскому «либеральному» коммунизму и ободрили тех его внутренних врагов, которые хотели возвращения более жестких методов недавнего прошлого[98].

Еще до того, как события в Восточной Европе достигли апогея, множество советских студентов стали вести себя как маргиналы. То, что раньше делалось просто так, теперь приобрело политический оттенок, по крайней мере стало выражением общественного протеста. Хулиганство в парках, молодежных клубах и кинотеатрах дало властям понять, что ситуация выходит из-под контроля[99]. Другой опасностью было то, что взрослые люди, получившие наконец собственные квартиры, уйдут в свою частную жизнь. В этом смысле молодые известные спортсмены, только получившие жилье, оказывались крепким орешком для тех, кто собирался использовать спорт в дидактических целях.

Спартаковское руководство находилось в трудном положении. При поддержке партии команде выдавали

множество квартир. В ответ Старостин продолжал выделять Моссовету тысячи билетов на важные игры. Предоставляя прославленным игрокам собственное жилье, «Спартак» — и в меньшей степени другие московские команды — тем самым как будто поддерживали индивидуализм, который подрывал авторитет как партии, так и самого руководства команды. Надо сказать, что эти наскоро сляпанные хрущевские дома не были дворцами — но в них имелись свои кухни и ванные комнаты, не говоря уже о дверях, которые можно запереть[100]. И все же квартиры не стали просто «частной территорией». Их предоставляло государство, оно же производило всю мебель для этих квартир. Постепенно появились правила, как нужно обставлять квартиру, и комиссии, проверявшие соблюдение этих правил. Да и сам выбор мебели, учитывая ограниченные потребительские возможности середины 1950-х годов, оказывался невелик. Те, кто выезжал за границу, привозили стильные «западные» вещи — в рамках приличий. У футболистов были очевидные преимущества в приобретении иностранных товаров. Так или иначе, мне не встречались упоминания санкций к спортсменам за неправильное декорирование квартир или выселений за плохое поведение (что не означает, впрочем, что сами такие случаи отсутствовали)[101].

Другим оазисом советского личного пространства, доступным лишь немногим, служил личный автомобиль[102]. Эта привилегия, отведенная спортсмену, появилась позже, чем квартиры, однако вскоре стала важным стимулом при привлечении звездных игроков в команду. Как и квартиры, машины практически всегда давались через государственные организации, они же обеспечивали бензином и отчасти авторемонтом. Александр Старостин, как уже упоминалось, некоторое время руководил автомобильным заводом, благодаря чему игроки его команды получали машины.

Игроки могли быть звездами в своих командах, однако до строительного бума и они в большинстве своем продолжали жить в коммуналках[103]. Спорт становился более зрелищным, события все больше освещались журналистами (включая и телевидение), лучшие спортсмены становились более узнаваемыми. Слава и высокие моральные стандарты далеко не всегда шли рука об руку. Многие молодые и обычно малокультурные футболисты становились высокомерными и заносчивыми, были убеждены в том, что они достойны всё новых привилегий.

Случаев вызывающего поведения насчитывалось немало — в ресторанах, такси, самолетах, командных раздевалках и на футбольном поле. Нетто и Сальников, два человека, которых не заподозришь в некультурности, были тем не менее известны своим тяжелым характером и несколько раз подвергались публичной критике. Нетто, как мы уже писали, в 1950 году перебрал в самолете во время турне по Норвегии. Сальников часто выходил из себя на поле. То же самое было характерно и для Нетто. Влияла ли на поведение Нетто история с его старшим братом, мы не знаем. А был ли Сальников, уже вернувшийся в «Спартак», все еще обижен на историю с переходом в «Динамо»? На Всесоюзном тренерском сборе в конце 1956 года Нетто ставили на вид его несдержанность в отношении судей и соперников в матчах против ФРГ и Венгрии. Николаю Старостину делали внушение о необходимости обращать внимание на частную жизнь его звезд[104]. Советская спортивная бюрократия по-прежнему считала, что поведение футболистов, особенно на международной арене, влечет за собой политические последствия.

Сами по себе футболисты были, как правило, аполитичны, но дух перемен сказался на авторитете тренеров и сократил возможности для спортивных обществ влиять на личную жизнь своих игроков. Если динамовцы проводили время в Музее милиции, то как быть со спартаковцами, которые ходили в театр и поддерживали знакомство с богемным кружком Андрея Старостина? Если парни дружили с актерами, то наверняка и с актрисами тоже. Случалось ли игрокам, как выразился Симонян, «пользоваться возможностями такой ситуации»? Жена Андрея Старостина, Ольга, была театральной актрисой — как и его лучший друг. Мы можем с уверенностью сказать, что внутренняя обстановка в «Спартаке», созданная Старостиными, соответствовала более расслабленной, менее милитаризованной атмосфере второй половины 1950-х, духу этого времени. Уже упоминавшийся зарубежный наблюдатель отмечал:

> «Динамо» было очень дисциплинированной командой. Если ты любил выпивать — ты не шел играть за «Динамо». То же самое касается и армейской команды, а вот «Спартак»... здесь ты мог как следует накатить после игры, покурить (большинство игроков команды курили). Футбол, в который играли «Динамо» и ЦСКА, был довольно

банальным, наблюдать за ним было скучно... [по сравнению с ними] «Спартак» давал возможность раскрыться индивидуальности[105].

На Всесоюзном тренерском конгрессе Николай Старостин высказался в том же духе[106].

В 1990 году адвокат Борис Назаров с той же интонацией делился своими впечатлениями от «Спартака» на футбольном поле: «Мне нравится, как играет «Спартак». Они в удовольствие себе играют... Их стиль остается неизменным [как в 1950-х] — свободный розыгрыш, импровизация, поиск неожиданных ходов в самые решающие моменты»[107]. Утверждения, что красно-белые играют в более романтический, импровизационный, более легкий для глаза футбол могут быть результатом влияния спартаковской идеологии. Эти впечатления, озвученные много лет спустя после событий, также иллюстрируют воздействие оттепели на футбольный мир. Если команда, практикующая спокойные тренировки, импровизационную игру и уважение к своим футболистам, способна регулярно побеждать, — не означает ли это, что жесткая дисциплина и тотальное вторжение в личную жизнь, характерные для расцвета сталинизма, больше уже не требовались для спортивных успехов или даже для промышленных достижений в новую эру?[108] В то же самое время эффективность человечных методов в футболе демонстрировала государству и обществу возможности либерализации и других сфер жизни. «Спартак» одновременно создавал и отражал противоречивые ценности после сталинского периода. Лучше всего можно понять эту не совсем прямую связь между футболом и культурными тенденциями оттепели с помощью их диалогичности — ни один из дискурсов прямо не определяет другой. Перефразируя Бурдьё, тела спартаковских игроков выражали то, что их умы (и умы их болельщиков) были выразить не способны[109]. Болельщики знали, что происходит в игре, не произнося и тем более не записывая ни единого слова.

К концу футбольного сезона 1956 года Хрущев и его сторонники восстановили контроль над повесткой дня для открытого обсуждения. Горячие дни зимы и весны теперь были остужены ограничениями процесса десталинизации, которым руководили бывшие соратники вождя, опасавшиеся показаться слишком мягкими в отношении к «капитализму». Здесь

и пролегали границы реформ. Государство могло прислушиваться, но не всегда подчинялось. Как писал об этом Левин: «Здесь налицо неспособность режима принять возрастающую политическую дифференциацию общества, его страх и отрицание независимых мнений (главное право человека в современном цивилизованном обществе); это показывает неполноценность системы, которая нашла способы терпеть существование более чем одного мнения, но в целом осталась консервативной»[110].

В годы между секретным докладом Хрущева и его отставкой, в годы реформ, «Спартак» странным образом играл роль канарейки в угольной шахте. Конечно, приливы и отливы оттепели не совпадали напрямую с успехами «Спартака» на поле. И у нас нет свидетельств, которые бы описывали эту взаимосвязь. Но тем не менее воодушевление от событий 1956 года вылилось и на поле. Как отмечал Вартанян, открытость Западу означала не только больше джаза и рок-музыки, не только искренние книги и хорошие фильмы, но и больше игр против сильных западных соперников[111]. Для болельщиков успех их команд на футбольном поле поддерживал оптимизм относительно жизни в целом. «Нужно помнить, что футбол и стиль игры были отражением политической, экономической и социальной ситуации в стране. Ворота лагерей открылись в 1956 году, и люди возвращались домой. Вокруг было много споров и удивительное чувство восторга[112].

Финишировав вторыми в 1955-м и успешно сыграв международные матчи, Старостины и Гуляев с оптимизмом готовились к новому сезону. Они привели в команду только одного нового игрока, левого крайнего Ивана Мозера (1933–2006) из минского «Спартака». Главные задачи заключались в том, чтобы хорошо стартовать (два предыдущих года команда проигрывала уже на старте сезона) и избежать травм. Симонян и Нетто чаще других отсутствовали в прошлом году, однако в этот раз удача улыбнулась «Спартаку». Все звезды и важные игроки были в хорошей форме. Гуляев использовал всего лишь четырнадцать футболистов за весь сезон[113]. Результатом стал выигранный чемпионат и море голов. Четыре победы подряд и гостевая ничья с киевским «Динамо» обеспечили начальный отрыв от московского «Динамо», ближайшего преследователя. Серия закончилась матчем с молодой энергичной командой «Торпедо», которую вели нападающие Валентин Иванов и Эдуард Стрельцов.

Второй был игроком-феноменом, дебютировавшим в составе еще в 1954 году, в семнадцатилетнем возрасте. Прессингуя по всему полю и не давая сопернику разыгрывать свои короткие передачи, «Торпедо» выиграло со счетом 2:0 в присутствии 60 000 зрителей на стадионе «Динамо»[114]. Впрочем, «Спартак» в том сезоне проиграл еще лишь дважды. Оба матча возрожденного соперничества с «Динамо» завершились вничью — 1:1. Сезон был отмечен атакующим всплеском, команда отличилась 68 раз в двадцати двух матчах. Симонян забил больше всех — шестнадцать мячей. Исаев — четырнадцать голов; деливший левую бровку с Ильиным Мозер забил одиннадцать мячей всего лишь в пятнадцати матчах[115].

«Спартак» взял титул в предпоследнем туре, обыграв киевское «Динамо» со счетом 4:3, с голами Ильина, Сальникова, Симоняна и Исаева. В статье для «Советского спорта» завершивший карьеру великий динамовский игрок Константин Бесков отдавал должное старому сопернику: «Неслучайно на ваших матчах так много болельщиков. Такая игра приносит им удовольствие»[116]. Через неделю 100 000 болельщиков пришли на стадион праздновать победу в чемпионате в последней игре сезона, завершившейся победой со счетом 3:0 над ЦСКА. Такая невероятная посещаемость стала возможной, поскольку в тот самый насыщенный год открылся стадион имени Ленина. Он стал домашним для большинства спартаковских матчей. Размер толпы, означавший и количество проданных билетов, давал «Спартаку» доход, который позволял ему сражаться на самом высоком уровне.

Подавление венгерской революции произошло после окончания футбольного сезона, но эти события не повлияли на место «Спартака» в качестве базовой команды для советской футбольной сборной, отправившейся в Мельбурн на Олимпийские игры 1956 года. Было очевидно, что олимпийский кодекс «любительства» делал футбольный турнир второсортным соревнованием, где должны были доминировать фальшивые любители из стран соцблока. Однако память о поражении и позоре 1952 года делали победу в этом состязании важной для режима. Одиннадцать спартаковцев отправились в Австралию. Восемь из них сыграли в финале-реванше против сборной Югославии, которая после заключенного мира с Тито больше не была ненавистным врагом[117]. Великая венгерская сборная, победившая СССР в Будапеште 23 сентября и наверняка боровшаяся бы за золото,

развалилась после подавления восстания в стране и не приняла участия в турнире[118].

Сыграв с объединенной немецкой командой и сборной Индонезии в предварительном раунде, советские футболисты в полуфинале одолели Болгарию со счетом 2:1 благодаря голу Бориса Татушина в дополнительное время. Яшин был звездой в воротах, старый одноклубник спартаковцев Башашкин принимал участие во всех предварительных играх, симоняновскую позицию центрального нападающего занял Стрельцов. Впрочем, в финале Качалин предпочел молодости опыт и усадил Стрельцова на лавку. В дождливый вечер в последний день игр Борис Татушин исполнил кросс с правого фланга на 48-й минуте. Анатолий Исаев знал, что мяч полетит к ближней штанге, по любимой татушинской траектории. Исаев обманул югославского вратаря и отправил мяч по высокой дуге, по центру ворот. Казалось, удар Исаева откроет счет, но прилетевший с левого фланга Анатолий Ильин забрал этот гол себе, забив головой в пустые ворота. Это не последний драматический гол в карьере Ильина, и он гордился им до конца жизни, вызывая негодование Исаева. Просмотр видео, впрочем, не подтверждает правоту Исаева, утверждавшего, что гол нужно записать на него. Югославский вратарь не оставил ворота пустыми, и вмешательство Ильина было оправданным[119]. Если оставить в стороне обиды, в победном голе поучаствовали три игрока «Спартака»[120]. Тем временем Симонян переживал по другому поводу. Он вышел на поле лишь в одной игре за весь турнир, в финале. Стрельцов же играл во всех матчах кроме последнего и забил два гола. Согласно олимпийской процедуре того времени, только участники финала получали золотые медали. Симонян настаивал на том, чтобы Стрельцов взял его медаль, однако тот отказался, полагая, что у него еще будет шанс получить международную славу.

В Москве Старостины поднимали дружеские тосты за чемпионов. Их политическая реабилитация совпала со спортивной. «Спартак», чей успех отправил их в лагеря, теперь вернул славу на родную советскую землю. Олимпийский турнир, конечно, не был главным футбольным соревнованием, однако победа в нем означала искупление после неудачи в Хельсинки. Зимние и летние игры 1956 года стали началом доминирования СССР в спорте, превратившегося в суррогат холодной войны. Олимпийский спорт сделался одной из немногих областей жизни

(наряду с балетом и космическими полетами), в которых Советский Союз будет превосходить своих капиталистических противников. И хотя спортивное общество «Спартак» не было лидером в производстве олимпийских медалистов для спортивной машины, оно принесло ту победу, которую Старостины и их сограждане-мужчины ценили больше всего. Таким мог бы стать классический советский хэппи-энд. Вскоре бывшие лагерники оказались гостями на важных приемах в Кремле, встречались с другими знаменитостями, сидели за роскошным столом и поднимали бокалы вместе с Хрущевым — за победу. В следующем году Нетто был награжден орденом Ленина, Симонян — орденом Трудового Красного знамени, а Гуляев и Ильин получили орден «Знак почета»[121]. Дела «Спартака» явно шли на лад.

8. ПРОЩАЙ, ЗОЛОТОЙ ВЕК, 1957–1964 ГОДЫ

К концу 1956 года все еще разобщенное партийное руководство начало осознавать, что уже не способно отвечать на вызовы времени и сдерживать предполагаемую опасность. Свое недовольство высказывали интеллигенты и студенты, время от времени происходили волнения рабочих, накалялась ситуация в Восточной Европе — все это угрожало общей стабильности системы. Такие ярые сталинисты, как Вячеслав Молотов и Лазарь Каганович, все еще могли противостоять политической воле Хрущева. Оставался в партии и старый соперник, Георгий Маленков, хотя он уже не являлся председателем Совета министров. Хрущевская политика децентрализации привела к тому, что тысячи функционеров были вынуждены покинуть свои удобные позиции в столице и отправиться в новые местные советы или подразделения министерств: на места, которыми нужно было управлять. Одной этой реформой Хрущев задел за живое множество людей, и среди тех, чьи интересы оказались затронуты, было несколько человек из высших эшелонов власти.

В июне 1957 года недовольные скоростью и последствиями десталинизации Каганович, Молотов, Маленков и его преемник Николай Булганин попытались убрать Хрущева. Но неожиданно Хрущев, при решающей поддержке героя войны маршала Георгия Жукова, мобилизовал свою группу поддержки в ЦК, которая смогла после длительных дебатов одержать верх над Президиумом (которое еще недавно называлось Политбюро). А к октябрю уже сам Жуков, представлявший для Хрущева политическую угрозу, был смещен со своего поста. Победив то, что он назвал «антипартийной группой», Хрущев в дальнейшем

смог управлять как единственный глава и партии, и государства, создавая собственный, менее зловещий культ личности. Важно отметить, что за его победой не последовали аресты и казни проигравших в борьбе за власть. Вместо этого соперники Хрущева потеряли свои посты, но получили взамен не самые маленькие должности вдали от столицы. Когда позднее самого Хрущева сместили с политической сцены, многие из них вернулись в Москву и доживали свои жизни в комфорте, сохранив высокий статус.

Ультраконсерваторы оказались не у дел, и политическая динамика изменилась в пользу тех, кто хотел улучшения качества жизни — и в экономическом, и в моральном плане. Теперь вместо борьбы внутри множества политических альянсов все противники так или иначе сражались за близость к хрущевскому уху. К сожалению, это ухо и голова, к которой оно было приставлено, оказались слишком подвижной мишенью. Новый могущественный лидер часто менял мнение о том, как согласовывать между собой противоречивые идеи прогресса и порядка. Плохо подготовленные эксперименты, рассчитанные на скорое решение проблем, в длительной перспективе обернулись катастрофическими последствиями. Яркий тому пример — кампания по освоению целины, начавшаяся с громких успехов под звуки фанфар. То же можно сказать про создание местных экономических советов и другие попытки децентрализации экономики.

Дальнейший курс реформ породил сложные конфликты. Повышение уровня жизни рабочих часто вступало в противоречие с ключевыми государственными нуждами, особенно в том, что касалось оборонной промышленности, — она продолжала высасывать ресурсы из многострадального потребительского сектора. Модернизация могла дать надежду догнать Запад, однако неурядицы, порожденные урбанизацией, подрывали правопорядок, для поддержания которого по-прежнему был необходим большой репрессивный аппарат. Не имевший серьезного образования Хрущев стремился заработать уважение интеллигенции, но его грубые реакции и оценка происходящего в культурной сфере, оживившейся в период оттепели, часто не выдерживали никакой критики. Так, отказ Хрущева отпустить великого поэта Бориса Пастернака в Швецию в 1958 году на получение Нобелевской премии по литературе оттолкнул от власти интеллектуалов и людей искусства практически всех политических взглядов. Четыре года спустя его невежественная реакция

на выставку современного искусства в Манеже вызвала такой же ответ со стороны художников и их покровителей. Отличавшиеся своим видом и поведением от творческой интеллигенции, рабочие специалисты (их стало больше, и они умели больше — в результате экономического прогресса), были возмущены вмешательством в те области, где они чувствовали себя профессионалами. Непредсказуемость и непоследовательность Хрущева подрывали то хрупкое ощущение безопасности, которое им удалось обрести.

Проще говоря, усиление политической власти в руках Хрущева не устранило всех препятствий для десталинизации. Скорее, оно только перетасовало их. С самого начала процесс модернизации был ограничен тем обстоятельством, что его проводили бывшие сталинисты, готовые повернуть вспять, если перспектива наступления капитализма слишком приблизится. Но и сам Хрущев служил таким препятствием. Ни «секретный доклад», ни устранение «антипартийной группы» не решали всех неопределенностей и противоречий процесса реформ. Хрущев был обучен сталинским методам управления, и ему часто самому оказывалось некомфортно иметь дело с последствиями собственного популизма. Тем не менее у нового главы государства, сосредоточившего власть в своих руках, началась удачная полоса. В октябре 1957 года был выведен на орбиту первый искусственный спутник. 1958-й стал годом большого урожая. Экономика шла в рост, международный вес страны был огромен, что, впрочем, не означало, что фундаментальные противоречия модернизации оказались разрешены. К 1960 году начался постепенный спад. Экономический рост, до того довольно высокий, теперь замедлился. Сельскохозяйственный сектор, в который было вложено так много идей и сил, не мог прокормить страну. В конце концов импортировать стали даже зерно. Вместе с дефицитом пришло повышение цен, при этом зарплаты не выросли в той же пропорции, что обернулось беспорядками в рабочей среде. В мае 1962 года против роста цен вышли протестовать в северокавказском Новочеркасске. Рабочие заняли бóльшую часть города, армия и милиция открыли огонь. Было убито более двадцати человек. В международной политике порожденный самими Советами Кубинский кризис разрушил доверие к правительству как вне, так и внутри страны. К 1963 году система сошла с рельсов, и лихорадочные попытки

Хрущева что-то поправить только еще больше выводили из себя его коллег и общество в целом.

Эти противоречия и двусмысленное положение дел отразились и во властных отношениях в мире профессионального футбола. К концу 1950-х — началу 1960-х годов футбол превратился в важную часть жизни. В столицах и во многих провинциальных городах были построены крупные стадионы. Пресса все чаще стала уделять больше внимание игре. «Советский спорт» начал выходить ежедневно, в 1960 году появилось еженедельное приложение «Футбол». Телевизоры уже были широко доступны, а игры являлись частью обязательной программы показа, увеличивая узнаваемость и публичность людей, связанных с футболом. Изначально транслировались только столичные матчи, что дало московским командам уже не городскую, а общенациональную поддержку. Клубов стало больше, больше игроков, больше болельщиков, в играх тоже появилось разнообразие. К началу 1960-х появились новые силы, способные бросить вызов старому соперничеству между «Динамо» и «Спартаком».

Изменения в футболе были частью общего культурного сдвига в советском спорте в целом. Спортсмены стали заметными участниками дипломатического процесса и холодной войны и таким образом превратились в ролевые модели для обычных граждан. Даже если сами игроки не получили хорошего образования, такого нельзя было сказать об их болельщиках. В условиях оттепели новым спортивным звездам следовало не только поддерживать государственную идеологию, но рассказывать в интервью и автобиографиях о своих душевных и внутренних качествах, приведших их к успеху.

Летом 1957 года молодые мужчины, игравшие за «Спартак», и молодые мужчины (и женщины), наблюдавшие за игрой, оказались причастны к еще одному важному культурному событию, которое вернуло их к горячим дням прошлого лета. Несмотря на то что международная атмосфера после венгерской революции стала несколько более прохладной, было решено не отказываться о проведения в Москве Фестиваля молодежи и студентов. Какими бы ни были мотивы, власти явно плохо представляли себе последствия появления тысяч иностранцев, пусть даже коммунистов и сочувствующих, на улицах Москвы — с их страстью к джазу, року, сексу и веселью. Они в прямом смысле танцевали на советских улицах, а, как уверяет нас Бурдьё, через танец,

как и через секс и спорт, тела могут выразить то, что разум выразить не в состоянии[1]. В качестве дополнительных доказательств тому, что многие отлично провели это лето, напомним, что девять месяцев спустя Москва пережила локальный беби-бум. Влияние фестиваля на советскую молодежь, и без того колеблемую разными сомнениями и демонстрирующую неустойчивое состояние умов, длилось долгие годы, подпитывая асоциальные устремления и наиболее радикальные молодежные субкультуры. Все виды «чуждых» музыкальных форм, особенно тех, что заставляли тело двигаться, наводняли страну через бреши в ее границах[2].

Мы не можем узнать, рождались ли у спартаковских игроков дети после их заграничных путешествий, зато нам известно, что многим членам команды полюбились джаз, а затем и рок[3]. Не все они были достаточно подготовлены к новым впечатлениям, однако, без сомнения, такие люди, как Сальников, Симонян и Нетто, очень интересовались окружающим миром. Это не делало их сторонниками капитализма или антисоветчиками, однако наверняка заставляло задавать вопросы и не принимать слепо официальную точку зрения. Все трое пострадали от произвола и бесчеловечности системы до 1953 года, никто из них не хотел возвращаться к старым временам. В дни, когда Советская страна по-новому открылась внешнему миру, их жизнь — и жизнь их коллег — сильно изменилась к лучшему.

Продолжение московского соперничества

После победы в Мельбурне одиннадцать спартаковских олимпийцев вместе с остальной советской командой провели девятнадцать веселых дней на пароходе до Владивостока. Там они пересели на поезд и отправились в столицу, через всю Сибирь, встречаясь с толпами болельщиков на крупных станциях. Вся компания прибыла в Москву только в начале января 1957 года, как раз вовремя, чтобы приступить к зимним тренировкам. В течение месяца десять игроков «Спартака» тренировались в национальной сборной, готовясь к первым в истории страны отборочным матчам перед чемпионатом мира. Футболисты вернулись в свою команду лишь к самому началу чемпионата в апреле.

Длинная летняя пауза в календаре была сделана для того, чтобы подстроиться под расписание отборочных матчей

(тем самым звезды смогли бы не пропускать игры чемпионата), однако, отправив в сборную такое количество игроков, «Спартак» все же заметно пострадал. Скамейка запасных была короткой, усталость основных игроков стала проблемой. В 1957 году «Спартак» финишировал третьим, чемпионат выиграло московское «Динамо». Симонян сыграл восемнадцать игр из двадцати двух, забив лишь двенадцать мячей. Внесли свой вклад Огоньков и Татушин, Нетто, Сальников и Маслёнкин. Важнее всего было то, что стабилизировалась ситуация с вратарем. Литовец Владос Тучкус (1932–1988) пристрастился к водке и регулярно срывал тренировки. Гигант Валентин Ивакин (1930–2010), полировавший скамейку в ЦСКА, получил разрешение спорткомитета на переход в «Спартак», где и занял место в команде примерно в середине сезона[4].

Подготовка к сезону 1958 года началась вдалеке от обычных южных курортов Сочи и Сухуми. «Спартак» тренировался в Индонезии, в то время как Нетто, Огоньков и Симонян работали с национальной сборной в Китае, присоединившись к команде только к началу сезона, который был подстроен под чемпионат мира и стартовал в конце марта. Несмотря на тридцатиградусную жару и проливные дожди, перемена места сработала потрясающе — 1958-й стал годом возвращения «Спартака» на вершину. Перерыв на май и июнь команда встретила на первом месте без единого поражения, но тут пришли дурные вести. Перед самым отъездом национальной сборной на финальную часть чемпионата мира в Швецию торпедовец Эдуард Стрельцов, уже ставший к тому моменту настоящей звездой, был арестован по обвинению в изнасиловании. Вместе с Татушиным и Огоньковым они отдыхали недалеко от пригородного тренировочного лагеря сборной. По словам одного из британских обозревателей, Стрельцов к тому времени стал «заносчивым и самодовольным»[5].

До сих пор обстоятельства того дела покрыты тайной, хотя после распада СССР публикации о деле Стрельцова периодически появлялись в прессе. О Стрельцове говорили, что он выпивает и что характер у него непростой. Некоторые впоследствии утверждали, что он отверг предложение «Динамо», и ему отомстили. Другие предполагали, что за ним некоторое время следили, после того как он категорически отказался жениться на дочери министра культуры Екатерины Фурцевой. В ходе расследования в какой-то момент пострадавшая девушка забрала

свое заявление. Но в конце концов Стрельцов отсидел шесть лет. Он вернулся в футбол только в 1964-м, потолстевшим и облысевшим, однако все еще крайне результативным игроком. Он снова выступал за «Торпедо», а затем играл и за сборную[6]. Стрельцов умер в возрасте пятидесяти четырех лет — игрок, любимый болельщиками, о масштабах таланта которого мы можем только догадываться.

Спортивные чиновники из «Торпедо» долгое время опасались, что Татушин и Огоньков попытаются переманить Стрельцова в «Спартак». Никто из них не тянул на образцового комсомольца. У обоих уже имелись выговоры и предупреждения за пьянство, однако ни одного из них не обвинили в участии в изнасиловании. Они не попали в тюрьму, но и тот, и другой были дисквалифицированы на три года. Татушин возобновил карьеру в 1961-м, на один сезон вернувшись в состав «Спартака», прежде чем уехать в Кишинев. История Огонькова завершилась печально. Один из лучших защитников в истории советского футбола получил травму почек в первом же матче за дубль после возвращения и вынужден был уйти из футбола[7].

С возобновлением чемпионата в начале июля «Спартак» сыграл два самых сложных матча подряд на переполненном стадионе им. Ленина. Благодаря голу Симоняна с передачи Мозера было повержено московское «Динамо» (1:0). Одиннадцать дней спустя армейская команда, которая теперь называлась ЦСК МО (Центральный спортивный клуб Министерства обороны), уступила «Спартаку» (0:2), у которого вновь сработала атакующая связка Симонян — Мозер. Первое место казалось неизбежным уже на этом этапе, однако в типичном для себя стиле «Спартак» в присутствии 100 000 рассерженных зрителей проиграл следующий матч слабому московскому «Локомотиву» (0:1). Следующим препятствием на пути была игра 15 августа в Москве с киевским «Динамо». «Спартак» выиграл (3:2), победный гол забил Симонян за двенадцать секунд до окончания основного времени — как только судья вернул мяч на центр поля, матч закончился. Киевское «Динамо» немедленно подало протест о девяти недоигранных секундах. Его вскоре удовлетворили, а результат матча аннулировали. Было решено провести переигровку — но только в том случае, если результат может повлиять на положение команд в таблице. И вновь «Спартак» стал участником драмы с переигровкой. Нетто и Николай Дементьев со страниц

«Комсомольской правды» ставили под сомнение ее справедливость, однако тщетно[8].

За этим последовали другие трудности. Через две недели после матча с киевским «Динамо» вратарь команды Валентин Ивакин был арестован в нетрезвом состоянии под Москвой, на одной из станций Казанской железной дороги. Он садился в такси, громко матерясь и распевая песни. Водитель настаивал на том, чтобы он покинул машину, Ивакин отказался, прокричав вместо этого «Дави на газ!». Милиционеру пришлось помогать водителю вытащить из машины очень высокого и физически крепкого Ивакина. Как написал «Советский спорт», «многие говорят, что все милиционеры болеют за „Динамо“», однако Ивакин был отпущен со штрафом в 25 рублей. Не имея приличной замены Ивакину, «Спартак» решил не наказывать своего вратаря.

На 2 октября к моменту окончания сезона «Спартак» опережал московское «Динамо» лишь на одно очко. Запланированная переигровка с киевским «Динамо» все еще не была проведена; в Москве это было возможно не раньше 8 ноября. Первым шел Кубок СССР. «Спартак» легко разнес киевское «Динамо» (4:0) в четвертьфинале в Киеве. Полуфинал с московским «Динамо» прошел со стычками и при грубой игре, почти три недели спустя после матча в Киеве, но «Спартак» одержал победу со счетом 2:1. По контрасту с этим победа в финале над потерявшим Стрельцова московским «Торпедо» оказалась добыта в корректной игре. Симонян забил победный мяч после целой серии упущенных моментов с обеих сторон и при великолепной игре обоих вратарей[9]. Шесть дней спустя у «Спартака» появился шанс вновь завоевать дубль.

Пока «Спартак» тратил силы, выигрывая кубок, киевское «Динамо» целенаправленно готовилось к игре при поддержке Михаила Якушина. Судьба московского «Динамо» теперь зависела от киевских одноклубников, поэтому Якушин прибыл в Украину на помощь. Чуть позже две команды провели товарищеский матч. В источниках, описывающих те события, проспартаковские авторы говорят о многочисленных преимуществах, предоставленных обществу «Динамо», однако большинство тренеров согласилось бы с тем, что выигранный «Спартаком» турнир, несмотря на травмы и усталость, все же служил гораздо лучшей подготовкой к матчу, нежели одна товарищеская игра[10].

Холодным днем в начале ноября на стадионе имени Ленина собралась обычная толпа в 100 000 человек. Поражение «Спартака» отдавало титул московскому «Динамо», возглавлявшему таблицу с тридцать одним очком. Ничья означала еще одну переигровку — в этот раз между двумя московскими командами. Только победа приносила чемпионство «Спартаку». За четырнадцать минут до конца «Спартак» проигрывал (1:2), и тут Ильин сравнял счет. Сидевший на трибуне рядом с Николаем Старостиным глава Федерации футбола Валентин Гранаткин сообщил ему, что вторая переигровка состоится через четыре дня, 12 ноября. Гранаткин, бывший вратарь «Локомотива», не имел клубных предпочтений. Он много работал в полном взаимопонимании со Старостиным, который сразу же предупредил его, что «Спартак» не будет готов играть так скоро — команда слишком устала. Гранаткин отказался менять дату, но за шесть минут до конца Сальников вывел «Спартак» вперед ударом головой. Не дожидаясь конца матча и не принимая поздравлений, Старостин поднялся со своего места, чтобы уйти, повернулся к Гранаткину и сказал: «Пусть будет 12-е»[11]. «Спартак» выиграл свой третий дубль, первый в послевоенное время. Гуляев стал первым в советском футболе человеком, выигравшим дубль и как игрок, и как тренер. Тем не менее в команде и за ее пределами понимали, что многие футболисты заиграли хуже. Команда образца 1956 года явно была быстрее и сильнее. Знаком смены поколений являлось и то, что Ильин стал первым бомбардиром команды — он забил двадцать мячей, в то время как Симонян — десять. Несмотря на все победы, продление того сезона повлияет на скорое падение «Спартака», у которого оставалось совсем мало времени на восстановление к следующей кампании. В 1959 году несколько игроков уже пережили пору своего расцвета — Симоняну исполнилось тридцать три года, Сальникову — тридцать четыре. Золотой век «Спартака» подходил к концу.

Выход на международную арену

СССР вступил в олимпийское движение в 1952 году, а в 1957-м решился участвовать в другом глобальном спортивном соревновании — чемпионате мира по футболу, который должен был пройти следующим летом. Соревнование проводилось среди профессионалов, и участие в нем СССР означало признание

того, что футболисты получают заработную плату. После фиаско в Хельсинки в 1952 году национальная команда была собрана в основном из футболистов «Спартака», однако к 1957 году, когда должны были состояться отборочные матчи с Польшей, Израилем и Финляндией, игроков «Спартака» в команде стало заметно меньше.

Среди советских футболистов распространилось мнение (в целом несправедливое), что «Спартак» выдохся и стал слишком предсказуемым. Говорили, что зарубежные команды раскусили его стиль. В июне 1957 года на собрании тренеров и официальных лиц «Спартак» был раскритикован за игру в короткий пас. Николай Старостин принял эту критику. На встрече футбольной секции он согласился с тем, что показатели команды в 1957 году ухудшились, но не стал напоминать, что медленный старт связан с трудным календарем предыдущего олимпийского сезона. Вместо этого Старостин признал, что в «Спартаке» тренеры дали своим игрокам значительно больше творческой свободы, чем в других командах. То, что хорошо сработало внутри страны, отметил он, не всегда полезно на международном уровне[12]. В течение следующего года, когда сборная СССР прошла отбор на чемпионат мира, представительство «Спартака» в ней еще более сократилось. Как мы уже видели, Татушина и Огонькова отстранили после скандала со Стрельцовым. Из одиннадцати спартаковских игроков, участвовавших в Олимпиаде 1956 года, в Швецию поехали только Сальников, Симонян, Нетто и Ильин. В выборе главного тренера Гавриила Качалина не было политики. Скорее, он просто отказался от идеи выстраивать сборную вокруг одного клуба и начал приглашать футболистов из других команд.

Потеря Стрельцова, занимавшего позицию Симоняна в центре нападения, стала для сборной серьезным ударом. Впрочем, как показали дальнейшие события, выступление в Швеции не стало неудачей. СССР попал в очень сложную группу со сборными Австрии, Англии и будущим чемпионом — Бразилией. Победа над Австрией, ничья с Англией и поражение со счетом 0:2 от блестящей бразильской команды, за которую играл молодой Пеле, привело команду Качалина к дополнительному матчу навылет против англичан. Советская сборная победила со счетом 1:0 благодаря голу Ильина. В четвертьфинале предстоял матч с хозяевами, сборной Швеции.

Сыграв дополнительную игру против Англии, команда оказалась изрядно вымотана. Качалину нужно было сделать выбор — положиться на своих старых звезд или дать шанс более молодым игрокам. Он предпочел опытных игроков, понадеявшись на еще одно сверхусилие. В раздевалке перед матчем он сказал, что все, о чем он может просить, — победа с минимальным счетом. В этот момент человек, которого Симонян назвал «одним из глав политической делегации», перебил Качалина: «С минимальным счетом? Мы разбили шведов под Полтавой. Сегодня вы обязаны уничтожить их». В ночь перед матчем под окнами гостиницы где поселились советские игроки, были обычные для таких случаев танцы болельщиков и ремонтные работы до утра. Играя в столице перед своими болельщиками, шведы победили — 2:0, а затем в историческом финальном матче уступили Бразилии с разгромным счетом 2:5, еще раз подтвердив, что поражение Советского Союза от великой команды Диди, Пеле и Гарринчи не являлось позором. Симонян считал, что команда выступила достойно, однако, несмотря на все старания, сборную отправили домой сразу после поражения и разнесли на собраниях в спорткомитетах. По словам Симоняна, «всегда легче наказывать и рубить головы. Так уже было после Олимпиады в Хельсинки. Хоть времена переменились и страна преодолела тяжелые последствия культа личности во всех сферах жизни, стиль управления спортом оставался прежним»[13].

Результат первого участия СССР в чемпионате мире показал определенный тактический застой в некоторых клубах, включая и «Спартак». Бразильцы владели виртуозной техникой и играли по новой схеме, 4-2-4, позволявшей им подолгу держать мяч в поисках возможности отдать длинный пас одному из сильных нападающих. С четырьмя игроками сзади они рассчитывали на зонную защиту, но могли быстро переключиться на 2-4-4, когда два крайних защитника поддерживали атаку. Бразильцы также серьезно продвинулись вперед в физическом и психологическом смысле, однако всему миру понадобилось время, чтобы понять: их победа — не только свидетельство природных способностей, но и результат тщательной подготовки[14]. Важнее всего было то, что бразильские нововведения вновь спровоцировали споры в советском футболе (да и во всем мире) о преимуществах использования схемы «дубль-вэ». Советские специалисты после чемпионата мира призывали изучать бразильский опыт, однако

с развитием дискуссии в прессе и на официальных встречах было предложено множество других мер[15].

После неоднозначных результатов 1958 года руководство национальной сборной доверили Андрею Старостину, и ответственность за поиски нового игрового стиля легла на него[16]. Андрей, по его словам, отказался от роли футбольного «славянофила». «Спартак» всегда был открыт западным влияниям, и Старостин призвал советские команды экспериментировать с разной тактикой и расстановкой игроков. Ирония в том, что «Спартак» до конца сезона придерживался того стиля игры, который сам Андрей называл «каллиграфическим». Другие критиковали этот стиль как недостаточно мощный, называя его вегетарианским. В то же время команда только выиграла от того, что ее стареющих звезд стали меньше включать в состав сборной. В 1958-м они победили и в чемпионате, и в Кубке; впрочем, следующий год был уже совсем другим.

Задача Андрея Старостина усложнялась еще и тем, что он принял дела уже после скандала со Стрельцовым. Тридцать лет спустя Андрей описывал эту драму как «серию несчастий». «Представьте, — писал он, — какой была бы наша команда в Стокгольме, если бы Яшин возглавлял нашу оборону, Нетто [он был травмирован] — нашу полузащиту, а Стрельцов — атаку»[17]. Невозможно сказать, считали ли Старостины и другие представители футбольного мира Стрельцова виновным. Более поздние исследователи возлагают ответственность на Хрущева, давшего согласие на преследование Стрельцова членам своего окружения и изобразившего арест футбольной звезды как акт очищения советского спорта от «несоветского поведения»[18]. Независимо от этого, очевидно, что объяснение, предложенное на уже упомянутом собрании футбольных официальных лиц, следует воспринимать всерьез. «Огромные пробелы в воспитательной работе в клубах и национальной сборной привели к радикальным переменам в команде перед ее отправкой в Швецию»[19].

Всего за два года футболисты «Спартака» превратились из главной ударной силы в победе 1956 года в участников первого в советской истории чемпионата мира. После этого количество спартаковцев в сборной продолжало сокращаться. Хотя новые игроки «Спартака» иногда еще призывались в сборную на текущие турниры, всю эпоху Хрущева пережил только Нетто[20]. Три крупных турнира были разыграны с 1960 по 1964 год по уже

знакомому сценарию — неудача на чемпионате мира 1962-го и успешные результаты в новых чемпионатах Европы. Эти успехи — победа на первом турнире во Франции в 1960 году, а затем достойное поражение в финале от очень сильной сборной Испании в Мадриде в 1964-м[21]. Последний матч привел к странному решению об отставке тренера Константина Бескова, которое принял взбешенный Хрущев. Второе место было хорошим результатом, однако поражение от франкистской фашистской Испании с политической точки зрения оказалось неприемлемым. Это иррациональное вмешательство в спортивные дела стало одним из последних распоряжений Хрущева[22]. К концу своего правления он находился в поисках нового решения для выхода страны из кризиса, в который он сам ее и погрузил. К октябрю 1964 года Хрущев покинул политическую сцену. Сейчас история звездных рекордов советской футбольной сборной служит частью общей истории советского футбола и маленькой частью истории «Спартака».

Проводя смену поколений

Для «Спартака» дно было достигнуто в сезоне 1959 года. Команда, которую собрал и тренировал Дангулов и с которой затем работал Гуляев, окончательно постарела. Николай Старостин оказался в одной из самых сложных ситуаций за всю карьеру. Не он собрал «Спартак» золотого века. Хотя его славили за результаты клуба и за успешное руководство в постсталинскую эпоху, это была не вполне его команда[23]. Для возвращения на вершину ему понадобилось три года. До того «Спартак» пожинал плоды послабления, пришедшего вместе с оттепелью, когда увеличилось число болельщиков и талантов, присоединившихся к коллективу. Теперь Старостин пребывал совсем в другом положении.

Закат и последовавшее за ним возрождение команды большей частью связаны с самим устройством мира профессионального футбола. Футбол получил изрядную, хотя и не полную независимость от государства. Клубов-лидеров в чемпионате стало больше. Появились другие претенденты на титул. Впервые в истории советского футбола чемпионат выиграл не «Спартак», «Динамо» или ЦСКА, а московское «Торпедо». Это случилось в 1960 году. В следующем сезоне победило уже киевское

«Динамо» — это был первый из множества его последующих триумфов. Впервые чемпионом стала команда не из Москвы; этот успех демонстрировал рост провинциального футбола. Противоборствующих сторон становилось все больше, ими было все сложнее управлять. Следуя за процессом модернизации общества, футбол распространился в неславянские регионы Советского Союза.

Одним из проявлений этого роста стало желание быстро развивавшихся провинциальных городов иметь свою команду в футбольной лиге. В 1950–1960-е годы на периферии СССР были построены вместительные футбольные стадионы. Высшую лигу расширили с двенадцати до двадцати двух команд. Теперь большой футбол пришел в Куйбышев, Донецк, Алма-Ату, Баку, Ригу и Вильнюс. Сезон разделили на два этапа, создав две предварительные группы по одиннадцать клубов. После десяти матчей по три лучшие команды из каждой группы играли между собой за победу. Остальные — за места с седьмого по двенадцатое. Так проходил турнир с 1960 по 1962 год. В предварительном раунде часто случались встречи совсем неравных соперников, в больших городах на такие игры ходили хуже. В заключительной части на матчи команд-неудачников билеты также продавались плохо.

Вся схема оказалась завязана на политику. Важной задачей считалась адаптация различных национальных групп. Это было сделано без оглядки на зрелищность спортивных мероприятий. Исторически система строилась иначе — маленькие местные команды по всему миру были включены в большой футбол через соревнования в кубковых турнирах, где матчи шли по олимпийской системе, на вылет. Футбол в СССР действительно являлся прибыльным предприятием, он зарабатывал деньги для других видов спорта. Новый подход привел к падению посещаемости и угрожал этой его роли. Как и кампания по освоению целины, расширение высшей лиги (впервые предложенное еще в 1938 году Берией) оказалось неудачной идеей и явно не сработало. В 1963 году СССР вернулся к мировому формату высшей лиги, состоящей из двадцати команд[24]. Провальный эксперимент был символом множества других, поспешных и плохо продуманных реформ последних лет правления Хрущева. В случае с футболом увеличение числа клубов в высшей лиге шло вместе с общей политикой децентрализации, которая также дала довольно противоречивые результаты.

Для выигравшей в 1958 году дубль команды Николая Старостина, Гуляева и других спартаковцев спад 1959 года стал большой неожиданностью. После двенадцати игр сезона «Спартак» занимал одиннадцатое место в лиге из дюжины команд. Оставшиеся с командой со времен успехов сезона 1958-го, огромные толпы болельщиков наблюдали за провалом в реальном времени. От неудачи было не скрыться. Так, 106 000 человек пришли посмотреть на поражение (0:2) от московского «Динамо». Неделю спустя 110 000 болельщиков на втором по величине стадионе страны (им. Кирова в Ленинграде) увидели, как «Спартак» проигрывает местному «Зениту». Только в начале августа «Спартаку» наконец-то удалось изменить ситуацию, победив московское «Динамо» со счетом 3:1. Затем команда, с присущей ей любовью к драматическим эффектам, завершила сезон без поражений, в итоге финишировав на шестом месте, в то время как ее главный противник стал чемпионом[25]. Следуя стереотипам тех лет, комментаторы противопоставляли стабильную игру «Динамо» исторически сложившемуся спартаковскому непостоянству.

В начале сезона стало очевидно, что лидеры команды постарели. Симонян то попадал в состав, то вылетал из него, сыграв десять матчей и забив только один гол. Парамонов принял участие лишь в пяти матчах за весь сезон. Результативность игры Сальникова резко упала. В июле Николай Старостин и Гуляев сделали необычный шаг и выступили перед болельщиками со страниц «Советского спорта». Они признали, что пришло время смены поколений. В команде оставались игроки за тридцать, терявшие форму, и молодые двадцатилетние футболисты, которые еще развивались. Единственными заметными новыми лицами стали защитники Анатолий Крутиков (1933–2019), пришедший из ЦСКА, и Алексей Корнеев (1939–2004), воспитанник собственной спартаковской школы. Старостин считал, что они принесут пользу в будущем. Пока же отсутствие молодых игроков на футбольном поле казалось очевидным. Замедление атаки привело к тому, что полузащитникам нужно было чаще идти вперед, оставляя позади себя дыры в защите. Основным вратарем стал Валентин Ивакин, и он не был Яшиным, так что не всегда мог выручать довольно слабую защиту. В отличие от Андрея, который всегда занимался поиском новых подходов, Николай оказался готов признать, что попытки освоить современные методы мирового футбола завершились неудачей[26].

Впрочем, то же самое было верно и для практически любой другой советской команды.

В чемпионате того года наблюдалась еще одна опасная тенденция. «Дубль-вэ» доживал последние дни, тренеры не хотели заново обучать своих игроков (особенно не очень способных) более актуальным тактическим построениям. Мир был потрясен игрой бразильцев, но многие в СССР и за его границами извлекли из прошедшего чемпионата мира не лучшие уроки. Результатом стало возросшее количество силового футбола — другими словами, грязной игры, бóльшая часть которой шла безнаказанно. В этом подходе, названном «атлетизмом», грубая сила заменила скорость и технику. Эта тенденция пошла во вред «Спартаку», чьи игроки не были атлетами. Скорость всегда служила лучшим способом избежать грубой игры, но с возрастом скорость игрока падает. В 1959 году постаревшие спартаковские нападающие оказались между молотом и наковальней. Если быть до конца точным, поворот к оборонительной игре произошел по всему миру, с наибольшим цинизмом усовершенствованный в Италии. В то время поиск новых подходов являлся общемировой тенденцией. Результатом стал устойчивый сдвиг в сторону негативного футбола — стремлению не забивать голы, а предотвращать их[27].

Важно помнить, что причины упадка «Спартака» конца 1950-х основывались на внутренней логике развития самого спорта, особенно большого и профессионального. Этот этап развития команды закончился без арестов и тюремных заключений. Ни государство, ни партия специально не вмешивались, стремясь спасти «Спартак» или ему навредить. Никто не зарабатывал политических очков на футбольной теме. Упадок команды относился к области обычной спортивной жизни. Можно сказать, что советский футбол преуспел в создании независимого пространства для профессиональных игроков. Разумеется, нигде в мире футбол полностью не свободен от внешних условий и обстоятельств, и в этом смысле ситуация в СССР ничем не отличалась от других. Внутренние и международные политические обстоятельства изменились, изменилась и сама игра. Вмешательство в футбол не исчезло полностью, но контроль ослаб, и у этого явления можно проследить четыре причины: 1) иррациональность решений властей в стремлении контролировать игру; 2) активное участие болельщиков в обсуждении

происходящего на поле; 3) географическая экспансия игры; 4) крайняя непредсказуемость футбола как такового. Что бы вы ни говорили и ни делали, мяч всегда остается круглым.

Межсезонье после 1959 года принесло в «Спартак» большие перемены. Гуляева освободили от должности. Симонян и Парамонов завершили карьеру, еще семь игроков покинули команду по разным причинам, и Николай Старостин начал обновление «Спартака» с назначения главного тренера — 34-летнего Никиты Симоняна. Не обладая тренерским опытом на таком уровне, Симонян был моложе многих действующих игроков — ветеранов команды, — и его назначение выглядело рискованным. Старостин видел в Симоняне ум и человеческие качества — то, что отличало и самого спартаковского патриарха. И хотя результаты пришли не сразу, выбор оказался вдохновляющим. В команду пришли одиннадцать новичков. Нужны были игроки атаки, так впереди появились Юрий Севидов и Валерий Рейнгольд. Семнадцатилетний москвич Севидов (1942–2010) прибыл в «Спартак» в конце мая, после двух неубедительных сезонов в Кишиневе. Он занял позицию Симоняна в центре нападения и забил 11 мячей в 22-х играх. Рейнгольд (1942–2020), тоже москвич, добавил команде скорости на правом фланге, на месте дисквалифицированного Татушина[28].

Молодому тренеру предстояло руководить людьми, с которыми он совсем недавно близко дружил. Симонян вполне мог расстаться со старой основой команды, провалившей предыдущий сезон. Однако новый тренер был мудр и поступил иначе, хотя и осознавал, что иметь дело с Нетто и Сальниковым — непростая задача для кого бы то ни было. Симонян постарался сохранить все возможное от основного состава. Анатолий Маслёнкин (1930–1988), защитник команды с 1953 года, стал полузащитником, чтобы освободить место для Крутикова и Корнеева. Ивакин, Исаев и Ильин также остались в клубе[29].

Как мы уже отмечали, сезон 1960 года разыгрывался по новой формуле, однако возникла и еще одна неожиданность. При всех сложностях, с которыми столкнулась команда, и всех изменениях, которые необходимо было внести, полным абсурдом представляется выбор тренировочного лагеря. «Спартак» тренировался не в одном из обычных мест на юге СССР, а в совсем нефутбольном Китае. В то время отношения между двумя главными коммунистическими державами мира стремительно

ухудшались. Последнее, что нужно команде в кризисном состоянии, — подготовка к самому сложному сезону в ее истории в месте, где ей не слишком рады.

«Спартаку» предстояло сыграть пять товарищеских матчей при большом скоплении народа по всему Китаю. Представьте себе состояние транспортных коммуникаций в стране в то время. Примите во внимание, что при всей прелести китайской кухни советские спортсмены никогда не славились умением адаптироваться к местной пище. Две игры из пяти завершились вничью — легко вообразить недовольство советских властей результатами «Спартака». Команда вряд ли и сама понимала, зачем ее отправили в Китай на целый месяц в эту дурацкую командировку. Возможно, Старостин согласился на Китай, памятуя о том, что в 1958 году подготовка к сезону в Индонезии прошла вполне удачно.

Несмотря на ряд травм и дисквалификацию на несколько матчей вечно непредсказуемого Сальникова, сезон начался удачно — с трех побед над слабыми соперниками. Однако поражения от киевского «Динамо» и ЦСКА в Москве при обычном скоплении народа остудили энтузиазм команды[30]. Июньское проигрыш дома аутсайдеру — бакинскому «Нефтянику» — перед сотней тысяч зрителей только подтвердил худшие опасения. В конце концов «Спартак» не попал в финальную группу, оказавшись на четвертом месте, в одном очке позади ЦСКА. Борьба за титул завершилась. Это был очень сложный старт для тренерской карьеры Симоняна. Оскорбления со стороны болельщиков в адрес тренера и его жены продолжались и на играх, и на улицах Москвы.

В конце августа началась вторая фаза чемпионата — десять игр, розыгрыш мест с седьмого по двенадцатое. Дальше для верящих в спартаковскую идеологию началось самое интересное, хотя с точки зрения спортивного здравого смысла ничего необычного не произошло. В любом зрелищном спорте соревнование между середняками, без борьбы за важное место в таблице, означает падение зрительского интереса, и здесь случилось именно это. Вместо 100-тысячных толп, наблюдавших за первой частью сезона, на матчи второго раунда ходили в среднем около 21 000 человек за игру. Матч с тбилисским «Динамо» на стадионе им. Ленина собрал всего 20 000 зрителей. Вероятно, еще более унизительным явилось то, что следующие

две игры были перенесены на меньший по вместимости стадион «Динамо»[31].

Любой исследователь мирового футбола, незнакомый с местной спецификой, едва ли удивится подобному развитию событий. Однако «Спартак» всегда окружали мифы о невероятной преданности его болельщиков. Поддержка не ослабевала даже в самые трудные времена — об этом пишут Филатов, Симонян, Мержанов, Вартанян и Старостины. Так было сразу после войны и так будет и после[32]. Однако в сезоне 1960 года плохая игра выгнала со стадиона даже самых преданных болельщиков «Спартака». Они, конечно, никуда не исчезли, просто держались в стороне от стадиона. В Москве, как и до войны, казалось, что московская публика разделена примерно пятьдесят на пятьдесят — половина болеет за «Спартак», вторая половина — за всех остальных. Если до 1941 года эти 50 % состояли почти полностью из рабочего класса, то теперь «народную команду» поддерживали болельщики из всех социальных слоев. Любопытно, что нечто подобное в 1930-е годы во время футбольного бума в Аргентине рассказывалось о популярном клубе «Бока Хуниорс». «„Бока“, — пишет Дэвид Голдблатт, — могла теперь называться командой масс, народной командой, 50 % плюс один человек — так описывали ее группу поддержки»[33]. Здесь мы снова видим — при всей разнице в месте действия — образ социологически трудно определяемой группы «мы», противостоящей множеству врагов.

«Боке» в Буэнос-Айресе противостояли «Ривер Плейт», «Индепендьенте» и «Сан-Лоренсо» (каждая команда со своей группой поддержки). «Спартак» позже стал соперничать и с другими командами, столь же искусными и обладавшими множеством болельщиков, такими как «Динамо» и ЦСКА. Под руководством Виктора Маслова и с Валентином Ивановым в атаке «Торпедо» пережило потерю Стрельцова. При поддержке растущего автозавода-гиганта ЗИЛ команда стала чемпионом в 1960-м, а «Спартак» финишировал седьмым. Усложняющаяся система советской экономики и рост автомобильной индустрии теперь позволяли автозаводу иметь достаточно ресурсов для поддержки клуба на самом высоком уровне. Как мы видим, в том году впервые чемпионат не выиграл ни один из трех исторических лидеров советского футбола. На первый взгляд, результаты сезона 1960 года оказались для «Спартака» даже хуже, чем в 1959-м,

однако на деле именно тогда был заложен фундамент для будущих успехов команды.

Готовясь к следующему сезону, «Спартак» попрощался с Сергеем Сальниковым, наконец завершившим карьеру. Симонян привел тринадцать новых игроков, и трое из них сильно повлияют на команду. Главной новой звездой стал татарин Галимзян Хусаинов (1937–2010), отыгравший четыре сезона за куйбышевские «Крылья Советов». Его появление в команде символизировало рост футбола в регионах. «Спартак», как и другие крупные спортобщества, мог теперь искать таланты по всему СССР. Особенно много для развития популярности игры сделало телевидение. Хусаинов сразу же вписался в состав, выступая на левом фланге и сменив Симоняна в роли главного бомбардира команды — 14 мячей в 28-ти играх. Вместе с Хусаиновым пришли талантливый защитник москвич Геннадий Логофет (1942–2011) и центр обороны — Валерий Дикарев (1939–2001) из Баку[34]. Дикарев близко сойдется с Севидовым и Хусаиновым, которые, в лучших спартаковских традициях, были поклонниками джаза. Все они жили недалеко друг от друга и собирали записи из легальных, полулегальных и совсем нелегальных источников, появившихся вместе с теневой экономикой[35].

Процесс обновления начал давать результаты в 1961-м. Дикарев и Крутиков вместе с новичком Логофетом оживили защиту, Хусаинов, Севидов и Рейнгольд возродили атаку. Схема 4-2-4, к которой начали переходить еще в прошлом сезоне, теперь заработала. «Спартак» закончил первый раунд на третьем месте и продолжил борьбу за чемпионство[36]. После слабого старта на втором этапе, включая тяжелое поражение от московского «Динамо», «Спартак» выиграл семь из следующих восьми матчей и отставал от киевского «Динамо» лишь на два очка. Все оставшиеся игры должны были пройти в Москве против не очень сильных противников. Перспективы казались радужными, однако — в своем фирменном стиле — «Спартак» не выиграл ни один из оставшихся четырех матчей и финишировал на третьем месте, позади «Торпедо» и нового чемпиона — киевского «Динамо». Бронзовые медали стали первой наградой для «Спартака» с 1958 года, и это был заметный шаг вперед. Толпы болельщиков вернулись на трибуны, однако еще в начале сезона Симоняна и Старостина вызывали на ковер, угрожая увольнением. Они попросили несколько месяцев на исправление ситуации.

Футболисты, в особенности Нетто и Хусаинов, заиграли сильнее, что укрепило позиции начальника и главного тренера. Однако этот эпизод напомнил, что и они уязвимы[37].

Метод Старостина (послевоенный период)

Во времена НЭПа с его частичным возвращением к капитализму Николай Старостин вел дела, используя коммерческие знания, почерпнутые из своего еще дореволюционного образования. В годы террора он продемонстрировал неплохое (но, разумеется, не безупречное) умение ориентироваться в коридорах высшей власти — там, где нужно было платить другой монетой. Он делал это, стремясь защитить команду, которую помог создать и которая помогла ему разбогатеть, обеспечила положение в обществе. В то время его способы руководства командой были признаны «буржуазными», и он заплатил за это большую цену. Как Старостин и его братья действовали после своего возвращения? Какие уроки они извлекли из случившегося? Использовались ли преданные анафеме буржуазные методы в новой ситуации, при Хрущеве? И какие общие выводы можно сделать о мире массовой культуры времен оттепели?

В 2002 году Александр Вайнштейн описывал Николая Старостина как «первого президента клуба в западном смысле этого слова»[38]. В то же время Владимир Маслаченко, вратарь «Спартака», затем ставший известным спортивным комментатором, называл клуб «частным предприятием»[39]. Для Никиты Симоняна Старостин являлся «советским бизнесменом»[40]. В былые времена о таком следовало молчать, так что, вероятно, они говорили это в контексте распада коммунистической системы. После возвращения Старостин отказался возглавить спортивное общество «Спартак», включавшее в себя множество неприбыльных видов спорта. Он предпочел управлять самым заметным — футбольным клубом. Еще с 1930-х годов его сильной стороной была организация зрелища, умение продать тысячи билетов, и понятно, что эти его способности не исчезли и в новую эпоху.

В книге воспоминаний 1986 года Старостин высказывает сожаление, что в советском обществе не принято было говорить о финансах, однако эти вопросы, утверждает он, имеют большое значение для успеха футбольной команды. Он напоминал своим читателям, что футбольный клуб «Спартак» после

покрытия всех расходов в 1980-е годы вкладывал по 250 000 рублей в год в развитие всесоюзного спартаковского спортобщества. «Финансовый вопрос, как видите, не никчемный, — писал Старостин, — куда как приятнее считать прибыли, чем изловчаться покрывать недостачи»[41]. Главным источником дохода команды оставалась продажа билетов. Постройка стадиона им. Ленина позволяла вместить больше болельщиков, нежели когда-либо раньше, и «Спартак» делал все, чтобы привлечь их на новую арену. Хотя телевидение занималось популяризацией игры, денег напрямую оно не приносило.

По сравнению с затратами крупных госпредприятий, средства, поступающие в футбольные клубы, были небольшими. Руководство «Спартаком» не имело крупных финансов, однако важной оказывалась сама модель управления. Когда другим командам нужны были деньги, они просто просили их у своих спонсоров. Разумеется, все команды продавали билеты, но «Спартак» продавал их больше, и можно сделать вполне обоснованное предположение, что для «Спартака» билеты служили более значимой частью дохода, чем для других клубов. Деталей мы не знаем. Разные подразделения общества «Спартак» просчитывали свои, непрозрачные, годовые бюджеты. По сохранившимся документам видно, что на футбол тратилось много, но не видно, сколько футбол приносил.

Старостин знал основные законы большого спорта: чтобы зарабатывать деньги, нужно создавать хороший игровой продукт, но он должен давать болельщикам повод вновь и вновь возвращаться на трибуны, даже когда дела идут не очень хорошо. Одними деньгами в СССР этого было не добиться. При капитализме деньги позволяют приобрести таланты, однако даже на Западе поиск хороших игроков — очень сложный процесс. Рублем можно поднять зарплаты, но зарплата — только часть общей комбинации из вознаграждений и привилегий, которые могут привлечь сильных футболистов. Многие из них просто нельзя было купить за деньги. На квартиры и машины, например, всегда образовывалась длинная очередь. Но если речь шла о деньгах, Старостин умел их находить и использовать. Так, однажды молодой Геннадий Логофет собирался подписывать контракт с ЦСКА. Старостин позвонил игроку, спросил о предложенной ему зарплате и немедленно удвоил эту сумму. И это лишь один из примеров[42].

Если игроков нельзя было просто купить, то публику в СССР купить было вообще невозможно. Не существовало никакой рекламной индустрии, способной создать то, что сегодня мы бы назвали брендом. Даже в капиталистических странах лояльность болельщиков основывалась на целой группе факторов, особенно она зависела от сообществ болельщиков, которые держались далеко не только на деньгах. В 1950-е годы блат, вторая экономика, серый и черный рынок еще не являлись столь влиятельными, как в более поздние времена, однако Старостин понимал: плавать в этих водах можно, только если действовать не просто с экономической позиции, но также с политической и культурной. К счастью, его таланты не ограничивались умением вести бухгалтерию. Деньги, полученные в псевдорыночных отношениях, могли дать команде независимость, но для защиты этой независимости нужно было действовать и на других фронтах.

Когда Симонян работал со Старостиным, Николай бóльшую часть времени проводил на этих «других фронтах». Кроме зарплат, квартир и машин существовали еще вопросы, связанные с приобретением мебели, устройством детей в сады и целым рядом других «бытовых» тем. За всеми этими благами выстраивались длинные очереди, и для обхода очередей требовались и деньги, и связи. Старостин брал эту работу на себя, освобождая тренерам и игрокам время для спорта. В других командах эти проблемы лежали на плечах главных тренеров. В некоторых случаях личный авторитет Старостина позволял ему добиваться встреч с нужными людьми. В других ситуациях помогало имя команды. Моссовет, горком, целый ряд профсоюзных организаций: «Для него, — пишет Симонян, — дверь всегда была открыта». Он пользовался огромным авторитетом в этих организациях и чаще всего добивался своего[43]. Впрочем, временами охота за квартирами порождала свои трудности. Когда Валерий Дикарев перешел в «Спартак», они с женой получили большую квартиру на престижном Кутузовском проспекте. Для футболиста это был довольно необычный адрес. К несчастью, пара вскоре развелась, и квартира осталась жене Дикарева. Старостин добыл Дикареву еще одну квартиру, в этот раз в менее престижном районе Черёмушки[44].

Работа над такими вещами служила неотъемлемой частью процесса привлечения в команду новых талантов. Переходы игроков регулировались правилами, которые постоянно

менялись и соблюдались избирательно. Несомненно, «Спартак» хорошо работал над воспитанием собственных футболистов, однако Старостин без колебаний использовал свои связи для привлечения игроков со всей страны. Чаще всего это были молодые спортсмены, мечтавшие о переезде в большой город. Их местные команды не препятствовали переходу. Платить им живые деньги было запрещено, не практиковался и обмен игроками. При этом попытки переманить звезду из другого клуба высшей лиги не одобрялись и часто запрещались властями. В этой постоянной борьбе за лучших игроков Старостин был далеко не всесилен. Он организовал немало переходов, однако нельзя сказать, что он оказывался успешен всегда и во всем.

Множество вещей, которыми занимался Старостин, — от приглашения новых игроков до поиска квартир и машин, — происходили в серой зоне советской жизни. Законы, регулирующие эти области, либо были очень противоречивыми, либо часто менялись, либо вообще отсутствовали. Коррупция и злоупотребления оказывались практически неизбежными. Учитывая яркость его довоенной карьеры и все трудности, которые она ему принесла, примечательно, что за более чем сорок лет руководства командой после возвращения Старостина не преследовали обвинения и слухи, связанные с деятельностью в 1930-е годы. Наоборот, до самой смерти у него была репутация корректного, честного, порядочного человека, даже аскета. Противники Старостина могли иметь о нем другое мнение, и это явно контрастировало с более ранним образом человека в меховой шубе, выходящего из лимузина. Советский футбол не был настолько коррумпированным, как в Италии, Бразилии или в некоторых регионах Африки и Азии. Но конечно речь не шла и о мире, из которого можно было выйти абсолютно чистым. Тем не менее Старостин после 1955 года сделал именно это[45].

Изменили ли его долгие и трудные годы в ссылке — так, как они изменили многих других? Характер обвинений 1943 года остается неясным. Был ли Старостин виновен? Если и был, то теперь он определенно не собирался повторять ошибки и избегал всего, что могло считаться незаконным. И все же руководство футбольной командой в СССР не было работой для праведника. Как Старостин справлялся с этим противоречием? Возможно, апокриф из более позднего времени (между 1969 и 1971 годами) раскрывает всю сложность позиции

Старостина — человека, прочертившего линию, за которую он не заступал, чтобы избежать новых неприятностей. А об этом мне рассказал Евгений Ло́вчев, один из лучших игроков за все годы существования команды и капитан в тяжелые для нее 1970-е: большой поклонник Старостина, он не отрицал того, что тот мог сделать нечто недостойное во время войны, заплатить за это и именно поэтому быть готовым на все, чтобы не повторить своих ошибок.

На протяжении всего советского периода в командах существовали так называемые черные кассы. Деньги попадали туда из разных источников — от местных «богачей», партийных боссов, возможно и от местных бандитов. Иногда в них могли вкладываться даже болельщики. Эти средства использовались на самые разные нужды[46]. Одним из давних методов пополнения черных касс служила организация товарищеских матчей в будние дни с небольшими региональными командами, в нескольких часах езды от столицы. Игры рекламировались. На них продавались билеты. Местным властям платили, чтобы они закрыли глаза на то, как несколько тысяч болельщиков приходили посмотреть на одну из величайших команд страны. В случае «Спартака» деньги за эти матчи шли на доплаты к окладам игроков. После одного из таких матчей футболистам было сказано, что каждый получит по 80 рублей за игру. Как пересказывает Ловчев, Анзор Кавазашвили (р. 1940), вратарь родом из Грузии, сыгравший за команду три сезона, громко возмутился: «Николай Петрович, что за дела? В киевском „Динамо“ игроки получают по 200 рублей за такие матчи, а мы только 80?» Наступила тишина. Старостин спросил: «Анзор, вы сидели? Так вот — я сидел»[47].

Весь абсурд и противоречия послевоенной советской жизни отражены в этой истории, достойной пера Гоголя. Старостин и «Спартак» только что нарушили закон. В то же время команды очень редко, если вообще когда-либо, бывали наказаны за участие в таких матчах. Это очень по-советски — или, может, даже по-русски — объявить что-то незаконным, но никогда не применять соответствующий закон. После игры Старостин, вероятно опасаясь последствий, попытался смягчить тяжесть нарушения тем, что брал за это меньше денег, чем другие в подобных обстоятельствах. Поступая таким образом, Старостин как будто делал эту практику более приемлемым для себя и для властей. Кто-то может задаться вопросом: почему, собственно,

если само проведение такого матча незаконно, 80 рублей вместо 200 могли уберечь кого-то от тюрьмы? Еще абсурднее эти события выглядят для остального мира, в котором матч был бы абсолютно законным. Подобные гастроли всегда считались традицией в большом спорте, шансом для маленьких команд сыграть с большими, и в Советском Союзе дела обстояли точно так же, но с поправкой на то, что формально такие матчи оказывались «вне закона».

Правильнее всего было бы увидеть в постсталинском управлении Николая Старостина еще одну попытку адаптироваться к рабочим условиям в советской экономической и политической системах, а не сознательное стремление построить спортивную бизнес-модель. При Хрущеве СССР оставался страной с социалистической экономикой, с минимальной долей частной собственности. Если в «Спартаке» и присутствовали элементы капиталистической модели, масштаб их был невелик. Внимание к финансовым вопросам не являлось таким уж уникальным делом в советских условиях. Прибыльность команды была необычна, однако прибыль сама по себе не гарантировала успех. Старостин также занимался взаимовыгодным обменом услуг. Он продолжал раздавать дефицитные билеты на игры тем московским чиновникам, которые могли помочь команде. Ценность этих билетов, в свою очередь, служила прямой производной популярности клуба, чей образ помогли создать сам Старостин и его братья.

В создании идеологического контекста Николаю очень сильно помогал Андрей. Оба брата в своих книгах, интервью и других выступлениях заложили основу для весьма противоречивого представления о «Спартаке» как о команде демократии. В 1990 году, на пике гласности, Николай рассказал «Советскому спорту», что «демократия и коллективное руководство» всегда являлись основой спартаковских успехов[48]. Восприимчивый к голосу времени, говорил ли Старостин «как демократ» точно так же, как раньше говорил «от лица большевика»? Или он действительно был искренен? В 2002 году Никита Симонян описывал «Спартак» как «символ для людей, любящих свободу»[49]. Только в самом конце советской власти слово «демократия» появилось во всех публикациях о «Спартаке». Сам по себе термин крайне противоречив в советском контексте. У него очень много значений, лишь немногие из которых связаны с западными

представлениями о либеральной демократии. Для спартаковцев более широкое понимание демократии связывалось с традициями русской интеллигенции. Характерны слова Ловчева: «„Спартак“ был демократической системой... Это было влияние Старостиных. За „Спартак“ всегда болела интеллигенция, творческая интеллигенция. Мы ходили в Малый театр, и самые разные люди приезжали к нам в Тарасовку»[50].

Связи Андрея с интеллектуальными кругами уходили корнями еще в 1920-е годы. Однако важно понимать, что он дружил с очень разными людьми — от критиков до горячих сторонников политического режима, от Юрия Олеши до Александра Фадеева[51]. По мнению Льва Нетто, Андрей был «настоящим демократом», скрывавшим свои истинные чувства, но младший из двух Старостиных вел себя осторожно и никогда не участвовал в деятельности, которую можно было бы назвать «диссидентской» (термин, не употреблявшийся в 1950-е годы). Точно так же Николай никогда не поддерживал ни одного публичного критика советской власти. Вайнштейн вспоминал об этом так: «Хотя он знал все отрицательные стороны этой системы, не думаю, что внутренне он был диссидентом или свободомыслящим человеком»[52]. При этом среди тех немногих интеллектуалов, которые сформировали диссидентское движение после отставки Хрущева, спортивные болельщики практически отсутствовали[53]. Интеллектуалы, переживавшие за «Спартак», были чаще всего средним слоем советской популярной культуры — писателями, актерами и музыкантами.

Интеллектуалы, как считалось, находились в авангарде оттепели, и поэтому в то время демократия ассоциировалась со всеми «думающими людьми», несмотря на то что это представление расходилось с реальностью разных движений и тенденций, нашедших выражение в новой структуре общественного мнения. В самом широком смысле можно сказать, что «Спартак» искал расположения этих людей, и многие из них были этому только рады. Связи и дружба создавали общность, вместе переживавшую захватывающие и, возможно, даже модные веяния своего времени. Когда все эти составляющие соединялись с образом Старостиных как «вернувшихся изгнанников», аморфному общественному сознанию оказывалось легко перейти от именования «Спартака» народной командой к признанию ее демократических основ.

Вместе с тем эти рассуждения ничем особенно не подкрепить. Скорее, мы видим в те годы довольно широкий, но неявный социальный запрос на разрыв со сталинистскими методами — что довольно далеко от призыва к смене политического режима или возвращению к капитализму. Общественные настроения отвечали образу «Спартака» как команды демократии, давая возможность клубу утверждать, что он символизировал нечто большее, чем просто победу на футбольном поле. Если болеть за «Спартак» в 1930-е годы означало способ сказать слабое «нет», теперь это была реальная возможность сказать «да» переменам. Как и в более ранние времена, команда сумела добиться лояльности болельщиков, вписывая свой спортивный успех в широкий контекст, в данном случае — связывая себя с так называемыми прогрессивными силами. В этом смысле замечания Ловчева, Симоняна и даже самого Николая Старостина если и звучат несколько наивно, все же не могут быть просто отброшены в сторону.

Если, как я утверждаю в книге, считать «Спартак» борцом за демократию — в известном смысле натяжка, то все же можно увидеть своего рода демократические (или, возможно, патерналистские) методы в том, как Николай Старостин вел футбольные дела своей команды. Внутренняя атмосфера была довольно расслабленной, что не подразумевало никакой военной дисциплины. Практически все тренеры, нанятые Старостиным, относились к игрокам с уважением и учитывали их мнение. Сам Старостин активно участвовал в разрешении конфликтов. Он глубоко верил в возможность компромисса. Внешне стиль игры «Спартака» оставался более свободным, импровизационным, менее силовым и механистическим — именно этого ждали от команды болельщики, и именно за это они ее любили. Наконец, перед матчем, после того как тренеры проговаривали план, Старостин обращался к игрокам не с приказами или угрозами, а с историями из жизни, шутками и другими духоподъемными речами, чтобы психологически подготовить их к матчу[54].

Впрочем, Старостин всегда давал понять, что главный здесь — он и только он. Несмотря на кажущуюся современность его роли в качестве «президента клуба», в спартаковской структуре, по словам Вайнштейна, чувствовалось что-то «архаическое»[55]. Николай Озеров описывал Старостина как центр и душу команды «Спартак», «грозную фигуру, которую любили и боялись»[56]. В организации отсутствовало формальное

разделение властей, и разграничение обязанностей также не было четко прописано. Если Старостин и являлся начальником, то порядочным начальником: он вызывал уважение, и ему необязательно было во что бы то ни стало всегда настоять на своем[57]. Он мог отдавать приказы, но предпочитал убеждать. В глазах публики это делало «Спартак» более гуманной организацией, чем команды силовых структур, однако едва ли ее можно считать подлинно демократической структурой.

Неудачные реформы и еще одно возвращение «Спартака»

Надежды на обновление социализма в рамках существующей системы стали рассеиваться ближе к концу 1950-х — началу 1960-х годов. Импульс был явно потерян, экономический рост замедлялся, сельскохозяйственный сектор, в частности, не сумел отреагировать на многочисленные попытки Хрущева его перестроить. Сопротивление реформам генерального секретаря внутри властной иерархии росло. В ответ на это Хрущев провел новую атаку на сталинское наследие на XXII съезде партии в октябре 1961 года. Преступления предыдущей эпохи разбирались еще подробнее, и была решительно провозглашена персональная ответственность Сталина за миллионы жертв. В скором времени тело диктатора вынесли из мавзолея. Города, названные в его честь, получили другие имена. Памятники были убраны с постаментов, а вездесущие портреты — сняты со стен.

Это выглядело как победа Хрущева, однако в то же время нескольких его сторонников выдворили из президиума партии. Его позиции ослабли, реформы проводились непоследовательно, с ним велась борьба на политическом и личном уровне, закончившаяся в 1964 году поражением и отставкой Хрущева. За пределами Кремля уровень жизни стал падать. Цены на продовольствие повысились, рос дефицит, зарплаты не увеличивались. Улучшения 1950-х породили определенные надежды практически во всех слоях общества. Хрущев продолжал разыгрывать популистскую карту, разъезжая по стране и выступая в поддержку своих программ, но лишь немногие вне центральных институтов власти были готовы к нему присоединиться. В конечном счете его уход не стал ни для кого неожиданностью. Общество отреагировало на него с безразличием.

После смерти Сталина в социуме произошли глубокие структурные перемены. Но оказалось, что методы управления остались прежними. Обновленная версия все той же командной экономики достигла некоторых успехов в 1950-е, однако неспособность продолжить процесс реформ привела к ее замедлению. Неудачные попытки Хрущева остановить падение воодушевили тех членов партии и правительства, кто хотел не перемен, а укрепления своего положения. План Хрущева установить на съезде в 1961 году ограничения по срокам, в течение которых можно занимать политические должности, еще больше подорвал его поддержку в партии. Реформы предназначались для того, чтобы увеличить подотчетность государства обществу, уменьшить власть бюрократов и повысить роль общественных активистов. Если бы это сработало, социальные перемены последнего десятилетия могли бы повлиять на политическую систему, но все это напугало уже существующие политические кадры и ускорило отставку Хрущева. Идея разделить партию на индустриальный и сельскохозяйственный секторы также подрывала позиции тысяч чиновников, в особенности тех, кто был вынужден перебраться из Москвы в провинцию.

К концу эпохи Хрущева стало очевидно, что отношения между государством и обществом все еще находятся в процессе пересмотра, начавшегося в послевоенные годы. Моше Левин описал, как возникли социальные силы и группы, разрушавшие границы между ними, и как при подходящих условиях могли бы развиваться элементы «гражданского общества». Эта концепция у Левина подразумевает наличие с середины 1960-х неких независимых сил в социуме, которые могли влиять на государственную политику. В других авторитарных странах — таких как, например, франкистская Испания — относительно независимые группы и до 1975 года занимались работой и организацией того, что в конце концов позволило политической системе совершить успешный переход к конституционной демократии. Хотя постсоветский мир был не таким, как в Испании, это не означает, что в Советском Союзе не существовало сходных устремлений[58].

Можем ли мы представить «Спартак» и его болельщиков независимым элементом, необходимым для развития гражданского общества? Мы ограничены почти полным отсутствием социальных научных данных о занятиях или политических пристрастиях болельщиков. Бурдьё пишет о важности

таких исследований, тем временем найти конкретные примеры чрезвычайно трудно. Везде в мире определение клубов как «студенческих», «рабочих», «католических» или «народных» представляет собой журналистские конструкции и является частью культурного дискурса, созданного вовлеченными в него наблюдателями[59]. Когда цензура не дает возможности обсуждать ту или иную команду в публичном поле, спортивные болельщики спорят о справедливости всех этих определений в кафе и барах, на улицах, стадионах и кухнях. Вложить социальный и культурный смысл в существование команды — сложная задача даже в открытом обществе, и еще труднее это сделать, если говорить о советском опыте. И все же ассоциации, связанные со «Спартаком», и его саморепрезентация предполагают тесную связь с членами потенциального гражданского общества — по крайней мере с теми, кто любил футбол.

Но насколько независимым был «Спартак»? Команда возникла в 1920-е годы, ей пришлось искать поддержку, и она выжила и расцвела. Помощь пришла от Промкооперации — организации, чья деятельность плохо изучена. Если «Динамо» было милицией, ЦСКА — армией, «Торпедо» — автозаводом, то «Спартак», казалось, никого не представлял. В послесталинский период поддержка от московского горкома также не была связана ни с какой определенной группой интересов. Таким образом, не вполне по праву, но «Спартак» представлялся командой, не созданной властью, и его очевидная автономия дала ему возможность называться «народной». Нечто подобное можно сказать и про Старостиных, особенно про Николая, чья независимость до войны угрожала его спортивным и политическим врагам. В 1954 году он вернулся на место президента клуба, который когда-то сам и основал. Старостин ясно дал понять в разговоре с Н. Н. Романовым, что у него есть собственные взгляды и он вряд ли сможет хорошо работать со спорткомитетом или какой-либо иной государственной организацией[60]. На позиции руководителя «Спартака» он сам принимал решения, насколько это вообще было возможно в советском обществе. Его независимость оказалась далека от абсолютной, но достаточной, чтобы создать свой маленький спартаковский мир.

После 1953 года стало возможным пройти еще дальше по пути независимости. Эти взгляды и действия — в сочетании с успехами на футбольном поле — позволили сформировать

идентичность команды для ее новых болельщиков, повторив историю 1930-х годов. Теперь, впрочем, речь шла далеко не только о рабочих. Интеллигенция и представители разных профессиональных кругов могли смело отстаивать свою меру автономии, поддерживая «Спартак», — еще один незаметный способ сказать «нет». Писатели Юрий Трифонов и Лев Кассиль, певец Леонид Утесов, актер Михаил Яншин и даже адвокат Борис Назаров были людьми, чья профессиональная деятельность контролировалась извне. Болеть за «Спартак» для них значило обрести собственную идентичность. Если футбол выступал территорией, на которой можно было конструировать истории о самих себе, то тогда, поддерживая «Спартак», болельщики чувствовали свободу, которой в реальности не обладали. Они пробуждали к жизни идеологический конструкт «спартаковского духа» и тем самым убеждали себя в красоте и честности, присущим игре их команды[61]. Компенсируя недостатки в жизни болельщиков, спорт давал им нечто вроде утопической надежды на будущее.

Сбор урожая

Сезон 1962 года для «Спартака» был полон надежд, чего не скажешь об обществе в целом. Если раньше достижения команды сопровождались успехами реформ, теперь они шли с ним вразрез. Футбол продолжал развиваться, внутренние законы спортивного мира приобретали все большее значение, отделяя спорт от политики. Возможности центральных властей контролировать игру уменьшились вместе с появлением большого количества региональных групп со своими интересами и более глубоких социальных процессов, затрагивающих спорт. В меняющемся контексте Николай Старостин нашел больше пространства для маневра как профессиональный спортивный организатор. Теперь его задачей было возродить «Спартак»[62].

Наряду с несколькими другими советскими командами, «Спартак» к сезону 1962 года перешел на схему 4-2-4. Симонян показал себя отличным тренером, точно определяя роль каждого игрока. Не стоит удивляться, что молодые игроки — особенно Севидов и Логофет — быстрее других адаптировались к новому подходу. Тем не менее команда оступилась на старте. Пока Нетто, Хусаинов и Маслёнкин находились в Чили со сборной на чемпионате мира, «Спартак» без них едва попал в финальную

группу из двенадцати команд[63]. Нерешенной проблемой была неуверенная игра вратаря, и в перерыве между первой и второй частями сезона Старостин — при весьма противоречивых обстоятельствах — сумел перетащить в команду второго вратаря сборной, уже упоминавшегося Владимира Маслаченко, до того выступавшего за «Локомотив». Он оказался тем самым недостающим звеном — «Спартак» завершил сезон серией из двенадцати матчей без поражений и выиграл чемпионат в последней игре.

Обгоняя московское «Динамо» на одно очко и тбилисское — на два, «Спартак» должен был играть с чемпионом предыдущего года, киевским «Динамо», в Киеве 18 ноября. Утром в гостиницу пришла новость о поражении московского «Динамо», а уже в раздевалке, при подготовке к матчу, Симонян сообщил игрокам о проигрыше тбилисского «Динамо». Новые чемпионы отпраздновали победу, вышли на поле и победили со счетом 2:0[64]. Севидов при поддержке Хусаинова вырвался в лидера команды. Нетто продолжал демонстрировать высокий уровень игры, Валерий Дикарев и Владимир Крутиков вместе с Логофетом стали звездами обороны[65]. Смена поколений завершилась. В «Советском спорте» Лев Филатов назвал это чемпионство «Спартака» самым тяжелым в истории клуба[66]. Если у великих команд 1950-х годов были разные отцы, то «Спартак» 1962 года являлся полностью старостинским. Он нашел тренера, собрал игроков и создал атмосферу в команде, позволившую ей победить. Позднее центральный нападающий Юрий Севидов рассказывал, что больше всего радости ему приносила игра именно в той команде. Профессиональная репутация Старостина была полностью восстановлена. Долгое и очень трудное путешествие, начавшееся с его ареста в 1942 году, наконец-то закончилось.

Однако закрепить этот успех не удалось. Следующий сезон команда завершила на втором месте, в одном очке позади московского «Динамо». Еще через год, в 1964-м, «Спартак» скатился на восьмое место. Хотя игроки команды часто травмировались, однозначного объяснения тому, почему «Спартак» провел двенадцать игр без побед и спустился в середину таблицы, так и не нашлось. Посещаемость упала, «Спартак» оставался середняком. Большинство игроков, отлично выступавших в предыдущие годы, были на своих местах, однако, в типично спартаковском стиле, команда опять покатилась по наклонной, расстраивая своих болельщиков. Другим символом перемен стала победа

в чемпионате тбилисского «Динамо» — давно ожидавшаяся и заслуженная. «Спартак» же вступил в новый период кризиса. Хрущев был отстранен от власти в октябре 1964-го, за месяц до окончания футбольного сезона, и будущее «Спартака» казалось туманным. Хрущева сменил Леонид Брежнев, чья политика являлась значительно более предсказуемой и менее динамичной.

Конец хрущевского периода знаменует и окончание драматического периода спартаковской истории. Нить старостинского повествования здесь обрывается, после всех обязательных бед и злоключений братья вернулись на почетное место, где пребывали еще до войны. Они вновь пережили триумф, «Спартак» одержал великие победы, вступил в свой золотой век. К концу 1950-х — началу 1960-х годов прямое вмешательство Кремля в футбольные дела существенно сократилось. Партия начала больше присматривать за игрой, но не вмешиваться в нее. Для государства выбор «своей» команды существенно усложнился, так как в чемпионате появилось множество новых клубов. Власти уже не понимали, какая команда важнее, ведь приходилось учитывать провинциальные и республиканские команды и их интересы.

Вместо того чтобы получить покровительство в высших эшелонах власти, клубные руководители взялись за организационные задачи, типичные для людей на этой должности в любом обществе. Это было нормой, но слово «норма» требует уточнения в советском контексте, ибо Советский Союз попрежнему вряд ли являлся «нормальным» местом. Повседневная бюрократия и коррупция, вполне характерные и для всего остального футбольного мира, играли особенную роль именно в СССР. Сложная система избирательно применявшихся правил создавала возможности для коррупции, которая стала общим местом при Брежневе. Однако несмотря на весь ее разрушительный эффект, коррупцию принять было легче, нежели аресты, принудительные переигровки, угрозы и запугивания предыдущих десятилетий.

К 1959 году Старостин работал на минном поле, что было для него привычным делом, пусть он и не всегда добивался успеха. Побеждать стало сложнее. Преодолевая все тяготы, труднее оказалось поддерживать репутацию «Спартака» как «народной команды». Представление о нем как о жертве для многих перестало быть важным, а противостояние с «Динамо» потеряло свой прежний накал и пафос «они против нас». К 1960 году

появились новые сильные соперники: назовем лишь двоих — «Торпедо» и киевское «Динамо». Матчи с этими командами являлись важными спортивными событиями, однако они уже не вызывали в болельщиках ненависти, как это случалось в играх с московским «Динамо» — также потерявшим свое место на вершине.

Публика тоже продолжала меняться. Столица становилась более космополитичным городом, в котором у интеллигентов и служащих существовало много вариантов, как потратить деньги. Футбол, когда-то бывший «нашим единственным развлечением», теперь превратился лишь в один из многих способов провести время. Эти процессы повлияли на одно очень конкретное обстоятельство, связанное с интересом болельщиков. Посещаемость традиционно была сильнейшей стороной «Спартака» и источником его главных доходов. Лояльность спартаковских поклонников всегда была очевидной и служила важным элементом командной идентичности. Теперь же аншлаги случались все реже. Матчи с сильными противниками, старыми и новыми, продолжали собирать много народу, однако на игры с менее успешными провинциальными командами могло прийти всего несколько тысяч человек.

В свете всех этих перемен и без того очень непрочный и субъективный конструкт под названием «спартаковский дух» стало еще труднее поддерживать и команде, и ее болельщикам. Представление о том, что «Спартак» в чем-то особенный, стало уходить, уменьшая пыл его сторонников. Рьяные болельщики по-прежнему могли верить в спартаковский семейный роман, однако этот образ основывался прежде всего на раннем периоде истории — Старостиных и самой команды. Старостинские мемуары, в том числе вышедшие во время гласности, в основном посвящены раннему периоду, более поздним событиям внимания уделено мало. По сути, Старостины научили своих читателей влюбляться в «Спартак», но мало что сделали, чтобы убедить их не менять своего отношения к команде.

Растущий диссонанс между мифом о рождении клуба и состоянием, в котором он находится в конкретный момент, — в порядке вещей для большого зрелищного спорта. Со временем сообщества и стечение обстоятельств, породившие футбольные команды и определившие их идентичности, исчезают. Исторический контекст постоянно меняется, мифы остаются

прежними. «Манчестер Юнайтед» и «Арсенал» прошли долгий путь от своих истоков — фабричных коллективов — до гигантских глобальных брендов, обслуживающих привилегированную публику. Тот факт, что «Астон Вилла» возникла как церковная команда, не означает, что все ее нынешние болельщики религиозны. Флагман современного немецкого футбола, мюнхенская «Бавария», была основана перед Первой мировой войной еврейскими коммерсантами. Болельщики всегда выбирают отдельные фрагменты истории команды, чтоб оправдать свою приверженность к ней. Так было и со «Спартаком».

9. И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И ПЕРЕМЕНЧИВО, 1964–1991 ГОДЫ

В период правления Леонида Брежнева и его преемников (1964–1985) жизнь «Спартака» изменилась. Драматические триумфы, трагедии и восхождения остались в прошлом. Вместо участия в высокой кремлевской политике теперь приходилось заниматься политикой местной, чтобы не терять поддержку со стороны московских властей. Брежневские годы не были благоприятным временем для «Спартака», но трудности клуба не имели отношения к важным политическим решениям. В 1960-е и бóльшую часть 1970-х годов «Спартак» демонстрировал средние результаты, периодически внезапно сменявшиеся яркими победами. Золотой век закончился, на смену ему пришла более приземленная реальность, а с ней и другие задачи — просто оставаться на плаву. Однако к 1978 году «Спартаку» наконец-то удалось вернуться на вершину, где он продержался до распада СССР. За этот триумф была заплачена своя цена: Старостину пришлось использовать методы, которые расходились с традициями клуба и его собственными принципами.

Если посмотреть на даты этих взлетов и падений, станет понятно, что дела партии и государства больше не влияли на судьбу команды. Не существовало никакой «брежневской линии» по отношению к футболу, которая вступала бы в противоречие с хрущевской. Историческое значение «Спартака» и его роль изменились. В каждую эпоху Старостины приноравливались к новым обстоятельствам, подстраивались под изменения,

которые шли сверху, но это не значит, что команда безоговорочно подчинялась чьим-то приказам. Как мы уже видели, даже при Сталине постоянно шли согласования и переговоры, в процессе которых Старостины искали основания для утверждения собственной независимости, а государству приходилось признавать свои ограничения. Теперь же мир вокруг «Спартака» формировался под воздействием разных социальных и экономических тенденций, не имеющих прямого отношения к деятельности партии или КГБ. Футбол стал заметной частью массовой культуры, которая в свою очередь прочно встроилась в социальную структуру: общество переживало переходный период и пересматривало свои отношения с политическими элитами.

Если говорить о добрежневской эпохе, у нас есть некоторое количество свидетельств того, что представлял собой интерес руководства к футболу в каждый из периодов советской истории, и это позволяет нам встраивать историю команды в широкий исторический контекст. Обращаясь же к последним десятилетиям жизни СССР, мы сталкиваемся с заметной нехваткой архивных материалов и отсутствием общепризнанного нарратива эпохи. Таким образом, наше исследование о «Спартаке» последних советских лет будет посвящено не столько решениям властей, сколько более глубоким тенденциям общественного развития. Изменяющаяся природа советского общества вновь заставила Старостина придумывать новые подходы к работе — и те шаги, которые он предпринял, пытаясь сохранить «Спартак» на плаву, проливают свет на направление движения страны в целом.

Перемены на фоне застоя

Первым ключевым термином для нового режима стала «кадровая стабильность». Попытки Хрущева преобразовать партию угрожали привилегированному положению бюрократического аппарата. Новая верхушка быстро свернула реформы, предполагавшие децентрализацию власти и лишение элиты ее привилегий. Чиновники на всех уровнях могли оставаться на своих местах пожизненно, стареть на постах, перекрывая тем самым дорогу молодым. Не стремясь работать эффективно и заниматься обновлением, партийная и государственная элита изобиловала ленивыми и непорядочными людьми. Без малейшей иронии Брежнев назвал эту ситуацию «зрелым социализмом».

Консерватор по своей природе, новый генсек вел себя крайне осторожно. Кроме того, в начале своего правления он был обременен необходимостью поддерживать традицию «коллективного руководства» вместе с такими мощными фигурами, как Алексей Косыгин, Андрей Громыко, Михаил Суслов, Юрий Андропов и Дмитрий Устинов. Несмотря на планы Косыгина провести экономическую реформу и дискуссии о пересмотре старых методов, за следующие восемнадцать лет крупных реформистских проектов практически не возникало. Основной заботой было не огорчать общественность нереалистичными планами и обещаниями.

Новый социальный контракт выглядел так: рабочие (все еще крупнейший социальный класс) лишались любого политического влияния, а взамен получали улучшение жизненных условий и широкий круг социальных привилегий. По словам немецкого исследователя Кристиана Ноака, «новая политика... стремилась закрепить лояльность советских граждан к режиму, расширяя потребление и распространяя социальные блага. Зарплаты выросли, рабочее время было сокращено, и система воздерживалась от крутых мер для сохранения общественного порядка. Государство субсидировало продовольственное снабжение, жилищное строительство и, до некоторой степени, потребительские товары»[1]. В то же время ничего не делалось для того, чтобы сократить огромные привилегии партийной элиты, которая стала крайне коррумпированной, а позднее массово состарилась[2]. Хотя отсутствие перемен в бюрократическом аппарате и подкуп рабочего класса стали одними из многих причин застоя, в результате чего система обрекла себя на крах, можно говорить и о том, что подобная стабильность была с радостью принята обществом — после сталинского террора и неоправданного хрущевского энтузиазма. Даже так называемые прогрессивные силы приветствовали приход нового лидера: они полагали, что постепенные и взвешенные изменения окажутся эффективнее непредсказуемых действий Хрущева.

Замедление процесса реформ повлияло и на другие области жизни. Открытая критика системы теперь была невозможна. Если оттепель и не закончилась сразу же в 1964 году, вскоре стало ясно, что партийные консерваторы не готовы принять наличие общественного мнения и свободу художественного высказывания. Это проявилось и в росте репрессий. Арест, а затем и суд в 1965 году над писателями Андреем Синявским и Юлием

Даниэлем были сигналом прекратить всякую критику, что напугало многих интеллигентов и поставило их перед выбором — либо замолчать, либо перейти в нелегальную оппозицию. Лишь немногие смельчаки выбрали опасный диссидентский путь. Петиции и запрещенные тексты циркулировали подпольно, и небольшое их количество гарантировало, что высказанные идеи и цели не сумеют повлиять на политику государства. Известные на Западе и значительно меньше — в собственной стране, диссиденты лишались работы, попадали в тюрьмы и на принудительное лечение в психбольницы.

Изначальные надежды диссидентов на то, что коммунизм может быть реформирован, исчезли в 1968-м, вместе с крушением чехословацкой попытки построить «социализм с человеческим лицом». После этого многие последовали за Андреем Сахаровым и направили свои силы на утверждение основных прав человека. Некоторые сосредоточились на проблемах национального самоопределения, другие, как Александр Солженицын, говорили о религии и исконных русских традициях. Хотя репрессии коснулись лишь небольшой группы критически настроенных людей и остановились далеко от границ сталинского террора, оптимизм времен оттепели уступил свое место пессимизму и (по крайней мере, временно) принятию существующего положения дел — в особенности среди тех интеллигентов, которые чувствовали, что потеряют слишком многое, если последуют за диссидентами и выступят против режима[3].

Впрочем, к концу 1960-х те, кто был тесно связан с властью, нашли свой способ работать на будущие перемены[4]. Состоявшие из «широкого круга официальных лиц, партийных аппаратчиков и функционеров», эти группы хотя и не были открыто инакомыслящими, но продолжали агитировать за реформы[5]. Существуя в очень неопределенном пространстве с размытыми границами между обществом и властью, они отчасти выступили предвестниками гражданского общества, о котором мы говорили в предыдущей главе. Со временем многие из них добились того, что их стали воспринимать всерьез и консультироваться по разным вопросам. Своей готовностью выступать в роли экспертов эти люди, в особенности ученые, занимавшиеся социальными науками, демонстрировали определенный уровень личной независимости (что необходимо для любого гражданского общества). При этом они могли и влиять на государственную

политику. Хотя в то время от них мало что зависело, многие из них (главным образом Георгий Арбатов, Станислав Шаталин, Александр Яковлев, Абел Аганбенян и Татьяна Заславская) стали важными фигурами уже в перестройку.

За пределами большой политики (в которой, как мы видим, мало что происходило) само общество постоянно менялось. Особенно это было заметно в городах. Старые росли, новые — такие как автогигант Тольятти — строились с нуля. Все больше советских людей жили именно в городах. В 1959 году речь шла уже о половине жителей СССР. К концу брежневской эры — это приблизительно 65–75 % населения[6]. Но, вероятно, еще важнее то, что половина всего населения рождалась в городах, создавая новый урбанистический образ жизни. Количество бывших крестьян здесь уменьшалось, количество образованных работников продолжало расти. Такой же рост наблюдался и среди служащих среднего и нижнего звена, занимавшихся административными задачами и сферой услуг[7].

Эти группы, включая рабочих, хотели всё большего, их вкусы и надежды уже не могли быть удовлетворены в рамках негибкой политической структуры и непроизводительной экономической системы. Им требовалось больше свободы, у них появились более высокие жизненные стандарты — лучшие квартиры, питание, потребительские товары. Несмотря на прогресс во всех этих областях, командная модель уже не успевала за ростом общественных потребностей. Социальный контракт постепенно стал разваливаться. Система производства достигла успеха с точки зрения больших цифр, но перехода к потребительскому обществу не произошло. В ходе этого процесса появилась «вторая экономика» — черный рынок и «блат» — и она заполнила пробел, разрушая тем самым границу между легальным и нелегальным.

Несмотря на фундаментальные слабости, экономика продолжала развиваться до середины 1970-х. Появлялось все больше фабрик, шахт и крупных строек на границах растущих городов. Индустриальные сети дотянулись до окраин Советского Союза, а в центральных областях наблюдался рост населения и экономической активности; их обитатели не только работали, но и наслаждались благами современной городской жизни, досугом[8]. Помимо работы и выпивки, молодых мужчин интересовал футбол. Футбол практически во всем мире — игра городская, он появляется там, где уже есть фабрики[9].

Футбол на фоне застоя

Во всем мире футбол развивался в связке с промышленностью и торговлей. Собственно, игра стала одним из многих признаков модернизации общества. В Британии этот вид спорта был детищем среднего класса, и только потом его усыновили рабочие. В СССР те, кого можно назвать средним классом, увлеклись футболом только после того, как игра завоевала популярность у пролетариата. Города превратились в промышленные центры с большим населением, и рабочие (как и присоединившиеся к ним представители среднего класса) нуждались не только в жилье и питании, но и в целом ряде развлечений. Миллионы смотрели по телевизору профессиональный футбол. Теперь городским жителям потребовались свои собственные команды, а местные власти, стремясь поднять престиж своих регионов, были только рады следовать таким настроениям[10].

Рост популярности футбола оказался невероятным. В 1950 году в структуре футбольных лиг формально насчитывалось лишь тридцать три команды[11]. В 1968-м их уже было двести шестьдесят семь. Спортивные общества создавали клубы, интегрируя их в системы национальной футбольной лиги. В третьем дивизионе, разбитом по географическому признаку, играли команды со всех концов Союза. Продолжали создаваться новые стадионы. Среди них Республиканский стадион в Киеве на 100 000 мест, открытый в 1965 году. Ереванский стадион «Раздан» на 75 000 был закончен в 1971-м. Алма-Ата, Баку, Ташкент, Ворошиловград, Минск, Днепропетровск, Донецк и десятки других городов построили свои стадионы чуть меньшего размера. Болельщики из всех социальных слоев приходили на матчи своих команд, и вскоре наиболее успешные из этих новых клубов боролись на самых важных турнирах. Популярности футбола способствовали и улучшения в транспортной и коммуникационной системах, благодаря которым распространение спорта повсеместно стало возможным. Для расширения первого и второго дивизионов необходимо было перемещаться на большие расстояния и делать это быстро. К середине 1960-х, скажем, полет из Москвы в Ташкент уже не казался пугающей перспективой. Развивались и СМИ: поклонников футбола, желающих узнать последние результаты, быстро оповещали телевидение, радио и все более эффективная и тиражная спортивная пресса. Больше команд в большем количестве городов предполагали большее

количество матчей — а значит, большее количество просмотренных игр и написанных репортажей. Вся система советского футбола в целом стала крупнее и сложнее.

Лиги были расширены для того, чтобы вместить в себя эти новые команды, что усложняло жизнь столичным клубам. Превосходству Москвы пришел конец. По мнению Тимоти Колтона, то же самое произошло и в партии, и в обществе в целом[12]. Теперь за талантливых игроков соперничало больше клубов, и провинциальным командам случалось обходить московские[13]. Государственный спорткомитет мог судить споры и призывать к ответу нарушителей правил, однако с увеличением числа команд невозможно стало подыгрывать фаворитам в прежних масштабах. Укрепляющиеся региональные интересы отныне не позволяли властям помогать клубам силовых структур[14]. Многие тренеры пытались как-то обойти спортивную сторону вопроса и действовать через нужных людей во власти. Вместо того чтобы побеждать в низших дивизионах и подниматься по лигам вверх, сильные местные лидеры, так называемые меценаты, использовали политическое влияние в поисках преференций для своих клубов и игроков.

С развитием телевидения футбольные матчи стали показывать из всех крупных советских городов, не только из столицы. Так появилась конкуренция за эфирное время. Аналогичная борьба шла и за полосы в прессе, главным образом в газете «Советский спорт». Известные московские команды больше не могли контролировать лигу или даже ее публичный образ. Нетто и Яшин открыто выражали свои опасения за национальную сборную в связи с потерей влияния Москвы[15]. Это волновало и Николая Старостина. В 1966 году в «Известиях» он высказывал недовольство ростом числа команд, мечтающих всеми правдами и неправдами пробиться в высшую лигу:

> Для удовлетворения огромного количества запросов от населенных пунктов и для проведения соревнований, было принято решение продвигать некоторые города в группы выше их настоящего уровня[16].

В 1970 году его мнение поддержал государственный комитет, выступивший с резолюцией о том, что такой резкий рост числа клубов может быть вреден для советского футбола[17].

Больше команд — больше матчей по телевизору. То, что когда-то считалось роскошью, теперь оказалось доступно практически всем. Как правило, демонстрировалось по четыре-пять игр в неделю. В среду и четверг иногда транслировалось сразу три еврокубковых матча, часть из которых игралась на зарубежных стадионах. Возможность смотреть игру дома, одному или с друзьями, изменила опыт спортивного боления. Смех, ругань и крики вне стадиона, в анонимном частном пространстве, становились даже громче и резче. И это я могу подтвердить своим собственным богатым опытом «этнографического» наблюдения (если не сказать — участия). Бесконечные шутки и выпивка создавали атмосферу мужской солидарности, благоприятную для свободного выражения критики в адрес команд, игроков, тренеров и всей игры в целом. Такие комментаторы, как Николай Озеров и Владимир Маслаченко, избегали политической дидактики в своих репортажах, аналитических программ с разборами до и после матча не существовало, так что болельщики были свободны высказывать собственное мнение[18].

Сложность футбольного мира отражала сложность общества: в течение последних советских десятилетий сформировался иной, куда менее ясный набор политических и культурных смыслов. Антрополог Алексей Юрчак полагает, что 1960–1970-е были свидетелями фундаментального «культурного сдвига», разрушившего довольно ясный дуализм более раннего советского периода. Конфликт между нонконформистским поведением, которое когда-то означало сопротивление, и «авторитарным дискурсом» государства и партии стал размываться. «Система, — пишет он, — внутренне мутировала, создавая разнообразные и непредсказуемые формы „нормальной жизни“, которые никто раньше и вообразить себе не мог».

В качестве особенно яркого примера Юрчак рассказывает о комсомольском активисте и лояльном советском гражданине, который при этом был страстным поклонником западной рок-музыки. Многие представители и потребители расцветавшей советской контркультуры последних десятилетий хотели не столько бросить вызов режиму, сколько просто игнорировать его существование. Противопоставление чиновников и диссидентов, очевидное со стороны, не существовало для множества молодежи внутри страны. Западная популярная культура признавалась властью политически опасной, но молодые люди

просто отрицали какую-либо связь между политикой и их увлечением[19]. В этом проявляется и разрыв связи между двумя частями дихотомии «государство — общество». Оба партнера эволюционировали в этом сложном танце, однако теперь, как и повсюду в мире в 1960-е годы, танцоры в этой паре не прикасались друг к другу. Если обновленный режим пересматривал свои отношения с переходным обществом в годы правления Хрущева, ко времени поздней брежневской эпохи этот процесс утратил свое значение и цель.

Среди персонажей Юрчака, которых он приводит в пример, нет любителей спорта, но и про игроков, и про молодых болельщиков можно сказать то же самое. В частности, в составе «Спартака» было немало любителей джаза. Как футболисты всего мира, они наслаждались и западной музыкой, и футболом. Они отращивали волосы, как это делали их западные современники, и это часто неодобрительно оценивалось как проявление независимости. Во всем мире длинные волосы стали признаком новой мужественности, и парни из «Спартака» были не единственными советскими футболистами с такими прическами[20]. Пожилые люди, такие как Старостин, без особого энтузиазма наблюдали за этим процессом освобождения советской молодежи от гнета государства.

Рост городов только укреплял эти новые модели поведения молодых людей. Возникающие субкультуры, местные и зарубежные формы массовой культуры являлись именно городским феноменом. В 1960-е и особенно в 1970-е развлечений стало еще больше. Футбол перестал быть единственным «народным зрелищем». Из-за увеличения количества альтернативных развлечений и ухудшения качества самого футбола посещаемость игр начала падать. Отметив семидесятилетие, Старостин обнаружил себя на незнакомой территории. Теперь он должен был продавать продукт, который стал менее привлекательным, совсем незнакомой для него аудитории[21].

Процесс поиска талантов распространился с локального уровня на национальный — команды теперь занимались этим по всему Союзу. К началу 1960-х «Спартак» долгое время был единственной командой, в которой играли футболисты разных национальностей. Процедура переходов и контроль за ними усложнились, не говоря уже о различных ухищрениях, применявшихся для того, чтобы обойти эти процедуры[22]. Структура

лиги постоянно изменялась, так как спортивные власти изо всех сил пытались найти организационные формы, наиболее соответствующие новым обстоятельствам. Отражая процессы, происходящие в остальном обществе, коррупция в футболе росла экспоненциально с потоком договорных матчей. Косвенные и прямые методы воздействия на судей стали обычным явлением[23]. В 1972 году на совещании игроков, тренеров и официальных лиц глава комсомола С. Арутюнян признал, что проблем становится все больше:

> Профсоюзные, комсомольские и спортивные организации не может не тревожить то обстоятельство, что за последние годы вокруг футбола начала складываться нездоровая обстановка. Кое-где в ущерб развитию массовой физической культуры непомерное, преувеличенное внимание уделяется небольшой группе спортсменов, прежде всего игрокам футбольных команд. Рвачество, меценатство и связанные с ними переходы игроков из одного клуба в другой, нарушение финансовой дисциплины, несоблюдение спортивного режима, выпивки, хулиганские выходки на поле и в быту, атмосфера всепрощенчества — все это, к глубокому сожалению, можно встретить в некоторых командах[24].

Поиск покровителей и взаимодействие с ними также обрели новые формы. С конца 1960-х и особенно в 1970-е много стало так называемых патронов, готовых сделать что угодно для своих команд. В свободное от разного рода нелегальных занятий время эти люди вмешивались во внутренние дела клубов, нанимали и увольняли игроков, пытались диктовать тренерам основной состав[25]. Если мы будем придерживаться убеждения, что вернувшийся из ссылки Николай Старостин выучил свой урок и теперь вел дела исключительно в рамках закона, нам станет тем более заметно, что сильно изменившийся мир советского футбола стал для него исключительно трудным местом работы.

Помимо урбанизации, советскую жизнь продолжал менять реальный и воображаемый Запад. Хотя экономика все еще работала по автаркической модели, необходимость торговать с капиталистическими странами продолжала расти, так же, как и спрос на товары, не производящиеся внутри страны.

С 1975 года приходилось закупать даже продовольствие. Эта потребность обеспечивалась сверхприбылями от продажи золота и нефти — двух вещей, которых в СССР было в избытке. Резкий рост цен на нефть в 1973 году после войны Судного дня привел к небольшому подъему уровня жизни, достигнутому, таким образом, без крупных экономических реформ. Но если задачей властей было предупредить возможные перемены, закупая западные товары, то само их наличие на прилавках означало присутствие Запада и провоцировало вопросы, почему советские фабрики не могут производить ширпотреб такого же качества. Зачастую эти товары даже не добирались до прилавков, а оседали на черном рынке, иногда кто-то привозил продукцию для избранных покупателей. Со временем такие условия для сбыта стали работать против Советского Союза. Вместо того чтобы использовать нефтяную прибыль для инвестиций в конкурентные индустрии, руководство страны покупало политическую стабильность, чуть улучшая жизнь своих граждан-потребителей.

Не менее сложно оказалось соблюдать автаркию в сфере информации. Короткие волны зарубежного радио в буквальном смысле наводнили эфир и стали источником альтернативных новостей и культуры, которым не было места в официальных медиа. Знания о Западе постепенно росли вместе с увеличением числа заграничных туристов, чей приезд согласовывался с властями, и стажировок студентов. В то же время все больше тщательно отобранных и проверенных советских людей получали разрешение съездить в Восточную Европу и даже на Запад[26]. Лучшие советские музыканты, танцоры, актеры и спортсмены все чаще выезжали за рубеж, зарабатывая деньги и престиж для своей родины. Так они познавали, с разной степенью интенсивности, все прелести капитализма и привозили домой множество трофеев — для себя или на продажу на том же черном рынке.

Футбол был частью этого взаимодействия с внешним миром. После дебюта в 1958 году советская национальная сборная стала постоянным участником мирового и европейского первенств. В 1960-е годы она выступала успешно: победа на чемпионате Европы в 1960-м, второе место в 1964-м, четвертое место на чемпионате мира 1966 года. Однако в 1970-е сборная резко спикировала вниз. Стремясь решить эту проблему, советские эксперты стали интересоваться западными методиками и тактикой,

а пресса начала подробнее писать о ведущих мировых футбольных лигах. После 1966 года советское участие в мировом футболе приобрело еще одно направление. Отдельные команды стали играть в невероятно популярных сезонных турнирах, организованных УЕФА: Кубке чемпионов (для победителей чемпионатов своих стран), Кубке обладателей кубков (то же самое для команд, выигравших национальный кубок) и Кубке УЕФА (для команд, финишировавших среди лидеров в своем чемпионате). Каждый год несколько советских клубов выезжали на игры в Европе, многие из которых транслировались по ТВ. Когда заграничные команды приезжали в СССР, они привозили с собой сотни, а иногда и тысячи болельщиков, а также журналистов.

Показательные турне за границей долгое время были частью советского футбола, но теперь клубы из СССР играли важные матчи против лучших команд Европы. Все сплачивались вокруг национальной сборной, когда она участвовала в матчах, однако когда советские клубы стали выезжать за рубеж, лояльность проявлялась иначе. Как и во многих других странах, не таким уж редким явлением была поддержка заграничного соперника, играющего против твоего заклятого врага из национального чемпионата. Если победа сборной легко может вызвать чувство патриотизма и гордости, то в случае с клубными командами все устроено сложнее. К этому моменту, когда отечественные футболисты уже демонстрировали высокое качество игры, политическое и культурное значение футбола приобрело дополнительные смыслы. А участие в крупных международных турнирах добавило спорам болельщиков, журналистов, футбольных чиновников, тренеров и игроков новые темы.

Футбольная федерация была крайне заинтересована в успехе своих команд: она рассматривала эти соревнования как еще один экзамен для советского футбола. С точки зрения властей, как только команда пересекала границу страны, она брала на себя ответственность представлять национальные интересы. Расписание матчей менялось для того, чтобы дать возможность клубам лучше подготовиться к таким играм. К переходам игроков в команды-участницы еврокубков относились с большим сочувствием[27]. Но несмотря на весь проявленный к этим турнирам официальный интерес, успехи оказались совсем скромными. Киевское «Динамо» дважды выиграло наименее престижный из трех турниров — Кубок кубков, их одноклубники из Тбилиси

сделали это однажды. В 1975-м «Динамо» (Киев) выиграло еще и Суперкубок — коммерческий матч у обладателя Кубка чемпионов того же года, мюнхенской «Баварии». Участие «Спартака» в этих турнирах было эпизодическим и еще менее удачным.

Выступления советских команд были не слишком успешны по вполне объективным причинам. Так же, как и в случае с национальной сборной, летнее расписание чемпионата — с марта по декабрь — усложняло советским клубам задачу выживания на поздних этапах еврокубков. В период решающих игр, весной, советские команды лишь вступали в новый сезон. Бороться в этих обстоятельствах оказалось очень трудно, и клубы из СССР редко преодолевали то, что стали называть «мартовским барьером». Кроме того, в 1960–1970-е годы многие известные европейские команды стали приглашать к себе все больше игроков-иностранцев. У советских команд такой возможности не было. В целом участие в крупных европейских турнирах было болезненным опытом. Серьезными ограничениями выступали и особенности географии страны и ее слабеющей, хотя все еще мощной экономики в сочетании с политической изоляцией. В отличие от великих триумфов на Олимпийских играх, нестабильные футбольные результаты на международной арене подчеркивали исторически присущее России/СССР ощущение собственной отсталости[28].

К середине 1970-х у граждан СССР имелись основания чувствовать, что они не успевают за прогрессом. Экономика замедлялась. Небольшой рост, достигнутый к этому времени, оказался под угрозой. Уровень жизни упал. Уровень потребления водки вырос. Воодушевление от гонки с капитализмом исчезло после того, как западные экономики пережили первые волны научно-технической революции, которая лишь слегка затронула СССР. Здоровье Брежнева пошатнулось, и его неловкие и разочаровывающие публичные выступления стали символом застоя, постаревших политических вождей, которые оставались на своих постах гораздо дольше нужного. Коррупция во всех сферах жизни продолжала расти, уничтожая еще остававшийся в комто политический идеализм. Перед лицом всех этих деморализующих событий советские СМИ продолжали рисовать картины счастья, гармонии и прогресса; контраст между этими образами и все более угрюмой действительностью становился невыносимым. Посреди всеобщего упадка руководство страны решилось

на разрушительный шаг — массовое военное вторжение в Афганистан, отправившее на смерть десятки тысяч молодых людей и подорвавшее отношения с Западом.

В 1982 году умер Брежнев, вскоре за ним последовал и Суслов. Новый глава партии, бывший шеф КГБ Юрий Андропов, понимал, какие проблемы достались ему в наследство. В тот короткий период, что он был у власти, Андропов был решительно нацелен на борьбу с коррупцией и улучшение экономических показателей. Однако и его смерть в 1984 году положила конец недолгим и неоднозначным попыткам что-то изменить. На смену Андропову пришел ближайший товарищ Брежнева, Константин Черненко, который противостоял прогрессивным тенденциям в партии и обществе, возникшим в последние восемнадцать лет. С его смертью в 1985 году эпоха стабильности завершилась — в лице Михаила Горбачева к власти пришло новое поколение. Будучи на двадцать лет моложе, чем большинство его ближайших коллег, новый лидер быстро осознал, что политическая система потерпела неудачу в попытках реформировать себя таким образом, чтобы сохранить контроль над обществом, переживающим изменения. В последующие шесть лет он будет пытаться избежать катастрофы, которая станет неизбежным следствием этой неудачи.

Застой на фоне застоя

Николай Старостин долгие годы демонстрировал свое умение адаптироваться к внешним обстоятельствам. Когда в 1959 году великая команда золотого века постарела и развалилась, он смог собрать новую и к 1962 году вернуться на вершину. Он добился этого, не просто используя связи в больших кабинетах, но и проявляя способности спортивного организатора, как их понимали во всем мире: находить хороших игроков и тренеров и создавать им подходящие условия. На протяжении этого периода спонсорство команды перешло от Моссовета к профсоюзам, что ослабило финансовые возможности «Спартака». В то же самое время в советском футболе появился новый мощный игрок. Используя все ресурсы украинского МВД, киевское «Динамо» превратилось в сильнейшую, если не самую популярную команду в СССР и сохраняло свои позиции до развала страны. В свете целого ряда новых обстоятельств, возникших в 1970-е

годы, Старостин больше не мог поддерживать прежний уровень игры, и команда вновь оказалась в кризисе, который продлился до конца десятилетия. Вслед за еще одним выигранным чемпионатом в 1969-м случился новый провал и спуск в низ таблицы. В итоге в 1976 году, как раз в то время, когда экономика страны стала замедляться, «Спартак» вылетел из высшей лиги.

Старший тренер «Спартака» с 1960 года Никита Симонян среди прочего решал такие вопросы повседневной жизни, как, например, поиск квартир, и в результате проводил меньше времени с игроками и чувствовал, что его авторитет в их среде подрывается. 18 сентября 1965 года Симонян ощутил на себе трагические последствия потери контроля в руководстве коллективом. Пьяный Юрий Севидов за рулем своего нового «Форда» насмерть сбил видного советского физика Дмитрия Рябчикова, члена-корреспондента Академии наук. Коллеги Рябчикова требовали справедливости, и «Спартак» не пытался защищать Севидова, который провел полтора года в тюрьме. В течение следующих пяти лет он не играл на высоком уровне, а в 1970 году вернулся в «Кайрат», где тренером был его отец Александр. Под давлением верхушки московской партии Симонян взял на себя ответственность за инцидент и подал в отставку. Хронически травмированный Нетто провел за сезон лишь четыре игры, и упавшая духом команда финишировала восьмой[29]. В следующем году Симоняна заменил Николай Гуляев, и к концу сезона «Спартак» занял чуть более удовлетворительное четвертое место.

В течение всего этого заурядного периода «Спартак» все еще мог мобилизоваться в серьезных обстоятельствах. Как это часто бывает в футболе, кубковый турнир дал команде шанс реабилитироваться за свою слабую игру в лиге. В финале 1965 года «Спартак» одолел минское «Динамо» в переигровке, а Хусаинов забил два гола с передач Логофета и Рейнгольда. Драматическая победа была добыта в лучших традициях спартаковского романтизма: она позволила рьяным болельщикам и дальше верить в свою команду[30]. Другие оказались впечатлены не так сильно. Подводя итоги сезона 1966 года, Борис Аркадьев раскритиковал «самую популярную команду в Москве» за неспособность мобилизоваться на каждую игру. Он отметил, что игрокам, похоже, не хватает единства, раз они демонстрируют слабую дисциплину на поле. Аркадьев связал эти проблемы с привлечением новых талантов. Теперь игроки приезжали со всей страны, а не

только из Москвы, как это было в прежние времена, «и это в городе, в котором практически каждый юноша мечтает сыграть за „Спартак“»[31].

Нисходящая до этого траектория результатов команды в 1967 году опять пошла вверх. Нетто наконец-то закончил игровую карьеру, а Николай Старостин вернулся к своим прежним обязанностям. После короткого эксперимента с Сергеем Сальниковым в качестве тренера был возвращен Симонян. Вместе они снова начали обновлять «Спартак»: ушло несколько ветеранов, и молодым игрокам стало предоставляться больше игрового времени. В 1968 году команда заняла второе место вслед за киевским «Динамо», которое завоевало уже третий титул подряд[32]. Преданные болельщики вновь обрели надежду, и Старостин с Симоняном не сидели сложа руки. Они заменили Маслаченко в воротах на грузина Анзора Кавазашвили, который перешел из «Торпедо», но самым важным дополнением стал игрок, воплотивший в себе все невыразимые элементы спартаковского духа.

Евгений Ловчев (р. 1949) вырос в поселке Крюково (сейчас это пригород Зеленограда), в Подмосковье. Он выступал за «Буревестник», где находилась база советской юношеской сборной для игроков до семнадцати лет, и был рекомендован Симоняну спартаковским доктором. Разносторонний защитник, умеющий атаковать, Ловчев сразу же застолбил за собой позицию на левой бровке, где заменил Анатолия Крутикова, вынужденного завершить карьеру из-за разрыва ахиллового сухожилия. Ловчев сразу же стал сенсацией и вскоре был приглашен в национальную сборную. Однако важность его появления не ограничивалась только игрой на поле. Он имел редчайшее качество для советского человека: говорил то, что думал. Умный, общительный и независимый, Ловчев видел себя (и продолжает видеть до сих пор) борцом за настоящие (и воображаемые) спартаковские идеалы, правой рукой Николая Старостина. Прекрасный собеседник, Ловчев нашел благодарную публику в лице болельщиков и спортивных журналистов по всей стране[33]. Противники же называли его смутьяном, расколовшим команду на группировки. На протяжении самых трудных периодов в истории команды он оставался для всех примером самоотдачи и игрового мастерства. Когда в один из сезонов «Спартак» финишировал одиннадцатым, Ловчева выбрали лучшим игроком чемпионата — честь, которой обычно удостаивается футболист одной из лидирующих команд.

К 1969 году Симонян нашел хороший баланс между молодыми и опытными игроками, встроив их в несколько эффективных тактических схем. Мотивация, особенно с Ловчевым на поле, перестала быть проблемой. Обходилось без травм, и Симонян мог выставлять один и тот же состав от матча к матчу. «Спартак» выиграл в своей подгруппе в первой половине сезона, но первым знаком бóльших возможностей команды стала победа над киевским «Динамо» 23 августа в Москве в присутствии 100 000 зрителей — 2:1. Победный мяч забил Логофет, доиграв эпизод после удара Хусаинова. Соперники вновь встретились 30 октября, в Киеве, в матче за первое место. Шел дождь со снегом, поле было скользким. Николай Осянин (1941–2022), русский нападающий родом из Татарстана, получил мяч в тридцати пяти метрах от ворот. Он прошел с ним сквозь четырех защитников и успел проткнуть его в сетку мимо выскочившего наперерез вратаря. Гол оказался единственным в той игре, и 100 000 замерзших киевских болельщиков отправились домой разочарованными[34].

До конца чемпионата оставалось две игры, «Спартак» шел первым с отрывом в два очка. Календарь был построен таким странным образом, что в обоих матчах команде предстояло сыграть с ЦСКА. Если бы «Спартак» выиграл первую игру, киевское «Динамо» уже не догнало бы его в таблице, однако команда дрогнула, и матч закончился вничью со счетом 1:1. Конец сезона выпал на очень холодный ноябрьский день, лишь 21 000 отчаянных поклонников футбола пришла на стадион, чтобы увидеть, как «Спартак» выиграл со счетом 1:0 — мяч вновь был на счету Осянина[35]. Серия киевского «Динамо» из трех побед в чемпионате завершилась. После победы Николай Старостин написал:

> Только неисправимые романтики верили, что спартаковцы способны серебро 1968 года в следующем сезоне переплавить в золото. Победа «Спартака» доказала, что решающее слово всегда было и остается за самой командой, за теми идеалами, которые ее вдохновляют, за теми взаимоотношениями, которые ее цементируют, за теми игроками, которым руководство команды и весь коллектив доверяют тяжелую, но почетную миссию защиты своих спортивных цветов и, главное, *принципов*[36].

Кто-то может задаться вопросом: о каких принципах идет речь? К тому моменту договорные игры превратились в огромную проблему. Обычно такие матчи предполагали раздел очков и обоюдную игру не в полную силу. Речь шла о характерной черте восточноевропейского футбола (особенно румынского), где в общей схеме были задействованы несколько команд. Главной задачей было избежать вылета из высшей лиги. Серия скучных предсказуемых матчей постепенно прогоняла болельщиков со стадионов и угрожала международным успехам советского футбола. Несмотря на очень широкое распространение договорных матчей, ни одно дело не дошло до разбирательства. Игроки, тренеры, официальные лица — все хранили молчание, несмотря на попытки что-то выяснить со стороны спорткомитета и журналистов. И вплоть до сегодняшнего дня практически невозможно заставить ветеранов говорить на эти темы. Спартаковские болельщики, разумеется, верили в то, что их команда никогда не занималась подобными вещами. Сам Старостин всегда выступал против договорных игр[37]. Тем не менее вполне вероятно, что заключительный матч сезона 1969 года был именно таким.

В сентябре 2000 года я спросил Геннадия Логофета, принимал ли он участие в договорных матчах. Он ответил: «Только один раз». Речь шла о победе над ЦСКА в последний день сезона 1969-го. Аксель Вартанян подтвердил существующие слухи о той игре. С одной стороны, ЦСКА к тому моменту застыл на четвертом месте. Каким бы ни оказался результат того матча, он не влиял на окончательное положение ЦСКА в таблице. С другой стороны, по словам Логофета, несколько игроков той команды искали себе квартиры, а у «Спартака» в том, что касается жилья, связи были получше армейских. В обмен на четыре квартиры ЦСКА согласился сдать матч[38]. В итоге киевское «Динамо» проиграло свою последнюю игру, сделав сговор «Спартака» и ЦСКА бессмысленным. Кто-то может сказать, что таким образом справедливость не была нарушена, однако в целом это мало вдохновляющая история. Логофет рассказывал, что, выходя на поле, футболисты знали о своей договорной победе. Знали все — и игроки, и тренеры. Можно было бы предположить, что Николай Старостин был не в курсе этой истории, однако цена победы — четыре квартиры — исключает такую возможность. Вопросы жилья являлись его специализацией. Он был известен тем, что часто приезжал на стройки проверять, какие квартиры выделены для

распределения Моссовету[39]. Только он мог обеспечить то, что требовалось ЦСКА.

Был ли тот договорной матч исключением из правил? Никто в точности не знает ответа на этот вопрос, но даже такой критически настроенный наблюдатель и журналист, как Аркадий Галинский, считал, что «Спартак», наряду с московским «Динамо», играл честнее других. Киевское «Динамо», напротив, имело дурную славу постоянного участника подобных матчей, особенно гостевых. «Спартак» мог также использовать не самые достойные методы, однако договорных матчей он, видимо, играл меньше остальных. И все же все эти схемы и другие сомнительные операции были так широко распространены, что трудно поверить, что «Спартак» в одиночку мог оставаться в стороне и при этом выжить. Советский Союз брежневского времени являлся неподходящим местом для идеалистов. Да и футбол по всему миру в то время был далек от совершенства. Негативная оборонительная игра, коррупция и рост насилия на трибунах угрожали самому существованию этого вида спорта. Происходящее в СССР в этом смысле стало лишь одним из проявлений общемировой тенденции[40].

Как и после чемпионства 1962 года, «Спартак» также не смог удержаться на вершине в следующем сезоне. Постепенное снижение в таблице привело в 1972 году к катастрофическому одиннадцатому месту. Потеряв поддержку игроков и чувствуя давление со стороны профсоюзного руководства, Симонян подал в отставку. В следующем году он принял ереванский «Арарат», доказав всем, что не утратил своих талантов. Несмотря на то что Симонян толком никогда не жил в Армении, его работа с местной столичной командой была чем-то вроде возвращения домой. Успехи на поле не заставили себя ждать. «Арарат», никогда и ничего прежде не выигравший, в 1973-м сделал золотой дубль. «Спартак» вновь принял верный команде Гуляев. Игорь Нетто, поработавший тренером по всему миру после окончания игровой карьеры, стал его помощником. Они восстановили порядок и даже выиграли серебряные медали в 1974-м, но в 1975-м опять провалились на десятое место. Второе место в предыдущем году привело к решению футбольной федерации сделать «Спартак» базовой командой для олимпийской сборной — таким образом сразу несколько основных игроков оказались вне клуба на протяжении нескольких матчей того сезона[41].

Начало 1970-х было особенно неблагоприятным временем как для «Спартака», так и для московского футбола в целом. Провинциальные команды, с их пренебрежением к правилам, стали доминировать, несколько сезонов подряд в тройке призеров не появлялось ни одного московского клуба[42]. Набирало силу киевское «Динамо», особенно после того, как Валерий Лобановский в 1974 году занял пост главного тренера. В своем постановлении от 1970 года спорткомитет предложил ряд мер по борьбе с текущими проблемами. Было решено сократить высшую лигу до шестнадцати команд, тем самым признав, что рост количества клубов нарушал спортивный принцип: клубы поднимались в высший дивизион не по правилам и так же не по правилам оттуда вылетали. В стране просто не было достаточного количества высококлассных футболистов для такого количества команд в высшей лиге. Результатом стало падение уровня игры в чемпионате и соответствующие проблемы в сборной и еврокубковых матчах. Пытаясь бороться с огромным количеством договорных ничьих, с 1973 года спортивное руководство ввело правило послематчевых пенальти после каждой ничейной игры. В то время это казалось иррациональным шагом, и практика продержалась недолго. Впрочем, позднее эта идея стала использоваться по всему миру в турнирах с матчами на вылет[43].

Реформы играли на руку «Спартаку». И Андрей, и Николай Старостины давно выступали за спортивные принципы в определении вылета из лиги и попадания в нее, и оба публично обращали внимание на большое количество ничейных результатов. Первое предложение и еще несколько других прямо лоббировали известные спартаковские болельщики — Лев Филатов и Константин Есенин[44]. Футбольные руководители видели в этих мерах стремление восстановить порядок и справедливость, однако многим в провинции это казалось попыткой центральных властей вернуть себе утраченный авторитет. Другие критики разглядели в изменении правил оттенки русского национализма. Украинцы, в частности, чувствовали, что их наказывают за их успех.

Осенью 1975 года, после сезона, который «Спартак» закончил на десятом месте, профсоюзное руководство решило, что пришло время действовать. Гуляев был уволен, а Николай Старостин, которому в тот момент уже исполнилось семьдесят три, отправился на менее важную работу — руководство

спартаковскими командами в чемпионате Москвы. На посту его сменил Иван Варламов. Новым тренером назначили Анатолия Крутикова, его помощником — Галимзяна Хусаинова. Оба до того без особых успехов работали с нальчикским «Спартаком». Перемены, предпринятые профсоюзами, стали огромным ударом для Николая Старостина. Многие в то время думали, что старик потерял хватку — никто, включая самого Старостина, в то время не мог себе представить, что он проживет еще двадцать один год и сохранит рассудок до самого конца. Владимир Маслаченко предложил Андрея Старостина в качестве замены старшему брату во главе команды. Николай без колебаний отверг эту идею. Подтверждая справедливость множества историй о своем брате, известных из других источников, он сказал Маслаченко: «Андрей же поклоняется всем богам! Пьянствует с драматургом Исидором Штоком, подстригся под Габена, с цыганами водится... А я служу только одному богу — „Спартаку“ и футболу!»[45] Ловчев возглавил делегацию игроков к профсоюзному руководству: они требовали возвращения Старостина на пост. В ответ он услышал: «В конце следующего сезона вы будете нас благодарить за это решение»[46].

К концу сезона благодарности не испытывали ни игроки, ни их болельщики. С момента первого чемпионата СССР прошло сорок лет, и теперь был предложен новый эксперимент для приближения советской игры к западным стандартам: календарь разбили на два сезона — весенний и осенний (как это было в самом начале, в 1936-м). Каждый из сезонов состоял из пятнадцати игр. Весенняя часть, по сути, превратилась в серию товарищеских матчей. Эти игры ничего не решали — ни кто именно возьмет медали или получит премиальные, ни кто вылетит из высшей лиги. Все это должно было решиться осенью, которая превратилась для «Спартака» в настоящий кошмар. Весну команда закончила на четырнадцатом месте из шестнадцати. Посещаемость сильно упала. Крутиков использовал двадцать шесть игроков, постоянно меняя основной состав. Логофет завершил карьеру — не в последнюю очередь потому, что ему не нравился новый тренер. Николай Осянин получил травму. Никто из новых игроков не проявил себя с лучшей стороны. Обстановка в клубе накалялась, однако Крутиков отказывался слушать советы Старостина и не допускал его к команде. Защитник Олег Романцев (р. 1954), приглашенный из красноярского «Автомобилиста», сыграл лишь в нескольких матчах и сбежал домой, не выдержав

атмосферы в таком коллективе[47]. Ко всему прочему еще и московское «Динамо», также слабо выступавшее в последние годы, выиграло весенний титул.

Осенний сезон, по итогам которого определялись команды, вылетевшие из лиги, оказался еще хуже. Крутиков продолжал тасовать состав, будучи не в состоянии объяснить свой выбор. Скоротечность турнира породила необычную ситуацию в таблице — сразу девять команд набрали одинаковое количество очков, и любая из них могла вылететь. Дела «Спартака» шли настолько плохо, что даже когда симпатизирующие команде судьи назначали пенальти в ворота их соперников, игроки не в состоянии были их реализовать. Победа над одесским «Черноморцем» 22 октября гарантировала команде место в высшей лиге. Лишь тысяча болельщиков на стадионе им. Ленина стали свидетелями спартаковского поражения со счетом 0:1. Теперь судьба команды находилась в чужих руках. По воспоминаниям Николая Старостина, в прессе были опубликованы пятнадцать возможных сценариев двух последних недель сезона, и только один расклад предполагал вылет «Спартака» из высшей лиги. Однако сбылся именно он. Все пять команд, которым грозил вылет, выиграли свои матчи. Многие победы вызвали сомнения. Четыре из пяти игр закончились с подозрительным счетом 1:0. В каждом из этих случаев проигравшие команды ничего не теряли — они оставались на том же месте в таблице[48]. «Спартак» оказался на предпоследнем месте, пятнадцатом, обогнав лишь минское «Динамо». У команды было тринадцать очков, на одно меньше, чем у «Арарата», «Днепра», «Зари», «Шахтера» и «Крыльев Советов». Таблица была такой плотной, что лишь одна победа подняла бы «Спартак» на восьмое место.

Уже после распада СССР Евгений Ловчев обвинил чемпиона того года, московское «Торпедо», в том, что они сдали игру «Арарату», закончившему чемпионат четырнадцатым[49]. В Советском Союзе нет недостатка в теориях заговора, и вполне возможно, что обиды в адрес «Спартака» и Старостиных со стороны других клубов повлияли на вылет команды во второй дивизион. Однако если дело обстояло таким образом, решение не было спущено вниз из какой-либо государственной спортивной структуры. Скорее, команды-середняки реализовали своего рода «румынский сценарий». 15 ноября «Правда» заметила: «Некоторые матчи ставят вопрос об уровне образовательной работы

в наших командах». В тот же день Константин Бесков, динамовец с головы до ног, встал на защиту «Спартака» в «Комсомольской правде»: «С удивительной легкостью аутсайдеры, играющие против более сильных соперников, получили ровно столько очков, сколько им нужно, чтобы остаться в высшей лиге». Десять дней спустя прошло заседание президиума Федерации футбола. Чиновники утверждали, что характер матчей был «спортивным», однако Андрей Старостин придерживался иного мнения: «В организации осеннего сезона были допущены просчеты. В его конце прошла серия игр, проведенных в неспортивной манере... Президиум должен рассмотреть материалы, представленные ему профсоюзной организацией». Целый поток писем был отправлен на адрес спорткомитета и отдельных его представителей, в ЦК партии, в самые разные газеты. Свои сомнения выразили крупные общенациональные издания, а решение созвать заседание в Федерации футбола явно показывало, что центральные власти были недовольны случаями коррупции в советском футболе. Но что-либо сделать с этим оказалось трудно — сама попытка порождала новые проблемы и сложности[50].

С окончанием сезона вопрос, вставший перед лидерами советского футбола, был далеко не простым. Покинет ли «Спартак» высшую лигу? В защиту своего любимого клуба глава Московского партийного комитета Виктор Гришин (1914–1992) направил письмо в ЦК: он обвинил другие команды в участии в договорных играх и угрозах игрокам «Спартака». Он обещал представить доказательства, но не сделал этого. Некоторые чиновники, занимавшие руководящие должности, говорили о возможности расширения первого дивизиона до восемнадцати команд, одной из которых стал бы «Спартак». Это не раз делалось в прошлом, особенно в низших лигах. В 1967 году ленинградский «Зенит» сохранил свое место, когда лига была искусственно расширена в честь пятидесятой годовщины революции. Но подобные шаги нарушали спортивный принцип, утвержденный спорткомитетом в 1970 году. Это первое важное испытание футбольные власти выдержали[51]. Московское партийное и профсоюзное руководство обратилось к Старостиным за советом, но братья выступили против принятия каких-либо искусственных мер. Их позиция, возможно, была принципиальной, но они также стали заложниками собственной риторики. Они неоднократно и громко заявляли о необходимости следовать спортивному

принципу, так что теперь едва ли могли перевернуть все с ног на голову, когда под топором оказалась их команда.

Когда стало понятно, что «Спартак» опустится вниз, московские партийные лидеры попытались добиться для команды других привилегий. 9 декабря Н. Н. Ряшенцев, президент Всесоюзного профсоюзного добровольного спортивного общества, написал С. П. Павлову, президенту Комитета по физкультуре и спорту. Ряшенцев просил разрешения для «Спартака» платить своим игрокам по 250 рублей ежемесячно, в то время как потолок в первой лиге составлял 150 рублей[52]. Две недели спустя Павлов получил похожий запрос от В. Ф. Промыслова, президента исполнительного комитета Моссовета[53]. Такие запросы от клубов, вылетающих в низшую лигу, были нередки. Однако практически во всех случаях они отвергались[54]. Для «Спартака» сделали исключение, что позволяло ему сохранить в команде нужных игроков и привлекать новых футболистов[55].

Когда сильные клубы вылетают из высшего дивизиона, их руководителям приходится принимать сложные решения. Некоторые из таких команд, например «Ноттингем Форест», долго не возвращались обратно. Другие, как флорентийская «Фиорентина», возвращались довольно быстро. Проще говоря, это спортивный момент истины. В последние сталинские годы «Спартаку» угрожали забвение и даже уничтожение, и теперь эта угроза вернулась — но в совершенно ином историческом контексте. Команда могла попробовать выбраться из создавшегося положения за счет полумер, однако «Спартак» оказался способен рискнуть — в надежде на возрождение.

Еще одно воскрешение

Высшие должностные лица из Моссовета, партийного горкома и профсоюзов быстро осознали, что совершили серьезную ошибку, убрав великого старца из «Спартака». Гришин взял дело на себя. Крутикова уволили, Андрея и Николая пригласили для обсуждения будущего команды. Когда Гришин спросил, кого они видят новым тренером «Спартака», Андрей назвал имя Константина Бескова — человека, более тридцати лет проведшего в московском «Динамо» — игроком и тренером. Может показаться странным, что Андрей поддержал того, кто олицетворял динамовские традиции жесткой дисциплины и контроля, однако

он уже работал вместе с Бесковым два года (1963–1964) в национальной сборной. Оба были бесцеремонно уволены Хрущевым за страшное преступление — проигрыш в один мяч сборной Испании в финале чемпионата Европы в Мадриде. После ухода из московского «Динамо» в 1972-м, Бесков числился в администрации спортивного общества «Динамо» в РСФСР, получая зарплату полковника. В тот момент у Николая оставались сомнения: ему предлагали отдать команду человеку, выступавшему за то, против чего он сам боролся всю карьеру. Когда дело касалось футбола, они далеко не всегда и не во всем были согласны с Андреем. Братья спорили об игре с детских лет на Красной Пресне, и можно представить себе степень отчаяния Николая, согласившегося принять Бескова на работу[56].

Но на пути к осуществлению этого плана оставались две нерешенные проблемы. «Динамо» могло не согласиться отпустить Бескова к историческим соперникам, отказаться мог и сам Бесков. Гришин пустил в дело свой авторитет, связался с министром внутренних дел, который не только разрешил Бескову уйти, но и, действуя как старший по званию, приказал ему принять предложение о работе. Как человек, уважающий власти, Бесков подчинился, однако позднее сказал своей жене: «Меня отдали!»[57] Он тут же продемонстрировал свой здравый смысл, попросив Николая Старостина вернуться на пост руководителя команды. Бесков знал об организаторских возможностях Старостина и создавал себе условия, в которых можно было бы сосредоточиться исключительно на тренировках и футболе, избегая бумажной рутины. Николай согласился позвать Бескова, хотя до того лишь однажды приглашал в команду тренера, позволявшего себе кричать на своих игроков (Соколова). Новость о назначении Бескова шокировала спартаковских болельщиков, которые восприняли ее как предательство спартаковского духа. В своих последних мемуарах Старостин тактично описал свои отношения с Бесковым как «непростые». Повсюду, где бы Бесков ни работал, у него начинались сложности. Они со Старостиным часто спорили, однако поддерживали друг друга на благо команды. При всем несовпадении характеров Николай принимал атакующий стиль Бескова-тренера. Его основа — короткий пас, импровизация и атака — по мнению Старостина, не противоречили клубным традициям. Очевидно, что этот союз в конце концов должен был распасться, однако на протяжении двенадцати сезонов

Бесков и Старостин вместе трудились над восстановлением утраченного величия «Спартака». У болельщиков также были сомнения, но их рассеивали победы команды.

Сильные стороны Бескова компенсировали слабости Старостина в том, что касалось игры. Самой главной из них было определение игрового таланта футболистов. Футбол предполагает наличие звезд. Чемпионаты не выигрываются хорошо организованными командами посредственностей. Даже такая команда-машина, как киевское «Динамо», не выступала бы так успешно без своего неутомимого звездного нападающего Олега Блохина. Взлеты и падения «Спартака» в течение долгих лет были прямо связаны с наличием или отсутствием известных фамилий в составе. В плохие для команды годы выбор игроков часто подводил Николая Старостина. Сеть контактов по всей стране позволяла ему приглашать футболистов отовсюду, однако они далеко не всегда оказывались полезны команде. Бесков знал, чего хочет от игрока, и способен был увидеть в нем талант, которого другие не замечали. Умение сделать звезду из игрока, выброшенного из другого клуба, — одна из величайших тренерских способностей. В этом Бесков не имел себе равных. Его первой задачей было перетряхнуть состав, особенно в атаке.

Бесков начал с приглашения нескольких игроков перед сезоном 1977 года в первой лиге. Он позвал в команду нападающего Владимира Павленко (1955–2000), игравшего за «Динамо» с 1972 года. Уровень игры Павленко упал в последние два года, и «Динамо» готово было его отпустить. Он чувствовал себя комфортно, играя уровнем ниже, и забил за сезон 14 мячей — результат, который ему не удалось повторить через год в высшей лиге[58]. Другие бесковские решения продемонстрировали его умение находить таланты в неожиданных местах. Латвийский полузащитник Сергей Шавло (р. 1956) томился в рижской «Даугаве», команде первой лиги, однако сразу нашел свое место в «Спартаке». Олега Романцева, пережившего тяжелые времена в команде в прошлом году, уговорили вернуться. 29-летний нападающий Георгий Ярцев (1948-2022) сыграл одиннадцать сезонов во второй лиге. Бесков разглядел его на ежегодном московском манежном турнире всех спартаковских коллективов в январе 1977-го. Ярцев повел за собой «Спартак» и забил в том году 17 мячей.

Самым важным новым игроком стал Юрий Гаврилов (р. 1953), получавший немного игрового времени в московском

«Динамо», где он был оттянутым форвардом. Бескову удалось убедить «Динамо» отпустить игрока, которого он превратил в распасовщика, расположившегося под нападающими. Гаврилов оказался очень талантливым и оригинальным игроком спартаковского стиля. Вместе с тем он не перестал забивать. Гаврилов присоединился к команде в конце июня и немедленно наладил отличное игровое взаимодействие с Ярцевым. Предпринимая эти шаги, Бесков объяснял Старостину, что строит команду не только для возвращения в высшую лигу, но и для победы в чемпионате. Шавло, Романцев, Ярцев и Гаврилов станут важными составляющими будущего успеха[59]. Молодой татарский защитник Вагиз Хидиятуллин (р. 1959) также стал выходить на поле в сезоне 1977 года. Он оставался в «Спартаке» до 1981-го, когда был вынужден перейти «служить» в ЦСКА, а затем вернулся к красно-белым в 1986-м[60].

Спартаковский сезон в первой лиге начался нелегко. Советские тренеры бывали двух типов: демократы и диктаторы. Практически все предыдущие спартаковские тренеры принадлежали к первой категории. Бесков определенно принадлежал ко второй. Конфликты с игроками начались почти сразу. Разумеется, козлом отпущения стал Ловчев. Бесков не терпел неподчинения и не признавал своих ошибок. Ловчев, один из старостинских фаворитов, часто жаловался на главного тренера. Он называл Бескова «диктатором, терроризирующим своих игроков». В какой-то момент Бесков отказался ставить Ловчева в состав, и Старостин вынужден был вмешаться, защищая своего любимца. Неясно, было ли это выступление в патерналистском или демократическом духе, однако наличие любимчиков в команде всегда являлось одним из слабых мест Старостина. Даже Симонян отмечал, что Николай с трудом отпускал игроков из клуба[61]. Бесков не был сентиментален. Он всегда предпочитал расстаться с игроком до того, как тот перестанет приносить пользу команде.

В первой лиге нашлось несколько сильных коллективов, мобилизовавших все свои возможности, чтобы выйти против «Спартака». Гостевые матчи собирали полные стадионы, болельщики подгоняли свои родные команды вперед к победе. Понадобилось время, чтобы понять: только полная самоотдача может принести «Спартаку» успех. Посреди сезона бесковская команда шла пятой, однако появление Гаврилова изменило ситуацию[62]. С новым напарником Ярцев выдал голевую серию.

Ловчев сумел помириться с Бесковым, команда поднялась вверх по таблице и закончила сезон на вершине, возвратившись в высшую лигу.

Сезон 1977 года вошел в спартаковскую легенду. Одной из ее частей являлась история о болельщиках, не бросивших свой клуб. Год в первой лиге должен был стать проверкой этой преданности. Обычно посещаемость матчей команды, опустившейся в низший дивизион, заметно сокращается, и количество болельщиков на стадионе им. Ленина в начале сезона — около 15 000 в среднем за игру — демонстрировало разочарование и скепсис спартаковских поклонников. К июню «Спартак» заиграл получше, посещаемость также выросла. В конце августа стадион им. Ленина закрывался на реконструкцию к московской Олимпиаде. Значительно меньший по размеру «Локомотив» на первых двух матчах собирал аншлаги в 40 000. Всеобщее внимание к команде, двигающейся наверх, росло.

Впоследствии многие обратили внимание на эти детали. Некоторые свидетели говорят, что все оставшиеся игры прошли при полных трибунах, хотя на самом деле посещаемость снова чуть снизилась — до уровня начала сезона. Очевидно, что преданность спартаковских болельщиков имела свои пределы. И в более ранние годы плохая игра оставляла немало свободных мест на трибунах. Более того, конец 1970-х был временем падения интереса к футболу по всему Советскому Союзу. Тема полупустых трибун постоянно мелькала в прессе. Имея в виду общую тенденцию, спартаковские цифры 367 300 человек, в среднем 19 330 за девятнадцать домашних матчей, еще далеко не так плохи. Важно отметить, что, играя в низшем дивизионе, «Спартак» собирал на свои матчи больше народу, чем остальные четыре московские команды в высшей лиге. На «Торпедо», ЦСКА и «Локомотив» в 1970-е ходили неохотно. Московское «Динамо» — четвертое в таблице чемпионата (и единственная московская команда помимо «Спартака», по которой у нас есть полные данные) — собрало 263 000 человек за семнадцать игр на своем стадионе, то есть 15 470 в среднем за игру[63]. Пускай спартаковские цифры и не дотягивают до аншлаговых, но мы можем с уверенностью утверждать, что «Спартак» по-прежнему был самым популярным из столичных клубов.

Пока «Спартак» играл в первой лиге, уровнем выше все окончательно вышло из-под контроля. Эпидемия ничьих

достигла абсурдных размеров. Лобановский играл по собственной «выездной модели»: победа дома, ничья в гостях. Из тридцати матчей киевского «Динамо» в 1977 году пятнадцать завершились вничью. У трех команд, следующих за ним, были еще более безумные цифры — семнадцать ничьих. Команды-середняки действовали по «румынскому сценарию», стремясь обезопасить себя от вылета. Спорткомитет отменил послематчевые пенальти после двух сезонов и предложил новую идею для борьбы с «неспортивными результатами». Был введен лимит на ничьи — не более восьми за сезон для каждой команды. Следующая ничья означала обоюдное поражение. Некоторые считали новый подход чересчур бюрократическим. Альтернативным предложением явилось три очка за победу и одно за ничью. Как и в случае с послематчевыми пенальти, это советское нововведение позже было принято во всем мире, однако в то время оно не нашло достаточно сторонников в СССР.

В ходе сезона 1978 года показалось, что инициатива спорткомитета работает. «Динамо» (Киев), финишировавшее на втором месте, сыграло девять ничьих, чемпион — тбилисское «Динамо» — восемь. У верного собственным принципам «Спартака» было только пять ничьих. В свой первый сезон после возвращения команда заняла более чем достойное пятое место[64]. На первый взгляд казалось, что реформа по сокращению числа ничьих сработала, однако команды адаптировались к новой ситуации: теперь они просто расписывали между собой результаты двух матчей, чтобы каждый из соперников побеждал по разу[65]. Чемпионат 1978 года начался для «Спартака» непросто. Команда застряла на старте, проиграв две игры, война Ловчева и Бескова продолжалась. Поражения убедили спартаковского капитана в том, что клуб снова движется в первую лигу. Вскоре он запросил перевода в московское «Динамо» (запрос был отвергнут) и никогда больше не выходил на поле в составе «Спартака». Позднее он рассказывал: «Я не уходил из „Спартака“. Я ушел от Бескова». Старостину не удалось помирить своего любимого игрока с главным тренером. У Ловчева действительно был трудный характер, и он вполне мог покинуть команду. Этот момент оказался непростым и для Старостина, почувствовавшего, что его авторитет в команде не безграничен[66].

Потеря Ловчева компенсировалась приходом двух новичков, которые сыграли даже бóльшую роль в клубной

истории. В мае из Астрахани приехал вратарь Ринат Дасаев (р. 1957), занявший позицию в воротах команды, которую он не покидал вплоть до 1988 года, когда перешел в испанскую «Севилью». Дасаев, найденный помощником Бескова, станет одним из величайших вратарей в советской истории, выше него будут ставить только Яшина. В его последний сезон в СССР Дасаева признают лучшим вратарем мира[67].

Другой новичок провел лишь семь игр в 1978-м, однако затем станет самым любимым спартаковцем и сыграет за клуб больше всего матчей. Коренной москвич Федор Черенков (1959–2014) был воспитанником спартаковской футбольной школы. Дрейфующий между полузащитой и нападением, Черенков играл оригинально и даже эксцентрично, чем и завоевал любовь публики. Он был загадочным и очень ранимым человеком, а его способность к импровизации сделала его образ идеальным для исконного спартаковского представления о футболисте как романтическом художнике. По-настоящему оригинальный игрок, Черенков воплощал собой тот образ, который многие спартаковские болельщики примеривали на себя. Ему недоставало скорости, но он хорошо владел мячом, недоставало силы, но он играл очень хитро — Черенков олицетворял новый тип маскулинности, выступал своего рода городским трикстером. К концу карьеры в «Спартаке» его статистика по показателю «гол плюс пас» была лучшей в истории команды[68]. Вероятно, не менее важно для Старостиных было то, что Черенкова нашел не Бесков. Он был одним из своих, его называли «наш Федя».

Чтобы собрать эту команду звезд, потребовалось два года. Бесков, несмотря на все свои капризы, самолюбие и воинственный характер, творил чудеса. В 1979 году результатом его работы стал чемпионский титул. Если Старостин и заключил сделку с дьяволом, дьявол выполнил свои условия. Черенков прекрасно вписался в креативную полузащиту к Гаврилову и Шавло. На протяжении большей части сезона «Спартак» сидел на хвосте у киевского «Динамо», пока команды не встретились в решающей игре сезона, 28 сентября в Киеве. «Спартак» выиграл со счетом 2:0. Команда Лобановского опустилась на третье место, а «Спартак» добился чемпионства в последнем туре, обыграв в Ростове СКА со счетом 3:2.

После двух лет забвения команда вновь была на вершине. Вскоре пришло официальное признание ее места

в советской футбольной вселенной. «Спартак» стал базовой командой для сборной, а Бесков назначен ее главным тренером. Для спартаковских болельщиков, живущих во времена утраченных надежд по поводу положения в стране в целом, чемпионство означало очень многое, оно прибавляло им оптимизма. Это, конечно, не значило, что все они побежали записываться в партию и ждали наступления светлого будущего. Скорее, победа «Спартака» убеждала их в том, что истории, которые они рассказывают о самих себе, всё еще правдивы. Победа действительно была компенсацией: спартаковский триумф поддерживал не официальную власть, не оппозицию, а то маленькое личное пространство, ту маленькую радость от того, что кое-что в этой жизни идет как надо.

Противостояние «Спартака» и киевского «Динамо» оставалось главным в советском футболе вплоть до распада Союза. За исключением одного сезона, «Спартак» всегда финишировал в тройке; он выиграл чемпионаты в 1987-м и 1989-м. Киевское «Динамо» взяло титул в 1980, 1981, 1985, 1986 и 1990 годах. Команда Лобановского была очевидно сильнее, однако постоянное присутствие «Спартака» в этой борьбе вернуло к жизни старые культурные и политические стереотипы, сопровождавшие противостояние двух общественных сил. Конечно, к 1980-м годам «Спартак» уже не являлся жертвой тирании, а «Динамо» не использовало власть КГБ, чтобы давить на своих противников. Чрезвычайно рациональный подход Лобановского по-прежнему был идеальной антитезой спартаковскому духу. Спартаковские болельщики презирали цинизм «гостевой модели» и глумились над динамовским стилем. «Динамо» очень рационально выстраивало игру с общекомандным движением по полю и долгими периодами владения мячом. Эти моменты разрывались длинными передачами сквозь растянутую оборону соперника на быстрых нападающих вроде Блохина. Лобановский напряженно работал над устранением ошибок, доводя до автоматизма заготовленные комбинации. Получая политическую и финансовую поддержку украинского МВД, киевское «Динамо» практиковало свою версию «тотального футбола», введенного в обиход голландцами, однако без присущих им шарма и импровизации[69].

Бесков мог быть тренером-диктатором как Лобановский, однако стиль его игры оказался совсем другим. Он объединил скорость и движение своих старых динамовских команд

с коротким пасом и творческим подходом в спартаковской традиции. Если «Динамо» было научным и рациональным, «Спартак» вновь считался романтичным и артистическим. «Динамо» могло побеждать, однако за зрелищность отвечал «Спартак». Лобановский посылал своих игроков на поле выполнять план, Бесков отправлял спартаковцев творить. Такие необычные игроки, как Гаврилов и Черенков, никогда не смогли бы играть в киевском «Динамо», и когда Лобановский возглавлял сборную, их редко вызывали в ее состав. Это стилистическое противостояние напоминало о старой оппозиции «мы против них», однако теперь каждая из сторон считала это столкновением благородных «нас» против вероломных «них»[70]. Довольно трудно представить, как «Динамо» или «Спартак» могли бы почувствовать себя на вершине морального превосходства, как это удавалось Старостиным в сталинское время. У каждой из команд были свои аргументы и свои влиятельные поклонники. Каждую поддерживали простые болельщики. Вероятно, сторонники реформ, живущие в Москве, скорее поддерживали «Спартак», однако евреи-отказники из Киева вполне могли болеть за «Динамо» и считать «Спартак» командой «больших шишек». Между тем поддержка «Динамо» не распространялась на всю Украину. Жители Одессы, подчеркивая свою независимость, считали «Спартак» своей «второй командой» после родного «Черноморца»[71]. Даже цифры посещаемости за 1980–1982 годы не дают четкого ответа на вопрос, какая из команд была популярнее.

Как мы уже видели, в этот период количество болельщиков на трибунах сократилось по всему Союзу, и, возможно, это падение яснее ощущалось в Москве, чем в Киеве, где домашняя команда почти все время побеждала. Отсутствие конкуренции внутри города объясняло высокую посещаемость киевских игр «Динамо». «Спартак» же делил Москву с четырьмя другими командами высшей лиги. Если смотреть за границы родных городов обеих команд, цифры с гостевых трибун дают более точную картину того, кто из них был популярнее. В регионах на «Спартак» ходили лучше, чем на «Динамо». Хотя очевидно, что и приезд киевлян был большим событием. Матчи и тех, и других постоянно показывали по телевизору. Игроки обеих команд были звездами. Несмотря на презрение спартаковских болельщиков, многие тысячи советских людей поддерживали Киев и смотрели вживую матчи этой команды. «Спартак» — «Динамо» (Киев)

не были всего лишь упрощенной версией старой афиши «Спартак» — «Динамо» (Москва).

Таблица 9.1. Ориентировочная посещаемость матчей «Динамо» (Киев) и «Спартака», 1980–1982 годы

Год	Команда	Домашний матч	Гостевой матч
1980	Динамо (Киев)	441 500	475 000
	Спартак	392 000	622 000
1981	Динамо (Киев)	641 478	462 000
	Спартак	395 620	573 807
1982	Динамо (Киев)	445 364	461 000
	Спартак	284 750	455 450

Источник: Известия. 25 ноября 1980 года, 11 ноября 1981 года и 30 ноября 1982 года.

Обновление, глобализация и профессионализация

В 1985 году в СССР произошло два важных события. 10 марта, через неделю после начала футбольного сезона, умер Константин Черненко и его место занял Михаил Горбачев. А в ноябре, вскоре после окончания футбольного сезона, Константин Бесков решил, что ему надоело финишировать за киевским «Динамо». И Горбачев, и Бесков пришли к выводу, что нужно что-то менять. Оба запустили процессы, которые в краткосрочной перспективе принесли успех, и полный крах — в будущем. Несложно понять, почему Горбачев считал нужным действовать. К тому времени болезни системы стали очевидны всем[72]. Случай Бескова был другим. Горбачев стремился убедить общество в необходимости реформ. Он выражал готовность урéзать полномочия центральной власти, чтобы тем самым стимулировать критическое мышление своих граждан, которое должно было бы обеспечить реформам политическую поддержку. Напротив, Бесков хотел добиться еще большей власти и контроля, чтобы перестроить команду, которая, по мнению спортивных обозревателей, и без того была очень хороша.

Здоровое возбуждение, вызванное реформами в первые годы перестройки, оказалось поддержано политикой открытых дискуссий и критики, которую стали называть словом

«гласность». Еще только зарождавшееся гражданское общество брежневского периода теперь должно было играть определяющую роль в происходивших переменах[73]. Футбол не остался в стороне, но нельзя сказать, что спорт и спортсмены находились на переднем краю реформ. Последние годы в футболе были связаны с неудачной попыткой реструктурировать лигу, что обернулось обычной борьбой за власть — и противоречило духу демократических перемен того времени.

Лобановский возглавлял кампанию по выводу главных советских футбольных лиг из-под контроля Федерации футбола, которой с 1979 года руководил карьерист Вячеслав Колосков (р. 1941). После объединения с Виктором Понедельником, когда-то блестящим игроком сборной, а теперь журналистом, Лобановский добился поддержки от коллег по профессии, также надеявшихся убрать «аппаратчиков» от руководства футболом. Лобановский и его сторонники использовали демократическую и антибюрократическую риторику, но после долгой карьеры в киевском «Динамо», где все подчинялось строгому контролю, его демократизм выглядел неубедительно. К 1990 году Колосков одержал административную победу, попытка «футбольных людей» возглавить футбол потерпела неудачу[74]. Показательно, что Николай Старостин, также заговоривший о демократии, остался в стороне от этого противостояния, явно не доверяя своему старому сопернику. Если бы Лобановский встал во главе советского футбола, будучи наставником своей команды, это привело бы к абсурдной ситуации, когда тренер дает указания федерации, хотя при нормальном положении вещей должно быть ровно наоборот. Старостин являлся сторонником профессионализма. В 1990-м он говорил в интервью «Советскому спорту»: «Пример иностранных команд окончательно убедил нас в том, что для того, чтобы догнать профессиональные клубы, мы должны быть профессионалами. Профессионализм — это психология ответственности за свою работу». Тем не менее он считал попытку свергнуть Колоскова и федерацию «преждевременной»[75].

Во время перестройки государственная поддержка футбола очень сильно сократилась, тогда же были предприняты попытки сделать крупные команды независимыми и самоокупаемыми. С той же задачей столкнулись предприятия по всему СССР. В случае с футболом это означало открыто признать профессиональную деятельность клубов, которую отрицали много

лет, продолжая ее практиковать. Игроки теперь подписывали контракты на несколько лет, и им платили за то, чем они действительно занимались. Частыми стали контакты с западными клубами: этот процесс привел к тому, что после 1987 года игроков начали продавать в капиталистические клубы, чтобы их родные команды оставались на плаву. Неудивительно, что Старостин без проблем продолжал работать в новой ситуации. «Спартак» уже долгое время являлся прибыльным футбольным клубом. Вместо того чтобы добывать деньги у спонсоров, «Спартак» был способен приносить прибыль, которая затем уходила в команды в других видах спорта, где было меньше болельщиков и отсутствовала возможность зарабатывать.

Эти процессы в «Спартаке» шли своим чередом, без громких заявлений. Старостин не кричал о том, что команда меняется во имя обновления советского проекта, и не запрыгивал на горбачевскую платформу. Всем руководителям клубов теперь нужно было усиленно работать над тем, чтобы оставаться на плаву, но для Старостина это не было новостью. Команды столкнулись с пугающей перспективой выживания за счет собственных ресурсов. Другой стороной политики «выплывай или тони» стала автономия, другими словами — независимость, с которой у Старостиных никогда не возникало проблем. Николаю, очевидно, нравились перемены последних лет советской власти. Прибыльность и финансовые вопросы футбола всегда были его сильной стороной, и, публикуя в 1989 году свои откровенные и поучительные мемуары, он отдал дань другому знаковому проявлению эпохи — гласности. Два чемпионских титула за последние шесть лет советской власти ясно показывали, что «Спартак» может процветать изменившихся условиях.

Сезон 1985 года «Спартак» завершил всего в двух очках позади киевского «Динамо». Это было совсем неплохим результатом, однако накануне следующего сезона Бесков бесцеремонно выставил из команды Гаврилова и Шавло. Болельщики пребывали в шоковом состоянии. Лев Филатов и Игорь Нетто выступили в печати против этого решения, с ними согласились другие проспартаковские журналисты, такие как Леонид Трахтенберг и Илья Бару́[76]. Из двух футболистов именно Гаврилов в глазах болельщиков был настоящим спартаковским игроком, его артистичность на поле как нельзя лучше соответствовала клубным традициям. Гаврилов оказался включен в ежегодный список

тридцати трех лучших игроков, и он, и Шавло сыграли по 26 игр в 34-матчевом сезоне, однако Бесков публично раскритиковал их еще в начале сезона, после серии из шести ничьих. «Некоторые игроки, — рассказывал он в прессе, — потеряли чувство ответственности». После выступления Бескова дела пошли на лад, однако поражение в Киеве со счетом 0:2 означало, что «Спартаку» нужна победа над «Динамо» в московском матче в октябре. 42 000 болельщиков на стадионе им. Ленина стали свидетелями поражения своей команды (1:2), лишившей «Спартак» надежд на золотые медали. Шавло в этом году исполнилось 29, Гаврилову — 32. Бесков хотел омолодить команду.

Симонян рассказывал, как Старостину тяжело было отпускать из команды игроков, особенно тех, кто олицетворял собой спартаковский дух. Гаврилов или Шавло играли неплохо, однако в суровой реальности большого спорта все бывает именно так — спортсмены стареют, постепенно теряя свои лучшие качества. Для Старостина расставание с Гавриловым и Шавло было трудным, однако Бесков не отличался сентиментальностью. Его не интересовала возможность держать в команде стареющего игрока только потому, что его присутствие оказывает благотворное моральное и психическое воздействие на игроков и болельщиков. Старостин согласился с решением Бескова, но не мог не чувствовать, что они теряют какую-то часть спартаковского духа. Возможно, на тот момент их противостояние еще не проявило себя в полной мере, но эти два человека не могли не столкнуться в борьбе за контроль над командой.

Бесков все время искал новые молодые таланты, в сезоне 1986 года он использовал 27 игроков. Однако никто из новичков тогда не заблистал; «Спартак» финишировал третьим. Руководство команды и болельщики продолжали давить на Бескова, ожидая улучшения результатов, и приглашенные им в 1987 году игроки продемонстрировали уже более значительные успехи. Москвич Александр Мостовой (р. 1968) нашел свое место в полузащите, так же как и Валерий Шмаров (р. 1965), пришедший из воронежского «Факела». Третий бесковский новичок был более противоречивой фигурой. Виктора Пасулько (р. 1961), выступавшего за одесский «Черноморец», уличили в нелегальной продаже трех автомобилей. Его также обвиняли в сдаче матчей и плохих взаимоотношениях с тренерами и партнерами по команде. Футбольная федерация отклонила запрос о переходе,

однако Бесков подключил свои связи, и сделка все же была совершена. Жесткому Бескову удалось усмирить сложный характер игрока и дать ему возможность продемонстрировать свои способности на поле.

«Спартак» лидировал в чемпионате на протяжении всего сезона и мог завоевать титул за две недели до конца — в матче с «Араратом» в Ереване. Вместо этого команда проиграла со счетом 2:3, и чемпионства пришлось ждать еще неделю. Впрочем, ситуация казалась многообещающей — идущая последней «Гурия» (Ланчхути) приезжала в Москву на матч в манеж спорткомплекса «Олимпийский», в который пришли 35 000 болельщиков, готовых праздновать победу. Несмотря на огромное преимущество во владении мячом, «Спартак» никак не мог забить, пока наконец Черенков не отправил мяч в ворота на 84-й минуте[77]. Бесков наслаждался восторгом тех, кто в него верил, и отмечал правильность своего решения в межсезонье. Скорее всего, именно в то время у него возникло убеждение, что он, а не Старостин должен руководить народной командой. Николай Озеров, сторонник Старостина, позднее обвинял Бескова в попытке совершить «дворцовый переворот»[78]. Но год спустя после триумфа тренер, добившийся самой длительной успешной серии в истории клуба, покинул команду.

Бесков подошел к сезону 1988 года с еще большим убеждением в своей правоте во всем, что касается футбола, однако политическая ситуация внутри клуба изменилась. Предыдущей осенью умер Андрей Старостин. Как впоследствии рассказывала вдова Бескова, Андрей выполнял роль буфера между тренером и начальником[79]. В самом начале сезона Бесков ввязался в серию тяжелых разбирательств с ветеранами команды. Он продолжал управлять при помощи запугивания и страха, однако с началом перестройки эти методы становились все менее эффективными. Взаимоотношения «спортсмен — тренер» менялись, и демократический дискурс приводил к тому, что игроки уже не соглашались беспрекословно подчиняться решениям Бескова. Старостин вновь должен был вмешаться. Возможно, и он тоже не являл собой безупречный пример демократических методов работы, но весь опыт последних пятидесяти лет естественным образом подталкивал его на сторону игроков. Конфликт усугублялся, и команда играла нестабильно. В конце концов в августе Бесков готов был подать в отставку. Вскоре

Московский совет профсоюзов организовал встречу президента клуба, Юрия Шляпина (1932–2009), с тринадцатью игроками. Одиннадцать из них проголосовали за уход тренера. В тот момент вопрос отложили, было решено вернуться к нему после окончания сезона. Бесков согласился не наказывать футболистов, проголосовавших против него[80]. Показательно, что великий тренер не сдержал слово. Вместо этого он усадил на лавку нескольких игроков и выставлял другим несправедливо низкие оценки за игру. Несмотря на все конфликты, команда все еще могла завоевать медали, однако поражение и две ничьи в матчах со слабыми соперниками оставили «Спартак» на четвертом месте. Впервые при Бескове «Спартак» в 1980-е выпал из призовой тройки.

Перед уходом в отпуск в декабре Бесков объявил Старостину, что хочет избавиться от семи игроков. Старостин возражал, опасаясь отсутствия адекватной замены. Бесков не уступал, уверяя, что у него есть 22 игрока, подавших заявления на переход в «Спартак». Все эти документы были подписаны в обход Старостина, и он отказывался принимать план тренера. Бесков вернулся в Москву в середине месяца. 22 декабря он узнал, что Московский совет профсоюзов проголосовал за решение спартаковского руководства уволить главного тренера. По всем свидетельствам, мероприятие не было проведено по правилам. Ни тренеры, ни игроки во встрече не участвовали. Старостин тоже отсутствовал, хотя совет собирался по его решению. Об этих событиях рассказывали довольно странные истории: рабочие в Тарасовке свидетельствовали, что Бесков все это время пил, сидя в спартаковской бане. Никто не выступил в его защиту. Главный тренер так и не встретился лицом к лицу со своими обвинителями. Даже такой очевидный сторонник Старостина, как Александр Вайнштейн, признавал, что этот вопрос решился в совершенно советской манере[81].

Старостин позднее объяснял, что считал согласие на отставку в августе маневром тренера, требованием бóльших полномочий, чтобы остаться. Бесков возражал; по его мнению, Старостин не справлялся со своими административными обязанностями. Тарасовка устарела, а каждодневные нужды футболистов не удовлетворялись. Бесков также отказался брать на себя ответственность за неудачи прошедшего сезона, обвиняя в них игроков[82]. На то, чтобы напряжение в отношениях Старостина и Бескова вышло наружу, потребовалось двенадцать лет. Оба являлись

ключевыми фигурами в истории советского футбола, никогда не были друзьями, однако добились потрясающих результатов в совместной работе. Лев Филатов, уж точно не враг Старостину, писал в «Известиях», что «Бесков сделал для „Спартака“ слишком много, чтобы закончить из-за такого банального конфликта». Болельщики, выросшие на игре бесковского «Спартака», сожалели о его уходе, при этом признавая право Старостина назначить преемника. Хамское поведение Бескова явно спровоцировало последний конфликт, однако и Старостин не вышел из ситуации с честью. На самом деле они хорошо дополняли друг друга. Филатов отмечал, что Бесков разбирался в игре значительно лучше Старостина, но Старостин понимал, что «большой футбол — больше, чем игра... у него были гораздо более широкие взгляды на вещи, чем у тренера»[83].

Куда «Спартаку» двигаться дальше, какие методы использовать? В конце сезона Дасаева продали в «Севилью». Незадолго до этого Хидиятуллин ушел во французский чемпионат, в «Тулузу». Перспективы не впечатляли, однако вся команда в целом была объединена желанием доказать, что она может побеждать и без Бескова. Под влиянием демократического духа времени руководство попросило самих игроков выбрать тренера из нескольких представленных кандидатур. Все трое были важными футболистами в истории команды. Олег Романцев тренировал «Спартак» (Орджоникидзе). Двумя другими оказались ветераны, Ловчев и Нетто. Романцева избрали с большим перевесом голосов. Ловчев выглядел слишком непредсказуемым, Нетто тоже был очень сложным человеком. Двое других менее известных кандидатов не подошли как «неспартаковцы».

По словам хорошо информированного российского журналиста Игоря Рабинера, процесс выбора тренера имел признаки демократии, но не был демократичен по сути. Похоже, что Николай Старостин готовил Романцева в качестве будущего тренера с момента окончания карьеры игрока. Он назначил Романцева руководителем «спартаковского» клуба «Красная Пресня», который играл в третьем дивизионе. После удачного периода Романцев принял на себя «Спартак» Орджоникидзе. Позже Ловчев сказал Рабинеру, что Старостин попросил его поучаствовать в выборах на эту должность, но Ловчев, чьи личные отношения с Романцевым были натянутыми, быстро понял, что это являлось простой формальностью[84].

Придя в клуб, Романцев попросил команду выбрать кандидатов в тренерский совет среди игроков. Новый орган предложил уменьшить предсезонные нагрузки, чтобы избежать провала посреди сезона, вызванного усталостью. На поле Романцев придерживался бесковских методов, однако вне поля его манера была гораздо более человечной и уважительной по отношению к игрокам. Некоторые столпы советского футбола сочли идею выбора тренера абсурдной. Одна из звезд прошлого, Эдуард Малофеев (р. 1942), в то время тренер минского «Динамо», предположил, что эта демократическая практика в принципе не подходит для решения вопросов в футбольной команде. Федор Черенков в ответ стал защищать «Спартак». По его словам, кандидатура Романцева получила большую поддержку, а сам Романцев был «порядочным и демократичным»[85].

«Спартак» начал сезон 1989 года с двенадцати игр без поражений, лучшей из которых стала победа над киевским «Динамо» в гостях со счетом 4:1 в присутствии 100 000 зрителей. Серию прервала сильная команда «Днепр», но «Спартак» принял удар и остался лидером. 27 августа игроки «Днепра» прилетели в Москву из коммерческого турне по США, всего за пять часов до игры со «Спартаком». Неясно, считали ли они все дело настолько безнадежным, что не забронировали более ранний рейс. Более вероятно, что команда нуждалась в валюте и ставила матчи чемпионата на второе место[86]. «Днепр» проиграл со счетом 1:2. Все выглядело так, что «Спартак» теперь легко возьмет титул, но команда (в своем классическом стиле) недооценила более слабых противников и позволила киевскому «Динамо» и «Днепру» сократить отставание.

Решающий момент сезона наступил на предпоследней неделе. Киевское «Динамо» скатилось на третье место и потеряло шанс на золотые медали. В турнирной таблице «Днепр» отставал от «Спартака» на два очка. 23 октября киевское «Динамо» вышло на стадион им. Ленина, где 60 000 рьяных болельщиков стойко переносили погодные условия типичного для этих мест осеннего вечера. Только победа принесла бы «Спартаку» титул, но поначалу дела шли плохо. Звездный нападающий «Динамо», Олег Протасов, вывел команду вперед на 3-й минуте. Евгений Кузнецов сравнял счет на 52-й. Игра перешла в добавленное время при равном счете, однако на 92-й минуте «Спартак» получил право на штрафной в 22-х метрах от ворот. К мячу пошел Валерий

Шмаров. Он не был обычным исполнителем штрафных ударов в команде, но ему каким-то образом удалось уговорить партнеров дать ему шанс. Позднее он рассказывал, что на тренировках отрабатывал удар с этой точки полсезона. Когда Шмаров направил мяч через стенку в правый верхний угол, стадион взорвался. Это был великолепный гол в момент высочайшего напряжения. «Спартак» выиграл чемпионат. Обезумевший Шмаров побежал вдоль боковой линии, за ним последовали его счастливые товарищи. Он несся к Романцеву, которого через несколько минут уже подбрасывали в воздух — классический чемпионский ритуал. Это вновь была спартаковская драма высшей пробы. С заносчивостью, которая и заставляет многих ненавидеть «Спартак», и завидовать его болельщикам, Игорь Нетто оценил итоги сезона: «На стадионах стало скучно. Все, кроме „Спартака“, играют в силовой манере».

Сезон 1989 года оказался последним годом сильнейших команд в советской футбольной лиге. В конце перестройки сильно проявились националистические настроения, и команды из Грузии и Литвы объявили, что больше не примут участия в общем чемпионате. Все вокруг разрушительным образом менялось, и на этом фоне неожиданный титул, казалось, подтверждал все мифы, легенды и образы, питавшие идеологию «Спартака». Его поклонники никогда не довольствовались простой победой. Для них «Спартак» должен был выиграть красиво и драматично, и желательно против всех ожиданий. И он снова сделал именно это. По воспоминаниям адвоката Бориса Назарова, триумф 1989 года возродил все эмоции, которые он впервые испытал в 1937 году на восточном конце стадиона «Динамо», когда «Спартак» победил могучих басков. Возможно, страна развалилась на части, но она все еще могла верить, что спартаковский дух по-прежнему жив[87].

События на поле подкреплялись нововведениями за его пределами. 10 марта 1989 года «Спартак» объявил свой бюджет открытым и перешел на полный хозрасчет. Он не был в этом первым (первым стал «Днепр»), однако после пятидесяти четырех лет наконец-то можно было вслух говорить о том, чем команда и без того занималась все предыдущие годы. Юрий Шляпин заметил в еженедельнике «Футбол-хоккей»: «Надо сказать, что чувство ответственности по материальным вопросам здесь существует давно. Жизнь научила нас этому»[88]. Та же открытость

теперь могла стать нормой не только в футболе, но и во всем советском спорте, поскольку Международный олимпийский комитет наконец-то приветствовал участие в играх хорошо оплачиваемых спортсменов-профессионалов, заканчивая тем самым десятилетия лицемерия. Фиговый листок любительства был снят, и теперь существование профессиональных спортсменов стало основой и нормой для нового глобального спорта.

Даже в последние дни советской власти, когда экономика пришла в упадок и болельщики перестали приходить на стадион в большом количестве, «Спартак» смог получать прибыль. По словам Шляпина, для управления командой нужен был 1 200 000 рублей в год, а для поддержания Тарасовки — еще 300 000 рублей. Как международный бренд, «Спартак» сумел привлечь значительное спонсорство и рекламу от иностранных и отечественных фирм, оцениваемую в 1 200 000 рублей. Продажа билетов принесла 700 000 рублей, а 100 000 были получены за счет аренды клубных помещений организациями для проведения различных мероприятий, связанных со здоровьем. Говорили, что прибыль от всей этой деятельности составила 960 000 рублей, и это даже не считая основных источников дохода команды — продажу игроков и зарубежные туры[89].

Вырождение СССР в 1990–1991 годах предсказуемо повлияло и на футбол. Стояние в очередях за едой было важнее походов на матчи — и надо отметить, что ни еды, ни выпивки на стадионах не продавали. Посещаемость упала до минимума, хотя важные матчи по-прежнему могли собрать публику. Игроки всех команд цеплялись за любую возможность уехать за рубеж. В конце 1989 — начале 1990-го Черенков перешел в парижский «Ред Стар», команду второго дивизиона. В следующем году Шмаров оказался в «Карлсруэ», а Мостового забрал португальский гранд — «Бенфика». Множество игроков уровнем пониже уехало в Финляндию, Швецию, Корею и Австрию. Обеспокоенный, но все еще энергичный Романцев постоянно обновлял состав. 34 игрока сыграли за «Спартак» в 1990-м, 30 — год спустя. Команда завершила 1990 год на пятом месте и на втором 1991-й, прямо за ЦСКА, в последнем сезоне советского футбола. Последней домашней игрой в истории советского чемпионата для «Спартака» стала домашняя победа над «Металлургом» из Запорожья со счетом 2:1 в присутствии менее чем 1000 зрителей, 27 октября 1991 года[90].

Общесоюзная лига, где играли команды со всех концов огромной страны, с различными игровыми стилями, разными этносами, растворилась внутри новых национальных лиг. Каждая новая страна сформировала собственный, значительно более слабый чемпионат. После крушения СССР политика (как и всегда) оказалась куда важнее футбола. Первоначально грузины, литовцы, украинцы, армяне, белорусы и большинство других гордились тем, что получили собственные чемпионаты. Лишь намного позже все поняли, что в спортивном смысле что-то довольно существенное было потеряно. В мире не существовало ни одной лиги, схожей с советской. Она помогла сплотить обширную территорию и создала футбол, подобного которому так и не появилось на постсоветском пространстве.

«Спартак», рубль и стадион

Связь между командой и ее болельщиками принимает осязаемую форму в пространстве стадиона. Английский термин ground (буквально: земля, грунт), вероятно, точнее всего выражает эмоциональную составляющую этой связи. Для футбольного клуба и его болельщиков место, где играет команда, выделено из городского пространства. Это пространство постоянных встреч с друзьями, которых объединяют общие страсти и идеи, сцена для отправления ритуалов — приятных и утешительных, больших и малых, священных и профанных. На стадионе, принадлежащем клубу, болельщики могут почувствовать, пусть это и не всегда верно с точки зрения закона, что это место принадлежит им. Однако несмотря на все амбиции и ощущение собственной исключительности, «Спартак» никогда не имел своего стадиона. У «Динамо» была арена в Петровском парке. У «Локомотива» — в Черкизово. «Торпедо» играло на своем небольшом 20-тысячнике на Восточной улице. Даже ЦСКА, проводивший практически все свои матчи на стадионе им. Ленина или на «Динамо», имел свой собственный 10-тысячный стадион на Песчаной улице. После открытия в 1956-м стадион им. Ленина стал домашним для большинства матчей «Спартака», однако там играли и другие московские команды. На протяжении следующих тридцати шести лет «Спартак» выступал на всех московских стадионах, вынуждая своих болельщиков каждый раз внимательно проверять расписание, чтобы не ошибиться, где

именно в этот раз играет команда. В самом начале и в конце сезона «Спартак» также проводил матчи в манежах — либо на закрытой арене ЦСКА, либо в спорткомплексе «Олимпийский», построенном в 1980 году.

Уменьшила ли эта кочевая жизнь лояльность болельщиков к своей команде? Очевидно, это снижало ощущение общности, которое было так важно для спартаковской предыстории (1900–1935), ощущение соседства на трибуне. Однако с тех пор как команда базировалась на Красной Пресне, прошли десятилетия. Москва развивалась, различия между районами постепенно стирались.

Таблица 9.2. Сравнительная посещаемость матчей «Спартака» и «Динамо» в годы побед «Спартака» в чемпионате

Год	Место	«Спартак»	Место	«Динамо»
1969	1	40 188	4	29 838
1979	1	31 058	5	8605[91]
1989	1	33 616	8	14 142

Сравнительная посещаемость матчей «Спартака» и «Динамо» в годы без спартаковских титулов

Год	Место	«Спартак»	Место	«Динамо»
1965	8	25 262	5	31 062
1975	10	26 466	3	23 556
1985	2	22 747	14	7884

Источник: *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва: Официальная история. М., 2002; *Добронравов И. С.* На бессрочной службе футболу. М., 1999.

Так что невозможно было говорить, что «Динамо» представляет север Москвы — между тем как «Тоттенхэм» и «Арсенал» действительно до сих пор являются командами северного Лондона. В этом смысле, пожалуй, «Спартак» не так уж много терял, не имея своего стадиона. Помимо прочего, отсутствие своего поля делало команду в некотором смысле

общемосковской. В 2004 году группа архитекторов и урбанистов из знаменитой немецкой школы Баухаус изучила московские арены и предложила «Спартаку» слоган: «Наш стадион — город»[92].

Со стадионом или без, Старостин и Симонян — среди многих других спартаковцев — всегда обращали внимание на исключительную лояльность своих болельщиков, вне зависимости от результатов на футбольном поле. Руководство команды также всегда отмечало популярность «Спартака» по сравнению с другими московскими клубами, в особенности «Динамо». Это хвастовство можно было бы счесть еще одной составляющей спартаковской идеологии, однако статистика подтверждает это утверждение. Средние цифры по имеющимся данным за 1960–1980-е годы говорят о том, что «Спартак» заявлял это обоснованно.

На протяжении трех последних советских десятилетий показатели посещаемости стадионов неуклонно уменьшались. Снижение не ограничивалось только Советским Союзом, это была общемировая тенденция. «Спартак» не избежал той же участи. Хотя в случае этой команды спад 1970–1980-х оказался не таким резким, он тем не менее безусловно случился. Более того, как мы видели, и «Спартак» не застрахован от поражений. Слабая игра на поле отражалась и на заполняемости трибун. Болельщики могли быть преданными, но они не были слепыми. Много говорят о большой посещаемости «Спартака» в сезоне 1977 года, когда команда выступала в первой лиге, хотя на самом деле цифры за 1975 год выше — несмотря на то, что тогда клуб финишировал на десятом месте. Также по статистике посещаемости видно, что хотя «Динамо» и менее популярно, чем «Спартак», поддержка команды также была значительной — вплоть до кризиса 1980-х годов. Так что официальная статистика не противоречит утверждениям спартаковских поклонников, но несколько умеряет их энтузиазм. «Спартак» не нарушал законов всемирного тяготения. Если в маленьком провинциальном городе, где развлечений раз два и обчелся, даже неудачники могут собирать неплохую толпу на стадион, то гораздо реже так происходит в больших городах с несколькими стадионами, а также с концертными залами, кинотеатрами и ночными клубами. Московский футбольный рынок отличался крайним непостоянством и подвижностью.

Продажа билетов составляла значительную часть спартаковского заработка, однако этим он не исчерпывался.

Цены на билеты (от 1 до 3 рублей) были не очень высоки. Спонсоры предоставляли ту поддержку, которую не давала или не могла дать билетная выручка. К середине 1960-х Промкооперация и московский горком передали команду в спортивную систему московских профсоюзов. Широкий круг работников, многие из которых были служащими или работали в сфере услуг, перешел под крыло спортобщества «Спартак», однако профсоюзы давали денег меньше, нежели партия, не говоря уже об армии и милиции. Когда в начале 1970-х посещаемость стала падать, «Спартаку» необходимо было закрывать образовавшуюся дыру. В 1973 году на помощь пришел «Аэрофлот». К 1977 году Виктор Гришин озаботился судьбой великой команды и вновь увеличил партийное участие в спартаковских делах. Старостину следовало искать поддержки в разных местах. «Спартак» вновь оказался без покровителя — в ситуации, возродившей прежний образ командной независимости.

В попытках заработать больше Старостин резко увеличил число коммерческих игр посреди недели — практика, восходящая еще к 1920-м годам. Как мы отмечали в предыдущей главе, это было нужно прежде всего для того, чтобы увеличить зарплаты игроков. Провинциальные команды платили гораздо больше московских, и для Старостина такие турне служили единственным способом конкурировать с ними. Так он торговал несколько поувядшим спартаковским брендом. Красно-белые знали времена и получше, однако для жителей маленьких городов приезд команды, которую они раньше видели только по телевизору, был большим праздником. Когда «Спартак» вновь оказался на вершине, эти мероприятия стали еще более успешными. Количество таких игр колебалось из сезона в сезон — иногда всего пять в год, иногда целых двадцать (не считая предсезонных матчей, более оправданных с точки зрения подготовки к чемпионату).

К 1985 году, в более свободном климате перестройки, «Спартак» играл уже более двадцати товарищеских матчей в год. В 1989 году, после перехода в профессионалы, клуб пошел на эксперимент, создав отдельную команду для коммерческих турне: она состояла из запасных игроков и части футболистов основного состава. Настоящий «Спартак» мог играть на стадионе им. Ленина, а на следующий день другая команда под тем же именем выходила на поле в сотнях километров от Москвы. Впрочем, эта практика продлилась лишь один сезон[93]. Разумеется, нужно

иметь в виду, что коммерческие игры «Спартака» контролировались. Спорткомитет стремился ограничить их количество, однако сама практика распространялась все дальше. Погоня за финансовым благополучием не исчерпывалась матчами в пределах СССР. Заграничные турне также предоставляли возможность командам и игрокам стать богаче.

Обстановку, царившую тогда на стадионах, сложно назвать спокойной и здоровой. Советские болельщики были частью общемирового фанатского движения и перенимали все тенденции (особенно в 1970-е годы). Насилие всегда являлось частью футбола в СССР, но оно никогда раньше не приобретало характера эпидемии. Спартаковские болельщики принимали участие в разного рода инцидентах, но мы не можем утверждать, что они вели себя активнее, нежели болельщики других команд. В 1970-е все стало меняться. Когда футбольное хулиганство как явление проявило себя и на стадионах, и вне их, многие молодые спартаковские болельщики перешли эту грань и начали называть себя фанатами — то, что в английской версии обозначается словом «ультрас». Их появление стало важным симптомом тех проблем, что охватили весь мировой футбол. Отчасти это был отзвук мировых молодежных революций. Уже в 1969 году юноши с длинными волосами, в джинсах и в компании подружек стали появляться на матчах «Спартака», распевая песни, скандируя кричалки и внося свой вклад в понимание «спартаковского духа»[94].

Хулиганство, пьянство и беспорядки стали так же привычны, как ничем не примечательные матчи и бесконечные ничьи. Впрочем, до 1970 года информация о беспорядках почти не попадала в прессу. Непослушные «любители футбола» наверняка были частью футбольной толпы с 1920-х годов, однако раньше они не доставляли властям так много неудобств. Большое количество кричащих нетрезвых болельщиков «Спартака» покидало забитый под завязку стадион им. Ленина после матча с киевским «Динамо» 18 апреля 1970 года. Милиция демонстрировала горы водочных бутылок, изъятых у болельщиков «Спартака» перед матчами с двумя «Торпедо» — из Москвы и Кутаиси. «Советский спорт» не писал подобного о болельщиках других команд, но это само по себе не означает, что спартаковские были самыми пьющими[95].

К 1972 году насилие приняло новые формы — вместе с группами молодых людей, болеющих за «Спартак» и собиравшихся вместе на последних рядах стадиона им. Ленина. Они росли

разочарованными в слабых результатах команды и пытались внести свою лепту в то, чтобы поправить дела. Из выступлений своих команд в европейских турнирах этим юношам стало ясно, что зарубежный футбол, по всей видимости, сильнее советского. Особенно их впечатлила телетрансляция финального матча на Кубок Кубков того года, в котором встречались шотландский «Глазго Рейнджерс» и московское «Динамо». Шотландцы вели в два мяча, динамовцы предприняли штурм и вернули в игру интригу, однако шотландские болельщики прорвались на поле и на время остановили матч. После возобновления игры динамовцы потеряли свой настрой и в итоге проиграли со счетом 2:3[96]. По мнению болельщиков, это был реальный способ повлиять на исход игры.

Следующей весной около сорока молодых людей собрались на одной трибуне стадиона им. Ленина. Рядом с ними находилось еще 20 000 человек, пришедших на первую игру сезона с ереванским «Араратом». Сорок фанатов облачились в красно-белые спартаковские шарфы и размахивали спартаковскими знаменами. Эти вещи нельзя было купить ни в спартаковском магазине (потому что его просто не существовало), ни где-либо еще в городе. Болельщики сделали их сами, и со временем эта практика распространилась. По мере того как СССР открывался миру, советские хулиганы получили возможность учиться «английской модели»[97]. Сорок превратились в сотни, затем в тысячи, они стояли в отдельных секторах, скандировали и пели. В те времена фанаты еще не были особенно агрессивны или пьяны, однако сам факт их существования уже привлек внимание милиции и дружинников, отвечавших за порядок на трибунах. Грубое обращение по отношению к болельщикам со стороны охраны со временем сделало их менее покладистыми. Следующие двадцать лет первые группы фанатов и присоединившихся к ним групп неудовлетворенной молодежи путешествовали на выездные матчи, участвовали в драках, пугали местных и уничтожали государственное имущество[98].

Все это не могло не закончиться трагедией. 20 октября 1982 года, холодным вечером, под только что выпавшим первым снегом, команда играла с голландским «Харлемом» в первом круге ранней стадии Кубка УЕФА. На стадионе было только 10 000 поклонников команды, многие из них — молодые люди и подростки. Группа безрассудных болельщиков оказалась изолирована в нескольких боковых секторах, выход из которых располагался

только в одном узком туннеле, со ступеньками, покрытыми коркой льда. Несмотря на игровое преимущество, «Спартак» забил лишь однажды — совсем небольшой перевес перед ответной игрой в Голландии. За несколько минут до конца матча группа болельщиков отправилась к выходам, медленно продвигаясь через открытый туннель. Ограничения на пропуск зрителей были частью стандартных действий милиции, регулировавшей поток людей, идущих в сторону метро. За двадцать секунд до конца Сергей Шевцов (р. 1960), нападающий родом из Грузии, забил чрезвычайно важный второй мяч. Услышавшие рев трибун болельщики развернулись и побежали в обратную сторону. Через несколько секунд они столкнулись с потоком тех, кто двигался им навстречу. Результатом стала массовая гибель людей. Многие поскользнулись на ледяной лестнице и были растоптаны. Других раздавили две столкнувшиеся между собой толпы. Милиция и солдаты складывали тела погибших на маленькой площадке у стадиона. Первая скорая помощь приехала только через полчаса.

На следующий день «Вечерняя Москва» была единственной газетой, хоть как-то публично отметившей эти события: «20 октября 1982 года после футбольного матча на Большой спортивной арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина при выходе зрителей в результате нарушения порядка движения людей произошел несчастный случай. Имеются пострадавшие. Проводится расследование обстоятельств происшедшего»[99]. Впоследствии милиция быстро переложила вину за гибель людей на самих пострадавших. Случившееся объяснили поведением болельщиков — молодых ребят и мальчишек. Связь с хулиганством фанатского движения была абсолютно ясной. Этот аргумент снимал вину с администрации стадиона, чья медлительность и пренебрежение правилами безопасности создали все условия для трагедии. В конечном счете сотрудники милиции, отвечавшие за безопасность в тот вечер, получили по полтора года тюрьмы. В то время была названа цифра в 66 погибших. Семь лет спустя, во времена гласности, «Советский спорт» подробно написал о тех событиях. Согласно статистике, собранной по группам родственников пострадавших, их оказалось гораздо больше — 340 человек[100]. Если эти цифры верны, то масштаб трагедии во много раз превышает две главные европейские футбольные катастрофы 1980-х — «Эйзель» 1985-го, когда погибло 39 человек, и «Хиллсборо» 1989-го, унесшей 96 жизней[101].

Случившееся в Хиллсборо повлекло за собой реформы, навсегда изменившие положение болельщиков на трибунах. Террасы со стоячими местами (которых никогда не было на советских стадионах) заменили индивидуальными креслами. Полицейские методы также обновились. В Советском Союзе после трагедии на стадионе им. Ленина не поменялось ничего. Наоборот, подробности продолжали скрываться, а спартаковские болельщики — доставлять проблемы милиции, особенно на выездных матчах. 19 сентября 1987 года, после победы «Спартака» в Киеве со счетом 1:0, несколько сотен спартаковских фанатов подверглись нападению на вокзале, откуда они отправлялись домой. После жестокой драки было много раненых и испорченного имущества, однако, к счастью, никто не погиб. В следующем году похожие события произошли после игры «Спартака» в Вильнюсе. В 1989-м уже более пяти тысяч милиционеров были мобилизованы на стадион в Киеве на время матча со «Спартаком». Когда киевское «Динамо» прибыло на решающий матч в Москву, также случилось несколько драк и пострадало шесть вагонов метро[102].

24 сентября 1990 года я сидел в машине вместе с ветераном советской спортивной журналистики Геннадием Ларчиковым. Он вез меня в «Лужники» на игру с волгоградским «Ротором». «„Спартак“, — сказал он мне, — это команда интеллигентов и хулиганов». Юрий Шляпин, президент клуба, повторил еженедельнику «Футбол-хоккей» практически то же самое. У команды есть две категории болельщиков. Первая — молодые фанаты, «шумные и агрессивные», при этом не знающие клубную историю и не понимающие футбол. Вторая категория состоит из «людей разных профессий, которые болели за команду десятилетиями и хорошо знают футбол»[103]. Бурный рост этой фан-базы поднимал интересный вопрос. Было ли у рабочего класса и рьяных фанатов «Спартака» что-то общее, помимо их любви к команде? До войны бóльшая часть в целом пролетарской футбольной публики использовала «Спартак» для того, чтобы обозначить свою дистанцию по отношению к властям и элите, руководящей страной. После войны члены этой элиты сами стали частью футбольной публики и начали болеть за «Спартак». Кажется, рабочие и интеллигенция влюбились в народную команду по схожим причинам, однако непонятно, оставалось ли у них хоть что-то общее после окончания очередной игры.

«Спартак» и мир

Контакты «Спартака» с футболом за пределами СССР существовали в трех формах: участие в играх национальной сборной, еврокубки и зарубежные коммерческие турне. Из всех трех отношения со сборной были самыми напряженными. Повсюду в мире сборная представляет собой символ патриотизма и лояльности. В Советском Союзе делами сборной занимался спорткомитет, чьи интересы часто сталкивались с интересами футбольных клубов, — точно так же, как в капиталистических странах. В централизованной системе, такой как СССР, нужды сборной всегда являлись приоритетом, и клубы не могли утверждать свои права в этой борьбе. Разумеется, команды жаловались, что у них забирали игроков перед матчами чемпионата, однако с этим сталкивались многие.

Старостин принимал участие в международных встречах с 1920-х годов. Спартаковские игроки никогда не отказывались от вызова в сборную. Даже вспыльчивый Ловчев не уклонялся от игр под руководством такого диктатора, как Лобановский. Сборную окружал обычный круг вопросов и проблем. Когда спартаковских звезд не призывали в команду, болельщики бывали недовольны, однако выбор диктовался вкусом и взглядами тренера, а не политиками в Кремле. Все тренеры сборной СССР были лояльными советскими гражданами. Даже после отставки Бескова или Андрея Старостина, наказанного таким образом за второе место на чемпионате Европы 1964 года (и это сделал сам Хрущев), их сменил человек, прежде всего призванный добиться результата.

Господство спартаковских игроков в сборной в 1950-е годы могло отражать партийное превосходство над силами госбезопасности, однако роль игроков «Спартака» стала уменьшаться, когда звезды золотого века в истории команды вышли на пенсию. К тому моменту, как Хрущев покинул политическую сцену, в сборной из «Спартака» регулярно играл только Хусаинов. Вместе с национальной командой он достиг лучшего результата в ее истории — четвертого места на чемпионате мира 1966 года. Ловчев был впервые приглашен в 1969 году и оставался в сборной все 1970-е, когда результаты стали гораздо менее впечатляющими. На протяжении двух десятилетий с некоторой регулярностью за сборную играл только Логофет[104]. Основываясь на успехах киевского «Динамо» 1975 года, было решено сделать

команду базовым клубом сборной, а Лобановского — главным тренером. Стремясь сохранить стройность и строгость системы, Лобановский ограничил призыв игроков из других клубов. В его команде-машине было совсем мало (или совсем не было) места для импровизации, мешающей функционированию системы, однако в целом его идея провалилась. Игры чемпионата, сборной, еврокубки измотали футболистов. Плохие результаты Олимпийских игр и чемпионата Европы 1976 года привели к увольнению Лобановского. Его сменил Симонян, но и он не сумел вывести команду на чемпионат мира 1978 года. Затем работу получил Бесков, только что выигравший чемпионат 1979 года. Он позвал в сборную многих игроков «Спартака». Бесков же руководил командой на Олимпиаде 1980 года в Москве. В той сборной играли Дасаев, Хидиятуллин, Романцев, Шавло, Гаврилов и Черенков — целая плеяда спартаковских талантов, проигравших в полуфинале сборной ГДР со счетом 0:1[105].

Эта неудача вернула в состав большинство игроков киевского «Динамо», от «Спартака» в нем остались только Гаврилов и Дасаев. Бесков вывел команду в финальную стадию чемпионата мира в Испании в 1982-м, где, несмотря на хорошее выступление, она не смогла пройти в полуфинал. Бескова освободили от должности, и вплоть до распада СССР единственным важным спартаковцем в сборной оставался Дасаев. С 1986-го у руля снова встал Лобановский, с предсказуемыми последствиями для «Спартака». Хидиятуллин и Сергей Родионов время от времени присоединялись к Дасаеву, однако игроком, чьи отношения со сборной больше всего задевали спартаковских болельщиков, был любимый ими Федор Черенков.

В 1986 и 1990 годах «наш Федя» вызывался в команду перед чемпионатом мира, однако накануне турнира Лобановский оба раза исключал его из состава — не желая мириться с его непредсказуемым поведением на поле и вне его. Судьба Черенкова олицетворяла собой разницу между «Спартаком» и киевским «Динамо». Черенков являлся самым популярным игроком бесковской команды. Он был признан игроком года в СССР в 1983 и 1989 годах. Фаворит московской публики, Федя был местным, «своим» парнем, и зрители могли ассоциировать себя с ним. Его спонтанность и артистичность восхищали. Он буквально воплощал в себе гуманизм и демократичность. То, что ему не находилось места в национальной сборной, напоминало болельщикам

об их собственной отверженности внутри системы. Особая популярность Черенкова и его несбывшиеся мечты стали еще одной историей, которую спартаковские болельщики рассказывали о самих себе. Но Черенков действительно не вписывался в сборную. Болельщики «Спартака» не совсем справедливо критиковали футбольную систему Лобановского как идеальное выражение упадка командно-административной экономической системы с ее чрезмерным планированием и ложной рациональностью[106].

По сравнению с триумфами киевского «Динамо» спартаковские результаты в Европе были серией неудач, прерываемой неожиданными чудесами. Команда дебютировала в Кубке кубков в сезоне 1966/1967 годов, быстро вылетев из турнира. Первое появление в Кубке чемпионов в 1970/1971-м также оказалось краткосрочным. В 1970-е клуб трижды играл в Кубке УЕФА и один раз в Кубке кубков. Только в эру Бескова и Романцева, начавшуюся в 1980-м и продолжавшуюся вплоть до смерти Старостина в 1996-м, «Спартак» стал регулярно играть в Европе. В 1981 году Бесков довел команду до четвертьфинала Кубка чемпионов, где они проиграли мадридскому «Реалу» — 0:0 в Тбилиси и 0:2 в испанской столице. Они также прошли в четвертьфинал Кубка УЕФА в сезоне 1983/1984 годов, обыграв по ходу сильную английскую «Астон Виллу» — благодаря голу Черенкова в гостях на последней минуте. Остальные результаты при Бескове оставались посредственными — это были вылеты на ранних стадиях Кубка УЕФА[107].

Величайший европейский триумф «Спартака» пришел к Романцеву в то время, когда клуб переживал все трудности, с какими столкнулся советский футбол на заключительном этапе перестройки. Состав был в постоянной ротации, так как игроки то и дело уходили, чтобы продолжить свою карьеру в любой из европейских лиг. Болельщики перестали посещать матчи чемпионата. В этой ситуации команда начала Кубок чемпионов 1990–1991 годов без больших надежд. Разобравшись с пражской «Спартой», «Спартак» сыграл вничью с итальянским «Наполи», за который тогда выступал сам Диего Марадона. Счет 0:0 в Италии подготовил почву для драматической развязки в Москве. Аргентинский «золотой мальчик» переживал один из своих трудных периодов — вел себя безответственно и буянил вне поля. Пропустив самолет в Москву после бессонной ночи, он прилетел день спустя на своем частном самолете и был усажен в запас на весь

первый тайм. 86 000 болельщиков собрались в холодных «Лужниках» в ноябре и увидели еще одну нулевую ничью. Матч перешел в серию пенальти, которую выиграл «Спартак» — 5:3[108].

Возобновление турнира весной 1991-го оказалось еще бóльшим вызовом для «Спартака» — жеребьевка свела его с мадридским «Реалом». Когда эти команды встречались в последний раз, «Спартак» играл в Тбилиси, тогда еще бывшем частью советского чемпионата, — в этот раз это было уже невозможно. 3 марта 81 000 храбрых болельщиков заполнили стадион при температуре минус три градуса, чтобы увидеть последнее грандиозное международное противостояние советского времени. «Реал», возглавляемый легендарным Альфредо ди Стефано, находился в кризисе — и на поле, и за его пределами. Команда прибыла в Москву, занимая лишь пятое место в Ла Лиге. Учитывая скверную погоду и известный своим плохим качеством газон «Лужников», Ди Стефано решил играть на ничью, оставив в запасе знаменитого мексиканского нападающего Уго Санчеса и блестящего румынского полузащитника Георге Хаджи. Несмотря на преимущество «Спартака», «Реал» добился своего. И советские, и испанские журналисты не предвидели больших проблем для «Реала» в ответном матче в Мадриде 20 марта. Результат был шокирующим — 3:1 в пользу «Спартака». Два гола забил Дмитрий Радченко (р. 1970). Испанские фанаты аплодировали «Спартаку», а несколько дней спустя Ди Стефано подал в отставку[109]. Соперником в полуфинале стал марсельский «Олимпик», которым владел скандально известный бизнесмен и член социалистической партии Франции Бернар Тапи. В восторге от происходящего, «Спартак» умудрился продать права на игру не одной, а двум французским телекомпаниям[110]. К этому моменту удача себя исчерпала, и «Спартак» проиграл.

В целом выступление оказалось очень успешным — то, что нужно верящим в спартаковский дух. Как это часто случалось раньше, победа пришла, когда ее ждали меньше всего. «Спартак» обыграл команду, чаще других побеждавшую в европейских турнирах, в тот момент, когда весь советский футбол клонился к закату. Победа над «Реалом» встала в один ряд с победой над басками в 1937-м, переигровкой с тбилисским «Динамо» в 1939-м, финалом кубка 1946-го, переигровкой с киевским «Динамо» в 1958-м и чудо-голом Шмарова на последней минуте в 1989-м. Легенда о восставшей жертве несправедливости

продолжала жить — учитывая еще и то, что «Реал» — франкистская команда, в Испании она играла ту же роль, что «Динамо» в Советском Союзе.

Европейские кубки были важным источником валюты, которая делилась между командой, федерацией и государством. «Спартак» также находил дополнительные источники финансирования, выезжая в коммерческие турне по капиталистическим странам. Без внимания не оставалась ни одна пауза в национальном календаре — команда отправлялась на заработки. Такими возможностями обладали не все. Только «Спартак» и некоторые динамовские команды были достаточно популярны за границей, чтобы иметь возможность путешествовать. Как только в ноябре завершался сезон в СССР, «Спартак» отправлялся в дорогу. С конца 1960-х «Спартак» играл в Италии, как правило, с не очень сильными командами при небольшом скоплении народа. К 1970-м ежегодные туры перед началом испанского сезона стали постоянной практикой для «Спартака». В феврале команда ездила во Францию. Шестиматчевый тур по Марокко в 1977-м должен был стать желанной наградой за выход в высшую лигу[111]. За последние десятилетия советской власти «Спартак» играл в Японии, Мексике, Заире, Гвинее, Великобритании, Бразилии, ФРГ, Аргентине и США. Испанские туры включали в себя показательные матчи с «Реалом», «Барселоной» и мадридским «Атлетико». Февральский тур 1987-го в Аргентину завершился ничьими с «Ривер Плейт» и «Бока Хуниорс», однако в целом большинство спартаковских противников были довольно средними клубами.

Пока команда получала неплохие деньги за эти матчи, футболисты занимались тем, что добывали дефицитные товары и затем продавали их дома. В 1937 году Старостины приобретали немало вещей в парижских магазинах. Практика советских туристов (покупать там, продавать здесь) началась еще раньше и продолжалась до самого 1991-го. Ловчев, Логофет и Галинский утверждали, что покупка-продажа западных товаров всегда была важным добавлением к зарплатам игроков. Логофет описывал один особенно успешный тур такого рода, по Ливану, Иордану и Сирии. Клуб смотрел на эти спекуляции сквозь пальцы, стремясь соперничать с провинциальными командами, которые хорошо финансировались. Кроме того, сама возможность покинуть страну и посмотреть мир оставалась значимым фактором. Как и все остальные советские туристы, спартаковцы за границей

получали приставленных к ним «наблюдателей», однако Логофет предполагает, что у игроков «Спартака» в таких поездках все равно было больше свободы, нежели у динамовцев — жертв военной дисциплины. Таможенники на досмотре в Шереметьево, работавшие на МВД и, вероятно, по большей части болельщики «Динамо», использовали свою власть избирательно. Возвращение «Спартака» из путешествия обычно проходило без проблем, но когда это было нужно, игрокам осложняли выезд и возвращение в страну. Наказания за подобные преступления участились — как правило, речь шла о дисквалификации и запрете на поездки за рубеж[112].

Все это относилось далеко не только к «Спартаку». Поездка за границу всегда была особой привилегией для советского человека, а покупки — непременной частью этих поездок. Осложнения могли возникнуть при возвращении. Понимая прибыльность подобных операций, игроки часто продавали купленное не в магазины, а на черный рынок. По ходу дела они знакомились с преступным сообществом, чьи представители могли иметь свои интересы в футбольном мире. Договорные матчи были частью системы взаимных соглашений между тренерами, включавшими в себя незаконный тотализатор, которым руководили разные преступные группировки. С ростом «второй экономики» все больше игроков ввязывались в отношения с криминалом, занимаясь полулегальными и нелегальными сделками. Коррупция, столь распространенная в позднем СССР, разрушила уважение к праву и заразила цинизмом все слои общества. Наивно было бы предполагать, что спартаковские игроки и тренеры оставались от всего этого в стороне. Клуб был пропитан духом старостинского предпринимательства, и после распада СССР Александр Вайнштейн мог назвать Старостина «социалистическим бизнесменом»[113]. Юрий Шляпин, безусловно, был прав, когда говорил, что внимание к материальным вопросам всегда являлось одной из причин успехов «Спартака».

После распада

В первые беспокойные годы после распада СССР была образована новая российская футбольная лига из двадцати команд — и те, кто когда-то находился у власти, закономерным образом там и остались. Структура сильно отличалась от

советской. В новой лиге играло много слабых и еле живых команд из заштатных городов с небольшими стадионами. Как это уже не раз случалось, Старостин прекрасно адаптировался к новым/старым капиталистическим условиям, которые застали врасплох многих его сограждан. Следуя классической для того периода модели экономической шоковой терапии, государство вышло из спортивного бизнеса, оставив клубы разбираться в своих делах самостоятельно. Старостинская независимость и его ориентация на прибыль, отшлифованная при коммунизме, сослужили ему хорошую службу в новых условиях. Точно так же, как Россия теперь превратилась просто еще в одну капиталистическую страну, «Спартак» стал еще одной очень хорошей футбольной командой, ничем принципиально не отличающейся от других по всему миру. В 1994 году Романцев пошел на шаг, взволновавший Старостина, — при поддержке игроков он сместил Шляпина и назначил себя президентом клуба, хотя команда в то время была достаточно благополучна с финансовой точки зрения. Она пережила резкий и жестокий переход страны к капитализму и являлась лучшей командой в постсоветском футболе вплоть до нового тысячелетия, но за эти годы атмосфера в «Спартаке» испортилась. В начале 1996 года Николай Озеров в открытом письме в «Известиях» жаловался на то, что Романцев стал заносчивым и ведет себя «бестактно» по отношению к прессе, официальным лицам и ветеранам клуба[114].

Так или иначе, несмотря на постоянную текучку игроков, Романцеву удавалось держать клуб на плаву. В 1992 году, в первом сезоне нового российского футбола, «Спартак» процветал. Он принял участие в 32 играх чемпионата, проиграв лишь однажды. Футболисты уезжали на Запад, однако команда использовала свои старые связи и находила игроков по всему бывшему Союзу. Точно так же, как российских игроков привлекали европейские лиги — большими зарплатами и более высоким уровнем игры, — российская лига привлекала футболистов из бывших советских республик. Многие из таких игроков обнаружили, что сезон-другой в «Спартаке» может стать ступенью и на их пути в Европу. После распада СССР и до нового тысячелетия «Спартак» выиграл все сезоны, кроме чемпионата 1995-го года[115].

Бессменный лидер российского футбола, «Спартак» был заметной командой и в Европе, ему доставались немалые деньги и престиж как постоянному участнику нового очень

успешного турнира УЕФА — Лиги чемпионов. До определенного момента «Спартак» не мог пройти дальше группового турнира, но разочарование Старостина от третьего места в чемпионате в 1995-м оттенил европейский успех осени того же года. Получив некоторое преимущество после удачной жеребьевки, команда выиграла все матчи в группе и вышла в четвертьфинал, первая игра которого должна была состояться 6 марта 1996 года. Встречая Новый год, Николай Старостин наверняка с нетерпением ждал этих матчей, однако, как Сталин в 1953-м, он не дожил до окончания сезона. Старостин скончался 17 февраля 1996 года в возрасте девяноста четырех лет. В отличие от Сталина, Старостина действительно заботил результат тех матчей, и его бы ждало разочарование: перед возобновлением турнира «Спартак» продал нескольких ведущих игроков и был выбит из соревнований французским «Нантом»[116].

Без Старостина «Спартак» стал другим. Его присутствие создавало ауру, питавшую спартаковскую идеологию. Его публичный образ прямого и честного человека (оправдан ли такой образ — другой вопрос) обеспечивал репутацию команде, давал возможность более взрослым поклонникам «Спартака» продолжать чувствовать свое моральное превосходство. Арест братьев, их выживание в лагере и счастливое возвращение десятилетиями служили образом надежды для целой страны, также много страдавшей. Жертвы сталинских репрессий, Старостины и их команда считали себя принадлежавшими к здоровой части советского общества, однако к тому моменту, как Старостин передал это наследие Романцеву, оно сильно поиздержалось. После 1991 года «Спартак» уже не мог представлять себя участником сопротивления государственной тирании. Его фанаты перестали считать себя жертвами. Наоборот, «Спартак» — сильнейшая команда страны — получил поддержку со стороны русских националистов. Многие из этих людей принадлежали к ультраправым движениям и организациям, агрессивные скинхеды служили символом роста расистских настроений, которые захлестнули Европу в те же годы и продолжаются по сей день. Некоторые из этих групп были связаны с беспорядками на стадионах — в России и в мире.

В постсоветское время организованная преступность и футбол были скреплены еще теснее. Коррупция стала повсеместной, не затронутыми оказались лишь несколько команд.

Постоянно циркулировали слухи о поклонниках «Спартака» из преступного мира. Рассказывались истории о группировках, покупавших игры для команды, не ставя в известность никого в самом клубе. Как признавался Симонян, поклонниками «Спартака» действительно часто бывали темные личности. Роль братков в спорте, особенно когда дело доходит до договорных игр, сложно доказать, и лишь немногие журналисты (не говоря уже о следователях) были достаточно отважны для того, чтобы попробовать это сделать[117]. На другой стороне закона находился новый российский президент, Борис Ельцин — он также поддерживал «Спартак». Ельцин присутствовал на важных матчах и принимал участие в празднованиях. В выборах 1996 года игроки и официальные лица «Спартака» поддерживали его кандидатуру против кандидата от компартии. Политическая конъюнктура наконец подходила «Спартаку».

В награду за успехи на клубном уровне Романцеву был предложен пост тренера сборной — для участия в чемпионате Европы 1996 года. Но команда выступила там неудачно — как и на чемпионате мира 1998-го. В следующем отборочном цикле дела также не заладились, и к 2002 году Романцев ушел — сразу во всех смыслах. Давление нескольких должностей и неудачный период в сборной сильно изменили Романцева, впавшего в паранойю и алкоголизм. Вскоре он был отстранен и от работы в «Спартаке»[118]. В домашнем чемпионате с командой соперничали ЦСКА, «Локомотив» и «Зенит», которыми теперь владели разные группы состоятельных бизнесменов. «Спартак» стал скатываться вниз по таблице. Тренеры приходили и уходили, в клубе разразилось несколько скандалов. Однако несмотря на то что образ команды заметно потускнел, а мир постсоветского футбола сильно изменился, спартаковская история не была полностью забыта. Во время одного особенно душераздирающего периода неудач группа фанатов подняла над трибуной большой плакат с портретом Николая Старостина. Под ним была подпись: «Он всё видит».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Умирая, Советский Союз унес с собой тысячи отличных анекдотов. По какой-то непонятной причине постсоветскому юмору сильно недостает былой иронии. В одной из немногих удачных шуток ответ на вопрос «Что такое коммунизм?» звучит так: «Коммунизм — это кратчайший исторический переход от капитализма к капитализму». Что-то подобное можно сказать и о «Спартаке»: Московский клуб спорта в 1922 году, затем полноценная предпринимательская структура и в итоге — профессиональный футбольный клуб. В промежутке команда существовала в разных формах. Хотя сторонники Адама Смита вряд ли согласятся, что слово «капитализм» применимо к той коммерческой деятельности, которую можно было вести хоть в досоветскую, хоть в постсоветскую эпоху, никто не станет спорить с тем, что собственно советская система всегда находилась в подвижном состоянии. Необязательно верить в теорию модернизации, чтобы признать: отношения Советского Союза с окружающим его миром всегда были далеки от стабильности. Футбол во всем мире претерпевал серьезные изменения на протяжении двух последних столетий: команды и клубы появлялись на свет в период зарождения капитализма и достигли зрелости к концу XX века. Здесь «Спартак» не был исключением. Он все время приспосабливался к изменениям, от 1900 до 1991 года включительно. Непрекращающаяся эволюция этой команды всегда отражала глубокие социальные перемены на протяжении всей советской истории.

За годы работы над этой книгой мои взгляды на «Спартак» — а в особенности на Старостиных — также менялись. Я прошел путь от болельщика, чьим призванием был футбол, до ученого, чьим призванием стало изучение истории. В 1990 году мне удалось встретиться и поговорить с Николаем Старостиным:

я тогда занимался исследованием о советском зрелищном спорте, и то интервью стало для меня важным источником информации. На тот момент я еще не прочел последние мемуары Старостина, и мои познания в советском футболе совсем не впечатляли. Нечего и говорить, что как поклонник «Спартака» я был под впечатлением от встречи с кумиром, и два часа разговора с великим патриархом не поколебали моего к нему отношения. В уделенное мне время этот очень пожилой человек говорил открыто и заинтересованно — о своей жизни и команде; лишь в одной детали он оказался чуть неточен. Если бы я знал тогда то, что знаю сейчас, я задавал бы ему другие, гораздо менее удобные вопросы.

Не могу сказать, что в процессе исследования я разочаровался в команде или в Старостине, однако мое понимание этой истории существенно усложнилось. Старостин для меня — больше не герой с кристально чистыми принципами, но все еще невероятно впечатляющая фигура со своими сильными и слабыми сторонами. Его саморазоблачения, как это часто происходит в таких случаях, тщательно им отобраны, и, на мой взгляд, его личность по-прежнему остается загадкой. Первенец в семье, где было шестеро детей, он был прирожденным лидером, ранняя смерть отца в 1920 году лишь упрочила это положение вещей. Даже фамилия говорила о его серьезности. «Староста» — русское слово, означающее старшего человека в семье или сообществе. Возможно, именно связью с этим словом можно объяснить то чувство собственного достоинства и собственной значимости, которое он демонстрировал всю свою жизнь.

Двойственность характера Старостина находит свое продолжение в спартаковской истории. Она отражала реалии современного профессионального футбола, которые не соответствуют нашим стереотипным представлениям о советской действительности. Зрелищный спорт способен служить массам, но он никогда не будет им принадлежать. Болельщики могут поддерживать свои команды по самым разным причинам, однако сами клубы всегда принадлежат элитам — а кто составляет эту элиту в конкретный момент времени в первую очередь зависит от экономической и политической повестки. Во всех обществах в том, что касается большого спорта (а футбол один из самых популярных его видов) всегда доминировали сильные. Футбол всегда являлся тем полем, на котором сила проверялась и утверждала себя. Выражение «политический футбол»

всегда было и остается классической тавтологией. «Спартаку» удалось создать собственный образ — народной команды, романтического аутсайдера и жертвы. В то же время способы создания этого образа и методы, которыми его отстаивали, постоянно менялись. И Старостины действовали на самом высоком политическом уровне, чтобы обеспечить своей команде возможность не только существовать, но и преуспевать. Для достижения этих целей публичный образ клуба всегда выставлялся на передний план. И в то же время «Спартаку» приходилось скрывать тот факт, что у команды есть поддержка со стороны властных институтов. Старостины хотели руководить успешным, ярким и прибыльным предприятием, которое сделало их знаменитыми и, по советским стандартам, богатыми, поэтому по-другому они вести себя не могли.

Со временем для болельщиков из самых разных социальных групп «Спартак» стал служить орудием тихого протеста, никогда не поднимавшегося, впрочем, до уровня настоящего противостояния. Глубина и формы этого протеста могли сильно варьироваться. Среди преданных поклонников «Спартака» были и те, кто полностью принимал политический режим, точно так же, как в рядах болельщиков «Динамо» или ЦСКА числились настоящие оппозиционеры. Такие лояльные коммунисты, как Константин Черненко и Егор Лигачёв, поддерживали красно-белых[1]. Если часть спартаковских болельщиков поначалу и была настроена враждебно по отношению к нарождающейся советской элите, эти чувства никогда не вырастали до призывов вернуться к капитализму. А после Второй мировой войны многие представители этой элиты и сами стали болеть за «Спартак», и таким образом противопоставление «государство — общество», стоявшее за противостоянием «Спартака» и «Динамо» в 1930-е, усложнилось и стало представлять собой гораздо более широкий круг противоречий и взаимного недовольства.

Причин болеть за «Спартак» стало больше, точно так же как появилось больше способов быть советским человеком. Жесткий набор сталинской эпохи оказался лишь частью разнообразного советского опыта. Неоднозначность постоянно изменяющихся взаимоотношений «Спартака» и власти действительно во многом отражает все те сложные способы жить в СССР, которые складывались со времени образования государства до его распада. Кто-то может считать, что то и дело меняющие

свою бизнес-стратегию Старостины вели себя цинично, однако скорее всего они отвечали на постоянно меняющиеся внешние обстоятельства.

Если футбол — действительно ненадежное оружие в руках властей, то и как объект исследования он не слишком надежен. И если история «Спартака» — маленькая часть какой-то важной правды о большой советской истории, полученные нами ответы далеки от определенности. Взгляды самих футбольных болельщиков оценить сложнее всего, определить и проанализировать их — самый трудный фрагмент пазла, просто в силу их крайней субъективности. Мы знаем, о чем думали и что делали руководители команд, однако понять ход мыслей и эмоции спортивной публики значительно сложнее в силу ограниченности советского дискурса. Существует совсем немного бесценных свидетельств уже наших современников о том, почему они, советские граждане, поддерживали тот или иной клуб.

Возможно, проблема в субъективном характере самой игры. Какова ее роль в идеологии, в центре которой располагался труд? Если культура должна поучать, а развлечение — воспитывать, то игра, предписывающая ее участникам использовать строго определенные части тела, вряд ли могла быть очень полезна для политического режима, стремившегося к тотальному контролю. Когда дело доходило до футбола — любимой игры рабочих, им негде было применить свои натруженные руки, запустившие советскую промышленность. Олимпийский спорт по сравнению с футболом гораздо более рационален, его достижения всегда можно изобразить графически, в виде строгих колонок с наградами. А футбольный мяч, по знаменитому выражению немецкого тренера Зеппа Хербергера, всегда круглый.

Начавшись в XIX веке и развиваясь в XX, игра и досуг воспринимались правыми как знак принадлежности к определенной ступени в социальной иерархии. В «Homo Ludens», своем классическом труде 1938 года, Йохан Хёйзинга, прогрессивный консерватор, доказывал, что игра, продукт досуга, служила двигателем культуры, а культура — двигателем истории[2]. Материалисты и другие левые интеллектуалы — те, кто, как Советы, делал акцент на производстве в своем анализе, — промахнулись по мячу. Лишь немногие радикально настроенные мыслители, среди которых стоит назвать Антонио Грамши — любившего футбол, но физически неспособного в него играть, — признавали

центральное положение игры в частности и массовой культуры в целом. В новом тысячелетии уроки отца итальянского коммунизма наконец-то выучены. В наши дни историки и справа, и слева так или иначе сфокусированы на культуре. Спорт и веселье — дело серьезное. К чести Николая Старостина надо сказать, что он понимал это с самых первых дней, проводимых на улицах Красной Пресни. Он родился до возникновения Советского Союза и умер уже после его распада. Его детище подарило радость миллионам людей, а ему самому принесло немало боли и страданий. «Спартак» оказался тем самым полем экспериментов, на котором проявились разные стороны советской жизни. Как и Старостин, «Спартак» пережил советскую власть. Мы продолжаем участвовать в общих попытках осознать исторические уроки теперь уже завершенного коммунистического периода, и этот маленький, но долговечный ее фрагмент может рассказать многое о том, что это значило — жить в СССР и быть советским человеком.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Эту книгу должен был написать я. Подготовка началась в 10 лет, когда я впервые прочел «Большой футбол» Андрея Старостина. И закончилась в 23 — когда в издательстве Cornell University Press вышла эта книга. Теперь, еще 15 лет спустя, я знаю, что годы тренировок не прошли впустую — мне дали исписать всю последнюю страницу ее русского перевода.

Кроме временной перспективы, для написания этой книги оказалась чрезвычайно важна культурная дистанция. Боб Эдельман сделал то, что никто из нас никогда бы не смог, — он занял место аутсайдера, постороннего, в отношении рассказываемой истории. Как образцовый социальный антрополог, он поместил себя в прошлое, чужую страну и рассказал о нем ту историю, которая была не вполне понятна нам самим. Я видел тех, кто видел Старостиных, — никому из них не удалось бы написать такую книгу, они сами были слишком глубоко погружены в проживаемую ими спартаковскую мифологию.

Но, кажется, здесь есть и кое-что еще — подспудное желание оградить футбол от «научного взгляда» — излюбленного советского способа приручить действительность. Для многих постсоветских гуманитариев футбол, со всеми его проблемами и изрядной политизированностью, все равно остается тем, что журналист Лев Филатов называл «островком справедливости» в бушующем море их частной и общественной жизни.

Духи и призраки из семейного спартаковского романа оказались потревожены еще раз, когда общество «Мемориал» (внесено в реестр иностранных агентов) провело собственное исследование политических дел против спартаковцев 1937–1938 годов. Они были опубликованы в вебдоке «Люди гибнут за футбол» (spartak.memo.ru), и стала понятна прямая связь между этими

арестами и делом Старостиных 1942 года. Когда само следственное дело братьев было частично рассекречено (об этой истории рассказано в подкасте «Люди гибнут за Спартак»), оказалось, что профессор Эдельман, даже не глядя в документы, очень точно определил фабулу обвинения и его проблемные стороны — он ошибся буквально в паре совсем небольших деталей.

С тех пор прошло довольно много времени. Вице-президент «Лукойла» Леонид Федун построил для «Спартака» свой стадион. Внутри был открыт мультимедийный клубный музей с коллекцией кубков, медалей, фото и видео — историей побед команды с 1920-х до нашего времени. Когда в 2017 году «Спартак» впервые за 16 лет выиграл титул чемпиона, эта новая страница в его жизни заняла в музее целую стену. Прошлое встретилось с настоящим, будущее получило новую точку отсчета. Те истории, которые мы рассказываем сами себе, глядя на футбольное поле, не закончатся, пока не будет сыгран последний матч.

Благодарности

Небольшие фрагменты черновой версии перевода этой книги публиковались в блоге ДаДаНетДа на Sports.ru. Большое спасибо подписчикам блога и нескольким его авторам, также писавшим для него.

На разных этапах работы с книгой мне помогало множество людей. Среди них я хочу особенно выделить первых редакторов ранних версий перевода — Михаила Велижева, Таню Григорьеву и Андрея Курилкина. Пережив немало тяжелых лет, болезней, эпидемий и войн, этот перевод был закончен в значительной мере благодаря им.

И пока меня никто не останавливает, я хочу сказать спасибо тем, кто все это время был со мной рядом: маме, Кате и Верке.

Сергей Бондаренко

2024

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие к американскому изданию

1 Имеется в виду книга: *Edelman R.* Serious Fun: A History of Spectator Sports in the USSR. Oxford, 1993 (русский перевод: *Эдельман Р.* Серьезная забава: История зрелищного спорта в СССР. М., 2008).

Введение

1 К дискуссии о роли советской субъективности и конструировании собственного образа см.: *Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, MA, 2006. P. 1–14, 347–364 (русский перевод: *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. М., 2017. С. 15–32, 393–412). О публичном и частном см.: Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia / ed. by L. Siegelbaum. N. Y., 2006. P. 1–21.

2 *Kuper S.* Football against the Enemy. L., 1994. P. 46 (русский перевод: *Купер С.* Футбол и его враги. М., 2009. С. 81). Я цитирую армянского антрополога Левона Абрамяна, чья работа посвящена теме праздника в древности (см.: *Абрамян Л.* Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 11–14).

3 *Kuper S.* Football against the Enemy. P. 40 (*Купер С.* Футбол и его враги. С. 72). Купер не называет имени «советского ученого» [в русском переводе книги Купера этот человек представлен как «отец этнолога и антрополога Владимира Шинкарёва»].

4 О сопротивлении и протесте см.: The Resistance Debate in Russian and Soviet History / ed. by M. David-Fox, P. Holquist, M. Poe // Kritika Historical Studies. 2003. Vol. 1. О насильственном протесте см.: *Kozlov V.* Mass Uprisings in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years. Armonk, NY, 2002. P. 3–21, 311–314 (русский перевод: *Козлов В.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе, 1953 — начало 1980-х гг. М., 2010. С. 7–36, 285–293].

5 *King A.* The End of the Terraces: The Transformation of English Football in the 1990's. L., 1998. P. 16–24; *Geertz C.* Deep Play // Daedalus. 1972 (Winter). P. 26 (русский перевод: *Гирц К.* Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев // Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 508).

6 Среди множества разных исследований о футболе и проблемах идентичности можно обратить внимание на работу: *King A.* New Directors, Customers and Fans: The Transformation of English Football in the 1990's // Sociology of Sport Journal. 1997. No. 14. P. 236.

О связях между командами и локальными сообществами в первые годы развития футбола см.: *Mason T.* 1) Association Football and British Society, 1863–1914. Brighton, 1981; *Murray B.* Football: A History of the World Game. Aldershot, 1994. P. 1–50; 2) The Old Firm, Sectarianism, Sport and Society in Scotland. Edinburgh, 1984. P. 4–25; *Eisenberg Ch.* Football in Germany: Beginnings, 1900–1914 // International Journal of the History of Sport. 1991. Vol. 8. No. 2. P. 205–220; *Gillmeister H.* The Fate of Little Franz and Big Franz: The Foundation of Bayern Munich FC // Soccer and Society. 2000. Vol. 1. No. 2 (Summer). P. 80–106; *Taylor R.* Football and Its Fans: Supporters and Their Relations with the Game, 1885–1985. Leicester, 1992. P. 3–13; *Korr Ch.* West Ham United: The Making of a Football Club. Urbana, IL, 1986. P. 1–17; *Lanfranchi P.* Bologna: The Team That Shook the World // International Journal of the History of Sport. 1991. Vol. 8. No. 3. P. 336–346; *Bethell Ch., Sullivan D.* Millwall Football Club, 1885–1939. Stroud, 1999. P. 5–8; *Foote J.* Calcio: A History of Italian Football. L., 2006. P. 1–41; *McGinniss J.* The Miracle of Castel di Sangro. N. Y., 1999; *Ball Ph.* White Storm: 100 Years of Real Madrid. Edinburgh, 2002. P. 59–72; *Burns J.* Barca: A People's Passion. L., 1999. P. 70–96.

7 Советский спорт. 1959. 8 марта.

8 *Bourdieu P.* Program for a Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. 1988. No. 5. P. 160. См. также: *Bourdieu P.* 1) The Logic of Practice. Stanford, 1990. P. 160; 2) Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. Cambridge, MA, 1984. P. 214. О Бурдьё см.: *Brownell S.* Training the Body for China: Sports in the Moral Order of the People's Republic. Chicago, 1995. P. 11.

9 О культуре тела см.: The Making of the Modern Body: Sexuality and Society in the Nineteenth Century / ed. by Th. Laqueur, C. Gallagher. Berkeley, 1987; *Eichberg H.* Body Cultures: Essays on Sport, Space and Identity. L., 1998; The Body: Social Process and Cultural Theory / ed. by M. Featherstone, B. Turner. L., 1991.

10 *Connell R. W.* Masculinities: Knowledge, Power and Social Change. Berkeley, 1995; *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. St. Paul, 1995. P. 93.

11 *Dunning E.* Sport as a Male Preserve: Notes on the Social Sources of Masculinity and Its Transformations // Women, Sport and Culture / ed. by S. Birell, Ch. Cole. Urbana, IL, 1994. P. 163–179; *Archetti E.* Masculinities: Football, Polo and the Tango in Argentina. Oxford, 1999. P. 161–189; *Hoberman J.* Sport and Political Ideology. Austin, 1984. P. 11; *Gorn E., Goldstein W.* A Brief History of American Sport. N. Y., 1993.

12 О конкурирующих между собой моделях понимания спорта и о дискуссиях по вопросам теории современного спорта, включающих в себя размышления Бурдьё, Фуко, Грамши и Стюарта Холла см.: *Gruneau R.* The Critique of Sport in Modernity // The Sports Process: A Comparative and Developmental Approach / ed. by E. Dunning, J. Maguire, R. Pearton. Urbana, IL, 1993. P. 85–105.

13 Среди множества работ о советской массовой культуре можно обратить внимание на следующие: *Stites R.* Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900. Cambridge, 1992; *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of

Stalin. Bloomington, IN, 2000. P. 24, 31–34; *Starr F.* Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union. Oxford, 1984; *Youngblood D.* Movies for the Masses: Popular Cinema and Soviet Society in the 1920's. Cambridge, 1992; Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / ed. by A. Gorsuch, D. Koenker. Ithaca, 2006; *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton, 2006 (русский перевод: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М. 2014).

14 *Scott J.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, 1990. P. 120. О сложном восприятии повседневного см.: The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life / ed. by A. Ludtke. Princeton, 1995. P. 12.

1. Спартаковские корни, 1900–1917 годы

1 Спартаковские корни, 1900–1917 годы. Районный футбол Цит. по: *Murray B.* The World's Game: A History of Soccer. Urbana, IL, 1996. P. 29–30.

2 *McReynolds L.* Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca, 2003. P. 95.

3 О футболе в Великобритании среди прочего см.: *Mason T.* Association Football and British Society; *Holt R.* Sport and the British: A Modern History. Oxford, 1989.

4 *Перель А. С.* Отечественному футболу 60 лет. М., 1958. С. 16.

5 Сто лет российскому футболу: 1897–1997 / Российский футбольный союз. М., 1997. С. 23; *Frykholm P.* Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow // Journal of Sports History. 1997. Vol. 24. No. 2. P. 144; *McReynolds L.* Russia at Play. P. 76–112.

6 Мы цитируем Холта по: Frykholm P. Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow. P. 144.

7 *Peppard V.* The Beginnings of Russian Soccer // Stadion. 1982–1983. No. 8–9. P. 159.

8 *Guttmann A.* Ritual to Record: The Nature of Modern Sports. N. Y., 1978. P. 1– 55 (русский перевод: *Гуттман А.* От ритуала к рекорду: Природа современного спорта. М., 2016. С. 11–102).

9 *Haimson L.* Russia's Revolutionary Experience, 1905–1917: Two Essays. N. Y., 2005. P. 31–32; *Johnson R.* Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow at the End of the Nineteenth Century. New Brunswick, NJ, 1979.

10 *Bradley J.* Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, 1985; *Thurston R.* Liberal City, Conservative State, Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906–1914. Oxford, 1987; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981; *Engelstein L.* Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict. Stanford, 1982; *Bonnell V.* Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914. Berkeley, 1983.

11 *Smith S. A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge, 1983; *Mandel D.* The Petrograd Workers and the Fall of the Regime: From the February Revolution to the July Days, 1917. L., 1983; The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power:

From the July Days, 1917 to July, 1918. L., 1984; *Hogan H.* Forging Revolution: Metal Workers, Managers and the State in St. Petersburg, 1890–1914. Bloomington, IN, 1993; *Rosenberg W., Koenker D.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989; *Steinberg M.* Moral Communities: The Culture of Class Relations in the Russian Printing Industry, 1867–1907. Berkeley, 1992; *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. N. Y., 1976; *Suhr G.* 1905 in St. Petersburg: Labor, Society and Revolution. Stanford, 1989.

12 См.: *Baker W. J.* Sports in the Western World. Totowa, NJ, 1982; *Mason T.* Passion of the People? Football in South America. L., 1995; *Mason T., Eisenberg Ch., Lanfranchi P., Wahl A.* 100 Years of Football: The FIFA Centennial Book. L., 2004. P. 36–57.

13 *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. М., 1995. С. 3, 9.

14 *Pickup I.* French Football from Its Origins to Euro 84 // France and the World Cup: The National Impact of a World Sporting Event / ed. by H. Dauncey, G. Hare. L., 1999. P. 22–40.

15 *Riordan J.* Sport in Soviet Society: Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR. Cambridge, 1977. P. 10.

16 *Peppard V.* The Beginnings of Russian Soccer. P. 159; *Riordan J.* Sport in Soviet Society. P. 13, 18.

17 О раннем олимпийском движении см.: *Guttmann A.* The Olympics: A History of the Modern Games. Urbana, IL, 1992; *MacAloon J.* This Great Symbol: Pierre de Coubertin and the Origins of the Modern Olympic Games. Chicago, 1984.

18 *Peppard V.* The Beginnings of Russian Soccer. P. 155; *Riordan J.* Sport in Soviet Society. P. 22; Сто лет российскому футболу. С. 12; *McReynolds L.* Russia at Play. P. 102; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 3.

19 Сто лет российскому футболу. С. 28; *Прибыловский Л. П.* Тренер большого футбола. М., 1980. С. 8; *Riordan J.* Op. cit. P. 22; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 4; *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет: Энциклопедический справочник. М., 1997. С. 20; *Тарасов В., Тихонов С.* Футбол: Историко-спортивный очерк. Тбилиси, 1948.

20 *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 5–6, 15–19; *Riordan J.* Sport in Soviet Society. P. 22; *Коршак Ю.* Старый, старый футбол. М., 1980. С. 8. *Ромм М.* Я болею за «Спартак»: Спорт, путешествия, восхождения. Алма-Ата, 1965; *Старостин А.* Большой футбол. Москва, 1964. С. 16.

21 *Peppard V.* The Beginnings of Russian Soccer. P. 156–157; Сто лет российскому футболу. С. 19; *Riordan J.* Sport in Soviet Society. P. 19; *Сушков М.* Футбольный театр. М., [б. д.]. С. 52.

22 См.: *Engel B.* Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994; *Brooke C.* Moscow: A Cultural History. Oxford, 2006. P. 63–65.

23 *Старостин А.* Флагман футбола. М., 1988. С. 15.

24 *Matthews S.* The Way It Was: My Autobiography. L., 2000. P. 9.

25 *Brower D.* Labor Violence in Russia in the Late Nineteenth Century // Slavic Review. 1982. Vol. 41. No. 3. P. 419, 423; *Frykholm P.* Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow. P. 143; Сто лет российскому футболу. С. 26; *Сушков М.* Футбольный театр. С. 22; *Старостин Н.* Звезды советского футбола. М., 1967. С. 88.

26 Советский спорт. 1957. 25 октября; *Батырев П. В.* Победа новой тактики // Рассказы старых спортсменов М., 1950. С. 7–10.

27 Советский спорт. 1957. 23 октября; *Frykholm P.* Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow. P. 145–46; *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 16; *Сушков М.* Футбольный театр. С. 26–27; Сто лет российскому футболу. С. 25.

28 *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. М., 1983. С. 28; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 6; Сто лет российскому футболу. С. 23; *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 17; Советский спорт. 1957. 11 сентября.

29 *Есенин К.* Московский футбол. М., 1974. С. 14, 74; *Сушков М.* Футбольный театр. С. 16; *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 29.

30 *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 21; Сто лет российскому футболу. С. 23; *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 30; *Чесноков Б.* Спорт в старой Москве // Страницы Московского спорта. М., 1969. С. 23.

31 Сто лет российскому футболу. С. 20; *Сушков М.* Футбольный театр. С. 16; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 7; *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 30; *Есенин К.* Московский футбол. С. 15; *Ruble B.* Second Metropolis: Pragmatic Pluralism in Gilded Age Chicago, Silver Age Moscow and Meiji Osaka. Cambridge, 2001. P. 272.

32 *Сушков М.* Футбольный театр. С. 17; *Есенин К.* Московский футбол. С. 16; *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 31.

33 *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 19; *Сушков М.* Футбольный театр. С. 18, 22; *McReynolds L.* Russia at Play. P. 93.

34 *McReynolds L.* Russia at Play. P. 106; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 10–14; *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 15; *Коршак Ю.* Старый, старый футбол. С. 105–111; Советский спорт. 1954. 13 апреля; Советский спорт. 1958. 1 мая.

35 *Есенин К.* Московский футбол. С. 16, 20; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 7; Сто лет российскому футболу. С. 25; *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 21, 25; *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 158; Советский спорт. 1957. 21 сентября.

36 Сто лет российскому футболу. С. 17; *Старостин А.* Большой футбол. С. 14; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. Ср.: 10–11 и 19–23; *Старостин Н.* Мои футбольные годы. М., 1986. С. 9; *Сушков М.* Футбольный театр. С. 29–30; *Frykholm P.* Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow. P. 144–145.

37 *Старостин А.* Повесть о футболе. Москва, 1973. С. 15; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. М., 1989. С. 15; *Bonnell V.* Roots of Rebellion. P. 40; Сто лет российскому футболу. С. 49.

38 Сто лет российскому футболу. С. 49; *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 131; *Сушков М.* Футбольный театр. С. 48, 49, 53; *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. М., 1978. С. 30–31; *Stites R.* Russian Popular Culture. P. 18–19.

39 *Сушков М.* Футбольный театр. С. 53.

40 *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 8.

41 *Bonnell V.* Roots of Rebellion. P. 37.

42 Сто лет российскому футболу. С. 44–45; *Старостин А.* Большой футбол. С. 15; *Davies A.* Leisure, Gender and Poverty: Working-Class Culture in Salford and Manchester, 1900–1930. Buckingham, 1992. P. 38–39.

43 *Frykholm P.* Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow. P. 147; *Peppard V.* The Beginnings of Russian Soccer. P. 152.

44 *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 696.

45 *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 27.

46 Там же. С. 33–34.

47 *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 696; *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 35.

48 ЗКС был чемпионом в 1914 году. *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 35–39; *McReynolds L.* Russia at Play. P. 105; *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 393, 696; Известия. 1940. 14 октября.

49 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 54.

50 *Ruble B.* Second Metropolis. P. 272; *Bradley J.* Muzhik and Muscovite. P. 4.

51 *Bonnell V.* Roots of Rebellion. P. 21.

52 *Bradley J.* Muzhik and Muscovite. P. 4, 64.

53 *Ruble B.* Second Metropolis. P. 265.

54 *Chase W.* Workers, Society and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918–1929. Urbana, IL, 1987. P. 180.

55 *Bradley J.* Muzhik and Muscovite. P. 196.

56 *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. P. 16

57 *Strauss K.* Factory and Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class. Pittsburgh, 1997. P. 33.

58 *Engelstein L.* Moscow, 1905. P. 45; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. P. 20.

59 *Нисенбойм Э., Расинский В.* От МКС до «Спартака». М., 2000. С. 3; *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, MA, 1995. P. 47.

60 *Bradley J.* Muzhik and Muscovite. P. 87–88.

61 *Bradley J.* Muzhik and Muscovite. P. 139; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. P. 20; *Ruble B.* Second Metropolis. P. 271; *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. P. 48.

62 *Bradley J.* Muzhik and Muscovite. P. 215.

63 *Engelstein L.* Moscow, 1905. P. 49.

64 *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. P. 146; *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. P. 65; *Engelstein L.* Moscow, 1905. P. 216.

65 *Engelstein L.* Moscow, 1905. P. 215–216; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. P. 54.

66 *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. P. 16; *Ruble B.* Second Metropolis. P. 263.

67 *Старостин А.* Большой футбол. С. 6.

68 *Старостин А.* 1) Повесть о футболе. С. 4–6; 2) Большой футбол. С. 21; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 15.

69 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 8; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 11.

70 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 12; *McReynolds L.* Russia at Play. P. 83.

71 О пограничных и пороговых состояниях в обществе см.: *Turner V.* From Ritual to Theater: The Human Seriousness of Play. N. Y., 1982. P. 20–59.

72 *Старостин А.* 1) Флагман футбола. С. 7; 2) Большой футбол. С. 25.

73 *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 140.

74 *Старостин А.* Большой футбол. С. 27.

75 *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 14–19.

76 *Горянов Л.* Ожившие легенды. М., 1969. С. 129.

77 *Акимов А.* Записки вратаря. М., 1968. С. 66–68.

78 *Горянов Л.* Ожившие легенды. С. 135–136; *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 177; *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 54. 107–108; *Нисенбойм Э., Расинский В.* От МКС до «Спартака». С. 98; *Frykholm P.* Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow. P. 147.

79 *Акимов А.* Записки вратаря. С. 6. *Старостин А.* Большой футбол. С. 33.

80 *Горянов Л.* Ожившие легенды. С. 140–141, 156.

81 *Горянов Л.* Ожившие легенды. С. 132, 158, 160, 162; *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 54.

82 *Frykholm P.* Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow. P. 150; *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 14.

83 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 54.

84 *Старостин А.* Большой футбол. С. 25.

85 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 12–19.

86 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 19.

87 *Старостин Н.* Мои футбольные годы. С. 10; *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 58.

88 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 8; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 7–11; *Worobec Ch.* Masculinity in Late-Imperial Russian Society // Russian Masculinities in History and Culture / ed. by B. Clements et al. N. Y., 2002. P. 82.

89 *Brower D.* Labor Violence in Russia in the Late Nineteenth Century. P. 425–427.

90 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 8–10.

91 Там же. С. 8–10, 17; *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 72.

92 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 46–48; *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 131–135.

93 *Старостин А.* 1) Повесть о футболе. С. 56–57; 2) Большой футбол. С. 21–24.

94 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 61–62.

95 *Старостин А.* Большой футбол. С. 24

96 *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 128; *Старостин А.* Флагман футбола. С. 24.

97 После масштабной оцифровки метрических книг доступны оказались другие данные — спортивный историк Станислав Гридасов 25 января 2023 года опубликовал в своем канале данные записи о Николае Старостине, согласно которым тот все же родился именно 13 февраля 1902 года (по старому стилю), см.: *Гридасов С.* Так, друзья, официально: нашел запись в метрической книге о рождении Николая Петровича Старостина... // Telegram, 25 янв. 2023. URL: https://t. me/stg_50/1029 (дата обращения: 15.07.2024). — *Примеч. пер.*

98 ГАРФ. Ф. 7583. Оп. 60. Ед. хр. 4105. Л. 2–5; Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 77. Л. 77 об.

99 Октябрь на Красной Пресне: Воспоминания к X годовщине. М., 1927.

100 *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. P. 213.

101 *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 11; *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 447.

102 *Smith S. A.* Masculinity in Transition: Peasant Migrants to Late-Imperial St. Petersburg // Russian Masculinities in History and Culture. P. 108.

2. До появления «Спартака», 1917–1935 годы

1 Сто лет российскому футболу. С. 51; *Есенин К.* Московский футбол. С. 29; *Hazan B.* Olympic Sports and Propaganda Games. Brunswick, 1982. P. 20.

2 Сто лет российскому футболу. С. 51; *Прибыловский Л. П.* Тренер большого футбола. С. 10, 23; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. М., 1995. С. 26; *Riordan J.* Sport in Soviet Society. P. 69; *Есенин К.* Московский футбол. С. 19; *Горянов Л.* Ожившие легенды. С. 163–165.

3 *Старостин А.* Большой футбол. М., 1964. С. 41; *Горянов Л.* Ожившие легенды. С. 164.

4 *Пирогов В.А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 9; *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 72.

5 Сто лет российскому футболу. С. 50.

6 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 87.

7 *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. М., 1983. С. 62; *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 4; *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 158, 170; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва: Официальная история: 1922–2002. М., 2002. С. 790–791.

8 Сто лет российскому футболу. С. 50–51; *Есенин К.* Московский футбол. С. 75–78.

9 *Старостин А.* Большой футбол. С. 41.

10 *Горянов Л.* Ожившие легенды. С. 164.

11 *Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1999. P. 6; *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, IN, 2000. P. 24

12 Ibid. P. 9.

13 *Stites R.* Russian Popular Culture. P. 37–40.

14 *Луначарский А.* Мысли о спорте. М., 1930.

15 *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia. P. 116.

16 *Starr F.* Red and Hot. P. 58.

17 *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia. P. 116–117; *Starr F.* Red and Hot. P. 58; *Stites R.* Russian Popular Culture. P. 52; *Ball A.* Russia' Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. Berkley, 1997. P. 17.

18 *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia. P. 116–117; *Stites P.* Russian Popular Culture. P. 49; *Лебина Н.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. СПб., 1999. С. 254.

19 *Starr F.* Red and Hot. P. 60; *Stites P.* Russian Popular Culture. P. 47.

20 *Youngblood D.* Movies for the Masses. P. 14, 21, 25–28; *Stites P.* Russian Popular Culture. P. 56, 60, 63; *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia. P. 65; *Лебина Н.* Повседневная жизнь советского города. С. 245–247.

21 *Старостин А.* 1) Повесть о футболе. С. 68; 2) Встречи на футбольной орбите. С. 51.
22 *Старостин А.* Флагман футбола. С. 35.
23 *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 70.
24 *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 50.
25 Там же. С. 31–41.
26 *McReynolds L.* Russia at Play. P 90–92; *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 44, 59.
27 *Chase W.* Workers, Society and the Soviet State. P. 157–164; *Siegelbaum L.* Soviet State and Society between Revolutions: 1918–1929. Cambridge, 1992. P. 104; *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia. P. 38–40; *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса СССР, 1917–1940 гг. М., 1976. С. 87, 115.
28 *Бесков К.* Моя жизнь в футболе // Футбол. 1991. No. 4. С. 4.
29 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 12.
30 *Siegelbaum L.* Soviet State and Society between Revolutions. P. 12–13.
31 *Старостин Н.* Мои футбольные годы. С. 10.
32 *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 62; *Нисенбойм Э., Расинский В.* От МКС до «Спартака». С. 5–6; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 17, 21–22; *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 114.
33 *Старостин А.* Большой футбол. С. 44; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 16; *Горянов Л.* 1) Ожившие легенды. С.169; 2) Колумбы московского футбола. С. 91.
34 *Нисенбойм Э., Расинский В.* «Спартак» Москва. С. 10.
35 *Горянов Л.* Ожившие легенды. С. 167; *Старостин А.* 1) Большой футбол. С. 44; 2) Повесть о футболе. С. 72–75; *Горянов Л.* Ожившие легенды. С. 170; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 11.
36 Там же.
37 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 17; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 12.
38 Там же. С. 14.
39 *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 7.
40 *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 94; Советский спорт. 1950. 14 ноября; Сто лет российскому футболу. С. 52–53; *Есенин К.* Московский футбол. С. 36; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 27; *Прибыловский Л. П.* Тренер большого футбола. С. 5.
41 *Есенин К.* Московский футбол. С. 38; *Старостин А.* Большой футбол. С. 72.
42 *Старостин Н.* 1) Мои футбольные годы. С. 10; 2) Футбол сквозь годы; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 17.
43 Вечерняя Москва. 1929. 27 марта.
44 *Mason T.* Association Football and British Society. P. 83–123.
45 Динамо Москва' 67 / ред. В. Винокуров, О. Кучеренко. М., 1968. С. 11; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 14–22.
46 *Сушков М.* Футбольный театр. С. 107.
47 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 15.
48 Советский спорт. 1970. 13 февраля.
49 Сто лет российскому футболу. С. 54; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 28; Мы из «Динамо». М., 1968. С. 5.
50 *Есенин К.* Московский футбол. С. 104; Красный спорт. 1936. 1 мая; Динамо Москва' 67. С. 8; Мы из «Динамо». С. 6.

51 *Горянов Л.* Колумбы московского футбола. С. 104; Мы из «Динамо». С. 8.
52 *Есенин К.* Московский футбол. С. 105.
53 *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 8; *Добронравов И. С.* На бессрочной службе футболу. М., 2000. С. 142–143.
54 *Есенин К.* Московский футбол. С. 105; *Нисенбойм Э., Расинский В.* От МКС до «Спартака». С. 18; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 22.
55 *Горянов Л.* 1) Ожившие легенды. С. 179–180; 2) Колумбы московского футбола. С. 100.
56 *Старостин Н.* 1) Звезды советского футбола. С. 8, 11; 2) Мои футбольные годы. С. 11.
57 *Есенин К.* Московский футбол. С. 106; *Горянов Л.* 1) Ожившие легенды. С. 179; 2) Колумбы московского футбола. С. 100.
58 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 790.
59 См.: *Lewin M.* The Making of Soviet Society: Essays in the History of Interwar Russia. N. Y., 1985; *Suny R.* The Soviet Experiment: Russia, the USSR and the Successor States. Oxford, 1998. P. 217.
60 Сто лет российскому футболу. С. 54.
61 Там же. С. 56.
62 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 20–22.
63 *Старостин А.* Большой футбол. С. 91; Футбол в СССР. М., 1958. С. 6.
64 *Старостин А.* 1) Большой футбол. С. 98; 2) Футбол сквозь годы. С. 22.
65 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 21.
66 *Нисенбойм Э., Расинский В.* От МКС до «Спартака». С. 33; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 22; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 21.
67 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 790.
68 *Акимов А.* Записки вратаря. С. 4, 7; *Старостин А.* Большой футбол. С. 32.
69 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 16; *Старостин А.* Флагман футбола. С. 30; Сто лет российскому футболу. С. 62.
70 *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 25–26; *Есенин К.* Московский футбол. С. 36–38; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 16.
71 *Есенин К.* Московский футбол. С. 36–38, 107.
72 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 21; Красный спорт. 1924. 23 ноября; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 27.
73 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.
74 *Chase W.* Workers, Society and the Soviet State. P. 171.
75 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999; *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 91.
76 *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 85, 91.
77 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 23.
78 Там же. С. 94; Сто лет российскому футболу. С. 66.
79 *Нисенбойм Э., Расинский В.* От МКС до «Спартака». С. 35.
80 The Structure of Soviet History / ed. by R. Suny. Oxford, 2003. P. 220–221.
81 Сто лет российскому футболу. С. 69.
82 Советский спорт. 1946. 26 марта; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 238. Л. 4; Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 652. Л. 5.

83 В 2012 году старый стадион «Динамо» был снесен, а на его месте построена ВТБ-Арена, стадион им. Льва Яшина на 25 с половиной тысяч зрителей. — *Примеч. пер.*

84 Красный спорт. 1927. 25 сентября.

85 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 29.

86 *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. P. 214.

87 *Fitzpatrick Sh.* The Bolshevik Invention of Class: Marxist Theory and the Making of "Class Consciousness" in Soviet Society // The Structure of Soviet History. P. 164–177.

88 Вечерняя Москва. 1929. 2 марта, 13 марта, 1 октября.

89 Там же. 1929. 6 августа.

90 Там же 1929. 9 августа.

91 Физкультура и спорт. 1928. 12 мая, 30 июня; Правда. 1928. 19 июня.

92 Вечерняя Москва. 1929. 9 сентября; Сто лет российскому футболу. С. 57

93 *Якушин М.* Вечная тайна футбола. М., 1988. С. 17.

94 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 34; *Сушков М.* Футбольный театр. С. 115.

95 *Есенин К.* Московский футбол. С. 18; *Горянский И.* Как возрождали Спартак. М., 2008. С. 4.

96 Интервью с Николаем Старостиным, Москва, 25 сентября 1990.

97 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 39.

98 Интервью с Николаем Старостиным, Москва, 25 сентября 1990.

99 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 25.

100 Советский спорт. 1979. 13 февраля; *Старостин А.* Большой футбол. С. 165.

101 Советский спорт. 1958. 22 февраля, 1970. 13 февраля.

102 *Старостин А.* Флагман футбола. С. 72–73.

103 *Starr F.* Red and Hot. P. 107.

104 *Fitzpatrick Sh.* Petitions, Patronage and Blat: Reflections on their Importance in the Stalinist System: Paper presented at conference on Stalin the years. University of California, Riverside. 1998. April 19. P. 9.

105 *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favors: Blat Networking and Informal Exchange. Cambridge, 1998.

106 *Старостин А.* Большой футбол. С. 122–123.

107 *Keys B. J.* Globalizing Sport: National Rivalry and the International Community in the 1930's. Cambridge, MA, 2006. P. 159.

108 Из семнадцати игроков пятеро были из «Спартака», семеро — динамовцами, еще пятеро — из других команд. См.: ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 2.

109 ГАРФ. Ф. 7575. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 8.

110 *Якушин М.* Вечная тайна футбола. С. 30.

111 Сто лет российскому футболу. С. 82; *Старостин А.* Повесть о футболе. С. 136; *Якушин М.* Вечная тайна футбола. С. 31; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 54.

112 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Ед. хр. 160. Л. 1–51.

113 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 42–43.

3. Вызов принят, 1936–1937 годы

1 Летопись Акселя Вартаняна. 1936 год (здесь и далее автор цитирует «Летопись советского футбола» Акселя Вартаняна по электронному

архиву газеты без указания на конкретные номера. Сейчас эта версия электронного архива недоступна, тем не менее на новом сайте газеты тексты Вартаняна постепенно возвращаются на его личную страницу, именно эту ссылку мы и оставляем в качестве действующего указания на «Летопись...»: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024). — *Примеч. пер.*

2 См.: *Timasheff N.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. N. Y., 1946.

3 См.: *Siegelbaum L.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.

4 *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 14–15.

5 См.: *Arch Getty J., Naumov O.* The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, 1999.

6 Ibid.; *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997; *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism, Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930's. Oxford, 1999 (русский перевод: *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 1930-е годы: Город. М., 2008).

7 См.: *Conquest R.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. Harmondsworth, 1971 (русский перевод: *Конквест Р.* Большой террор: в 2 т. Рига, 1991); *Arch Getty J.* Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered. Cambridge, 1985.

8 *Якушин М.* Вечная тайна футбола. С. 48–49.

9 *Сушков М.* Футбольный театр. С. 165.

10 *Edelman R.* Serious Fun. P. 50 (*Эдельман Р.* Серьезная забава. С. 89).

11 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 974. Л. 11.

12 Известия. 1935. 23 декабря; *Старостин А.* Флагман футбола. С. 73.

13 *Якушин М.* Вечная тайна футбола. С. 49.

14 Там же. С. 50; *Старостин А.* Большой футбол. С. 154.

15 *Старостин А.* 1) Повесть о футболе. С. 138; 2) Флагман футбола. С. 73–75; 3) Большой футбол. С. 151–161; *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 90–92; Сто лет российскому футболу. С. 83–86; *Мержанов М.* Играет «Спартак». М., 1963. С. 7–10; *Акимов А.* Записки вратаря. С. 25; *Прибыловский Л. П.* Тренер большого футбола. С. 34; *Якушин М.* Вечная тайна футбола С. 52–54; *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 55.

16 International Herald Tribune. 1936. February 2.

17 *Якушин М.* Вечная тайна футбола. С. 53–54; *Старостин А.* Большой футбол. С. 160–161; Спорт-Экспресс. 2001. 19 марта.

18 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 976. Л. 68 (см. также: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024)); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Ед. хр. 606. Л. 116; *Keys B. J.* Globalizing Sport. P. 170–172.

19 Известия. 1936. 3 января; *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 59.

20 *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 106–108.

21 *Keys B. J.* The Dictatorship of Sport: PhD diss. Harvard University, 2001. P. 226.

22 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. М., 1989. С. 59; интервью с Николаем Старостиным, Москва, 25 сентября 1990.

23 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Д 275. Л. 33–34, цит. по: *Keys B. J.* The Dictatorship of Sport. P. 226–229.

24 *Keys B. J.* 1) Dictatorship of Sport. P. 228; 2) Globalizing Sport. P. 174.

25 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 72.

26 Известия. 1940. 21 марта.

27 Тони Мейсон, переписка с автором. 29 июля 2003.

28 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

29 Там же.

30 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 46–50; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 14. Л. 16.

31 Спорт-Экспресс. 2001. 5 марта, 12 марта; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 39. Л. 8–9.

32 *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism, Ordinary Life in Extraordinary Times. P. 42; *Strauss K.* Factory and Community in Stalin's Russia. P. 37.

33 *Scott J.* Domination and the Arts of Resistance. P. 120; *Tulviste P., Wertsch J.* Official and Unofficial Histories: The Case of Estonia // Journal of Narrative and Life History. 1995. Vol. 4. No. 4. P. 311–329.

34 *Олещук Ю.* Мистика Спартака // Спорт-экспресс журнал. 1999. № 11. С. 10; см. также: *Старостин А.* Большой футбол. С. 45.

35 Русское слово «бить» буквально означает «бить кого-то кулаками», однако в некоторых значениях и «обыгрывать в спортивной игре».

36 Интервью с Борисом Назаровым, Москва, 6 октября 1990.

37 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999.

38 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999; *Филатов Л.* Театр Андрея Старостина: вспоминая кумира // Физкультура и спорт. 1995. № 5. С. 31–32.

39 *Олещук Ю.* Фанаты времен Боброва // Огонек. 1997. 7 декабря

40 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

41 Красный спорт. 1936. 1 ноября; *Акимов А.* Записки вратаря. С. 59–62.

42 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999.

43 Красный спорт. 1937. 9 мая.

44 Известия. 1940. 6 мая; Красный спорт. 1937. 15 апреля; 1938. 3 сентября; 1939. 12 июня; 1940. 2 июля.

45 *Вартанян А.* Драки при социализме // Спорт-экспресс футбол. 1999. № 27. С. 32–35; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 108. Л. 63–69, 77, 79 (отчеты о «беспорядках» на матчах).

46 См.: *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia.; *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism, Ordinary Life in Extraordinary Times; *Лебина Н.* Повседневная жизнь советского города; *Rittersporn G.* Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933–1953. Chur, Switz., 1991; *Osokina E.* Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941. Armonk, NY, 2001 (русский перевод: *Осокина Е.* Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935. М., 1993); *Viola L.* Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1996; The Resistance Debate in Russian and Soviet History. P. 69–102.

47 *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism, Ordinary Life in Extraordinary Times. P. 42–50.

48 *Hornby N.* Fever Pitch. L., 1992. P. 20 (русский перевод: *Хорнби Н.* Футбольная лихорадка. М., 2003. С. 21).

49 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999.

50 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

51 *Filtzer D.* Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1929–1941. L., 1986. P. 1, 8, 255.

52 *Kuper S.* Ajax, the Dutch and the War. L., 2003. P. 135, 160.

53 *Geertz C.* Deep Play: The Balinese Cock Fight // The Interpretation of Cultures. N.Y., 1973. P. 434 [*Гирц К.* Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев // Он же. Интерпретация культур. М., 2004. С. 486]

54 *Galeano E.* Football in Sun and Shadow. L., 1997. P. 6.

55 *Dunning E.* Sport Matters: Sociological Studies of Sport, Violence and Civilization. L., 1999. P. 3–4.

56 *Van Geldern J.* Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993.

57 *Edelman R.* Serious Fun. P. 37–44 (*Эдельман Р.* Серьезная забава. С. 78-80).

58 *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 25.

59 Ibid. P. 40–45.

60 Ibid. P. 39.

61 Т/ф «„Спартак" — игра на поле истории. Часть 1» (НТВ, 2000). См.: Youtube, 21 окт. 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=olxP3PkFvws (дата обращения: 15.07.2024).

62 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 29–32; РГАФК. Пленка № 1-30603-1; см. также: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

63 Об определениях культуры тела в связи с разными моделями спортивных состязаний см.: *Brownell S.* Training the Body for China. P. 11.

64 *Gruneau R.* The Critique of Sport in Modernity. P. 85–105.

65 Спартакиада: Фотоальбом. М., 1929.

66 О священных и профанных ритуалах см.: Celebration: Studies in Festivity and Ritual / ed. by V. Turner. Washington, DC, 1982; *Turner V.* From Ritual to Theater.

67 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

68 *Винокуров В., Кучеренко О.* Динамо-Москва. М., 1973; Всесоюзное физкультурно-спортивное ордена Ленина общество Динамо. М., 1956.

69 *Lane Ch.* The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society-The Soviet Case. Cambridge, 1981.

70 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 29–34; РГАФК. Пленка № 1-30605-1.

71 О городской мужской культуре 1930-х см.: *Schrand Th.* Socialism in One Gender: Masculine Values in the Stalinist Revolution // Russian Masculinities in History and Culture. P. 194–209.

72 *Dunning E.* Sport as a Male Preserve. P. 167; *Gruneau R., Whitson D.* Hockey Night in Canada: Sport, Identities and Cultural Politics. Toronto, 1993. P. 192.

73 *Вартанян А.* Драки при социализме; *Арутюнян Н., Науменко Н.* Исповедь бело-голубого фаната // Спорт для всех. 1998. № 16. С. 2. О разнице между грубой и респектабельной моделью мужествен-

ности см.: *Meyer S.* Work, Play and Power: Masculine Culture on the Automotive Shop Floor, 1930–1960 // Boys and Their Toys? Masculinity, Technology and Class in America / ed. by R. Horowitz. N. Y., 2001.

74 *Хавин Б.* Все о советских олимпийцах. М., 1985. С. 7; *Riordan J.* Sport in Soviet Society. P. 320–322; *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 11; *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 4.

75 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 32.

76 *Ball Ph.* White Storm. P. 33–34.

77 *Ball Ph.* Morbo. L., 2001. P. 70–93; Сто лет российскому футболу. С. 87. См. подробный источник по истории баскского турне по СССР: *Boivin-Chouinard M.* Le Soccer Comme Arme Antifascite: Une Histoire Politique, Culturelle et Sociale de la Tournee de L'Equipe Nationale Basque en URSS Pendant la Guerre Civile Espagnol / Unpublished master's essay. University of Quebec at Montreal. 2008. December.

78 *Ball Ph.* White Storm. P. 83.

79 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. 21. Л. 57; Красный спорт. 1937. 7 мая, 11 июня, 13 июня.

80 *Старостин А.* 1) Большой футбол. С. 170; 2) Встречи на футбольной орбите. С. 153; Красный спорт. 1937. 7 мая, 11 июня, 13 июня; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 33; см. также: «„Спартак" — игра на поле истории. Часть 1» // Youtube, 21 окт. 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=olxP3PkFvws (дата обращения: 15.07.2024).

81 Красный спорт. 1937. 29 июня (см. также: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024); *Прибыловский Л. П.* Тренер большого футбола. С. 36.

82 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

83 Красный спорт. 1937. 1 июля, 17 июля, 31 июля.

84 Красный спорт. 1937. 1 июля.

85 Красный спорт. 1937. 7 июля. Николай Старостин помнит подробности не так точно, он приводит другой счет к перерыву —3:3 (см.: *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 34).

86 *Прибыловский Л. П.* Тренер большого футбола. С. 36–37; *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 93; *Старостин А.* 1) Повесть о футболе. С. 147–149; 2) Встречи на футбольной орбите. С. 138.

87 *Ромм М.* Я болею за «Спартак». С. 104.

88 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 37; *Старостин А.* Большой футбол. С. 178; см. также: «„Спартак" — игра на поле истории. Часть 1» // Youtube, 21 окт. 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=olxP3PkFvws (дата обращения: 15.07.2024).

89 *Акимов А.* Записки вратаря. С. 69; Сто лет российскому футболу. С. 88; *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 167–168.

90 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 16.

91 Красный спорт. 1937. 9 июля; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 38; см.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

92 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 39.

93 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 108. Л. 4.

94 РГАСПИ. Ф. 1-м. Оп. 5. Ед. хр. 75. Л. 3; см. также: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024). Хотя Космачёв продолжил

судить, он работал лишь по одному раз в три последних предвоенных сезона. Хотя его история и оказалась более двусмысленной, чем в версии Старостина.

95 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 38.

96 *Федотов Г.* Записки футболиста. Москва, 1952. С. 54, 59, 63, 66, 68.

97 *Акимов А.* Записки вратаря. С. 83; Красный спорт. 1937. 3 августа, 9 августа.

98 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.

99 *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 179.

100 *Read Ch.* The Making and Breaking of the Soviet System. Basingstoke, 2001. P. 100.

101 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 42.

102 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

103 Красный спорт. 1937. Июль; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 42–43. Рябоконь во время следствия признался, что якобы планировал вместе со Старостиными теракт на физкультпараде в 1937 году, а также в подготовке покушения на членов правительства, стоявших на Мавзолее. Знал ли Николай Старостин о роли Рябоконя в своем следственном деле к моменту написания мемуаров, определить не представляется возможным.

104 РГАСПИ. Ф. 1-м. Оп. 23. Ед. хр. 1268. Л. 10 (письмо Сталину), 11–16 (письмо Молотову).

105 РГАСПИ. Ф. 1-м. Оп. 23. Ед. хр. 1268. Л. 1–2, 9 (письмо Косареву); *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 184–186; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 41–42; интервью с Николаем Старостиным, Москва, 25 сентября 1990; Футбол-хоккей. 1990. 13 мая. О Ежове см.: *Arch Getty J., Naumov O.* Yezhov: The Rise of Stalin's "Iron Fist". New Haven, 2008. P. 127.

106 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.

107 *Филатов Л.* Ромб Николая Петровича, секта, где верховодили Старостины // Спортивная жизнь России. 1997. № 3. С. 2–7.

108 См.: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

4. На вершине и на дне, 1937–1944 годы

1 *Филатов Л.* Обо всем по порядку: Репортаж о репортаже. М., 1990. С. 58; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 52; Красный спорт. 1937. 5 сентября, 13 сентября.

2 Красный спорт. 1937. 25 октября.

3 Красный спорт. 1939. 13 ноября.

4 Красный спорт. 1938. 17 января.

5 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обраще-

ния: 15.07.2024). Этот подход может считаться не вполне справедливым. Смысл календаря с матчами дома и в гостях в том, что ни у одной из команд нет преимущества своего поля на протяжении всего сезона. Если команды играют друг с другом по одному разу — крайне важно, где проходит этот матч. С сильным противником, очевидно, лучше сыграть дома. В гостях можно выиграть и у аутсайдера. Это могло быть в голове у тех, кто в последний момент составлял расписание на 1938 год, впрочем, у нас нет никаких доказательств наличия злого умысла.

6 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

7 Красный спорт. 1938. 23 августа, 25 августа, 13 сентября, 15 сентября, 3 октября, 13 ноября, 17 ноября, 19 ноября, 21 ноября; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва С. 56–60; см. также: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

8 Красный спорт. 1938. 29 июня, 25 сентября.

9 Красный спорт. 1939. 28 июня, 7 ноября.

10 Кто руководил НКВД, 1934–1941 / под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М., 1999. С. 107.

11 *Arch Getty J., Naumov O.* The Road to Terror. P. 411.

12 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 56; интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999; интервью с Павлом Алёшиным, Москва, 10 декабря 1999.

13 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

14 Красный спорт. 1939. 10 сентября.

15 *Старостин Н.* 1) Футбол сквозь годы. С. 47; 2) Звезды советского футбола. С. 52. В типично старостинском стиле Николай путается в датах некоторых игр. В своей книге 1989 года он утверждает, что финал состоялся через две недели после полуфинала, а переигровка — месяц спустя. На самом деле переигровка прошла 30 сентября в Москве.

16 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

17 *Martin S.* Football and Fascism: The National Game under Mussolini. Oxford, 2004. P. 173–208; *Foot J.* Calcio: A History of Italian Football. L., 2006. P. 33–36; *Belos A.* Futebol: Soccer, the Brazilian Way of Life. N. Y., 2002. P. 141; *Goldblatt D.* The Ball Is Round: A Global History of Football. L., 2006. P. 627–631.

18 Красный спорт. 1939. 13 декабря.

19 *Филатов Л.* Ромб Николая Петровича... С. 5.

20 Красный спорт. 1939. 1 октября.

21 Интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003.

22 См.: «„Спартак" — игра на поле истории» (https://www.youtube.com/watch?v=olxP3PkFvws (дата обращения: 15.07.2024)).

23 *Есенин К.* Московский футбол. С. 138.

24 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.

25 Вечерняя Москва. 1939. 2 декабря. Былая звезда «Красной Пресни» Петр Исаков разделял мнение Старостина (см.: Красный спорт. 1939. 13 декабря).

26 РГАСПИ. Ф. 1–м. Оп. 5. Ед. хр. 75. Л. 4.

27 Футбол-хоккей. 1990. № 19.

28 Для более подробного описания советской и западной литературы о советском рабочем классе см.: *Edelman R.* A Small Way of Saying "No": Moscow Working Men, Spartak Soccer and the Communist Party, 1900–1945 // American Historical Review. 2002. November. P. 144–174. См. также: *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса. С. 87; История рабочих Москвы, 1917–1945. М., 1983. С. 137.

29 *Orlovsky D.* The Hidden Class: White-Collar Workers in the 1920's // Making Workers Soviet / ed. by L. Siegelbaum, R. Suny. Ithaca, 1994. P. 222–248.

30 РГАКФД. Пленки № I-3490, I-30361, IX-3752, I-2281, I-2262, I-2435, I-2471, I-2462, I-4374, I- 3507, I-4079, I-3102, I-3118, 1-30605-1, I-3221.

31 *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса. С. 183; *Strauss K.* Factory and Community in Stalin's Russia. P. 29.

32 *Селянский С. Л.* Изменения в социальной структуре советского общества, 1938–1970. М., 1973. С. 8–9.

33 *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса. С. 112–115; История московских рабочих. С. 183. *Mason T.* Association Football and British Society. P. 138–167.

34 *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса. С. 195–212; История московских рабочих. С. 352; *Siegelbaum L.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. P. 42–43.

35 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 83.

36 Красный спорт. 1936. 1 июля.

37 См.: *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. N. Y., 1991 (русский перевод: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и происхождении национализма. М., 2001).

38 Интервью с Юрием Олещуком, Москва, 12 декабря 1999. Вайнштейн как-то оговорился, что само слово «диссидент» неприменимо к таким людям, как Яншин, Кассиль или Шостакович. Впрочем, последний, судя по всему, не был и болельщиком «Спартака» — он более известен как поклонник ленинградского «Зенита».

39 Красный спорт. 1936. 1 мая.

40 Классическую агиографию Знаменских см.: Спортсмены. М., 1965. С. 65; Советский спорт. 1958. 8 июля; *Салуцкий А.* Братья Знаменские. М., 1973.

41 См. документальную передачу «Большие родители». Вып. 43. Елена Знаменская (АРТ Проект Плюс, НТВ, 2000). URL: https://ru.kinorium.com/1544205/episodes/s1e43/(дата обращения: 15.07.2024). Принимая во внимание источник и тяжелое содержание, к рассказу стоит отнестись всерьез.

42 Красный спорт. 1939. 5 января, 11 января.

43 РГАСПИ. Ф. 1-м. Оп. 23. Д. 1268. Л. 18–25. Спасибо Барбаре Киз за то, что она обратила мое внимание на эти материалы.

44 См.: РГАСПИ. Ф. 1-м. Оп. 23. Ед. хр. 1268. Л. 24–25; Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999; *Keys B. J.* The Dictatorship of Sport. P. 251; Спартак. 2000. № 5. С. 16–17.

45 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Ед. хр. 562. Л. 39, 42. Эти документы были найдены в РГВА. Комиссия под управлением Льва Мехлиса была организована для подготовки тура по Болгарии. С целью удостоверить возможность Николая Старостина принять участие

в поездке, его бумаги были переданы Мехлису. Спасибо Тиму Пайничу, показавшему мне эти материалы.

46 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Ед. хр. 562. Л. 45.

47 Там же. Л. 50.

48 Там же. Л. 66, 71.

49 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

50 Известия. 1938. 12 января, 30 января.

51 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Ед. хр. 562. Л. 73–77; *Riordan J.* The Strange Story of Nikolay Starostin, Football and Lavrentii Beria // Europe and Asia Studies. 1994. No. 4. P. 689.

52 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Ед. хр. 562. Л. 78–79.

53 Там же. Л. 79–80.

54 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Ед. хр. 562. Л. 81.

55 Там же. Л. 63.

56 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.

57 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Ед. хр. 562. Л. 78.

58 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

59 *Старостин Н.* Футбол. С. 63–64; см. также: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

60 Там же.

61 Там же.

62 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 78–79; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 55.

63 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 73.

64 ГАРФ. Ф. 7583. Оп. 60. Ед. хр. 4105. Л. 3.

65 Там же. Л. 4.

66 Предположение, высказанное в нашей переписке Арчем Гетти после ознакомления с этими документами.

67 *Heinzen J.* A "Campaign Spasm": Graft and the Limits of the "Campaign" against Bribery after the Great Patriotic War // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / ed. by J. Furst. L., 2006. P. 123–137. См. также: *Edelman R.* A Small Way of Saying "No".

68 Насколько я могу знать, на тот момент, когда мы записывали интервью, Вайнштейну не было известно о существовании этих документов. Об обвинениях в адрес Старостина и прочих сомнениях в отношениях его мемуаров см.: *Wilson J.* Behind the Curtain: Travels in Eastern European Football. L., 2006. P. 284.

69 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 80.

70 Сведения о местонахождении Александра см.: Государственный архив Пермской области (далее ГАПО). Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 657. Л. 65. Согласно этим документам, Берия знал о тренерской работе Старостиных в 1946-м. Спасибо Михаилу Лукьянову, обнародовавшему этот документ.

71 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

72 Там же.

73 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 73–80.

74 *Kotkin S.* Coercion and Identity: Workers' Lives in Stalin's Showcase City // Making Workers Soviet / ed. by L. Siegelbaum, R. Suny. Ithaca, 1994. P. 278.

75 Определение массовой культуры как спорной территории см.: *Hall S.* Notes on Deconstructing the Popular // People's History and Socialist Theory / ed. by R. Samuel. L., 1981. P. 232.

76 Интервью с Юрием Олещуком, Москва, 12 декабря 1999.

5. Золотой век советского футбола. «Спартак» в упадке, 1945–1948 годы

1 *Gleason A.* Totalitarianism: The Inner History of the Cold War. Oxford, 1995. P. 3. См. также: *Krylova A.* The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies // The Resistance Debate in Russian and Soviet History / ed. by M. David-Fox, P. Holquist, M. Poe. Bloomington, IN, 2003. Vol. 1: Kritika Historical Studies. P. 183.

2 *Kojevnikov A.* Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948 // Russian Review. 1998. Vol. 57. P. 51.

3 *Stites R.* Russian Popular Culture. P. 121; *Graffy J.* Cinema // Russian Cultural Studies: An Introduction / ed. by C. Kelly, D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 165–191.

4 См. документальный фильм «Футбол нашего детства» (1984; реж. Алексей Гаврилович).

5 «Динамо» также сыграло с командой второго дивизиона «Кардифф Сити» и выиграло 10:1. См.: Спорт-экспресс. 2005. 18 ноября. Первые приглашения пришли из Англии еще в мае. Также поступали приглашения на матчи из Болгарии, Югославия и Румыния (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 309. Л. 52, 55).

6 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 109; *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 101; *Якушин М.* Вечная тайна футбола. С. 87.

7 Сто лет российскому футболу. С. 100.

8 *King A.* The End of the Terraces. P. 38.

9 Ср. две другие точки зрения, согласно которым вырисовывается более сложная картина: *Hahn W.* Post-War Soviet Politics and the Defeat of Moderation. Ithaca, 1982. P. 9; *Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite. N. Y., 2001. P. 2.

10 Дискуссию о новой литературе позднего сталинизма см.: *Bittner S. V.* The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat. Ithaca, 2008. P. 10.

11 *Fitzpatrick Sh.* Post-War Soviet Society: The "Return to Normalcy" // The Impact of World War II on the Soviet Union / ed. by S. Linz. Totowa, NJ, 1985.

12 *Zubkova E.* Russia after the War: Hopes, Illusions and Disappointments. Armonk, NY, 1998. P. 22.

13 *Lewin M.* The Soviet Century. N. Y., 2005. P. 143 (русский перевод: *Левин М.* Советский век. М., 2008. С. 253–254).

14 *Zubkova E.* Russia after the War. P. 37, 47.

15 *Filtzer D.* Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 7, 74, 99; *Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite. P. 23.

16 *Lewin M.* The Soviet Century. P. 143.

17 *Filtzer D.* Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 99.

18 *Dunham V.* In Stalin's Time: Middle-Class Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976. P. 17.

19 *Zubkova E.* Russia after the War. P. 95; *Lewin M.* The Soviet Century. P. 143 (*Левин М.* Советский век. С. 253–254); *Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite. P. 57, 138.

20 О молодежной культуре см.: *Furst J.* The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism // Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / ed. by J. Furst. L., 2006. P. 209–232. О рабочих см.: *Filtzer D.* Standard of Living versus Quality of Life: Struggling with the Urban Environment in Russia during the Early Years of Post-war Reconstruction // Late Stalinist Russia. P. 81–102. О дебатах в науке см.: *Kojevnikov A.* Rituals of Stalinist Culture at Work.; *Pollack E.* Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, 2006.

21 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999.

22 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? М., 1995. С. 42.

23 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 42; д/ф «Футбол нашего детства»; *Филатов Л.* Наедине с футболом. М., 1977. С. 15.

24 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 42–43; «Футбол нашего детства».

25 Д/ф «Футбол нашего детства»

26 Д/ф «Футбол нашего детства»; *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 96.

27 *Elias N., Dunning E.* The Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. Oxford, 1986. P. 43.

28 *Филатов Л.* 1) Наедине с футболом. С. 15; 2) Обо всем по порядку. С. 27, 61.

29 *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 64.

30 О ритуалах, сакральных и профанных, см.: *Turner V.* From Ritual to Theater.

31 Д/ф «Футбол нашего детства».

32 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 36.

33 *Якушин М.* Вечная тайна футбола. С. 86; *Ильин А.* Мы были первыми. М., 1978. С. 9; интервью с Никитой Симоняном, Москва, 6 декабря 2001; *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 102; Спорт-экспресс. 2005. 18 ноября.

34 *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 101; *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 109.

35 Д/ф «Футбол нашего детства»; *Нетто И.* Это футбол. М., 1974. С. 31; *Филатов Л.* 1) Наедине с футболом. С. 151; 2) Обо всем по порядку. С. 23. Приглашения из Великобритании были получены весной (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 309. Л. 55, 90–98).

36 О том, как Степанов потерял ноги, существует несколько противоречивых версий. В одной из них рассказывается, как он, расстроенный из-за того, что не вошел в основной состав команды, нетрезвым попал под трамвай. По другой версии, он потерял ноги в 1942 году во время аварии на производстве. После этого он стал работать в клубе, а затем был назначен главным тренером, несмотря на небольшой опыт тренерской работы (*Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 611).

37 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 34–36; *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 66; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 81; *Федотов Г.* Записки футболиста. С. 106; *Нетто И.* Это футбол. С. 30–31; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 309. Л. 49–50.

38 Эти цифры основаны на газетной информации и приведены в официальных справочниках об истории «Спартака» и «Динамо». Подобных изданий об истории ЦСКА пока нет. Если посмотреть на время от времени публиковавшиеся цифры посещаемости игр ЦДКА, она была близка к динамовской. Вскоре эта ситуация изменилась (*Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 81).

39 Там же. С. 82.

40 *Филатов Л.* Наедине с футболом. С. 77–78.

41 *Соскин А.* Сергей Сальников. М., 2003. С. 8–9.

42 Вечерняя Москва. 1946. 9 мая; Советский спорт. 1946. 21 мая.

43 Вечерняя Москва. 1946. 20 мая.

44 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 85–87, 550.

45 Советский спорт. 1946. 26 октября.

46 Там же; Вечерняя Москва. 1946. 21 октября.

47 РГАФК. Пленка № 1-5354.

48 *Есенин К.* Московский футбол. С. 151; *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 66.

49 Советский спорт. 1946. 22 октября.

50 *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 67; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 60.

51 Эту историю рассказал мне Аксель Вартанян, который, в свою очередь, слышал об этом от спартаковского вратаря Алексея Леонтьева. Позднее он нашел архивные подтверждения истории: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 643 (номера листа он не приводит); ГАРФ. Ф. 7576 (здесь Вартанян также не приводит более детальных указаний на номер описи или дела, однако отмечает, что приказ шел от Н. Н. Романова — № 699, датированный 3 декабря 1946 года).

52 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 89–90; Советский спорт. 1947. 15 июля, 22 июля.

53 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 93–96.

54 Интервью с Алексеем Парамоновым, Москва, 11 декабря 2001; *Парамонов А.* 200 выдающихся деятелей современности от А до Я. М., [б. г]. С. 385.

55 Советский спорт. 1948. 24 апреля.

56 *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 83; Советский спорт. 1948. 25 мая.

57 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 93–95.

58 Сто лет российскому футболу. С. 2; *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 5; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 93, 567; Советский спорт. 1948. 25 мая.

59 Советский спорт. 1948. 3 июля, 27 июля.

60 Советский спорт. 1948. 28 августа.

61 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999; интервью с Никитой Симоняном, Москва, 6 декабря 2001; *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 55.

62 См., например: Первенство СССР по футболу. 1949 г. М., 1949. С. 10, 28.

63 Информация из энциклопедий «Динамо» и «Спартака»: *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва; *Черневич Г., Школьников Е.* Динамо: Энциклопедия. М., 2002.

64 *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 194.

65 *Старостин Н.* Встречи на футбольной орбите. С. 87–104.
66 *Сухомлинов А.* Василий, сын вождя. М., 2001. С. 152.
67 *Старостин Н.* Встречи на футбольной орбите. С. 113.
68 *Сухомлинов А.* Василий, сын вождя. С. 144.
69 *Старостин Н.* Встречи на футбольной орбите. С. 126.
70 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.
71 *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 74.
72 Там же. С. 72.
73 Там же. С. 38.
74 *Нетто И.* Это футбол. С. 42.
75 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 186.
76 *Филатов Л.* 1) Наедине с Футболом. С. 108; 2) Обо всем по прядку. С. 38.
77 О поддержке «Спартака» в театральной среде см.: *Bittner S. V.* The Many Lives of Khrushchev's Thaw. P. 86.
78 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 92, 249.
79 *Старостин А.* Встречи на футбольной орбите. С. 206.
80 О политических взглядах и устремлениях в среде писателей см.: *Zezina M.* Crisis in the Union of Soviet Writers in the Early 1950's // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46. No. 4. P. 649–661.
81 *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 69–70; *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 5.
82 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 246.
83 В марте 1948 года группа спартаковских мастеров решилась написать письмо Сталину в знак протеста против нежелания Промкооперации улучшать тренировочные условия для своих спортсменов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 642. Л. 28, 29, 31, 32).
84 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 59.
85 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.
86 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999.

6. Возрождение «Спартака», 1949–1952 годы

1 *Hahn W.* Post-War Soviet Politics and the Defeat of Moderation. P. 77, 149; *Zubkova E.* Russia after the War. P. 128; *Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite. P. 85.
2 *Zubkova E.* Russia after the War. P. 53–54, 84, 102, 107, 128; *Nove A.* An Economic History of the USSR. Harmondsworth, 1975. P. 285, 303; *Hosking G.* The First Socialist Society. Cambridge, MA, 1985. P. 302; *Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite. P. 85, 92, 133; *Filtzer D.* Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 42, 115; *Lewin M.* The Soviet Century. P. 127; *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade: Trade Policy Retail Practices and Consumption. Princeton. 2004. P. 297.
3 *Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite. P. 25; *Lewin M.* The Soviet Century. P. 132; *Knight A.* Beria, Stalin's First Lieutenant. Princeton, 1993. P. 141; Берия был не просто грузином, он принадлежал к одному из национальных региональных меньшинств — мингрельскому. Арест нескольких членов партии из этой области Грузии был воспринят как проявление недовольства Берией со стороны Сталина. Большинство арестованных врачей были евреями. Их преследование носило

явный антисемитский характер. Они были отпущены вскоре после смерти Сталина (*Zubkova E.* Russia after the War. P. 109, 130).

4 *Ward Ch.* Stalin's Russia. L., 1999. P. 225.

5 *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade. P. 297, 309.

6 *Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite. P. 129.

7 *Zubkova E.* Russia after the War. P. 148.

8 *Lewin M.* The Soviet Century. P. 203.

9 *Бронштейн Л., Шоломницкий Л.* Любимая игра. Ташкент, 1961. С. 19.

10 Связь между идеолого-политическим воспитанием и поведением игроков подчеркивал в своих выступлениях бывший звездный игрок «Локомотива», а впоследствии глава советского футбола — Валентин Гранаткин. В своей речи на пленуме 1952 года он в футбольной секции говорил о драках на поле и злоупотреблении алкоголем вне поля как о результате недостаточного образования (ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 145. Л. 74).

11 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.

12 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 115. Л. 2.

13 Спорт-экспресс. 2001. 20 августа.

14 *Edelman R.* Serious Fun. P. 95 (*Эдельман Р.* Серьезная забава. С. 137).

15 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 115. Л. 2.

16 *Прибыловский Л. П.* Тренер большого футбола. С. 49–50; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 60. Л. 186–187.

17 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 67. Л. 26–29.

18 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 66. Л. 74, 86–89; Ед. хр. 62. Л. 148–158; Ед. хр. 60. Л. 146–148, 182.

19 *Lewin M.* The Soviet Century. P. 130.

20 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 51; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 97.

21 *Есенин К.* Московский футбол. С. 153, 170–172; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 97.

22 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 53; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 48, 58; *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 105; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 762–763; *Филатов Л.* Наедине с футболом. С. 17, 76.

23 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.

24 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.

25 *Archetti E.* Masculinities: Football, Polo and the Tango in Argentina. P. 128–160; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 557; *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 74–76.

26 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 97; телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001. О стереотипах южной игры см.: *Старостин Н.* Звезды советского футбола. С. 55; *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 42.

27 *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 74.

28 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001. ЦДКА он не упоминал.

29 Интервью с Алексеем Парамоновым, Москва, 16 декабря 2001; телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.
30 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.
31 *Furst J.* The Importance of Being Stylish. P. 211–212.
32 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 45.
33 *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 76.
34 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 63–67; телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва С. 605.
35 Советский спорт. 1946. 27 апреля.
36 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 732.
37 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 50–53.
38 Там же. С. 58–60.
39 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 732, 679.
40 *Нетто И.* Это футбол. М., 1974. С. 21–36.
41 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 67–72; *Филатов Л.* Наедине с футболом. С. 80.
42 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 97–101; Советский спорт. 1949. 6 апреля; 10 мая; 19 мая; 31 мая; 4 июня; 7 июня; Вечерняя Москва. 1949. 14 сентября.
43 Вечерняя Москва. 1949. 14 сентября.
44 Советский спорт. 1949. 10 апреля; Вечерняя Москва. 1949. 10 марта; *Добронравов И.* На бессрочной службе футболу. С. 277; Футбол нашего детства; *Филатов Л.* Обо всем по порядку. С. 83.
45 Советский спорт. 1949. 20 октября.
46 Советский спорт. 1949. 1 ноября; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 100.
47 *Добронравов И.* На бессрочной службе футболу. С. 464.
48 РГАСПИ. Ф.17. Оп. 137. Ед. хр. 265. Л. 141–142. См.: *Bennets M.* Football Dynamo. L., 2008. P. 4.
49 РГАСПИ. Ф.17. Оп. 137. Ед. хр. 265. Л. 143–147.
50 РГАСПИ. Ф.17. Оп. 137. Ед. хр. 265. Л. 138–141.
51 Футбол нашего детства; *Олещук Ю.* Фанаты времен Боброва. // Огонек. 1997. 7 декабря.
52 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Ед. хр. 448. Л. 18–19.
53 Там же. Л. 15–17; Спорт-экспресс. 2001. 20 августа.
54 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Ед. хр. 448. Л. 30–34.
55 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Ед. хр. 265. Л. 4–6, 8–10.
56 Биография Сальникова написана уважаемым ветераном спортивной журналистики Александром Соскиным. Часть книги посвящена взаимоотношениям Николая Старостина и Сергея Сальникова. Хотя Сальников действительно рос недалеко от Тарасовки, родился он в 1925 году, под Краснодаром. В это время Старостин не был в этих местах. Также важно помнить, что база в Тарасовке была построена значительно позднее 1925 года (*Соскин А.* Сергей Сальников. С. 11–19).
57 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Ед. хр. 448. Л. 35–37.
58 Там же.
59 Там же. Л. 60.
60 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Ед. хр. 448. Л. 68–70.

61 Там же. Л. 71–73.
62 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Ед. хр. 448. Л. 74, 101–108. Другой важный трансфер того же времени — переход Боброва из ЦДКА в ВВС не вызвал схожей волны протеста. См. также: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).
63 Советский спорт. 1950. 15 апреля.
64 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 73.
65 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 102.
66 *Соскин А.* Сергей Сальников. С. 20–23; телефонное интервью с Павлом Алёшиным, 16 февраля 2006.
67 Советский спорт. 1950. 20 апреля.
68 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 103.
69 Советский спорт. 1950. 16 мая; 20 мая; 3 июня; 8 июня.
70 Вечерняя Москва. 1959. 20 мая, 7 июня.
71 Советский спорт. 1959. 15 июля.
72 Советский спорт. 1950. 15 августа, 17 августа, 12 сентября; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 102.
73 О турне см.: Вечерняя Москва. 1950. 7 октября; Советский спорт. 1950. 7 октября; 14 октября; 19 октября; 24 октября. О случае со спиртным см.: ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 62. Л. 154; также: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 137. Ед. хр. 499. Л. 192.
74 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 105.
75 Советский спорт. 1950. 7 ноября.
76 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 108; Советский спорт. 1951. 8 мая; 15 мая; 12 июня.
77 Ежегодный спартаковский отчет в спорткомитет (ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 152. Л. 7, 21).
78 Советский спорт. 1951. 28 августа.
79 *Савин С.* Советская школа футбола. М., 1952. С. 6.
80 Сто лет российскому футболу. С. 108; Российский футбол за 100 лет. С. 720–721; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 863. Л. 45.
81 *Edelman R.* Serious Fun. P. 102–110 (*Эдельман Р.* Серьезная забава. С. 162–164).
82 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 640.
83 Там же. С. 116.
84 Советский спорт. 1952. 12 августа; 1 сентября; 23 сентября; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 112–115; Советский спорт. 1952. 3 ноября.
85 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Ед. Хр. 57. Л. 98.
86 *Хавин Б.* Все о советских олимпийцах. С. 7.

7 .Оттепель, перемены и возрождение, 1953–1956 годы

1 *Kelly C.* Introduction // Russian Cultural Studies: An Introduction. P. 249, 253; *Kozlov V.* Mass Uprisings in the USSR. P. 313–314 (*Козлов В.* Массовые беспорядки в СССР. М., 2009, с. 528-529); *Lewin M.* The Soviet Century. P. 169.
2 *Zubkova E.* Russia after the War. P. 156; *Jones P.* Introduction // The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era / ed. by P. Jones et al. L., 2006. P. 11–12.

3 *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. P. 359–361; *Lewin M.* The Soviet Century. P. 180; *Hosking G.* The First Socialist Society. P. 329; *Applebaum A.* GULAG: A History. N. Y., 2003. P. 487 (русский перевод: *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ: Паутина большого террора. М., 2006. С. 470-471).

4 *Read Ch.* The Making and Breaking of the Soviet System. P. 147.

5 *Hosking G.* The First Socialist Society. P. 333, 348, and 354; *Lewin M.* The Soviet Century. P. 183; *Kerblay B.* Modern Soviet Society. N. Y., 1983. P. 213.

6 Сто лет российскому футболу. С. 113.

7 *Archetti E.* Masculinities: Football, Polo and the Tango in Argentina. P. 17. Аркетти взял идею зеркал и масок отсюда: *Strauss A. I.* Mirrors and Masks: The Search for Identity. L., 1977. P. 9.

8 *Applebaum A.* GULAG: A History. P. 476–480 (*Эпплбаум Э.* ГУЛАГ: Паутина большого террора. С. 445-446); *Taubman W.* Khrushchev: The Man and his Era. N. Y., 2003. P. 246.

9 *Cohen S.* Foreword // *Medvedev R., Medvedev Zh.* Khrushchev: A Political Biography. N. Y., 1978. P. v.

10 *Lewin M.* The Soviet Century. P. 199.

11 Ibid. P. 202.

12 *Hosking G.* The First Socialist Society. P. 336, 361.

13 *Pilkington H.* The Future Is Ours: Youth Culture in RuCCia, 1953 to the Present // Russian Cultural Studies: An Introduction. P. 370.

14 *Filtzer D.* From Mobilized to Free Labor: De-Stalinization and the Changing Legal Status of Workers // The Dilemmas of De-Stalinization. P. 156.

15 *Applebaum A.* GULAG: A History. P. 476–482 (Эпплбаум Э. ГУЛАГ: Паутина большого террора. С. 445-449; *Lewin M.* The Soviet Century. P. 174–176.

16 *Taubman W.* Khrushchev: The Man and his Era. P. 242.

17 *Пыжиков А.* Хрущевская оттепель, 1953–1964. М., 2002. С. 261.

18 *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. P. 376; *Hosking G.* The First Socialist Society. P. 353; *Taubman W.* Khrushchev: The Man and his Era. P. 267; *Varga-Harris Ch.* Forging Citizenship on the Home Front: Reviving the Socialist Contract and Constructing Soviet Identity during the Thaw // The Dilemmas of De-Stalinization. P. 102; *Medvedev R., Medvedev Zh.* Khrushchev: A Political Biography. P. 44.

19 *Zubkova E.* Russia after the War. P. 167.

20 *Kozlov V.* Mass Uprisings in the USSR P. 5 (*Козлов В.* Массовые беспорядки в СССР. С. 8).

21 *Banting M., Kelly C., Riordan J.* Sexuality // Russian Cultural Studies: An Introduction. P. 337.

22 *Jones P.* From the Secret Speech to the Burial of Stalin: Real and Ideal Responses to De-Stalinization // The Dilemmas of De-Stalinization. P. 42.

23 *Hosking G.* The First Socialist Society. P. 333; *Jones P.* introduction. P. 9.

24 *Zubkova E.* Russia after the War. P. 156; *Stites R.* Russian Popular Culture. P. 124.

25 Интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003; телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001; *Старостин А.* Флагман футбола. С. 123.

26 *Jones P.* Introduction. P. 14.

27 *Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР с 1953– 1964 г. М., 2004. С. 3–4.

28 *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. М., 2004. С. 70.

29 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 5. Л. 25–26.

30 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 71. Л. 169.

31 *Lewin M.* The Soviet Century. P. 180; *Hosking G.* The First Socialist Society. P. 333.

32 *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. P. 360; интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999; интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.

33 Интервью с Аркадием Галинским, Москва, 16 октября 1990.

34 *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. P. 368.

35 *Якушин М.* Вечная тайна футбола. С. 138; *Лебедев Л. Г.* Российский футбол за 100 лет. С. 721.

36 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999; интервью с Леонидом Трахтенбергом, Москва, 11 октября 1990; *Пирогов В.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 65–66; *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 378–79.

37 *Foot J.* Calcio, a History of Italian Football. P. 81–83; *Martin S.* Football and Fascism. P. 29; *Agnew P.* Forza Italia: A Journey in Search of Italy and Its Football. L., 2006. P. 59.

38 *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 364.

39 *Medvedev R., Medvedev Zh.* Khrushchev: A Political Biography. P. 19.

40 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 605; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 5. Л. 78.

41 Точнее, Башашкин присоединился к «Спартаку» в мае 1953 года. Он пришел из команды, оставшейся от ЦДКА, которая называлась МВО (Московский военный округ). В тот год команда была распущена, как и ВВС, решившая уйти из футбола.

42 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 2000; *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 67–68; Сто лет российского футбола. С. 110.

43 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 563, 742.

44 Советский спорт. 1953. 16 июля.

45 Вечерняя Москва. 1953. 21 июля, 28 июля; Советский спорт. 1953. 21 июля, 28 июля.

46 Советский спорт. 1953. 29 августа.

47 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 2000; Советский спорт. 1954. 4 июня; В «Советском спорте» не говорится ни слова о событиях вокруг игры.

48 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 122; Вечерняя Москва. 1953. 14 октября, 19 октября; Советский спорт. 1953. 15 октября, 20 октября.

49 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва С. 122.

50 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 68.

51 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.

52 Поскольку Александр и Петр не оставили мемуаров, нам известно немного об их жизни в этот период. (Уже после выхода этой книги в музее ФК «Спартак» в открытом доступе появились «Записки

о пребывании в заключении» Петра Старостина. — *Примеч. пер.*)

53 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 127–128.

54 Там же. С. 133.

55 *Applebaum A.* GULAG: A History. P. 487 (*Эпплбаум Э.* ГУЛАГ: Паутина большого террора. С. 470-471).

56 Архив НИПЦ «Мемориал» (https://archive.memo.ru/НЕТТО-ЛЕВ-АЛЕКСАНДРОВИЧ-1925---13-09-2017-,-ID:-RU12707902-pers-12572; дата обращения: 15.08.2024). Спасибо Орландо Файджесу, поделившемуся со мной этой информацией.

57 См. также: *Figes O.* The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. N. Y., 2007. P. 469.

58 Архив НИПЦ «Мемориал» (https://archive.memo.ru/RU12707902-arch-012-001-000022-2; дата обращения: 15.08.2024).

59 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001; интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003; интервью с Геннадием Логофетом, Москва, 5 сентября 2000.

60 *Dobson M.* Show the Bandit-Enemies No Mercy! Amnesty, Criminality and Public Response in 1953 // The Dilemmas of De-Stalinization. P. 24–25.

61 *Hosking G.* The First Socialist Society. P. 332.

62 *Старостин А.* Флагман футбола. С. 105.

63 Там же. С. 129, 137.

64 Интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003.

65 См. примеч. 638.

66 *Старостин А.* Большой футбол. С. 217–223.

67 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 133–136; *Старостин А.* 1) Большой футбол. С. 217; 2) Флагман футбола. С. 98.

68 *Старостин А.* Большой футбол. С. 200.

69 *Черневич Г., Школьников Е.* Динамо: Энциклопедия. М., 2002. С. 138–140; Российский футбол за 100 лет. С. 723–724.

70 *Черневич Г., Школьников Е.* Динамо. С. 93, 107.

71 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 72. Л. 122.

72 Стадион «Спартака», открытый в 2014 году, по состоянию на 2024 год называется «Лукойл Арена» (ранее «Открытие Арена» и «Открытие Банк Арена») и вмещает 45 500 зрителей. — *Примеч. пер.*

73 Советский спорт. 1954. 4 мая, 29 мая, 8 июня, 7 августа, 10 октября; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 124, 659–660.

74 *Brennan D.* Moscow Nights // Arsenal. 2004. November. P. 72; Советский спорт. 1954. 7 октября; *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 78.

75 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 76–77; Советский спорт. 1954. 11 ноября; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 127; *Озеров Н.* Всю жизнь на синей птице. М., 1995. С. 224; Советский спорт. 1954. 30 октября.

76 *Brennan D.* Moscow Nights. P. 70–73. Стадион «Арсенала» был расположен в районе Хайбери в Северном Лондоне и вмещал 37 тысяч сидячих мест (разрушен в 2006 году).

77 *Brennan D.* Moscow Nights. P. 72; *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 77; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 127; Советский спорт. 1954. 11 ноября.

78 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 72. Л. 44.

79 Там же. Л. 36–39, 106–111; интервью с Алексеем Парамоновым, Москва, 11 декабря 2001.

80 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 128, 605, 658, 735–736, 762; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 5. Л. 78.

81 *Соскин А.* Сергей Сальников. С. 47–49; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 74–76; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва С. 597.

82 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 728.

83 Летопись спорта «Советские клубы выходит на международную арену», Росмедиаком, 2007.

84 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 85–86; Советский спорт. 1955. 12 июля; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 132.

85 Советский спорт. 1955. 9 августа.

86 *Старостин А.* Флагман футбола. С. 103; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 111. Л. 1; *Нетто И.* Это футбол. С. 62; *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 67–68.

87 Сто лет российского футбола. С. 116.

88 *Нетто И.* Это футбол. С. 57.

89 Сто лет российского футбола. С. 110; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 129. Симонян был травмирован и не играл.

90 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 88; *Нетто И.* Это футбол. С. 57.

91 Сто лет российского футбола. С. 116. См.: German Football: History, Culture, Society / ed. by A. Tomlinson, Ch. Young. L., 2006; *Hesse-Lichtenberger U.* Tor: The Story of German Football. L., 2003.

92 *Eggersand E., Kneifl M.* "Wir sind die Eisbrecher von Adenauer gewesen": Das Fußball-Länderspiel Sowjetunion vs. BRD am August 21, 1955 in Moskau im Kontext der bundesdeutschen Außenpolitik // SportZeiten. 2006. 6 Jahrgang. Heft 1. P. 111–142.

93 Советский спорт. 1955. 8 декабря, 12 декабря, 22 декабря.

94 *Hosking G.* The First Socialist Society. P. 335; *Wolfe Th.* Governing Soviet Journalism: The Press and the Socialist Person after Stalin. Bloomington, IN, 2005. P. 108.

95 *Wolfe Th.* Governing Soviet Journalism. P. 180; *Taubman W.* Khrushchev: The Man and his Era. P. 279.

96 Интервью с Аркадием Галинским, Москва, 16 октября 1990; интервью с Геннадием Логофетом, Москва, 5 сентября 2000; *Edelman R.* Serious Fun. P. 179 (*Эдельман Р.* Серьезная забава. С. 265-266).

97 *Taubman W.* Khrushchev: The Man and his Era. P. 307; *Zubkova E.* Russia after the War. P. 171, 193; *Medvedev R., Medvedev Zh.* Khrushchev: A Political Biography. P. 73.

98 *Kozlov D.* Naming the Social Evil: The Readers of Novyi Mir and Vladimir Dudintsev's Not by Bread Alone, 1956–59 and Beyond // The Dilemmas of De-Stalinization. P. 80–90.

99 *Furst J.* The Arrival of Spring: Changes and Continuities in Soviet Youth Culture and Policy between Stalin and Khrushchev // The Dilemmas of De-Stalinization. P. 137.

100 *Read Ch.* The Making and Breaking of the Soviet System. P.160.

101 О жилищном вопросе в СССР см.: *Reid S.* The Meaning of Home: The Only Bit of the World You Can Have to Yourself // Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia / ed. by L. Siegelbaum. N. Y., 2006. P. 154–170; *Harris S.* "I Know the Secrets of My Neighbors": The Quest for Privacy in the Era of the Separate Apartment // Ibid. P. 171–190.

102 О советском автомобиле см.: *Siegelbaum L.* Cars for Comrades: The Life of the Soviet Automobile. Ithaca, 2008 (русский перевод:

Сигельбаум Л. Машины для товарищей: Биография советского автомобиля. М., 2011).

103 *Олещук Ю.* Футбольный обиход // Спорт-экспресс журнал. 2000. № 9. С. 102–105.

104 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 121. Л. 72–76.

105 Интервью с Джеймсом Риорданом, Чичестер, Великобритания, 31 августа 2000.

106 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 163. Л. 55.

107 Интервью с Борисом Назаровым, Москва, 6 октября 1990.

108 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 2000.

109 *Bourdieu P.* Program for a Sociology of Sport. P. 161.

110 *Lewin M.* The Soviet Century. P. 200.

111 Сто лет российского футбола. С. 115; *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 70.

112 Интервью с Джеймсом Риорданом, Чичестер, Великобритания, 31 августа 2000.

113 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 133.

114 Советский спорт. 1956. 5 мая.

115 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 133–135; Советский спорт. 1956. 26 июня, 8 сентября.

116 Советский спорт. 1956. 16 октября; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 134

117 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 94–97.

118 Сто лет российского футбола. С. 113.

119 Фрагмент исторического фильма, показанного на канале «Спорт Планета» (Russian Media Group), 11 марта 2007 года в перерыве игры «Динамо» — «Спартак».

120 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 563; *Ильин А.* Мы были первыми. С. 19.

121 *Пирогов В. А.* Футбол: Хроника, события, факты. С. 69.

8. Прощай, золотой век, 1957–1964 годы

1 *Bourdieu P.* Program for a Sociology of Sport. P. 160.

2 *Furst J.* The Arrival of Spring. P. 148–149; *Stites R.* Russian Popular Culture. P. 132.

3 *Соскин А.* Сергей Сальников. С. 8–9.

4 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 121. Л. 48.

5 Интервью с Джеймсом Риорданом, Чичестер, Великобритания, 31 августа 2000.

6 Два других более современных источника: *Нилин А.* Стрельцов: Человек без локтей. М., 2002; *Вартанян А.* Эдуард Стрельцов, насильник или жертва? М., 2001.

7 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 584; см. также: *Wilson J.* Behind the Curtain. P. 271.

8 Советский спорт. 1958. 22 июля; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 144, 146; *Нетто И.* Это футбол. С. 277.

9 Советский спорт. 1958. 24 октября, 2 ноября, 4 ноября, 11 ноября, 28 ноября.

10 *Черневич Г.*, *Школьников Е.* Динамо. С. 7; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 91.

11 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 146; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 91.
12 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 163. Л. 47–59; Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 121. Л. 88.
13 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 131.
14 *Goldblatt D.* The Ball Is Round. P. 357–395; *Bellos A.* Futebol: Soccer the Brazilian Way. N. Y., 2002.
15 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 122; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 11. Л. 45.
16 *Старостин А.* Флагман футбола. С. 107.
17 *Старостин А.* Флагман футбола. С. 110–111.
18 *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 41–48.
19 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 111. Л. 38.
20 *Нетто И.* Это футбол. С. 103, 108.
21 Там же. С. 103; Сто лет российскому футболу. С. 127.
22 *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 87; *Старостин А.* Флагман футбола. С. 167.
23 Юрий Севидов, цит. по д/ф «Николай Старостин — отец „Спартака"» (2002). См.: Youtube, 19 сент. 2015. URL: https:// www.youtube.com/watch?v=_9J08G0GGWk (дата обращения: 20.07.2024).
24 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 157–178.
25 Там же. С. 151–156; Советский спорт. 1957. 8 августа.
26 Советский спорт. 1959. 24 июля.
27 Советский спорт. 1959. 19 мая; *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 106–107, 111.
28 *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 113.
29 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 157–158.
30 Советский спорт. 1960. 18 апреля, 10 мая.
31 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 160.
32 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999.
33 *Goldblatt D.* The Ball Is Round. P. 269.
34 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 164; интервью с Джеймсом Риорданом, Чичестер, Великобритания, 31 августа 2000.
35 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва С. 560, 599, 621.
36 Советский спорт. 1961. 26 августа.
37 Советский спорт. 1961. 1 августа; *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 165; *Мержанов М.* Играет «Спартак». С. 113; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 142.
38 См. д/ф «Николай Старостин — отец „Спартака"» (2002) // Youtube, 19 сент. 2015. URL: https:// www.youtube.com/watch?v=_9J08G0GGWk (дата обращения: 20.07.2024).
39 Там же.
40 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.
41 *Старостин Н.* Мои футбольные годы. С. 13. Те же цифры за тот же период времени цитируются в его книге «Футбол сквозь годы» (С. 145).
42 Интервью с Геннадием Логофетом, Москва, 5 сентября 2000.
43 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001; интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 187–188.
44 *Нисенбойм Э.*, *Расинский В.* Спартак-Москва. С. 560.

45 Интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003.
46 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 2000.
47 Интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003.
48 Советский спорт. 1990. 28 апреля.
49 Телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.
50 Там же.
51 Интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 2000.
52 Интервью с Александром Вайнштейном, Москва, 8 декабря 1999.
53 *Alexeeva L.* The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era. Pittsburgh, 1990.
54 *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 101, 140, 190.
55 См. д/ф «Николай Старостин — отец „Спартака"», 2002 (https:// www.youtube.com/watch?v=_9J08G0GGWk (дата обращения: 20.07.2024)).
56 *Озеров Н.* Всю жизнь на синей птице. С. 64.
57 См. д/ф «Николай Старостин — отец „Спартака"» (2002) // Youtube, 19 сент. 2015. URL: https:// www.youtube.com/watch?v=_9J08G0GGWk (дата обращения: 20.07.2024); *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 192; интервью с Геннадием Логофетом, Москва, 5 сентября 2000; интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003.
58 *Radcliffe P.* The Revival of Associational Life under the Late Franco Regime: Neighborhood and Family Associations and the Social Origins of the Transition // Spain Transformed: The Franco Dictatorship, 1959–1975 / ed. by N. Townson. L., 2007.
59 См., например: *Archetti E.* Masculinities: Football, Polo and the Tango in Argentina. P. 161–172. Аркетти — антрополог, он записал большинство своих исследовательских интервью в кафе и барах.
60 *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 137; интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003.
61 Интервью с Борисом Назаровым, Москва, 6 октября 1990; интервью с Аркадием Галинским, Москва, 16 октября 1990.
62 См. д/ф «Николай Старостин — отец „Спартака"» (2002) // Youtube, 19 сент. 2015. URL: https:// www.youtube.com/watch?v=_9J08G0GGWk (дата обращения: 20.07.2024).
63 *Нетто И.* Это футбол. С. 139.
64 Вечерняя Москва. 1962. 19 ноября.
65 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 171–173.
66 Советский спорт. 1962. 20 ноября.

9. И жили они долго и переменчиво, 1964–1991 годы

1 *Noack Ch.* Coping with the Tourist: Planned and 'Wild' Mass Tourism on the Black Sea Coast // Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism. P. 282.
2 *Thompson W.* The Soviet Union under Brezhnev. L., 2003. P. 88.
3 *Bittner S. V.* The Many Lives of Khrushchev's Thaw. P. 221–229.
4 *Shlapentokh V.* Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era. Princeton, 1990. P. 117.
5 *Lewin M.* The Gorbachev Phenomenon. Berkeley, 1991. P. 80–81; *Thompson W.* The Soviet Union under Brezhnev. P. 107. См. также: *Arbatov G.* The System: An Insider's Life in Soviet Politics. N. Y., 1992.

6 *Thompson W.* The Soviet Union under Brezhnev P. 86; *Lewin M.* The Gorbachev Phenomenon. P. 43–56; *Kagarlitsky B.* The Dialectic of Change. N. Y., 1990. P. 285.

7 *Hosking G.* The Awakening of the Soviet Union. Cambridge, MA, 1990. P. 3; Recent Social Trends in Russia, 1960–1995 / ed. by I. Boutenko, K. Razlogov. Montreal, 1997. P. 99.

8 *Gordon L., Klopov E.* Man after Work: Social Problems of Daily Life and Leisure Time, Based on the Surveys of Workers' Time Budgets in Major Cities of the European Part of the UCCR / trans. by J. Bushnell, K. Bushnell. Moscow, 1975. P. 119–135; *Kerblay B.* Modern Soviet Society. P. 57–62.

9 *Mason T.* Association Football and British Society. P. 69–78; *Goldblatt D.* The Ball Is Round. P. 85–111; *Murray B.* The World's Game: A History of Soccer. P. 21–41.

10 Интервью с Леонидом Трахтенбергом, Москва, 11 октября 1990.

11 Советский спорт. 1970. 9 мая.

12 *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. P. 388, 453.

13 *Горянский И.* Евгений Ловчев: Биография в откровенных беседах. М., 2002. С. 32.

14 Советский спорт. 1966. 29 января.

15 Известия. 1974. 19 февраля.

16 Известия.1966. 4 апреля.

17 Советский спорт. 1970. 5 сентября.

18 *Edelman R.* Serious Fun. P. 166–169 (*Эдельман Р.* Серьезная забава. С. 248-252); *Roth-Ey K.* Finding a Home for Television in the USSR, 1950–1970 // Slavic Review. 2007. Vol. 66. No.. 2. P. 278–282.

19 *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More. P. 125, 208, 254 (*Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. С. 248, 408–409, 496).

20 См. Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

21 *Arbatov G.* The System: An Insider's Life in Soviet Politics. P. 86. Один из главных экспертов по США в СССР, Арбатов работал в ЦК в 1960-е в секции, где кроме него были и другие реформаторы. Он отмечал, что помимо политики футбол был одной из тем для неформальных бесед.

22 Советский спорт. 1969. 2 февраля.

23 Интервью с Аркадием Галинским, Москва, 16 октября 1990.

24 Советский спорт. 1972. 2 апреля.

25 Об отчетах спорткомитета о финансовых нарушениях в футболе 1974 г. см.: ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 33. Ед. хр. 121. Л. 29–32.

26 *Gorsuch A.E.* Time Travelers: Soviet Tourists in Eastern Europe // Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism. P. 205–226.

27 Советский спорт. 1967. 2 апреля; 1976. 18 декабря.

28 Сто лет российскому футболу. С. 124–175.

29 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 194; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? М., 1995. С. 163.

30 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 196.

31 Советский спорт. 1966. 10 декабря.

32 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 200–223.

33 *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 22–24.

34 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва С. 227.
35 Там же. С. 229. Советский спорт. 1969. 12 ноября.
36 Сто лет российского футбола. С. 150.
37 *Goldblatt D.* The Ball Is Round. P. 706; *Wilson J.* Behind the Curtain. P. 222; интервью с Борисом Назаровым, Москва, 6 октября 1990; Известия. 1966. 4 апреля; Советский спорт. 1969. 26 октября; *Старостин Н.* Мои футбольные годы. С. 30–33.
38 Интервью с Геннадием Логофетом, Москва, 5 сентября 2000; интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 2000; *Wilson J.* Behind the Curtain. P. 284.
39 *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 31–32.
40 *Goldblatt D.* The Ball Is Round. P. 542–605.
41 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 259–260 и 266.
42 *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 383.
43 Советский спорт. 1970. 5 сентября; 1973. 16 ноября.
44 Советский спорт. 1973. 29 марта; 1974. 24 декабря; *Черневич Г., Школьников Е.* Динамо. С. 65.
45 См. д/ф «Николай Старостин — отец „Спартака"» (2002) // Youtube, 19 сент. 2015. URL: https:// www.youtube.com/watch?v=_9J08G0GGWk (дата обращения: 20.07.2024); *Старостин Н.* Мои футбольные годы. С. 22; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 272.
46 *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 34.
47 Интервью с Геннадием Логофетом, Москва, 5 сентября 2000; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 274, 597. Согласно источникам российского журналиста Игоря Рабинера, Романцева обидели слова Ловчева в его адрес. См.: *Рабинер И.* Как убивали «Спартак»: Сенсационные подробности падения великого клуба. М., 2006. С. 53.
48 См. www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024). Результаты были таковы: Днепр — ЦСКА 1:0, Заря — Крылья Советов 1:0, Шахтер — Локомотив 1:0, Арарат — Торпедо 1:0, Только победа Черноморца над идущим последним минским Динамо 2:0 более ли менее точно отображала баланс сил между командами.
49 Известия. 1976. 26 сентября; *Старостин Н.* Мои футбольные годы. С. 23; *Горянский И.* Евгений Ловчев. С.36.
50 Вартанян вспоминает эти события в одной из своих статей. Он использует стенографический отчет встречи в футбольной федерации, который хранится в ГАРФе. См. также: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).
51 *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 384; *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 37; Известия. 1976. 16 ноября; Советский спорт. 1976. 20 ноября, 4 декабря.
52 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 33. Ед. хр. 170. Л. 111.
53 Там же. Л. 114.
54 Там же. Л. 9–12, 77–85; Ед. хр. 148. Л. 2, 25, 49, 60, 75; Ед. хр. 105. Л. 76–77.
55 ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 33. Ед. хр. 194. Л. 6.
56 *Старостин Н.* Мои футбольные годы. С. 23; *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 38; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 280.
57 *Нилин А.* Невозможный Бесков. М., 1989. С. 6.

58 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 709.

59 Там же. С. 280–286, 551, 597, 619, 625, 629, 651, 724, 749, 754, 760.

60 Практика драфта игроков в армейскую команду посреди их карьеры была распространена в течение долгого времени. Министр внутренних дел также мог заниматься призывом футболистов из других команд, однако делал это реже, нежели ЦСКА. Те же возможности были у киевского «Динамо», однако его власть распространялась в основном на Украину. См.: *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 364.

61 *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 38, 43; телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001.

62 Советский спорт. 1977. 7 ноября.

63 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 283–284; *Черневич Г., Школьников Е.* Динамо. С. 367–371. Цифры считались по журналистским отчетам. Это касалось посещаемости как хозяев, так и гостей. Нет причин подвергать сомнению корректность показателей, так же как и подозревать в пристрастности отдельных журналистов. Поскольку свидетелей этих событий были тысячи, эта часть советской статистики отличалась большей аккуратностью.

64 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 87; *Черневич Г., Школьников Е.* Динамо. С. 65; Сто лет российского футбола. С. 171; *Старостин Н.* Мои футбольные годы. С. 30–33; Комсомольская правда. 1978. 12 сентября.

65 См.: Аксель Вартанян // Спорт экспресс. 2020–2024. URL: www.sport-express.ru/author/aksel-vartanyan (дата обращения: 15.07.2024).

66 *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 55; *Симонян Н.* Футбол — только ли игра? С. 157.

67 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 558, 651.

68 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 623, 752; Мастер и мяч: Честный футбол Федора Черенкова. М., 2000.

69 *Goldblatt D.* The Ball Is Round. P. 588–589; *Прозументщиков М.* Большой спорт и большая политика. С. 371; *Wilson J.* Behind the Curtain. P. 14.

70 Интервью с Борисом Назаровым, Москва, 6 октября 1990; интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999.

71 *Рабинер И.* Как убивали «Спартак». С. 5.

72 *Gorbachev M.* Memoirs. N. Y., 1996. P. 171.

73 Ibid. P. 175.

74 *Edelman R.* Serious Fun. P. 231–236 (*Эдельман Р.* Серьезная забава. С. 337–344).

75 Советский спорт. 1990. 28 апреля.

76 *Нилин А.* Невозможный Бесков. С. 53.

77 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 362–363.

78 *Озеров Н.* Всю жизнь на синей птице. С. 269.

79 *Рабинер И.* Как убивали «Спартак». С. 45.

80 *Нилин А.* Невозможный Бесков. С. 73.

81 Сто лет российского футбола. С. 192; *Нилин А.* Невозможный Бесков. С. 70; интервью с Александром Вайнштейном, 2000.

82 Советский спорт. 1988. 29 декабря, 6 января; Комсомольская правда. 1989. 4 января.

83 Известия. 1989. 14 января.

84 *Рабинер И.* Как убивали «Спартак». С. 47–53.

85 Футбол-хоккей. 1989. № 12, № 14; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 377; интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003; Советский спорт. 1990. 28 апреля.

86 Советский спорт. 1989. 29 августа.

87 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 378.

88 Футбол-хоккей. 1989. № 19.

89 Там же; Известия. 1989. 27 июня; интервью с Николаем Старостиным, Москва, 25 сентября 1990.

90 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 400.

91 Домашние матчи на проводились на стадионе «Торпедо», вместимостью в 20 000.

92 Transit Spaces. Bauhaus Kolleg. V. Dessau, Ger., 2003.

93 Выставочные матчи, или товарищеские игры, упоминаются в официальной спартаковской истории. Такого рода игры включают предсезонные матчи, местные товарищеские встречи и матчи с иностранными командами — в СССР и за его пределами. В данном случае я обращаюсь именно к этой категории.

94 О становлении фан-движения см., например: Как зарождалось фан-движение «Спартака» в 1970-е // Фан-сектор «Фратия», 24 апр. 2021. URL: https://fratria. ru/novosti/fan-cektor/kak-zarozhdalos-fan-dvizhenie-spartaka-v-1970-e-04-24-2021 (дата обращения: 20.07.2024)..

95 Советский спорт. 1970. 4 августа.

96 Сто лет российского футбола. С. 162.

97 *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 48; Физкультура и спорт. 1989. № 1. С. 7.

98 Клуб болельщиков «Спартака», неофициальная программка к игре «Спартак» — «Ротор» (Волгоград), 24 сентября 1990.

99 Цит. по: Советский спорт. 1989. 8 июля.

100 Там же; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 320.

101 *Goldblatt D.* The Ball Is Round P. 543.

102 Los Angeles Times. 1987. 14 October; Футбольное обозрение (Гостелерадио, Первая программа). 1989. 24 октября; Советский спорт. 1987. 10 октября; 1988. 4 ноября; 1989. 22 апреля.

103 Футбол-хоккей. 1989. № 19.

104 Сто лет российского футбола. С. 133–141, 159.

105 Советский спорт. 1989. 30 июля.

106 Интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003; интервью с Борисом Назаровым, Москва, 6 октября 1990; телефонное интервью с Никитой Симоняном, Москва, 17 декабря 2001; интервью с Акселем Вартаняном, Москва, 6 декабря 1999.

107 Сто лет российского футбола. С. 149, 172–174, 200–205, 226–227.

108 Там же. С. 226; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 390.

109 Футбол. 1991. № 10; *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 402.

110 Советский спорт. 1991. 9 апреля.

111 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 286.

112 *Горянский И.* Евгений Ловчев. С. 28; интервью с Евгением Ловчевым, Москва, 15 сентября 2003; интервью с Геннадием Логофетом,

Москва, 5 сентября 2000; интервью с Аркадием Галинским, Москва, 16 октября 1990.

113 См. д/ф «Николай Старостин — отец „Спартака"» (2002) // Youtube, 19 сент. 2015. URL: https:// www.youtube.com/watch?v=_9J08G0GGWk (дата обращения: 20.07.2024..

114 *Рабинер И.* Как убивали «Спартак». С. 56, 60.

115 *Нисенбойм Э., Расинский В.* Спартак-Москва. С. 448–459. В 1995 году золотые медали завоевала северокавказская команда «Спартак» (Владикавказ), главной статьей бюджета чемпиона была нелегальная продажа спиртного.

116 *Wilson J.* Behind the Curtain. P. 294.

117 *Edelman R.* There Are No Rules on Planet Russia: Post-Soviet Spectator Sport // Consuming Russia: Popular Culture, Sex and Society since Gorbachev / ed. by A. Barker. Durham, NC, 1999. P. 217–238.

118 *Wilson J.* Behind the Curtain. P. 290.

Заключение

1 *Wilson J.* Behind the Curtain. P. 285; *Королёв С.* Как я стал болеть за «Спартак». М., 2008. С. 40.

2 *Huizinga J.* Homo Ludens: A study of the Play Element in Culture. L., 1970. P. 3 (русский перевод: *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий: Статьи по истории культуры. М., 2003. С. 13).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамян, Левон 14, 23–24, 173, 409[21]*
Аганбенян, Абел 347, 356
Аденауэр, Конрад 295–296
Акимов, Анатолий 97–98, 125–126, 132, 153, 162, 165, 170–171, 204, 209, 250, 254, 415[77], 418[68], 420[15], 421[41], 423[89], 424[97]
Алёшин, Павел 20, 167, 252, 425[12], 434[66]
Андерсон, Бенедикт (Anderson, Benedict) 176, 426[37]
Андропов, Юрий 345, 356
Анисимов, Владимир 245
Аньелли (Agnelli), *владельцы итальянского футбольного клуба «Ювентус»* 276
Аполлонов, Аркадий 244–246, 248–251, 256
Арбатов, Георгий 347, 442[21]
Аркадьев, Борис 164, 171, 183, 202–203, 229, 241, 257–258, 274, 357
Аркетти, Эдуардо (Archetti, Eduardo) 266, 410[11], 432[25], 435[7], 441[59]
Арнольд, Арнольд Григорьевич 286
Артемьев, Иван 63–64, 71, 75–79, 84–87, 94, 98, 107, 154, 165, 286
Артемьев, Петр 63, 71, 75, 77–78, 84–86, 94, 97–99, 104
Артемьев, Сергей 63, 71, 75, 77
Арутюнян, Сурен 352
Архангельский, Евгений 152, 179, 184
Ахматова, Анна 14, 270
Бабель, Исаак 83
Баруӯ, Илья 219, 377
Бахтин, Михаил 143
Башашкин, Анатолий 254, 277, 291, 296, 305
Берия, Лаврентий 12, 165–169, 171–172, 178, 183–184, 186–187, 202, 216–218, 224, 227–228, 239, 244, 249, 252, 258–259, 262, 264, 267, 273–275, 279–281, 287, 320, 427[51, 70], 431[3]
Бесков, Константин 84, 201, 203, 242, 256, 258, 292, 304, 319, 365–370, 372–375, 380–381, 392–395, 417[28], 444[81], 445[57]
Бистром, Эрик 205
Бласко, Грегорио 153
Блинков, Константин 78, 97
Блохин, Олег 368, 373
Бобров, Всеволод 202–203, 213, 235, 237, 250, 254, 257, 259, 277–278, 285
Боннелл, Виктория (Bonnell, Victoria) 49–50, 411[10], 413[41]
Брауэр, Дэниел (Brower, Daniel) 67, 412[25], 415[89]
Брежнев, Леонид 340, 343–344, 355–356, 409[4]
Бреннан, Дэн (Brennan, Dan) 292
Брэдли, Джозеф (Bradley, Joseph) 57, 411[10], 414[50]
Булгаков, Михаил 83
Булганин, Николай 307
Бурдаков, Семен 186, 216

* Верхними индексами указаны номера примечаний в затекстовом блоке.

Бурдьё, Пьер (Bourdieu, Pierre) 12, 31, 302, 336, 410[8, 12], 439[1]
Бухарин, Николай 101, 165

Ваньят, Юрий 210, 212, 219
Варламов, Иван 363
Вартанян, Аксель 10, 20, 95, 138, 140, 167, 197, 222, 279–281, 303, 325, 360, 419[1], 421[37, 45], 422[49, 73], 425[12], 426[44], 429[21], 430[51, 61], 431[86], 434[65], 436[32], 439[108, 6], 440[32], 441[46], 443[50], 444[70], 445[106]
Василевский, Казимир 158
Виноградовы, *братья* 64
Виттенберг (Вит), Александр 171, 206, 220
Вольрат, Альберт 205–210, 232
Воробьевы, *братья* 64
Ворошилов, Климент 250

Габен, Жан (Gabin, Jean; наст. имя Монкорже, Жан Алексиѝ, *фр*. Moncorgé, Jean-Alexis) 363
Гаврилов, Юрий 368–369, 372, 374, 377–378, 394
Галинский, Аркадий 274, 361, 397, 436[33], 438[96], 441[61], 442[23], 445[112]
Гарднер, Джо (Gardner, Joe) 294
Гарринча (Garrincha; наст. имя Франсиско дус Сантус, Мануэл, *португ*. Francisco dos Santos, Manuel) 317
Гирц, Клиффорд (Geertz, Clifford) 26, 142, 422[53]
Глазков, Георгий 170, 208, 257
Глисон, Эббот (Gleason, Abbott) 191
Гоглидзе, Сергей 216–217
Гоголь, Николай 331
Голдблатт, Дэвид (Goldblatt, David) 19, 325, 425[17], 440[14], 442[9], 440[37], 444[69], 445[101]
Голубевы, *братья* 64
Гомес, Агустин (Gómez de Segura Pagola, Agustín) 210, 233
Горбачев, Михаил 356, 375, 441[5], 444[72], 446[117]
Горелкин, Иван 169
Горький, Максим 201
Горюнов, Дмитрий 249
Горянов, Леонид 51, 62, 70–71, 413[28, 29, 31], 414[45, 48], 415[81, 76], 416[2, 7], 417[33], 418[55]
Гофман, Ирвинг (Goffman, Erving) 142
Грамши, Антонио (Gramsci, Antonio) 405, 410[12]
Гранаткин, Валентин 243, 285, 315, 432[10]
Грибов, Александр 61
Гришин, Виктор 365–366, 388
Громыко, Андрей 345
Гувер, Эдгар (Hoover, Edgar) 166
Гудовы, *братья* 64
Гуляев, Николай 293, 295–296, 303, 306, 315, 319, 321, 323, 357, 361–362
Гюбиев, Николай 67–68, 77–78

Дангулов, Абрам 210, 212, 232–235, 238–243, 254–256, 259–260, 277, 282–293, 319
Даниэль, Юлий 345–346
Даннинг, Эрик (Dunning, Eric) 143, 422[55], 429[27]
Данэм, Вера (Dunham, Vera) 196, 428[18]
Дасаев, Ринат 372, 381, 394
Даскин, Эрик (Duskin, Eric) 226, 428[15], 429[19], 431[1], 432[6]
Дементьев, Николай 205, 208, 229, 232, 240, 254, 278, 289, 313–314
Демпси, Джек (Dempsey, Jack; наст. имя Демпси, Уильям Харрисон, *англ*. Dempsey, William Harrison) 82
Джованьоли, Рафаэлло (Giovagnoli, Raffaello) 114
Джонс, Полли (Jones, Polly) 272–273
Дзержинский, Феликс 92
Ди Стефано, Альфредо (Di Stéfano, Alfredo) 396
Диди (Didi, наст. имя Перейра, Валдир, *португ*. Pereira, Valdir (Waldyr)) 317
Дикарев, Валерий 326, 329, 339
Дмитриев, Михаил 243–245
Дорохов, Александр 168
Дубинин, Виктор 228–229, 242
Дубровицкий, Валентин 245
Дудинцев, Владимир 298–299
Дюперрон, Георгий 41, 77

Евдокимов, Борис 63
Ежов, Николай 159, 165–166, 180

Елисеев, Евгений 104
Ельцин, Борис 401
Есенин, Константин 151, 198, 200, 208, 219, 362, 413[29], 416[1], 417[40], 418[52], 419[95], 425[23], 430[48], 432[21]
Есенин, Сергей 83, 151, 200

Жданов, Андрей 12, 169, 172, 224, 227
Житарев, Василий 48
Жмельков, Владислав 162, 165, 170, 179, 207, 254
Жуков, Георгий 307

Заславская, Татьяна 347
Зеликов, Александр 163
Зиновьев, Григорий 156, 166
Знаменская, Елена 178, 426[41]
Знаменский, Георгий 177, 179–180, 182, 286, 426[40]
Знаменский, Серафим 177–180, 182, 286, 426[40]
Зорин, Леонид 203

Ивакин, Валентин 312, 314, 321, 323
Иванов, Валентин 303, 325
Ильин, Владимир 287, 295–296
Ильин, Сергей 126
Исаев, Анатолий 277, 295, 304–305, 323
Исаков, Петр 78, 91, 97–99, 104, 107, 111, 113–114, 152, 181, 254, 425[25]

Кавазашвили, Анзор 331, 358
Каганович, Лазарь 307
Калашников, К., *работник отдела пропаганды и агитации* 244–247, 249–250
Каменев, Лев 110, 156
Канунников, Александр 62–64, 71, 86, 96
Канунников, Павел 62, 71, 78–79, 86, 88, 91, 96–99, 104, 107, 286
Кассиль, Лев 14, 147, 152, 338, 426[38]
Качалин, Гавриил 295, 305, 316
Квашнин, Константин 70, 75, 79, 86, 96–97, 125, 133–134, 152, 154, 163–164, 182, 211–213, 231, 233
Киз, Барбара (Keys, Barbara) 20, 129–130, 419[107], 426[43]
Киров, Сергей 121
Кнопова, Елена 172, 178
Коенкер, Дайан (Koenker, Diane) 71, 411[10, 11], 414[56], 416[100]
Козлов, Владимир 271,
Козлов, Михаил 75, 96, 117, 133–134, 409[4], 434[1], 435[20]
Колодный, Герман 207
Колосков, Вячеслав 376
Колтон, Тимоти (Colton, Timothy) 349, 414[59], 419[87], 434[3, 18], 436[32], 442[12]
Комптон, Денис (Compton, Denis) 122, 127, 134–135
Конов, Иван 207–208, 212–213, 240, 242, 244–245, 249–250, 252
Корнеев, Алексей 321, 323
Корнилов, Лавр 71
Косарев, Александр 110, 113–114, 116–117, 129–130, 145–146, 151, 154, 156–157, 159, 161–162, 165–166, 177, 180–182, 222
Космачёв, Иван 154–155, 424[94]
Косыгин, Алексей 345
Коткин, Стивен (Kotkin, Stephen) 190
Коэн, Стивен (Cohen, Stephen) 19, 267, 435[9],
Красников, Александр 125
Кривоносов, Серафим, 182
Крутиков, Анатолий 321, 323, 326, 339, 358, 363, 365–366
Куар (Couard), *центральный нападающий футбольного клуба «Рэсинг»*, 126
Кузин, Василий 211, 253, 281, 285–286
Кузнецов, Евгений 382
Купер, Саймон (Kuper, Simon) 24, 142, 246, 409[2, 3], 422[52]

Ла́нгара, Исидро (Lángara, Isidro) 150, 154
Ларчиков, Геннадий 392
Латышев, Николай 279, 291
Лебедев, Дмитрий 282
Леви, Бернар-Анри (Lévy, Bernard-Henri) 120, 122, 124
Левин, Моше (Lewin, Moshe) 94, 194, 226, 267–268, 303, 336, 418[59], 428[13], 429[19], 431[2], 432[8], 434[1], 435[5], 436[31], 439[110], 441[5], 442[6]
Леденёва, Алена 116, 419[105]
Ленин, Владимир 10, 52, 79–80, 95, 144

Леонтьев, Алексей 207, 430[51]
Леута, Станислав 86–87, 112, 114, 125, 181, 184
Лигачёв, Егор 404
Лихачёв, Иван 222, 240, 276
Лобановский, Валерий 362, 371–374, 376, 393–395
Ловчев, Евгений 331, 333–334, 358, 363, 370, 393, 397, 425[21], 435[25], 437[59], 441[45], 442[13], 443[46, 47], 444[66], 445[112]
Логи, Джимми (Logie, Jimmy) 291
Логофет, Геннадий 326, 328, 338–339, 357, 359–360, 365, 369, 371, 381, 393, 397, 437[59], 438[96], 440[42], 441[57], 443[47]
Локхарт (Локкарт), Роберт Брюс (Lockhart, Robert Bruce) 34–35, 44, 50, 53, 73
Луначарский, Анатолий 81, 416[14]

Макрейнольдс, Луиза (McReynolds, Louise) 19, 46, 411[2], 412[18], 413[33], 414[48], 417[26]
Маленков, Георгий 224, 227–228, 244–246, 249, 258
Малинин, Константин 165, 255–256, 264, 274, 297
Малофеев, Эдуард 382
Мамедов, Алекпер 287
Манцев, Василий 130
Марадона, Диего (Maradona, Diego) 395
Маслаченко, Владимир 327, 339, 350, 358
Маслёнкин, Анатолий 295, 312, 338, 363
Маслов, Виктор 325
Маслов, Дмитрий 94, 98
Маяковский, Владимир 83
Мейерхольд, Всеволод 200–201
Мержанов, Мартын 154, 202, 219, 221, 325, 420[15], 423[74], 429[32], 430[58], 431[81], 432[20], 433[34], 437[74], 438[84], 439[117], 440[27]
Мизгер, Станислав 86
Микоян, Анастас 157
Михальчук, Геннадий 205, 211–212, 253
Михеев, Николай 68, 77
Михоэлс, Соломон 225
Мозер, Иван 303–304, 313
Молотов, Вячеслав 121, 158, 172, 183–184, 307, 424[104]
Молчанов, Георгий 146
Морарь, Константин 249
Морозов, Николай 211, 233, 281
Морозов, Савва 43–44, 47, 53, 73
Мостовой, Александр 378, 384
Мошкарин, Владимир 296
Мошкаровы, *братья* 64
Мэттьюз, Стэнли (Matthews, Stanley) 43, 277, 412[24]

Назаров, Борис 138, 147, 302, 338, 383, 421[36], 439[107], 441[61], 443[37], 444[70], 445[106]
Нетто, Игорь 219, 253–258, 272, 277–278, 282–284, 289, 291–292, 294–296, 298, 301, 303, 306, 311, 313, 316, 318, 323, 327, 333, 338–339, 349, 357–358, 361, 377, 381, 383, 429[35], 431[74], 433[40], 438[86], 439[8], 440[20], 441[63]
Нилин, Александр 279, 439[6], 443[57], 444[76]
Ноак, Кристиан (Noack, Christian) 345, 441[1]

Огоньков, Михаил 295–296, 312–313, 316
Озеров, Николай 211–212, 334, 350, 379, 399, 437[75], 441[56], 444[78]
Олеша, Юрий 65, 83, 155, 333
Олещук, Юрий 136–137, 139, 147–148, 175–176, 198–199, 213, 221, 421[39, 34], 426[38], 428[76], 433[51], 439[103]
О'Мэлли, Уолтер (O'Malley, Walter) 218
Оруэлл, Джордж (Orwell, George) 12, 191, 192
Осянин, Николай 359, 363

Павленко, Владимир 368
Павлов, Иван 113–114
Павлов, Сергей 366
Пайчадзе, Борис 165, 170, 208, 239, 259
Парамонов, Алексей 211–213, 230, 233, 235–236, 240, 254, 277–278, 291–292, 296, 321, 323, 430[54], 432[29], 437[79]

Паршин, Николай 254, 294–296
Пастернак, Борис 308
Пасулько, Виктор 378–379
Пашинцев, Николай 96–97, 103, 111, 113
Пеле (Pelé; наст. имя Ду Насиме́нту, Э́дсон Ара́нтис, *португ.* Do Nascimento, Edson Arantes) 188, 316–317
Петренко, Иван 216
Петухов, Михаил 68
Пикфорд, Мэри (Pickford, Mary) 82
Пилкингтон, Хилари (Pilkington, Hilary) 269, 435[13],
Плучек, Валентин 144
Поддубный, Иван 83
Померанцев, Владимир 272
Понедельник, Виктор 376
Пономарёв, Александр 240
Попов, Петр 114, 164
Прокофьев, Валентин 97, 107
Прокофьев, Виктор 86, 88, 158, 180
Промыслов, Владимир 366
Протасов, Андрей 168
Протасов, Олег 382
Пушкаш, Ференц (Puskás, Ferenc) 295, 296

Рабинер, Игорь 20, 381, 443[47], 444[71], 445[84], 446[114]
Рабл, Блэр (Ruble, Blair) 55, 413[31], 414[50]
Радек, Карл 156
Радченко, Дмитрий 396
Райх, Зинаида 200–201
Рейнгольд, Валерий 323, 357
Риббентроп, Йоахим фон (Ribbentrop, Joachim von) 172, 184
Рики, Бранч (Branch, Rickey) 234
Робинсон, (Джеки) Джек (Robinson, Jack) 234
Роговский, Эдуард 248
Родионов, Сергей 394
Романов, Николай, *председатель Комитета по делам физической культуры и спорта* 256, 258, 273, 285, 337
Романцев, Олег 363, 368–369, 381–384, 394–395, 399–401
Ромм, Михаил 72, 92, 96, 140, 147, 151, 412[20], 413[27], 415[91], 416[101], 420[15], 423[74]
Рыжов, Иван 125
Рябоконь, Виктор 158, 180–181, 424[103]
Рябчиков, Дмитрий 357
Ряшенцев, Николай 366

Савдунин, Владимир 213, 242–244, 246
Савин, Сергей 254
Сагасти, Руперто (Sagasti, Ruperto) 210
Сальников, Сергей 205–207, 213, 220, 229–230, 232, 235, 237, 240–242, 244, 247–253, 255–256, 267, 272, 278, 284, 287, 293, 295–296, 301, 304, 311–312, 315–316, 321, 323–324, 326, 358, 433[56]
Саная, Вальтер 242
Санчес, Уго (Sánchez, Hugo) 396
Сахаров, Андрей 16, 346
Севидов, Юрий 323, 326, 338–339, 357
Сеглин, Анатолий 243, 246
Селин, Федор 98–99, 125
Семичастный, Михаил 244
Сергеев, Владимир 252
Сергеева, Галина 252
Сердюков, Василий 155
Сигельбаум, Льюис (Siegelbaum, Lewis) 20, 84, 409[1], 417[27], 420[3], 426[29, 34], 427[74], 438[101, 102]
Сидоров, Алексей 146
Симонян, Никита 12–13, 197, 209–210, 220–222, 227, 230, 232, 234–236, 238–240, 242, 244, 252, 254–257, 272, 278, 282, 284, 289–292, 294, 298, 301, 303–306, 311–317, 321–327, 329, 332, 334, 338–339, 357–359, 361, 369, 378, 387, 394, 401, 429[22, 33], 430[32, 34], 434[64], 435[25], 436[50], 437[59], 438[81, 89], 439[10], 440[37, 40], 441[49, 54], 442[29], 444[66], 445[106]
Синявский, Андрей 345
Синявский, Вадим 11, 192, 203, 212
Скотт, Джеймс (Scott, James) 33, 136, 421[33]
Смирнов, Василий 152
Смит, Адам (Smith, Adam) 402

Смит, Стивен (Smith, Stephen) 72, 411[11], 416[102]
Соколов, Алексей 162, 165, 170
Соколов, Василий 162, 165, 179, 204, 207, 213, 230, 232, 253, 256, 259, 277, 282, 290, 293, 367
Соколов, Виктор 132, 162, 165
Солженицын, Александр 16, 346
Соскин, Александр 252, 430[41], 433[56], 434[66], 438[81], 439[3]
Сталин, Василий 210, 217–218, 248, 250, 259, 277
Сталин, Иосиф 10, 12, 16, 24–26, 29, 101, 108, 112, 115, 121, 128, 141, 144–146, 155, 158, 164–165, 167, 176, 178, 181, 194–195, 200–201, 217, 225–226, 229–231, 244–245, 247, 258–262, 264, 267–274, 279–283, 285, 288, 293, 296–298, 335–336, 344, 400, 410[13], 420[5, 6], 421[46], 424[104], 431[83, 3]
Старостин, Александр 25, 65, 77, 84, 86, 97, 105, 107, 117–118, 125–126, 132, 154, 162–163, 165, 169, 216, 286, 300, 427[70], 436[52]
Старостин, Андрей 25, 29, 42–43, 46, 54, 59–61, 64–70, 72, 78, 82–83, 85, 91, 100, 102–103, 107, 115, 118, 125, 127, 150, 152–157, 160, 162, 164, 170, 172, 178–179, 182–185, 187, 207, 211, 216, 220, 230, 266, 272, 282–284, 287, 301, 321, 325, 332–333, 362–363, 366–367, 379, 393, 407, 412[20, 23], 413[36, 37, 38], 414[42, 68], 415[72, 75, 78], 416[3, 6, 20], 417[23, 24], 420[15], 423[80], 424[99], 428[6], 429[33], 430[56], 431[31], 435[25], 437[62, 66], 438[86], 440[16]
Старостины, *братья Николай, Александр, Андрей, Петр* 10, 25–26, 29, 31, 57, 60–62, 64, 67, 70–72, 82–84, 97, 100, 102, 104, 112–116, 121–122, 131, 133–134, 138, 157–159, 168, 171–172, 177–181, 183, 185–186, 188–189, 192, 205, 211, 214–215, 218–219, 241, 248, 260, 263, 274, 276, 281, 288, 298, 303, 305, 327, 331, 333, 397, 340–341, 344, 374, 400, 404–405, 407
Старостин, Дмитрий 60, 66–69
Старостин, Иван 67
Старостин, Николай 10, 25, 60–61, 64–71, 77, 79, 84–85, 88–89, 91–92, 94, 96–97, 99–100, 105–107, 112–114, 116–118, 121, 125, 128–132, 138, 145–146, 148–157, 159–162, 164, 167, 169, 171–172, 175–177, 179–186, 188–190, 211, 215–216, 218, 248, 253, 266, 274, 282, 284–289, 293–294, 296, 298, 301–302, 315–316, 319, 321, 323–335, 337–339, 343–344, 349, 351–353, 356–360, 362–363, 365–369, 371–372, 376, 378–381, 387–388, 393, 395, 398–403, 406, 412[25], 413[36, 38], 414[68], 415[87, 88, 92, 97], 416[7], 417[42], 418[53, 54], 419[98], 420[19, 22], 421[25, 30], 422[62, 70], 423[75, 85], 424[103, 105], 425[15, 25, 51, 68], 426[45], 427[68], 428[6], 429[34], 431[34], 432[26], 433[56], 437[67], 440[38, 41], 441[60, 62], 443[37, 45], 444[64], 445[89], 446[113]
Старостин, Петр 25, 60, 68, 92, 132, 165, 287, 436[52]
Старостин, Петр Иванович 60, 68, 71, 77, 182
Старостина, Клавдия 158
Старостина, Ольга 285, 301
Стаханов, Алексей 121
Стеблев, Василий 180–181
Стейнбреннер, Джордж (Steinbrenner, George) 166
Степанов, Владимир 22, 132, 153–154, 161, 165, 204–205, 211, 233, 241, 281, 285, 429[36]
Стрельцов, Эдуард 303, 305, 312–314, 316, 318, 325, 444[76]
Стрепихеев, Владимир 158, 179–180
Суслов, Михаил 224, 227–230, 249–251, 345
Сушков, А., *работник отдела пропаганды и агитации* 244–247, 249–251
Сушков, Михаил 91, 104, 124, 254, 412[25], 413[27], 417[46], 419[94], 420[9]

Тапи, Бернар (Tapie, Bernard) 396
Татушин, Борис 277–278, 291, 295–296, 305, 312–313, 316, 323
Терентьев, Виктор 212, 242, 254, 256
Тикстон, Павел 86

Тимаков, Олег 208, 253, 256, 277
Тимашев, Николай 120, 420[2]
Тито, Иосип Броз (Tito, Josip Broz) 258, 304
Тищенко, Николай 256
Трахтенберг, Леонид 10, 20, 377, 436[36], 442[10]
Трофимов, Василий 242
Троцкий, Лев 75, 101–102, 283
Тучкус, Владос 312

Устинов, Дмитрий 345
Утесов, Леонид 83, 221, 237, 338

Фадеев, Александр 83, 333
Федотов, Григорий 153–156, 184, 202
Фивебр, Антонин (Fivebr, Antonín) 132–133, 205, 232
Филатов, Лев 159–160, 170–171, 198–200, 208, 214, 217, 219–221, 232, 234–235, 240–241, 261, 284, 290, 294, 296, 325, 339, 362, 377, 381, 407, 424[107, 1], 425[19], 429[28], 430[40, 48], 431[76], 432[22, 25], 433[33, 41]
Фитцпатрик, Шейла (Fitzpatrick, Sheila) 12, 116, 418[87], 419[104], 420[6], 421[32], 428[11]
Фокин, Евгений 125
Фрумин, Лев 180
Фульда, Роман 45
Фурцева, Екатерина 312

Хаджи, Георге 396
Хайдин, Владимир 86
Харченко, Иван 155, 172, 176, 181
Хахамов А., *член КПСС* 245
Хёйзинга, Йохан (Huizinga, Johan) 405
Хербергер, (Зепп) Йозеф (Herberger, Joseph) 295–296, 405
Хесслер, Джули (Hessler, Jully) 225–226
Хидиятуллин, Вагиз 369, 381, 394
Холт, Ричард (Holt, Richard) 31, 37, 411[3]
Хомич, Алексей 203, 242
Хорнби, Ник (Hornby, Nick) 141, 262, 422[48]
Хрущев, Никита 24–25, 29–30, 262, 264, 267–268, 270–271, 273–274, 282, 288, 296–299, 302–303, 307–310, 318–320, 332–333, 335–336, 340, 344, 351, 367, 393, 409[4]
Хусаинов, Галимзян 326–327, 338–339, 357, 359, 363, 393

Чарнок, Гарри (Charnock, Harry) 43–44
Чепмен, Герберт (Chapman, Herbert) 123, 127
Черенков, Федор 372, 374, 379, 382, 384, 394–395
Черная, Ляля 102
Черненко, Константин 356, 375, 404
Чернышёв, Владимир 245, 256
Чесноков, Борис 36, 50–53, 63, 413[30]
Чудов, Михаил 158
Чулков, Федор 93–94

Шавгулидзе, Шота 168–169
Шавло, Сергей 368–369, 372, 377–378, 394
Шаталин, Станислав 347
Шевцов, Сергей 391
Шелягины, *братья* 64
Шиловский, Виктор 154
Шляпин, Юрий 380, 383–384, 392, 398–399
Шмаров, Валерий 378, 382–384, 396
Шоу, Артур (Shaw, Arthur) 291
Шток, Исидор 286, 363

Элиас, Норберт (Elias, Norbert) 199

Юрчак, Алексей 350–351

Ягода, Генрих 110
Яковлев, Александр 347
Якушин, Михаил 110, 118, 122, 126–127, 184, 203, 228–230, 257, 274–275, 279, 287, 314, 419[93], 420[8]
Яншин, Михаил 102–103, 115, 152, 156, 158, 220, 230, 278, 295, 338, 426[38]
Ярцев, Георгий 368–369
Яшин, Лев 230, 278, 287, 305, 318, 321, 349, 372

Научное издание

РОБЕРТ ЭДЕЛЬМАН

МОСКОВСКИЙ «СПАРТАК»: ИСТОРИЯ НАРОДНОЙ КОМАНДЫ В СТРАНЕ РАБОЧИХ

Редактор
А. Ю. Балакина

Корректор
М. С. Васильева

Дизайн
В. П. Вертинский

Верстка
М. Ю. Виноградова

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
e-mail: books@eupress.ru
тел.: +7 812 386 76 27
сайт и интернет-магазин издательства:
WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 22.10.2024.
Формат 60 × 90/16.
Усл. печ. л. 29,5.
Тираж 2000 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленным
оригинал-макетом в ООО «Типография „НП-Принт“»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7
www.np-print.ru

1924

Спортивный клуб «Красная Пресня» на Коломенском паровозостроительном заводе. В центре: Петр Исаков, Павел Канунников, Николай Старостин. 1924 год.
Архив семьи Старостиных

Спортивный клуб «Красная Пресня». Борис Баклашёв, Владимир Хайдин, Константин Блинков, Николай Старостин, Петр Артемьев, Станистав Леута, Павел Канунников, Петр Попов, Яков Евстигнеев, Петр Исаков, Иван Мошаров. 1924.
Архив семьи Старостиных

1930-Е

Андрей Старостин на тренировке.
Одесса. Конец 1930-х годов.
Архив семьи Старостиных

1933

Матч сборной Москвы. Николай Старостин, Иван Рыжов,
Виктор Дубинин, Андрей Старостин, Александр Старостин. 1933 год.
Архив семьи Старостиных

Секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косарев жмет руку мастеру спорта Николаю Старостину, приветствующему X съезд комсомола. 1936 год.
РГАКФФД

1936

«Спартак» — «Электрик». Кубок СССР. 1938 год.
РГАКФФД

1938

1940

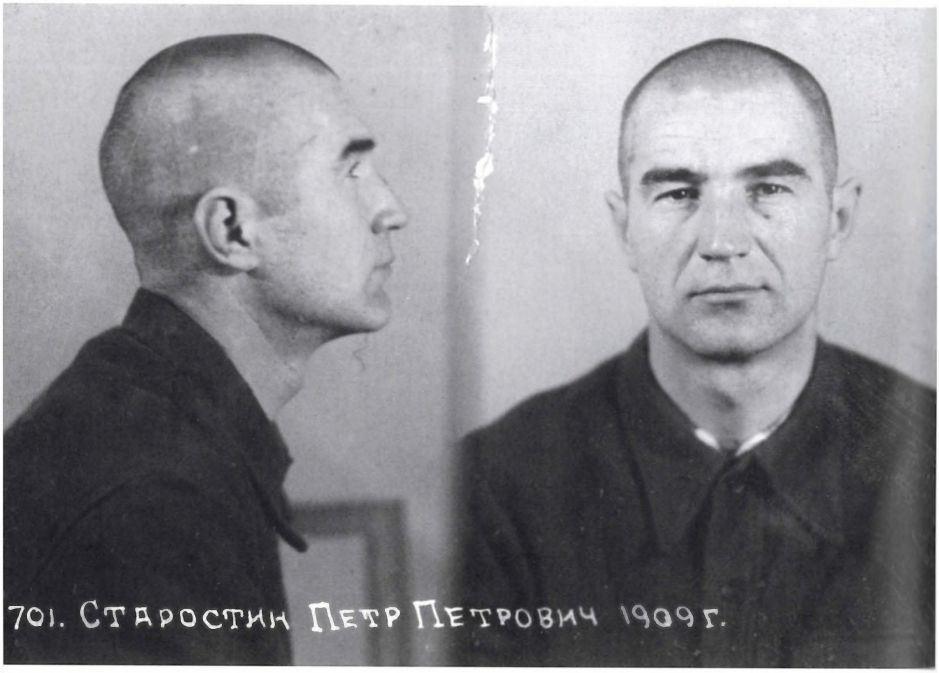
«Спартак» в Болгарии. 1940 год.
Архив семьи Старостиных

Николай Старостин
в ссылке. 1940-е годы.
Архив семьи Старостиных

1940-Е

Виктор Семенов на тактическом разборе. 1941 год. РГАКФФД

1941



Петр Старостин.
Следственное фото. 1942 год.
ЦА ФСБ

«Спартак» — команда воинской части тов. Иванова.
Стадион ЦДКА (Москва). 1942 год.
РГАКФФД

Абрам Дангулов на тренировке футбольного клуба «Крылья Советов». 1946 год.
РГАКФФД

1946

Стадион «Динамо». Норильск. 1946 год.
РГАКФФД

Николай Старостин в ссылке.
Начало 1950-х годов.
Архив семьи Старостиных

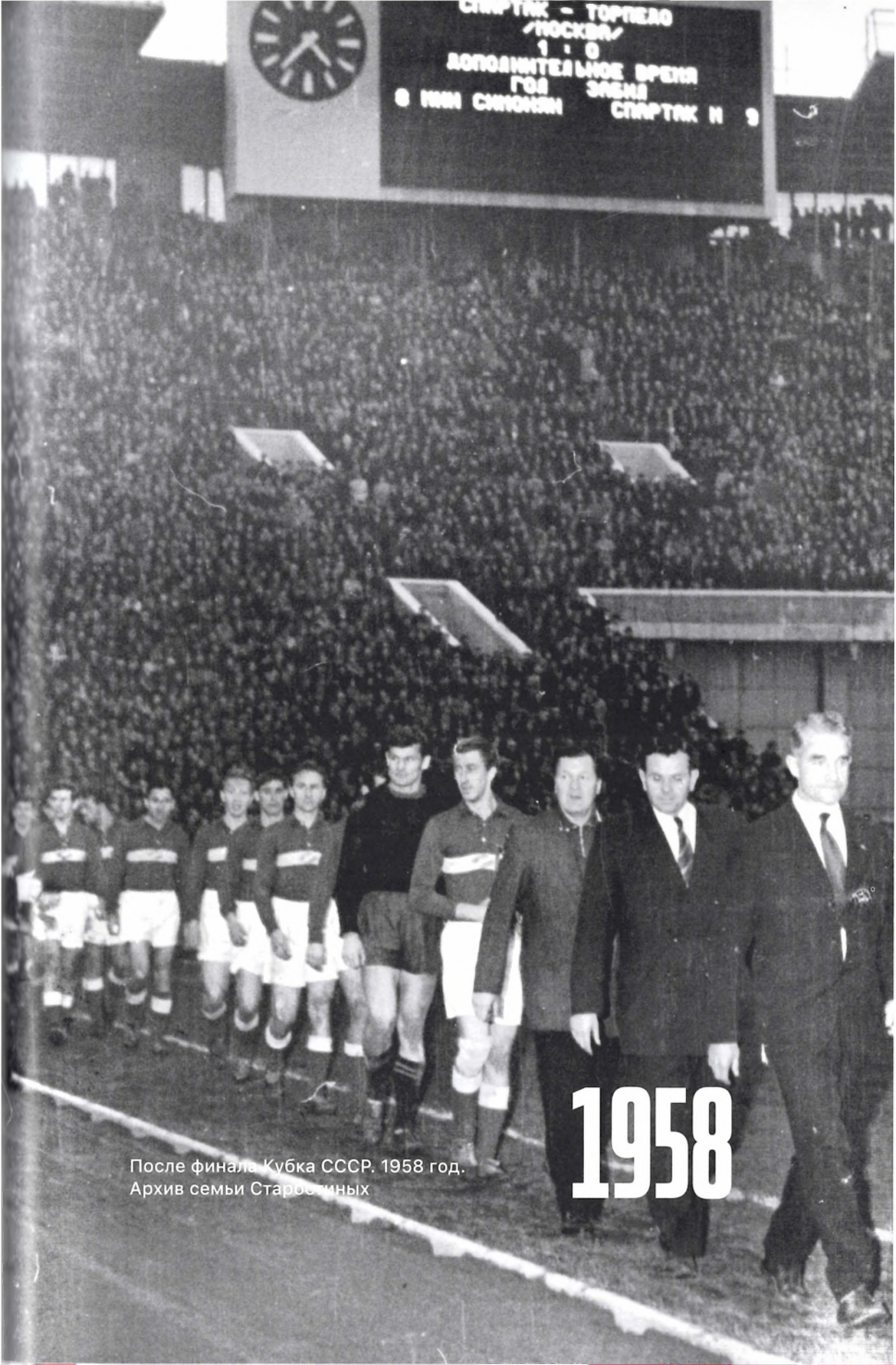
1950-Е

Николай Старостин, Николай Гуляев, Виктор Соколов, Игорь Нетто, Владос Тучкус, Сергей Сальников, Алексей Парамонов, Анатолий Маслёнкин, Михаил Огоньков, Никита Симонян, Анатолий Ильин. 1956. Архив семьи Старостиных

1956

1958

Николай Старостин, Валентин Ивакин, Анатолий Исаев, Николай Гуляев, Анатолий Ильин, Сергей Сальников, Михаил Огоньков, Никита Симонян (стоят); Борис Татушин, Эмерих Микулец, Николай Тищенко, Николай Паршин, Игорь Нетто, Анатолий Маслёнкин (сидят). 1958. Архив семьи Старостиных



1958

После финала Кубка СССР. 1958 год.
Архив семьи Старостиных

Чемпионская команда. Фотопортреты с автографами. 1962 год. Архив семьи Старостиных

1962

1968

Тарасовка. Виктор Папаев, Николай Старостин, Николай Осянин, Анатолий Крутиков, Владимир Янкин, Александр Гребнев, Геннадий Логофет, Сергей Рожков, Вячеслав Амбарцумян, Никита Симонян, Владимир Маслаченко (стоят); Владимир Лисицын, Джемал Силагадзе, Галимзян Хусаинов, Евгений Михайлин, Виктор Евлентьев, Николай Киселев, Владимир Петров (сидят). 1968 год. Архив семьи Старостиных

1971

Евгений Ловчев, Николай Киселев, Василий Калинов, Анатолий Исаев, Вячеслав Егорович, Ростислав Барсуков, Анзор Кавазашвили, Никита Симонян, Николай Старостин, Валерий Матвеев (стоят); Виктор Папаев, Виталий Мирзоев, Сергей Ольшанский, Геннадий Логофет, Галимзян Хусаинов, Николай Осянин, Джемал Силагадзе, Михаил Булгаков (сидят). 1971 год. Архив семьи Старостиных

На протяжении всего XX века футбол в России и СССР оставался «спорной территорией» — пространством, внутри которого формировались и сталкивались между собой разные политические и культурные идентичности. Глядя на футбольное поле, мы видим не только и не столько саму игру, — мы, следуя формуле антрополога Клиффорда Гирца, «рассказываем друг другу истории о самих себе». Книга американского исследователя Роберта Эдельмана «Московский "Спартак": История народной команды в стране рабочих» — первая на русском языке культурная история этого добровольного спортивного общества и его основателей — братьев Старостиных, — превративших футбол в форму рассказа об окружающей жизни.

В оформлении обложки использована фотография: «Спартак» — «Электрик». Кубок СССР. 1938 год. Из фонда РГАКФФД

Увлекательное исследование истории великого клуба и его места в культурном контексте. Пример того, как футбол может быть использован для анализа более широкого круга проблем.

ДЖОНАТАН УИЛСОН
журналист, историк футбола, автор книг «Революции на газоне» и «Непробиваемые»

Эта книга не только для любителей самой популярной в мире игры и болельщиков «Спартака». Рассказывая спартаковскую историю, Роберт Эдельман показал, как была устроена жизнь человека в СССР. Прочитав ее, вы, скорее всего, измените свое отношение к советской истории и футболу.

АМИРАН УРУШАДЗЕ
историк, декан факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге

Эта книга — разгромная победа Роберта Эдельмана и команды «Спартак» над рутиной, благоразумием и «профессионализмом».

ЮРИЙ СЛЁЗКИН
историк, этнолог, профессор Калифорнийского университета в Беркли

ISBN 978-5-94380-303-3